

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

В. Л. ЯНИН

АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
X-XV вв.

В ДВУХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА · 1970

В. Л. ЯНИН

АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ
ДРЕВНЕЙ РУСИ
X—XV вв.

Том I

Печати X—начала XIII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА · 1970

ВВЕДЕНИЕ

Вряд ли нуждается в особом обосновании важность сфрагистики, которая давно уже стала неотъемлемой частью актового источниковедения. С ее помощью успешно решаются постоянно встающие перед исследователями задачи установления подлинности, авторства и времени написания древних документов. Примеры удачного использования сфрагистических возможностей для решения практических вопросов дипломатики многочисленны. Однако содержание сфрагистики как специальной научной дисциплины отнюдь не сводится — вопреки распространенному представлению — к участию в дипломатической критике. Живое свидетельство этому — огромный материал русской сфрагистики X—XV вв., в котором вислые печати, сохранившиеся при документах, составляют каких-нибудь 7—8% общего числа зарегистрированных сейчас памятников. Настаивая на преобладании вспомогательной функции сфрагистики, мы вынуждены были бы признать не имеющей научной ценности всю массу печатей, обнаруженных не при документах, а в земле, или же видеть в ней лишь некий мощный фундамент для двух-трех десятков далеко не первостепенных дипломатических определений сравнительно поздних актов. Добавим к этому, что древнерусских ископаемых печатей известно сейчас около двух тысяч, и нам станет ясной искусственная ограниченность привычного определения содержания и задач сфрагистики.

Небольшие свинцовые кружки, много веков тому назад утратившие связь с безвозвратно погибшими документами, некогда ими удостоверенными, содержат в своих изображениях и надписях первоклассный познавательный материал, введение которого в исторические по-

строения способно прояснить многие важные проблемы и дать начало новым исследованиям. Наиболее значительной из этих проблем является история древних государственных институтов, эволюция которых отражается в изменениях типа печатей, в исчезновении или появлении новых типов и разрядов официальных булл и т. д. В самом деле, вислая печать, которая на Руси на всем протяжении своего существования была атрибутом власти, всегда сохраняет на себе свидетельство принадлежности государственной юрисдикции (или ее части) тому или иному политическому институту. Следовательно, сама классификация вислых печатей оказывается как бы зеркалом, отразившим состав и эволюцию тех органов власти, которым в разные столетия средневековой истории принадлежало на Руси исключительное право удостоверения официальных документов.

Такая постановка вопроса предъясняет исследователю ряд существенных требований, главнейшими из которых оказываются по возможности исчерпывающий сбор материала и исчерпывающая его классификация, являющиеся непрременным условием и хронологических определений, и атрибуции. Выборочное изучение памятников противоречит самому существу исследовательской методики, поскольку оставление за рамками исследования любого количества источников ведет к упрощенным выводам и неизбежным логическим искажениям.

Особенностью того раздела русской сфрагистики, который служит предметом настоящего исследования, является его историографическая молодость. Интерес к русским средневековым буллам впервые возник еще в XVIII в.

Рис. 1. Южный берег Сиверсова канала на Городище

и на протяжении целого столетия воспитывался исключительно на печатях, сохранившихся при подлинных актах. Таких печатей к настоящему времени известно всего лишь 163, и среди них нет ни одной домонгольской. В подавляющем большинстве эти буллы были введены в научный оборот в прошлом столетии, но их малочисленность и случайность подбора, определяемые случайностью сохранения до нашего времени подлинных средневековых актов, служили непреодолимым препятствием для создания научной классификации булл, что в свою очередь вело к неизбежному ограничению задач уже возникшей дисциплины, к превращению ее во второстепенный раздел дипломатики.

Сведения о первых находках ископаемых булл появляются лишь в конце XIX в., однако поворотным пунктом в развитии русской сфрагистики, несомненно, является открытие в самом начале нынешнего столетия главной сфрагистической сокровищницы Древней Руси — новгородского Городища, которое можно сравнить по своему значению лишь с открытием главной сокровищницы византийских булл — стамбульского Сераскиерата. Достаточно сказать, что за 65 лет на отмелях Городища было собрано свыше тысячи древнерусских свинцовых булл и интенсивность их притока не замирает по сей день. Воды Волхова, воз-

вращающегося после паводков в свои берега, ежегодно оставляют на городищенском песке до двух десятков древних моливдовулов (рис. 1).

Обилие печатей на Городище нуждается в объяснении, и это объяснение несложно. Общеизвестно, что Городище на протяжении всего периода существования Новгородской республики было главной резиденцией князя и его аппарата. Комплекс построек княжеского двора включал в свой состав и архив, единственным материальным остатком которого оказываются многочисленные буллы. Топография княжеского Городища не исследована и, по-видимому, в целом не восстанавливаема. Обращение к планам середины XVIII в. показывает, что современный рельеф этого памятника — результат грандиозных в его масштабе работ, нарушивших стратиграфию древних слоев на самом важном участке княжеского поселка.

Первоначально Городище занимало большую площадь, ограниченную на западе берегом Волхова, а на юге — истоком Волховца, переходя на востоке в посад, который упирался в излучину Волховца. В 1797—1802 гг. мыс Городища был прорезан Сиверсовым (Мстинским) каналом, русло которого уничтожило сохранившиеся в земле остатки архива. Древнее русло Волховца (ныне существующие протоки к югу от Городища и речка Спасовка) обмелело, а основной его ис-

ток пробил себе дорогу к северу от Городища. Выброс из канала образовал мощный вал по его южному берегу. Этот вал и является теперь «сфрагистической кладовой», хотя отдельные буллы встречаются и на северном берегу канала. В 1965 г. Новгородская археологическая экспедиция МГУ и АН СССР провела шурфовку на обоих берегах Сиверсова канала в надежде обнаружить непо потревоженные слои с остатками архива, однако попытка была неудачной: все городищенские печати, по видимому, происходят из слоев вторичного залегания. Любопытно отметить, что сборы печатей каждый год демонстрируют существование определенных закономерностей расположения булл даже во вторичном залегании. Как правило, рядом обнаруживаются одинаковые или, во всяком случае, очень близкие по времени печати. Очевидно, что лопаты землекопов XVIII в. переносили с одного места на другое группы систематизированных булл. Иными словами, до прорытия канала остатки архива в земле в целом сохраняли еще известный порядок архивного расположения документов.

Основные существующие сейчас сфрагистические коллекции включают в себя большие массы городищенских материалов. Поэтому небезынтересно познакомиться с историей их собиранья, отражающей историю собиранья городищенских булл.

Главное накопление материалов связано с именем основоположника советской сфрагистики Н. П. Лихачева, который первым всерьез заинтересовался необычными сборами на Городище. С первых годов XX в. до 1917 г. Н. П. Лихачев был здесь собирателем-монополистом. Лишь отдельные находки проходили мимо его рук, образовав крохотные собрания М. И. Полянского, В. С. Передольского, И. С. Остроухова и Новгородского музея. Всего за эти годы им было собрано до 600 древнерусских булл, в основном городищенского происхождения. Н. П. Лихачев опирался на целую сеть новгородских агентов, щедро оплачивая любые находки, и связи с этими агентами не утратил и в послереволюционные годы, когда к активному собиранью печатей приступил Новгородский музей. К моменту кончины Н. П. Лихачева в 1936 г. его собрание русских мелидовулов включало до 700 номеров. Уже эта цифра показывает значение лихачевской коллекции, которая и сегодня остается главным источником любых сфрагистических построений.

Судьба этой коллекции была сложной и причудливой. В 1925 г. Н. П. Лихачев пере-

дал организованный им Музей палеографии, включавший в свой состав и сфрагистические собрания, в ведение Академии наук СССР и был назначен его директором. В конце 20-х годов, когда будущее этого музея сделалось до крайности неопределенным, жемчужины русского собиранья (190 лучших булл) были изъяты из него и переданы на сохранение академику Н. К. Никольскому. Вместе с научным архивом последнего они после его смерти (1936 г.) попали в Библиотеку АН СССР, которая в 1959 г. передала эту часть собиранья в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа. Тем временем основная часть собиранья, унаследованная от Музея палеографии Институтом истории АН СССР, в свою очередь подверглась разделу. Приблизительно половина русской коллекции вместе с громадным собранием византийских печатей в 1939 г. перешла в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, а оттуда — частями, в 1954, 1963 и 1964 гг., — в Отдел нумизматики того же музея. Остатки коллекции сохранялись в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, откуда в начале 1967 г. они также были переданы в Отдел нумизматики Эрмитажа, воссоединивший, наконец, это несравненное собрание. Пока не удастся отыскать около трех десятков известных по литературе булл, однако все они принадлежат к числу маловажных фрагментов и, нужно надеяться, еще будут выявлены при окончательной систематизации византийских печатей той же коллекции.

Заметным недостатком лихачевского собиранья является отсутствие точной документации его материалов. Паспорта печатей ограничены указанием общего места находки: «Новгород», «Киев» и т. д. Однако очевидно, что подавляющее большинство булл происходит из Новгорода, а подавляющее большинство новгородских булл — с Городища. Между городищенскими печатями и печатями, найденными в самом Новгороде, существует явная фактурная разница, происходящая от разницы почвенных режимов их сохранения.

Собрание Отдела нумизматики Эрмитажа по существу тождественно собиранью Н. П. Лихачева. Кроме этой коллекции в него входят лишь немногочисленные буллы, принадлежавшие раньше С. Г. Строганову, И. И. Толстому, Ф. М. Плюшкину, и единичные случайные поступления.

Вторым по значению сфрагистическим собранием является коллекция Новгородского музея. В дореволюционное время этой коллекции еще не существовало: музей был владель-

цем всего лишь семи булл. Активное собирание печатей (в первую очередь на Городище) началось в 1920 г. с приходом в Новгородский музей Н. Г. Порфиридова. На протяжении 1920—1940 гг. новгородское собрание достигло внушительной цифры в 110 экземпляров. Война поглотила это собрание (утрачено лишь несколько булл из довоенных находок), однако она уничтожила вместе с инвентарными книгами всю паспортизацию материалов. Эта утрата отчасти восполняется для 1920—1930 гг. перепиской Н. Г. Порфиридова с Н. П. Лихачевым, хранящейся в Архиве АН СССР (Ленинград) и содержащей подробную информацию обо всех новых приобретениях музея.

Как уже отмечено, значительная часть новых находок вплоть до 1935 г. продолжала поступать и к Н. П. Лихачеву. Его комиссионеры действовали в ущерб интересам местного музея, но это еще было бы полбеды, если бы они, теряя время от времени связь с маститым собирателем, не продавали свои находки в третьи руки. В 1918 г. партию печатей приобрел Музей Штиглица (они затем перешли в Эрмитаж), в 1920-х годах несколько печатей (теперь утраченных) приобрел П. И. Юкин, в 1930-х годах ряд покупок сделал в Новгороде Н. В. Гудков-Беляков (его коллекция теперь в московском Государственном Историческом музее), образуются небольшие коллекции К. В. Федорова, М. Е. Калинина (ныне утраченные) и М. А. Ковалева (частично сохранившаяся в тех же руках). Мы перечислили только известные нам собрания, но и их судьба в целом показательна: вошедшие в них и отторгнутые от основного комплекса предметы подверглись всем превратностям частного собирательства и в ряде случаев потеряны для науки.

Война прервала собирательскую деятельность музея. Десятки булл в эти годы были смыты на дно канала, и их можно только оплакивать. Но уже в 1946 г. пополнение коллекции возобновляется и продолжается до сегодняшнего дня, когда это собрание насчитывает около 250 булл. Известная опасность для научной фиксации новых находок возникла в начале 1960-х годов, когда печати появились на антикварном рынке и на время привлекли к себе внимание местных коллекционеров. Нужно сказать, что известная доля вины в этом принадлежит Новгородскому музею, который после ухода Н. Г. Порфиридова, несмотря на в целом хорошие результаты, пополнял коллекцию пассивно, приобретая лишь те материалы, которые сами шли в руки. Полезную деятельность в этот момент развил Г. М. Штен-

дер, который выменял находившиеся в частных руках буллы на монеты, принеся в жертву собственную коллекцию, и смог вернуть интересы местных собирателей в привычное русло нумизматики. Эти печати были переданы им Новгородской археологической экспедиции, активно собиравшей, начиная с 1962 г., буллы на Городище. В 1962—1967 гг. экспедиция обнаружила здесь свыше 80 моливдувулов и передала сборы 1962—1965 гг. в московский Государственный Исторический музей, а сборы 1966—1967 гг. — в Новгородский музей.

С 1964 г. судьба городищенских находок перестала внушать какие-либо опасения, чем мы обязаны энтузиазму молодого сотрудника Новгородской археологической экспедиции МГУ, теперь сотруднику Новгородского музея Н. П. Пахомову. Талантливый археолог Н. П. Пахомов все свободное время проводит на Городище, где ему удалось обнаружить уже больше 50 древних печатей. Поразительны случаи, когда в разные годы он отыскивал разные фрагменты одной и той же буллы, что свидетельствует о высокой точности его работы, требующей не только постоянного энтузиазма, но и острого глаза.

Третьим крупнейшим собранием древнерусских булл является коллекция Отдела нумизматики Государственного Исторического музея в Москве. Она образовалась из разновременных мелких поступлений и насчитывает сейчас около 200 древнерусских булл. Ее основу составляет собрание Новгородской археологической экспедиции (свыше 130 булл). Как уже отмечено, в составе этого собрания имеются материалы из сборов на Городище (около 60 печатей), однако не они придают особую ценность коллекции. Ее важнейшее преимущество перед другими собраниями составляют многочисленные печати, найденные в ходе систематических раскопок в Новгороде. Это единственная группа древнерусских ископаемых булл, имеющих точные стратиграфические характеристики и, следовательно, образующих комплекс с внутренней относительно-хронологической шкалой.

Мы не намереваемся так же подробно излагать сведения о других, более мелких фрагментальных собраниях. Они существуют в Киеве, Львове, Пскове. К сожалению, перечень южнорусских коллекций неизбежно превращается в мартиролог, потому что именно эти собрания понесли невосполнимый урон в ходе войны. Однако и перечень крупнейших собраний был бы неполон, если не упомянуть сенсационную находку огромного комплекса

псковских печатей второй половины XV — начала XVI в. при раскопках 1961—1962 гг. в Довмонтове городе. Этот комплекс, насчитывающий свыше 500 булл, еще не издан. Печатные сведения о нем кратки и порой противоречивы. Хранится он в Отделе истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

До сих пор мы касались лишь вопроса о сфрагистическом собирательстве. Переходя к проблемам публикации накопленных материалов, отметим с самого начала, что список сфрагистических публикаций в русской и советской литературе крайне невелик и этому есть свои причины и свое оправдание. Первоначальное накопление материалов было стремительным: уже первые пятнадцать лет собирательской деятельности Н. П. Лихачева привели к образованию коллекции из 600 древнерусских печатей, к которым с самого начала добавились буллы подлинных актов и материалы других собраний. Это обстоятельство уже в первые годы существования древнерусской сфрагистики как научной дисциплины создало настоятельную потребность в своде сфрагистических памятников Древней Руси, а не в публикации отдельных, хотя бы и ярких, документов сфрагистики.

Потребность в своде обнаружилась по существу еще в самом начале XX столетия, когда М. И. Полянский и Н. И. Петровым были приняты и первые попытки обобщить известные к тому времени материалы новгородского и южнорусского происхождения¹. Обе попытки нельзя признать удачными: крайняя ограниченность привлеченного материала лишала его издателей возможности хотя бы элементарно систематизировать свои источники. Однако уже в начале XX в. работа по подготовке сфрагистического свода активизируется, когда за нее в 1904 г. взялся крупнейший знаток вспомогательных исторических дисциплин и выдающийся собиратель древнерусских булл Н. П. Лихачев. В содружестве с А. В. Орешниковым он в 1904—1917 гг. подготовил к из-

данию фототипический альбом, в котором на 57 таблицах «русской части» было воспроизведено 914 древних предметов, в том числе около 700 древнерусских актовых печатей (остальные предметы — товарные пломбы, заготовки, византийские аналогии, подвески и т. д.)².

«Сфрагистический альбом» не лишен недостатков и главный из них — хаотичность изложения материала. Таблицы формировались и печатались по мере пополнения коллекции автора или получения слепков из архивов, музеев и частных собраний. Печати, уже опубликованные где-либо, исключались, так как основной задачей Н. П. Лихачева было ввести в научный оборот как можно больше свежего материала. Предполагалось, что хаотичность изложения можно будет преодолеть в тексте издания, ценность которого искупала любые структурные недочеты. Однако издание «Альбома» так и не было осуществлено. Его печатание остановилось в 1917 г. из-за трудностей переживаемого страной времени. В дальнейшем «Сфрагистический альбом» Н. П. Лихачева, сохраняя значение одной из главнейших основ любой работы в области древнерусской сфрагистики, мог быть использован не как задуманное его автором издание, а лишь как архивный документ.

Систематизационные идеи Н. П. Лихачева были частично изложены им в двух выпусках «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики», опубликованных в 1928 и 1930 гг.³ Фактически был издан только первый выпуск этого труда. Тираж второго выпуска почти полностью погиб до встречи с читателем. До последнего времени предполагалось, что от этой гибели уцелело не больше десятка экземпляров, однако в 1963 г. нам удалось обнаружить свыше 50 экземпляров книги Н. П. Лихачева в фондах Библиотеки АН СССР (Ленинград). «Материалы» представляют собой серию этюдов, посвященных отдельным группам домонгольских печатей, объединенную единой концепцией. Третий выпуск, не заверченный автором, существует в виде рукописи и посвящен сфрагистике XIII—XV вв.⁴ При всей эскизности «Материалов» Н. П. Лихачеву удалось заложить в них прочные

¹ М. И. Полянский. Сфрагистика по памятникам захоронения в селе Городище Новгородского уезда. «Волховский листок», № 10, 1903; он же. Новгородские вислые печати княжне, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких. «Волховский листок», № 93 и 94, 1903. Обе статьи перепечатаны в кн.: М. И. Полянский. Новгородская памятка для туристов. Изд. 2-е. Новгород, 1908, стр. 1—6, 231—266 (вторая статья здесь озаглавлена: «О новгородских гербах и печатях»); Н. Петров. Южнорусские металлические и вислые печати дотатарского периода. «Труды Киевской духовной академии», Киев, 1913, № 5.

² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444. Об истории подготовки «Альбома» см.: В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева. СА, 1962, № 2, стр. 10—16.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. «Труды Музея палеографии», т. 1. Л., 1928; вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930.

⁴ Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 123.

основы научной сфрагистики. Исследователь выделил основные группы древнерусских булл, дал им общую хронологическую характеристику, предложил аргументированную принципиальную атрибуцию наиболее существенных категорий вислых печатей, впервые проследив главные пути развития сфрагистических типов. Менее удачны, на наш взгляд, его выводы, касающиеся персональной атрибуции различных типов, поскольку им анализировался не весь известный даже к тому времени материал, а наиболее сохранные и эффектные экземпляры. Однако и здесь многие определения Н. П. Лихачева бесспорны. Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что в процессе работы над «Материалами» Н. П. Лихачев включил в них значительное количество вновь найденных булл, которые были зафиксированы уже после 1917 г. и потому не нашли отражения в «Сфрагистическом альбоме». Число таких булл достигает нескольких десятков.

В последние годы жизни Н. П. Лихачев успел полностью завершить работу над текстом «Сфрагистического альбома», который, по мысли автора, должен был составить четвертый выпуск его «Материалов». К сожалению, в этой работе, также оставшейся неизданной⁵, первоначальный замысел ее автора не нашел воплощения. В тексте «Альбома» предпринято последовательное описание таблиц без попытки классифицировать материал в соответствии с теми идеями, которые были высказаны в первых двух выпусках «Материалов». Результатом оказался не систематизированный свод, а зависимый от случайной очередности воспроизведенных на таблицах печатей комментарий. Первоначальная хаотичность издания так и не была преодолена, причиной чему, вне всякого сомнения, явились тяжелые условия создания этого труда на пороге близкой кончины исследователя.

После смерти Н. П. Лихачева (14 апреля 1936 г.) подготовка сфрагистического свода на долгое время приостановилась. Заслуживает внимания публикация А. С. Орловым «Материалов для библиографии русских печатей XI—XV вв.», обобщившая литературные сведения об изданных к середине 1930-х годов буллах⁶. Однако этой публикации не хватает

должной полноты, некоторые сведения взяты не из первых рук, в сводке не нашли отражения как фактически не изданные ни второй выпуск «Материалов», ни «Сфрагистический альбом» Н. П. Лихачева. А это значит, что в нее вошла лишь малая часть действительно собранного к моменту ее издания материала.

Между тем на протяжении последних 25—30 лет количество новых находок неизменно росло. Сфрагистические собрания из года в год пополнялись новыми поступлениями из случайных находок и раскопок. На протяжении 30-х — 50-х годов возникли выдающиеся сфрагистические коллекции Новгородского музея и Новгородской археологической экспедиции⁷. Значительно пополнились собрания центральных и областных музеев. Быстрое накопление новых материалов, нуждающихся в обработке и издании, снова с большой остротой поставило перед сфрагистикой вопрос о приведении в порядок ее сокровищ. И не случайно возобновление публикационной деятельности приобрело очевидные черты целенаправленной и систематической работы по подготовке к изданию сфрагистического свода, которая в большей или меньшей степени коснулась почти всех основных групп древнерусских печатей X—XV вв.; многие из них были изданы в виде частных сводов.

Только в результате этой работы сделалось, наконец, возможным составление корпуса русских средневековых печатей, предлагаемого теперь читателю. Изучение древних печатей в музеях и архивах Ленинграда, Москвы, Киева, Львова, Новгорода, Риги, Пскова, Смоленска, сбор литературных сведений и переписка с многочисленными советскими и зарубежными археологами и краеведами позволили нам зафиксировать 1648 русских печатей X—XV вв. (в это число не входят буллы, найденные при раскопках Довмонтова города в Пскове), т. е. в два раза больше, чем в воспроизведениях «Сфрагистического альбома». Много сведений принесли автору общению и переписка с музейными работниками и археологами, поддержавшими кропотливое дело составления свода неизменной готовностью в предоставлении нужных сведений. Автор выражает сердечную признательность Д. А. Авдусину, А. В. Арциховскому, Б. А. Рыбакову (Москва), А. В. Банк, В. Д. Белецкому, С. Н. Валку, М. К. Каргеру, Г. Ф.

⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444.

⁶ А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей XI—XV вв., до 1425 г. «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937, стр. 245—283. Работа переиздана в кн.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 183—216.

⁷ Часть коллекции Новгородской экспедиции издана. См.: В. Л. Яким. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, 1956, стр. 138—163; *оп же*. Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65, 1959, стр. 303—309.

Корзухиной, Н. Г. Порфиридову, П. А. Раппопорту, М. П. Сотниковой, И. Г. Спасскому, В. С. Шандровской (Ленинград), В. А. Анохицу, Д. И. Блительду, В. А. Богусевичу, В. Н. Даниленке, В. И. Довженку, Р. А. Юре (Киев), А. А. Ратичу (Львов), Г. В. Штыкову (Минск), Н. П. Гориной, А. Иванову, М. А. Ковалеву, А. П. Микуличу, Н. П. Пахомову, Л. И. Петровой, В. Н. Суховарову, А. Шарову, Г. М. Штендеру (Новгород), И. К. Голуновой (Псков), В. Лорану (Париж), А. В. Соловьеву (Женева), З. Варталовской (Варшава), И. Барня (Бухарест).

Некоторое количество неизвестных ранее печатей было извлечено из коллекций Н. П. Ляхачева. Эти буллы не воспроизведены в «Сфрагистическом альбоме» как дублирующие уже изданные по лучшим экземплярам типы. Однако мы придерживаемся твердого мнения о том, что в сфрагистике так называемый «дублетный экземпляр» имеет не меньшую ценность, чем уникальный. Полное прочтение некоторых надписей и восстановление штемпеля возможны иногда лишь путем сопоставления нескольких экземпляров, а для атрибуции печати далеко не безразлично, что одни буллы встречаются в 15—20 экземплярах, а другие представлены только единичными образцами.

Кроме сбора сведений о новых экземплярах была проведена значительная и трудоемкая работа по сличению матриц, выявившая тождественные матрицы там, где прежние исследователи видели несходные буллы. Эта работа позволила также установить прямые аналогии многим обломкам и экземплярам плохой сохранности в хорошо читаемом материале.

Большой объем собранных материалов и их хронологическая пестрота делают целесообразным деление массы печатей на несколько групп. Первый том настоящей работы посвящен древнейшей из этих групп — буллам, употреблявшимся на протяжении домонгольского периода. Их число достигает 746 (в том числе 24 найдены в 1968—1969 гг.; они помещены в приложении к тому). Разаумеется, поздний хронологический рубеж группы может быть определен лишь приблизительно. Некоторые печати, бытовавшие в первой половине XIII в., употреблялись и до, и после татаро-монгольского нашествия. С другой стороны, существенные особенности типа, характерные для второй половины XIII в., складываются уже во второй четверти XIII в. Поэтому в основном изложение материала доведено здесь до 1220-х годов, хотя имеются и некоторые исключения, датирующиеся более поздним временем — вплоть до середины XIII в.

Второй том посвящен сфрагистике Новгорода XIII—XV вв. В нем сообщены сведения о 797 буллах периода развитой Новгородской республики. Среди них 18 печатей, обнаруженных в 1968—1969 гг., издаются в приложении к тому.

Продолжением начатого издания мог бы служить особый — третий том, посвященный сфрагистике Пскова, Смоленска, Полоцка и Москвы. Однако работу над ним приходится отложить до опубликования псковской находки 1961—1962 гг., заключающей в себе основной существующий сейчас фонд вислых печатей Пскова второй половины XV — начала XVI в.

Особой темой русской домонгольской сфрагистики, не рассматриваемой в настоящей работе, являются так называемые пломбы дрогичинского типа — маленькие свинцовые печати, оттиснутые, как правило, крайне небрежно. Таких пломб в разных собраниях насчитывается сейчас несколько тысяч. Они до сих пор никем не изучены и не систематизированы, а их характеристика сложна. Какая-то часть этих пломб вызвана к жизни специфическими условиями русского денежного обращения в безмонетный период, на что указывает введенное недавно в научный оборот сообщение аль-Гарнати⁸. Однако пока было бы преждевременным исключать их из поля зрения сфрагистики и связывать только с нумизматикой. Постоянные совместные находки таких пломб с безусловными актовыми печатями на Городище под Новгородом, где в древности существовал княжеский архив, говорят о том, что многие пломбы дрогичинского типа употреблялись и для скрепления актов. Только специальное изучение этих памятников поможет определить их место среди других сфрагистических материалов Древней Руси.

Обработка собранных материалов с самого начала велась в двух направлениях. Ее результатом, во-первых, является собственно свод русских вислых печатей. В нем воспроизведение всех экземпляров известных к настоящему времени булл X—XV вв. сопровождается описанием печатей, в которое включены сведения о размере, месте и времени находки, месте хранения, происхождении (под которым понимается судьба каждой печати от момента находки до водворения в современное хранилище) и полная библиография каждого экземпляра. Изложение материалов в своде подчинено хронологическому принципу, а их группировка

⁸ См.: А. Л. Монгайт. Абу Хамид аль-Гарнати и его путешествие в Русские земли 1150—1153 гг. «История СССР», 1959, № 1, стр. 175—179.

произведена по типам, каждый из которых соответствует определенному государственному институту Древней Руси. Все издаваемые в своде печати воспроизведены на фототаблицах, (№ 33—76), а их прориси (№ 1—32) — в графических таблицах. В тех случаях, когда та или иная булла известна в нескольких экземплярах, такая прорись учитывает все экземпляры, очень часто существенно дополняющие друг друга.

Другим результатом обработки собранных материалов является исследование, предваряющее свод. В нем излагаются основания классификации печатей, рассматриваются проблемы принципиальной и конкретной атрибуции булл, предпринимаются их хронологические определения. Решение всех этих источник-

ведческих вопросов служит основой для выводов, касающихся истории государственных институтов средневековой Руси.

Работа по подготовке свода была завершена осенью 1967 г., но в нем — в приложениях — учтены также и материалы, обнаруженные в 1968 — 1969 гг.

Фототаблицы первого и второго томов выполнены С. Т. Бочаровым, графические таблицы в первом томе — В. М. Русаковым, во втором томе — К. А. Флегонтовым, прориси легенд печатей в тексте свода — М. Н. Кисловым. В дальнейших палеографических исследованиях рекомендуем опираться именно на эти прориси, выполненные художником высокой квалификации.

Часть 1

Исследование

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ X — НАЧАЛА XII В.

ХРОНОЛОГИЯ БЫТОВАНИЯ РУССКИХ КНЯЖЕСКИХ ПЕЧАТЕЙ
С ГРЕЧЕСКИМИ СТРОЧНЫМИ НАДПИСЯМИ

Исследование древнейших русских печатей удобнее всего начать с характеристики обозначенной в подзаголовке группы по двум признакам. Во-первых, такие буллы, снабженные пространными легендами, содержат наиболее четкие материалы для датировок и атрибуции. Во-вторых, в печатях именно этого типа Н. П. Лихачев был склонен видеть первоначальный тип русской буллы, который на заре русской сфрагистики был пересажен на почву Киевской Руси из Византии. Исходя из несомненного факта общей ориентации русской буллы на византийский обычай, выразившегося в употреблении на Руси в течение пяти столетий свинцовой вислой печати, которая господствовала в тот же период и в Византии, Н. П. Лихачев писал: «Начало русской сфрагистики, раз оно было сделано по образцу византийской, естественно совпадает с тем временем, когда с официальным принятием христианства Русь окупалась в сферу византийских культурных влияний». Далее, отметив вполне понятное в указанной связи отсутствие на русской почве каких-либо реплик старых византийских типов иконоборческого периода и ранних типов, бытование которых установилось в первое столетие восстановления иконопочитания, исследователь заключает: «Зато получил широкое распространение также заимствованный из Византии тип с изображением святых на одной стороне и формулой «Господи, помози рабу своему» такому-то на другой... Несомненно существование русских памятников XI столетия, и с этого времени русская сфрагистика идет рядом с византийской, иногда используя и ее вновь появляющиеся типы»¹.

Вопрос о начале русской сфрагистики сформулирован исследователем с достаточной четкостью, однако легко заметить, что источниковедческая основа предложенного им решения грешит односторонностью. Н. П. Лихачев исходил из сравнения более или менее систематизированного материала византийской сфрагистики с хаотической грудой русских булл, прошедших лишь предварительную сортировку по типам, но не получивших ни точного хронологического определения, ни атрибуции. По существу исследователь исчерпывающе ответил только на один вопрос — установлением какого типа буллы впервые обозначилось непосредственное воздействие византийского сфрагистического типа на русский. Поскольку существование в Византии печатей с изображением святого на одной стороне и строчной греческой надписью на другой совпало с моментом принятия христианства на Руси и поскольку русская сфрагистика в XI в. усвоила такой тип буллы, Н. П. Лихачев и поставил его в начале истории русских печатей.

Между тем такое решение основано в значительной степени на логической ошибке. Византийские сфрагистические типы на протяжении всего дохристианского периода истории Киевского государства были типами, основное содержание которых составляли христианские эмблемы или изображения святых. Вполне естественно, что только с принятием христианства становится возможным заимствование типа буллы из Византии. Было бы по меньшей мере странным, если бы византийские сфрагистические типы усваивались на Руси еще в языческий период. Однако из этого вовсе не следует, что Русь не могла знать употребление булл вплоть до самого момента крещения. Напротив, на протяжении всего X в.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. «Труды Музея палеографии», т. 1. Л., 1923, стр. 6 и сл.

Русь находилась в достаточно тесном политическом и культурном взаимодействии с Византией, вполне допускающем возможность заимствования не типа, а самого обычая металлической выской печати. Известное основание для такой постановки вопроса дает знаменитое упоминание русских печатей в договорах Игоря и Святослава с греками².

Иными словами, в своем хронологическом анализе нам следует установить, действительно ли поставленный Н. П. Лихачевым в начале русской сфрагистики тип печатей с изображением святых и греческой строчной надписью является для Руси первоначальным и не предшествовала ли его появлению иная традиция, берущая начало в более раннем периоде. Первый вопрос, на который требуется ответить, — к какому времени относится проникновение в русскую сфрагистику заимствованного из Византии типа со строчными надписями. Особое внимание в этой связи нужно обратить на историю княжеской, светской буллы. Именно княжеская печать способна сохранить на себе элементы или пережитки древних сфрагистических традиций, если они и в самом деле существовали. Напротив, история церковной буллы не может не быть изначально связанной с византийской традицией в чистом виде, поскольку на протяжении XI в. сами иерархи, пользовавшиеся такой буллой, присылались из Константинополя, где, нужно полагать, изготовлялись обычно и матрицы их печатей.

Княжеские печати интересующего нас типа дошли до нас в заметном количестве. Всего таких печатей к настоящему времени зарегистрировано 37 экземпляров. Некоторые буллы известны в двух и даже в трех экземплярах, но большинство печатей — уникамы. Сравнение их между собой позволяет установить, что при оттискивании этих булл употреблено 27 пар матриц. Такого количества вполне достаточно, чтобы вынести суждение об общих хронологических рамках бытования типа.

Печати Андрея Всеволода. Чаще всего в группе рассматриваемых печатей встречаются буллы с изображением на одной стороне апостола Андрея и греческой надписью: + Κ[ύρι]ε βοήθει τῷ σ[υ]ν δουλόφ 'Ανδρέα τῷ Σβλάδφ, т. е. «Господи, помози рабу своему Андрею Свладу» — на другой (свод, № 15—22). Сравнение между собой всех экземпляров (а их известно 9 при 8 парах матриц) обнару-

живает, что все они близки друг другу и мысль о возможной их принадлежности разным владельцам полностью исключается. Различные варианты этого типа представляют собой разные этапы копирования, в основе которого лежит один образец. Эти этапы последовательного копирования могут быть установлены путем выяснения очередности, в какой безупречный поначалу образец (№ 15) подвергался все новым и новым искажениям. Варианты № 16 и 17 еще сохраняют соответствующее образцу разделение надписи на строки. На вариантах № 18 и 19 конечная омега второй строки перекочевала в начало третьей строки. На варианте № 20 деформации подвергается конец предпоследней строки, утратившей сигму, в результате чего «Свлад» превратился во «Влада». На вариантах № 21 и 22, унаследовавших особенности предшествующего варианта № 20, кроме того, утраченной оказалась последняя буква последней строки.

Самый характер искажений, при которых наибольшей деформации подвергались буквы, находящиеся на краю поля, т. е. труднее читаемые, говорит о том, что копирование матриц производилось резчиками, не знавшими греческого языка и не понимавшими воспроизводимой ими надписи. Впрочем, уже на экземпляре № 17, очень близком оригинальному, исходному варианту, имя святого изображено через «ять», что выдает руку русского мастера.

Атрибуция рассматриваемого типа была принята Н. П. Лихачевым, который истолковал второе имя легенды как мирское имя владельца печати, эллинизированной форму русского имени Всеволод, и установил тем самым, что владельца буллы, носившего в крещении имя Андрей, в быту называли Всеволодом. Это сочетание позволило исследователю прочно связать всю группу таких булл с именем Всеволода Ярославича, единственного в XI в. князя Всеволода, принадлежность которому описанных печатей может служить объяснением и обилию их вариантов, которые все без исключения найдены в Киеве или на Киевщине³. Во времена Н. П. Лихачева не было известно прямых свидетельств принадлежности Всеволоду Ярославичу крестильного имени Андрей. Косвенным же указанием служило сообщение летописи о постройке Всеволодом церкви св. Андрея, при которой его дочерью Нькой был основан монастырь⁴. Это свидетельство было процитировано Н. П. Лихачевым

² «Ноташу сли печати злати, а гостье сребрени» (Договор 945 г.; ПСРЛ, т. II. Изд. 2. СПб., 1908, стб. 36—37); «и написахом на харатыи сеи и своими печатями запечатахом» (Договор 971 г.; там же, стб. 61).

³ Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. 1, стр. 152—154.

⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 197 (Ипатьевская летопись под 6589 г.).

на известный княжеский обычай сооружать монастыри и церкви во имя своих святых патронов.

В настоящее время правильность выводов Н. П. Лихачева подтверждена открытием в киевской Софии граффито о погребении русского князя Андрея «в великий четверг... месяца апреля в 14», что соответствует летописной дате погребения в Софийском соборе именно Всеволода Ярославича в великий четверг 14 апреля 1093 г.⁵

Сын Ярослава Мудрого Всеволод-Андрей Ярославич, родившийся в 1030 г., стал владетельным князем в 1054 г., получив от отца Переяславль. В 1076 г. по смерти брата Святослава он недолго был киевским князем: в том же году уступил стол Изяславу и получил Чернигов. В 1078 г. по смерти Изяслава Ярославича он снова становится киевским князем и княжит в Киеве до смерти в 1093 г.

Таким образом, продолжительность активной деятельности Всеволода и, следовательно, время вероятного употребления рассмотренных вариантов его буллы достигает сорока лет (1054—1093 гг.). В этих пределах образцовый экземпляр (№ 15) естественно тяготеет к 1050-м годам, тогда как наиболее искаженные варианты могут быть связаны с киевским периодом княжения Всеволода. Предположение о том, что все варианты печати этого князя возникли после 1078 г., т. е. исключительно в киевский период, опровергается некоторыми буллами, рассмотренными ниже.

Печать Меркурия-Вячеслава. Ближайшую аналогию печатям Андрея Всеволода представляет найденная в Смоленске в 1953 г. булла с изображением св. Меркурия Кесарийского и греческой надписью: — Κ[ρί]ε β[ε]σ[α]ρ[ι]ου τ[ε]ρ[τ]ι[ου] δ[ο]υ[λ]ου Μερκουρίου τ[ε]ρ[τ]ι[ου] Βεντσεσλάβου, т. е. «Господи, помози рабу своему Меркурию Вентеславу» (№ 14)⁶.

Сочетание имен Меркурия и Вентеслава (Вячеслава) позволило определить буллу принадлежащей брату Всеволода Ярославича смоленскому князю Вячеславу. Его христианское имя до находки печати известно не было, однако предложенную атрибуцию подкрепляет — помимо самого факта ее обнаружения в Смоленске — существование там особого культа св. Меркурия. Повесть о Меркурии Смоленском, связывающая его с позднейшими событиями XIII в., в значительной степени повторяет житие Меркурия Кесарийского. Церковная па-

мять Меркурия Смоленского была приурочена ко дню празднования Меркурия Кесарийского (24 ноября)⁷. Находка буллы Меркурия-Вячеслава позволяет предположить, что почитание св. Меркурия вопреки распространенному представлению установилось в Смоленске не в XV в., а имеет более глубокие корни, возможно, связанные с патронатом первого смоленского князя.

Князь Вячеслав Ярославич, родившийся в 1034 г., получил от отца Смоленск в 1054 г. и умер в 1057 г. Обратим особое внимание на чрезвычайную близость буллы Вячеслава-Меркурия и печати Андрея-Всеволода, обозначенной нами № 15, т. е. на близость именно тому варианту, который лежит в основе копирования всех остальных вариантов булл Андрея-Всеволода. Печать № 15 и булла Вячеслава-Меркурия — это как бы сфрагистические близнецы. Детальное их сопоставление дает возможность говорить, что обе печати выполнены греческими мастерами (а может быть, и одним мастером), тогда как остальные печати Всеволода Ярославича являются русскими воспроизведениями греческого образца. В этой связи следует особенно подчеркнуть дату смоленской буллы, которая, будучи заключена в теснейших рамках 1054—1057 гг., дает основание датировать и образцовый тип печати Всеволода Ярославича серединой XI в., а не каким-то более поздним временем. Иными словами, подмеченное выше постепенное искажение образцового типа буллы Всеволода осуществлялось на протяжении всей его самостоятельной деятельности — с 1054 по 1093 г.

Печать Владимира-Василия Мономаха. Близкий рассмотренным тип представляет замечательная булла, найденная в Новгороде в 1960 г., с изображением св. Василия Кесарийского и греческой надписью: Σφραγ[ις] Βασ[ι]λ[ε]ω[υ] τοῦ πανευγενεστάτου ἀρχοντος Ρωσίας τοῦ Μονομάχ[ου], т. е. «Печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха» (№ 25).

В отличие от печатей Всеволода и Вячеслава эта булла лишена двуименности. Имя владельца выражено на ней лишь в христианской форме, совпадающей с известным на основании разных источников крестильным именем Владимира Мономаха, нареченного Василием⁸.

⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, М., 1945, стр. 293—296.

⁸ В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности». М., 1962, стр. 205.

⁵ С. А. Высоцкий. Запись о саркофаге Всеволода Ярославича. СА, 1963, № 4, стр. 228—232.

⁶ В. Л. Янин. Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054—1057). КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 150—152.

Это имя на печати дополнено родовым прозвищем Мономах. Наиболее существенной особенностью буллы является помещение на ней пышного титула, в котором Владимир называется «архонтом России» и «благороднейшим». Отметим, что это — впервые обнаруженный прижиженный памятник наименования Владимира Всеволодовича Мономахом.

Владимир Мономах, родившийся в 1053 г., впервые получил самостоятельное княжение, по всей вероятности, в Переяславле в 1073 г., поскольку его отец занимал тогда черниговский стол, а о судьбе переяславского княжения при этой перестановке источники умалчивают. Переход его в Чернигов возможен в 1076 г., когда Всеволоду достается Киев. Впрочем, уже в следующем году по возвращении Всеволода в Чернигов Владимир получает Смоленск. С 1078 по 1094 г. продолжается его достоверное черниговское княжение, а с 1094 по 1113 г. он княжит в Переяславле. Наконец, с 1113 г. до смерти в 1125 г. Владимир Мономах был киевским князем.

В рамках периода активной деятельности Владимира (1073—1125 гг.) рассматриваемая печать связывается с ранними этапами его княжений. В пользу предпочтительной ранней датировки (например, 70-ми годами XI в.) говорят два обстоятельства. Во-первых, существует значительное число печатей Владимира Мономаха иных типов (с русскими надписями), которые достоверно связываются с позднейшей сфрагистикой этого князя. Во-вторых, единственная аналогия в русской сфрагистике может быть отмечена в титулатуре буллы, принадлежавшей матери Владимира Мономаха и употреблявшейся в середине XI в.

Печати княгини Марии. Матери Владимира Мономаха мы приписываем две оттиснутые одной парой матриц печати с изображением апостола Андрея и греческой надписью: *Σφραγ[ις] Μαρίας Μο[·] αχης της εὐγενεστάτης ἀρχοντισσας*, т. е. «Печать Марии Момахис, благородной архонтиссы» (№ 23)⁹.

Основания атрибуции этих печатей подробно изложены в специальной статье¹⁰, поэтому здесь ограничимся их кратким повторением.

⁹ В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Указ. соч. В этой статье одна из печатей Марии, находившаяся в составе лихачевского собрания, обозначена как неразысканная. Уже после опубликования статьи булла была обнаружена в Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа среди печатей поступившей из Библиотеки АН СССР части лихачевского собрания. Местом ее находки является именная Трахтомирова, а не «Траханотова», как было неверно указано в статье Янина и Литаврина.

¹⁰ В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Указ. соч.

Сочетание женского имени и мужского изображения на печати может указывать лишь на то, что владелица печати «архонтисса Мария» была женой архонта, называвшегося в крещении Андреем. Однако прежде чем согласиться с таким решением, следует проанализировать еще одно возможное объяснение. Неразборчивость третьей буквы в слове, следующем за именем Марии, делает вероятным еще один вариант перевода надписи: «Печать Марии, монахини(?), благородной архонтиссы». Придерживаясь дословного перевода, можно, например, выдвинуть предположение, что рассматриваемая булла принадлежала монахине Андреевского монастыря, хотя бы его основательнице Яньке, дочери Всеволода-Андрея Ярославича, которая действительно была «благородной архонтиссой». Однако такое предположение следует отвести с самого начала, поскольку схимница даже княжеского происхождения оставляла при пострижении все свои мирские титулы за воротами монастыря. Мы уже познакомились с княжескими печатями, на которых князья именуют себя уничижительно просто «рабами божьими». Тем более невозможно пышное титулование на монашеской и к тому же женской булле. К слову, монашеские печати в русской сфрагистике XI—XIV вв. неизвестны вовсе.

Слово «Мо [·] αχης» в контексте нашей сфрагистической легенды может быть только родовым прозвищем владелицы печати, русской княгини. Это предположение не может поколебать и не совсем обычный порядок включения прозвища в легенду: канонически правильным было бы помещение родового прозвища в конец легенды, после титула. Необычный порядок легенды может объясняться общей неполнотой надписи, в которой нет топонима: прозвище, помещенное в конце легенды, в таком случае могло бы быть принято за определение к слову «архонтисса».

В этой связи не может не привлечь особого внимания прозвище «Момах», связываемое с именем польского короля Казимира I. На первый взгляд, обращение к имени Казимира Мниха намечает некоторую удовлетворительную перспективу в вопросе об атрибуции печати. Казимир Мних был избран в короли в 1042 г. и умер в 1068 г. Время его деятельности и деятельности его ближайших потомков близко принципиальной дате рассматриваемых печатей. Более того, его женой с 1042 г. была дочь князя Владимира Святославича Мария¹¹. Русские летописи говорят также о его дочери по

¹¹ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 267.

имени Мария, бывшей замужем за русским князем¹². Однако обе возможные атрибуции рвутся при более пристальном рассмотрении некоторых обстоятельств. Печать не может принадлежать жене Казимира Мниха, поскольку на ней изображен св. Андрей, не имеющий к ней никакого отношения. Дочь Казимира Мниха сводником Густынской летописи по ошибке названа дочь Казимира II Справедливого, действительно умершая в 1178 г., т. е. спустя 110 лет после смерти Казимира Мниха. Главное же возражение против связи печати Марии с именем Казимира Мниха заключается в том, что его прозвище не было родовым. Мнихом Казимира называли современники потому, что до занятия престола он, находясь в изгнании, временно принимал пострижение¹³. Поэтому, на наш взгляд, нет нужды предполагать сколько-нибудь серьезно, что рассматриваемая булла зафиксировала существование неизвестной письменным источникам дочери Казимира Мниха Марии, которая, что также неизвестно письменным источникам, вышла замуж за русского князя Андрея.

Большого внимания заслуживает другая возможная гипотеза, которая исходит из того обстоятельства, что и в Византии существовало родовое имя Монах. В XI в. известен правитель и стратег фемы Болгария Василий Монах¹⁴, из рода которого могла бы происходить наша архонтисса Мария. Эту возможность следует иметь в виду при дальнейшем анализе рассматриваемой буллы.

В определении печати нужно, однако, идти не от женского имени, а от мужского, поскольку сведения о князьях в русских летописях неизмеримо полнее, чем сведения о княгинях. В русской княжеской семье периода бытования булл «греко-русского типа» было только два князя Андрея. Один из этих князей — сын Ярослава Мудрого и отец Владимира Мономаха Всеволод-Андрей Ярославич, печати которого нам уже известны. Другим князем с именем Андрей был названный игуменом Даниилом смоленский князь Мстислав-Андрей Всеволодович, внук Игоря Ярославича, младшего сына Ярослава Мудрого¹⁵. Хотя Мстислав Всеволодович и не оставил потомства, а о же-

не его летопись не сообщает ничего, возможно, что он был женат, и вполне допустимо приписывать буллу архонтиссе Марии этой его вероятной жене, предполагая в ней представительницу византийского рода Монахов. Однако необходимо обратить внимание на следующее весьма значительное обстоятельство.

Время деятельности двух названных выше князей Андреев не совпадает. Всеволод Ярославич был самостоятельным князем с 1054 до 1093 г., а Мстислав Всеволодович упоминается в летописи с 1097 по 1114 г., самостоятельное его княжение относится к периоду около 1103—1107 гг.¹⁶ Эта хронологическая разница внешне незначительна, но нам следует особенно подчеркнуть ее в связи с общим обликом рассматриваемой печати. Во всей русской сфрагистике нет более близких по своему оформлению печатей, нежели буллы Марии и описанная выше булла Владимира Мономаха (№ 25). Эти печати обнаруживают сходство во всех деталях, начиная от общей компоновки типа до тождества титулатуры и фактурной близости. Разная сохранность предметов не позволяет установить с окончательной достоверностью их принадлежность одному мастеру, однако вопрос о едином авторстве обеих булл возникает неизбежно. А если это так, то, предположительно относя буллу Марии ко времени Мстислава-Андрея Всеволодовича, мы обязаны и рассмотренную выше печать Владимира Мономаха датировать началом XII в., возвращаясь в круг неразрешимых вопросов: почему эта печать оказывается анахронической относительно других булл Владимира Мономаха рубежа XI—XII вв., и т. д.

Противоречия предположенной атрибуции заставляют внимательнее присмотреться ко времени и семье Всеволода Ярославича, тем более что предпочтительная датировка рассмотренной выше печати Владимира Мономаха 70-ми годами XI в. укладывается в хронологические рамки княжения Всеволода Ярославича.

Умершая в 1111 г. вдова Всеволода Анна не была матерью Владимира Мономаха и, следовательно, единственной женой Всеволода Ярославича. Об этом прямо сообщается в «Повести временных лет» под 1097 г. «Всеволожая», т. е. вдова Всеволода Ярославича (названная Анной в «Повести» под 1111 г.), вместе с митрополитом Николаем приходит к Владимиру Мономаху, чтобы склонить его к миру со Святополком Изяславичем. Владимир согласился на мир, «преклонился на молбу княгинину, чья-

¹² ПСРЛ, т. II, стр. 317 (под 6686 г.). Ср.: В. Н. Татищев. История Российская в семи томах, т. 3. М.—Л., 1964, стр. 115, 121, 251, 300.

¹³ ПСРЛ, т. II, стр. 266.

¹⁴ Упоминается в источниках в 1048—1053 гг.

¹⁵ В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. XVI, 1960.

¹⁶ Там же, стр. 121—122.

петь ю, акы мать, отца ради своего, бе бо любим отцю своему повелику, и в животе и по смерти не ослушаяся его ни в чем же; тем и послуша ея, акы матери»¹⁷. По Г. Миллеру, вторая жена Всеволода была половчанкой¹⁸.

Что касается первой жены Всеволода, то сведения о ней в высшей степени отрывочны и имеют скорее косвенный характер, поскольку судьба княгини осталась вне интересов летописца. Под 1053 г., рассказывая о рождении Владимира Мономаха, «Повесть временных лет» сообщает: «У Всеволода родился сын, и нарече имя ему Володимер, от парие гръкыне»¹⁹. Существует, правда, и особый летописный рассказ о женитьбе Всеволода около 1046 г. на дочери византийского императора Константина Мономаха, скрепившей мир между Русью и Византией после похода Выпаты на Царьград в 1043 г.: «По трех же летех смирися Ярослав со греки и поят дщерь у Константина Мономаха царя Греческого, за сына своего Всеволода»²⁰. Однако этот рассказ, будучи записан только в Густынской летописи, памятнике сложном и малоизученном, особого доверия у историков не вызвал. Поэтому, например, Д. С. Лихачев предпочитает называть первую жену Всеволода более осторожно — «принцессой из дома Константина Мономаха»²¹.

По сообщению В. Н. Татищева, принятому и Н. М. Карамзиным²², первая жена Всеволода умерла в 1067 г. По-видимому, можно с доверием отнестись к указанной дате, поскольку в 1070 г., через 17 лет после рождения Владимира Мономаха, у Всеволода родился сын Ростислав, как можно догадаться, в результате нового брака²³.

Таким образом, подводя итог рассмотренным материалам, можно отметить следующие факты и связать их. Около 70-х годов XI в. Владимир Всеволодович называет себя на печати «благороднейшим» и «Мономахом»; между 1046 и 1067 г. жива неизвестная по имени мать Владимира Всеволодовича, которую Густынская летопись называет дочерью императора Константина Мономаха; существует печать некой Марии, жены князя Андрея, чрезвычайно близкая по своему оформлению булле Владимира

Мономаха 70-х годов XI в., на которой владельца также называет себя «благородной» и носит родовое имя Момах или Момах. Связывая эти факты, мы можем высказать предположение, что печать Марии принадлежала первой жене князя Всеволода-Андрея Ярославича, т. е. неизвестной до сих пор по имени матери Владимира Мономаха. Если это предположение правильно, то и загадочное родовое имя на печати архонтиссы Марии следует читать как испорченное *Μονομάχης* с пропуском *ορ* или *οι*²⁴.

Предлагая такую атрибуцию печати, мы не только предположительно устанавливаем имя матери Владимира Мономаха, но и объясняем необычность титулатуры на буллах Марии и Владимира. Титулование их «благородной» и «благороднейшим» отражает генетическую связь линии Владимира Всеволодовича с византийским императорским домом, родство, которым Мономашичи гордились и которое в представлении последующих поколений трансформировалось в преемственность великодержавной власти от византийских императоров²⁵.

²⁴ Тривиальность такой ошибки может быть подчеркнута указанием на одну из поздних рукописей фрагментов Скилицы, в которой отмечается попытка исправить имя упомянутого выше Василия Момаха на Мономаха. Рукопись хранится в Милане (Ambros., 117 sup. ггаес., 724, л. 231 об.) и сведения о ней любезно сообщены А. П. Кажданом. А. В. Соловьев, поддержавший предложенную атрибуцию, полагает, что резчиком матриц была опущена выносная буква N. См.: А. В. Соловьев. Marie fille de Constantin IX Monomaque. «Byzantion», t. XXXIII (1963). Hommage à Bruno Lavagnini. Bruxelles, 1963, p. 245.

²⁵ Воспользуемся случаем, чтобы отметить еще одно интересное наблюдение А. В. Соловьева, сообщенное им в письме от 25 мая 1964 г. Исследователь обратил внимание на то, что Владимир был единственным внуком Константина IX — обстоятельство, делающее его и единственным прямым наследником родового имени византийского императора. В. Г. Брюсова в докладе «К вопросу о происхождении Владимира Мономаха», сделанном 22 марта 1966 г. на заседании сектора византиноведения Института истории АН СССР, обратила внимание на то, что в позднейшем синодике Выдубицкого монастыря названо другое имя матери Владимира Мономаха — Анастасия: «...великого князя киевского Всеволода и великую княгиню его царя греческого Константина Мономаха дщерь Анастасию и сынов их великого князя киевского Владимира Мономаха...» (А. Х. Востоков. Описание славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 574). Однако вряд ли этому сообщению следует сколько-нибудь доверяться. Отсутствие в Выдубицком синодике крестильных имен князей, живших в домонгольский период, свидетельствует о том, что в основе дошедшей до нас его позднейшей редакции вовсе не лежат старые записи. Источниками могли послужить летописные генеалогические росписи и различного рода не очень твердые припоминания. Отметим, в частности, что имя Анастасия в княжеской семье не было редким. Более того, Любецкий синодик называет и две домонголь-

¹⁷ ПВЛ, ч. 1. М.—Л., 1950, стр. 175.

¹⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. 2, прим., 156.

¹⁹ ПВЛ, ч. 1, стр. 108.

²⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 267 (под 1043 г.).

²¹ ПВЛ, ч. 2, М.—Л., 1950, стр. 387—388.

²² Н. М. Карамзин. Указ. соч., стр. 60.

²³ С. П. Романов. Евпраксия-Адельгейда Всеволодовна. «Известия АН СССР», серия VII, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 8, стр. 618.

Печати князя Давида. Заметную группу среди русских печатей с греческими строчными надписями составляют найденные при раскопках червенского города Сутейска буллы с изображением царя Давида и надписью: + K[ρ]i[ϵ] β o[τ]i[δ z:] t ϕ c ϕ δ [o] υ λφ Δα [β:] δ α ρρων: 'Ρωσίας, т. е. «Господи, помози рабу своему Давиду, архонту России» (№ 26—28). Таких печатей обнаружено уже пять, они представляют три разновидности²⁶. Как и в случае с печатями Андрея-Всеволода, здесь нельзя предположить принадлежность разновидностей буллы разным владельцам, настолько все варианты близки друг другу. Более того, оборотные стороны печатей № 27 и 28 (изображающие св. Давида) отгиснуты одной и той же матрицей, что говорит об имевшей некогда место замене штемпеля в одном буллотирии.

Сравнение вариантов позволяет установить их взаимное старшинство. Образцовой следует признать печать № 26, строчные надписи которой отличаются изяществом и грамотностью. Затем возникает булла № 27, безусловно подражающая указанному образцу: она сохраняет то же деление надписи на строки, однако некоторые буквы, расположенные по краю поля образцового варианта, выпали. Наконец, в том же буллотирии заменяется матрица лицевой стороны при сохранении старой матрицы оборотной стороны. Новая матрица выполнена менее грамотно и более небрежно. Считать эту последнюю образцовой, как делает А. В. Соловьев, невозможно, поскольку она содержит некоторые орфографические нюансы (в частности, лигатурное написание ОУ), не свойственные остальным двум разновидностям²⁷.

XI век знает только двух русских князей Давидов. Давид Святославич, упоминаемый с 1095 г. и умерший в 1123 г., своей деятель-

ностью был связан со Смоленском, с Новгородом и главным образом с Черниговом. Предполагать в нем возможного владельца рассматриваемых печатей нет никаких оснований. Напротив, его тезка и двоюродный брат Давид Игоревич, внук Ярослава Мудрого, имеет все права на сутейские печати. Сын волынского князя, он лишь на начальном этапе своей политической жизни княжил вдали от Волынской земли — места находки этих булл. В 1084 г. он получил от Всеволода Ярославича Дорогобуж-Волынский. В 1085 г. при содействии Владимира Мономаха Давид Игоревич получил Владимир-Волынский и Луцк. В 1097 г. его вотчинные права на Владимир были подтверждены на Любечском съезде. После спровоцированного им ослепления Василька Ростиславича Давид с 1098 г. воюет с русскими князьями, то теряя Владимир, то возвращая его, захватывая попутно и червенские города (в том числе Сутейск), пока в 1100 г. в Уветичах его не лишают владимирского стола; взамен он получает волыньские города Дубно, Бужск, Острог, Черторыйск, а затем и Дорогобуж. Дорогобужским князем Давид Игоревич оставался до смерти в 1112 г.

Определяя сутейские печати принадлежащими волыньскому князю Давиду Игоревичу, мы должны датировать их 1084—1112 гг. Отмеченная выше эволюция типа могла, следовательно, осуществляться на протяжении трех десятков лет.

Печать князя Андрея-Мстислава. В 1947 г. Д. И. Блительдом при раскопках в Белгороде под Киевом была найдена булла, вопрос об атрибуции которой сразу же сделался предметом дискуссии между автором раскопок и Б. А. Рыбаковым²⁸. Лицевая сторона этой печати содержит хорошо читаемую греческую надпись: + Μεσσιςδ[λ]β[ρ]ος μέγας α ρρων 'Ρωσίας, т. е. «Мстислав, великий архонт России». На оборотной стороне помещено погрудное изображение святого с длинными волосами и бородой, с крестом у правого плеча и остатками колончатых надписей по сторонам. Слева различимо начало слова Ο ΑΓΙΟΣ, справа — конечная буква имени, которая может быть прочитана как Ν или как Η (№ 31).

Исходя из несомненной принадлежности печати к домонгольскому периоду и бесспорного чтения ее основной легенды, Б. А. Рыбаков анализирует ономастические данные всех киевских

ские княжеские пары Всеволод — Анастасия: Анастасией звали жену Всеволода Святославича Черниговского, такое же имя носила жена какого-то Всеволода Ярополчича (Р. Вл. Зотов. О черниговских князьях по Любечскому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892, стр. 25—26, 44, 80). Не из смещения ли Всеволода Ярославича с одним из этих князей произошла путаница в Выдубицком синодике?

²⁶ Z. Wartalska. Gród czerwieński Sutijski na pograniczu rusko-polskim. Warszawa, 1958, стр. 29—30, рис. 14; А. В. Соловьев. "Αρχων 'Ρωσίας. «Byzantion», т. XXXI (1961). Hommage à G. Ostrogorski. Bruxelles, 1961, p. 243, ill. 1.

²⁷ А. В. Соловьев древнейшим считает вариант № 28, а позднейшим — вариант № 26, полагая, что эволюция типа шла по пути постепенного исправления надписи. См.: А. В. Соловьев. "Αρχων 'Ρωσίας, p. 241—242. Вряд ли, однако, такое направление можно признать более естественным, нежели процесс постепенного искажения грамотного образца.

²⁸ Д. И. Блительдом. Висла печатка з Білгородки. «Археологія», т. III. Київ, 1950, стр. 102—110; Б. О. Рыбаков. Печатки чернігівських князів. «Археологія», т. III, стр. 111—118.

князей домонгольской поры, носивших имя Мстислав, полагая, что понятие «великий архонт» или «великий князь» тождественно понятию «киевский князь». Таких князей было три: 1) Мстислав Владимирович, сын Владимира Мономаха, княживший в Киеве в 1125—1132 гг.; 2) Мстислав Изяславич, правнук Мономаха, княживший в Киеве в 1159 г. и в 1169—1171 гг.; 3) Мстислав Романович Старый, правнук Мстислава Владимировича из линии смоленских Ростиславичей, владевший киевским столом в 1214—1223 гг.

Определение белгородской печати основывается на изучении крестильных имен этих князей в связи с патрональным изображением на оборотной стороне буллы. Б. А. Рыбаков отвергает шансы Мстислава Владимировича, которого звали Феодором, и Мстислава Романовича, крещенного с именем Борис. Иконографические типы этих святых не соответствуют изображению на печати из Белгородки, главным атрибутом которого является большой крест. Как справедливо указывает исследователь, это — иконографический признак трех других святых: Константина, Андрея и Иоанна Предтечи.

Крестильное имя Мстислава Изяславича историкам не известно. Однако летопись сохранила христианское имя его отца, которого звали Пантелеймоном. Между тем существует серия печатей, изображающих на одной стороне св. Пантелеймона, а на другой — св. Иоанна Предтечу. Сочетание всех этих данных дает Б. А. Рыбакову возможность истолковать изображение белгородской печати как изображение Иоанна Предтечи и определить ее принадлежность Мстиславу Изяславичу.

Д. И. Блифельд находит такую датировку слишком поздней. Он называет возможным владельцем буллы князя Мстислава-Константина Владимировича, видит на ней изображение св. Константина и склонен датировать ее временем около 1023—1026 гг., когда Мстислав, борясь со сводным братом Ярославом, свои претензии на киевский стол мог выразить в титуле печати.

Ни тот, ни другой вывод нельзя признать удовлетворительным. Иконографические типы святых Константина, Иоанна и Андрея различными между собой достаточно заметными деталями. Константин, действительно изображаемый с крестом у плеча, всегда опознается по царскому венцу, составляющему его обязательный индивидуальный признак. На белгородской булле короны нет, как нет и места для длинного имени этого святого. Поэтому предложенная Д. И. Блифельдом атрибуция не находит опоры в деталях изображения. Характерные инди-

видуальные признаки присущи и изображению Иоанна Крестителя, легко опознаваемого по власнице и небрежной, косматой прическе пустытника. Этих признаков также нет у святого на белгородской печати.

На ней мы видим святого с благообразной прической и бородой, одетого в омофор: хорошо различим крест святительских риз на его правом плече. Ни Константин, ни Иоанн Предтеча никогда не изображались в крестатых ризах, бывших непременным признаком святительского или апостольского сана. В омофоре и с большим крестом у плеча изображался только апостол Андрей Первозванный²⁹. Для короткого имени Андрей вполне достаточно места в правом поле буллы. Что касается последней буквы, сохранившейся и читаемой, в ней следует видеть не Н, а Н.

Б. А. Рыбаков в цитированной статье отводит предположение о том, что на белгородской печати изображен св. Андрей, опираясь на положение креста около него. По Б. А. Рыбакову, крест у правого плеча присущ Константину, а для Иоанна Предтечи положение креста безразлично, Андрей же якобы изображается с крестом только у левого плеча. Этот аргумент легко опровергается ссылкой на русские печати XI в.: на буллах Андрея-Всеволода действительно крест помещен у левого плеча святого, однако на печатях княгини Марии Андрей Первозванный, напротив, изображен с крестом у правого плеча. Очевидно, что положение креста было канонически безразличным.

Вызывает сомнение и исходный аргумент исследователя о тождестве понятий «великий князь» и «киевский князь». В последнее время Б. А. Рыбаков пришел к несколько иному выводу. Возражая М. Д. Приселкову, считавшему, что великокняжеская власть вне Киева возникает впервые не ранее 1186 г., исследователь ссылается на известную надпись чаши Владимира Давыдовича (Чернигов, 1140—1151 гг.) и полагает, что это явление возникло в более раннее время³⁰.

Нам представляются неправомерными самые поиски какого-то момента, когда титулатура начинает отражать возникновение новых форм великокняжеской власти рядом с властью киев-

²⁹ С большим крестом у плеча иногда изображался апостол Петр, но этот вариант здесь исключен, поскольку он не находит подтверждения в остатках имени по сторонам изображенного на печати.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963, стр. 58.

ского князя. Если бы удалось доказать, что на протяжении XI — начала XII в. в русской княжеской титулатуре строго выдерживался иерархический принцип, противопоставляющий киевского князя всем остальным князьям, тогда действительно попытки уловить новые тенденции в титулатуре были бы оправданы. Однако обращение к памятникам ранней русской сфрагистики не обнаруживает никакого противопоставления.

Князья, владевшие разными землями и находившиеся в равноправном по отношению друг к другу положении, одинаково титулуют себя «архонтами России» (русскими князьями) — Владимир Мономах, Мария, Давид Игоревич. Казалось бы, что печати киевских князей должны в своих надписях отразить иерархическое превосходство их владельцев над остальными русскими князьями. В действительности этого нет. Напротив, достоверные киевские буллы Всеволода-Андрея Ярославича содержат надпись с уничижительной благопожелательной формулой, в которой титулу нет даже места, и не отличаются от булл того же князя, употреблявшихся им в докиевский период княжения. По содержанию легенд и оформлению они также совершенно неотличимы от булл смоленского князя Вячеслава Ярославича. Признаки известного превосходства могут быть отмечены в титулатуре печатей Марии и Владимира Мономаха, называющих себя «благородной» и «благороднейшим», но эти буллы как раз не принадлежат к сфрагистике Киева, а элементы тенденционного превосходства объясняются на них династическими связями с византийским императорским престолом.

Не обнаруживает также какого-либо противопоставления и материал эпиграфики. В записи о погребении Всеволода Ярославича граффито Софийского собора в Киеве называет покойного «русским князем»³¹. Просто «русской княгиней» называется вдова киевского князя Изяслава Ярославича³². С другой стороны, повествуя о начальных этапах русской истории, летописец, не смущаясь, говорит о «великих князьях, под Олегом сущих» в Киеве, Чернигове, Переяславле, Полоцке, Ростове, Любече³³.

³¹ С. А. Высоцкий. Указ. соч., стр. 228.

³² С. А. Высоцкий. Древнерусские граффити Софии Киевской. «Нумизматика и эпиграфика», т. III. М., 1982, стр. 154. Мы не касаемся здесь случаев именованной Ярослава Мудрого «царем» или «каганом», имеющих, по-видимому, индивидуальный характер.

³³ ПСРЛ, т. I, вып. I. Изд. 2. Л., 1926, стб. 31 (под 907 г.).

Вполне очевидно, что сами русские князья и их современники XI—XII вв. придавали различию терминов «князь» и «великий князь» куда меньшее значение, чем хорошо осведомленные о позднейшей тщательной регламентации феодальной титулатуры историки XX в. Как кажется, эпитет «великий» в ту эпоху не имел еще принципиального характера и мог усваиваться князьями разных территорий, если эти князья были склонны к пышному самотитулованию.

В поисках решения вопроса об атрибуции белгородской буллы мы должны исходить из двух посылок. Во-первых, печать принадлежала какому-то князю Мстиславу, получившему при крещении имя Андрей. Во-вторых, в круг возможных ее владельцев входят не только киевские, но и прочие самостоятельные русские князья. Существует, однако, и третья посылка. Сравнение белгородской буллы со всей совокупностью материалов древнерусской сфрагистики не обнаруживает каких-либо стилистических или композиционных аналогий ей за пределами XI—первой четверти XII в. Она родственна рассмотренным выше печатям и немногим буллам с греческими строчными надписями, с которыми нам еще предстоит познакомиться, но сходства с более поздними буллами у нее нет.

В пределах указанного времени источники знают пятерых князей Мстиславов. Из них два уже упомянутых — Мстислав Владимирович Красный (980—1034 гг.) и Мстислав Владимирович Великий (1076—1132 гг.) не могут быть владельцами буллы: первого звали Константин, второго Феодором. Крестильные имена еще двух Мстиславов летописцу не известны. Первый из них, Мстислав Изяславич, старший сын Изяслава Ярославича, в 1069 г. был посажен на княжение в Полоцк, но в том же году умер. Мстислав Святополкович, сын Святополка Изяславича, в 1097 г. получил княжение во Владимире-Волынском, но в том же году был убит. Теоретически и тот, и другой могут быть признаны возможными владельцами белгородской печати.

Однако наиболее существенными шансами обладает пятый одноименный князь, известный летописцу как «Мстислав Игорев внук», — прямой потомок Игоря Ярославича, княжившего в 1054—1057 гг. на Волыни, а в 1057—1060 гг. — в Смоленске. Отчество Мстислава летописцам не известно, а деятельность освещена крайне скупо. В 1097 г. он помогает своему дяде Давиду Игоревичу во время его столкновения с русскими князьями, в 1100 г. уходит «на море» (в Тмутаракань?), в 1103 и 1107 гг. участ-

вует в больших походах русских князей на половцев, в 1114 или 1116 г. умирает³⁴.

Важнейшие дополнения к этому рассказу содержит одна из редакций «Хождения игумена Даниила», называющая среди основных русских князей начала XII в. некоего Андрея-Мстислава Всеволодовича, который может быть отождествлен только с «Мстиславом Игоревым внуком». Анализ разночтений разных списков «Хождения» позволяет установить, что сведения об Андрее-Мстиславе восходят в протограф повести. В специальной статье мы пытались доказать, что очередность князей в рассказе игумена Даниила соответствует их иерархическому старшинству, а Андрей-Мстислав, помещенный там между черниговским и новгородским князьями, должен быть признан княжившим в начале XII в. (но не ранее 1102 г.) в Смоленске на основании своих вотчинных прав, принципиально провозглашенных на княжеских съездах рубежа XI—XII вв.³⁵

Таким образом, имеется полное соответствие имен владельца белгородской печати и внука Игоря Ярославича — Мстислава-Андрея Всеволодовича — предполагаемого смоленского князя начала XII в. Подчеркивая гипотетичность такой атрибуции, напомним, что возможности Мстислава Иязславича (1069 г.) и Мстислава Святополковича (1097 г.) претендовать на владение этой буллой предложенным решением не отвергнуты: ведь каждый из них, поскольку мы пока не знаем их христианских имен, мог в крещении называться Андреем.

Впрочем, не исключена и еще одна возможная атрибуция, хотя она и маловероятна. Мы уже видели, что иногда патрональное изображение буллы может не совпадать с именем ее владельца, отражая иерархические взаимоотношения феодалов разных рангов. На печати княгини Марии помещено изображение не ее патронессы, а патрона ее мужа. Можно предположить, что белгородская печать была привешена к документу от имени новгородского князя Мстислава-Феодора Владимировича между 1088 и 1093 гг., когда он по существу был наместником киевского князя Всеволода-Андрея Ярославича. Однако этому противоречат как отсутствие прямых аналогий подобному сфрагистическому обычаю, так и титулование владельца печати «великим князем», малоуместное в случае, когда оформлением буллы выражена идея иерархического соподчинения.

Мы сознательно предложили несколько вариантов возможного решения проблемы, чтобы сделать более наглядным основной вывод: при любой из возможных атрибуций белгородская печать датируется временем не раньше последней трети XI в.

Печать князя Георгия. Уже более полувека исследователям хорошо известна булла с поясным изображением св. Георгия и греческой надписью: + K[α] [ύ]ρι[ς] β[α] [σ]ι [λ]η [τ] [α] [ν] τ[ο] σ[φ] δ[ο] [ύ]λ[φ] Γεοργ[ι] [ου] ἀρχ[ον]τ[η]ς, т. е. «Господи, помози рабу своему Георгию, архонту» (№ 24).

Небрежность исполнения этой печати и многочисленные орфографические неправильности выводят ее за пределы византийской сфрагистики, а место находки (быв. Черниговская губ.) включает в круг русских памятников, хотя прямое указание на Русь в надписи буллы нет. Выводы о принадлежности печати сделали Н. И. Петров, который считал ее владельцем Юрия Владимировича Долгорукого³⁶, и Н. П. Лихачев, датировавший буллу временем Ярослава Мудрого³⁷. И тот, и другой князя, как это хорошо известно из летописи, в крещении назывались Георгиями. В поисках владельца печати оба исследователя, во времена которых еще не были известны разобранные выше буллы «архонтов России», исходили из уверенности, что «архонтом» мог называться только киевский князь. Крестильные имена киевских князей XI — первой половины XII в. почти все известны, и среди них нет других Георгиев, кроме названных Н. И. Петровым и Н. П. Лихачевым.

Прежде чем высказаться по существу атрибуции, попытаемся оценить обе гипотезы, коль скоро эти хронологические решения расходятся между собой на несколько десятилетий. Предложение Н. П. Лихачева выгодно отличается тем, что оно основано на определенных аргументах. Исследователь отметил большое композиционное сходство между изображением св. Георгия на печати и аналогичным изображением на сребрениках Ярослава Мудрого, так называемом «Ярославле серебре»; это сходство распространяется и на компоновку колончатых надписей.

Подмеченное Н. П. Лихачевым сходство, однако, вряд ли следует преувеличивать. Общность большинства деталей изображения св. Георгия может быть объяснена наличием определен-

³⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 272—273, 277, 282; т. II, стб. 284.

³⁵ В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила».

³⁶ Н. Петров. Южнорусские металлические вислые печати дотатарского периода. «Труды Киевской духовной академии», 1913, № 5, стр. 149, № 4.

³⁷ Н. П. Лихачев. Указ. соч., вып. 1, стр. 156.

ного иконографического образца, который воздействовал на изображение этого святого в мелкой пластике в течение достаточно длительного времени. Сходство композиций там и здесь целиком зависит от необходимости разместить эти композиции в круглом поле монеты или печати. К тому же, резко сближая буллу с «Ярославом сребром», исследователь уводит предполагаемую дату печати к рубежу X—XI вв., который всеми исследователями древнерусского чекана, в том числе и Н. П. Лихачевым, признается временем выпуска указанных монет, чеканенных еще в новгородский период княжения Ярослава Мудрого³⁸. Безоговорочно приняв дату Н. П. Лихачева для печати Георгия, мы обнаружим полувековой, ничем не заполненный разрыв между рассматриваемой буллой и всеми остальными уже известными нам печатями того же сфрагистического типа, поскольку древнейшие из них относятся уже ко второй половине XI в.

Однако, сопоставляя печать «архонта Георгия» со всеми буллами этого сфрагистического типа, мы сможем подтвердить принципиальную справедливость предложенного Н. П. Лихачевым решения, который был безусловно прав, отдав предпочтение более ранней дате, нежели время Юрия Долгорукого. Наблюдения над княжескими печатями, несущими строчные греческие надписи, показывают, что в рамках неизменной общности типа на протяжении второй половины XI в. имеет место известная эволюция, которая проявляется, во-первых, в постепенном облегчении кружка (печати Всеволода и Вячеслава массивнее печатей Владимира Мономаха, Андрея-Мстислава и Давида Игоревича; ранние печати Всеволода массивнее его поздних печатей), а во-вторых, самоуничтожительная благожелательная формула, в которой князь предстает не в блеске своих титулов, а в образе смиренного «раба божия», присуща скорее времени сыновей Ярослава (Всеволод, Вячеслав), но не времени его внуков, называвших себя «архонтами» и «паневгенстатами». Массивная печать Георгия содер-

жит в себе элементы и самоуничтожения, и титулования, оказываясь затейливым гибридом, и находит себе место никак не в конце хронологического ряда однотипных печатей, а по крайней мере в его середине. Меньше всего она соответствует периоду политической деятельности Юрия Долгорукого, когда к тому же, как увидим далее, в русской сфрагистике бытуют совершенно иные типы.

По существу атрибуции в настоящее время невозможно принять окончательного решения. Поскольку титулование владельца буллы архонтом не имеет того ограничительного характера, какой был предположен Н. П. Лихачевым, Ярослав Мудрый должен быть признан вероятным, но не единственным претендентом на обладание этой печатью, которая, если она действительно принадлежала Ярославу Владимировичу, может относиться к последним годам его княжения. Однако ее возможным владельцем может, на наш взгляд, оказаться и любой русский князь, пользовавшийся самостоятельностью в третьей четверти XI в. и неизвестный нам по крестильному имени. Вряд ли такого претендента следует искать среди сыновей Ярослава: на Руси крайне редко давали княжичам отцовские имена. Напротив, парекать княжичей «дедним именем» было особенно почетно. Среди неизвестных по христианским именам внуков Ярослава можно назвать таких заметных деятелей третьей четверти XI в., как Ростислав Владимирович (умер в 1066 г.) и Мстислав Изяславич (умер в 1069 г.). Кому-то из них печать «архонта Георгия» могла принадлежать с не меньшим основанием, чем самому Ярославу Владимировичу.

Печати Феофаном Музалон. Из всех опубликованных к настоящему времени древнерусских булл наибольшей известностью пользуется печать Феофаном Музалон, первый экземпляр которой был издан еще в 1883 г. и с тех пор породил значительную литературу в России и за рубежом³⁹. Этот исключительный интерес вызван двумя обстоятельствами. Во-первых, на протяжении длительного (вплоть до 1947 г.) периода это была единственная булла, несущая в своей легенде титул «архонта (архонтиссы) России», что, естественно, вело к постановке важного вопроса о значении и принадлежности такого титула. Во-вторых, вопрос об ее атрибуции, блестяще решенный еще в XIX в., связал печать Феофана с кругом весьма любопытных сюжетов русской истории.

³⁸ А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л., 1924, стр. 6; Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. «Известия ГАИМК», т. V. Л., 1927, стр. 316; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 198; А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. «Труды ГИМ», вып. 6. М., 1936; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 166; И. Г. Спасский. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. 3. Л., 1962, стр. 46.

³⁹ В. Л. Янин. Печати Феофаном Музалон. «Нумизматика и сфрагистика», вып. 2. Киев, 1965, стр. 76—90.

Сопоставление двух известных сейчас экземпляров этой буллы устанавливает, что на одной ее стороне изображены Богоматерь и св. Феофано, стоящие в молитвенной позе перед находящимся между ними диском с изображением Христа. На другой стороне семистрочная греческая надпись: Κ[ύρι]ε β[οή]θ[εια] τῆ σῆ δούλῃ Θεοφάνῃ ἀρχοντίσῃ τῆ Ῥωσίας τῆ Μουζαλωνίτσῃ, т. е. «Господи, помози рабе своей Феофано, архонтиссе России, Музалониссе» (№ 30).

Вопрос об атрибуции печати был поставлен Г. Шлумбергер, который, анализируя надпись, отметил, что булла принадлежала византийской аристократке из знатной фамилии Музалонов, вышедшей замуж за русского князя и потому усвоившей титул «архонтиссy России»⁴⁰. Что касается конкретного определения буллы, то эта проблема была решена Х. М. Лопаревым, привлечшим к исследованию показания Любечского синодика⁴¹. В начале синодика, вслед за именами первых черниговских князей — Константина-Мстислава Владимировича и Николая-Святослава Ярославича, названы «великий князь Михаил черниговский и княгиня его Феофания»⁴².

Упомянутый в Любечком синодике черниговский князь Михаил по месту в списке может быть отождествлен только с Олегом Святославичем, сыном основоположника черниговской линии Рюриковичей Святослава Ярославича. Это отождествление подтверждается показаниями игумена Даниила, который называет «князя Олега-Михаила» между Давидом и Панкратием-Ярославом Святославичами, т. е. в окружении братьев — черниговских князей⁴³.

Князь Олег-Михаил Святославич впервые упоминается в летописи под 1076 г., когда он выступает уже во главе войска. До этого в течение какого-то времени (но не ранее 1073 г.) он был волыньским князем, около 1076 г. его вывел из Владимира-Волынского Всеволод Ярославич. В 1078 г. Олег ненадолго овладевает Черниговом, но после битвы на Нежатиной Ниве был вынужден бежать в Тмутаракань. В следующем году он заточен хазарами «за море» в Царьград и до 1083 г. находился в Византии. Игумен Даниил в начале XII в. слышал на Родосе рассказы местных жителей о

пребывании среди них русского князя в течение двух лет и двух зим⁴⁴. В 1083 г. Олег захватывает Тмутаракань и княжит там до 1094 г., затем осаждает Владимира Мономаха в Чернигове и возвращает себе черниговский стол. В 1095—1096 гг. во время войны с Мономахом Олег подчиняет Муром и Рязань. По решению Любечского съезда 1097 г. за ним закрепляются в качестве отчин Новгород-Северский и Курск. Умер Олег Святославич в 1115 г.

Источники не сообщают подробностей ни относительно жены Олега Святославича⁴⁵, ни относительно времени рождения его пяти сыновей. В этой связи представляется правильным давать самую общую датировку печатей Феофано Музалон последней третью XI — началом XII в. и решительно возразить против тенденции связывать эти печати исключительно с тмутараканским периодом княжения Олега. В основе такого неоправданно узкого определения лежит следующий ход рассуждений.

Наиболее вероятным временем женитьбы Олега признается период его вынужденного пребывания в Византии, т. е. 1078—1083 гг. Следовательно, русской княгиней Феофано могла стать только в 1083 г., когда ее муж водворился в Тмутаракани. С другой стороны, детали легенды, ставившие буллу Феофано особняком среди остальных русских печатей, также признавались свидетельством местного, тмутараканского характера буллы. Титул «архонтисса России» был истолкован Ю. А. Кулаковским как локальный, связанный с тмутараканской топонимикой. Исследователь обратил внимание на договор императора Мануила с генуэзцами 1169 г. об открытии византийцами всех портов Черного моря, кроме «Матрахи» (Тмутаракани) и «Россия». Именем «Русиа» арабский географ Идриси называл город, лежавший в 27 милях от Матрахи, на противоположном берегу Боспора. Согласно принятому Ю. А. Кулаковским толкованию, титул архонтиссy России не имеет в виду Русь как таковую, а относится исключительно к западной, т. е. крымской, части Тмутараканского княжества⁴⁶.

⁴⁰ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 432.

⁴¹ Х. Лопарев. Византийская печать с именем русской княгини. «Византийский временник», т. 1, СПб., 1894.

⁴² Р. Вл. Зотов. Указ. соч., стр. 24.

⁴³ В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила», стр. 129.

⁴⁴ «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века». Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, стр. 7. Остальные сведения о князе Олеге Святославиче извлечены из «Повести временных лет».

⁴⁵ Н. М. Карамзин считал женой Олега половецкую княгиню («История государства Российского», т. 2, прим. 228). Однако это мнение основано на явном недоразумении: Олег женил на половецкой княжне своего сына в 1107 г. (ПСРЛ, т. 1, вып. 1, стб. 283; т. II, стб. 259).

⁴⁶ Ю. А. Кулаковский. К истории Боспора (Нерчи) в XI—XII вв. «Труды XI Археологического съезда в Киеве», т. 2. М., 1902, протоколы, стр. 133.

Все эти построения, однако, маловероятны. Во-первых, время пребывания в Византии сыло для Олега Святославича наименее благоприятным для заключения брака. Князь, изгнанный из своего отечества, не имевший сколько-нибудь определенных перспектив, был неподходящей партией для византийской аристократки. Напротив, если бы брак с Феофано был заключен еще до потери Олегом владений, это многое объяснило бы в его дальнейшей судьбе: и безбедность пребывания в Византии, и возможность тщательно подготовить успешное возвращение на Русь.

Во-вторых, в тот период, когда в литературе складывалось мнение об ограниченном значении титула «архонтисса России», сфрагистика не располагала какими-либо аналогиями этому типу булл. Исследователи колебались между двумя возможными истолкованиями термина «архонт России». Они считали, что этот титул присваивался либо киевским князьям, либо князьям той малой, затерянной далеко на юге Руси, о которой писал Ю. А. Кулаковский. В первом случае титулатура печати Феофано, никогда не бывшей киевской княгиней, выражала преднамеренную тенденциозность, оскорбительную для киевского князя, и связывалась с тмутараканским периодом княжения Олега, который тогда противопоставил себя остальным русским князьям⁴⁷. Во втором случае территориальное определение буллы было предпринято самой постановкой вопроса.

С тех пор, особенно на протяжении последних двух десятилетий, материал сфрагистики значительно вырос и продемонстрировал широту применения титула «архонт России». Выяснилось, что так называли себя все русские князья вне зависимости от места их княжения.

Из всех изложенных наблюдений мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, Олег Святославич не обязательно женился лишь во время пребывания в Византии. Святослав Ярославич мог его женить на византийской аристократке еще до первого получения Олегом княжеского стола. Во-вторых, печати Феофано не содержат ни в своем оформлении, ни в легенде никаких признаков исключительно тмутараканской принадлежности. Поэтому они могли употребляться на протяжении всей активной деятельности Олега Святославича, пока он был женат на Феофано. Архонтисса могла при-

вешивать их к документам и на Волыни в 1073—1076 гг., и в Чернигове в 1078 г., и в Тмутаракани в 1083—1094 гг., и в черниговских владениях Олега после 1094 г., и даже во время изгнания в Византии в 1078—1083 гг. На некоторую возможность последнего решения как будто указывает то обстоятельство, что обе печати Феофано обнаружены за рубежами Руси и происходят из собственно византийских находок.

Печать Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии. В тесной связи с печатями Феофано Музалон находится любопытная булла с изображением на одной стороне архангела и греческой надписью: + Κ[ύρι]ε β[οή]θ[εια] Μιχαήλ ἀρχωντ[ισ]σῆς Ματράχ[ου] Ζιχίας καὶ πάσης [Χ]αζαρί[ας], т. е. «Господи, помози Михаилу, архонту Матрахи, Зихии и всей Хазарии», — на оборотной (№ 29).

Печать архонта Михаила на основании общестилистических и палеографических данных была датирована В. Лораном концом XI в. и послужила Н. Бенеску основой для большой статьи с претенциозным названием «Византийское господство в Матрахе (Тмутаракани), Зихии, Хазарии и «России» в эпоху Комненов»⁴⁸. Существо выводов Н. Бенеску сводится к тому, что печать Михаила, в котором он видит византийского наместника Тмутаракани, дает возможность распространить наблюдения о принадлежности Византии старых тмутараканских областей (сделанное на основании документов не старше второй половины XII в.) на более раннее время и признать, что после оставления Тмутаракани Олегом в 1094 г. эта область сделалась частью империи Комненов. Не останавливаясь на критике общесторических построений Н. Бенеску, которой посвящены основательные статьи А. В. Соловьева и А. Л. Монгайт⁴⁹, мы должны сосредоточиться на вопросах конкретной атрибуции буллы, тем более что ее определение, предложенное румынским исследователем, было поддержано такими выдающимися византинистами, как Ф. Дэль-

⁴⁸ N. Bănescu. La domination Byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'époque des Comnène. «Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique», t. XXII, fasc. 2. Bucarest, 1941, p. 57—77.

⁴⁹ A. V. Soloviev. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noire à l'époque des Comnène? «Akten des XI. Internationalen Byzantinisten-Kongresses 1958». München, 1960; А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова». М., 1963, стр. 54—61.

⁴⁷ Ср. мнение Н. П. Лихачева: «Сам князь Олег мог намеренно заказать такую печать, зная, что титул архонта России затрагивает Киевскую Русь и ее князя. Князь Олег являлся претендентом на всякие столы» (Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 140).

гер, А. Грегуар, В. Лоран⁵⁰, а в самое последнее время также А. П. Кажданом⁵¹.

Приступая к аргументации своего вывода, Н. Бенеску отмечает, что титул архонта не был исключительным достоянием независимых от Византии династов, какими, например, были русские князья. Напротив, этот титул был усвоен и в официальной административной терминологии Византии для обозначения наместника области или города и практически был синонимом титула «стратиг».

К моменту публикации статьи Н. Бенеску в русском сфрагистическом материале не было других печатей, способных служить аналогией вновь открытой булле, за исключением печати Феофано. Поэтому дальнейший ход аргументации автор связывает исключительно с этой буллой, исходя из признания локального значения термина «Россия» на ней, тождественного, по его мнению, «России» Идриси и договора императора Мануила.

Н. Бенеску подверг сомнению самую возможность включать эту буллу в число русских сфрагистических памятников. Он сослался на печать другой Феофано, названной в легенде «дукиссой Опсикия», и из этого сопоставления сделал два вывода, показавшихся вполне убедительными первым рецензентам его статьи. Во-первых, «жена дукса носит титул своего мужа, подобно тому как жена архонта России». Во-вторых, «Феофано была женой некоего Музалона, военачальника (= стратига. — В. Я.) России». Иными словами, родовое имя владелицы буллы, помещенное в легенде, по мнению Н. Бенеску, указывает не на ее происхождение, а на имя ее мужа. Естественно, что, если имя Музалон носила не только Феофано, но и ее муж — «архонт России», эту супружескую пару нет нужды разыскивать в списках русских князей и княгинь. Она закономерно свяжется с кругом лиц, принадлежавших к административной системе Византийской империи. Что касается цитированного Н. Бенеску мнения Х. М. Лопарева и Н. П. Лихачева о принадлежности печати Феофано жене князя Олега, то критику этого мнения исследователь сформулировал с предельной лаконичностью: «Простое совпадение имен ничего не доказывает».

⁵⁰ «Byzantinische Zeitschrift», 41, 1941, S. 252; «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres», 5-е série, t. XXXII. Bruxelles, 1946, p. 249—254; «Byzantinische Zeitschrift», 53, 1960, S. 279.

⁵¹ А. П. Каждан. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», стр. 93—101.

Подготовив, таким образом, почву для своего основного вывода, Н. Бенеску заключает, что если булла Феофано не имеет отношения к русской сфрагистике, а, напротив, свидетельствует о подчинении Тмутараканской Руси Византии, то тем более печать архонта Михаила должна считаться принадлежащей к кругу собственно византийских сфрагистических памятников.

Это построение нашло наиболее последовательного сторонника в лице крупнейшего современного знатока византийской сфрагистики В. Лорана и побудило его в 1960 г. сделать следующее заявление: «Что касается «архонта России», я выступлю в другой своей статье против навязчивой идеи, якобы этот термин можно переносить на династов или местных князьков (эпирских, болгарских или русских), — он принадлежит византийским чиновникам, существование которых несомненно»⁵². Обещание, данное В. Лораном, пока еще не выполнено, и система его аргументов в пользу византийской принадлежности булл Феофано и Михаила остается такой, какой она была построена Н. Бенеску в 1941 г.

Основным оппонентом построения Н. Бенеску был А. В. Соловьев. Убедительно доказав ошибочность выводов румынского исследователя в их историко-географической части, А. В. Соловьев предпринял тщательную локализацию Хазарии и Зихии и предложил вполне аргументированное решение: Михаил был архонтом сравнительно небольшой территории, включавшей Таманский полуостров, низовья Кубани и Восточный Крым. В специальной статье А. Л. Монгайта предпринята не менее убедительная попытка показать на материалах археологических и письменных источников правомерность локализации именно в этих границах русского Тмутараканского княжества.

Выступив против предложенной Н. Бенеску атрибуции обеих печатей, А. В. Соловьев привлек новейший сфрагистический материал (буллы «архонтов России» Андрея-Мстислава и Давида) и продемонстрировал безусловную принадлежность спорного титула русским князьям. Он обратил внимание также на неизбежность недоразумений в случае использования каким-либо византийским наместником города Росиа титула, привычно употребляемого русскими князьями в широком и достаточно определенном смысле. Во избежание такого недоразумения византийский наместник назывался бы скорее стратигом, катепаном или проноетом. Что касается родового имени византий-

⁵² «Byzantinische Zeitschrift», 53, 1960, S. 279.

ской аристократки в замужестве, А. В. Соловьев отметил: «В Византии замужние женщины сохраняли часто свои девичьи имена (Анна Комнена, Ирина Хумно Палеолог и т. д.) и даже передавали их детям»⁵³. Таким образом, аргументы, выставленные Н. Бенеску в пользу византийской принадлежности буллы Феофано Музалон, отведены как неточные и отнюдь не колеблющие старого определения Х. М. Лопарева.

Добавим, что находки самых последних лет еще больше укрепили это старое определение. Титул «архонт России» обнаружен на булле Владимира Мономаха, а титул «архонтисса» — на печати его матери, жены князя Всеволода. На той же печати Мария сохраняет свое девичье родовое имя и называет себя Мономахой, хотя, по Н. Бенеску, она должна была бы утратить его с замужеством. Напомним также, что Владимиром Мономахом было унаследовано именно девичье родовое имя его матери.

А. В. Соловьев предлагает новое определение буллы Михаила, «архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии», основанное на признанной близости его печати и буллы Феофано Музалон. Он максимально сближает эти памятники и отождествляет архонта Михаила с супругом Феофано — русским князем Олегом Святославичем, которого, как мы уже знаем, в крещении звали Михаилом.

Такое решение вопроса, естественно, привело к постановке новой проблемы. При всей своей близости две буллы имеют и существенные отличия, проявляющиеся в несовпадении титулатуры их владельцев. Буквальное толкование обоих титулов делает их как бы взаимоисключающими: Михаил был архонтом нескольких четко локализуемых областей, но не называл себя «архонтом России», Феофано — «архонтисса России», но в ее титуле нет перечисления тех областей, где архонтом был ее муж.

В литературе имеются две попытки объяснить это противоречие. А. Л. Монгайт считает возможным вернуться к тому направлению критики, которое было намечено Ю. А. Кулаковским. «При отсутствии в русской сфрагистике строгих норм и определенных правил, — пишет А. Л. Монгайт, — не исключена возможность, что в отличие от других «архонтов России» титул Феофании не содержит никакой двусмысленности и просто указывает на полученный ею во владение (по брачному договору?) город Русию. Олег, вероятно, вернулся

в Тмутаракань из плена на Родосе не без помощи Византии, и передача его жене, византийской аристократке, номинальной власти над частью Тмутараканского княжества могла быть компенсацией за оказанную помощь»⁵⁴. Не говоря уже о том, что такому объяснению присущи некоторые излишества в предположениях, оно отнюдь не устраняет двусмысленности, порожденной противоречием в титулатуре. Замечания А. В. Соловьева относительно неизбежных недоразумений при пользовании титулом архонта России как узколокальным остаются в силе. Было бы по меньшей мере странно использование Феофано двусмысленного титула архонтиссы России на фоне титула Михаила, в котором нет даже речи об «архонтии России». К тому же и предположенный А. Л. Монгайтом порядок, при котором русская княгиня во владениях своего мужа пользовалась особым уделом, хотя бы и номинально, вряд ли можно подтвердить какими-нибудь аналогиями.

Иначе подошел к отмеченному противоречию А. П. Каждан. Он вполне резонно заметил, что все привлеченные А. В. Соловьевым аналогии, касающиеся истолкования титула «архонт России», имеют отношение лишь к печати Феофано, старая атрибуция которой, по мнению А. П. Каждана, подтверждена А. В. Соловьевым и остается вполне правдоподобной. Однако о России нет упоминания в легенде на печати Михаила, «остається необъяснимым несовпадение титулов князя и княгини», «поэтому не исключается возможность того, что Михаил, архонт Зихии, Матрахи и Хазарии, был византийским наместником на Боспоре»⁵⁵.

Думается, однако, что несовпадение титулов князя и княгини может найти удовлетворительное объяснение и в рамках гипотезы А. В. Соловьева. Мы уже отметили неоправданность узколокального определения буллы Феофано как исключительно тмутараканского памятника. Ни из оформления буллы, ни из ее легенды, ни из титула Феофано невозможно извлечь таких узколокальных указаний. Печать Феофано стоит в кругу булл русских архонтов и архонтисс, пользующихся этим титулом как знаком принадлежности к роду русских князей. Эта печать могла применяться и в ранний период деятельности Олега.

Напротив, узость титула архонта Михаила вполне соответствует характеру тмутаракан-

⁵³ А. V. Soloviev. Domination byzantine on russe, au nord de la Mer Noir à l'époque des Comnène, p. 580.

⁵⁴ А. Л. Монгайт. О границах Тмутараканского княжества в XI в., стр. 60.

⁵⁵ А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 95.

ского княжения Олега-Михаила, когда он, обосновавшись на берегах Боспора, заключив антирусский союз с кочевниками, противопоставил себя коалиции русских князей.

Связывая вслед за А. В. Соловьевым печать архонта Михаила с князем Олегом Святославичем, мы не можем не отметить своеобразие его титула. Избрав этот титул, столь отличный от традиционного титула архонта России, Олег как бы поставил себя вне сообщества русских князей. На 1094 г. полностью прекращаются русские летописные свидетельства о Тмутараканском княжестве. Некоторые источники, освещающие наступивший сразу же после этой даты период, отражают весьма своеобразное состояние наследия князя Олега. Письмо жившего на рубеже XI—XII вв. болгарского архиепископа Феофилакта полководцу Григорию Тарониту недвусмысленно говорит о проникновении Византии в эти области, где в тот момент существовали «греческие города между рекой Танаис и Мэотидским озером»⁶⁶. Еще определеннее открытое Г. Г. Литавриным свидетельство Мануила Стаборомана, называющее в числе территориальных приобретений Алексея Комнина Босфор Киммерийский, подчинившийся Византии, таким образом, не позднее 1118 г.⁶⁷ И вместе с тем показания Идриси засвидетельствовали существование в Матрахе еще в середине XII в. самостоятельной династии Олуабас. Исследователи предполагают в этих загадочных «Олуабас» наследников злопучного Олега Святославича — Ольговичей⁶⁸.

Как видим, это двойственное состояние Боспора, при котором существование особой местной династии сочеталось с элементами значительного влияния Византии, как бы уходит корнями в своеобразие Тмутараканского княжества времен Олега Святославича. Уже тогда необычная титулатура печати Олега-Михаила отразила самостоятельность его княжения и разрыв с традиционными формами русской княжеской организации. Рассмотренные материалы позволяют предположить, что в процессе постепенного усиления Византии на берегах Боспора не последнюю роль сыграли сепаратистские склонности черниговского князя Олега Святославича.

Выше рассмотрены все русские печати с греческими строчными надписями, достоверность

отнесения которых в число княжеских булл подтверждается наличием таких безусловных деталей, как титулование их владельцев «архонтами» или соединение в легенде христианского имени с князьим, мирским. Существует, однако, небольшая группа булл того же типа, обнаруживающая исключительную близость с только что изученными печатями, но лишенная указанных деталей, столь драгоценных для определения конкретной принадлежности булл.

Прежде чем познакомиться с этой группой, следует подвести хронологические итоги уже изложенным наблюдениям. Мы рассмотрели 23 буллы, оттиснутые 18 парами матриц, и убедились, что их общие хронологические рамки отличаются несомненной определенностью. Они сравнительно узки и обнимают период от середины XI до начала XII в. В дальнейшем следует иметь в виду этот вывод, чтобы опереться на него в наблюдениях над менее поддающимися конкретной атрибуции буллами.

Таких, менее определенных, но принадлежавших к рассматриваемому типу печатей нам сейчас известно 13; они образованы 9 парами матриц. Особенность их легенд сравнительно с уже воспроизведенными выше заключается в предельной лаконичности благожелательной формулы, призывающей благословение на «раба божия имя рек», но не титулующей владельца и не сообщающей его мирского имени. Практически эти печати примыкают к группе булл Андрея-Всеволода и Меркурия-Вячеслава, на которых также нет княжеского титула.

Существует один принципиальный вопрос, который должен быть решен до того, как будут предприняты попытки конкретного определения этих девяти сфрагистических разновидностей. Имея на печатях только обозначение имени владельца, мы, естественно, не предполагаем прямым указанием на княжескую принадлежность этих булл, которые могли пришиваться к документам, например, духовными лицами. Для предварительного решения этого важного вопроса оказывается полезным рассмотрение состава зафиксированных на печатях имен.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что уже в первые десятилетия существования на Руси христианства как официальной религии определилась известная разница в составе излюбленных имен, присваиваемых князьям при крещении и даваемых при пострижении. Между двумя этими группами имен не было преграды, одно и то же имя мог носить и князь, и архиерей (назовем, например, имена Константина, Михаила, Георгия). Однако до-

⁶⁶ А. П. Каждан. Указ. соч., стр. 96.

⁶⁷ G. G. Litavrin. A propos de Tmutarokan. «Byzantion», t. XXXV (1965), p. 221—234.

⁶⁸ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г. КСИИМК, вып. 43, 1952, стр. 19; Б. Недков. България и съседните земи през XII в. според Идриси. София, 1960, стр. 101.

статочно положить перед собой два списка — с именами архиереев и крестильными именами князей, чтобы разница бросилась в глаза. Списки митрополитов и епископов изобилуют именами, абсолютно не встречающимися в составе княжеских крестильных имен (Феонемпт, Ефрем, Никифор, Мануил, Нифонт, Исаия, Герман, Феоктист, Лука и т. д.), тогда как в княжеских списках имеются свои дезидерата (для раннего времени назовем имена: Андрей, Василий, Димитрий, Роман, Давид). Наличие такой разницы в составе излюбленных имен позволяет нам утверждать, что на ниже рассматриваемых буллах запечатлены имена, органически принадлежащие к кругу предпочтительных княжеских. В их составе нет ни одного имени, более присущего духовным властям. Вот эти имена: Андрей, Василий, Георгий, Константин, Михаил, Роман, Христина.

Печать Андрея. Булла с изображением св. Андрея и греческой надписью: [Κύριε βοήθη] θεο [τ]ο σφ̄ δ[οῦλ]ω Ανδρεη, т. е. «Господи, помози рабу своему Андрею» (№ 34), к сожалению, не могла быть сфотографирована. Найденная около 1953 г. в г. Козельце Черниговской обл., она хранилась у ныне покойного Ф. А. Клименко, которым был снят и прислан в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа эстамп на фольге, никак не закрепленный и потому сильно измятый. Печать и по своему размеру, и по композиции обнаруживает большую близость с буллами Андрея-Всеволода и может быть предположительно объединена с ними.

Печать Василия. На найденной в 1957 г. при раскопках Старой Ладogi печати изображен св. Василий Кесарийский и помещена греческая надпись: + Κ[ύρι]ε β[οήθη] θεο [τ]ο σφ̄ δ[οῦλ]ω Βασιλειω, т. е. «Господи, помози рабу своему Василию» (№ 38). При ее атрибуции можно колебаться только между двумя князьями, носившими в крещении это имя. Так звали Владимира Святославича и Владимира Мономаха, которые оба имеют право претендовать на ладожскую буллу. Однако в пользу Мономаха свидетельствует общее хронологическое определение всей группы печатей с греческими строчными надписями, не выходящих пока за ранний рубеж — середину XI в. Для обоснования принадлежности буллы Владимиру Святославичу нужно было бы назвать какие-то исключительно архаические признаки, поскольку такое ее определение противопоставило бы ладожскую буллу всем остальным разобранным выше памятникам как более древнюю (по крайней мере на полвека). Однако таких признаков нет.

Печать Михаила. По-видимому, достаточно уверенное определение возможно предложить и для другой старолadoжской печати, найденной в 1950 г., с изображением архангела Михаила и греческой надписью: Κ[ύρι]ε βοήθη [ε]μ[ο]ν σωη δ[οῦλ]ω η[μ]ο Μιχαηλ, т. е. «Господи, помози рабу своему Михаилу», до крайности искаженной (№ 37). Среди русских князей XI — начала XII в. крестильное имя Михаил носили только Святополк Изяславич и Олег Святославич. Печать Олега описана выше, как и печать его жены Феофано. Им свойственно употребление развернутой титулатуры. Поэтому более пристальное внимание в связи со старолadoжской буллой привлекают к себе имя и деятельность Святополка-Михаила Изяславича.

Святополк, сын Изяслава Ярославича, родился в 1050 г. В 1068 г. он получил в княжение Полоцк, откуда спустя два года был изгнан Всеславом. С 1078 по 1088 г. Святополк княжил в Новгороде, а с 1088 по 1093 г. — в Турове. Наконец, с 1093 г. до смерти в 1113 г. он был киевским князем. Михаилом летописец называет Святополка, рассказывая о его кончине в 1113 г.⁵⁹

Ниже будут рассмотрены некоторые буллы Святополка-Михаила, датируемые киевским периодом его княжения⁶⁰. Они резко отличны от старолadoжского экземпляра, который мы склонны связывать с новгородским периодом княжения Святополка, опираясь на самый факт находки этого экземпляра на территории Новгородской земли.

Печать Георгия. К найденной в 1955 г. в Киеве булле с изображением св. Георгия и греческой надписью: + Κ[ύρι]ε β[οήθη] θεο [τ]ο σφ̄ δ[οῦλ]ω Γεωργιω, т. е. «Господи, помози рабу своему Георгию» (№ 35), применимы все те наблюдения, которые были сделаны в связи с печатью № 24, принадлежащей «архонту Георгию». И в этом случае конкретная атрибуция буллы затруднена отсутствием наводящих деталей. Отметим лишь, что вряд ли ее возможно связывать со временем Ярослава Мудрого, так как она лишена архаизирующих признаков. Так же как и там, наиболее вероятными ее владельцами должны быть признаны Ростислав Владимирович (умер в 1066 г.) и Мстислав Изяславич (умер в 1069 г.), христианские имена которых не известны, хотя и не исключается полностью возможность ее принадлежности к сфрагистике Юрия-Георгия Владимировича Долгорукого. Начало активной дея-

⁵⁹ ПСРЛ, т. I, выш. 2, Изд. 2. Л., 1927, стб. 290.

⁶⁰ См. ниже раздел: «Печати с надписью «Дьяблосло»».

тельности этого князя относится к первым десятилетиям XII в., когда еще существовали княжеские буллы со строчными греческими надписями.

Впрочем, окончательную проверку этого допущения следует отложить до знакомства с поздними печатями Владимира Мономаха исходя из соображения, что печати сына и отца, бытовавшие одновременно, должны содержать сходные элементы.

Печать Романа. К группе древнейших булл, не титулирующих владельца, относится печать с именем Романа, найденная на городище Старые Безрадицы близ Киева (№ 36). Эта печать была подробно изучена Н. П. Лихачевым, предложившим и ее предположительную атрибуцию⁶¹. Однако не все наблюдения издателя буллы представляются нам правильными.

Н. П. Лихачев безоговорочно признает наличие на печати изображения Богоматери особого, малораспространенного в иконографии типа. При этом исследователь ссылается главным образом на якобы имеющиеся по сторонам изображения богородичные титлы МР — ΘΥ. Обращение к подлиннику не обнаружило указанных издателем букв. Остатки надписей действительно имеются по сторонам погрудного изображения, но они не читаемы. Что касается самого изображения, в нем вряд ли можно видеть женский иконографический тип. «Прическа» изображенного лишь отдаленно напоминает плат, не имея в то же время некоторых характерных деталей последнего. Так, как на рассматриваемой печати, обычно изображались прически святых «младых образом». Иконографический тип святого вполне соответствует типу изображения св. Романа Сладкопевца, описанному в подлиннике следующими словами: «Роман певец кондакареви, в руке у него свиток; образом млад, а власы русы, а риза у него киноварь»⁶².

Соответственно с таким пониманием изображения мы читаем и надпись лицевой стороны не так, как предложил Н. П. Лихачев. Утраченный первый знак надписи он восстанавливал как Θ и всю надпись читал: [Θεοτό]κε β[οή]θ[ε]α τῆ σφ̄ δ[ούλ]φ [Ρωμαν]φ̄, обращая при этом особое внимание на отсутствие традиционного крестика в начале надписи. Нам представляется более правильным читать сле-

дующим образом: + Κ [ύρι]ε β[οή]θ[ε]α τῆ σφ̄ δ[ούλ]φ [Ρωμαν]φ̄, т. е. «Господи, помози рабу своему Роману».

В высшей степени уязвим вывод Н. П. Лихачева относительно возможной принадлежности печати Романа. Исследователь отметил, что «имя Романа носил сын Владимира Святого св. князь Борис», и призвал именно на него «обратить прежде всего наше внимание»⁶³. Схема доказательств, исходящая из этого тезиса, построена далее следующим образом. Исследователь обращает внимание на показания некоторых источников, отмечающих особое благорасположение Владимира к Борису и Глебу и указывающих на нахождение их в Киеве в момент смерти отца. Затем привлекается вывод об изображении на печати Богоматери, которая признается общим палладиумом киевского княжеского дома и Киевской земли, коль скоро таким палладиумом может быть признана Богоматерь Десятинной церкви. На этом основании Н. П. Лихачев считал возможным прийти к такому по меньшей мере смелому выводу: «Изображение Богородицы-Оранты на печати Романа мы решаемся считать тем изображением Богоматери, которое находилось в Десятинной церкви»⁶⁴.

Выше уже отмечена спорность предложенного исследователем истолкования изображения на печати Романа. Однако методический просчет этого построения не сводится к истолкованию сюжета буллы. Более существенным кажется нам то обстоятельство, что Н. П. Лихачев, предложив «обратить прежде всего наше внимание» на Бориса Владимировича как возможного владельца буллы, не остановился далее на возможностях иной атрибуции печати. Поэтому его вывод лишен той точности, какой требует критический анализ источника.

Переходя к такому анализу, следует прежде всего отметить, что булла Романа действительно должна быть отнесена к раннему периоду развития русской сфрагистики. На многочисленных материалах домонгольского времени хорошо прослеживается существование устойчивого тождества имен Борис и Роман, с одной стороны, и Глеб и Давид — с другой. Сочетания имен Борис-Роман и Глеб-Давид, принадлежавшие соответственно Борису и Глебу Владимировичам, после их канонизации на одном из этапов развития русской ономастики сделались традиционными и каноническими. Это слияние имен было столь характерным, что

⁶¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 269—274 («Печать Романа»).

⁶² Д. А. Григоров. Русский иконописный подлинник. «Записки Русского археологического общества», новая серия, т. III. СПб., 1888, стр. 103.

⁶³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 272.

⁶⁴ Там же, стр. 274.

именам Роман и Давид на буллах постоянно соответствуют изображения Бориса и Глеба, хорошо опознаваемые по присвоенным им иконописными подлинниками княжеским шапкам. В процессе слияния имен, таким образом, князья Романы и Давиды получали патронат не Романа Сладкопевца и царя Давида, а русских святых Бориса и Глеба.

Однако эта традиция складывается не сразу после первой предполагаемой канонизации Бориса и Глеба в 1026 г.; ей, по всей вероятности, дают начало княжеские мероприятия по укреплению борисоглебского культа в 1072 и 1115 гг., когда мощи Бориса и Глеба переносятся в новые храмы-«реликварии». Еще во второй половине XI в. патронат св. Романа четко отличают от патроната св. Бориса, так же как патронат св. Давида от патроната св. Глеба. Примеры можно извлечь из практики наречения княжичей того времени. У Святослава Ярославича, родившегося в 1026 г. и умершего в 1076 г., были сыновья Роман (упоминается с 1077 г., умер в 1079 г.) и Давид (упоминается с 1095 г., умер в 1123 г.). Но у него был также и сын по имени Глеб (упоминается с 1064 г., умер в 1078 г.). У Всеслава Брянславича, упоминаемого с 1044 г. и умершего в 1101 г., были сыновья Роман (умер в 1114 г.) и Давид (упоминается с 1103 до 1129 г.), но также Борис-Рогволд (упоминается с 1106 г., умер в 1128 г.) и Глеб (упоминается с 1104 г., умер в 1119 г.).

Поэтому предположительно буллу Романа, на которой в качестве святого патрона изображен не Борис, а еще Роман Сладкопевец, можно отнести к достаточно широкому хронологическому периоду, охватывающему весь XI в. и начало XII в. или же по крайней мере весь XI в., если допустить возможность канонического слияния имен уже после первого перенесения мощей Бориса и Глеба в 1072 г.

В указанный промежуток времени имя Роман кроме Бориса Владимировича носили еще три князя: 1) Роман Святославич, впервые упоминаемый летописцем в 1077 г., когда он княжил в Тмутаракани, и убитый половцами в 1079 г.⁶⁵; 2) Роман Всеславич, умерший в Полоцке в 1114 г.; 3) Роман Владимирович, сын Мономаха, женившийся в 1113 г., получивший

⁶⁵ Самое раннее, внелетописное, упоминание Романа Святославича относится к 1073 г. Он изображен на выходной миниатюре Изборника Святослава среди своих родителей и братьев. В 1073 г. Роман был вполне взрослым; дату его рождения можно предполагать в середине XI в. (см.: *Н. П. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века.* СПб., 1906, стр. 41).

в княжение от отца Владимир-Волынский в 1117 г. и умерший в 1118 г.

Последние два князя вряд ли могут быть признаны возможными владельцами буллы Романа. Их самостоятельная деятельность началась только в XII в. (у Романа Всеславича не ранее 1101 г., когда умер его отец) — в эпоху, когда в княжеской сфрагистике складывались уже иные традиции. Что касается Романа Святославича, то он представляется нам более вероятным претендентом на владение этой буллой. В его пользу говорит близость ее типа всему кругу рассматриваемых здесь памятников, нижний хронологический рубеж которых ни разу не перешел за грань середины XI в.

Печати Константина. Не менее прямолинейно, на наш взгляд, решен Н. П. Лихачевым и вопрос о принадлежности булл, несущих изображение и имя Константина. Таких булл известно пять, причем по матрицам они делится на две группы, содержащие, впрочем, одинаковые поясные изображения царя Константина и одинаковую надпись на греческом языке: + K[ρ]ι]ε βοήθει τῷ σφ̄ δοῦλ[ῳ] K]ων, т. е. «Господи, помози рабу своему Константину» (№ 32, 33). Разница может быть отмечена лишь в деталях и в размере матриц. В первую группу (№ 32) входят две тождественные буллы размером до 31 мм, во вторую (№ 33) — три также тождественные буллы размером около 21 мм. Печати первой группы происходят из Ступницы в Западной Украине и из Киева. Буллы второй группы найдены в Киеве, Смоленске и Старой Рязани.

У Н. П. Лихачева не вызывал сомнений вопрос о принадлежности обеих групп печатей Константина одному лицу. Не вызывает сомнений этот вопрос и у нас. Несмотря на разницу в величине, обе группы обнаруживают значительную близость всех элементов изображений и надписей, копируя общий образец или происходя одна от другой.

Владельцем этих булл Н. П. Лихачев предполагал единственного достоверного, известного источником князя Константина — Мстислава Владимировича Красного⁶⁶. Брат Ярослава Мудрого Мстислав родился в 980 г. В 987 г. он получил в удел Тмутаракань, где княжил до 1024 г., затем он княжил в Чернигове, там и был похоронен в 1034 г. Константином его называет Любецкий синодик⁶⁷.

Несмотря на отсутствие других сведений о князьях, носивших крестильное имя Констан-

⁶⁶ *Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*, вып. 1, стр. 157—158; вып. 2, стр. 276—277.

⁶⁷ *Р. Вл. Зотов. Указ. соч.*, стр. 24.

тин в XI в., решение Н. П. Лихачева не может быть признано бесспорным или единственно возможным. Против него не только отсутствие архаизирующих черт, но и широкая распространенность булл Константина, которая указывает на существование активных связей этого князя с Киевом, а также с Волынской землей и Смоленском. Вместе с тем это действительно печать, которую следует сравнить с древнейшими уже известными нам буллами. Ступницкий экземпляр обнаруживает наибольшую близость с печатями Андрея-Всеволода и Меркурия-Вячеслава.

Поэтому нам не кажется невероятной попытка искать возможного владельца печатей Константина среди тех князей середины—третьей четверти XI в., чьи христианские имена пока остаются неизвестными. К числу таких князей относится, например, Игорь Ярославич, который в 1054 г., получив в удел Владимир-Волынский, стал волыньским князем, а затем, по смерти Вячеслава в 1057 г., вокняжился в Смоленске, где оставался до смерти в 1060 г. Именно Игорь Ярославич представляется нам наиболее вероятным владельцем булл, несущих изображение и имя Константина и органически включающихся в группу княжеских сфрагистических памятников середины XI в.

Печати Христины. К типу русских печатей с греческими строчными надписями относятся два обломка любопытных булл из новгородских находок. На одной стороне этих булл помещено погрудное изображение женщины в короне и с нимбом, на другой — греческая надпись: ἡ ἅγια Χριστίνα, т. е. «святая Христина» (№ 39).

Н. П. Лихачев высказал предположение, что эти буллы принадлежали русской княгине, носившей сравнительно редкое имя. Так звали первую жену новгородского князя Мстислава Владимировича, сына Мономаха, — дочь шведского короля Инге Стенкильсона. Летопись сообщает о смерти Христины в 1122 г., когда ее сын Всеволод был уже взрослым человеком (он женился в следующем году)⁶⁸.

Придерживаясь предложенной Н. П. Лихачевым атрибуции буллы, мы должны остановиться на одном вопросе, связанном с нею. Атрибуты изображения на булле Христины заставляют признать две возможности его истолкования. Буквальное понимание этих атрибутов говорит, что на печати изображена св. царица Христина. Однако среди христианских

святых имеются только две мученицы Христины, ни одна из которых не была царицей. Нимб в древности мог и не быть признаком святости, поскольку в отдельных случаях он сохранял значение признака высокого сана. В таком случае можно было бы предположить, что на печати Христины изображена сама княгиня. И тем не менее, по-видимому, следует отказаться от такого истолкования сюжета. В росписи Спас-Нередицкой церкви св. Христина изображена именно в короне⁶⁹. По всей вероятности, в Новгороде использовался лицевой подлинник с ошибочно указанными атрибутами, который и лег в основу обоих дошедших до нас и происходящих из Новгорода изображений св. Христины. Отмеченная ошибка, таким образом, содержит в себе драгоценное указание на место изготовления матриц рассматриваемой здесь буллы. Любопытно, что именно в Новгороде бытовали какие-то легенды о местной чтимой святой «королеве Харитиве Новгородской»⁷⁰.

Печати с неопределенным именем. Еще две печати с греческими строчными надписями, оттиснутые одной парой матриц, не могут пока стать объектом пристального изучения, поскольку имя их владельца не читается. На одной их стороне помещено поясное изображение святителя, на другой — начало обычной греческой надписи: «Господи, помози рабу своему» (№ 40). Лишь повторные находки таких булл внесут ясность в проблему их атрибуции.

Рассмотрение возможных вариантов датировки булл с греческими строчными надписями, не титулующими их владельцев и сообщающими только христианские имена князей, показывает, что все эти печати с наибольшей вероятностью могут быть отнесены к тому же хронологическому периоду, к которому принадлежат достоверно датированные буллы. Древнейшие печати этого типа датируются серединой XI в., самые поздние — началом XII в.

⁶⁸ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. Памятники Владимира, Новгорода и Пскова. СПб., 1899, стр. 139; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 165.

⁷⁰ И. А. Шляпки. Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности. Конспекты лекций по истории и древностям Великого Новгорода, читанных в 1909 г. в Новгородском обществе любителей древности гг. лекторами имп. Археологического института. Новгород, 1910, стр. 23.

⁶⁸ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 165—166; НПЛ, стр. 21, 205.

Анализируя список установленных выше владельцев княжеских печатей второй половины XI в., мы можем отметить в нем некоторые существенные пробелы, особенно заметные в самом начале этого списка. Возникновение княжеской печати с греческими строчными надписями было бесспорным фактом для середины 50-х годов XI в., на что указывает само существование буллы Вячеслава-Меркурия, датированной 1054—1057 гг. С этого момента булла рассмотренного типа широко бытует на протяжении по крайней мере полувека.

Между тем в списке владельцев подобных печатей отсутствуют имена двух долговечных и достаточно значительных князей второй половины XI в., активная деятельность которых в масштабах всего Киевского государства обнимала четверть столетия. Мы имеем в виду деятельность старших сыновей Ярослава Мудрого — Изяслава, который с 1054 до 1078 г. (с перерывами в 1067—1068 и 1073—1077 гг.) был киевским князем, и Святослава, княжившего в Чернигове в 1054—1073 гг. и в Киеве в 1073—1076 гг. Печати этих двух князей в группе булл с греческими строчными надписями отсутствуют: нам хорошо известны их христианские имена — Изяслава звали Дмитрием, а Святослава Николаем, ни разу не отмеченные на печатях разобранных выше группы.

Вряд ли существуют серьезные основания думать, что отмеченный пробел вызван неполнотой собранного материала. Достаточно вспомнить девять экземпляров буллы Всеволода Ярославича, непосредственного преемника Изяслава и Святослава, чтобы начисто снять предположение о случайности такого пробела.

Печати Изяслава и Святослава Ярославичей отыскиваются в группе булл иного типа, которую в целом мы называем группой печатей архаической традиции.

Печати Николая. К настоящему времени известно пять печатей, отиснутых четырьмя разными парами матриц и несущих на одной стороне изображение св. Николая Мирликийского, а на другой — человеческой фигуры, стоящей в полный рост с большим крестом в руке (№ 10—13). Все четыре разновидности булл обнаруживают теснейшую близость между собой, отражающую различные этапы копирования одного образца. Четыре печати происходят из киевских находок, одна обнаружена в Новгороде⁷¹.

Крестильное имя Николай среди русских князей XI в. носил только второй сын Ярослава Мудрого, основоположник династии черниговских князей Святослав. Его христианское имя названо в Любецком синодике⁷². Печати № 10 и 11 подтверждают такую атрибуцию. На печати № 10 около изображенной на ней человеческой фигуры с крестом имеются буквы «СВЯ», которые можно трактовать как начало имени Святослав или Святополк. На найденной в 1963 г. в Киево-Печерской лавре булле, являющейся непосредственной репликой печати № 10, имя передано в более полном варианте, не оставляющем сомнений в том, что печать принадлежит какому-то Святославу.

Н. П. Лихачев склонен был приписывать изданную им печать № 10 внуку Святослава Ярославича — Святославу-Николаю Ольговичу, черниговскому князю, умершему в 1164 г. При этом исследователь опирался на весьма случайные сопоставления, рассматривая буллу вне связи с группой действительно близких ей памятников⁷³. Вопрос об истинной принадлежности данной и остальных булл разбираемого здесь типа окончательно решился в 1953 г., когда печать № 13, 2 была обнаружена в Новгороде во время раскопок в слоях, дендрохронологически датированных 1025—1076 гг.⁷⁴, т. е. временем княжения Святослава Ярославича. Ниже мы покажем, что Святославу-Николаю Ольговичу принадлежали печати иных типов, вполне характерных для XII в.

Святослав Ярославич, родившийся в 1026 г., получил Чернигов в 1054 г., в 1073 г., по изгнании старшего брата Изяслава, он стал киевским князем и держал Киев до смерти в 1076 г. Его печати мы должны датировать, таким образом, 1054—1076 гг., признавая их синхронность ранним буллам с греческой строчной надписью.

Большое значение имеет вопрос о характере изображения лицевых сторон печатей Николая. Человеческая фигура, стоящая в полный рост, в пышных одеждах, с крестом в руке, не имеет нимба и не может быть трактована как изобра-

св. Николая («Материалы для истории византийской и русской сфрагистики», вып. 1, стр. 122). Однако находка еще одного экземпляра (№ 13, 2) опровергла это мнение.

⁷² Р. Вл. Зотов. Указ. соч., стр. 33.

⁷³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 121—122.

⁷⁴ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1. М., 1956, стр. 158—159, № 43.

⁷¹ На печати № 13, 1 очень плохой сохранности Н. П. Лихачев предполагал изображение св. Дмитрия, а не

жение святого, тем более что нимб отсутствует на всех четырех вариантах матриц. Характер этой фигуры определяется главным образом ее головным убором, очертания которого во всех случаях определены и не вызывают сомнений. Это княжеская шапка, хорошо известная по изображениям на миниатюрах, в иконографии Бориса и Глеба и т. д. Отсутствие нимба в сочетании с княжеской шапкой позволяет установить, что на печатах изображен сам князь, владелец буллы; это подтверждается и наличием на печатах № 10 и 11 княжого имени.

Изображение стоящего во весь рост князя с крестом в руке находит ближайšie аналоги на подавляющем большинстве типов древнейших русских монет, где оно характерно для всех вариантов златников и сребреников с именем Владимира, Святополка и Петра. На некоторых из этих монетных изображений фигура также не имеет нимба, на других нимб показан. Как это доказал еще Л. Э. Стефани и подтвердил И. И. Толстой, нимб первоначально — на Руси еще в XI в. — часто символизировал высокий сан изображенного⁷⁵.

Печата Димитрия. Бесспорное, на наш взгляд, решение может быть предложено и при истолковании древнейших печатей с именем и изображением св. Димитрия. Таких печатей сейчас известно девять, причем принадлежат они к трем типам. На одном, представленном четырьмя вариантами (3 из киевских находок, 1 из Минской обл.), лицевая сторона занята изображением пышной многолепестковой розетки, окруженной сложным ободком; на обороте — поясное изображение св. Димитрия (№ 6—9). Второй тип, известный в двух вариантах (каждый вариант в двух экземплярах — из Новгорода, Волковыска и Полтавщины), очень близок первому. На его лицевой стороне также розетка, на этот раз четырехлепестковая, в окружении сложного декоративного ободка, а на оборотной хорошо видна стоящая в полный рост фигура в императорском венце, с копьем и щитом, окруженная зеркальной греческой надписью с именем Димитрий: Διμιτ[ρ]ος... (№ 4 и 5). Третий тип, обнаруженный в 1962 г. в Новгороде, несет изображение княжеского знака в окружении греческой надписи: + Κ[ων]σταντ[ιν]ος βασιλεως τῆς Ῥωμ[αίων] αὐτοκρατορίας, т. е. «Господи, помози рабу своему Димитрию»; оборотная сторона этой

буллы содержит изображение стоящего во весь рост св. Димитрия Солунского (№ 3).

На протяжении XI в. среди русских князей известен только один, достоверно называвшийся в крещении Димитрием. Это старший сын Ярослава Мудрого Изяслав, родившийся в 1024 г., княживший какое-то время в Турове, затем после смерти отца получивший в 1054 г. Киев. В киевском княжении Изяслава Ярославича, продолжавшемся до смерти в 1078 г., было два перерыва: в 1067—1068 гг., когда его изгнали киевляне, и в 1073—1077 гг., когда он бежал от братьев Святослава и Всеволода. Принадлежность ему крестильного имени Димитрий засвидетельствована летописным сообщением, буллой папы Григория VII и надписью на палилуме, пожертвованном Изяславом на гробницу св. Адальберта⁷⁶.

Связывая с Изяславом-Димитрием Ярославичем печати № 6—9, мы опираемся не только на совпадение в имени, но и на обилие вариантов буллы, находящихся в несомненном ближайшем родстве между собой. Показательно, что Н. П. Лихачев, когда ему были известны только печати № 6 и 7, писал: «Может быть, из всех приуроченных нами печатей отнесение описанной буллы с именем св. Димитрия великому князю Изяславу является наиболее достоверным»⁷⁷. Что касается печатей № 4 и 5, они, будучи обозначены именем Димитрия, не имеют к тому же иных аналогий в русской сфрагистике, кроме печатей № 6—9. И здесь, и там изображены орнаментальные розетки, нигде более не встречающиеся. Отметим, что такое же обилие вариантов свойственно сфрагистике Святослава Ярославича, современника Изяслава, и Всеволода Ярославича, его ближайшего преемника.

Печать с изображением св. Димитрия, найденная в Новгороде и резко отличная по типу от только что описанных, обнаруживает несомненное композиционное сходство с «Ярославом сребром» — монетами, чеканенными Ярославом Владимировичем в Новгороде в начале XI в. Так же как на этом типе монет, одна сторона печати занята княжеским знаком и круговой надписью, а другая — изображением святого, тезоименитого владельцу. Это сходство подчеркнуто стратиграфической датой печати № 3, найденной в слоях XI в. Княжеский знак печати как бы продолжает линию раз-

⁷⁵ Л. Стефани. Нимб и лучезарный венец в проназвездных древнего искусства. СПб., 1863; И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв. «Записки Русского археологического общества», новая серия, т. VI. СПб., 1893, стр. 337—340.

⁷⁶ В. Л. Янин. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. «Нумизматика и эпиграфика», т. IV. М., 1963, стр. 160.

⁷⁷ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 168.

вития знака Ярослава Мудрого, изображенно-го на монетах. Это тоже трезубец, но на вер-шине его среднего зубца помещен не круг, а полукружие. Исходя из всех этих показаний, мы относим печать № 3 сыну Ярослава Вла-димировича — Изяславу-Димитрию.

Поскольку с киевскими печатями этого кня-зя мы уже знакомы и они принадлежат к дру-гому типу, решаемся высказать относительно даты этой буллы следующее предположение. Хорошо известно, что на протяжении XI в. существовала тенденция закреплять Новгород за старшим сыном правящего в Киеве князя. Во времена Ярослава Владимировича эта тен-денция осуществлялась помещением на новго-родский стол сначала старшего сына Яросла-ва — Ильи, а затем, после смерти последнего, следующего сына — Владимира. Владимир Яро-славич умер в 1052 г., и до момента присылки в Новгород посадника Остромира в 1054 г. (по занятии киевского стола Изяславом) о судь-бе новгородского княжения летопись молчит. Не был ли в этот срок новгородским князем следующий по старшинству сын Ярослава Изя-слав? Если такое предположение правильно, то печать № 3 можно было бы датировать ука-занными годами ⁷⁸.

Выше при разборе печатей Николая и Ди-митрия дважды была отмечена композицион-ная переключка булл с древнейшими русскими монетами. Это сходство сфрагистических и мо-нетных типов мы и кладем в основу выделения группы княжеских печатей архаической тра-диции, в которую кроме только что описанных типов входят еще две разновидности булл. Эле-менты композиции, свойственные княжеским печатям архаической традиции, не повторяют-ся в других сфрагистических типах. К их чис-лу относятся:

1) изображение княжеского знака, сопро-вождаемое круговой надписью (№ 1, 2, 3);

⁷⁸ В этой связи небезынтересно, что позднейшая нов-городская летописная традиция находит Изяслава в Новгороде в момент смерти Ярослава Мудрого: «Изяслава тогда сущю Новгороде» (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, стр. 139; т. VII. СПб., 1856, стр. 133), по Инать-евской летописи — «в Турове» (ПСРЛ, т. II, стб. 150). Ср. с показанием Остромирова евангелия (1056—1057 гг.): «Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяслав князь, правляше стол отца своего Ярослава Киева. А брата своего стол поручи правити близкоу своему Остромиру Новгоро-де».

Вообразившись к буллам № 4 и 5, отметим, что их пер-воначальная неверная атрибуция Ярополку Святосла-вичу (В. Л. Довженко, В. К. Гончаров, Р. О. Юра. Древньоруське місто Воїнь. Київ, 1966, стр. 96) была предложена до прочтения на волковысском эк-земпляре имени Димитрий.

2) сама круговая надпись (№ 1, 2, 3, 4 и 5);
3) изображение человеческой фигуры в пол-ный рост в княжеской шапке или в венце, с крестом или атрибутами власти (№ 4, 5, 10, 11, 12, 13).

К этим основным специфическим элементам композиции добавим еще один:

4) изображение розетки в окружении деко-ративного ободка (№ 4, 5, 6, 7, 8, 9), не встре-ченное больше нигде в русской сфрагистике.

Отмеченные первыми три композиционных элемента роднят всю группу печатей архаи-ческой традиции с древнейшими русскими моне-тами — златниками и сребренниками Влади-мира, Святополка и Ярослава. Там тоже наи-более характерными элементами композиции являются: изображение княжеского знака в окружении круговой надписи (на всех типах древнейших монет, кроме златников и первого типа сребренников Владимира); круговая над-пись (на всех древнейших монетах); изображе-ние стоящего во весь рост князя с крестом в руке (на подавляющем большинстве типов) (рис. 2) ⁷⁹.

Вопрос о датировке древнейших русских монет, который был неизменно дискуссионным на протяжении целого столетия, в настоящее время решается на основании анализа сохра-нившихся в своем составе эти монеты кладовых комплексов, а также на основании показаний всех монетных типов, которые содержат при-знаки, свидетельствующие о том, что первые русские монеты не могли быть отчеканены до принятия христианства. Поскольку древней-шие русские монеты всех без исключения типов встречаются уже в кладах конца первой чет-верти XI в., время их чеканки определяется периодом княжения Владимира Святославича (после принятия христианства), Ярослава Вла-димировича (новгородское княжение, до 1018 г.) и Святополка Окаянного (1015—1018 гг.), т. е. промежутком от конца 980-х годов до 1018 г. ⁸⁰

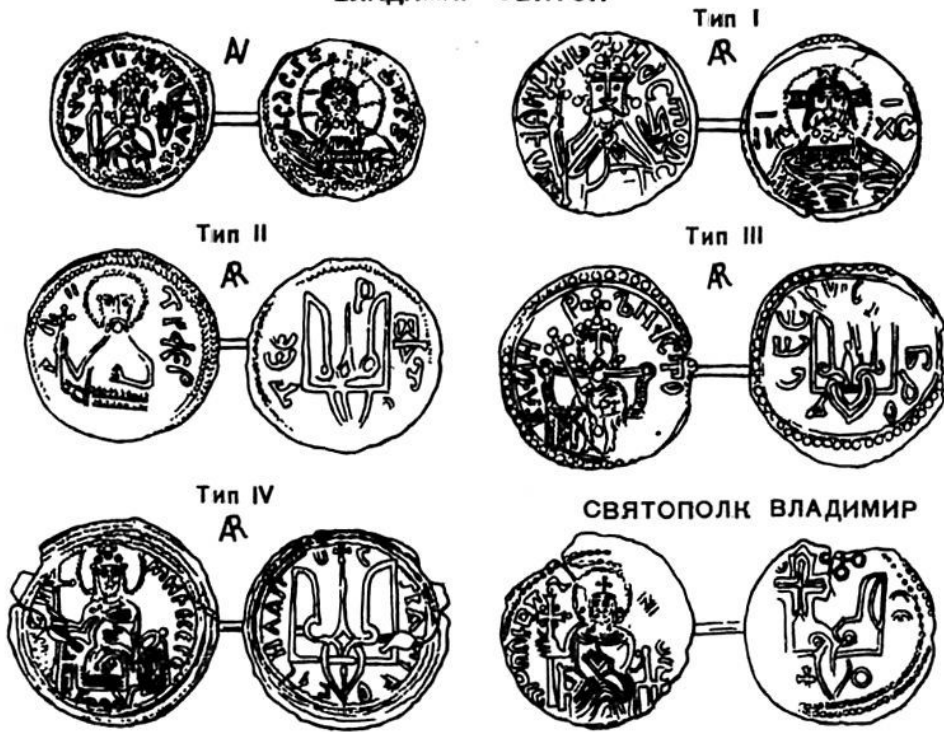
Хронологическая близость печатей архаи-ческой традиции этим датам подтверждается не только наличием общих иконографических элементов, но в двух случаях и стратиграфиче-скими показаниями. Печати № 3 и 13,2, как уже отмечено, были найдены при новгородских раскопках в непотревоженных слоях XI в.

Атрибуция печатей архаической традиции, несущих изображение тамги, или, как ее часто называют, княжеского знака, представля-ет значительные трудности. Эти трудности

⁷⁹ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882.

⁸⁰ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья.

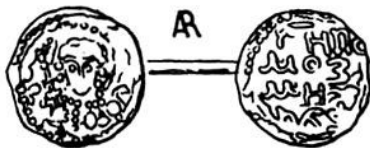
ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

ОЛЕГ (МИХАИЛ) СВЯТОСЛАВ

БОЛЕСЛАВ ХРАБРЫЙ

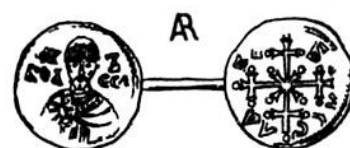

Рис. 2. Типы древнейших русских монет (по А. А. Ильину)

определяются в первую очередь тем, что до настоящего времени еще не предпринято монографического исследования таких знаков, ставящего перед собой цель выявить систему генеалогического взаимоотношения тамг и главные принципы их развития. Исследователи, однако, единодушно признают, что в основе развития княжеского знака лежало наследование отцовской тамги с добавлением (или изъятием) той или иной ее детали⁸¹. В результате каждый знак сочетает в себе признаки «родовые», т. е. позволяющие установить принадлежность знака к определенной ветви княжеского дома, и индивидуальные, т. е. позволяющие установить принадлежность знака определенному лицу.

Печать с изображением двух княжеских знаков. Исходя из признания такой природы тамги, можно предположительно определить принадлежность печати № 1, найденной в Киеве и несущей на обеих сторонах идентичные тамги в виде двузубца, окруженные неразборчивой круговой надписью.

Нам известны достоверные княжеские знаки Владимира Святославича на пяти типах его монет (златники и четыре типа сребреников), Святополка Ярополковича на трех типах его монет (сребреники Святополка и так называемые «Ярослава — I и II типов») и Ярослава Владимировича на одном типе его монет («Ярославле сребро»).

Достоверность атрибуции этих знаков, впрочем, нуждается в некоторых комментариях. Единственным знаком, никогда не вызывавшим у исследователей сомнений в своей принадлежности, является знак Ярослава на «Ярославле сребре». Знаки Владимира А. В. Орешников отнес Владимиру Мономаху, которому он приписывал златники и все типы сребреников Владимира⁸². Атрибуция А. В. Орешникова была поддержана Б. А. Рыбаковым, сопроводившим, однако, свое мнение существенными оговорками в пользу возможной принадлежности сребреников и златников Владимира Владимировича Святославичу⁸³. В насто-

ящее время вывод о принадлежности этой группы монет Владимиру Святославичу, аргументированный совокупностью существующих фактов, не вызывает сомнений⁸⁴.

В рамках общей датировки древнерусского чекана концом X — началом XI в. не находит подтверждения также и попытка А. В. Орешникова связать группу монет Святополка и «Ярослава — I и II типов» с князьями второй половины XI — начала XII в. — Изяславом Ярославичем и его сыновьями Ярополком и Святополком. Исследователь опирался в этой попытке на трактовку надписей редчайших монет «Ярослава — I и II типов». На сребренике «Ярослава — I типа» имеется хорошо читаемая надпись «Петрос». На сребренике «Ярослава — II типа» — хорошо читаемая надпись «Петор» и другая практически нечитаемая, в которой А. В. Орешников хотел видеть имя Димитрий. Набор этих имен соответствовал бы княжескому имени Святополка Изяславича и христианским именам Изяслава Ярославича (Димитрий) и Ярополка Изяславича (Петр)⁸⁵. Противоречивость этой атрибуции с данными, датирующими монеты, заставила исследователей в их попытках определить принадлежность указанных монет остановиться на времени Святополка Ярополковича (1015—1018 гг.).

Однако и в пределах датировки всех сребреников временем не позднее 1018 г. существуют разные попытки решить вопрос об атрибуции монетных типов с именем Петр. Нами было высказано предположение о принадлежности обоих типов монет с этим именем к чекану Святополка Ярополковича, христианское имя которого не известно письменным источникам⁸⁶. Н. Д. Мец предполагала, что оба типа чеканились какими-то загадочными сыновьями Владимира еще при его жизни⁸⁷. В аргументации этих точек зрения главная роль принадлежит наблюдениям над знаками. Мы признаем все

⁸¹ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия АН СССР, серия VII, Отделение гуманитарных наук», 1930; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940; В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956.

⁸² А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси, стр. 60—80.

⁸³ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв., стр. 231. Впрочем, в самое последнее время Б. А. Рыбаков, по-видимому, вернулся к безоговорочному признанию точки зрения А. В. Орешникова, как можно судить из подписи

под рисунком древнерусских монет в его статье «Киевская Русь» в «Советской исторической энциклопедии» (СИЭ, т. 7. М., 1965, стб. 222). К сожалению, подпись под указанным рисунком не содержит аргументации.

⁸⁴ Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. «История культуры Древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 386—387; В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 166—168; Н. Д. Мец. Сребреники из с. Митьковки. СА, 1960, № 1; И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 45; А. А. Медынцева. Сребреники из Заречья на Стугне. СА, 1965, № 1.

⁸⁵ А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси, стр. 53—65.

⁸⁶ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья, стр. 166.

⁸⁷ Н. Д. Мец. Сребреники из с. Митьковки, стр. 214; ср.: И. Г. Спасский. Указ. соч., стр. 46.

Рис. 3. Знаки на сребрениках (по А. В. Орешникову)

знаки на монетах Святополка и на сребрениках Петра принципиально идентичным, тогда как Н. Д. Мец вслед за А. В. Орешниковым и Б. А. Рыбаковым признавала наличие на этих монетах трех разных знаков, которые, по ее мнению, должны быть приписаны трем разным князьям. Поэтому следует остановиться на вопросе об основных элементах княжеского знака, важных для его атрибуции. Ниже изображены два вида тамг: 1) имеющиеся на монетах с именем Владимира и 2) имеющиеся на монетах с именами Святополка и Петра («Ярослава — I и II типов») (рис. 3).

Обобщая свои наблюдения над знаками монет Владимира, А. В. Орешников писал: «Несмотря на кажущуюся одинаковость всех знаков (этой группы, в действительности их можно разделить на столько вариантов, сколько имеется разновидностей лицевых сторон сребреников... Некоторые отклонения в деталях знаков можно заметить на знаках монет Владимира второго типа классификации И. И. Толстого..., но эти отклонения не изменяют общего характера знака». И далее: «Из этого наблюдения я делаю вывод, что резчики родовых знаков не наблюдали строго за точностью рисунка знака, а варьировали по своему усмотрению в нижней

его части»⁸⁸. Упоминание здесь именно нижней части знака весьма симптоматично, поскольку А. В. Орешников признавал принадлежащими разным князьям знаки, показанные на рис. 3 в третьем ряду таблицы, все несходство между которыми сводится к незначительным различиям не в нижней, а в верхней части знака, вернее — к различиям в дополнительном значке, помещенном между верхними концами зубцов княжеского знака. Следовательно, вопрос сводится к выяснению роли этих дополнительных значков: могут они или не могут выполнять роль того индивидуализирующего признака, который должен лечь в основу атрибуции монет и знаков.

Предположим, что именно они и являются таким признаком, обозначая принадлежность трех типов монет трем различным князьям. Одного из этих князей — Святополка Ярополковича — мы уже знаем. В других Н. Д. Мец предполагала каких-то сыновей Владимира. Почему же в таком случае знаки этих предполагаемых сыновей оказались в ближайшем генетическом родстве со знаками Святополка Окаянного и не похожи на знаки их отца Владимира и брата Ярослава? Если обосновать данное сходство известным фактом усыновления Святополка Владимиром, то вопрос встанет в другую плоскость: так как индивидуализирующими признаются дополнительные значки, то основная фигура должна быть унаследованной. Но от кого? Ведь Владимиру Святополк принадлежит знак иного рисунка. В схеме А. В. Орешникова близость этих знаков была исчерпывающе объяснена, здесь же она не находит опоры.

С другой стороны, обращение ко всей практике употребления тамги русскими князьями на протяжении X—XIII вв. не обнаруживает случаев, подобных рассматриваемому, когда индивидуализирующая часть знака была бы изолирована от его основной части или когда знак вообще состоял бы из двух не связанных между собой частей. Привлечение всей совокупности русских княжеских знаков показывает также, что эти знаки существовали в двух главных разновидностях — «парадной», орнаментированной, украшенной множеством арабесок, как на древнейших монетах, и «линейной», упрощенной, сохраняющей лишь конструктивные элементы тамги. Знак Владимира, в частности, может быть передан простейшим изображением трезубца, действительно составляющего основу знака при множест-

⁸⁸ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам, стр. 95—96.

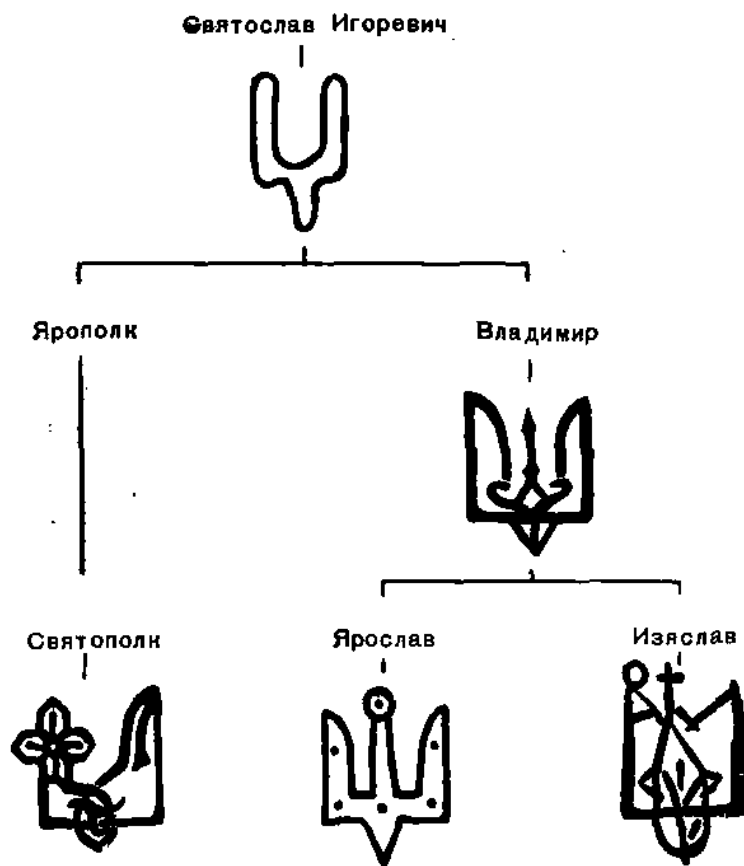

Рис. 4. Генеалогическая таблица древнейших княжеских знаков

венности его вариантов. Сведение «парадных» знаков II группы нашей таблицы (рис. 3) к упрощенному, «линейному» варианту во всех случаях дает одну и ту же фигуру двузубца с перекрестием на левом зубце. Если мы поставим все три известных нам по монетам знака в генеалогическую взаимосвязь, то в их взаимоотношениях сможем увидеть отражение общей закономерности развития княжеских знаков, уже отмеченной выше (рис. 4).

Знак Ярослава в самом деле наследует основную фигуру знака его отца Владимира, снабжая ее дополнительным кружком на вершине среднего зубца. Этот кружок и служит индивидуализирующим признаком знака Ярослава Владимировича. Знак Святополка потому и отличен от тамг Владимира и Ярослава, что он базируется на иной основе — знаке Ярополка Святославича, не дошедшем до нас.

Следовательно, реконструируя теоретически знак общего предка Святополка Ярополковича и Владимира Святославича — а таким был Святослав Игоревич, — мы должны искать

в знаках Святополка и Владимира те элементы, которые окажутся общими для них. Эти элементы содержатся в простейшем изображении двузубца. Однако именно такое изображение и помещено на обеих сторонах нашей буллы № 1, которую мы связываем предположительно со временем и именем Святослава Игоревича (умер в 972 г.).

Два обстоятельства могут быть привлечены к подкреплению высказанной предположительной атрибуции печати. Во-первых, Н. П. Лихачев, работавший с этой буллой и издавший ее, усматривал в ее круговой надписи остатки букв СТЛІА (не предпринимая при этом каких-либо попыток определить ее принадлежность)⁸⁹. Во-вторых, костяная плас-

⁸⁹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и машинописный текст. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. № 444, табл. LIII, 14. Ссылаемся на чтение первоиздателя, а не на самый предмет, так как оригинал буллы нам разыскать не удалось.

тинка с точно таким же знаком была найдена при раскопках в Саркеле в слое X в., что дало основание ее издателю отнести знак на пластинке именно Святославу Игоревичу⁹⁰.

Печать И з я с л а в а. Определению печати № 2 способствует и хорошо читаемая надпись «Иаас[лав]ос», и строение изображенного на ней княжеского знака, чрезвычайно близкого тамге Владимира Святославича и отличающегося от нее лишь дополнительным кружком на вершине левого зубца. Эти два признака позволили нам определить буллу, найденную в Новгороде в слое XII в., принадлежащей старшему сыну Владимира Святославича Изяславу (умер в 1001 г.)⁹¹.

Обращает на себя внимание отсутствие в изображениях буллы каких-либо христианских эмблем, которое резко отличает ее от всего наличного материала русской сфрагистики домонгольской поры и сближает только с печатью, предположительно отнесенной выше Святославу Игоревичу.

До находки печати Дмитрия (№ 3) с изображением княжеского знака иного рисунка можно было колебаться в атрибуции буллы № 2, допуская, что она могла принадлежать не Изяславу Владимировичу, а Изяславу Ярославичу, хотя несомненные архаизирующие признаки буллы с самого начала позволили принять правильное решение. Теперь эти колебания не могут уже иметь места.

Всего к группе булл архаической традиции отнесены 16 печатей, оттиснутых 13 парами матриц. Итоги их предположительной атрибуции позволяют формулировать основной вывод, важный для представлений о начальном этапе развития русской сфрагистики. Н. П. Лихачев был неправ, поставив в начале истории русских печатей заимствованный из Византии тип с изображением на одной стороне святого и с греческой строчной надписью на обороте. В действительности существование такого типа устанавливается лишь в середине XI в., по

всей вероятности, не ранее кончины Ярослава Владимировича.

В более ранний период на Руси существует княжеская вислая печать, оформление которой опирается на иные традиции. Ранний тип княжеской буллы, уже сложившийся в X в., в дохристианский период, строит свои композиции на основе изображения княжеской тамги и условного княжеского портрета, широко используя несвойственные позднейшим сфрагистическим типам круговые надписи. Печати архаической традиции обнаруживают большую близость к синхронным им монетным типам, которые в сущности представляют собой своеобразную сферу применения княжеского штемпеля. В одном случае печатью удостоверяется действительность снабженного ею акта, в другом — подлинность и гарантированное качество монеты. Вопрос о связи нумизматики и сфрагистики давно уже сделался общим местом в исторической литературе. В данном случае мы имеем перед глазами один из ярких примеров такой связи. Стоит отметить, что близость булл архаической традиции типу раннего русского чекана ведет к взаимному подтверждению датировок обеих групп этих памятников. Если сходство сфрагистических и монетных типов оказалось полезным для решения проблемы датировки и атрибуции ранних печатей, то это сходство лишней раз подтверждает и правильность принятой сейчас даты чеканки древнейших русских монет. Попытки датировать вслед за А. В. Орешниковым ранний русский чекан второй половиной XI в. поставят монетные типы со всеми их явно архаизирующими элементами в чуждый им контекст следующего этапа княжеской сфрагистики, когда сходные с монетными принципы оформления буллы были уже отброшены и на Руси господствовала единообразная печать с греческими строчными надписями.

Возникнув уже в X в., печати архаической традиции бытуют до конца третьей четверти XI в. На протяжении последних двух десятилетий своей истории они сосуществуют с распространившимися с середины XI в. княжескими печатями нового типа — «греко-русского», который, вытеснив их, сам существовал лишь сравнительно короткое время: позднейшие буллы этого типа, как мы уже видели, датируются началом XII в.

⁹⁰ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 430.

⁹¹ В. Л. Янин. Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 39—46.

В литературе имеются сведения еще о двух печатях, которые исследователями были отнесены в разряд ранней княжеской сфрагистики без достаточных к тому оснований.

Одна из этих печатей найдена В. В. Хвойкой в 1909 г. при раскопках в Белгородке и описана без воспроизведения Н. И. Петровым. Издатель отмечает, что лицевая сторона буллы («величиной в нынешний трехкопеечник») занята погрудным изображением Христа, а оборотная содержит изображение князя, также погрудное, обнаруживающее в деталях одежды большее сходство с аналогичными изображениями на русских сребрениках. Далее Н. И. Петров отмечает наличие на оборотной стороне буллы круговой двухстрочной надписи, в первой строке которой читается конец: «...RATOR», а во второй якобы — «АСЕЕГОЗ». Исследователь предложил следующую реконструкцию этой надписи: «[Владимир на столе], а се его з[намение]»⁹². Близость буллы к типу сребреников Владимира положена Н. И. Петровым в основу ее датировки временем Владимира Святославича, титул которого — *exusiastator* — предположительно восстановлен в той же статье по окончанию первой строки круговой надписи.

В 1948 г. специальную работу посвятил этой печати А. В. Соловьев⁹³. Полностью разделив выводы Н. И. Петрова относительно принадлежности буллы, А. В. Соловьев исследует вероятный титул Владимира Святославича, который он склонен реконструировать как *autostator*. Оригинал буллы А. В. Соловьеву был недоступен, и в основу его наблюдений положено лишь изданное Н. И. Петровым описание. Формулируя задачи своей работы, А. В. Соловьев особо отметил, что он имеет дело с прочно забытым памятником, с находкой, которая с самого начала прошла мимо внимания исследователей. Особенно показательным кажется А. В. Соловьеву умолчание об этой на-

ходке в работе Н. П. Лихачева, который даже заподозрен в незнании статьи Н. И. Петрова, несмотря на многочисленные ссылки на нее в обоих выпусках «Материалов для истории византийской и русской сфрагистики»⁹⁴.

Все эти положения неверны. Поэтому, прежде чем рассматривать саму белгородскую буллу, нам нужно вернуться к истории ее изучения.

Печать была найдена при раскопках 10 октября 1909 г. Спустя пять дней участник раскопок Ф. А. Колодей информировал о находке Н. П. Лихачева, а 29 октября снова писал ему, отвечая на предложение уступить буллу⁹⁵. Таким образом, именно Н. П. Лихачев был первым специалистом, изучавшим сведения о новой сфрагистической находке. Печать к Н. П. Лихачеву не перешла, оставшись в коллекциях В. В. Хвойки. Вопреки утверждению А. В. Соловьева Н. П. Лихачев, однако, подробно остановился на ее разборе в первом выпуске «Материалов...». Соответствующее место этого исследования нужно процитировать целиком: «Мы не видали подлинника печати, описанной проф. Н. И. Петровым, и поэтому категорически отрицать его выводы не имеем права, но должны высказать свои сильные сомнения.

Для нас представляется невозможным, чтобы на печати св. Владимира греческая надпись чередовалась с русской, чтобы титул великого кагана русского был *exusiastator* и притом написанный латинкой, чтобы с одной стороны изображения уместилась надпись такой длины, как «Владимир на столе, а се его знамение», даже если бы она была сокращена пропуском многих букв.

Не идет ли дело о плохо сохранившемся экземпляре императорской византийской печати X века с поясным изображением как Христа, так и императора, который титулован в надписи *imperator*?»⁹⁶.

Мы имеем возможность подтвердить справедливость всех сомнений и предположений Н. П. Лихачева, обнаружив в 1958 г. в Киевском государственном историческом музее самый оригинал белгородской буллы. Действительно, эта печать несет на одной стороне поясное изображение Христа, а на обороте погруд-

⁹² Н. Петров. Указ. соч., стр. 147—148; Н. Д. Полоцкая. Археологические раскопки В. В. Хвойко 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. «Труды Предварительного комитета XV Археологического съезда в Новгороде», 1914, стр. 19; Н. И. Петров. Древние изображения святого Владимира. «Труды Киевской духовной академии», июль-август 1915 г., стр. 348—349; А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей (XI—XV вв., до 1425 г.). «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. М.—Л., 1937; стр. 246; он же. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952, стр. 186.

⁹³ А. В. Соловьев. О печати и титуле Владимира Святославича. «Byzantinoslavica», t. X. Praha, 1948, s. 31—44.

⁹⁴ Там же, стр. 32.

⁹⁵ Архив АН СССР (Ленинград), ф. 246, оп. 3, № 131, лл. 4—5: письмо Ф. А. Колодей Н. П. Лихачеву из Белгородки 15.X.1909 г.; л. 1: письмо Ф. А. Колодей Н. П. Лихачеву из Белгородки 29.X.1909 г.

⁹⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 170.

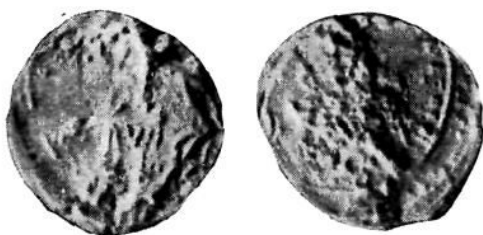

Рис. 5. Императорская византийская печать из Белгородки

ное изображение человека в орнаменте императора, окруженное надписью, конец которой «...RATOR» достаточно хорошо читается. Никакой второй строки надписи на булле нет. То, что Н. И. Петров принял за надпись «АСЕЕГОЗ», на самом деле является рядом крупных точек ободка, а может быть, игрой неровностей края печати (рис. 5).

Эта булла, несомненно, относится к числу византийских императорских печатей того типа, который хорошо известен в сфрагистике X в. Отсутствие имени не позволяет предложить безусловную атрибуцию этой печати, однако ближайšie ей аналогии могут быть указаны в именных буллах Василия II, т. е. среди императорских печатей рубежа X—XI вв. (976—1025 гг.)⁹⁷.

⁹⁷ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin, p. 421; Н. П. Лихачев. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. «Нумизматический сборник», т. I. М., 1911, стр. 534—535, 537; V. Laurent. Les sceaux byzantins du Medaillier Vatican. Citta del Vaticano, 1962, p. 8, N° 11.

Другая печать, неправомерно связанная с русской княжеской сфрагистикой, была найдена в 1916 г. (по Н. И. Репникову, в 1912 г.) в Кубанской обл. На одной ее стороне помещено изображение архангела Михаила в полный рост, на обороте — четырехстрочная надпись: Σφραγίς σεβαστῆ Μιχαήλ αὐτῆ-δοῦκα.

Место находки и возможное толкование окончания легенды как «самовластец» уже вскоре после обнаружения буллы вызвали попытку признать ее печатью Олега-Михаила Святославича Тмутараканского. Такая атрибуция была впервые предложена Н. И. Репниковым⁹⁸.

Подробно проблема датировки и принадлежности буллы «Михаила автидуки» рассмотрена Н. П. Лихачевым, который указал ей полную аналогию в собрании Афинского музея и близкую аналогию в собрании Британского музея. Сопоставление всех трех экземпляров позволяет перевести их легенду как: «Это печать Михаила из рода Дука, севаста». Анализ палеографических и иконографических деталей буллы, как это показано тем же исследователем, дает возможность датировать ее второй половиной XI в. Поэтому нет оснований искать владельца печати среди деспотов Эпира, где два Михаила Дуки известны в XIII в. Вероятным владельцем этой буллы Н. П. Лихачев предполагает Михаила Дуку, который был протостратором и приходился шурином императору Алексею Комнину⁹⁹.

⁹⁸ Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. «Институт археологии и искусствознания. Труды Секции археологии», т. IV, М., 1928, стр. 438, 441.

⁹⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 141—144.

ИМЕННЫЕ ПЕЧАТИ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ

БУЛЛЫ КИЕВСКИХ МИТРОПОЛИТОВ

Именные буллы киевских митрополитов уже не раз привлекали внимание исследователей. Им посвящены обстоятельные очерки Н. П. Лихачева, А. В. Соловьева и В. Лорана¹. Общее число таких печатей, на каждой из которых всегда обозначена принадлежность определенному лицу, невелико. От всего домонгольского периода их сохранилось 18. Тем не менее в конкретной атрибуции булл и в этой небольшой группе много неясного и спорного.

Печати Феопемпта и Ефрема. Древнейшая из дошедших до нас киевских митрополичьих печатей содержит на одной стороне изображение св. Иоанна Предтечи, а на обороте — греческую надпись: + Κ[ρί]ε β[α]σ[ι]λ[η]ς Θεοπέμ[π]το μ[η]τροπ[ο]λιτ[η] Ρωσσίας, т. е. «Господи, помози Феопемпту, митрополиту России» (№ 41)².

Помещенное на ней имя — единственный раз отмеченное в митрополичьих списках — принадлежит киевскому митрополиту, присланному из Константинополя в 1037 г. В русских источниках Феопемпт упоминается дважды. Густынская летопись рассказывает о рукоположении его патриархом Алексеем Студитом и

об освящении им только что построенного кафедрального храма — Софийского собора³. В «Повести временных лет» под 1039 г. сообщается об освящении Феопемптом Десятинной церкви в Киеве⁴. Дальнейшая его судьба неизвестна. М. Д. Приселков предположил, что отъезд первого митрополита из Киева относится к 1043 г., когда походом на Византию была предпринята попытка сбросить «греческую икононаю»⁵.

Особый интерес вызывает изображение на печати Феопемпта Иоанна Предтечи. Это изображение не могло служить личной эмблемой митрополита, патроном которого, естественно, был св. Феопемпт. Не было оно также эмблемой современного Феопемпту киевского князя Ярослава Владимировича, названного в крещении Георгием. Однако есть возможность правильно истолковать это изображение. Она возникает с привлечением одной более поздней буллы, к рассмотрению которой мы теперь и переходим.

К числу наиболее дискуссионных памятников митрополичьей сфрагистики должна быть отнесена булла с изображением архангела и плохо сохранившейся, но бесспорно реконструируемой греческой надписью: + Κ[ρί]ε β[α]σ[ι]λ[η]ς [ε] φρα[κ]τ[η]ς πρωτο[π]ροεδρου [κα]ι μητρο[πο]λιτ[η] Ρωσσίας, т. е. «Господи, помози Ефрему, протопродрю и митрополиту России» (№ 42)⁶.

³ ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 267.

⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, Изд. 2, стб. 153. Под 1039 г. митрополит Феопемпт фигурирует также и в греческом акте. См.: G. Ficker. Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexios Studites. Kiel, 1911, S. 42. 19.

⁵ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913, стр. 92.

⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 11—14.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 1—14 (раздел «Печати митрополитов киевских»); А. В. Соловьев. Metropolitensiegel des Kiewer Russland. «Byzantinische Zeitschrift», 55, 1962, S. 292—304; А. В. Соловьев. Zu den Metropolitensiegeln des Kiewer Russlands. «Byzantinische Zeitschrift», 56, 1963, S. 317—320; V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t. V: L'Eglise. Première partie: 1. L'Eglise de Constantinople. A. La Hiérarchie. Paris, 1963, p. 599—608; Planches. Paris, 1965, pl. 106—108.

² V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 601, N 782.

Киевская кафедра в своей истории дважды была связана наличными источниками с лицами, носившими обозначенное на печати имя Ефрем. Киевский митрополит Ефрем упоминается под 1055 г. в Новгородской первой летописи и еще раз без даты в записи Мстислава Евангелия под 4 ноября. М. Д. Приселков признает наиболее вероятным периодом его святительства 1054—1068 гг.⁷ Другой русский митрополит с этим именем упоминается в источниках конца XI в., прямо лишь в Густынской летописи под 1092 г.: «В сие лето посвящен есть Ефрем Грек на митрополию Киевскую от Николая третьего патриарха»⁸. Других летописных известий об этом Ефреме нет, однако в те же годы (1089—1091) летопись несколько раз титулуется митрополитом переяславского епископа Ефрема, разъясняя при этом, что имеется в виду не киевская, а переяславская (митрополия): «В се же лето священна бысть церкы святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом тоя церкы, куже бе создан велику сущю, бе бо прежде в Переяслави митрополья...»⁹ Цитированное известие относится к 1089 г., т. е. еще к тому времени, когда киевская кафедра была занята митрополитом Иоанном. В сообщении 1091 г. переяславский Ефрем называется епископом¹⁰. Епископом он титулуется и в позднейших летописных припоминаниях о его деятельности¹¹. Происхождение Ефрема Переяславского хорошо известно по рассказу Киево-Печерского патерика. Будучи выходцем из богатой аристократической семьи («каженик некто от князя дому»), 28 января 1061 г. он был пострижен Никоном в печерские монахи, что послужило одной из причин известного конфликта между монастырем и князем Изяславом, затем поселяется в одном из константинопольских монастырей, где переписывает для Феодосия Студийский устав. Тожество печерского монаха Ефрема и переяславского епископа Ефрема подразумевается контекстами Патерика и хорошо обосновано М. Д. Приселковым¹².

Исследователи единодушно отрицают показание Густынской летописи о рукоположении Ефрема Переяславского на киевскую кафедру¹³,

признавая это сообщение искусственным. В пользу летописца можно было бы привлечь самый факт очевидной вакантности киевской кафедры в 1091—1096 гг.: включение в список митрополитов Ефрема ликвидировало бы такой длительный пробел. Однако в данном случае именно вакантность кафедры могла побудить сводчика Густынской летописи к искусственным реконструкциям. Напомним, что одного Ефрема знают все летописные списки митрополитов, но южному летописанию остался вовсе не известным митрополит Ефрем 1054—1068 гг. Таким образом, исходный материал для реконструкций в руках летописца Густынской хроники был: он знал о титуловании митрополитом Ефрема Переяславского («Повесть временных лет»), знал также о существовании какого-то митрополита киевского Ефрема (списки митрополитов), у него перед глазами был не заполненный никаким именем пробел, хронологически совпадающий с периодом деятельности Ефрема Переяславского.

Несколько лет тому назад, впервые занимаясь буллой митрополита Ефрема, мы шаг за шагом повторили ошибку Густынского летописца, признав рассматриваемую буллу принадлежавшей Ефрему Переяславскому, а самого Ефрема — митрополитом 1092—1096 гг.¹⁴ Сейчас, возвращаясь к проблеме датировки этой буллы, мы ясно видим слабые стороны такого предположения. Рассмотрим эту проблему заново.

Основной материал для атрибуции буллы содержится в некоторых особенностях использованного на ней титула и смыслового ее оформления. Ефрем назван в легенде не только митрополитом, но и протопроедром. Этот титул не чужд византийской сфрагистике, где он употребляется на буллах как духовных, так и светских лиц. Анализируя его на светских печатях, Г. Шлюмберже пришел к выводу, что протопроедрами были лица, принадлежавшие к числу высших придворных чинов и составлявшие частный, неофициальный совет при императоре¹⁵. Поскольку этот титул употреблялся также на буллах высших церковных деятелей, можно догадаться, что духовные протопроедры были членами подобного совета при патриархе. В. Лоран признает такое титуло-

⁷ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 124.

⁸ ПСРЛ, т. II, стр. 278.

⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 208.

¹⁰ Там же, стб. 211.

¹¹ Там же, вып. 2, стб. 293 (под 1123 г.), 445 (под 1222 г.).

¹² М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 173—176, 292—293.

¹³ Макарий. История русской церкви, т. 2. Изд. 3, стр. 12—13; Е. Голубинский. История русской церкви, т. 1. Изд. 2, стр. 287; Па. Соколов. Русский архиепископ из Византии и право его назначения до начала

XV в. Киев, 1913, стр. 53; М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 133.

¹⁴ В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, № 1, стр. 126—128.

¹⁵ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 478—571.

вание сокращением пышного титула «протопроедр протосинкеллов», бывшего торжественным вариантом титула «синкелл»¹⁶. Во всех случаях дословным переводом термина «протопроедр» было бы русское «советник».

Подтверждением именно такому пониманию этого титула может служить оформление буллы митрополита Ефрема. На ней изображен не патрональный святой владельца печати и не обобщенная церковная эмблема, а архангел, имя которого могло бы указывать на то высшее лицо, советником, протопроедром которого был владельца печати. Для киевского митрополита таким высшим лицом мог быть либо константинопольский патриарх, либо киевский князь.

Решая прежде вопрос в пользу принадлежности буллы Ефрему Переяславскому, мы исходили из того, что в указанные годы (1092—1096) в Константинополе не было патриарха с «архангельским» именем. Напротив, киевский стол в этот период был занят Святополком Изяславичем, носившим крестильное «архангельское» имя Михаил. Обозначенная на печати схема (Ефрем — протопроедр Михаила), таким образом, оказывалась в формальном соответствии со взаимоотношениями князя и предположенного киевского митрополита¹⁷.

Однако это построение не лишено слабостей, главная из которых заключается в том, что Ефрем Переяславский и позже предположенного посвящения в киевские митрополиты продолжает выступать в летописных рассказах как переяславский епископ. Летопись вспоминает его в связи со строительством в Переяславле и Суздале. Он сподвижник Владимира

Мономаха, а не Святополка Изяславича. Предположение о том, что, нося номинальный титул киевского митрополита, Ефрем остался в Переяславле, высказанное к объяснению этого противоречия, спорно, так как оно ни в коей мере не объясняет, почему, сидя в Переяславле, осуществляя тем самым откровенную антисвятополковскую политическую акцию, Ефрем на своей булле демонстрирует знаки зависимости от Святополка. Было бы совершенно непонятно, почему такая необычная коллизия осталась за гранью внимания летописца, который достаточно подробно рассказывает о событиях конца XI в.

Еще раз обратим внимание на именование Ефрема «Греком» в сообщении Густынской летописи. Поскольку Ефрем Переяславский греком не был в отличие от Ефрема середины XI в., можно с уверенностью говорить о том, что искусственное сообщение 1092 г. основано на материале списка киевских митрополитов, в котором упоминался Ефрем Грек, т. е. митрополит 1054—1068 гг., вовсе пропущенный в погодных рассказах наших южных летописей.

Отвергая, таким образом, первоначально предложенную датировку буллы Ефрема 90-ми годами XI в., мы располагаем лишь одной возможностью датировать ее временем достоверного киевского митрополита Ефрема, занимавшего кафедру в 1054—1068 гг. В этот промежуток времени киевским князем был Изяслав Ярославич с крестильным именем Димитрий. Печать Ефрема, следовательно, не выражает идеи подчинения ему митрополита как советника, тем более что присылка из Константинополя Ефрема, как это общепризнано, была результатом укрепления на Руси греческой церкви после удаления с киевской кафедры русина Илариона.

Высказавшийся в пользу ранней датировки буллы митрополита Ефрема А. Поппе сопоставил даты святительства Ефрема (1054—1068 гг.) с датами современных ему константинопольских патриархов и византийских императоров и показал, что смысловое содержание печати митрополита Ефрема может быть раскрыто двойным способом. Современником Ефрема, во-первых, был знаменитый патриарх Михаил Кируларий (1043—1058 гг.), сыгравший одну из ведущих ролей в историческом акте разделения церквей в 1054 г., и, таким образом, Ефрем может быть признан протопроедром патриарха Михаила. Однако другим современником Ефрема был император Михаил VI Стратиготик (1056—1057 гг.), поэтому возможно и альтернативное решение о том, что на печати киевского митрополита помещена личная эм-

¹⁶ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 148.

¹⁷ В связи с рассматриваемым вопросом небезынтересно отметить, что «Повесть временных лет» излагает иную версию получения Студийского устава в Печерский монастырь, нежели Патерик. Согласно Патерику, устав был привезен из Константинополя специально посланным «единым от братии блаженным» от Ефрема Скопца, переписавшего его для Феодосия («Киево-Печерский патерик». Под ред. Д. И. Абрамовича. Киев, 1913, стр. 39; отметим фразу «Повести временных лет» о Ефреме Переяславском: «Сии бо Ефрем бе скопец, высок телом», под 1089 г.). «Повесть временных лет» рассказывает, что устав был «обретен» у некоего студийского чернеца Михаила, пришедшего в Киев вместе с митрополитом Георгием. Д. С. Лихачев выдвинул предположение, что Михаил и Ефрем — два имени одного и того же чернеца («Повесть временных лет», ч. 2. М.—Л., 1950, стр. 385—386). Такое толкование можно было бы привлечь к объяснению буллы Ефрема, однако нам не известно, чтобы при пострижении кому-нибудь давалось два имени. Очевидно, здесь имеют место две версии легенды — антигреческая печерская и греческая митрополичья.

блема императора, протопроедром которого в таком случае окажется Ефрем¹⁸.

Построением А. Поппе, на наш взгляд, окончательно подтверждена принадлежность рассматриваемой нами буллы Ефрему середины XI в. Однако существуют материалы, которые дают возможность решить поставленную польским исследователем проблему. Вернемся к описанной выше печати Феопемпта и вспомним, что на ней помещено изображение Иоанна Предтечи.

Снова перед нами случай, когда изображение противоречит имени владельца буллы. На первый взгляд, истолкование этого изображения кажется в высшей степени сложным. Мы уже отметили, что современника Феопемпта киевского князя звали иначе. Иначе звали и других возможных руководителей митрополита. Современниками Феопемпта были константинопольский патриарх Алексей Студит (1025—1043 гг.), византийские императоры Михаил IV (1034—1041 гг.), Михаил V (1041 г.), Константин IX Мономах (1041—1054 гг.). Однако проблема решается обращением к типическим особенностям константинопольских патриарших булл.

На всех буллах константинопольских патриархов, начиная с Фотия (877—886) и кончая Евфимием II (1410—1416 гг.), помещено традиционное изображение Богородицы (чаще всего в полный рост с младенцем на руках) — общецерковной эмблемы Константинополя. Исключения составляют лишь буллы Михаила Кирулария (1043—1058 гг.), на одной из разновидностей которых вместо Богородицы изображен архангел Михаил — личная эмблема патриарха¹⁹, и печати Алексея Студита (1025—1043 гг.) с изображением именно того святого, который помещен на булле Феопемпта, т. е. Иоанна Предтечи²⁰. Несомненно, что Иоанн Предтеча был личным патроном патриарха Алексея Студита, хотя мотивы выбора этого святого нам не ясны. Можем отметить, таким образом, полное совпадение изображений на ранних русских митрополичьих печатях и на современных им патриарших буллах.

Это совпадение в равной степени наглядно и для буллы Феопемпта, бывшего поставленным Алексея Студита, и для буллы Ефрема, бывшего поставленным Михаила Кирулария. В. Лоран, отказавшись от конкретной атрибуции буллы Ефрема, обращает внимание на

то, что самый ранний случай употребления византийскими источниками (в том числе и сфрагистическими) титула «протопроедр» относится к 70-м годам XI в. Присутствие его на более ранней печати кажется исследователю невероятным анахронизмом. С другой стороны, маловероятным представляется употребление этого титула после 1092 г., когда реформой Алексея Комнина была ликвидирована гипертрофированная титулатура предшествующего периода²¹. Вавешивая эти аргументы, мы склонны признать более основательными сомнения в поздней дате буллы.

Печати Георгия. Три идентичные печати с изображением на одной стороне св. Георгия и греческой надписью на обороте: $\zeta + \text{K} [\acute{\upsilon}\rho\iota] \epsilon \beta [\sigma\acute{\eta}] \theta [\epsilon\iota] [\text{Γεωργίου μὴ} [\tau] \rho\omicron\pi\omicron [\lambda\acute{\iota}\tau\eta] \text{Ρωσίας καὶ συγκέλλω, т. е. «Господи, помози Георгию, митрополиту России и синкеллу» (№ 43), могут быть отнесены только к одному киевскому митрополиту, поскольку это имя в росписях иерархов встречается только однажды. Георгием звали присланного из Константинополя архиерея, который в 1072 г. участвовал в перенесении мощей Бориса и Глеба в Вышгороде, а на следующий год, по свидетельству летописи, вернулся в Константинополь²².$

М. Д. Приселков признает крайними датами деятельности Георгия на киевской кафедре 1068—1073 гг.²³, что расходится с показаниями Густынской летописи. Согласно последней, Георгий был посвящен на Киевскую митрополию в 1072 г. патриархом Иоанном Ксифилинном, а преемник Георгия Иоанн Добрый был рукоположен в Киев патриархом Николаем в 1080 г.²⁴ Эти показания должны были бы датировать время Георгия 1072—1080 гг., но мы уже видели, как осторожно следует подходить к свидетельствам Густынской летописи о датах обновления киевской кафедры. В частности, эти сомнения подтверждаются свидетельством жития епископа Исаяи, согласно которому Исаяи посвящен в епископы в 1077 г. митрополитом Иоанном²⁵. Поэтому для датировки наших булл принимаем предложенный М. Д. Приселковым период 1068—1073 гг.

Георгий назван в легенде печати не только русским митрополитом, но и синкеллом, т. е. членом совета константинопольского патриарха. В этой детали налицо несомненное сходство

¹⁸ A. Poppe. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi, cz. 1. «Przegląd historyczny», t. XL, N 3, s. 386.

¹⁹ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 14, N 16.

²⁰ Ibidem, p. 12—13, N 13—14.

²¹ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 602; ср. p. 148.

²² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 181, 183.

²³ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 122—123.

²⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 274, 276.

²⁵ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 139—140.

буллы Георгия с рассмотренной выше печатью Ефрема. Однако имеется и существенное отличие. Там подчиненность митрополита патриарху выражена не только титулом, но и самим оформлением типа, на котором помещена не митрополичья, а патриаршая эмблема. Здесь же булла имеет более личный, более самостоятельный характер, неся на себе изображение святого патрона самого митрополита.

Печать проедра Николая. Не вызывает сомнений принадлежность киевскому митрополиту буллы с изображением Богоматери и греческой надписью: + Σφρ[αγίς] πρ[ο]εδρ[ου] Ῥωσίας Ν[ι]κολάου, т. е. «Печать проедра России Николая» (№ 45), сведения о которой фигурируют в литературе на протяжении 80 лет, но которая не издана до сих пор²⁶.

Титул «проедр» в византийской сфрагистике постоянно используется в качестве синонима при обозначении архиереев, и употребление его для обозначения киевского митрополита закономерно. Византийский поэт XI в. Феодор Птохо-Продром в одном из стихотворений называл своего дядю киевского митрополита Иоанна II (1077—1089 гг.) «русским проедром»²⁷.

Митрополит Николай упоминается в Густынской летописи под 1102 г. как получивший в указанном году киевскую кафедру. Однако М. Д. Приселков игнорирует это известие, опираясь на факт поставления в 1096 г. епископом в Новгород Никиты. Акт поставления епископа предполагает наличие в Киеве митрополита, которым мог быть только Николай, поскольку его предшественник Иоанн Скопец умер еще в 1091 г. Год смерти Николая не известен, и условно конечной датой его святительства признают 1104 г., когда на киевской кафедре появился преемник Николая Никифор I²⁸.

Печать Михаила. Также несомненна и принадлежность найденной в 1954 г. в Румынии буллы с изображением Богоматери «Знамение» и греческой надписью: + Σφραγ[ίς] Μιχαήλ[ου] π[α]τριάρχου Ῥωσίας, т. е. «Печать Михаила, архипастыря России» (№ 48)²⁹. Единственный домонгольский киевский митрополит с таким именем занимал кафедру в 1131—1147 гг.³⁰

²⁶ Подробное описание буллы без воспроизведения см. в кн.: V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 604, N 786.

²⁷ Migne. Patrologica Graeca, t. 133, col. 1412.

²⁸ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 285.

²⁹ J. Varne. Sigiliul unui ierarh al Rosiei în așezarea de la Garvăn (regiunea Galati). «Studii și cercetări de istorie veche», t. VII, N 1—2. Bucuresti, 1956, p. 189—197.

³⁰ ПСРЛ, т. II, стр. 12, 29—30, 293, 298.

Печати Никифора. Среди домонгольских печатей русских архиереев имеются два типа с именем Никифора. Первый тип, представленный двумя почти тождественными разновидностями, несет на одной стороне изображение Богоматери «Знамение», а на обороте греческую надпись: + Ἀγνή σκέλος με Ῥωσίας Νικηφόρου, т. е. «Пресвятая, возри на меня, Никифора России» (№ 46 и 47). Другой тип лишен изображений. Обе стороны несколько фрагментированной буллы заняты греческой надписью, содержащей упоминание об «архипастыре всея России Никифоре»: + Νικ[η]φόρου ἀρχ[ι]επί[σκο]πος με τόν σοῦ πρῶν[ο]ί[α] πατριάρχου Ῥωσίας πάσης [ω] Λό[γ]η, т. е. «Христос, возри на меня, твоим промыслом архипастыря всея России Никифора» (№ 52). Оба типа резко различаются не только по оформлению. Печати с изображением Богоматери — небольшой величины (около 20 мм), тогда как тип со строчными надписями на обеих сторонах массивен (его диаметр 33—36 мм при значительной толщине кружка). Эта разница не позволяет предполагать, что оба типа принадлежат одному лицу. Между тем в списках киевских митрополитов имеются два Никифора.

Никифор I прибыл в Киев 6 декабря 1104 г. и был «на стол посажен» 18 декабря того же года.

Скончался он в апреле 1121 г.³¹ Никифор II поставлен на киевскую митрополию в 1182 г. Год окончания его святительства не известен, но он упоминается еще в 1198 г.³² Невозможно установить дату его смерти и по сведениям о его непосредственном преемнике, так как они отсутствуют. Согласно данным митрополичьих списков, ему наследовали Гавриил, затем Дионисий и, наконец, Матфей³³. Ни Гавриила, ни Дионисия летописный рассказ не знает, а сведения о Матфее появляются только под 1211 г.

Конкретная принадлежность того и другого типа булл Никифора может быть установлена, когда эти типы будут сравнены с печатями митрополитов, хронологически близких Никифору I и Никифору II. Наряду с особенностями оформления типа здесь не менее важны и технические данные, проявляющиеся, в частности, в величине кружков печатей. Сумма признаков, характеризующих каждый тип, не оставляет сомнений в принадлежности булл с изображением Богоматери Никифору I. Они однотипны

³¹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 280; вып. 2, стб. 292; т. II. Изд. 2, стб. 286.

³² ПСРЛ, т. II, стр. 152, 318, 326.

³³ НПЛ. М.—Л., 1950, стр. 473.

с печатями «проедра Николая», бывшего предшественником Никифора I, и Михаила, предшедшего на киевскую кафедру всего через десять лет после смерти Никифора I. Перечисленные здесь печати Николая, Никифора и Михаила с изображением Богоматери обнаруживают и техническое родство, будучи оттиснуты на одинакового размера небольших (около 20 мм) кружках.

Другой тип печати Никифора, содержащий только надписи, совершенно не сходен с названными здесь буллами первой половины XII в., и это обстоятельство само по себе датирует его временем Никифора II. Ниже мы сможем убедиться в его сходстве с другими митрополичьими печатями конца XII — первой половины XIII в.

Печати Константина. К настоящему времени известны две разновидности русских митрополичьих булл с именем Константина. Первая, представленная единичным экземпляром, содержит на одной стороне поясное изображение Богоматери, а на другой греческую надпись: + Σφρα[γ]ις προεδρου [Ρ]ωσ[ι]ας Κων[σ]ταντίνου, т. е. «Печать проедра России Константина» (№ 49)³⁴. Другая разновидность представлена тремя идентичными экземплярами с изображением Богоматери, которое Н. П. Лихачев называл «как бы переходом типа «Знамение» к «Печерской»³⁵, и с греческой надписью: + Κωνσταντίνος ἐλέω Θεοῦ ἡ[γ]ιωτοῦ [ί]της πόλεως [Ρ]ωσίας, т. е. «Константин, божией милостью митрополит всея России» (№ 51). В числе этих трех экземпляров имеется один редчайший, оттиснутый не на свинце, а на серебряных позолоченных пластинках.

Списки киевских митрополитов называют двух Константинов, владевших кафедрой в близкое друг другу время. Константин I был поставлен в 1156 г. и умер в 1159 г. Константин II занимал киевскую кафедру с 1167 г. и упоминается еще в 1174 г.³⁶ Решение вопроса о том, кому из них принадлежал какой тип буллы, определяется некоторыми особенностями самих печатей. Та разновидность, на которой Константин назван «проедром России», обнаруживает близость к митрополичьим буллам первой половины XII в., тогда как на другом типе печатей появляются некоторые новшества, имеющие принципиальное значение. К числу

таких новшеств относятся изображение Богоматери в полный рост и четкая формула титула митрополита, в котором нашли место не свойственное ранее митрополичьим печатям выражение «божией милостью» и такое политически важное понятие, как «всая России». Это понятие мы уже встречали на булле Никифора II, датированной концом XII в. Поэтому мы считаем вполне убедительным отнесение В. Лораном буллы «проедра России» Константина митрополиту Константину I (1156—1159 гг.), а остальных печатей — более позднему одноименному архиерею (1167—не ранее 1174 г.)³⁷.

Печати Кирилла. Наиболее поздними образцами домонгольской митрополичьей сфрагистики являются две печати, найденные в конце прошлого века при раскопках городища Княжая Гора близ Черкасс. На одной стороне этих печатей, оттиснутых одной парой матриц и отличающихся исключительно большой величиной (37—40 мм), помещено изображение Богоматери «Знамение» в полный рост с редким греческим эпитетом ἡ ἱερὰ в значении «пресвятая Богородица», а на другой греческая надпись: + Κίριλλος μοναχὸς ἐλέω Θεοῦ ἡ[γ]ιωτοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς μ[η]τροπόλεως Ρωσίας, т. е. «Кирилл, монах, божией милостью архиепископ митрополии России» (№ 53).

Из двух имеющихся в списках киевских митрополитов Кириллов один был хиротонисан 6 января 1225 г. и умер в 1233 г.³⁸ Другой как митрополит упоминается уже в 1243 г., хотя сообщение о его поставлении содержится только под 1250 г.; умер Кирилл II 7 декабря 1281 г.³⁹ Хронологическая близость обоих одноименных митрополитов была бы существенным препятствием для конкретной атрибуции рассматриваемых печатей, если бы они происходили из случайных находок. К счастью, оба памятника обнаружены в составе четкого хронологического комплекса городища, которое прекратило свое существование в результате монгольского нашествия, оказавшегося и рубежом между временами святительства двух митрополитов Кириллов⁴⁰. Составляя часть этого комплекса, печати из Княжей Горы могут быть отнесены только Кириллу I и датированы 1225—1233 гг.

Следует обратить внимание на проявившуюся с середины XII в. тенденцию к увеличению размера буллы. Рассмотренная выше печать Никифора со строчными надписями на обеих

³⁴ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 606, N 789.

³⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 5.

³⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 80, 107, 304, 306; т. III. СПб., 1844, стр. 14.

³⁷ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 606—607.

³⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Изд. 2, стб. 447; вып. 3. Л., 1928, стб. 512.

³⁹ ПСРЛ, т. II, стр. 181, 342, 346.

⁴⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 6—8.

сторонах, будучи предположительно определена как принадлежащая Никифору II (1182—не ранее 1198 г.), по своему размеру (33—36 мм) занимает промежуточное положение между буллами Константина II и Кирилла I, вполне соответствующее и хронологическому положению Никифора II между этими двумя митрополитами. Указанное обстоятельство лишней раз убеждает в правильности атрибуции этой печати именно Никифору II, а не более раннему одноименному митрополиту.

Митрополичьи печати с именем Иоанн. Завершив обзор и атрибуцию основной массы печатей киевских митрополитов домонгольского времени, мы сознательно вынесли в конец этого обзора митрополичьи печати с именем Иоанн. Определение таких печатей оказывается особенно сложным потому, что списки митрополитов и совокупное показание разных источников знают на киевской кафедре в домонгольское время пятерых архиереев с указанным именем.

Самый ранний из них, упоминаемый в сказаниях о Борисе и Глебе, действует в первой трети XI в., до официального установления митрополии в 1037 г. М. Д. Приселков разобрал немногочисленные крупницы сведений об этом раннем деятеле русской церкви и, поставив их в связь с общеполитической обстановкой того времени, пришел к выводу о тождестве митрополита Иоанна русских источников с главой болгарской церкви Иоанном, который до 1018 г. носил титул патриарха, а после образования катепаната в Скопье стал архиепископом Охриды⁴¹. Само выделение киевской митрополии из административной системы Охридской архиепископии исследователь связывает с реформами, последовавшими за смертью архиепископа Иоанна в 1037 г.

Следующий митрополит Иоанн упоминается в летописях под 1086—1089 гг. Последняя дата — год его смерти. Густынская летопись сообщает о его поставлении на киевскую кафедру в 1080 г., но, как уже отмечено, это, по всей вероятности, ошибка, ибо житие епископа Исая повествует о некоторых действиях митрополита Иоанна уже в 1077 г. Вслед за М. Д. Приселковым принимаем датировку святительства Иоанна II 1077—1089 гг.

Третий одноименный киевский митрополит был непосредственным преемником Иоанна II. Летопись упоминает его вслед за сообщением о смерти Иоанна II: «В се же лето иде Янъка в Греки, дщи Всеволожа, реченая преже. И приведе Янка митрополита Иоана скопчину,

его же видеше люде все рекоша: «Се навъе пришел». От года бо до года пребы, умре. Бе же сей мужъ не книжен, но умом прост и просторек»⁴². Поскольку между моментом смерти Иоанна II и водворением Иоанна Скопца, естественно, должен был пройти известный промежуток, М. Д. Приселков принимает датами святительства Иоанна III 1090—1091 гг.

Деятельность митрополита Иоанна IV относится ко второй половине XII в. Он занимал киевскую кафедру в 1164—1166 гг.⁴³

Наконец, несколько сомнительный Иоанн V упомянут лишь Густынской летописью, которая сообщает о его поставлении в 1176 г.⁴⁴ Отметим, однако, что это сообщение не вступает в противоречие с какими-либо фактами, так как предшествующий митрополит назван в последний раз под 1174 г., а следующий поставлен на кафедру только в 1182 г. Тем не менее сомнения в его существовании закономерны, поскольку в списках митрополитов домонгольского времени фигурируют только четыре Иоанна.

Что касается печатей митрополитов с именем Иоанн, их обзор удобнее всего начать найденной в 1956 г. в Киеве буллой с изображением св. Иоанна и греческой надписью: + Σκέτ[οκ] τῷ σφ̄ δούλῳ Ἰω[άννῃ] μῆτροπολίτῃ Ῥωσίας, т. е. «Возри на раба своего Иоанна, митрополита России» (№ 44). Принцип оформления этой печати полностью совпадает с принципами оформления только одной буллы из числа киевских митрополичьих — печати Георгия (1068—1073 гг.). Поэтому наиболее вероятно ее владельца нужно искать среди хронологически близких архиереев, предполагая в нем Иоанна II или Иоанна III. Рассматриваемая булла не имеет каких-либо архаизирующих признаков, чтобы к числу этих претендентов добавить Иоанна I, а во времена Иоанна IV и Иоанна V митрополичьи буллы оформлялись иначе.

Существует в то же время одно обстоятельство, которое не позволит нам датировать киевскую буллу временем Иоанна II. Погрудное изображение на ней св. Иоанна не может быть истолковано как изображение Иоанна Предтечи. Св. Иоанн на печати не имеет большого креста и облачен в крещатые ризы, что позволяет опознать в нем иконографический тип Иоанна Златоуста или Иоанна Богослова. Между тем существует документ, который свидетельствует о том, что патроном митрополита

⁴² ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 208.

⁴³ ПСРЛ, т. II, стр. 92, 307—308; НПЛ, стр. 32, 219.

⁴⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 316.

⁴¹ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 40—46.

Иоанна II был другой одноименный святой. При этом мы имеем в виду послание митрополита Иоанна антипапе Клименту III, именуемое Иоанна «нареченным пророком Христа»⁴⁵ Иными словами, патроном этого митрополита был Иоанн Предтеча. Обычно в литературе упомянутое послание называют «каноническими ответами Иоанна Продрома». Хорошо известен племянник киевского митрополита Иоанна II придворный поэт императора Калостроана Феодор Птохо-Продром⁴⁶. Очевидно, что булла митрополита Иоанна с изображением святителя Иоанна не может принадлежать человеку, нареченному именем Иоанна Предтечи. В силу этого рассмотренная печать закономерно датируется временем Иоанна III (1090—1091 гг.)

Вторая печать с именем русского митрополита Иоанна была введена в научный оборот В. Лораном в 1963 г. Это небольшая (15 мм) булла из Думбартон-Окской коллекции с погрудным изображением Богоматери и греческой надписью: +Θ[εοτό]κε β[ε]ν[ε]δ[ικ]τ[η] [α]ν[ν]η[ς] μη[τ]ρο[πο]λι[τ]η[ς] ρω[σ]ιας, т. е. «Богородица, помози Иоанну, митрополиту России» (№ 50). Издатель решительно датирует ее первой половиной XI в. «Совершенно исключено, — пишет он, — чтобы эта маленькая плomba принадлежала Иоанну II, жившему в начале правления Алексея Комнина. Она может принадлежать по причине своеобразия ее рисунка и надписей только прелату конца X или начала XI в.» Исходя из такой датировки, В. Лоран, естественно, связывает буллу со временем Иоанна I, митрополита, действовавшего в первой трети XI в., до преобразования церковной организации в 1037 г.⁴⁷

Если это так, — а мнение столь тонкого знатока византийской сфрагистики имеет здесь очень большой вес, — нужно согласиться с В. Лораном в том, что скептицизм исследователей, предполагающих местопребывание самых ранних русских митрополитов вне Киева, в известной степени теряет под собой почву. Трудно допустить, чтобы, скажем, охридский архиепископ Иоанн на своей булле обозначил только свое отношение к русской церкви, опустив титулы. Датировке В. Лорана в общем не противоречат и изображение Богоматери на печати, хотя, как мы уже видели, митрополичьи буллы Киева в XI в. оформлялись иначе. Од-

нако возникновение характерных для XI в. принципов оформления восходит ко времени Феопемпта и опирается на современное ему изменение типа патриаршей буллы, на которой до того пунктуально изображалась Богоматерь. Возможно, что до 1037 г. эта эмблема также механически переносилась на печати киевской митрополии, как затем механически на них переносились личные эмблемы патриархов.

Однако вопрос о первоначальных формах организации русской церкви настолько выходит за рамки сфрагистики, что до совокупного исследования всех относящихся к нему источников мы, вполне допуская указанную В. Лораном возможность датировать рассматриваемую буллу началом XI в., пока считаем более правильным оставить ее в группе печатей XII в. и связывать со временем Иоанна IV (1164—1166 гг.), где она оказывается среди памятников, наиболее ей близких по принципам оформления типа.

Наконец еще одна печать с проблематичным именем Иоанна была найдена в Киеве еще в начале XX в., и, хотя она не имеет никакого отношения к русской сфрагистике, нам следует познакомиться с ее историографической судьбой, поскольку на протяжении почти сорока лет несколько раз повторялись попытки ввести ее в число киевских митрополичьих булл. Это крохотная (около 15 мм) печать с изображением Богоматери и греческой надписью в несколько строк, воспроизведенная Н. И. Лихачевым в «Сфрагистическом альбоме»⁴⁸ и описанная им без воспроизведения во 2-м выпуске «Материалов». Отмечая дефектность оттиска, которая была следствием использования матрицы большего диаметра на несоразмерно малом кружке, исследователь реконструировал надпись следующим образом:

+ΘΚΕΒΘ
ΙΩΑΕΔΡΩ
ΤΗΣΠΑΣΗΣ
ΡΩΣΙΑΣ.

«Снимок на таблице не очень удачный, — писал Н. П. Лихачев, — но так как и на оригинале последняя строка представляет остатки трех букв, то отнесение памятника к одному из митрополитов Иоаннов (хотя бы Иоанну III) (1164—1166 гг. — т. е. IV. — В. Я.) не более как соблазнительная мечта и чистое гадание.

⁴⁵ А. Павлов. Критические опыты по истории древней греко-русской полемики против латинян. СПб., 1876, стр. 169—170.

⁴⁶ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I. Изд. 2. стр. 286; В. Г. Васильевский. Труды, т. I, стр. 174—175.

⁴⁷ Y. Laurent. Le congrès des sceaux de l'Empire Byzantin, p. 600, N 781.

⁴⁸ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и машинописный текст. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. № 444, табл. XXX, 15.

Если бы можно было быть уверенным в чтении, то печать подходила бы и для Иоанна I (т. е. II.—В. Я.), по М. Д. Приселкову, бывшему в 1077—1089 гг.»⁴⁹.

В тексте «Альбома», редактировавшемся Н. П. Лихачевым в последний год жизни, описание печати и реконструкции не так категоричны, как в изданных за шесть лет до того «Материалах»: «Греческая свинцовая печать малых размеров (15 мм). Пластинка около 3 мм толщины. Оттиск крайне небрежный, матрица была гораздо больших размеров.

1) Поясное изображение Богоматери типа «Знамение».

2) Надпись; то, что видно:

...ΕΡΘ
...Α, ΕΔΡΟ
...ΝΣΠ...

= Богородица, помози... проедру...

Не решаемся строить предположений, однако относительно имени единственное возможное по месту в строке это: Ιω = Иоаннъ. Соблазнительно предположить надпись:

+ΘΚΕΒΘ
ΙΩΑ, ΕΔΡΟ
ΤΗΣΠΑΣΙΣ
ΡΩΣΙΑΣ,

что и было сделано в «Материалах», 2, стр. 12. Но это невероятно уже потому, что в четвертой строке вместо ПАС видно как будто скорее ΠΑΝΤ»⁵⁰.

В 1962 г. А. В. Соловьев, которому не была известна тогда киевская находка 1956 г. печати митрополита Иоанна, высказал мнение о принадлежности рассматриваемой печати Иоанну II⁵¹. Ознакомление с указанной буллой заставило исследователя пересмотреть первоначальную атрибуцию и высказаться в пользу Иоанна IV. В этом его новом построении важную роль сыграли наблюдения над типическими особенностями буллы, изображение Богоматери на которой не свойственно русской сфрагистике XI в.⁵² А. В. Соловьев уточняет также чтение четырехстрочной легенды печати, проецируя

его на аналогичные тексты письменных источников:

[	+ΘΚ	ΕΡΘ
	ΙΩ	ΑΕΔΡΟ
	ΤΩ	ΝΠΑΝΤ
		ΩΝΡΩΣ

При данной реконструкции, сопровождаемой изображением Богоматери, отнесение буллы митрополиту Иоанну IV представляется безусловным. Однако дефектность печати и сама необходимость строить выводы исключительно на реконструкции, в которой наиболее важное место находится как раз в восстанавливаемой части, с самого начала не позволяли нам быть уверенным в правильности такого решения.

Эти сомнения целиком подтвердились, когда летом 1967 г. в Новгороде на Городище был найден еще один экземпляр буллы, оттиснутой теми же матрицами. Надпись на нем читается достаточно отчетливо (рис. 6):

ΚΕΒΘ
ΩΙΑΕΔΡΟ
ΤΟΣΠΑΝ
ΡΟΥΛΟ

и также отчетливо реконструируется: [Θεοτό] κε β[οή]θ[ει] Ιω[άννη] προτοπρο[έδρο] τῷ Σπανό-πουλῷ, т. е. «Богородица, помози протопроедру Иоанну Спанопулосу». Фамилия Спанопулос хорошо известна в средневековых византийских источниках. Под 1094 г. упоминается логофет

Рис. 6. Печати Иоанна Спанопулоса (прорись, киевский и новгородский экземпляры)

⁴⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 12, прим. 1.

⁵⁰ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, текст комментария к табл. XXX.

⁵¹ A. V. Soloviev. Metropolitensiegel des Kiewer Russland, S. 294, N 3.

⁵² A. V. Soloviev. Zu den Metropolitensiegeln des Kiewer Russlands, S. 317—319.

Георгий Спанопулос⁵³. В собрании Г. Шлюмберже имелась булла Михаила Спанопулоса, датированная XI—XII вв.⁵⁴ Димитрия Спанопулоса называет Алексей Комнин⁵⁵.

Отсюда очевидно, что рассмотренная булла должна быть отнесена в число чисто византийских сфрагистических памятников.

Всего от домонгольского времени сохранилось 18 печатей, оттиснутых 13 парами матриц, которые принадлежат киевским митрополитам и несут на себе подробное указание такой принадлежности. Тем не менее даже при столь незначительном количестве материала основные тенденции в развитии типа митрополичьих булл очевидны.

В начале этого развития лежат варианты, отражающие значительную организационную зависимость главы русской церкви от константинопольского патриарха. Ранние митрополиты обозначают в своем титуле принадлежность к внутренним органам греческой церкви в Константинополе, называя себя протопроедрами и синкеллами. На древнейших из известных нам митрополичьих печатях подчиненность патриарху выражена помещением на буллу личной патриаршей эмблемы. Затем крепнущая самостоятельность киевской иерархии подчеркивается появлением на печатях личных патрональных изображений самих митрополи-

тов — владельцев булл (печати Георгия, Иоанна III).

Со времени Николая мы не видим больше на митрополичьих печатях личных эмблем; они заменяются общецерковным символом — изображением Богоматери. На рубеже XI и XII вв. по существу складывается единый тип митрополичьей буллы, хотя в следующий период эти печати различаются между собой порой достаточно существенными деталями. Однако самый принцип сочетания строчной греческой надписи с богородичным изображением остается неизменным на протяжении всего домонгольского периода. Лишь булла Никифора II несколько нарушает единство этого принципа.

Особое внимание привлекает к себе важное новшество, появившееся в легенде печатей и титуле митрополита со времени Константина II и с тех пор ставшее обычным, — понятие «всей Руси», обозначающее границы митрополичьей власти. Отсутствие этого термина на более ранних буллах и возникновение его именно при Константине II, на наш взгляд, можно поставить в связь с конкретными политическими событиями тех лет. Именно во время святительства Константина II резко обозначилось стремление Андрея Боголюбского к организации особой митрополичьей кафедры во Владимире, которая была бы независима от системы киевской иерархии⁵⁶. Не отразилась ли в уточнении титула киевского митрополита противоположная тенденция к сохранению власти киевского митрополита над всеми русскими епархиями?

⁵³ G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin, p. 701.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Сообщение Г. Г. Литаврина.

⁵⁶ Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг. (Из истории русско-византийских отношений XII в.). «Византийский временник», т. XXI. М., 1962, стр. 29—50.

БУЛЛЫ ЕПИСКОПОВ

Одно из сделанных выше наблюдений — выбор в качестве русской общецерковной эмблемы богородичного изображения только на рубеже XI—XII вв. — в известной степени подтверждается знакомством с группой епископских печатей, несущих строчные надписи с именами владельцев булл. К настоящему времени известно 13 разновидностей таких булл, представленных 20 экземплярами. В составе этой группы — буллы Новгорода, Смоленска, Полоцка и Галича. Все они принадлежат к единому сфрагистическому типу, использовавшемуся, таким образом, на большой территории, что особенно подчеркивает обнаружившуюся в XII в. тенденцию к выражению через особенности типа самой идеи принадлежности печати

к определенному политическому институту. Наиболее заметно представлены печати новгородских епископов. Поэтому с них удобнее начать обзор материала.

Печати новгородских владык. Древнейшие именные владычные печати Новгорода несут на себе имя Нифонта, пришедшего на новгородскую кафедру 1 января 1131 г. и умершего 21 апреля 1156 г.⁵⁷ С именем Нифонта известны четыре буллы, оттиснутые двумя парами матриц. Обе разновидности имеют на одной стороне поясное изображение Богоматери «Знамение», а на другой греческую надпись: + Ἀγνή ἁγίας με Νίφοντα Νωβογώραδος, т. е.

⁵⁷ НПЛ, стр. 22, 29, 207, 216.

«Пресвятая, возри на меня, Нифонта Новгородского». Отличия разновидностей заключаются в том, что на одной последнее слово легенды сокращено (№ 54, три экземпляра), а на другой оно написано полностью (№ 55).

Решая вопрос о взаимном старшинстве разновидностей, нам следует опереться на две их особенности. Во-первых, тип с усеченной надписью представлен большим числом экземпляров, тогда как печать с полной надписью уникальна. Во-вторых, все три экземпляра буллы с усеченной надписью отличаются посредственной сохранностью, которая определяется не только индивидуальными дефектами сохранившихся экземпляров, но заложена в несомненной «усталости» их матриц; напротив, печати с полной надписью свойственна большая четкость деталей. Поэтому логично предположить, что матрицы варианта с усеченной надписью употреблялись на протяжении большей части продолжительного владычества Нифонта и только в конце его деятельности были заменены новыми матрицами с полной надписью.

Уверенность в правильности такого предположения дают наблюдения над любопытной анонимной буллой, которая несмотря на свою анонимность принадлежит к рассматриваемой группе печатей. Мы имеем в виду небольшую буллу с поясным изображением Богоматери «Знаменне» и греческой надписью, которую Н. П. Лихачев читал так: + Ἀγνή, σκέποις με τῶν θούτων Νωβογρηδίων, т. е. «Пресвятая, возри на меня, пастыря Новгородского» (№ 56)⁵⁸, в чем был решительно поддержан Н. Г. Порфиридовым⁵⁹. Несколько лет тому назад мы предложили другой вариант прочтения этой надписи: + Ἀγνή, σκέποις με τῶν θούτων Νωβογρηδίων, т. е. «Пресвятая, возри на меня, торева новгородского, предполагая в печати не памятник официальной сфрагистики, а произведение ремесленника, совершенствовавшегося в своем мастерстве, исполненное не по заказу⁶⁰. Статья о «новгородском торове» была написана и опубликована тогда, когда рассматриваемая печать находилась среди не разысканной к тому времени части лихачевского собрания. Она стала доступной для осмотра и изучения в оригинале лишь в 1959 г. Непосредственное знакомство с ней убедило нас в правильности первоначального чтения Н. П. Лихачева.

Итак, печать принадлежала не известному по имени «пастырю Новгородскому». Ее принадлежность к кругу владычных булл подтверждена и богородичной общецерковной эмблемой на ней. Хронологическое определение буллы может быть основано на исключительной близости ее технических особенностей, композиции, «художественного почерка» с буллами Нифонта. Однако это сходство оказывается еще более глубоким. Детальное сравнение изображений Богоматери на анонимной булле и на печати Нифонта с полной надписью обнаруживает, что эти изображения оттиснуты одной матрицей. Следовательно, анонимная печать или была непосредственной предшественницей именной буллы Нифонта с полной надписью, или же непосредственно сменила ее.

При любом решении вопроса о взаимном старшинстве этих булл анонимная печать входит в состав цепочки сфрагистических разновидностей, связанных с именем Нифонта. Только в том случае, если анонимная печать предшествует именной, ее дата окажется близкой началу святительства Нифонта; в противном случае мы должны будем датировать ее временем, близким к последним годам деятельности Нифонта. Выше уже были рассмотрены некоторые особенности сфрагистики Нифонта, побуждающие нас склониться к более поздней дате.

Рассмотрим теперь вопрос о взаимном старшинстве этих типов в свете тех особенностей, которые присущи анонимной булле. Ее безыменность совершенно исключительна в домонгольской владычной сфрагистике Новгорода. Она, на наш взгляд, может служить только отражением той неопределенности отношения владельца буллы к владычной кафедре, которая была свойственна новгородским владыкам в промежуток от их избрания до хиротонисания, когда владыка не имел официального права именоваться епископом. Думается, что и право личной, именной, буллы возникало лишь с момента хиротонисания. Такого противоречия новгородские владыки не испытывали ни до Нифонта, ни при Нифонте. Нифонт был прислан из Киева после «отвержения» Иоанна в 1030 г. уже хиротонисанным. Он с самого начала своего владычества пользовался безусловным правом личной буллы.

Напротив, именно после смерти Нифонта в Новгороде складывается новый, республиканский порядок избрания владыки. Весной 1156 г. «собрался весь град людий, изволеша себе епископом поставити мужа свята и богом избрана именем Аркадия; и шед весь народ, пошла из монастыря святых Богородица, и

⁵⁸ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 441, л. 278, текст к табл. XXIV, 1.

⁵⁹ Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. НИС. вып. 9. Новгород, 1959, стр. 88—89.

⁶⁰ В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в., стр. 114—116.

князь Мстислав Юрьевич, и весь крилос святыя Софея, и вси попове городстия, игумены и черници, и введоша и, и поручивше ему епископью в дворе святыя Софея, дождеже придет митрополит в Русь; и тогда поидеши ставитися»⁶¹.

Особенность первоначального положения Аркадия, таким образом, состояла не только в том, что он оказался первым избранным, а не присланным от митрополита епископом, но и в том, что это избрание совершилось в момент, когда митрополичья кафедра в Киеве была вакантной. Хиротонисан Аркадий был только спустя два года новым митрополитом Константином и прибыл в Новгород в качестве утвержденного епископа 13 сентября 1158 г.⁶² Мы полагаем, что анонимная печать, для отгискивания которой использована одна из матриц разрушенной печати предшественника Аркадия Нифонта, употреблялась Аркадием на протяжении двух лет, с 1156 по 1158 г., когда ему была «поручена епископья» Новгородом, но не митрополитом. Если этот вывод правилен, анонимная булла Аркадия окажется памятником очень важного в истории Новгорода этапа новых успехов республики в организации церковной власти.

Следующая по времени именная печать новгородского владыки датируется годами деятельности непосредственного преемника Аркадия Илии, знаменитого новгородского владыки, более известного в литературе под мирским именем Иоанн⁶³. Печать исключительно плохой сохранности содержит на одной стороне изображение Богоматери «Знамение» в полный рост, а на другой многострочную надпись, в которой читается только начало: «Илия, еп...» (№ 57).

Илия был избран, по-видимому, сразу же после смерти Аркадия 19 сентября 1163 г. Впервые он упомянут в летописи под 1165 г., когда рассказано уже о его хиротонисании 28 марта и возвращении в Новгород 11 мая. В том же рассказе под 6673 г. имеется еще одно место, для нас немаловажное: «В то же лето ходи игумен Деонисии с любовью в Русь, и повелено бысть владыце архиепископство митрополитом»⁶⁴. Умер Илия 7 сентября 1186 г.⁶⁵

⁶¹ НПЛ, стр. 29—30, 216.

⁶² Там же, стр. 30, 217.

⁶³ Печати Илии позволяют исправить одну ставшую уже традиционной агнографическую ошибку. Уже в XV в., в эпоху составления сказаний об архиепископе Иоанне, полагали, что Иоанн было монашеским именем Илии. В действительности его монашеское имя Илия, а Иоанн — мирское.

⁶⁴ НПЛ, стр. 31—32, 219.

⁶⁵ Там же, стр. 38, 228.

Титулование Илии епископом, а не архиепископом позволяет датировать буллу узким промежутком времени от хиротонисания 28 марта 1165 г. до получения титула архиепископа в конце того же года (поставивший Илию архиепископом митрополит Иоанн умер в зиму с 1165 на 1166 г.). Такая датировка подтверждается существованием еще одной печати Илии, на которой он титулован архиепископом. Одна сторона этой буллы несет поясное изображение Богоматери «Знамение», на другой помещена русская надпись: «[Илия] архиепископ новгородский» (№ 58). Имя владельца на существующем экземпляре полностью не читается, но угадывается по нижним концам букв, хорошо различимым. Кроме того, наличие на печати русской надписи не позволяет датировать ее временем раньше второй половины XII в., а на протяжении всего последующего периода в пределах XII—XIII вв. в Новгороде не было владыки со столь же коротким именем, которое только и могло поместиться в первой строке, где имеется место в лучшем случае для пяти букв. Эта булла Илии отличается более значительными размерами, нежели печати его предшественников и преемников. По всей вероятности, заметная претенциозность печати как раз и преследует цель отличить новую, архиепископскую буллу от старой, епископской.

Именные печати непосредственного преемника Илии, его родного брата Гавриила-Григория, пока не найдены. Однако имеется один любопытный памятник, который, возможно, связан со сфрагстикой этого владыки. К сожалению, паспортных данных этой печати у нас нет. Булла воспроизведена В. Лораном в атласе к его изданию церковных печатей Византии под № 794⁶⁶. Однако тот же номер на той же таблице присвоен и другой булле. В тексте издания никаких сведений об интересующей нас печати нет, как нет их и в дополнениях к этому своду⁶⁷. Качество воспроизведения оставляет желать лучшего, отдельные детали буллы на фотографии неразличимы. Между тем эта печать, которой в нашем своде присвоен номер 59, оказывается единственной аналогией подробно рассмотренной буллы № 56, которую вопреки ее анонимности (я благодаря анонимности) мы отнесли к первым годам святительства новгородского епископа Аркадия и признали важным памятником республиканских преобразований в церковной организации Нов-

⁶⁶ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, Planches, pl. 108.

⁶⁷ Ibid., t. V, 1-e partie; 2-e partie. Paris, 1965.

города. На печати № 59 имеется такая же многострочная надпись: + Ἁγῶν, σὺλοῦς με τοῦ ἁγίου Νεοβογράδων, т. е. «Святой, возри на меня, пастыря Новгорода», но ее оборот занят поясным изображением не Богоматери, а святителя, имя которого сохранилось лишь в виде нечитаемых фрагментов по сторонам изображения. Поскольку анонимную печать Аркадия мы уже знаем, владельца рассматриваемой буллы следует искать среди непосредственных преемников Аркадия. Такими были Илия, а затем Григорий. Патрон Илии изображался иначе; что же касается Григория, изображенный на булле святитель вполне соответствует иконографическому типу святого, носившего это имя. Оговоримся, однако, что лишь знакомство с оригиналом буллы или обнаружение нового, более сохранного экземпляра способно дать окончательную уверенность в правильности такого решения.

Григорий был избран во владыки сразу же после смерти Илии, т. е. вскоре после 7 сентября 1186 г., он был хиротонисан 29 марта 1187 г. и вернулся в Новгород с поставления 31 мая того же года. Умер Григорий 24 мая 1193 г.⁶⁸ Если печать № 59 действительно принадлежит ему, датировать ее следует концом 1186 — началом 1187 г.

В трех идентичных экземплярах известна булла следующего новгородского владыки, Мартирия, избранного после смерти Гавриила, т. е. в конце мая или начале июня 1193 г., хиротонисанного 10 декабря 1193 г., пришедшего в Новгород 16 января 1194 г. и умершего 24 августа 1199 г.⁶⁹

На печатях Мартирия изображение Богоматери «Знамение» в полный рост, подобное такому же изображению на епископской булле Илии, сочетается с русской надписью: «Мартирь еп[иско]пъ новгородскыи» (№ 60). Приведенная надпись содержит в себе некоторую несообразность. Ее следует рассмотреть здесь же. Наличная литература по истории новгородской церкви придерживается той же периодизации, которая была принята еще в новгородском летописании, основываясь на цитированном сообщении о пожаловании архиепископства Илии в 1165 г. Согласно этой периодизации, легкой уже в XV в. в основу членения списка новгородских владык на две рубрики: «А се новгородскыи епископы» и «А се архиепископы», — 1165 г. оказывается временем коренного преобразования новгородской епископии в архиепископию. Пунктуально придерживаясь такой

схемы, мы должны были бы недоумевать по поводу титулования епископом Мартирия, деятельность которого относится ко времени, на три десятка лет более позднему, чем этапный 1165 г., тем более что и Новгородская первая летопись в древнейшем, Синодальном, списке неоднократно называет Мартирия архиепископом, хотя в рассказе о поставлении она не титулует его.

В указанной связи следует обратить внимание на одно явление, находящееся в несомненном родстве с отмеченным противоречием. Известно, что титул архиепископа присваивался новгородским владыкам иногда и до 1165 г. Так, архиепископом титулуется Нифонт — и не только в летописном рассказе, где подобное титулование может быть результатом позднейшего обновления терминологии, но и в прижизненном памятнике, каким был, например, антиминос 1148 г.⁷⁰ Известны попытки историков связать архиепископство Нифонта с его политикой в ходе борьбы против автокефалии Климента Смолятича, когда Новгород якобы добился непосредственного подчинения патриарху, минуя киевскую митрополию.⁷¹

Как бы то ни было, новгородская кафедра знает архиепископов до 1165 г., знает она и епископов после 1165 г. Показание булл Мартирия, как нам представляется, дает основание считать, что в 1165 г. не было коренного преобразования новгородской епископии в архиепископию. Пожалования титула архиепископа на протяжении всей второй половины XII в. носили личный, эпизодический характер и совершались при хиротонисании не всегда. Владыка Мартирий, о котором летопись рассказывает, что его пригласили в Киев после избрания на новгородскую кафедру «с великой честью», был посвящен только в епископы. Не исключено, разумеется, что в дальнейшем имело место и второе пожалование, как это случилось с Илией, но сфрагистических свидетельств архиепископства Мартирия пока нет.

К домонгольскому периоду относятся еще две новгородские владычные именные печати. Одна из них несет изображение Богоматери «Знамение» в полный рост, а на обороте русскую надпись: «М[и]трофан а[рхи]е[п]ископъ новгородскыи» (№ 61). Другая с подобным изображением сохранила русскую надпись:

⁶⁸ НПЛ, стр. 38, 40, 229, 231.

⁶⁹ НПЛ, стр. 40, 44, 231—232, 238.

⁷⁰ И. И. Срезневский. Антиминос 1149 года. «Христианские древности и археология», 1862, кн. 4, стр. 1—4; Ф. Морозов. Антиминос 1149 (6657) года. «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», т. XI. Пг., 1915, стр. 197—209.

⁷¹ М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 383—384.

«Антони[и] архиеп[и]скопъ новъгородскы[и]» (№ 62).

Судьбы новгородских архиепископов Митрофана и Антония причудливо переплетаются на всем протяжении первой четверти XIII в. Митрофан впервые появляется на политической арене Новгорода еще в 1193 г., когда соперничал с Мартирием и потерпел поражение при выборах владыки. Избран он был после смерти Мартирия в 1199 г. и хиротонисан 3 июля 1201 г. Спустя одиннадцать лет, 22 января 1212 г., Митрофан был лишен кафедры новгородцами, а на его место избрали Антония, хиротонисанного в том же году. 17 марта 1220 г. Митрофан снова добился новгородской кафедры, а Антоний был изгнан и получил епископию в Перемышле. После смерти Митрофана 3 июля 1223 г. новгородцы избрали владыкой Арсения, который, так и не будучи хиротонисан, в конце 1225 г. был снова замещен Антонием, владычествовавшим до 1228 г., когда он по немощи удалился в Хутынский монастырь, где и умер 8 октября 1232 г.⁷²

Столь сложное чередование владык Митрофана и Антония не позволяет решить вопрос о точной дате их булл. У нас нет оснований для того, чтобы выбрать в качестве даты печати Митрофана период его первого владычества или же период повторного занятия кафедры. То же самое можно сказать и о печати Антония. Однако, сравнивая между собой обе эти буллы, мы, по-видимому, имеем право говорить о большей древности печати Митрофана. Она и по размеру, и по особенностям изображения Богоматери гораздо ближе к буллам непосредственного предшественника Митрофана Мартирия, тогда как у буллы Антония уменьшается кружок матрицы, надпись делается мельче, а на стороне с изображением под обычными богородичными титулами появляются титулы ІС—ХС, присутствующие на большинстве позднейших сфрагистических изображений «Знамения».

Исчерпав весь существующий к настоящему времени материал именных печатей новгородских владык домонгольской поры, мы можем отметить несколько важных деталей, определяющих существенные тенденции в развитии местной церковной буллы.

Прежде всего бросается в глаза несомненная изначальная связь новгородской владычной буллы с киевской митрополичьей печатью. Прямым прототипом печати Нифонта в доступном нам сейчас материале киевской церковной

сфрагистики оказываются буллы Никифора I. Сходство не сводится к повторению типа, несущего на одной стороне поясное изображение Богоматери «Знамение», а на другой греческую многострочную надпись. Это сходство, а следовательно, и подражательность новгородских булл киевским сказываются в совпадении самой формулы легенды. Мы видели уже, что формула митрополичьей печати варьирует, повторяясь лишь в редчайших случаях. На буллах Никифора присутствует формула, несвойственная другим киевским печатям: Ἀγνή, σκέτοισ με. И именно эта формула была воспроизведена в Новгороде вместе со всеми остальными деталями сфрагистического типа.

В дальнейшем развитии типа новгородских владычных печатей могут быть отмечены два важнейших явления. Новгород отвергает греческий язык в надписях булл и переходит к употреблению русского языка, что, несомненно, совпадает с общим духом республиканских преобразований, выразившихся, между прочим, и в избрании владыки из среды местного духовенства — русского, а не греческого. Кроме того, на буллах, начиная со времени Илии, утверждается новый тип богородичного изображения — композиция «Знамение» не поясная, а ростовая.

Печати смоленского епископа Мануила. Заимствованным из киевской митрополичьей сфрагистики оказывается и тип печати смоленского епископа Мануила, представленный двумя идентичными экземплярами. Погрудное изображение Богоматери «Знамение» сопровождается на них греческой надписью: [Μ]ανου[ί]λ[η] ἐ[πί]σκοπος[ος] Σμολων[ικ]ῆς, т. е. «Мануил, епископ Смоленска» (№ 63).

Пришедший «из грек» скопец Мануил был первым смоленским епископом, поставленным при учреждении епископии в 1137 г. Его имя названо в уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича⁷³. В 1147 г. Мануил, будучи смоленским епископом, принимал участие в поставлении митрополитом Клима Смолятича, затем, рассорившись с ним, укрывался из Смоленска и вернулся на свою кафедру лишь в 1156 г. В качестве смоленского епископа он выступает еще в 1167 г. Дальнейшая его судьба не известна. В 1180 г. в Смоленске был другой епископ — Константин⁷⁴.

Печати полоцкого епископа Д и о н и с и я. К тому же сфрагистическому

⁷² НПЛ, стр. 44—45, 52, 60—61, 64—65, 72, 231—232, 238—239, 250, 261, 263, 269—270, 281.

⁷³ ПСРЛ, т. I, вып. 2, стб. 304; «Памятники русского права», вып. 2. Составитель А. А. Зимин. М., 1953, стр. 43.

⁷⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 30, 80, 94, 304.

типу принадлежат два неизданных экземпляра печати с поясным изображением Богоматери «Знамение» и греческой надписью: *Σφραγίς Διονυσίου ἐπισκόπου Πυλοτιτσίου*, т. е. «Печать Дионисия, епископа Пулотциску» (№ 64).

Повторная находка этой буллы на русской территории, отсутствие среди византийских епархий таких, которые в какой-то мере были бы созвучными обозначенной на нашей печати, наконец, взаимоподтверждающие показания, содержащиеся в самой надписи печати, и ее принадлежность к типу русских владычных булл XII в. — все это позволяет предположить бесспорную, на наш взгляд, атрибуцию. Единственным домонгольским русским епископом Дионисием был полоцкий епископ, умерший в 1183 г.⁷⁵ Нам не известны ни год его поставления, ни какие-либо другие факты его жизни и деятельности. Отметим только, что среди епископских печатей XII в. булла Дионисия выделяется несколько большими размерами: ее диаметр 27—28 мм против обычных 20. Эта ее исключительность находит аналогю лишь в архиепископской печати новгородского владыки Илии (26 мм). Но последняя датируется 1165—1186 гг., а этот период совпадает со временем деятельности полоцкого епископа Дионисия.

Печати галицкого епископа Козмы. Последнюю группу памятников, принадлежащих к рассматриваемому сфрагистическому типу, составляют три печати, которые происходят из находок на территории древнего Галича. Печати оттиснуты двумя разными парами матриц, но различия между ними крайне невелики. Поясное изображение Богоматери «Знамение» на этих буллах сопровождается греческой надписью: *Μήτηρ Θεοῦ σηλοῖς με Κozμᾶν Γαλιττις*, т. е. «Богоматерь, воззри на меня, Козму Галицкого» (№ 65, 66).

Епископ Козма упоминается в летописях под 1157 г., когда он был поставлен на галицкую кафедру, и еще раз под 1165 г.⁷⁶ Не исключено, что Козма, упоминаемый в 1143—1156 гг. в качестве полоцкого епископа, и Козма Галицкий — одно и то же лицо.

Изложенные здесь материалы показывают, что уже в первой половине XII в. сложился единый для всей Руси тип печати церковных иерархов. Возникающее впервые на печатях митрополита Николая на рубеже XI и XII вв. изображение Богоматери «Знамение», которое

стало обязательным элементом всех последующих митрополичьих булл, в первой половине XII в. становится таким же обязательным элементом епископских печатей. Не встреченное в других сфрагистических разрядах, это изображение может быть признано общецерковной эмблемой, принципиальным указателем на принадлежность снабженной им буллы церковным иерархам.

Значительный интерес могут представить также наблюдения над обозначением епархий на епископских буллах. Они названы во всех случаях (Новгород, Смоленск, Полоцк, Галич), и эта точность обозначения резко противостоит косвенному обозначению топонима на митрополичьих печатях. Там обозначение Киева, ни разу не встреченное в сфрагистике, пунктуально заменено термином «Россия». Между тем, сравнение с терминологией ранних княжеских булл XI — начала XII в. показывает, что этот термин не тождествен понятиям «Киев» или «Киевское княжество», а обнимает всю Русь. Поэтому он и на митрополичьих буллах соответствует всеобщности церковной власти митрополита над Русью в целом. Если любой владетельный князь на Руси мог пользоваться термином «архонт России», обозначая тем самым свою принадлежность к княжеской семье, то ни один из епископов не смел претендовать на включение в свой титул понятия «Россия», бывшее прерогативой митрополита. Напротив, если бы митрополит вздумал титуловать себя «митрополитом Киева», это неизмеримо умалило бы его достоинство, поставив его в один ряд с подчиненными ему епископами.

Еще одно наблюдение основывается на сведениях о местах находки домонгольских владычных булл. Оказывается, что из 38 таких печатей, зарегистрированных к настоящему времени, 14, т. е. треть, обнаружены не на территории Руси, а за ее рубежами. Эти 14 печатей происходят в основном из константинопольских находок. Иными словами, они скрепляли в свое время документы не внутрирусского характера, а международные документы или, точнее, документы внутрицерковных сношений между русскими кафедрами и патриархией. К числу этих печатей относятся буллы митрополитов Феопемпта, Георгия (1 печать), Николая, Никифора I (обе печати), Константина I, Никифора II, Иоанна (1 печать), епископов Нифонта (2 печати), Григория и Мануила (2 печати). Одна митрополичья булла (Михаила) была обнаружена в Румынии на путях тех же внутрицерковных связей. Почти все эти буллы датируются не позднее, чем серединой

⁷⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 127, 319.

⁷⁶ ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 66, 78.

XII в. В пределах сопоставимого времени (XI—середина XII в.) они практически противостоят лишь пяти печатям (Ефрема, Георгия, Иоанна III, Нифонта), найденным в России.

Во второй половине XII и начале XIII в. положение резко изменяется. Здесь двум найденным за пределами России церковным печатям (Никифора II и Григория) противостоит вся масса остальных булл, происходящих исключительно из русских находок. Нам кажется несомненным, что это наблюдение отражает существование важного процесса постепенного усиления роли церковных органов во внутрирусских делах. Актовая сфрагистика русских князей церкви, обслуживавшая первоначально документы только церковного характера, во второй половине XII в. встает на службу дипломатике, имеющей более внутренний, нежели раньше, характер. Легко заметить, однако, что этот вывод покоится главным образом на новгородских материалах и поэтому должен быть в дальнейшем привлечен для характеристики новгородских порядков второй половины XII — начала XIII в.

Обзор епископских печатей домонгольской поры был бы неполон, если бы в стороне остался еще один связанный с ними сюжет. В 1963 г. В. Лоран издал печать, которая им предположительно отнесена к числу русских епископских булл. На одной ее стороне помещена пятифигурная композиция с возвышающейся в центре фигурой Христа в полный рост и стоящими по его сторонам попарно фигурами евангелистов. На другой стороне этой печати греческая надпись: $\text{† Μωϋϛ ροναυδς καὶ μῆτροπολίτης πόλεως Βλαδῆ [μίρου]}$, т. е. «Моисей, монах, митрополит города Влад[имира?]⁷⁷. Исследователь отмечает очень плохую сохранность надписи в той ее части, где помещено

⁷⁷ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t. V, 1-e partie, p. 609—610.

обозначение топонима, и его реконструкция избирает лишь предпочтительный вариант прочтения легенды.

Датируя печать второй половиной XII в., В. Лоран предполагает, что при Андрее Боголюбском была предпринята попытка создать митрополию во Владимире на Клязьме и что печать Моисея является свидетельством этой попытки. В таком предположении слишком много противоречий, чтобы отнестись к нему всерьез. Имя Моисея вовсе не встречается в истории хорошо известных попыток Андрея Боголюбского преобразовать в своем княжестве церковь и учредить во Владимире митрополию. Также хорошо известно, что единственным претендентом на новую митрополию был епископ Феодор. Если прозвище Феодора «Белый Клобучок» указывает как будто на присвоение им знаков митрополичьего достоинства, то речь опять-таки идет о Феодоре, а не о Моисее.

Можно было бы предположить, что Феодор, который, даже будучи епископом, не принимал пострижения, затем все-таки постригся и, следовательно, сменил имя, но этому также противоречат два обстоятельства. Во-первых, он перед казнью был судим как мирянин и значит вовсе не принимал пострижения⁷⁸. Во-вторых, в Древней Руси почти постоянным правилом при смене имен было избрание нового имени с тем же инициалом, какой стоял в начале старого имени (Никита-Нифонт, Иоанн-Илия, Гаврил-Григорий и т. д.). Здесь этого нет. Возвращаясь к сфрагистическим аргументам, отметим, что принципы оформления булл настолько чужды владычной сфрагистике Руси, что предположительное толкование В. Лорана, которое к тому же не подтверждается какими-либо другими источниками, нельзя признать удачным.

⁷⁸ Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 46.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ СФРАГИСТИЧЕСКИХ ТИПОВ НА РУБЕЖЕ XI И XII ВВ.

Материалы, рассмотренные в предыдущих главах, содержат важное указание на особую роль рубежа XI и XII вв. в формировании русских сфрагистических типов. Мы видели, что характерный для княжеской сфрагистики второй половины XI в. тип буллы с изображением святого и строчной греческой надписью, хотя и существует еще в первые годы XII в., в дальнейшем полностью отмирает. Ни одной печати такого типа нет в материалах, датированных более поздним временем, чем 10-е годы XII в. Во владычной сфрагистике, которая по именным печатям рассмотрена нами в более широких хронологических рамках всего домонгольского периода, рубеж XI и XII вв. оказывается важнейшим этапом формирования буллы постоянного типа, обозначающего свою принадлежность к кругу церковных печатей обязательным помещением общецерковной эмблемы — Богоматери. Предшествующий период развития церковной сфрагистики вплоть до конца XI в. — время хаоса сфрагистических типов, принципы построения которых варьируют.

С другой стороны, хаотичность построения сфрагистического типа в XI в. бросается

в глаза и при сопоставлении княжеских и митрополичьих булл. Практически буллы князей и митрополитов принадлежат к одному типу, несущему изображение святого и греческую строчную надпись. Различает эти буллы лишь содержание их надписей, чтение которых требовало знания греческого языка. Типы булл князей и митрополитов не противопоставлены в XI в. какими-либо внешними яркими признаками, которые позволили бы с первого взгляда определить принадлежность буллы и документа, ею скрепленного. Обязательное включение в композицию церковных печатей изображения Богоматери — общецерковного символа — в первой четверти XII в. знаменует поэтому несомненное существование тенденции к оформлению таких типов, сама композиция которых говорила бы о принадлежности буллы к определенному институту власти.

Наблюдения над особой ролью рассматриваемого времени в формировании новых сфрагистических типов могут быть подтверждены обращением к другим группам печатей, в оформлении которых отмеченная тенденция проявляется с еще большей очевидностью.

ПЕЧАТИ РАТИБОРА

Среди русских печатей древнейшей поры небольшую и весьма своеобразную группу составляют свинцовые буллы с погрудным изображением на одной стороне св. Климента папы римского и надписью «От Ратибора» на обороте. К настоящему времени известно семь таких печатей, оттиснутых в разное время пятью парами матриц (№ 67—71).

Печати Ратибора отличаются несколькими весьма существенными признаками, среди которых на первом месте следует назвать совершенно необычную и неповторенную в русской сфрагистике форму их надписи. Это единственный случай, когда надпись не просто фиксирует принадлежность печати, а своим надежным выражением прямо указывает, что документ,

снабженный такой печатью, содержит собственное «рукописание» владельца буллы. Иными словами, надпись относится не к печати, а к документу, ею скрепленному. Такая надпись кажется наиболее уместной при письменном распоряжении, письме, донесении и т. п., но не при акте. Это как бы ярлык с обратным адресом, некое подобие исключительно поздней печати частной переписки, а сама формула «От Ратибора» может служить указанием на то, что Ратибор пользовался своими буллотирями при запечатывании корреспонденции.

Еще два обстоятельства кажутся значительными. Во-первых, обращает на себя внимание множественность вариантов печати «От Ратибора». Когда какая-либо печать доходит до нас во многих экземплярах, оттиснутых одной парой матриц, то это может быть свидетельством лишь особо интенсивной деятельности ее владельца в сравнительно короткий промежуток времени. Но в случаях, подобных рассматриваемому, мы можем и должны говорить о продолжительной деятельности Ратибора. Во-вторых, бросается в глаза территориальная разбросанность этих печатей. Две из них найдены в Крыму, две — в Киеве, одна — под Лубнами Полтавской области, одна куплена в Севастополе, одна — в Константинополе. Такая разбросанность говорит о значительном территориальном размахе деятельности Ратибора. Эти обстоятельства должны быть отмечены особо, так как принадлежность всех вариантов булл Ратибора одному и тому же лицу не вызывает каких-либо сомнений.

Своеобразие печатей Ратибора несколько раз привлекало внимание исследователей. Особенно подробно они были изучены А. В. Орешниковым и Н. П. Лихачевым¹. Благодаря усилиям этих исследователей вполне обоснованы даты печатей Ратибора — вторая половина XI — начала XII в. — и их принадлежность известному в русской истории лицу — тмутараканскому наместнику, а затем киевскому тысяцкому Ратибору. Поскольку главные вопросы их первоначального изучения уже решены, печатями Ратибора удобно воспользоваться, чтобы показать возможности бо-

лее детальной датировки булл, возникающие при сравнении различных вариантов однотипных сфрагистических памятников.

Сама однотипность вариантов говорит о том, что они возникали в результате копирования стиравшихся от употребления образцов, и, следовательно, наиболее поздний вариант должен оказаться наиболее отдаленным от самого раннего. Другие варианты займут промежуточное положение. Последовательное копирование вариантов, кажущееся для нас несомненным уже в силу их детального сходства, может быть подтверждено и некоторыми особенностями надписей и изображений этих булл.

На вариантах № 67, 68 и 69 имя святого передано в искаженной греческой форме: ⓐ Κλημεζο вместо ⓐ Κλημεζ. В. Н. Щепкин, посвятивший надписям печатей Ратибора небольшой очерк, склонялся к тому, чтобы признать конечную букву «ο» «русской прибавкой» к греческой надписи, и кроме того, результатом изменения слабого редуцированного «ъ» в «ο»². В. Н. Щепкин привел ряд аналогий, взятых из надписей нередицких фресок, которые, однако, мало убеждают, поскольку относятся ко времени, на столетие более позднему, чем печати Ратибора. Кроме того, приведенные им примеры типа «Евано», «Яково» и т. п. только в том случае были бы действительно аналогичными, если бы имена были изображены в форме «Еваносо», «Яковосо» и т. д. В. Н. Щепкин сам признавал XI в. временем слишком ранним для предложенной им замены букв, однако делал скидку на более раннее появление новых форм в надписях бытовых памятников. Мы полагаем, что изложенных недоумений вполне достаточно для того, чтобы усомниться в правильности такого истолкования.

Между тем в том же очерке В. Н. Щепкина мельком, в одной фразе было высказано и второе предположение, которое оказывается более убедительным: «Можно бы предположить еще, что конечное «ο» есть начало титула ὁ πάλας τῆς Ρωμῆς»³. На первый взгляд это предположение выглядит несколько странным: из титула взята только начальная частица, написана первая буква, не несущая никакого содержания, хотя остальные 13 букв заведомо не поместились бы на печати. Однако как только мы попытаемся поставить вопрос об источнике изображения и надписи печати, все встанет на свои места.

² А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике, стр. 140.

³ Там же.

¹ А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. «Труды Московского нумизматического общества», т. 3. М., 1903, стр. 137—141, раздел «Две свищовые привески печати тмутараканского посадника Ратибора»; Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 19—20 (раздел «Печати с надписью ОТ РАТИБОРА»). См. также: Т. Герасимов. Два славянских моливдовула XI и XIII вв. «Byzantinoslavica», XIII, 1, 1952; В. Л. Янин. О печатях Ратибора. СА, 1960, № 2, стр. 270—275.

В середине и второй половине XI в., когда лицевой иконописный шаблон еще не мог сделаться обязательной принадлежностью художника, наиболее вероятным собранием канонических образцов изображений и начертаний имен различных святых могло быть мозаичное и живописное убранство киевского Софийского собора. Именно там киевские художники и торевты должны были срисовывать композиции и списывать образцовые надписи.

Изображение св. Климента папы римского в киевской Софии помещено на алтарной мозаике, среди изображений святителей, отцов церкви и первомучеников, под знаменитой Евхаристией. К настоящему времени сохранилась лишь верхняя часть колончатых надписей⁴, которые, однако, вполне могут быть реконструированы:

А	П
К	А
Λ	Π
Н	Α
Μ	Σ
Н	Ρ
[Σ Ω]	
[Ο Μ]	
[Η]	
[Σ]	

Перенос частицы о в нижнюю часть левой колонки здесь несомненен. Ее отсутствие в начале правой колонки не может свидетельствовать об ее опущении вообще, поскольку такая частица в надписях других мозаик употребляется пунктуально (в именах Иоанна Златоуста, Стефана Первомученика, Григория Нисского, Григория Чудотворца, Григория Богослова)⁵. Следовательно, на «образцовой» мозаике Софийского собора имя Климента было разделено на колонки таким образом, что в левой, если рассматривать ее изолированно от правой, получалось бессмысленное Ο ΚΛΙΜΗΝΣΟ, т. е. как раз то ошибочное написание, которое отмечено на буллах Ратибора.

Из этих наблюдений мы делаем три вывода. Во-первых, мастер, выполнивший самый ранний вариант печати Ратибора, сверялся с мозаиками Софийского собора. Во-вторых, он был русским, а не греком, иначе он не стал бы

копировать надпись бессмысленно. В-третьих, возникновение новых вариантов печати Ратибора действительно происходило в результате копирования старых вариантов, поскольку ошибочное написание Ο ΚΛΙΜΗΝΣΟ присуще трем разновидностям этой буллы.

Ключ к выяснению относительной хронологии печатей Ратибора дает сравнение вариантов № 69 и 70. Практически это печати, отлитые не двумя, а одной парой матриц. Лицевые стороны указанных вариантов вполне тождественны; оборотные тождественны во всем, за исключением колончатой надписи. При этом тождественность сохраняется и здесь полностью в левой колонке надписи, в правой же на матрице исправлены две буквы: «с» превращено в «е», для чего потребовалось лишь провести одну дополнительную черточку, а маленькое конечное «ο» — в непропорционально большое «τ», получившее после переграбировки более высокий рельеф. В результате всех этих исправлений ошибочная греческая надпись превратилась в правильную русскую Ο ΚΛΙΜΕΝΤ. Вполне очевидно, что обратное превращение невозможно: «е», вырезанное на матрице углубленно, уже не превратишь в «с», нельзя сделать и из большого «τ» маленькое «ο».

Таким образом, вариант № 69 оказывается более ранним, чем вариант № 70; последний к тому же уничтожает дефекты надписи варианта № 69. Следовательно, сохраняющие эти дефекты варианты № 67 и 68 оказываются еще более ранними. Что касается найденного недавно в Турции варианта № 71, он должен быть признан наиболее поздним, поскольку содержит написание Ο ΚΛΙΜΕΝΤ, первоначальный образец которого выявлен нами на варианте № 70.

В связи с изложенными наблюдениями отметим интересную закономерность. Все варианты буллы Ратибора распадаются на две группы в зависимости от величины их кружков. Варианты № 67 и 68, признанные нами древнейшими, отлиты на кружках сравнительно малого диаметра (22—24 мм), тогда как все остальные используют большие кружки (25—28 мм). Отсутствие «чересполосицы» в величине кружков подтверждает правильность установленной по особенностям колончатых надписей относительной хронологии булл.

По-видимому, самым древним следует признать вариант № 67. Только на нем надпись «От Ратибора» начинается буквой «Ο». На варианте № 68 в начале этой надписи стоит омега, как и на всех позднейших разновидностях буллы.

⁴ В. Н. Лазарев. Мозаики Софии киевской. М., 1960, стр. 171.

⁵ Там же, стр. 171 (Григорий Богослов), 172 (Стефан Первомученик), 174 (Иоанн Златоуст), 175 (Григорий Нисский и Григорий Чудотворец).

Предложенная относительно-хронологическая схема может быть подтверждена и превращена в абсолютную сопоставлением сфрагистических данных с показаниями летописей. Первое упоминание Ратибора относится, по всей вероятности, ко времени до 1078 г. Мы имеем в виду свидетельство Несторова жития Феодосия Печерского о соратнике великого князя Изяслава (умершего в 1078 г.) боярине Клименте, который обещал перед походом дать в Печерский монастырь две гривны золота, но затем забыл о своем обещании⁶. В летописи Ратибор упоминается впервые под 1079 г., когда Всеволод Ярославич сажает его посадником в Тмутаракань. В 1081 г. князь Давид Игоревич и Володарь Ростиславич, захватившие Тмутаракань, берут его в плен, и он надолго исчезает со страниц летописи. В 1095 г. Владимир Мономах, бывший тогда переяславским князем, по совету дружины Ратибора соглашается на убийство половецких ханов Итлара и Китана; Итлара убивают на «сеннице» Ратибора. В 1100 г. Владимир Мономах посылает Ратибора к Давиду Игоревичу сообщить о решении княжеского съезда в Уветичах. В 1113 г. после утверждения Владимира Всеволодовича на киевском столе Ратибор участвует в Берестовском совещании и назван здесь киевским тысяцким⁷. Около того же года он упоминается в Русской Правде как один из авторов «Устава Мономаха»⁸. Летописец знает также детей Ратибора — Фому и Ольбега (возможно, это два имени одного и того же лица)⁹.

Летописный боярин Ратибор, будучи приближенным Всеволода и его сына Владимира Мономаха, в своей деятельности был связан последовательно с Киевом (до 1079 г.), с Тмутараканью (в 1079—1081 гг.), снова с Киевом (до смерти Всеволода в 1093 г.), с Переяславлем (в 1093—1113 гг.), и еще раз с Киевом (с 1113 г.). Хронологическая последовательность его печатей в сочетании с топографией их находок вполне подтверждается этими данными. Действительно, вариант № 67, признанный нами древнейшим, должен быть датирован 1079—1081 гг., так как оба экземпляра этого варианта происходят с берегов Таманского

пролива¹⁰. Вариант № 68, следующий по времени, найден в Киеве, и мы решаемся отнести его к следующему периоду деятельности Ратибора — ко времени Всеволода Ярославича. Вариант № 69 известен в двух экземплярах. Один найден в с. Клепахи, в пределах древнего Переяславского княжества, на территории городища. Другой приобретен И. И. Толстым в Севастополе, что, казалось бы, объединяет его с группой таманских находок.

Однако известно, что незадолго до революции Н. П. Лихачев приобрел у петербургского антиквара А. Ф. Эльтермана целую коллекцию южнорусских вещей, которая была вывезена из Севастополя. В составе этой коллекции нет каких-либо вещей явно крымского происхождения, что говорит о существовании в Севастополе в начале XX в. какого-то собирателя, деятельность которого охватывала большую территорию юга России, вплоть до Киевщины, откуда происходит большинство южнорусских печатей. Возможно, что и печать Ратибора прошла через руки этого собирателя. Достоверная находка такой же печати на Переяславщине связывает вариант № 69 с периодом 1093—1113 гг.

Булла варианта № 70 была обнаружена в Киеве и соответствует последнему, киевскому, периоду деятельности Ратибора. С тем же периодом приходится связывать наиболее позднюю печать Ратибора (№ 71), купленную Софийским музеем (Болгария) в Стамбуле.

Н. П. Лихачев, завершая свой обзор печатей Ратибора, отметил: «Нас может и должно смущать одно обстоятельство, — то, что от Ратибора сохранился ряд печатей и притом разных матриц, других же подобных воеводских или наместничьих печатей неизвестно ни одной ни для XI, ни для XII в. Это обстоятельство остается загадкой»¹¹. Это обстоятельство остается загадкой и сейчас. Одним только исключительным положением Ратибора нельзя объяснить своеобразия рассмотренной группы печатей. Однако нам хотелось бы сейчас обратить внимание на другое обстоятельство. Несмотря на свое исключительное положение, Ратибор никогда не пользовался той степенью власти, которая ставила бы его в один ряд с другими владельцами печатей XI — начала

⁶ «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1858, кн. 3, стр. 18 жития.

⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 204, 227—228, 274; т. II, Изд. 2, стб. 196; т. VI, СПб., 1848, стр. 63; т. VII, СПб., 1856, стр. 3, 8, 17.

⁸ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 204 и сл.

⁹ ПСРЛ, т. I, вып. 1, стб. 228; т. II, стр. 8, 291.

¹⁰ Беспаспортный армитажный экземпляр этого варианта должен быть отнесен к числу таманских находок, потому что он прошел через руки Е. Е. Люценко, собирательская деятельность которого связана с Керчью.

¹¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 22.

XII в. Если любая другая современная ему печать по своему оформлению была печатью актовой, то буллы Ратибора на всем протяжении его государственной карьеры сохраняют признаки буллы неофициального документа.

Печать Ратибора оформлена иначе, чем печати князей и митрополитов. И нет ничего невероятного в том, что именно в своеобразии

ее типа впервые проявляются тенденции выразить типическими особенностями композиции, своеобразии самого политического института, обладавшего этой печатью,— института наместничества, отличного от двух других политических институтов, пользовавшихся правом буллы,— княжеской и высшей церковной власти.

ПЕЧАТИ ПРОТОПРОЕДРА ЕВСТАФИЯ

Одну из интереснейших для характеристики сфрагистических типов конца XI в. групп составляют печати протопроедра Евстафия (№ 72, 73). Эти буллы, оттиснутые двумя парами различающихся между собой лишь мельчайшими деталями матриц, несут на лицевой стороне изображение св. Феодора в полный рост, с копьем и щитом, а на обороте пятистрочную греческую надпись: + Протопроедров Евстафiоv με σφάρα, т. е. «Воззри на меня, протопроедра Евстафия».

Буллы протопроедра Евстафия были впервые введены в научный оборот Н. П. Лихачевым, который располагал семью экземплярами таких печатей¹². Подчеркнув особое значение протопроедра как члена неофициального совета при византийском императоре, Н. П. Лихачев писал: «Но мог ли такой титул, как почетное звание, носить какой-нибудь русский князь XI столетия? Отметим, что князь Мстислав-Константин Владимирович имел сына, князя Евстафия, умершего при жизни отца в 1033 г. (см. под этим годом Лаврентьевскую летопись: «Мъстиславичъ Еустафiа умре»). Имя Евстафия редко, и нахождение нескольких экземпляров такой печати в Новгороде наводит на размышление. К сожалению, работа печати хорошего греческого мастера и мало признаков, чтобы отнести ее к числу русских. Если экземпляры печати будут найдены на юге России, то предположение получит более определенное основание»¹³.

Цитированные строки были написаны исследователем в 1928 г., когда ему были известны четыре экземпляра печати Евстафия,

которые все происходили из новгородских находок. Уже на протяжении следующих двух лет Н. П. Лихачеву были сообщены еще два экземпляра этой буллы, поступившие в Новгородский музей из находок на Городище. Эти находки развеяли одни сомнения из высказанных в 1928 г. и углубили другие. Во 2-м выпуске своих «Материалов» Н. П. Лихачев пришел к выводу: «Обилие печатей таинственного Евстафия, находимых исключительно в Новгороде, тесно связывает этого протопроедра с древнейшей историей Новгорода»¹⁴. Вполне очевидно, что такой вывод неизбежно включает в себя и отрицание первоначально предположенной связи буллы Евстафия с князем Евстафием Мстиславичем, который не имел отношения к истории Новгорода.

Тем не менее в рукописном тексте комментария к «Сфрагистическому альбому», редактировавшемуся Н. П. Лихачевым в последний год его жизни, исследователь попытался объяснить это противоречие предположением о наместничестве в Новгороде Евстафия Мстиславича в промежуток между княжениями сыновей Ярослава Мудрого — Ильи, умершего в 1020 г., и Владимира, вокняжившегося около 1033 г. «Евстафий Мстиславич, генеалогически приписанный Ярославу как родной племянник, мог быть в Новгороде наместником Ярослава или новгородским князем, приглашенным Новгородом с согласия Ярослава. Вернее, что Евстафий был представителем власти Ярослава, заместителем своего родственника, и как наместник забыт вместе с многими другими великокняжескими наместниками в новгородских летописях»¹⁵.

Изложенная теория признавалась слишком искусственной самим Н. П. Лихачевым, который в качестве альтернативы к ней допускал возможность и того, что печати Евстафия мо-

¹² Н. П. Лихачев допускал существование двух вариантов печати Евстафия, различающихся мельчайшими деталями. Накопление нового материала дает возможность говорить о том, что названному исследователю были известны буллы только одной разновидности (№ 72); кажущиеся различия определяются разницей нажима при оттискивании булл. Единственная пока печать другого варианта (№ 73) была найдена уже после смерти Н. П. Лихачева.

¹³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 159.

¹⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 278.

¹⁵ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, комм. к табл. XXIV, 3.

гут принадлежать предшественнику Ярослава Мудрого на новгородском столе Вышеславу, христианское имя которого летописцам не известно¹⁶.

Между тем оба предположения не могут быть признаны сколько-нибудь удовлетворительными. Отнесение рассматриваемых булл в конец X или в первую треть XI в. противоречит всем изложенным выше наблюдениям о времени формирования на Руси сфрагистического типа с изображением святого и греческой строчной надписью. Как уже показано в предыдущих главах, в княжеской сфрагистике этот тип водворяется лишь с середины XI в. и характерен для второй половины XI — начала XII в. Что касается частного вопроса о якобы существовавшей вакансии на новгородский стол между 1020 и 1033 гг., то эта проблема, по-видимому, решается иначе. Противоречия в летописных показаниях позволяют предполагать, что княжение Ильи в действительности продолжалось с 1030 по 1034 г., начавшись после опалы посадника Коснятина в 1030 г., а Владимир непосредственно наследовал Илье в 1034 г.¹⁷

С того момента, когда Н. П. Лихачев последний раз комментировал печати Евстафия, минуло 30 лет. Количество булл протопроедра Евстафия с тех пор удвоилось. Сейчас их известно 14. Все новые находки происходят из Новгорода и Новгородской земли (одна печать найдена в Старой Ладоге) за единственным исключением. В 1958 или 1959 г. булла Евстафия впервые была найдена на юге — в Белгородке под Киевом¹⁸. Разумеется, это единственное исключение ни в малейшей степени не может изменить общей картины, которая определяется тем, что 13 булл Евстафия найдены в Новгороде или в непосредственной близости к нему.

Атрибуция булл Евстафия, на наш взгляд, должна опираться на типические особенности рассматриваемых памятников, а эти особенности проистекают из своеобразия того положения, в котором находился владелец печатей протопроедр Евстафий, бывший, судя по его титулу, советником какого-то другого, более высокопоставленного лица. Нам уже довелось знакомиться с типическими особенностями булл другого протопроедра — митрополита Ефрема, который был советником патриарха

Михаила. Взаимоотношения этих двух лиц на булле митрополита были выражены взаимно-исключающим сочетанием имени и изображения. Надпись печати называла ее владельцем митрополита Ефрема, однако на обороте буллы был изображен не Ефрем, а Михаил, т. е. лицо, чьим протопроедром являлся митрополит Ефрем.

Такое же взаимоисключающее сочетание имеется и на печатях Евстафия. Их легенда называет Евстафия владельцем буллы, однако на обороте печати нет изображения св. Евстафия, а есть изображение св. Феодора, патрона, не владельца печати, а совершенно другого лица. Даже не привлекая аналогию с печатями митрополита Ефрема, а опираясь на чисто логический вывод, можно с уверенностью утверждать, что Евстафий был советником или протопроедром какого-то человека, которого в крещении звали Феодором.

Был ли владелец печати духовным лицом? Постановка такого вопроса правомерна, поскольку до сих пор мы видели, что титул протопроедра или проедра освоен в сфрагистике киевских митрополитов. На этот вопрос можно ответить только отрицательно. В самом деле, если мы допустим, что булла выражает зависимость какого-то местного епископа от митрополита, то обнаружим, что единственным Феодором на киевской кафедре был митрополит 1160—1163 гг., современником которого в Новгороде оказывается епископ Аркадий. С другой стороны, среди новгородских владык не было ни одного с именем Евстафий. Отсутствие в Новгороде епископов с таким именем исключает и второе возможное предположение, якобы Евстафий мог быть новгородским владыкой — современником некоего князя Феодора и его протопроедром. Искать владельца буллы Евстафия нужно среди лиц, принадлежавших к высшей светской администрации Новгорода.

Указание на время печати содержится в изображении св. Феодора. Это христианское имя в Новгороде на протяжении XI — первой половины XII в. носил только один князь — сын Владимира Мономаха Мстислав Великий, которому новгородский стол принадлежал дважды: с конца 1088 до начала 1094 г. и с начала 1096 до 17 марта 1117 г.¹⁹ Феодором Мстислав Владимирович назван в Мстиславовом евангелии и в Хождении игумена Даниила²⁰.

¹⁶ Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, комментарий к табл. XXIV, 3.

¹⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 48—49.

¹⁸ Пользуемся случаем выразить сердечную благодарность В. Н. Даняленке за присылку слепка с этой очень важной печати.

¹⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 50—51.
²⁰ «Мстиславово евангелие начала XII века в археологическом и палеографическом отношении». СПб., 1904; «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в.». СПб., 1864, стр. 162 и сл.

Предполагать в Феодоре на печати новгородского епископа 1069—1077 гг. Феодора, современника новгородского князя Глеба Святославича, нет никаких оснований, так как такое предположение ввело бы в весьма ограниченный круг возможных владельцев булл XI в. предполагаемого советника епископа — лицо слишком незначительное, а право буллы, как мы уже видели, составляло одну из регалий самой высшей светской и церковной власти.

В обстоятельствах княжения Мстислава-Феодора Владимировича и следует искать решение поставленной проблемы о месте загадочного Евстафия в системе новгородской администрации рубежа XI и XII в. Наиболее значительных новгородских современников Мстислава, таких, какие могли бы выступать в качестве возможных владельцев буллы Евстафия, как уже отмечено, нельзя искать среди представителей высшего духовенства. На новгородской кафедре при Мстиславе сменились епископы Герман (1078—1095 гг.), Никита (1096—1109 гг.), Иоанн (1110—1130 гг.). Ни одно из названных здесь имен не соответствует имени владельца буллы. Следовательно, само соединение на печати имен Феодора и Евстафия должно свидетельствовать о существовании в Новгороде конца XI — начала XII в. еще одного института власти, пользовавшегося правом утверждения актов.

Таким политическим институтом могло быть только посадничество, которое именно при Мстиславе Владимировиче впервые приобретает новые формы, легшие затем в основу структуры республиканских органов новгородской государственности²¹. Имеется принципиальная разница между древнейшими посадниками Новгорода X—XI вв., присылавшимися из Киева в те периоды, когда на новгородском столе не было князя, и образовавшимся в конце XI в. новым институтом посадничества, который существовал рядом с новгородским князем и был средством участия в государственном управлении новгородского боярства.

Как мы пытались показать в другой своей работе, возникновение этого нового политического института с наибольшей долей вероятности связывается с событиями 1088—1089 гг., когда вокняжение на новгородском столе двенадцатилетнего Мстислава сопровождалось заключением каких-то условий между Новго-

родом и киевским князем Всеволодом Ярославичем. Существование таких условий, определивших степень участия новгородцев в государственном управлении, проявляется затем неоднократно в событиях последующего княжения Мстислава и его сына Всеволода. Анализ древнейших имен списка новгородских посадников, сохранившегося в редакции начала XV в., дает возможность утверждать, что эти имена первых руководителей республиканской политики Новгорода принадлежали современникам Мстислава-Феодора Владимировича²².

Среди этих имен, изложенных в списке в хронологическом порядке, — а таких имен там названо восемь: Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, — и скрывается имя Евстафия, владельца анализируемых булл. Вполне очевидно, что имя Евстафия может быть отождествлено лишь с одним из тех имен приведенного списка, которые выражены в языческой, а не в христианской форме, т. е. с Завидом, Миронегом или Улебом. Ни Петрята, ни Костянтин, ни Сава, ни Гюрята, ни Микула не могли называться Евстафием, поскольку приведенные имена являются лишь бытовым вариантом канонических крестильных имен Петр, Константин, Сава, Георгий и Николай.

Отыскивая между посадниками Завидом, Миронегом и Улебом наиболее вероятного владельца булл протопроедра Евстафия, мы, по-видимому, должны обратить особое внимание на то обстоятельство, что русская сфрагистика не знает каких-либо других печатей, кроме булл Евстафия, которые могли бы быть связаны с посадничеством времени Мстислава Владимировича. Не существует булл Петра, Константина, Саввы, Георгия или Николая. Если правильны наши предположения о связи печатей протопроедра Евстафия с институтом раннего новгородского посадничества, то мы имеем право утверждать, что лишь один из посадников времени Мстислава пользовался буллой, причем в высшей степени интенсивно. В свете этих наблюдений рассмотрим некоторые детали княжения Мстислава в Новгороде.

В момент первого вокняжения Мстислава и заключения ряда с Всеволодом, конституировавшего возникновение в Новгороде новых форм политической власти, Мстиславу Владимировичу было двенадцать лет. Такой возраст несовместим с представлением о том, что Мстислав мог быть самостоятельным представителем киевского князя с самого начала своего нов-

²¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 54—62 (раздел «Время Мстислава Владимировича и первые преобразования в новгородском посадничестве»).

²² В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 54—62.

городского княжения. Организация власти в Новгороде в то время могла быть обеспечена только путем разделения функций представительства, осуществляемых самим Мстиславом, и функций контроля, осуществляемых каким-то другим лицом или другими лицами. Иными словами, княжение Мстислава в Новгороде на первых порах должно было только подтверждать неизбежность киевского суверенитета над Новгородом, тогда как в практическом управлении князь был неспособен играть самостоятельную роль. В начале второго княжения Мстислава, в 1096 г., новгородскому князю исполнилось уже двадцать лет. Это был вполне самостоятельный князь, способный проводить независимую от новгородского боярства политику.

При датировке печатей Евстафия необходимо учитывать два весьма существенных обстоятельства. Во-первых, печати Евстафия принадлежат одному лицу и не имеют аналогий в других группах сфрагистических памятников. Следовательно, связывая их с начальной историей посадничества нового типа, мы должны предполагать известную кратковременность употребления буллы этим институтом в начальный период его существования. Во-вторых, в сфрагистике Мстислава Владимировича, как будет показано ниже, известны и личные печати этого князя, которые, однако, не могут быть связаны с его первым новгородским княжением, так как они синхронны киевскому княжению Святополка Изяславича (1093—1113 гг.) и Владимира Мономаха (с 1113 г.). Таким образом, печати Евстафия и личные буллы Мстислава не синхронны.

Эти наблюдения отвечают нашему главному выводу. Если посадничество нового типа возникло тогда, когда княжение Мстислава не могло иметь самостоятельного характера, именно в тот период оно и должно было играть наиболее активную роль. Напротив, с возмужанием Мстислава эта роль уменьшается, приводя к перераспределению функций государ-

ственного управления между князем и посадником.

Очевидно, что печати Евстафия следует связывать с теми посадниками, которыми открывается список восьми загадочных имен, отдавая предпочтение Завиду, поскольку во времена следующих за ним Петраты и Костянтина печать протопроедра уже не существует.

В истории раннего посадничества времени Мстислава Владимировича сфрагистические материалы позволяют различать два этапа. На первом этапе (первое княжение Мстислава и посадничество Завида-Евстафия) новый государственный институт осуществляет наиболее активную деятельность, по существу возглавляя систему политического управления Новгородом. На втором этапе (время остальных семи посадников) князь укрепляет свое положение, но не имеет сил ликвидировать уже возникшую систему двоевластия. Думается, что вмешательство Киева в новгородские дела в 1094 г., выразившееся в замене Мстислава Давидом Святославичем и вызвавшее конфликт между Новгородом и Киевом, и было направлено против молодого политического института, которому в дальнейшем, уже в XII в., стала принадлежать ведущая в Новгороде роль.

Особо отметим, что в отличие от печатей Ратибора новый политический институт Новгорода не заявляет о своем существовании созданием особого сфрагистического типа, отличного по оформлению от булл князей или высших церковных иерархов. Вероятно, в том, что первый тип посадничьей печати по своему оформлению внешне не отличается от типа княжеских печатей, проявилась естественная в условиях первого княжения Мстислава Владимировича идея равноправия высшего органа боярской власти с властью новгородского князя, коль скоро этот орган при Завиде-Евстафии полностью присваивает себе право удостоверения официальных документов.

ПЕЧАТИ С РУССКОЙ БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНОЙ ФОРМУЛОЙ

Среди русских домонгольских печатей четко выделяется единством оформления количественно значительная группа булл, несущих на одной стороне надпись в несколько строк с благопожелательной формулой на русском языке: «Господи, помози рабу своему такому-то» — и изображением на обороте святого, имя которого соответствует названному в строчной легенде имени владельца буллы.

К настоящему времени таких печатей известно 47. Отгиснуты они 36 парами матриц. Список имен, читаемых на этих печатях, достаточно обширен: Борис, Василий, Давид, Даниил, Димитрий, Иоанн, Кирилл, Костянтин, Мария, Михаил, Петр, Феодор, Яков.

Большая часть булл с русской благопожелательной формулой введена в науку давно.

В 1928 г. эти буллы были монографически исследованы Н. П. Лихачевым, который тогда располагал 26 печатями указанного типа, происходящими от 20 пар матриц. В поле зрения исследователя находились представленные тогдашним материалом имена Василия, Димитрия, Марии, Михаила, Петра, Феодора и Якова²³.

Н. П. Лихачев начал свое исследование с обзора аналогичного явления в византийской нумизматике, продемонстрировав широкое употребление формулы $\text{Κόρη, βοῦδα: τῷ σφῖ δούλῳ}$ с момента ее становления на монетах IX в. вплоть до начала XII в. Период второй половины XI — начала XII в. в этом обзоре был определен как наиболее важный, создающий основу прямых заимствований в русскую сфрагистику, поскольку именно тогда резчики монетных штемпелей Византии компонуют обязательную благопожелательную формулу в виде многострочной надписи, аналогичной по содержанию многострочным надписям русских булл.

Далее исследователь анализирует детали печатей с русской благопожелательной формулой и приходит к выводу, что «по типу, внешнему виду, резко выраженному греческому характеру работы, по палеографии надписей, наконец, мы имеем право относить с наибольшим вероятием описанные печати ко второй половине XI века»²⁴. Важнейшим звеном в хронологических определениях Н. П. Лихачева было сравнение всей группы рассматриваемых булл с печатью Мстиславовой грамоты, в датировке которой началом XII в. исследователь не сомневался.

Общее определение времени булл с русской благопожелательной надписью, однако, не дало Н. П. Лихачеву возможности предпринять конкретную атрибуцию большинства булл. Фактически лишь одна группа печатей с именем и изображением св. Василия получила развернутое и аргументированное толкование. Возражая М. С. Грушевскому, который был склонен отнести одну из печатей такого типа, найденную в Звенигороде Галицком, князю Васильку Теревольскому²⁵, Н. П. Лихачев обратил внимание на широкое распространение печатей Василия. «С одной стороны,

замечательная однотипность, — писал он, — а с другой — количество и разнообразие экземпляров заставляет подумать о князе более выдающемся и могущественном»²⁶. Располагая 14 буллами Василия, происходящими от 11 пар матриц, Н. П. Лихачев, несомненно, имел полное право утверждать: «Трудно предположить, чтобы несколько князей Василиев, современных друг другу, употребляли не только однотипные, но совершенно одинаковые печати»²⁷. Безоговорочное включение группы печатей с русской благопожелательной надписью в круг княжеской сфрагистики также было аргументировано. Среди булл Василия имеется одна в высшей степени замечательная, на которой самоуничижительность формулы: «Господи, помози рабу своему Василию» была преодолена добавлением титула: «Господи, помози рабу своему Василию, князя русского» (№ 97). Опираясь на многочисленность вариантов буллы, несомненно, принадлежавшей одному князю, Н. П. Лихачев как на наиболее вероятного ее владельца указал на Владимира-Василия Всеволодовича Мономаха, «в многолетнее княжение которого княжеская печать могла иметь не только несколько матриц, но и изменяться в самом типе»²⁸.

Остальные разобранные исследователем буллы, встреченные, как правило, в единичных экземплярах, не получили столь же решительного определения. По поводу печати Петра Н. П. Лихачев припомнил двух князей с таким именем: Ярополка Изяславича, упоминаемого в 1070—1086 гг., и Владимира-Петра Игоревича, упоминаемого в 1173—1211 гг. Здесь же вторая возможная атрибуция была отвергнута: «Описанная нами печать по всем признакам старше и этому князю принадлежать не может»²⁹. Печати Якова отнесены Н. П. Лихачевым «одному из известных нам по имени старейших князей. Памятник мы относим ко второй половине XI столетия с вероятностью и для первой четверти XII века»³⁰. Буллы Димитрия и Феодора датированы просто «старейшей эпохой», «временем конца XI — первых десятилетий (самое позднее!) XII столетия»³¹. Хронологически противопоставляя эти печати булле Мстиславовой грамоты как более древние, Н. П. Лихачев

²³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 103—134 (раздел «Печати с формулой «Господи, помози»).
²⁴ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 109.

²⁵ М. С. Грушевский. Звенигород Галицкий. «Зап. Наукового тов-ства им. Т. Г. Шевченка», т. XXXI—XXXII, 1896.

²⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 109.

²⁷ Там же, стр. 109, прим. 1.

²⁸ Там же, стр. 110.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 110—111.

³¹ Там же, стр. 114—115.

даже не ставил вопроса о возможной принадлежности печатей Феодора Мстиславу-Феодору Владимировичу. Анализировать печать Михаила исследователь отказался из-за ее плохой сохранности. Что касается печати Марии, то о ней Н. П. Лихачев осторожно высказался в пользу ее принадлежности жене князя Святослава Ольговича. Материалом для такого вывода послужила близость в необычно больших размерах печати Марии с печатью Святослава (№ 10), которую Н. П. Лихачев был склонен относить ко времени Святослава Ольговича³², но которая, как это выяснилось стратиграфическими данными новых находок, относится ко времени Святослава Ярославича.

Пополнение коллекции булл с русской благопожелательной надписью в послевоенные годы побудило нас предпринять попытку заново датировать такие печати³³. Основной предложенной передатировки были приняты два положения. Вслед за Н. П. Лихачевым мы признавали всю группу рассматриваемых булл безусловно принадлежавшей к кругу княжеских печатей. Однако от привлечения к их датировке тех показаний, которые содержатся в печати Мстиславовой грамоты, пришлось полностью отказаться, поскольку эта печать, несомненно, относится к более позднему времени, нежели сама грамота, при которой она сохранилась. Печать Мстиславовой грамоты относится к первой половине XIII в. и принадлежит князю Ярославу Всеволодовичу³⁴. Поэтому хронологические рамки бытования группы булл с русской благопожелательной надписью были признаны нами более широкими, включающими весь XII в. и первую треть XIII в. В числе возможных владельцев таких печатей мы предполагали Ростислава-Михаила Мстиславича, Всеволода-Дмитрия Юрьевича, Константина Всеволодовича и др.

Эта попытка заново датировать печати, которую сейчас следует признать неудачной, привела к возникновению существенных противоречий между предложенными выводами и основной массой сфрагистического материала XII в. Широкая датировка булл с формулой: «Господи, помози рабу своему» — в пределах более чем столетнего периода противоречит

прежде всего исключительной компактности этой сфрагистической группы. Близкое родство основных признаков типа, техническое и стилистическое сходство заставляют настаивать на том, что все такие печати относятся к одному периоду, ограниченному весьма узкими хронологическими рамками.

Пытаясь отыскать владельцев рассматриваемых булл в пределах всего XII в., мы сталкиваемся с несколькими недоразумениями. Во-первых, хорошо известно, что княжеская сфрагистика XII—XIII вв. обильно представлена буллами совершенно иного типа, обозначающего христианские имя и отчество князя патрональными изображениями его самого и его отца. В конце концов, это противоречие в какой-то степени могло бы быть устранено предположением об особом функциональном назначении печатей с формулой «Господи, помози». Однако такое решение неизбежно поставит перед исследователем новый недоуменный вопрос. Большинство разновидностей булл с русской благопожелательной надписью, происходит из новгородских находок, а нам хорошо известны имена некоторых князей, подолгу сидевших на новгородском столе. Назовем Всеволода-Гавриила Мстиславича (1117—1136 гг.), Святослава-Николая Ольговича (1136—1138, 1139—1140 гг.), Юрия-Георгия Андреевича (1172—1175 гг.). Тем не менее не существует печатей с благопожелательной формулой и именами Гавриил, Николай, Георгий. Имеющиеся на печатях имена в редких случаях могут быть сопоставлены с возможными христианскими именами некоторых князей. Большинство же булл так и остается загадкой, заставляющей предполагать любое решение.

Между тем признание печатей с надписью «Господи, помози» типом, существовавшим непродолжительное время, позволяет дать им атрибуцию, лишенную противоречий. Для решения проблемы в целом следует вернуться к вопросу о принципиальной принадлежности этих булл.

Как мы уже видели, главным аргументом в пользу отнесения всей группы печатей с русской благопожелательной формулой к кругу княжеской сфрагистики является титулование владельца одной из таких печатей «князем русским». Другой аргумент основан на сравнении русской благопожелательной формулы с такой же греческой формулой печатей XI в. Предполагалось, что, поскольку печати XII в. с русской надписью «Господи, помози» прямо продолжают линию развития булл XI в. с греческой надписью Κύριε, βοήθει,

³² Там же, стр. 117—122.

³³ В. Л. Янин. Печати из новгородских раскопок 1951 г. СА, XVIII, 1953, стр. 376—379; *он же*. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55. «Труды Новгородской археологической экспедиции», т. 1. М., 1956, стр. 153 и сл.

³⁴ В. Л. Янин. Печать Мстиславовой грамоты. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 42—48.

зафиксированной на различных княжеских печатях, они и в своем русском варианте должны обязательно связываться с княжеской сфрагистикой. Однако благожелательная греческая формула в XI в. присуща не только княжеским печатям. Она в разных вариантах широко употребляется в русской сфрагистике, присутствуя, например, на митрополичьих буллах или на буллах Евстафия, которые связаны нами с ранней посадничьей сфрагистикой Новгорода.

С другой стороны, в русской сфрагистике само понятие типа вислых печатей в позднейшее время, несомненно, связано с принципиальной принадлежностью булл. Знакомство с наиболее разработанными разделами русской сфрагистики второй половины XII—XIII в. и более позднего времени позволяет утверждать, что печати разных должностных лиц обязательно различаются в оформлении их типа. Этой особенности еще не знала сфрагистика XI в. Следовательно, правильность общего истолкования печатей с надписью «Господи, помози» во многом зависит от их хронологического определения. Они могут относиться к тому периоду, когда тип уже стал признаком принадлежности к определенному институту государственной власти; в этом случае вся группа однотипных печатей должна быть единой по своей принадлежности. Но они могут относиться и к более раннему периоду и принадлежать разным институтам.

Таким образом, атрибуция этих печатей не может быть построена на отвлеченных представлениях. Она должна основываться на четком решении хронологической проблемы. В этом отношении наиболее существенным обстоятельством является несомненная преемственность печатей с надписью «Господи, помози» и печатей с надписью Κύριε, βοήθει , которая прослеживается не только в смысловом тождестве их легенд, но и в приемах оформления. В частности, на буллах с русской надписью резко преобладают поясные изображения святых, что характерно для русской сфрагистики XI — первой трети XII в. Как мы уже видели, греко-русский тип буллы, характеризующийся совмещением изображения святого с греческой многострочной надписью и признаваемым непосредственно предшествующим рассматриваемой группе печатей, во владычной сфрагистике существует на протяжении всего домонгольского периода, но в светской сфрагистике отмирает на рубеже XI—XII вв.

Имея в виду предполагаемую преемственность сфрагистического типа с русской благожелательной надписью и греко-русского типа

печатей и ориентировочную его датировку началом XII в., мы теперь должны обратить внимание на одно чрезвычайно важное для дальнейших выводов обстоятельство. Оказывается, что некоторым буллам с русской надписью «Господи, помози» свойствен чрезвычайно широкий ареал, тогда как другие местом своей находки связываются исключительно с Новгородом.

Наиболее многочисленна и территориально распространена группа печатей с надписью: «Господи, помози рабу своему Василию» (№ 97—112). Из 22 зафиксированных к настоящему времени печатей этого типа 7 найдены в Киеве и неопределенных пунктах Киевщины, 1 — в Вышгороде, 1 — в Белгородке, 1 — в Звенигороде Галицком, 1 — в неопределенном пункте Львовщины, 8 — в Новгороде, 1 — в Смоленске, 1 — в Ростове Ярославском. Для определения принадлежности всей этой группы чрезвычайно важна уже упомянутая киевская находка 1909 г., на которой имеется более пространная легенда: «Господи, помози рабу своему Василию, князя русьского» (№ 97). Эта легенда так же, как и исключительная распространенность данного типа, заставляет относить его князю Владимиру-Василию Всеволодовичу Мономаху.

Датировка основной группы булл с русской благожелательной надписью временем Владимира Мономаха может быть несколько уточнена наличием булл этого князя, уже рассмотренных в первой главе настоящей работы и принадлежащих к греко-русскому типу. Сопоставление этих печатей, к числу которых принадлежит булла, называющая Владимира «благороднейшим архонтом» и «Мономахом», с другими княжескими печатями XI в. позволило нам высказать предположение о том, что они относятся к ранней поре деятельности Владимира Всеволодовича. Теперь этот тезис получает новое подтверждение, поскольку, относя Владимиру 16 вариантов булл, имеющих признаки более позднего в рамках указанного княжения бытования, мы вынуждены будем признать, что время употребления этих многочисленных разновидностей было достаточно продолжительным.

Определение печатей Василия способствует правильному пониманию еще нескольких булл с надписью «Господи, помози». Среди этих булл имеются пять разновидностей печатей (представленных шестью экземплярами), на одной стороне которых помещено изображение св. Феодора в полный рост с копьём и щитом, а на обороте — надпись в несколько строк: «Господи, помози рабу своему Феодору» (№ 121).

или: «Господи, помози рабу своему Феодору. Аминь» (№ 117, 118), или же: «Спаси, господи, раба своего Феодора» (№ 119, 120). Из шести сохранившихся экземпляров такой печати пять найдены в Новгороде, один происходит из южнорусских находок. Среди князей — современников Владимира Мономаха нам известен только один, носивший такое имя, — Мстислав-Феодор Владимирович, княживший в 1088—1094 и 1096—1117 гг. в Новгороде, в 1117—1125 гг. в Белгороде, в 1125—1132 гг. в Киеве. Преобладание среди находок печатей Феодора новгородских экземпляров позволяет отнести большинство их к новгородскому периоду княжения Мстислава Владимировича.

С киевской или черниговской княжеской сфрагстикой можно связать беспаспортную печать Киевского музея (№ 114) и печать, найденную на Городище в Новгороде в 1967 г. (№ 115), несущие на одной стороне изображение св. Кирилла, а на обороте надпись: «Господи, помози рабу своему К(ириллу)». Имя Кирилла, редко употреблявшееся в Древней Руси, вызывает неизбежное воспоминание о Кирилловском монастыре в Киеве. Относительно времени основания и об основателях этого монастыря важные сведения содержатся в Ипатьевской летописи. Под 1194 г. летописец сообщает, что великий князь Святослав Всеволодович «преставися месяца июля, и положиша и во святом Кюриле, во отце ему монастыре»³⁵. Под 1179 г., рассказывая о смерти матери Святослава Всеволодовича Марии, летописи сообщают, что она «положена бысть в Киеве у святого Кюрила, юже бе сама создала»³⁶. Сопоставление этих двух известий указывает как на основателей Кирилловского монастыря на супружескую чету князя Всеволода Ольговича и княгини Марии. Всеволод Ольгович княжил в Чернигове в 1126—1139 гг. и в Киеве в 1139—1146 гг. Наличие печати, найденной на юге, несущей на себе имя Кирилла и датированной по аналогии с печатями Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича первой третью XII в., может служить подтверждением патронального характера монастырской постройки Всеволода Ольговича, которого действительно звали Кириллом, и определяет принадлежность этой печати именно указанному князю.

Думается, что буллу с благопожелательной русской надписью и именем Марии (№ 116) можно связать с женой Всеволода Оль-

говича, которой, согласно только что приведенному летописному свидетельству, принадлежало это имя. Вызывает большой интерес изображение на печати Марии, уже обратившее на себя внимание Н. П. Лихачева. На печати помещено поясное изображение царицы в орнаменте с оплечьем, в венце, украшенном нитями жемчуга, имеющее сходство с изображением византийских императриц на моливдовулах. Имя Мария около этого изображения не соответствует какому-либо каноническому типу св. Марии. Среди святых, носивших это имя, не было цариц. Поэтому можно уверенно предполагать, что на печати изображена сама княгиня, а это указывает на исключительно позднюю пережиточность архаических традиций в оформлении бул.

Найденную в Новгороде в 1965 г. печать очень плохой сохранности с поясным изображением царя Давида и остатками русской благопожелательной надписи на обороте (№ 113) мы предположительно связываем с князем Давидом Святославичем, который до 1094 г. занимал смоленский стол, в 1094—1096 гг. княжил в Новгороде, в 1096—1097 гг. снова в Смоленске, а с 1097 г. до смерти в 1123 г. в Чернигове.

Перечисленными группами и вариантами печатей полностью исчерпывается та часть рассмотренного материала, которая может и должна быть связана с княжеской сфрагстикой. В Киеве преемником Всеволода-Кирилла Ольговича был Изяслав-Пантелеймон Мстиславич, княживший сравнительно долгое время (1146—1154 гг.), но печатей с надписью: «Господи, помози рабу своему Пантелеймону» — не существует. Сходная картина наблюдается и в княжеской сфрагстике Новгорода, где преемником Мстислава Владимировича был княживший 19 лет Всеволод Мстиславич (1117—1136 гг.), а затем Святослав Ольгович (1136—1138, 1139—1140 гг.). Первого звали Гавриилом, второго — Николаем, но печатей с благопожелательной формулой на русском языке и указанными именами не известно.

Между тем именно в Новгороде найдены почти все остальные буллы изучаемого типа, в числе которых одна обозначена именем Михаила (№ 123), две — именем Димитрия (№ 124)³⁷, две — именем Константина (№ 125), одна — именем Бориса (№ 126), одна — именем Феодора (№ 127, эта булла в отличие

³⁵ ПСРЛ, т. II. Изд. 2, стб. 680.

³⁶ Там же, стб. 612.

³⁷ Единственная в этой группе печать, найденная вне Новгорода, несет на себе имя Димитрия и обнаружена в Смоленске (№ 124, 1), однако другой ее экземпляр, оттиснутый теми же матрицами (№ 124, 2), имеет новгородское происхождение.

от рассмотренных выше однотипных печатей Мстислава Владимировича содержит изображение двух святых), одна — именем Даниила (№ 128), две — именем Петра (№ 129), одна — именем Иоанна (№ 130), три — именем Иакова (№ 131, 132). Приведенный список включает девять разных имен, которым невозможно подобрать соответствия в христианских именах русских князей первой половины XII в. Напротив, те христианские имена князей указанного периода, которые нам достаточно хорошо известны, не находят соответствия в списке владельцев перечисленных булл.

Относительно печатей, княжеская принадлежность которых не подтверждается, мы знаем несколько важных вещей и должны этим руководствоваться, пытаясь определить круг владельцев булл. Во-первых, эти буллы местом находки прочно связываются с Новгородом. Во-вторых, их дата не выходит за пределы первой половины XII в., так как все существующие датированные аналогии относятся к первой трети этого столетия. В-третьих, они должны принадлежать представителям высшей государственной администрации, поскольку в рассматриваемый период число возможных владельцев вислых печатей резко ограничено.

Последовательно используя эти наблюдения, мы неизбежно приходим к предположениям о посадничьей принадлежности не уместившихся в рамки княжеской сфрагистики булл с русской благопожелательной формулой. Попытаемся проверить эти предположения, сопоставляя имена на печатях с именами известных нам по летописи и другим документам новгородских посадников времени Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.):

Посадник	Печать
—1117 г. Добрыня	
1117—1118 гг. Дмитр Завидич	Димитрий (№ 124)
1118—1119 гг. Костянтин Мосевич	Константин (№ 125)
1120—1125 гг. Борис	Борис (№ 126)
1126—1128 гг. Мирослав Гюрятинич	
1128 г. Завид Дмитрович	
1129 г.— Данила	Даниил (№ 128)
1131—1134 гг. Петрила Микюльчич	Петр (№ 129)
1134—1135 гг. Иванко Павлович	Иоанн (№ 130)
1135—1136 гг. Мирослав Гюрятинич (2-й раз)	
1136—1137 гг. Костянтин Микюльчич	
	Иаков (№ 131, 132)
	Михаил (№ 123)
	Феодор (№ 127)

Мы видим, что загадочные имена рассматриваемой группы печатей находят соответствие в именах посадников времени Всеволода. В правой колонке нашей таблицы соответственно именам летописных посадников разместились все печати, за исключением булл с именами Иакова, Михаила и Феодора. С другой стороны, в левой колонке имеются как раз три посадника — Добрыня, Мирослав и Завид, для которых в печатях и не могло найтись явного соответствия, поскольку эти посадники известны не под христианскими, а под языческими именами. Каждый из них мог называться Иаковом, Михаилом или Феодором. Мы можем, правда, в очень предположительной форме, приписать им определенные разновидности булл, определив тем самым их христианские имена.

Среди этих разновидностей имеется одна с надписью: «Господи, помози рабу своему Феодору» — и изображением на обороте не одного, а двух святых воинов (№ 127), в которых Н. П. Лихачев определил святых Феодора и Димитрия³⁸. Это единственный в русской сфрагистике случай, когда названные святые совмещены на одной стороне буллы. То, что один из этих святых оказался Феодором, указывает на патрональный характер всего изображения и позволяет предполагать в другом святом патрональное изображение отца владельца печати; последнего, таким образом, звали Феодором Димитриевичем. Между тем отчество Димитриевич (Дмитрович) носил посадник Завид (1128 г.), которому мы и относим эту печать.

На печати Михаила формула благопожелания составлена не при помощи глагола «помози», а при помощи глагола «спаси», что особенно сближает эту печать с буллами Мстислава-Феодора Владимировича, на двух разновидностях которых имеется надпись: «Спаси, господи, раба своего Феодора», — и позволяет предположительно относить печать Михаила ко времени Добрыни, наиболее раннего посадника всей группы.

На долю Мирослава Гюрятинича тем самым остаются печати с именем и изображением св. Иакова. Касаясь истории посадничества Мирослава в другой работе, мы высказали предположение, что первое его правление было недостоверным³⁹, в чем встретили решительные возражения со стороны А. А. Зимин-

³⁸ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, текст комментария к табл. LV, 1. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444.

³⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 66.

на ⁴⁰. Теперь мы видим, что наш критик был прав. Тогда мы знали только один вариант печати Иакова с русской благожелательной формулой (№ 131). По логике вещей, если он действительно избирался дважды, ему должна соответствовать не одна разновидность буллы, а две, поскольку оставление Мирославом своего поста в 1128 г. должно было повлечь за собой уничтожение матриц употреблявшейся в его посадничество печати, а новый приход на степенъ в 1135 г., естественно, привел бы к изготовлению новых матриц. Вторая разновидность буллы Иакова (№ 132) была найдена в Новгороде на Городище летом 1966 г. Нельзя не заметить, что, подкрепляя аргументацию в пользу принадлежности булл с изображением св. Иакова Мирославу Гюрятиничу, мы тем самым подкрепляем и принципиальную атрибуцию всех булл, отнесенных нами новгородским посадникам времени Всеволода Мстиславича.

Спорным может быть признано определение буллы с именем Константина, так как во времена Всеволода Мстиславича в Новгороде было два посадника с этим именем: Костянтин Мосеевич (1118—1119 гг.) и Костянтин Микильич (1136—1137 гг.).

Так на наш взгляд, решается вопрос о принадлежности печатей с русской формулой «Господи, помози». Посадничья печать в Новгороде возникает как устойчивый сфрагистический тип в первый год княжения Всеволода Мстиславича, принятие которого на новгородский стол, судя по позднейшим летописным отсылкам, сопровождалось заключением особого договора между князем и Новгородом, по-новому конституировавшим взаимоотношения княжеских и боярских органов власти ⁴¹. Возникновение посадничьей печати в это время указывает на существенное преобразование посадничества и является свидетельством того, что в не дошедшем до нас докончании 1117 г. действительно имелись особые условия, касающиеся статуса посадничества.

В самом деле, до 1117 г. посадничеству нового типа еще не принадлежит право утверждения документов. Ранняя печать Евстафия-Завида имела временный характер, и сама необходимость в ней определялась во многом временными обстоятельствами. Однако печать Евстафия-Завида сообщает немаловажные сведе-

ния относительно схемы взаимоотношений посадника и князя при Мстиславе. Евстафий-Завид, представляя перед князем интересы боярского Новгорода, титуловался протопроедром, советником князя Мстислава, что позволяет говорить о посадничестве конца XI в., как о совещательном органе. Напротив, все печати посадников времени Всеволода Мстиславича не содержат каких-либо признаков подчиненности посадничества княжескому управлению. Тип посадничьей буллы использует, не внося в него никаких изменений, возникший незадолго до того княжеский сфрагистический тип, и посадничья печать в своем оформлении неотличима от княжеской печати Владимира Мономаха или Мстислава Великого. В этом присвоении наиболее авторитетного типа буллы заключается, по-видимому, определенная политическая идея, тем более, что с возникновением посадничьей буллы тип печати с русской благожелательной надписью отброшен княжеской сфрагистикой: современник всех перечисленных посадников князь Всеволод-Гавриил пользуется, по всей вероятности, печатью, оформленной иначе, коль скоро буллы с надписью: «Господи, помози рабу своему Гавриилу» — не известны.

Обращает на себя внимание и кратковременность бытования посадничьей буллы рассмотренного типа. Все разновидности посадничьих печатей с русской благожелательной надписью уместаются в хронологических рамках княжения Всеволода Мстиславича и не употребляются больше по окончании этого княжения. Имея в виду вернуться к поставленному вопросу в дальнейшем, сейчас отметим, что исчезновение или изменение типа посадничьей печати после 1136 г. свидетельствует о новом существенном разграничении юрисдикции в Новгороде между посадником и князем.

Изложенная точка зрения на принадлежность новгородских печатей с формулой «Господи, помози» была опубликована впервые в 1962 г. и вызвала критические замечания со стороны А. А. Зимина, который предложил несколько иное решение вопроса о конкретной атрибуции этих печатей ⁴². Замечания А. А. Зимина, поддержавшего главный тезис о посадничьей принадлежности булл, основаны на предположении, что главные преобразования статуса новгородского посадничества относятся не к 1117 г., когда вокняжился Всеволод, и не к 1136 г., когда он был свергнут, а к 1126 г., когда летопись впервые сообщает об избрании посадника на вече. Это предположение под-

⁴⁰ А. А. Зимин. Рец. на кн.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. СА, 1963, № 3, стр. 273.

⁴¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники, стр. 62—72 (раздел «Посадники времени Всеволода и восстание 1136 г.»).

⁴² А. А. Зимин. Указ. рец., стр. 273—274.

креплено А. А. Зиминим ссылкой на сообщение Новгородской первой летописи о том, что в 1125 г. «посадиша на столе Всеволода новгородци»⁴³. Приведенное сообщение истолковано А. А. Зиминим как указание, что именно в 1125 г. было заключено то докончание, которое мы связываем с событиями 1117 г. Сфрагистический материал, по мысли А. А. Зимина, подтверждает этот тезис. «Дело в том,— пишет наш оппонент,— что после событий 1136 г., как установил В. Л. Янин, посадническая печать исчезает. До этого времени печати князей и посадников сосуществовали. Но тогда, может быть, это исчезновение следует датировать более ранним временем, скажем, все тем же 1125 г. Тогда печати Даниила, Петра, Ивана, Якова и Федора (с Дмитрием) могут быть связаны не с посадниками 1126—1137 гг., а с их предшественниками конца XI — начала XII в. Трудность заключается в том, что не все имена восьмерки посадников этого времени христианские. Правда, Петряту можно отождествить с владельцем одной из печатей Петром, Завиду и его сыну Дмитру могла принадлежать печать с изображением Федора и Дмитрия. На печати мы находим уникальный случай совмещения двух святых на ее одной стороне. В списке посадников («Б») идут вместе: «Завид, сын его Дмитр»⁴⁴.

Эта гипотеза, однако, не может быть признана хотя бы в малейшей степени вероятной. Сопоставим список владельцев булл с тем списком посадников, к которому хочет привязать всю группу печатей А. А. Зимин.

Посадник	Печать
Завид	(Феодор, по А. А. Зимину)
Петрята	Петр
Костянтин	Константин
Миронег	
Сава	
Улеб	
Гюрята	
Микула	
Добрыня (умер в 1117 г.)	
Дмитр Завидич (1117—1118 гг.)	Дмитрий
Костянтин Мосеевич (1118—1119 гг.)	
Борис (1120—1125 гг.)	Борис
	Давид
	Иоанн
	Иаков
	Михаил

Мы видим, что в результате такого сопоставления четырем христианским именам печатей, не нашедшим соответствия в христианских именах посадников до 1125 г., соответствует только три нехристианских имени: Миронег, Улеб и Добрыня. С другой стороны, большинству посадников, известных под христианскими именами (Савва, Георгий, Николай), в сфрагистическом материале также нет соответствия. Кроме того, гипотеза А. А. Зимина оставляет открытой проблему датировки и принципиального определения булл Евстафия, поскольку их несоответствие первому посаднику Завиду подразумевается изложенной гипотезой. Мы видим, что она настолько противоречива, что не может быть принята для каких-либо выводов, в том числе и для обоснования главного тезиса А. А. Зимина относительно роли событий 1125—1126 гг. в становлении новых форм государственной организации Новгорода.

В заключение обзора печатей с русской благопожелательной формулой хотим обратить внимание на одну печать, которая весьма красноречиво отражает новую роль посадника в государственном управлении между 1117 и 1136 гг. Замечательной особенностью новгородского экземпляра печати с надписью: «Господи, помози рабу своему Дмитрию» (№ 124, 2), которую мы отнесли ко времени посадничества Дмитра Завидича (1117—1118 гг.), является ее использование на другой, более ранней печати. Остатки этой предшествующей буллы хорошо видны на тех местах кружка, которые оказались не затронутыми новыми матрицами, поскольку эта более ранняя печать использовала заготовку более массивную, чем применявшиеся в Новгороде при Всеволоде Мстиславиче. Вторичное использование буллы возможно лишь при условии, что матрицами печати Дмитрия был переутвержден акт с уже привешенной к нему более ранней печатью. Булла, оторванная от документа, уже не может быть использована вторично, так как кавал для продевания шнура в ней уничтожается при первом сдавливании.

В этой связи большой интерес представляет определение принадлежности первоначальной печати. Н. П. Лихачев отметил, что она относится также к типу булл с русской благопожелательной надписью⁴⁵. Это правильное наблюдение может быть значительно уточнено, так как остатки старого штампера вполне передают своеобразие размещения надписи по

⁴³ НПЛ, стр. 205.

⁴⁴ А. А. Зимин. Указ. рец., стр. 274.

⁴⁵ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 113.

строкам, очертания букв и форму ободка. Теми же матрицами, что и уничтоженная при вторичном использовании кружка печать отгиснуты еще три буллы, несущие на себе изображение св. Василия Кесарийского и надпись: «Господи, помози рабу своему Василию» (№ 101). Такие буллы мы датировали временем Владимира-Василия Мономаха. Иными словами, печатью по-

садника Дмитра Завидича переутвержден документ, снабженный до того печатью киевского князя Владимира Мономаха. Если учесть, что во время посадничества Дмитра был жив сам киевский князь Владимир Всеволодович Мономах, смысл переутверждения документа приобретет в известной степени символический и политический характер.

ПЕЧАТИ С НАДПИСЬЮ «ДЪНЬСЛОВО»

Среди древнерусских печатей существует заметная группа свинцовых булл, резко выделяющаяся своеобразным оформлением. Одна из сторон таких булл всегда занята изображением какого-либо святого, или шестикрылого ангела, или Богоматери, а оборот содержит надпись «Дъньслово», выполненную крупными буквами и разделенную на три или две строки. К настоящему времени известно уже 35 подобных булл, позволяющих установить существование в древности не менее 23 пар матриц с надписью «Дъньслово». Однако до самого последнего времени эти печати оставались неприуроченными, а вопрос об их назначении открытым.

Более того, еще в 1930 г. Н. П. Лихачев с горечью признавал полную безнадежность любых попыток выяснить конкретную принадлежность булл с этой формулой и отнес их к разряду явлений, которые «навсегда останутся тайной» для исследователя⁴⁶.

Скептический вывод Н. П. Лихачева предполагает такое несовершенство исследовательской методики, которое вообще не может быть преодолено дальнейшим развитием средств исследования. В истории науки обычны случаи, когда исследователь откладывает на неопределенный срок решение задачи, возлагая надежды на расширение круга источников новыми открытиями, но признание абсолютной безнадежности поисков можно встретить не часто.

В рассматриваемом случае нет оснований ссылаться на неполноту или отрывочность материала. Н. П. Лихачеву были известны 23 печати с формулой «Дъньслово», которые он группировал в 11 разновидностей и 16 вариантов⁴⁷. Сравнительно с другими сфрагистическими группами, исследование которых никогда не признавалось бесперспективным, эта группа по количеству составляющих ее

экземпляров находится в достаточно выгодном, порой даже завидном положении. Отметим, что 12 новых находок, обнаруженных за последние 35 лет, не привнесли каких-либо принципиальных изменений в общую характеристику нашего источника, будучи чаще всего лишь повторением уже известных в литературе разновидностей. Основой скептического отношения исследователя к печатям с надписью «Дъньслово», послужил прежде всего несравнимый лаконизм их оформления.

Резко отличаясь от определенных Н. П. Лихачевым привычных типов княжеских и владичьих печатей, буллы с формулой «Дъньслово» в то же время не содержат каких-либо признаков, которые позволили бы решительно отнести их к определенному институту государственной власти. Что касается имен владельцев, выраженных на них при помощи патрональных изображений, то трудности их идентификации особенно очевидны. Одной из сложнейших сфрагистических проблем вообще является проблема отыскания тождества владельцев печатей, известных под христианскими именами, с летописными лицами, известными главным образом под языческими именами. Если на наиболее распространенном типе домонгольских печатей это отождествление до некоторой степени облегчено указанием не только христианского имени, но и христианского отчества, то здесь поневоле приходится иметь дело с одним лишь христианским именем.

Названные выше трудности в самом деле значительны. Если признать их непреодолимыми, то никакое увеличение материалов не приблизит решения проблемы. Однако нужно ли считать их непреодолимыми? Чтобы ответить на этот вопрос, следует внимательно познаться с историографической судьбой рассматриваемых печатей, с состоянием их изученности, с тем направлением научной критики, которого придерживался Н. П. Лихачев и другие исследователи.

Важнейшим этапом в изучении печатей «Дъньслово» является опубликованное в 1930 г.

⁴⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 29.

⁴⁷ Там же, стр. 23—29 (раздел «Печати с надписью «Дъньслово»; см. также стр. 279).

исследование Н. П. Лихачева, в котором впервые был сведен воедино весь относящийся к делу материал. Предшественники Н. П. Лихачева (Н. Ф. Беляшевский, Н. И. Петров⁴⁸), предлагая ту или иную атрибуцию печатей, оперировали единичными экземплярами. Для них, таким образом, не существовало проблемы в целом. Множество вопросов, неизбежно возникающих при сопоставлении всех однотипных булл, множество осложнений, которые несет с собой необходимость датировать и объяснить не отдельный факт, а совокупность фактов, — все это оставалось вне поля зрения названных исследователей. К числу фактических предшественников Н. П. Лихачева приходится относить и тех, которые работали после него, но не имели возможности опереться на совокупность существующих аналогий из-за чрезвычайной редкости на рынке книги Н. П. Лихачева: это И. Свенцицкий, Я. Пастернак и И. Иодковский⁴⁹, писавшие по интересующему нас вопросу в 40-х годах XX в.

Материал, собранный и изученный Н. П. Лихачевым, в последующее время был учтен только в работах Б. А. Рыбакова и С. Р. Килиевич⁵⁰. Их взгляды, так же как и взгляды Н. П. Лихачева, должны интересовать нас в первую очередь, поскольку лишь эти работы могут представлять научное направление в исследовании рассматриваемой проблемы, предусматривающей решение трех взаимосвязанных вопросов: о назначении сфрагистического типа, о его датировке и принадлежности.

Одним из самых загадочных и вместе с тем наиболее привлекательных элементов этих печатей является странная формула «Дьньслово», которая и служит типическим признаком для всей сфрагистической группы. Это слово или

⁴⁸ Н. Ф. Беляшевский. Два замечательные предмета Киевского церковно-археологического музея. «Киевская старина», т. XXII, июль 1888, стр. 35; Н. Петров. Южно-русские металлические печати дотатарского периода, стр. 71—72.

⁴⁹ J. Swiencicki. Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. Сборник в память на проф. Петър Ников. «Изв. на Българското историческо д-во», XVI—XVII. София, 1940, стр. 437; Я. Пастернак. Старий Галич. Краков — Львов, 1944, стр. 200; J. Jodkowski. Pieczęcie ruskie z XI—XII w., znalezionew Grodzie i Drohiczyne. «Przegląd historyczny», t. XXXVII, 1948, s. 198.

⁵⁰ Б. О. Рыбаков. Печатки чернігівських князів. «Археологія», т. III. Київ, 1950, стр. 116; Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. «История культуры Древней Руси», т. 2. М.—Л., 1951, подпись под рис. 223а; он же. Боярин-летописец XII в. «История СССР», 1959, № 5, стр. 73; С. Р. Килиевич. Висла печатка з Києва. «Праці Київського державного історичного музею», вып. 1. Київ, 1958, стр. 226—232.

выражение не встречается в каких-либо других источниках. Оно отмечено только на наших буллах вне контекста, облегчающего его истолкование. Вместе с тем эта надпись, будучи основной типа, заставляет думать, что она содержит в себе какие-то важные указания, без учета которых атрибуция печатей вообще не может быть предпринята.

На первых порах, когда исследователи имели дело с единичными печатями рассматриваемой группы, существовало стремление понять их формулу как имя владельца. Исследователя могло подкупать созвучие загадочной надписи с именами Даньслав, Даниил или Давид⁵¹ или же с названием одной из новгородских улиц — Даньславля⁵². Однако обилие типов и вариантов печати с этой надписью, сочетание ее с различными изображениями давно уже позволили признать безусловной принадлежность таких печатей разным владельцам и считать их особым сфрагистическим разрядом, особой категорией булл, широко применявшихся при документах.

Первая связанная с этим выводом попытка дать лингвистическое толкование надписи принадлежит Н. П. Лихачеву, который подразделял надпись на две части: «дньѣ» и «слово». «Смысл надписи, — писал он, — угадывается в том, что печать указывала, что в том документе, к которому она привешена, заключено сообщение, извещение, может быть, распоряжение, одним словом — что-то «слово»⁵³. Что касается первой части надписи, то загадочное «дньѣ» Н. П. Лихачев сопоставлял с существительным «дъно», которое могло звучать и как «дъно», а в форме местного падежа — «въ дньѣ» — означало «внутри» (ср.: «Заклучися въ дньѣ платану» — Патерик Синайский, XI в., 92)⁵⁴. Все речение Н. П. Лихачев переводил, таким образом, как «внутри слово» и сравнивал его с формулой анонимных византийских печатей: οὐ σφραγίς εἰπὶ τὴν γραφὴν βλεπόντες, т. е. «чьей печатью я являюсь, узнаешь, взглянув на написанное»⁵⁵.

⁵¹ Имя Даниил (ДАНЬЕЛОВО) усматривал на единственной известной ему булле такого типа И. Свенцицкий (Указ. соч., стр. 437); имя Давид (ДАВИДА СЛОВО) читал И. Иодковский (Указ. соч., стр. 158—164).

⁵² Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 200; ср.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 29.

⁵³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 29.

⁵⁴ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. СПб., 1893, стр. 760.

⁵⁵ Ср. с аналогичным французским переводом легенды византийских печатей, приведенным Г. Шлюмберже: «En lisant cet écrit, apprend (ou apprendras)

Несомненно, что перевод, предложенный Н. П. Лихачевым, оказался в какой-то степени обескураживающим. Он сам нуждается в сложном осмыслении. Это как бы подстрочник, слова которого утратили связь с живой мыслью оригинала. Византийская аналогия кажется здесь не очень убедительной: столь велико расстояние от изящного метрического афоризма до тяжеловесного в своей лапидарности речения. Следует отметить, что на Руси в отличие от Византии не существовало частной или полуофициальной печати, а были только официальные буллы самых высших государственных институтов. На таких буллах возможное заимствование надписи с частных византийских печатей, встречающихся к тому же не очень часто, выглядит несколько странным.

Смысловая незавершенность лихачевского перевода, некоторая эскизность его аргументации и, говоря откровенно, разочаровывающая бессодержательность надписи, чтению которой придавалось так много значения, заставляют особенно придирчиво относиться к толкованию, предложенному Н. П. Лихачевым. Это толкование, как будет показано ниже, оказалось вполне правильным. Тем более нам следует устранить некоторые шероховатости существующей аргументации.

Два обстоятельства в толковании Н. П. Лихачева казались сомнительными. Во-первых, слово «дно» в известных текстах употребляется в трех формах: «дъно», «дъно» и «дно». На печатях же, где отмечено пять вариантов написания загадочной формулы («Дънѣслово», «Дъньслово», «Дѣньслово», «Дѣнѣслово», «Денеслово»), во всех пяти случаях использован только один фонетический вариант — с мягким «д». Во-вторых, предложенный Н. П. Лихачевым перевод предусматривает наличие в оригинале предлога, т. е. написание формулы в варианте «въ дънѣ слово». Закономерность опущения предлога исследователем не была подтверждена. Эти сомнения, как выяснилось, не противоречат лихачевскому толкованию. Последнее было решительно поддержано П. С. Кузнецовым, консультации которого использованы в настоящем разделе исследования.

Наблюдения над способами изображения слова «дно» в различное время показывают, что форма «дно» существует в наиболее поздних текстах XIV—XVI вв., форма «дъно» характерна для наиболее древних текстов XI в. (Гр. Наз., 132; Пат. Син., 92). Что касается формы «дъно», то встреченная впервые

еще в XI в. (Панд. Ант., 157), в дальнейшем она отмечена в рукописях XII—XV вв.⁵⁶ Это сопоставление как будто позволяет утверждать, что присутствующая на буллах форма написания через «ь» действительно была наиболее предпочтительной в XII—XIII вв. и, возможно, в конце XI в.

Опущение предлога в местном падеже также принадлежит к числу вполне закономерных явлений. Классический пример можно привести из Остромирова евангелия 1056—1057 гг.: «Самъ же Изяславъ кѣнязь правляше столѣ отца своего Ярослава Киевѣ. А брата своего столѣ поручи правити близоку своему Остромиру Новѣгородѣ»⁵⁷.

Таким образом, из перечисленных пяти вариантов написания формулы наших печатей грамматически правильным является вариант «Дънѣслово», а он встречен на печатях в 14 случаях из 21⁵⁸. Некоторое недоумение вызывают замены «ь» в корне слова на «ѣ» и на «е» и замены «ѣ» на «ь» и на «е» в окончании местного падежа⁵⁹. Однако во всех случаях такие замены могут иметь чисто фонетический характер и свидетельствовать о том, что грамматическая структура надписи, воспринимаемой на слух или копируемой с неудовлетворительных образцов, оставалась непонятной резчикам отдельных матриц. Последнее обстоятельство само по себе небезынтересно для характеристики надписи: сложная формула печатей кажется искусственной, сочиненной. Ее изображают, не вникая в ее смысл.

Подтверждая правильность лихачевского перевода, следует еще раз отметить, что он нуждается в дальнейшем истолковании. Н. П. Лихачев предложил лишь подстрочник. Перевод «внутри слово» так же загадочен, как и оригинал «Дънѣслово».

По-видимому, теми же чувствами неудовлетворенности существующим переводом было порождено толкование надписи, предложенное Б. А. Рыбаковым, который в ряде указанных выше статей называет буллы «Дънѣслово» печатями тайной переписки. К сожалению, новое толкование надписи, бытующее в литературе более двадцати лет и ревниво защищаемое

de qui je suis le sceau» (G. Schlumberger. Sigillographie, p. 60).

⁵⁶ И. И. Срезневский. Указ. соч., т. 1, стр. 760. Об устойчивости формы «дъно», между прочим, свидетельствует ее сохранение в современных говорах («денышко», «денце»). См.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1. М., 1955, стр. 427.

⁵⁷ «Остромирово евангелие». СПб., 1883.

⁵⁸ Всего сейчас известно 23 различных варианта печати «Дънѣслово», однако на двух из них надпись читается не полностью (№ 87, 94).

⁵⁹ Имеются в виду остальные семь случаев.

Б. А. Рыбаковым, так и не было аргументировано исследователем, но ход его рассуждений более или менее ясен. Формула «внутри слово» в этом построении претерпевает следующую смысловую эволюцию: «слово» (находящееся) «внутри», т. е. «скрытое, сокровенное слово». Приведенное толкование приняла и С. Р. Килиевич.

Это толкование настолько подкупает своей простотой и логической ясностью, что, казалось бы, даже не нуждается в аргументах. Оно придает завершенность Лихачевскому переводу, сообщает ему очевидный смысл и в равной степени убедительно и остроумно. Тем не менее именно обилие достоинств определило главный недостаток толкования, предложенного Б. А. Рыбаковым: внешняя эффектность объяснения заставляет и его автора, и читателей видеть научный вывод там, где в действительности имеется только научная гипотеза.

В самом деле, лингвистические возможности истолкования печатей с формулой «Дньѣслово» полностью исчерпываются тем подстрочником, который был предложен Н. П. Лихачевым. Можно делать любые предположения по поводу этих булл, но ни одно из них не будет доказано до тех пор, пока загадочная надпись рассматривается вне контекста. В данном случае таким контекстом может быть только совокупность всех остальных показаний рассматриваемых печатей. В толковании Б. А. Рыбакова принята во внимание одна только надпись, тогда как чтение этой надписи могло быть обосновано лишь подробным анализом всех деталей обширной сфрагистической группы. Вопрос о назначении печатей «Дньѣслово» можно решать только в сочетании с такими важными вопросами, как проблема датировки и атрибуции этих булл, проблема выявления их места среди прочих сфрагистических памятников Древней Руси. Необходимость всесторонней проверки предложенного Б. А. Рыбаковым толкования особенно остра потому, что это толкование отнюдь не имеет частного характера. От правильности или неправильности его зависит общее направление дальнейшей работы по классификации печатей.

Основы классификации памятников древнерусской сфрагистики были заложены Н. П. Лихачевым, который на многих примерах продемонстрировал в своих работах связь сфрагистического типа с определенными институтами государственной власти. Если принадлежность печати не была прямо указана в ее надписи, то само оформление типа постоянно соответствовало его принадлежности. Н. П. Лихачев писал об особом типе княжеской печати

XII—XIII вв., об особом типе церковной печати того же времени, он допускал существование особого типа посадничьих булл и т. д. Однако он не подразделял печатей по функциональному признаку. Б. А. Рыбаков, предлагая свое толкование надписи «Дньѣслово», тем самым допускает существование более дробного подразделения булл, при котором бытовала не просто княжеская или епископская печать, но у каждого князя или епископа было по несколько буллотиров — для документов разного назначения: актов, обычных писем, секретных писем. Это очень важное предположение, и именно в силу своей важности оно особенно нуждается в проверке.

Существует еще один аспект изучения древнерусской сфрагистики, для которого особенно необходим критический анализ толкования Б. А. Рыбакова. Предполагаемая им дифференциация печатей по функциональному признаку как будто должна свидетельствовать о серьезной зрелости института буллы в Древней Руси домонгольского времени. Однако хорошо известно, что сам обычай вислой печати и многие особенности оформления сфрагистического типа были на Руси заимствованными из Византии. Поэтому предполагаемая зрелость системы печатей может быть действительной и кажущейся. Она может быть порождена внутренними потребностями развития институтов переписки и официального акта, но ее могли породить условия, не свойственные русскому документу и присущие только документу византийскому. Рассматривая нашу проблему под указанным углом зрения, мы неизбежно придем к противоречивым выводам.

Печать тайной переписки не могла быть заимствована из Византии, сфрагистика которой не знает аналогичного явления. С другой стороны, для печатей тайной переписки трудно найти место и в общей схеме развития русской сфрагистики. Их возникновение не могло быть продиктовано действительными потребностями, поскольку секретность переписки и в позднейшее время обеспечивалась с помощью других, более действенных приемов, включая инструкции гонцу и способ запечатывания документа. Печати тайной переписки совершенно не известны в позднейшее время — в XIV—XV вв., когда булла приобрела наиболее законченную дифференциацию. Напротив, характер этой позднейшей дифференциации таков, что исключает самую мысль о функциональном значении сфрагистического типа⁶⁰.

⁶⁰ Деление печатей по функциональному признаку в XIII—XV вв. проявлялось не в особенностях офор-

Противоречивость гипотезы Б. А. Рыбакова нова выдвигает на первый план необходимость ее проверки обычными средствами источниковедения.

Вопрос о хронологии печатей «Дья́слово» и их принадлежности приобретает в силу всех этих противоречий особенно большое значение. Между тем именно этот вопрос до сих пор не получил сколько-нибудь существенной разработки. Нет особой нужды останавливаться на критике хронологических выводов Н. Ф. Беляшевского, И. И. Свенцицкого, Я. Пастернака или И. Иодковского, имевших дело с единичными буллами. Остановимся на построениях Н. П. Лихачева.

Исследовательской манерой Н. П. Лихачева свойственна одна особенность, которая, не лишая его выводов первостепенного значения, несколько затрудняет их усвоение. Н. П. Лихачев опирался на обширный опыт повседневного общения с громадной коллекцией древнерусских печатей, включившей в свой состав две трети известных к настоящему времени свинцовых булл. У него была общая хронологическая концепция в верный глаз. Однако весьма часто строгая научная аргументация заменена у него интуицией, и выводы нуждаются в истолковании и проверке, которая чаще всего подтверждает их правильность.

Касаясь хронологии печатей с формулой «Дья́слово», Н. П. Лихачев вопреки уже цитированному общему скептическому выводу пришел к ряду существенных наблюдений. «Перед нами, — писал он, — памятник несомненно старейшей эпохи. Весьма сомнительно, чтобы какая-нибудь разновидность могла относиться хотя бы к началу периода монгольского ига»⁶¹. Эта общая датировка сфрагистической группы домонгольским периодом несколько уточнена сочувственной ссылкой на Н. Ф. Беляшевского, который буллу с изображением св. Давида датировал временем князя Давида Святославича, т. е. рубежом XI и XII вв.⁶² Весьма важен и другой вывод Н. П. Лихачева: «Разбирая типы «Дья́слово» хронологически, мы приходим к выводу,

мления типа, а в выборе металла буллы. В зависимости от характера и важности документа печати, отлитые одной и той же парой матриц, могли быть свинцовыми или серебряными, позолоченными. Эта традиция восходит к XII в., на что указывает существование аргировула митрополита Константина, тождественного по матрицам его же моливдовулам.

⁶¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 29.

⁶² Там же.

что они обнимают сравнительно незначительный период времени и, несмотря на разницу в стиле и работе, идут скорее параллельно, чем наслаениями»⁶³. Иными словами, Н. П. Лихачев был склонен заключать всю группу в весьма узкие хронологические рамки деятельности одного поколения владельцев и связывать их со временем, близким к рубежу XI и XII вв. Эта предполагаемая дата подтверждается и тем, что в своем исследовании Н. П. Лихачев объединил печати «Дья́слово» в один раздел с печатями «От Ратибора», с которыми они действительно обнаруживают исключительную техническую и художественную близость.

Скептический вывод Н. П. Лихачева о невозможности точно определить принадлежность этих печатей не имеет прямого отношения к его хронологическим наблюдениям. Объединив печати «Дья́слово» с печатями «От Ратибора» в одну группу, исследователь предполагал, что они принадлежат второстепенным лицам княжеской администрации, имена которых в летописи, как правило, не сохранены: «Кто такие были Иоанн, Феодор, Георгий, Михаил, Давид (Глеб?), Мина (речь идет об именах владельцев булл. — В. Я.) — навсегда останется тайной, так же как если бы и Ратибор вырезал на печати «От Климента» и мы не знали бы, какого Климента искать»⁶⁴. Основания для такого предположения у Н. П. Лихачева безусловно имелись, так как тип «Дья́слово» не имеет ничего общего с известными типами княжеской и церковной булл.

К вопросу о хронологии и принадлежности печатей «Дья́слово» в 1958 г. вернулась С. Р. Килиевич. Учитывая общие хронологические наблюдения Н. П. Лихачева, она настаивает, однако, на княжеской принадлежности булл и датирует печать с изображением св. Давида временем черниговского князя Давида Святославича (1097—1123) гг., а печати с изображением архангела Михаила — временем князя Ростислава Мстиславича (1127—1159 гг. в Смоленске, 1154 г. в Новгороде, 1161—1167 гг. в Киеве)⁶⁵. К сожалению, этим выводом ограничиваются хронологические наблюдения исследовательницы. Кому в указанный ею период могли принадлежать печати с изображением святых Феодора, Георгия, Иоанна Предтечи, Мины и шестикрылого ангела, описанные Н. П. Лихачевым, — этот вопрос в ее статье обойден молчанием. Молчанием обой-

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ С. Р. Килиевич. Указ. соч.

ден и другой немаловажный вопрос — каким образом в промежуток с 1123 по 1161 г. могло быть осуществлено поддержание сфрагистического типа «Дья́слово», если в группе таких булл наверняка отсутствуют печати Владимира-Василия Мономаха (1113—1125 гг.), Всеволода-Кирилла Ольговича (1139—1146 гг.), Изяслава-Пантелеймона Мстиславича (1146—1154 гг.), т. е. наиболее долговременных князей, занимавших киевский стол в промежуток от черниговского княжения Давида до киевского княжения Ростислава. Соображения С. Р. Клиевич, таким образом, не только не решают проблему, но и существенно усложняют ее.

Мы особо подчеркиваем эти пробелы и противоречия аргументации, так как они отчетливо показывают, что удовлетворительным может быть только полное решение вопроса о принадлежности всех печатей нашей группы, а не выборочное исследование отдельных экземпляров.

Рассмотрим вопрос о хронологии печатей «Дья́слово» заново, отталкиваясь от наблюдений Н. П. Лихачева. Одним из наиболее существенных представляется нам вывод об исключительной хронологической компактности всей группы. Этот вывод может быть подтвержден внимательным сопоставлением всех вариантов.

Наиболее заметным признаком одновременного бытования печатей является единство их стилистических и технических особенностей. Если печати однообразны по своему оформлению и если при этом они оттиснуты на кружках одинакового диаметра и толщины, вряд ли нужно сомневаться в их принадлежности к одному периоду. В данном случае оформление булл поражает своим однообразием, однако их технические особенности достаточно пестры. Размер печатей варьирует от 13 до 30 мм, причем, учитывая размер штампов (т. е. диаметр обязательных точечных ободков), можно говорить о наличии в этой сфрагистической группе двух норм: у одних печатей такой нормой был диаметр 25—26 мм, у других — 20—21 мм. Такая разнокалиберность на первый взгляд говорит против хронологического единства группы, поскольку указанные нормы, хорошо известные в русской сфрагистике домонгольского периода, служат принципиальными признаками разных периодов. Размер в 21 мм обычен для матриц печатей, несущих изображения двух святых, т. е. для типа, распространенного со второй четверти XII в., тогда как крупные печати (25—26 мм), как правило, бытуют в более раннее время (к числу таких печатей относятся, например, все кня-

жеские печати XI в. с изображением святого и многострочной греческой надписью). Основываясь на этом наблюдении, можно предполагать два возможных решения хронологической проблемы. Печати «Дья́слово» могут относиться к весьма широкому хронологическому диапазону, захватывающему вторую половину XI в. и весь XII в., однако они могут быть и одновременными, если период их бытования приходится на тот рубеж, когда в русской сфрагистике осуществляется переход от крупных булл к буллам меньшей величины. Этот переход падает на рубеж XI и XII вв. и отмечен осуществлением разнокалиберных печатей Ратибора, Владимира Мономаха (в группе булл этого князя с русской надписью «Господи, помози» представлены также разнокалиберные экземпляры); он хорошо заметен и в сфрагистике митрополитов (хотя буллы последних, нужно думать, были в основном чисто византийского происхождения).

Для решения поставленного вопроса интересный материал дают печати «Дья́слово» с изображением св. Феодора. В числе четырех вариантов таких печатей, зарегистрированных к настоящему времени, имеются печати обоих указанных выше размеров. Однако все эти четыре варианта, несомненно, принадлежат одному лицу. Более того, они представляют собой последовательные этапы копирования одного образца. В этом нас убеждает ряд наблюдений. На всех четырех вариантах порядок размещения колончатых надписей по сторонам фигуры святого нарушен: колонки поменялись местами. Имя Феодор во всех случаях изображено в сокращенном виде, с опущением гласных, хотя такой вариант написания ни разу не повторяется на других известных нам печатях с изображением св. Феодора, достаточно многочисленных. Факт последовательного копирования подтверждается и сравнением надписей лицевых сторон, где копируются не только общее расположение надписи, но даже орнаментальные точки. Наиболее показательными особенности лицевой стороны печати № 80, на которой при копировании буква «л» перекочевала в последнюю строку, но при этом сохранилась точка перед буквой «о», имевшая смысл лишь на образцовом экземпляре: там она ограничивала последнюю строку. Сочетание разнокалиберных булл одного владельца подтверждает вывод Н. П. Лихачева о хронологической компактности всей группы печатей «Дья́слово», несмотря на разницу в их технических особенностях, и привязывает ее к рубежу XI—XII вв.

Ту же дату сообщают и наблюдения над

общими стилистическими особенностями этих печатей. Бросается в глаза преобладание на них поясных и погрудных изображений святых. Это обстоятельство само по себе служит важным хронологическим признаком. Поясные и погрудные изображения в русской сфрагистике домонгольского периода предпочтительно употреблялись на печатях XI в. Наиболее позднюю из достоверно датированных групп булл, где святой изображен погрудно, составляют княжеские печати Владимира Мономаха и Всеволода-Кирилла Ольговича (с надписью «Господи, помози»). В последующий период, вплоть до конца XII в., в погрудном или поясном варианте, как правило, изображается только Богоматерь на печатях церковного круга, но и там уже во второй половине XII в. наблюдается тенденция к употреблению ростового изображения. Что касается изображения святых в полный рост, то, появившись уже в XI в., они на рубеже XI—XII в. и в первой четверти XII в. сосуществуют с погрудными изображениями, а затем полностью вытесняют их. Присутствие в группе печатей «Дья́слово» и поясных, и ростовых изображений снова указывает на дату, близкую к рубежу XI и XII вв.

На этот же период указывают и отдельные, наиболее близкие аналогии этим буллам в других сфрагистических разрядах. Н. П. Лихачев отметил исключительное стилистическое сходство печатей «Дья́слово» с печатями «От Ратибора». Поясное или погрудное изображение архангела на печатях № 74—76 находит ближайшую аналогию в описанной выше печати № 37, которую мы отнесли к периоду новгородского княжения Святополка Изяславича (1078—1088 гг.). А поясное изображение царя Давида на печати № 79 практически неотличимо от такого же изображения на печати № 113, отнесенной выше черниговскому князю начала XII в. Давиду Святославичу.

Согласное указание различных элементов печатей «Дья́слово» на рубеж XI—XII вв. заставляет особенно внимательно приглядеться к сфрагистике этого времени. В сфрагистическом отношении конец XI — начало XII в. представляет собой сплошное белое пятно, особенно в области истории княжеских печатей.

Мы видели, что в группе таких печатей последовательно представлены Изяслав Ярославич (1054—1073, 1077—1078 гг.), Святослав Ярославич (1073—1076 гг.), которым принадлежит в общей сложности 14 печатей, Всеволод Ярославич (1078—1093 гг.), от которого сохранилось 10 печатей, Владимир Всеволодович

Мономах (1113—1125 гг.), из 22 булл которого с русской надписью: «Господи, помози рабу своему Василию» — значительная часть, несомненно, тяготеет к киевскому периоду его деятельности. Что касается времени Святополка Изяславича, сидевшего на киевском столе 20 лет (1093—1113 гг.), то этому князю мы смогли приписать одну уже упомянутую печать из Старой Ладogi (№ 37), которая самым местом находки связывается скорее с новгородским (до 1088 г.) периодом его княжения, нежели с киевским.

Между тем как раз в этот период, по-видимому, происходят поиски новых сфрагистических типов. На протяжении всего XI в. тип киевской княжеской буллы не был единым. На буллах Изяслава Ярославича помещено изображение розетки. На печатях Святослава Ярославича изображение патрона этого князя — св. Николая сочетается с изображением самого князя. Буллы Всеволода Ярославича несут изображение его патрона — св. Андрея в сочетании с многострочной греческой благопожелательной надписью. Так же оформлены печати князей, не княживших в Киеве и живших во второй половине XI в. Тип поздней печати Владимира Мономаха отличен: он снабжен русской благопожелательной надписью. Этот тип активно усвоен русской сфрагистикой первой трети XII в.

Заметна противоположность и в оформлении митрополичьих печатей XI и XII вв. Буллы XI в. варьируют в оформлении, но уже с последних годов этого века на печати митрополита Николая утверждается постоянный тип, несущий изображение общецерковной эмблемы — «Знамения».

Таким образом, общие наблюдения над состоянием русской сфрагистики на рубеже XI и XII вв. привлекают особое внимание ко времени киевского княжения Святополка Изяславича (1093—1113 гг.), когда существуют особые условия для возникновения новых и недолговечных сфрагистических типов. Это время, которому предшествует сфрагистический хаос и которое сменяется периодом бытования четко оформленных сфрагистических типов. Именно в этом промежутке мы и намерены искать возможных владельцев печатей с надписью «Дья́слово», коль скоро они принадлежат к широко распространенному единообразному типу. Оговоримся, что предположения Н. П. Лихачева о принадлежности этих владельцев к числу второстепенных лиц не могут быть признаны методически точными. Для эпохи, когда еще не возникли характерные типы княжеской и церковной печати,

основывать какие-либо выводы на несходстве булл с этими типами невозможно.

Предположение о принадлежности печатей «Дьнѣслово» ко времени Святополка Изяславича позволяет предпринять единую атрибуцию сразу трех типов булл, включающих в свой состав 9 разновидностей из 23 нам известных, а именно печатей с изображением святых Михаила (№ 74—77), Давида (№ 79) и Феодора (№ 80—83). Михаилом в крещении звали самого киевского князя Святополка Изяславича⁶⁶. Киевский князь вплоть до времени Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.) непосредственно распоряжался новгородским княжением, посылая в Новгород своих наместников. Но во времена Святополка Изяславича такими новгородскими наместниками последовательно был Давид Святославич (1094—1096 гг.) и Мстислав Владимирович (1096—1117 гг.); последнего, как мы уже хорошо знаем, в крещении звали Феодором.

Эта атрибуция позволяет сделать еще один важный шаг в исследовании наших печатей. Если мы признаем ее правильной, то неизбежно должны будем согласиться и с тем, что в группу печатей «Дьнѣслово» наряду с княжескими входили и печати церковного круга, поскольку на одном из вариантов этих булл (№ 92) имеется изображение Богоматери, которое в русской сфрагистике было эмблемой церкви. Однако это изображение в качестве эмблемы впервые зафиксировано на булле митрополита Николая (1096—1104 гг.) и могло появиться не ранее рубежа XI—XII вв., так как на митрополичьей печати Иоанна III (1089—1091 гг.) никаких общецерковных эмблем еще нет. Поиск такого символа начинаются не ранее 90-х годов XI в., и сам факт этих поисков позволяет высказать некоторые соображения относительно еще одной группы печатей «Дьнѣслово» — булл с изображением шестикрылого ангела (№ 88—91).

Херувим или серафим как ангел, не имеющий собственного имени, не мог быть персональным патроном владельца печати. С другой стороны, в иерархии ангельских чинов херувимы и серафимы занимают первое место. Оценивая это изображение с точки зрения его символических возможностей, допустимо видеть в нем митрополичью эмблему, поскольку

среди «земных ангельских чинов» первое место на Руси могло принадлежать только митрополиту. Если бы эта анонимная печать несла на себе греческую надпись, ее следовало бы отнести константинопольскому патриарху, но, так как печать русская, такая возможность отпадает. Если наше предположение правильно, сама недолговечность эмблемы может быть хорошо объяснена. Ее символика противоречивей административную часть константинопольской патриархии, претензии митрополита быть «первым ангельским чином» могли восприниматься как антигреческие или, во всяком случае, как не соответствующие истинной церковной иерархии, и на этом основании эмблема могла не получить утверждения от патриарха. Исходя из этих соображений, мы можем датировать печати с изображением шестикрылого ангела последними годами XI в. и считать буллу с изображением Богоматери несколько более поздней в рамках все тех же 1090-х годов.

В самом деле, шестикрылый ангел в качестве митрополичьей эмблемы не мог употребляться до начала 90-х годов XI в., когда на буллах митрополитов были персональные эмблемы; но он не мог быть употреблен и позднее конца этих годов, когда эмблемой церкви стало изображение Богоматери. По всей вероятности, анонимность булл можно связать с тем перерывом в замещении киевской кафедры, который падает на время между святительствами Иоанна III (1089—1091 гг.) и Николая (1096—1104 гг.).

Отнесение целой группы печатей «Дьнѣслово» в разряд церковной сфрагистики дает возможность определить еще одну печать с этой надписью. Имеем в виду буллу с изображением св. Мины (№ 93). Миной звали полоцкого епископа (1105—1116 гг.)⁶⁷.

Приурочение булл с изображением святых Иоанна Предтечи (№ 84, 85), Георгия (№ 86), Петра и Павла (№ 87) к сфрагистике каких-либо определенных лиц встречает большие затруднения. В 1962 г. мы высказали предположение, что печати с изображением Иоанна Предтечи, известные в двух вариантах, следует отнести двум одноименным епископам рубежа XI и XII вв., один из которых в 1109—1130 гг. занимал новгородскую кафедру, а другой в 1089—1111 гг. был черниговским епископом⁶⁸.

⁶⁶ См. летописное сообщение под 1113 г.: «Преставися благоверный князь Михаил, зовомый Святополк». ПСРЛ, т. I. Изд. 2, вып. 2, стб. 290; т. 2. СПб., 1843, стр. 4, 289. Михаилом Святополк назван также в «Хождении игумена Даниила» (см.: В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила», стр. 129).

⁶⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Изд. 2, стб. 281; вып. 2, стб. 291; т. II. СПб., 1843, стр. 287; т. VII. СПб., 1856, стр. 20, 24.

⁶⁸ В. Л. Янин. Печати с надписью «Дьнѣслово». СА, 1962, № 2, стр. 167—168.

Формальным признаком предпринятого тогда распределения булл между указанными кафедрами послужило то обстоятельство, что единственная печать одного варианта (№ 84) происходила из южнорусских находок, а один из экземпляров буллы другого варианта (№ 85; всего нам тогда было известно три экземпляра, принадлежащих к этому варианту) имел новгородское происхождение.

А. В. Соловьев любезно обратил наше внимание еще на две буллы с изображением Иоанна Предтечи, которые, хотя и были изданы И. Иодковским еще в 1948 г.⁶⁹, оставались вне опубликованного нами в 1962 г. свода печатей «Дья́слово». Эти две печати оказались оттиснуты теми же матрицами, что и отнесенные нами новгородскому епископу Ивану Попьяну. Теперь таких печатей стало пять, и их топографические данные заставляют пересмотреть первоначально предложенную атрибуцию. Из пяти булл две найдены в Дрогичине, одна в Гродно, одна в пределах б. Каневского уезда Киевской губ., одна происходит из Новгорода. Печати обнаруживают явное тяготение не к Новгороду, а к западным областям Руси.

Прежде чем высказаться относительно новой атрибуции этих булл, хотелось бы отметить несколько обстоятельств, способных ограничить круг поисков.

Во-первых, возможные владельцы этих печатей могут относиться только к точно фиксированному промежутку времени — с 1093 по 1113 г. В самом деле, печати с надписью «Дья́слово» не могут появиться ранее 1093 г., иначе в их числе, несомненно, должны были бы оказаться буллы с изображением св. Андрея, патрона предшественника Святополка на киевском столе Всеволода Ярославича, но таких печатей нет. Отсутствие в числе булл «Дья́слово» печатей с изображением патрона Владимира Мономаха — св. Василия ограничивает позднюю дату их бытования 1113 г.

Во-вторых, употребление печатей с надписью «Дья́слово» не выходит за рамки киевской инициативы. Все три разновидности княжеских печатей (Михаила, Давида и Феодора) связаны с киевской административной системой (Киев — Новгород). Этот тип не был воспринят ни в Переяславле Владимиром Момахом, лишь трансформировавшим «греко-русскую» печать в чисто русскую буллу, ни в Смоленске, ни на Волыни, где при Давиде

Игоревиче сохраняется «греко-русский» тип. Напротив, приход на киевское княжение Владимира Мономаха в 1113 г. отменяет тип «Дья́слово» не только в Киеве, но и в Новгороде. Среди печатей новгородского князя Мстислава Владимировича имеются не только буллы «Дья́слово», но и буллы с изображением св. Феодора и русской благожелательной надписью, употреблявшиеся, как можно теперь догадываться, в позднейший период его новгородского княжения, между 1113 и 1117 гг. Что касается церковных печатей, среди которых мы видели полоцкую, их связь с киевской инициативой не опровергается самим фактом более широкого употребления: зависимость епископов от митрополита была более заметной, нежели зависимость князей-вотчинников от киевского стола.

Поэтому неприуроченные печати с надписью «Дья́слово» и изображениями святых Георгия, Петра и Павла, а также неопределенных святых (№ 94—96) могут принадлежать каким-либо епископам этого периода; к сожалению, списки епископов времени Святополка Изяславича отличаются многими невосполнимыми пробелами. Что касается печатей с изображением Иоанна Предтечи, то о них можно высказать более определенное мнение.

Мы уже видели, что обильно представленный находками вариант № 85 тяготеет к западным районам Руси, на территории которых (Дрогичин и Гродно) собрано больше половины экземпляров этих матриц. Другой вариант печати с изображением св. Иоанна (№ 84) происходит также из западнорусских районов: он найден на городище древнего Галича⁷⁰. Дрогичинские, гродненская и галичская находки объединяются общностью происхождения, поскольку все три пункта в рассматриваемое время находились на территории Владимиро-Волынской земли. Среди сеньоров Волыни и следует, по-видимому, разыскивать владельца этих печатей. Имена владимирских епископов рубежа XI и XII вв. нам известны (Стефан и Амфилохий), они не соответствуют имени, помещенному на печати. Что касается волыньских князей, то после изгнания Давида Игоревича в 1100 г. Волынь на длительный срок становится киевским уделом, в котором с 1100 по 1118 г. сидел сын Святополка Изяславича Ярослав; христианское имя князя нам не известно, однако имеются все основания относить именно ему буллы с именем Иоанна, предполагая, таким образом, что он был крещен во имя Иоанна Предтечи.

⁶⁹ J. Jodkowski, Op. cit., s. 198. См. также: Н. Н. Воронин, Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.). МАИ, № 41. М., 1954, стр. 198.

⁷⁰ Я. Пастернак. Указ. соч., стр. 200.

Особое внимание привлекает к себе печать № 78 с изображением и именем св. Ирины. Буллы, принадлежавшие женщинам, в древнерусской сфрагистике крайне редки, однако даже тот незначительный материал, который собран к настоящему времени, позволяет утверждать, что во всех случаях владельцами печатей были княгини. Мы уже видели следующие буллы XI — начала XII в. с женскими именами: 1) печати Феофано Музалон, жены князя Олега Святославича; 2) печати Марии, жены князя Всеволода Ярославича; 3) печати Христиньи, жены князя Мстислава Владимировича; 4) печать Марии с русской благопожелательной надписью; в ее владелице мы предположили жену князя Всеволода Ольговича.

В пользу княжеской принадлежности буллы с изображением св. Ирины говорит и то обстоятельство, что в рассматриваемое время имя Ирина было достаточно популярным в княжеской семье. Отметим, в частности, что Ириной была жена князя Ярополка Изяславича и это засвидетельствовано в одной из миниатюр Трирской псалтири⁷¹. То же имя приняла в монашестве дочь Всеволода Ярославича Екатерина, умершая в 1108 г.⁷² Так же звали жену черниговского князя Ярослава Всеволодовича, умершего в 1200 г.⁷³ Однако сейчас нас привлекают сведения об именах княгинь — современниц Святополка Изяславича. Такие сведения имеются, хоть они и не полны. Жену Мстислава Владимировича звали Христиной, жену Давида Святославича — Феодосией⁷⁴. Имя жены Ярослава Святополковича нам не известно⁷⁵. Что касается жен самого Святополка Изяславича, то на вопросе об их именах следует остановиться подробнее.

Известно, что Святополк Изяславич женился в 1094 г. на дочери половецкого хана Тугоркана⁷⁶. Однако это был не первый его брак. Уже в 1099 г. убит взрослый сын Святополка Мстислав. В 1100 г. Святополк дает другому своему сыну Ярославу Владимир-Волынский. В 1102 г. он отдает замуж дочь Сбыславу, а спустя два года другую дочь — Предславу. Нет сомнений, что все эти дети были рождены первой женой Святополка или же прижиты

им от наложниц. Существует позднее предание, восходящее к написанной в 1670 г. Феодосием Сафоновичем повести о перенесении мощей св. Варвары в Киев, о том, что эти мощи — главная святыня киевского храма архангела Михаила — были перенесены в Киев женой Святополка Изяславича Варварой, дочерью византийского императора Алексея Комнина⁷⁷. В этом сообщении имеется несколько бросающихся в глаза противоречий.

Во-первых, у Алексея Комнина не было дочери по имени Варвара. Во-вторых, Михайловский Златоверхий монастырь, о котором здесь идет речь, был основан Святополком в 1108 г.⁷⁸, когда его женой была дочь Тугоркана, если только в это время он не был женат третий раз. Сомнительные показания этой поздней традиции опровергаются сведениями позднейшего синодика Михайловского монастыря, в котором его первоначальные ктитории обозначены следующим образом: «Род благоверного Великого Князя Киевского Михаила Святополка Ктитора первоначального святой обители нашей. Род благоверной княгини Ирины Ктиторки святыя обители сея, яже созда каменный придел церкви Вихания господня в Иерусалим при храме святого Михаила и даде в святую обитель сию землю пашенную от ней нареченную Орининскую и девичью гору над рекою Лыбедею, со млином, лесом и пасекою»⁷⁹. Это сообщение позволяет утверждать, что жену Святополка Изяславича, занимавшуюся строительством в его патрональном монастыре после 1108 г., звали Ириной. Ей мы и относим печать «Дьябслово» с именем и изображением св. Ирины.

Таким образом, мы приходим к выводу, что группа печатей с надписью «Дьябслово» появляется в княжение Святополка Изяславича и прекращает бытование вместе с прекращением этого княжения. В рассмотренную группу входят княжеские печати, связанные с системой киевского управления, и владычные буллы. Тип «Дьябслово» не отражает принадлежности буллы к определенному институту государственной власти. Напротив, в нем стерт различия между печатями княжеской и церковной. Это обстоятельство не кажется нам противоречивым. На протяжении всего XI в. специаль-

⁷¹ В. Л. Ямин. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. «Нумизматика и эпиграфика», вып. 4. М., 1963, стр. 145 и сл.

⁷² ПСРЛ, т. 2. СПб., 1843, стр. 288.

⁷³ Р. Вл. Зотов. Указ. соч., стр. 40.

⁷⁴ Там же, стр. 37.

⁷⁵ Ярослав женился в 1112 г. на дочери Мстислава Владимировича и в 1118 г. отослал ее от себя. ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 2, 289.

⁷⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Изд. 2, стб. 226; т. I. СПб., 1843, стр. 279.

⁷⁷ М. Берлинский. Краткое описание Киева. СПб., 1820, стр. 85, 176; Н. Семеновский. Киев и его достопамятности. Киев, 1852, стр. 102; Н. Закревский. Описание Киева, т. 2. М., 1868, стр. 541; В. Н. Лазарев. Михайловские мозаики. М., 1966, стр. 14—16.

⁷⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Изд. 2, стб. 283.

⁷⁹ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 575.

ный тип княжеской и владычной булл еще не был выработан.

Тем более этот тип не может иметь функционального характера. Предположенное Б. А. Рыбаковым назначение этих булл как печатей тайной переписки могло бы иметь обоснование, если бы печати «Дья́слово» в руках одних и тех же владельцев сосуществовали с другими сфрагистическими типами. Между тем при относительной многочисленности булл «Дья́слово» до сих пор не известны какие-либо другие печати, которые можно было бы отнести князю Ярославу Святополковичу или полоцкому епископу Мише. Наличие других типов печатей Давида Святославича, Мстислава Владимировича и Святополка Изяславича не меняет картины: они принадлежат к иным отрезкам времени, нежели печати «Дья́слово». Даже допустив сосуществование разных типов булл в последних трех случаях, мы остановимся перед недоуменным вопросом: почему же на рубеже XI—XII вв., и только в это время, секретная переписка возобладала над всеми другими видами официального письма?

Предпринятый анализ лишает надпись «Дья́слово» какого-либо специального содержания. Эта надпись, будучи помещена на печати вообще, может содержать в себе только общий смысл. Она имеет отношение лишь к способу оформления письма или акта, которые обычно свертывались или складывались, а снаружи оставлялась только печать на шнуре. Смысл надписи сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ: «слово внутри, разверни и читай». Персонализация печати, превращение ее в говорящий ярлык — явление, чрезвычайно распространенное в византийской сфрагистике, и аналогия, указанная Н. П. Лихачевым, — лишь частный случай такой персонализации.

Не исключена возможность, что своим возникновением эта надпись обязана общей тенденции, проявившейся на рубеже XI—XII вв. и направленной к поискам типа буллы, русской по своему оформлению. В этих условиях вместе с новым типом, оказавшимся недолговечным, могло возникнуть и новое слово, имевшее значение синонима понятию «печать». Уже отмеченные выше ошибки при написании формулы печати показывают, что речение могло восприниматься как единое слово, теряющее свою первоначальную грамматическую структуру. В дальнейшем это слово не привилось, как не привился и тип обозначенных им печатей.

Следует остановиться еще на одной существенной особенности сфрагистической группы

«Дья́слово». Неразграниченность княжеских и церковных печатей внутри этой группы может быть понята как результат тенденции к унификации буллы, признанной прийти на смену сфрагистическому хаосу предыдущего периода. Однако это слияние княжеских и церковных печатей, применение к документам разных институтов булл одного и того же типа не может не отражать более существенных явлений. Нам кажется, что отмеченная особенность должна свидетельствовать о далеко зашедшем процессе приобщения церкви к государственному управлению, о том процессе, который в Киеве до некоторой степени поддерживал ветшающий стол в эпоху начавшегося феодального распада.

Изложенные выводы относительно датировки и характера печатей с надписью «Дья́слово» были в первоначальном варианте опубликованы в 1962 г.⁸⁰ Эта публикация побудила Б. А. Рыбакова высказать несколько замечаний, имеющих прямое отношение к рассматриваемой проблеме. «По-видимому, — пишет исследователь, — к тайной, секретной переписке относятся значительная группа печатей с надписью «Дья́слово», большую часть которых В. Л. Янин датирует эпохой Святополка Изяславича, когда действительно жизнь требовала большого количества тайных сношений»⁸¹. Из этого замечания очевидно, что Б. А. Рыбаков разделяет наши выводы в их хронологической части, хотя цитированная им статья и прочитана невнимательно, поскольку с эпохой Святополка мы связываем «небольшую часть», а все печати с формулой «Дья́слово». Кроме того, эта «статья в 20 страниц» посвящена не только обоснованию вывода о смысле надписи «Дья́слово», как полагает Б. А. Рыбаков, а главным образом хронологическому анализу булл.

В поддержку своего истолкования надписи на печатях исследователь и на этот раз не выдвигает аргументов, кроме ссылки на поддержку «такого лингвиста, как Ф. П. Филин». Нам, к сожалению, не известны какие-либо исследования Ф. П. Филина относительно надписи «Дья́слово», и поэтому мы лишены возможности оценить его аргументы.

Замечания Б. А. Рыбакова содержат следующую рекомендацию: «В. Л. Янину следовало

⁸⁰ В. Л. Янин. Печати с надписью «Дья́слово», стр. 157—177.

⁸¹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 319.

бы обратить внимание, во-первых, на то, что 46% печатей (с именами Михаила и Федора) принадлежали князьям, у которых были и другого типа печати, а во-вторых, на то, что именно эти князья — Михаил-Святополк и Федор-Мстислав — и могли быть заинтересованы в секретной переписке»⁸².

Первая часть этого пожелания, как нам кажется, основана на недоразумении, так как

⁸² Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 319.

вопрос о наличии у Святополка и Мстислава разных булл не оставлен в нашем исследовании без внимания. Ему дано усиленное разъяснение. Что касается второй части цитированного здесь пожелания, оно, к сожалению, остается нам абсолютно неясным. Почему из всех князей, живших в эпоху, «когда действительно жизнь требовала большого количества тайных сношений», именно Святополк и Мстислав были заинтересованы в секретной переписке больше, чем, например, Владимир Мономах, — Б. А. Рыбаков так и не объяснил.

ПЕЧАТИ С ПАТРОНАЛЬНЫМ ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУХ СВЯТЫХ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Группа печатей, обладающих несомненными признаками домонгольского времени и несущих изображения святых на обеих сторонах кружка, составляет наиболее значительный разряд среди русских булл XI—XIII вв. По числу экземпляров и разновидностей он не знает равных себе в русской средневековой сфрагистике. Сейчас известно 405 печатей такого типа. Количество булл с изображением двух святых увеличивается более интенсивно новыми находками, чем это наблюдается в других группах. Это естественно. Ведь в рассматриваемый здесь сфрагистический разряд входит больше половины известных к настоящему времени русских домонгольских булл.

Сопоставление между собой печатей с изображением двух святых позволяет установить существование 150 пар разных матриц. Из сравнения цифр (405 экземпляров и 150 пар матриц) видно, что существование в этой группе экземпляров, тождественных по матрицам, не было редким явлением. Многие печати известны сейчас в трех-четырех экземплярах. Существуют разновидности, представленные поразительным по обилию числом тождественных экземпляров. Так, например, одна из разновидностей буллы с изображением св. Иоанна Предтечи на одной стороне и архангела Михаила на другой известна сейчас уже в 32 экземплярах. Имеется, однако, и довольно большое число образцов, встреченных единично.

Вне всякого сомнения, статистические соотношения разных вариантов булл этого типа содержат одну из возможностей атрибуции таких сфрагистических памятников. Обилие некоторых разновидностей указывает на особенно интенсивную деятельность их владельцев. Сравнительная редкость других вариантов

булл говорит о кратковременности власти владельцев таких вариантов или же о случайном характере обнаружения подобных булл на той территории, где они были найдены.

В этой связи нужно заметить, что общее число собранных сейчас булл изучаемого типа достаточно велико, чтобы служить прочным основанием для наиболее существенных атрибуций, хотя репертуар разновидностей исчерпан не до конца. Материал для интересных наблюдений дает топографическая статистика печатей с изображением двух святых. Из 405 зарегистрированных сейчас печатей 302 происходят из новгородских находок (преимущественно из находок на Городище), 5 печатей найдены в Старой Ладого, 1 — в Смоленске, 1 — в Витебске, 3 — в Пскове, 1 — в Полоцке, 1 — в пределах б. Тверской губернии, 1 — в Кокнесе, 1 — в Плесе, 13 — в Киеве и Киевской области, 6 — на территории Волины, 1 — под Херсонесом, 1 — в Волгоградской области; 2 буллы сохранились при смоленских актах. Данные о местах обнаружения 66 экземпляров не сохранились, но они в подавляющем большинстве происходят из собрания Н. П. Лихачева, для которого главным источником формирования всегда были новгородские городищенские находки. Иными словами, от 73 до 92% всех находок происходит из Новгорода и Новгородской земли. Если южнорусские и западнорусские материалы единичны, то новгородские изобильны.

Внимательно фиксируя все новые сфрагистические находки на протяжении последних 19 лет, мы можем отметить, что подавляющее большинство новгородских находок последних лет принадлежит к числу хорошо известных разновидностей. Из сезона в сезон растет число

так называемых «дублетных» экземпляров. Обнаружение новой, не известной ранее разновидности матриц случается крайне редко. В 1951—1967 гг. в Новгороде было найдено 96 булл домонгольского времени с изображением двух святых. Из них 71 принадлежит к уже известным вариантам, 25 разновидностей открыто впервые, но лишь 9 из них оказываются принципиально новыми, т. е. такими, на которых имеется неизвестное раньше сочетание изображений святых.

Таким образом, материалы новгородской сфрагистики в группе печатей с изображением двух святых отличаются, по-видимому, достаточной полнотой. Говоря о полноте подбора новгородских типов, мы, разумеется, не собираемся утверждать, что все найденные в Новгороде печати — новгородского происхождения. Как уже показано выше, буллы с изображением двух святых встречены не только в Новгороде, но и в других русских областях. Отметим также, что некоторые разновидности этих булл обнаружены в повторных находках на юге, но вовсе не встречены в Новгороде. Комплекс городищенских находок в Новгороде обязан своим существованием тому, что в древности на Городище находился архив новгородских князей, и в составе этого архива, конечно, имелись не только новгородские, но и многочисленные новгородские документы, снабженные печатями других русских территорий.

Однако мы уже видели на примере печатей других сфрагистических групп, что места обнаружения древних булл в основном совпадают с местами употребления их матриц. Показательны обстоятельства находки печатей Ратибора, которые все обнаружены на юге — и именно там, где Ратибор последовательно пользовался властью, или печатей протопроедра Евстафия, концентрирующихся в Новгороде, где Евстафий был одним из древнейших магистратов. Буллы Владимира Мономаха происходят из самых разнообразных пунктов Руси, но буллы новгородских посадников времени Всеволода Мстиславича тяготеют к Новгороду. Из Новгорода происходят в своем большинстве находки именных печатей новгородских владык, но буллы галицкого епископа Козмы найдены в Западной Украине. Печати волынского князя Давида Игоревича извлечены из культурного слоя червенского города Сутейска, а булла смоленского князя Вячеслава Ярославича найдена в Смоленске. Примеры можно было бы умножить, но и приведенных достаточно, чтобы подчеркнуть значение паспорта печати в ее атрибуции. В своей

работе по определению булл с изображением двух святых мы будем исходить из предположения, что большинство этих печатей имеет новгородское происхождение. Таким образом, перед нами встанет важная задача отличить местные материалы сфрагистики от печатей других русских центров.

Основным критерием для выделения собственно новгородских печатей мы признаем повторяемость находок. Если какая-то разновидность буллы представлена многими экземплярами, вряд ли тогда следует искать место ее употребления при актах где-то за пределами Новгорода. Именно такие повторяющиеся находки способны дать ключ для первых, определяющих дальнейшую работу атрибуций. Однако мы не исключаем и того, что некоторые разновидности даже из числа редчайших могут так же оказаться новгородскими. В тех случаях, когда деятельность владельцев булл была непродолжительной или малоинтенсивной, трудно рассчитывать на обилие оставленных ими печатей.

Вопрос о принципиальной атрибуции если не всех, то во всяком случае подавляющего большинства печатей с изображением двух святых, был решен Н. П. Лихачевым, который опирался на четко определяемые печати того же типа, но более позднего времени. В XIII в. хорошо известны княжеские буллы с изображением двух святых, один из которых был тезоименит владельцу печати, а другой — его отцу. Иными словами, смысл изображения на этих буллах сводится к указанию христианских имени и отчества князя, утверждающего своей печатью акт. Некоторые печати такого типа сохранились при подлинных документах XIII в. В качестве примера можно назвать печати Ярослава Ярославича, которого в крещении звали Афанасием Феодоровичем. На печатях этого князя одна из сторон содержит изображение св. Афанасия, другая — изображение св. Феодора. На печатях сына Ярослава Ярославича великого князя Михаила, также сохранившихся при грамотах, на одной стороне помещено изображение архангела Михаила, а на другой — св. Афанасия. Тот же принцип оформления свойствен многочисленным ископаемым печатям Александра Ярославича Невского, одна из сторон которых содержит изображение св. Александра, а другая — св. Феодора¹.

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. «Груды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930.

Вполне естественно предположить, что рассматриваемая здесь группа непосредственно смыкается с группой княжеских печатей XIII в. и, следовательно, принадлежит более ранним князьям. Конкретная атрибуция этих булл, результаты которой могут быть признаны главным средством проверки правильности или неправильности изложенной принципиальной атрибуции, необычайно трудна. Эти трудности определены несколькими причинами.

Во-первых, нам известны христианские имена далеко не всех князей, княживших в Новгороде и за его пределами. В одних случаях известно только имя, а в других — только отчество. Иногда случай сохранил оба компонента христианского имени, но имеются и такие князья, которых мы знаем только по их языческим именам. Поэтому даже в том случае, когда обнаруживается соответствие изображений на печатях известным нам христианским именам и отчеству того или иного князя, мы еще не располагаем стопроцентной уверенностью в возможности безусловной атрибуции буллы. Ведь такое же сочетание имен могло принадлежать другому князю, крестильные имя и отчество которого нам не известны.

Во-вторых, некоторые сочетания изображений на буллах представлены несколькими вариантами печатей. В этих случаях перед исследователем встает трудная задача установить их принадлежность одному или нескольким лицам. Указанная задача осложнена значительной хронологической компактностью материала, хронологические рамки которого обнимают каких-нибудь сто лет.

В-третьих, сама сохранность многих печатей оставляет желать лучшего. В иных случаях определить изображение и восстановить надпись буллы удается лишь при сопоставлении нескольких тождественных экземпляров. Некоторые варианты, даже представленные не одним экземпляром, не прочитаны до конца; у них пока удается определить изображение только одной стороны. Особенно это касается печатей с изображением архангелов. Имена архангелов на буллах помещались далеко не всегда, а изображения Михаила и Гавриила не имеют особых личных атрибутов. Есть, наконец, разновидности булл, у которых пока не читаются имена изображенных на них святых обеих сторон.

При таком состоянии материала у исследователя не должно появиться увлечения решить все проблемы. Можно попытаться определить наиболее сохранные во всех отношениях печатей,

откладывая на будущее атрибуцию всех существующих разновидностей. Следует сказать, что новые находки каждый год позволяют уточнять чтения, бывшие до того предположительными, и определять изображения, для толкования которых найденные ранее дефектные экземпляры не сохранили данных. Эта работа — одна из наиболее приятных в кругу сфрагистических занятий. Подчас найденный небольшой обломок буллы с остатками единичных букв позволяет расшифровать целую, но плохо сохранившуюся печать, которая оставалась необъясненной на протяжении десятков лет.

Процесс исследования печатей с изображением двух святых можно уподобить раскладыванию небывалого пасьянса, решение которого должно удовлетворить нескольким требованиям. Взяв за основу определения список новгородских князей XII — первой трети XIII в., мы должны найти в нем соответствие большинству сфрагистических разновидностей и — безусловно — всем тем разновидностям, которые представлены заметным числом экземпляров. В этих определениях факты изобилия экземпляров или их редкости должны найти соответствие в продолжительности или кратковременности деятельности их владельцев. Наложение определяемых материалов на генеалогическую схему новгородских князей приведет к установлению многих не известных нам сейчас княжеских христианских имен. И это далеко не простая задача: вновь открываемые имена не должны вступать в противоречие с уже известными; например, у одного отца не может быть двух одноименных сыновей (если только один из сыновей не получил снова имени умершего до его рождения брата). Наконец, схема атрибуции, в основе которой лежит генеалогия, не должна вступать в противоречие с хронологией художественных и технических явлений в сфрагистике. Печати, относящиеся к одному небольшому промежутку времени, по-видимому, не могут очень сильно различаться между собой в своих стилистических, художественных и технических особенностях.

Эту работу следует предварить общим списком известных сейчас разновидностей булл с изображением двух святых, в котором мы выделяем варианты с полностью прочитанными именами и определенными сюжетами, варианты, прочитанные частично, и варианты, пока не прочитанные.

Во всех случаях в списке указано количество разновидностей каждого типа и общее число экземпляров типа.

Полностью прочитанные разновидности дают 46 различных сочетаний сюжетов:

Изображение	Вариант	Экз.
Агафоник — Иоанн Богослов	1	4
Андрей — Георгий	3	15
Андрей — Иоанн Богослов	1	3
Андрей — Михаил	1	5
Борис (Роман) — Глеб (Давид)	3	4
Борис и Глеб — Петр и Павел	1	1
Борис и Глеб — Симеон Богоприимец	1	1
Борис и Глеб — Феодор	2	8
Василий — Гавриил	1	3
Василий — Георгий	1	1
Василий — Дмитрий	1	1
Василий — Иоанн Предтеча	1	2
Василий — Лазарь	1	1
Василий — Михаил	7	10
Гавриил — Дмитрий	5	21
Гавриил — Елисавета	1	2
Гавриил — Козма и Демьян	1	2
Гавриил — Проконий	1	5
Гавриил — Феодор	1	3
Благовещение — Иоанн Предтеча	2	13
Благовещение — Феодор	5	37
Георгий — Дмитрий	2	3
Георгий — Софья	1	2
Георгий — Феодор	3	11
Глеб (Давид) — Феодор	2	8
Давид — Иоанн Милостивый	1	1
Давид — Мария	1	1
Дмитрий — Константин	2	4
Дмитрий — Михаил	4	19
Иаков — Иоанн Богослов	4	6
Иаков — Феодор	2	6
Иоаким — Феодор	1	1
Иоанн Богослов — Павел	1	1
Иоанн Предтеча — Михаил	3	39
Иоанн Предтеча — Пантелеймон	3	16
Иоанн Предтеча — Проконий	2	2
Иоанн Предтеча — Симеон	2	3
Иоанн Предтеча — Феодор	6	18
Кирилл — Михаил	1	2
Михаил — Николай	3	4
Михаил — Феодор	8	39
Павел — Петр	2	6
Пантелеймон — Стефан	1	1
Пантелеймон — Феодор	2	3
Феодор — Флор и Лавр	1	2
Феодор — Феодор	4	15

Всего в этом списке 103 разновидности булл, представленные 355 экземплярами.

10 сочетаний сюжетов прочтены лишь частично:

Изображение	Вариант	Экз.
Борис — архангел	1	1
Борис и Глеб — архангел	1	1
Даниил — неопределенный святой	1	1
Константин — архангел	1	1
Михаил — неопределенная святая	1	1
Никита — неопределенный святой	1	1
Николай — неопределенный святитель	1	1
Феодор — неопределенный святой	4	4
Феодор — архангел	4	4
Богоявление — святой воин	1	1

В этом списке 16 разновидностей, представленных 16 экземплярами.

Наконец, ряд разновидностей может быть лишь грубо определен указанием на общий иконографический тип изображения или же не определяется пока совершенно. К числу таких разновидностей относятся печати с изображениями:

Изображение	Вариант	Экз.
Архангел — святой воин	8	10
Архангел — неопределенный святой	8	8
Неопределенный святой — неопределенный святой	15	16

Всего таких неопределенных разновидностей 31, представлены они 34 экземплярами. Из этого видно, что почти все нечитаемые варианты известны в единичных экземплярах. Сведения о хронологии новгородского княжения, о времени, которое в общей сложности каждый князь занимал на новгородском столе, и о достоверно известных по показаниям разных письменных источников христианских именах и отчествах новгородских князей изложены в специальной таблице (табл. А). В другой таблице (табл. Г) показаны генеалогические связи новгородских князей (см. вклейку).

Все эти материалы в своей совокупности объединяют необходимый для последующих построений справочный аппарат.

ТАБЛИЦА А

	Имя князя	Дата княжения	Продолжительность княжения	Христианское имя	
				князя	его отца
1	Всеволод Мстиславич	17.III 1117—28.V 1136	20 лет	Гавриил	Феодор
2	Владимир Всеволодович	28.V 1136—19.VII 1136	1,5 месяца	?	Гавриил
3	Святослав Ольгович	19.VII 1136—17.IV 1138	3 года	Николай	Михаил
4	Ростислав Юрьевич	10.V 1138—1.IX 1139	1,5 года	?	Георгий
3	Святослав Ольгович	25.XII 1139—II 1141			
4	Ростислав Юрьевич	26.XI 1141—I 1142			
5	Святополк Мстиславич	19.IV 1142 — осень 1148	6,5 лет	?	Феодор
6	Ярослав Изяславич	Осень 1148—26.III 1154	5,5 лет	?	Пантелеймон
7	Ростислав Мстиславич	17.IV 1154 — конец 1154	Около 2 лет	Михаил	Феодор
8	Давид Ростиславич	XII 1154—I 1155	1 месяц	Глеб	Михаил
9	Мстислав Юрьевич	30.I 1155—III 1157	2 года	?	Георгий
7	Ростислав Мстиславич	III 1157 — весна 1158			
10	Святослав Ростиславич	Весна 1158 — осень 1160	8 лет	?	Михаил
11	Мстислав Ростиславич	21.VI 1160—VI 1161	2 года	?	?
10	Святослав Ростиславич	28.IX 1161—I. IX 1167			
12	Роман Мстиславич	14.IV 1168 — осень 1170	2,5 года	Борис	?
13	Рюрик Ростиславич	4.X 1170 — зима 1171/1172	1,5 года	Василий	Михаил
14	Юрий Андреевич	Весна 1172 — весна 1175	3 года	Георгий	Андрей
15	Святослав Мстиславич	Весна 1175	Неск. месяцев	?	?
11	Мстислав Ростиславич	1175 — осень 1176			
16	Ярослав Мстиславич	Осень 1176 — зима 1177/1178	1,5 года	?	?
11	Мстислав Ростиславич	Зима 1177/1178 — весна 1178			
17	Ярополк Ростиславич	Весна 1178	Неск. месяцев	?	?
18	Роман Ростиславич	Весна 1179 — осень 1179	0,5 года	Борис	Михаил
19	Мстислав Ростиславич	I.XI 1179—14.VI 1180	7,5 месяцев	?	Михаил
20	Владимир Святославич	17.VIII 1180 — зима 1180/1181	0,5 года	?	?
21	Святослав Всеволодович	Зима 1180/1181 — зима 1181/1182	1 год	?	Кирилл
22	Ярослав Владимирович	Зима 1181/1182—1184	13 лет	?	?
23	Мстислав Давидович	1184 — осень 1187	3 года	Феодор	Глеб
22	Ярослав Владимирович	20.XI 1187—26.XI 1196			
24	Ярополк Ярославич	III 1197—IX 1197	0,5 года	?	?
22	Ярослав Владимирович	30.XII 1197 — лето 1199			
25	Святослав Всеволодович	30.I 1200 — весна 1205	7 лет	Гавриил	Димитрий
26	Константин Всеволодович	20.III 1205—II 1208	3 года	Константин	Димитрий
25	Святослав Всеволодович	Весна 1208—1210			
27	Мстислав Мстиславич	1210 — весна 1215	7,5 лет	?	?
28	Ярослав Всеволодович	Весна 1215—11.II 1216	11 лет	Феодор	Димитрий
27	Мстислав Мстиславич	11.II 1216 — осень 1218			
29	Святослав Мстиславич	Осень 1218 — весна 1219	0,5 года	?	Борис
30	Всеволод Мстиславич	Весна 1219—1221	2,5 года	?	Борис
31	Всеволод Юрьевич	1222 — зима 1222/1223	1 год	Димитрий	Георгий
28	Ярослав Всеволодович	Весна 1223 — весна 1224			
31	Всеволод Юрьевич	Весна 1224 — зима 1224/1225			
32	Михаил Всеволодович	Весна 1225—1225	1 год	Михаил	?
28	Ярослав Всеволодович	1226 — зима 1228/1229			
32	Михаил Всеволодович	Весна 1229 — осень 1229			
33	Ростислав Михайлович	Осень 1229 — 8.XII 1230	1 год	?	Михаил
28	Ярослав Всеволодович	30.XII 1230—1236			

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ БОРИСА И ГЛЕБА

Работу по установлению конкретной атрибуции печатей с изображением двух святых удобнее всего начать рассмотрением булл, несущих на одной стороне изображение святых Бориса и Глеба или одного из этих популярных в Древней Руси святых.

Патрональному изображению святых Бориса и Глеба свойственна существенная особенность, облегчающая определение владельца буллы. Имя Борис выступало постоянным синонимом имени Роман, а имя Глеб — постоянным синонимом имени Давид. Указанное традиционное соответствие имен было вызвано тем, что канонизованные братья Борис и Глеб в крещении назывались соответственно Романом и Давидом. Это соответствие в дальнейшем было закреплено церковной службой князьям-мученикам, а в иконографии нашло, между прочим, выражение в кажущемся несоответствии имени и типа святого. Как правило, на буллах изображаются несомненные Борис и Глеб в княжеских шапках и с мученическими крестами у груди, тогда как в сопутствующих надписях они называются соответственно Романом и Давидом.

С другой стороны, имена Борис-Роман и Глеб-Давид могли при крещении присваиваться и лицам, светским именем которых было какое-то третье, не традиционное в этом сочетании имя. Так, Борисом в крещении назывался внук Ростислава Мстиславича Смоленского — Мстислав Романович². Этот пример заставляет нас затронуть еще одну проблему, связанную с патрональными изображениями Бориса и Глеба. Поскольку Мстислав Романович в крещении назывался Борисом, то естественно, что его патрональным изображением должно бы стать изображение двух Борисов, так как его отец Роман Ростиславич также был Борисом. Однако русская сфрагистика не знает сочетаний двух Борисов, или Бориса и Романа, или двух Глебов, или Глеба и Давида. По-видимому, в подобных случаях изображалась та же пара — Борис и Глеб. В этой связи заметим, что парное изображение Бориса и Глеба помещалось и в тех случаях, когда речь могла идти о патронате только одного из этих святых (к примеру, в сочетании: Борис и Глеб — Феодор). Иными словами; Борис и Глеб вместе могли быть патронами и Борисов, и Глебов, и Романов, и Давидов. Подобное явление характерно и

при обозначении патроната некоторых других распространенных имен, которым сопутствовали традиционно парные изображения святых: Петра и Павла, Козмы и Демьяна, Флора и Лавра.

Изображение святых Бориса и Глеба на печатях с обозначением двойного патроната встречено в следующих сочетаниях:

	Экс.	Вариант	№	
Борис	Глеб	4	3	218, 219, 220
Борис и Глеб — Петр и Павел		1	1	208
Борис и Глеб — Симеон Богоприимец		1	1	207
Борис и Глеб — Феодор		8	2	167, 217
Глеб — Феодор		8	2	193, 194
Борис — архангел		1	1	182
Борис и Глеб — архангел		1	1	156

Перечислив здесь все борисоглебские печати с изображением святых на обеих сторонах кружка, мы объединили в одну группу буллы, найденные в Новгороде, и буллы, сохранившиеся при смоленских грамотах XIII в., выйдя при этом за хронологические рамки домонгольского периода. Такое объединение, как будет видно дальше, оправдано и необходимо, в частности, потому, что большинство владельцев борисоглебских печатей принадлежало к ветви смоленских князей, что кажется вполне естественным, поскольку Смоленск был одним из главнейших центров культа святых Бориса и Глеба.

Так как большинство рассматриваемых печатей происходит из находок в Новгороде, обратимся прежде всего к списку новгородских князей, имя или отчество которых предусматривает безусловный патронат святых Бориса и Глеба. Это следующие — в хронологической очередности — князья.

1. Давид Ростиславич, третий сын Ростислава Мстиславича Смоленского. С Новгородом был связан дважды. В декабре 1154 г. он был оставлен своим отцом на новгородском столе, но уже в январе 1155 г. новгородцы изгнали его³. Вторично — с весны 1158 до 1161 г. — он занимал новоторжский стол⁴. Его новгородское княжение продолжалось всего лишь

² Подробный разбор этого сюжета см. в кн.: *П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст.* Киев, 1895, стр. 185—187.

³ НПЛ, стр. 29, 215—216. Ср. НПЛ, стр. 162, 470.

⁴ НПЛ, стр. 30, 217; ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 88, 307.

около месяца ⁵. Христианские имя и отчество Давид-Глеб Михайлович ⁶.

2. Роман Мстиславич, сын Мстислава Изяславича, правнук Мстислава Владимировича Великого. Княжил в Новгороде с 14 апреля 1168 г. до осени 1170 г. ⁷, т. е. на протяжении двух с половиной лет. Его христианское имя — Роман-Борис, отчество летописцу не известно.

3. Мстислав Романович, сын Романа Ростиславича, внук Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде несколько месяцев в 1178 г., однако это княжение весьма сомнительно, поскольку как новгородский князь он фигурирует только в списке новгородских князей ⁸, а не в погодном летописном рассказе. Христианские имя и отчество — Борис Романович-Борисович ⁹.

4. Роман Ростиславич, старший сын Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде около полугода — с весны до осени 1179 г. ¹⁰ Возможно, занимал новгородский стол в 1154 г. ¹¹ Христианские имя и отчество — Борис-Роман Михайлович.

5. Мстислав Давидович, старший сын Давида Ростиславича, внук Ростислава Мстиславича Смоленского. Занимал новгородский стол с 1184 г. до осени 1187 г. ¹², т. е. около трех лет. Христианское отчество — Давидович-Глебович. Что касается христианского имени, то оно летописцу не известно, однако, на наш взгляд, может быть предположительно реконструировано. Дело в том, что после смерти Мстислава Давидовича в 1187 г. ¹³ у его отца

в 1193 г. родился еще один сын, который также был назван Мстиславом ¹⁴. Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с посвящением: новорожденный княжич был назван именем его умершего старшего брата. Однако этот второй Мстислав Давидович был наречен в крещении Феодором ¹⁵. Можно думать, что и первенец Давида Ростиславича был Мстиславом-Феодором, тем более что он и погребен был в Киеве в монастыре св. Феодора ¹⁶.

6. Святослав Мстиславич, старший сын Мстислава-Бориса Романовича, правнук Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде около полугода — с осени 1218 г. до весны 1219 г. ¹⁷ Христианское имя летописцу не известно, отчество — Борисович.

7. Всеволод Мстиславич, второй сын Мстислава-Бориса Романовича, брат и преемник предыдущего на новгородском столе. Княжил в Новгороде два с половиной года — с весны 1219 до 1221 г. ¹⁸ Христианское имя летописцу не известно, отчество — Борисович.

Всего, таким образом, мы насчитали семь княживших в Новгороде князей, на буллах которых обязательно должно присутствовать изображение святых Бориса и Глеба.

Наиболее легка атрибуция печатей Давида и Романа Ростиславичей. На их буллах изображение Бориса и Глеба должно было сочетаться с изображением архангела Михаила, патрона их отца. Действительно существует два варианта булл такого типа. На одном из них изображению архангела сопутствует изображение одного только Бориса (№ 182). Эту печать мы должны отнести Роману Ростиславичу и датировать ее 1179 г. На другом типе изображение архангела сочетается с парным изображением Бориса и Глеба (№ 156). По-видимому, именно этот тип принадлежал Давиду Ростиславичу и датируется 1154—1155 гг. В правильности предложенной атрибуции убеждает и следующее обстоятельство. Роман Ростиславич поместил на своей печати изображение только св. Бориса, думается, для того, чтобы отличить свою буллу от булл своего брата, уже применявшейся в более раннее время и несущей парное изображение Бориса и Глеба. Сфрагистические материалы, таким образом, подтверждают справедливость показания новгородской летописи относительно при-

⁵ Впрочем, и это непродолжительное княжение сомнительно. Только новгородские летописи придерживаются версии, согласно которой с 17 апреля 1154 г. до конца 1154 г. новгородский стол был занят Ростиславом Мстиславичем. Последний, уходя в Киев, оставил в Новгороде своего сына Давида, тотчас же свергнутого, поскольку Ростислав не сотворил ему «яду» с новгородцами. Согласно остальным летописям, весь срок от 17 апреля 1154 г. до января 1155 г. новгородский стол был занят старшим сыном Ростислава Мстиславича Романом. Ср. ПСРЛ, т. I, вып. 2. Изд. 2, стб. 141; т. II, стр. 74, 302; т. VII. СПб., 1856, стр. 60, 62; т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 58.

⁶ О том, что Ростислава Мстиславича в крещении звали Михаилом, свидетельствует подтвердительная грамота смоленского епископа Мануила к грамоте Ростислава: «Се яз, худый и грешный и недостойный епископ Мануил, с благородным и христоробивым князем мопм Михаилом...» («Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 43), а также показание Родословной книги («Временник ОИДР», кн. 10. М., 1851, стр. 37).

⁷ НПЛ, стр. 33, 220—222. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

⁸ НПЛ, стр. 162, 471.

⁹ П. В. Голубовский. Указ. соч., стр. 185—187.

¹⁰ НПЛ, стр. 36, 225. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

¹¹ См. выше прим. 5 к настоящей главе.

¹² НПЛ, стр. 37—39, 228—229. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

¹³ ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 135, 321.

¹⁴ Там же, стр. 143, 324.

¹⁵ Там же: «Той же змы родися у Давида сын, нарекоша во крещении его Феодор, а княже Мстислав».

¹⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 135, 321.

¹⁷ НПЛ, стр. 58—59, 259—260. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

¹⁸ НПЛ, стр. 59—60, 260—262. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

надлежности новгородского стола в конце 1154 — начале 1155 гг. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что борисоглебские буллы с изображением архангела чрезвычайно редки. Ведь их владельцы занимали новгородский стол в течение весьма непродолжительного времени.

Предпринятая выше реконструкция христианского имени Мстислава Давидовича подтверждается и сфрагистическими материалами. Одной из наиболее заметных и многочисленных групп новгородских борисоглебских печатей являются буллы с изображением на одной стороне св. Феодора, а на другой св. Давида-Глеба, представленные уже восемью экземплярами в двух разновидностях (№ 193, 194). Даже если бы у нас не было косвенных указаний на то, что Мстислава Давидовича в крещении звали, вероятно, Феодором, мы вынуждены были бы отнести эту группу булл только ему, а не какому-либо другому князю. В самом деле, изображение на печати одного только Глеба (вне традиционной пары) говорит, что владелец буллы был или Глебом-Давидом или Глебовичем-Давидовичем. Однако среди перечисленных выше семи новгородских князей, на печатях которых должны встретиться борисоглебские сюжеты, только двое могли бы поместить на свою буллу изображение одного Глеба-Давида (без Бориса) — Давид Ростиславич и Мстислав Давидович. Но первый был Михайловичем, и на его печати должно быть изображение Михаила, а не Феодора. Значит, единственным возможным претендентом на буллу с изображением святых Давида-Глеба и Феодора может быть Мстислав Давидович, которого, таким образом, действительно звали Феодором. Многочисленность печатей рассмотренного типа вполне соответствует длительности новгородского княжения Мстислава Давидовича, занимавшего стол около трех лет.

Особое внимание привлекает к себе время княжения двух братьев Мстиславичей — Святослава и Всеволода. Поскольку они непосредственно сменяют один другого, а эпоха их княжения в целом отделена от времени деятельности остальных владельцев борисоглебских печатей тремя десятками лет, буллам этих двух братьев должна быть свойственна особая стилистическая близость и в то же время они должны заметно отличаться от других борисоглебских печатей, датируемых 1150—1180 гг. Такие признаки, на наш взгляд, присущи печатям, несущим на одной стороне изображение Бориса и Глеба, а на другой соответственно — Симеона Богоприимца (№ 207) и

апостолов Петра и Павла (№ 208). Эти две печати выделяются размером, своеобразным изяществом, чувством пропорции в размещении композиций. Приписывая эти буллы братьям Мстиславичам-Борисовичам, мы, таким образом, полагаем, что один из них назывался Симеоном, а другой Петром или Павлом. Однако был ли Симеоном Всеволод или Святослав, нам пока не известно.

Уточняет эту атрибуцию, подтверждая тем самым ее принципиальную правильность, расшифровка криптограммы в «Уставе князя Всеволода», предпринятая нами в другой работе¹⁹. Как удалось установить, зашифрованное в этом документе христианское имя автора «Устава», в котором обычно предполагался Всеволод-Гавриил Мстиславич, в действительности читается как «Петръ». Поскольку никаких других Всеволодов на новгородском столе в XII—XIII вв. не было, авторство устава может быть приписано только Всеволоду Мстиславичу 1219—1221 гг., которого, таким образом, в самом деле в крещении называли Петром. Следовательно, Симеоном мы должны признать его брата Святослава Мстиславича.

После всех этих определений в небольшом еще не рассмотренном материале борисоглебских печатей обращает на себя внимание значительная группа булл с изображением на одной стороне Бориса и Глеба, а на другой — св. Феодора, представленная восемью экземплярами в двух заметно отличающихся вариантах (№ 167, 217). Один из этих вариантов (№ 167) известен в семи экземплярах исключительно новгородского происхождения. Другой вариант (№ 217) дошел до нас в единственном экземпляре и найден в Киеве. Мы коснемся его в другом месте.

Обилие находок рассматриваемых печатей в Новгороде заставляет с уверенностью искать их владельца на новгородском столе. Но из числа новгородских князей, сфрагистические типы которых пока остаются нам неизвестными, не рассмотрены только два: Роман Мстиславич и Мстислав-Борис Романович. Связь последнего с Новгородом, как уже отмечено, весьма сомнительна. Кроме того, этому князю буллы с изображением св. Феодора принадлежать не могут, поскольку названный святой не был патроном ни его самого, ни его отца. Следовательно, мы должны отнести их Роману Мстиславичу, устанавливая тем самым неизвестное летописцу христианское имя его отца Мстислава Изяславича — Феодор. Обилие экземп-

¹⁹ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 96—99.

ляров и в данном случае соответствует продолжительности княжения Романа Мстиславича, занимавшего новгородский стол два с половиной года.

Печати Романа Мстиславича (1168—1170 гг.) очень близки печатям Мстислава Давидовича (1184—1187 гг.). И на тех, и на других борисоглебский сюжет сочетается с изображением св. Феодора. Неизбежным повторением сюжетов, на наш взгляд, и обусловлены различия этих двух сфрагистических разновидностей. Мстислав Давидович был вынужден оставить на своей булле изображение только Глеба-Давида, чтобы его буллы не смешивали с существовавшей до него печатью Романа Мстиславича.

Нам остается разобраться в принадлежности всех трех разновидностей булл с изображением только Бориса и Глеба и одной печати киевского происхождения с изображением святых Бориса, Глеба и Феодора.

Отметим прежде всего теснейшую взаимосвязь всех трех разновидностей булл с изображением только Бориса и Глеба. Первая разновидность такой печати зарегистрирована сохранившейся в виде аргировула при так называемом экземпляре D Смоленского договора с Ригой и Готским берегом 1229 г.²⁰ Вторая разновидность известна в двух экземплярах, один из которых (аргировул) сохранился при экземпляре K того же договора²¹, а другой (моливдовул) найден при случайных обстоятельствах где-то в пределах б. Тверской губ.²² Наконец, третья разновидность, представленная единственным экземпляром новгородского происхождения, замечательна тем, что она оттиснута теми же матрицами, что и печати второй разновидности, но до того, как эти матрицы были подправлены перегравировкой надписей²³. Опираясь на отмеченную взаимосвязь разновидностей, мы должны отыскивать владельцев этих печатей в одном месте, а именно в Смоленске, на который указывают печати, сохранившиеся при подлинных документах.

²⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 25—26; «Смоленские грамоты XIII—XIV веков». Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963, стр. 59.

²¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 26—28; «Смоленские грамоты», стр. 16—17.

²² А. В. Орешников. Материалы к русской сфрагистике. «Труды Московского пумизматического общества», т. 3. М., 1903, табл. 2, 2.

²³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. XXIX, 1. В нашем своде упоминаемые разновидности имеют следующую нумерацию: 1-я — № 220, 2-я — № 219, 3-я — № 218.

Связь печатей с документами, разумеется, в значительной степени облегчает задачу их датировки. Однако сама проблема датировки различных редакций Смоленской Правды чрезвычайно сложна. Более того, после специального исследования печатей Смоленской Правды, предпринятого Н. П. Лихачевым, в основу бытующих ныне датировок положены его сфрагистические наблюдения, которые, однако, кажутся нам противоречивыми.

При датировке экземпляра К Смоленской Правды Н. П. Лихачев вслед за П. В. Голубовским пришел к выводу, что этот документ относится ко времени Всеволода Мстиславича, княжение которого в Смоленске началось в 1239 г. Основой для такого вывода послужила фраза документа: «како то было при моемъ отци, при Мъстиславе при Романовици, и при моемъ брате, при Мъстиславе...»²⁴ Поскольку у Мстислава Романовича не было сына Мстислава, П. В. Голубовский и Н. П. Лихачев придерживаются правильного, на наш взгляд, предположения, что речь здесь идет о каком-то сыне Мстислава Романовича, княжившем в Смоленске и называвшем братом своего предшественника князя Мстислава, вкладывая в термин «брат» значение, присущее понятию «наша братия князья».

В самом деле, после Мстислава Романовича, княжившего в Смоленске в 1197—1214 гг., смоленский стол около 1228—1230 гг. занимал Мстислав Давидович, его двоюродный брат, бывший сверстником его сыновей. Признав, таким образом, что цитированное место не противоречит атрибуции документа какому-либо из сыновей Мстислава Романовича, П. В. Голубовский указывает на Всеволода Мстиславича, смоленское княжение которого, начавшееся в 1239 г., документально засвидетельствовано²⁵. Н. П. Лихачев отмечает, что отсюда этого князя в крещении звали Борисом и что сам «князь Всеволод мог носить имя Давида-Глеба»²⁶. Этих соображений оказалось достаточно для того, чтобы признать привешенную к документу печать с изображением святых Бориса и Глеба буллой Всеволода Мстиславича. Однако мы уже видели, что в действительности этого князя звали Петром. Значит, экземпляр К не может быть связан с его именем.

Следует отметить, что недавно — на иных основаниях — были высказаны сомнения в принадлежности экземпляра К Всеволоду

²⁴ «Смоленские грамоты», стр. 13.

²⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 200; т. VII, стр. 144.

²⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 26.

Мстиславичу. Последние издатели этого документа, развивая тезис о том, что экземпляр К является проектом договора 1229 г., склонны датировать его 1223—1225 гг., признавая его вышедшим из рук неизвестного князя. Предложенная дата извлечена из Хроник Генриха Латвийского, сообщающей о заключении торгового договора между немецким орденом и Смоленском в указанное время²⁷. Такая постанова вопроса, как нам кажется, не безупречна. Экземпляр К содержит уже цитированную отсылку к какому-то предшествующему договору, заключенному при «брате Мстиславе», а как раз 20-е годы XIII в. оказываются временем наиболее вероятного княжения Мстислава Давидовича. Этот князь упоминается в Смоленске с 1228 г., но начальная дата его княжения не известна, а на период с 1219 по 1228 г. падает перерыв в летописных сообщениях о судьбах смоленского стола. Если в отсылке экземпляра К имеется в виду договор 1223—1225 гг., сам экземпляр К, естественно, должен датироваться более поздним временем.

Что касается экземпляра D Смоленской правды, то он в настоящее время датируется 1270—1277 гг. на основании следующих доводов. Во-первых, в экземпляре D (и, кроме того, только в экземпляре E) имеется приписка, упоминающая татарского посла, которая дает основание утверждать, что документ в существующем виде не мог быть написан ранее 70-х годов XIII в., когда, по П. В. Голубовскому, в Смоленске впервые появляются золотоордынские чиновники²⁸. Во-вторых, все последующие редакции Смоленской правды ссылаются на прецедентное докончание князя Глеба Ростиславича (1270—1277 гг.), что фиксирует существование какого-то экземпляра этого договора, составленного и утвержденного в указанные годы. В-третьих, рассматривая привешенную к документу печать с изображением святых Бориса и Глеба, Н. П. Лихачев пришел к следующему заключению: «Среди смоленских князей после князей Мстиславов-Борисов мы не находим князя с именем Бориса, но перечень лиц, княживших в Смоленске после Мстислава Давидовича и до Федора Ростиславича, так мал, что мы не можем не остановиться на Ростиславе Мстиславиче, у которого был сын Глеб Ростиславич, княживший с 1270 по 1277 год»²⁹.

²⁷ «Смоленские грамоты», стр. 15—17.

²⁸ «Памятники русского права», вып. 2. М., 1953, стр. 85.

²⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 26.

Между тем ни один из этих аргументов не может быть принят безоговорочно. Во-первых, как это было отмечено еще А. А. Куником, приписка, сделанная в экземпляре D, сделана иной рукой, нежели самый текст документа. Поэтому совершенно прав Н. П. Лихачев, подчеркнувший, что «в датировке списка D мы отнюдь не стеснены этим приписанным позднее условием»³⁰. Во-вторых, известно, что все позднейшие экземпляры Смоленской Правды (экземпляр А с печатью князя Федора Ростиславича, экземпляр В князя Александра Глебовича, экземпляр С князя Ивана Александровича), ссылающиеся на докончание Глеба Ростиславича как на прецедентный и образцовый документ, в основу текста кладут так называемую готландскую редакцию Смоленской Правды. Между тем экземпляр D является одним из образцов рижской редакции этого акта³¹. Уже по указанной причине он не может быть отождествлен с образцовым актом позднейших докончаний. В-третьих, чтобы признать печать с изображением Бориса и Глеба буллой Глеба Ростиславича, недостаточно указать только на совпадение в имени — нужно установить также христианское отчество князя.

Родословная книга сохранила свидетельство о том, что в Смоленске в середине XIII в. существовал князь Ростислав Мстиславич (а именно так звали отца Глеба Ростиславича) с крестильным именем Борис³². Казалось бы, это свидетельство может служить только к подкреплению существующей датировки экземпляра D 1270—1277 гг. Однако вопрос далеко не так прост, как представляется на первый взгляд, поскольку в середине XIII в. в Смоленске существовало два Ростислава Мстиславича, и свидетельство Родословной книги может относиться не к отцу Глеба Ростиславича, а к его тезке. Другим Ростиславом Мстиславичем был младший сын Мстислава-Бориса Романовича, брат уже хорошо нам известных Святослава и Всеволода Мстиславичей³³.

История смоленского стола в середине XIII в. почти не известна. Тем не менее можно опре-

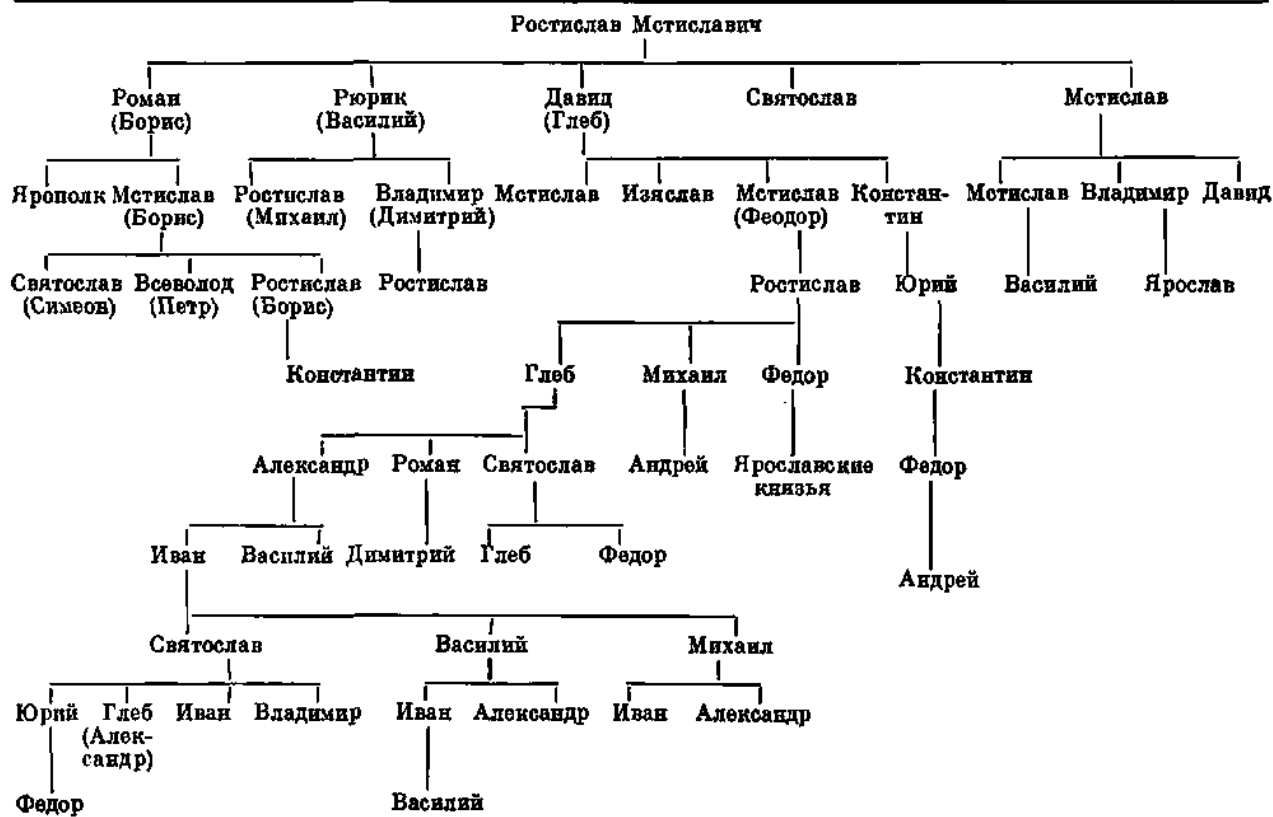
³⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 27.

³¹ «Смоленские грамоты», стр. 18.

³² «Временник ОИДР», кн. 10, стр. 37.

³³ Под 1231 г. он называется в летописи «Ростиславом Борисовым» (ПСРЛ, т. I, стр. 194), а под 1240 г. — «Ростиславом Мстиславичем, внуком Романовым Смоленского» (ПСРЛ, т. II, стр. 177; т. XXV, стр. 131). В последнем случае в действительности речь идет о сыне Мстислава Давидовича (ср. ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 339). Для нас важно, что даже ошибкой летописец свидетельствует существование другого Ростислава Мстиславича.

ТАБЛИЦА Б

деленно говорить о значительном накале династической борьбы в этом княжестве в указанное время. После смерти в 1230 г. Мстислава Давидовича начинается усобица, которая привела к захвату Смоленска Святославом Мстиславичем-Борисовичем в 1232 г. Летопись повествует об этих событиях в драматических тонах: «В то же лето взя Святослав Мстиславич, внук Романов, Смоленск на щит с полочаны, на память святых мученик Бориса и Глеба, исече смолян много, а сам сяде на столе»³⁴. В 1239 г. великий князь Ярослав Всеволодович сажает в Смоленске Всеволода Мстиславича, брата предыдущего князя. Далее летописные сообщения полностью иссякают вплоть до 1270 г., когда полностью сообщается о походе смолян под водительством Глеба Ростиславича, оставшегося на столе до смерти в 1277 г. Его наследниками были братья Михаил Ростиславич (1277—1279 гг.) и Федор Ростиславич (1280—1297 гг.), затем княжили потомки Глеба, занимавшие смоленский стол непрерывно на протяжении XIV в.

Осмысливая перечисленные факты, можно с уверенностью утверждать, что в основе смоленской усобицы середины XIII в. лежало соперничество между потомками Мстислава-Бориса Романовича и потомками Мстислава Давидовича. Первым удалось взять перевес после смерти Мстислава Давидовича, но к 1270 г. потомки Мстислава Давидовича торжествовали безраздельную победу. Родословная книга говорит даже о разделе Смоленской земли между сыновьями Ростислава Мстиславича (внуками Мстислава Давидовича; табл. Б)³⁵.

Однако в какой же момент была одержана эта победа? Был ли последним смоленским князем из старшей линии Всеволод Мстиславич? Или же власть оставалась некоторое время в руках его линии и после него? Существуют вполне определенные свидетельства того, что на смоленском княжении был и младший брат Всеволода Ростислав Мстиславич. В самом деле, Родословная книга знает о существовании в Смоленске в середине XIII в. великого князя Ростислава, у которого был сын Константин³⁶.

³⁴ НПЛ, стр. 72, 281.

³⁵ «Временник ОИДР», кн. 10, стр. 231.

³⁶ Там же, стр. 109.

Среди детей Ростислава Мстиславича из младшей линии смоленских князей Константина нет. Поэтому речь здесь может идти только о сыне Мстислава Романовича, титулование которого «великим» говорит о занятии им стола (этот принцип титулования последовательно выдержан в Родословной книге). Еще более существенны показания экземпляра К Смоленской правды. Если этот экземпляр, как показано П. В. Голубовским и Н. П. Лихачевым, принадлежит одному из сыновей Мстислава Романовича и если он, как установлено выше, не может принадлежать ни Святославу Мстиславичу, которого звали Симеоном, ни Всеволоду Мстиславичу, которого звали Петром, то он может принадлежать только Ростиславу Мстиславичу, которого звали Борисом, как это следует из показания буллы и свидетельства Родословной книги.

Относительно экземпляра К Смоленской правды ко времени княжения Ростислава Мстиславича, мы склонны и экземпляр D связывать с именем этого же князя. В самом деле, нам ничего не известно относительно христианского отчества Глеба Ростиславича, поэтому полной уверенности в принадлежности ему буллы при экземпляре D нет. С другой стороны, эта булла является разновидностью печати при экземпляре К.

Оставшийся пока не рассмотренным киевский вариант печати с изображением святых Бориса, Глеба и Феодора (№ 217) обнаруживает наибольшее сходство с изученными здесь смолен-

скими печатями XIII в. Статичные фигуры святых с грубо обобщенными деталями одежды, небрежные надписи, техническая близость — все это чрезвычайно роднит их. Опираясь на сочетание имен, решаемся отнести эту буллу смоленскому князю Мстиславу Давидовичу (около 1228—1230 гг.), которого в крещении звали Феодором.

Итоги изучения борисоглебских печатей представлены ниже.

	Новгород	Экз.
Давид Ростиславич (1154—1155)	Борис и Глеб — архангел	1
Роман Мстиславич (1168—1170)	Борис и Глеб — Феодор	7
Роман Ростиславич (1179)	Борис — архангел	1
Мстислав Давидович (1184—1187)	Феодор — Глеб	8
Святослав Мстиславич (1218—1219)	Симеон — Борис и Глеб	1
Всеволод Мстиславич (1219—1221)	Петр и Павел — Борис и Глеб	1
	Смоленск	
Мстислав Давидович (1220-е гг.)	Феодор — Борис и Глеб	1
Ростислав Мстиславич (сер. XIII)	Борис — Глеб	4

Печатей Мстислава Романовича среди известных нам булл нет, и это подтверждает уже отмеченную сомнительность его новгородского княжения.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. ГЕОРГИЯ

Патрональное изображение св. Георгия, подобно изображению Бориса и Глеба, принадлежит к числу наиболее легко расшифровываемых. Оно постоянно выступает как христианский синоним языческого имени Юрий (Юрги, Гюрги, Юрьи) — особенность, сохраняющаяся и в современном быту. Начиная с первого русского князя Юрия — Юрия Долгорукого — все князья Юрии были под патронатом св. Георгия.

Проблема определения печатей, несущих это изображение, была бы облегчена, если бы все дело сводилось лишь к тождеству имен Юрий и Георгий. Однако в ряде случаев имя Георгий могло даваться и не обязательно Юриям. В частности, Георгием в крещении назывался Ярослав Мудрый, а в XII в. — Игорь Святославич³⁷. Можно было бы, опираясь на созвучие имен Игорь и Иго-

рий (т.е. тот же Юрий), предполагать, что христианское имя Игоря Святославича лишь подтверждает отмеченное синонимическое значение патроната св. Георгия. Однако сочетание Ярослав-Георгий в случае с Ярославом Мудрым не подчиняется такому правилу. Поэтому методическую сторону проблемы определения булл с изображением св. Георгия можно формулировать следующим образом. На печатях всех князей Юриев и Юрьевичей должно быть изображение св. Георгия, однако такое изображение не обязательно означает, что владельца буллы звали Юрием или Юрьевичем. Иногда оно может соответствовать и другим именам.

Изображение св. Георгия на буллах встречено в следующих сочетаниях:

	Экз.	Вариант	№
Георгий — Андрей	— 15	3	175, 176, 177
Георгий — Василий	— 1	1	230
Георгий — Димитрий	— 3	2	211, 212
Георгий — София	— 2	3	221
Георгий — Феодор	— 11	3	157, 158, 159

³⁷ «Родился у Святослава Ольговича сын и нарекоша ему во святом крещении Георгия, а мирский Игорь». ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 300 (Густынская летопись под 1151 г.).

Среди новгородских князей XII — первой половины XIII в. были только один Юрий и три Юрьевича. Следовательно, на печатях по крайней мере четырех князей имелось изображение св. Георгия. Перечислим интересующих нас лиц в хронологическом порядке.

1. Ростислав Юрьевич, старший сын Юрия Долгорукого. Занимал новгородской стол дважды. Впервые — с 10 мая 1138 г. по 1 сентября 1139 г., вторично — с 26 ноября 1141 г. по январь 1142 г.³⁸. В общей сложности он княжил около полутора лет. Его христианское имя летописцу не известно, отчество — Георгиевич.

2. Мстислав Юрьевич, младший сын Юрия Долгорукого. Княжил в Новгороде с 30 января 1155 г. по март 1157 г.³⁹, т. е. немногим более двух лет. Его христианское имя летописцу не известно, отчество — Георгиевич.

3. Юрий Андреевич, сын Андрея Боголюбского, внук Юрия Долгорукого. Княжил в Новгороде с весны 1172 г. по весну 1175 г.⁴⁰ т. е. три года. Христианские имя и отчество — Георгий Андреевич.

4. Всеволод Юрьевич, сын Юрия Всеволодовича, внук Всеволода III Большое Гнездо. Занимал новгородский стол дважды. Впервые — в 1222 г. до зимы с 1222 на 1223 г., вторично — с весны 1224 г. до зимы с 1224 на 1225 г.⁴¹, т. е. в общей сложности около года. Христианские имя и отчество — Димитрий Георгиевич⁴².

Среди печатей новгородских князей рассматриваемого времени, таким образом, должны оказаться буллы, на которых изображение св. Георгия сочетается с изображением св. Андрея, и буллы, на которых изображение св. Георгия сочетается с изображением св. Димитрия. Первые соответствовали бы Юрию Андреевичу, вторые — Всеволоду Юрьевичу.

В самом деле, среди найденных в Новгороде булл имеются печати обеих отмеченных групп. Печати с изображением святых Георгия и Андрея известны в трех близких вариантах, представленных 15 экземплярами (№ 175, 176, 177). Печати с изображением святых Димитрия и Георгия известны в двух вариантах, представленных тремя экземплярами (№ 211, 212). Сле-

дует обратить особое внимание на принципиальное соответствие количества тех и других булл продолжительности княжений их владельцев. Юрий Андреевич княжил в Новгороде три года и оставил гораздо больше печатей, нежели Всеволод Юрьевич, княживший кратковременно.

Что касается остальных печатей с изображением св. Георгия, то среди них в первую очередь обращают на себя внимание своей относительной многочисленностью буллы с изображением святых Георгия и Феодора, известные в трех представленных 11 экземплярами вариантах (№ 157, 158, 159). Заметная распространенность этого типа заставляет относить такие печати ко времени одного из двух новгородских князей Георгиевичей, христианские имена которых нам не известны. Возможным владельцем этого сфрагистического типа может быть один из двух княживших в Новгороде сыновей Юрия Долгорукого — Ростислав или Мстислав.

Альтернативная атрибуция типа какому-то из сыновей Юрия Владимировича подтверждается особенностями «деисуса» так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. Этот «деисус» составлен из изображений Христа, святых Феодора, Георгия и Василия. Нам уже приходилось подробно исследовать описанное сочетание изображений и опровергать распространенный вывод об изначальной принадлежности шлема Ярославу Всеволодовичу⁴³. «Деисус» шлема представляет развернутое имя первоначального владельца, дедом которого был Василий, отцом — Георгий, а его самого звали Феодором, как это следует и из благопожелательной надписи на самом шлеме. Поскольку Василием в крещении назывался Владимир Мономах, а Георгием — его сын Юрий Долгорукий, имя Феодор и самый шлем должны принадлежать одному из сыновей Юрия Владимировича. Тем самым подтвержден вывод, что Феодором в крещении назывался действительно какой-то сын Юрия Долгорукого.

В 1963 г. ряд критических замечаний относительно изложенного здесь построения был высказан Б. А. Рыбаковым⁴⁴. Соглашаясь с нашим общим выводом о том, что первоначальным владельцем шлема был не Ярослав Всеволодович, а какой-то князь XII в., Б. А. Рыба-

³⁸ НПЛ, стр. 25—26, 211 (по ошибке назван здесь Ярославом), 212, Ср. НПЛ, стр. 161 470.

³⁹ НПЛ, стр. 29—30, 216—217. Ср. НПЛ, стр. 162, 470 («и седе два лета и месяц»).

⁴⁰ НПЛ, стр. 34, 222—223. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

⁴¹ НПЛ, стр. 60—64, 262—268. Ср. НПЛ, стр. 162, 471.

⁴² «Родися сын Георгию князю месяца октября в 23 день и прозваша и Всеволод, а в святом крещении нарекоша имя ему Димитрий». ПСРЛ, т. I. стр. 185; т. VII, стр. 118 (под 1213 г.).

⁴³ В. Л. Янин. О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. СА, 1958, № 3.

⁴⁴ Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963.

ков обращает внимание на технические детали шлема и признает пластину с благопожелательной надписью приклепанной позднее, т. е., иными словами, называющей имя позднейшего, а не первоначального владельца шлема. Это наблюдение, естественно, осложняет решение вопроса об имени первоначального владельца: ведь в «деисусе» по сторонам фигуры Христа помещены в одинаковых позициях изображения и Феодора, и Георгия. Значит, первым владельцем шлема мог быть не обязательно Федор Георгиевич. Им мог быть и Георгий Федорович. «Из четырех порядковых комбинаций —

Георгий, Василий, Федор;
Федор, Василий, Георгий;
Георгий, Федор, Василий;
Федор, Георгий, Василий,

пишет Б. А. Рыбаков, — исследователь произвольно выбирает четвертую, отбрасывая без рассмотрения все остальные»⁴⁵. Думается, однако, что наш критик неправ, предлагая обязательное рассмотрение всех четырех названных им комбинаций. Воинский шлем — не шляпа «здравствуйте-прощайте», его положение на голове воина не может быть произвольным, как не безразлично и место в «деисусе» разных изображений⁴⁶. Назвав только четыре комбинации, Б. А. Рыбаков сам признает справедливость этого, поскольку он не допускает мысли, что шлем мог принадлежать человеку по имени Василий. Ведь в этом случае патрональное изображение владельца шлема оказалось бы на затылке. Наиболее почетными местами в «деисусах» были места по обеим сторонам фигуры Христа. В традиционных «деисусах» эти места заняты изображениями Богоматери и Иоанна Предтечи, далее располагались архангелы, еще дальше апостолы или князья-мученики. Не существует, по-видимому, причин, по которым построение патронального «деисуса» подчинялось бы каким-то иным принципам. В данном случае по сторонам фигуры Христа

уместнее всего было бы видеть обозначение имени и отчества владельца шлема, т. е. патрональное изображение его самого и его отца, а имя и патрональное изображение деда — в наибольшем удалении от фигуры Христа.

Поэтому нет нужды разбирать две первые названные Б. А. Рыбаковым комбинации. Признавая же дедом владельца шлема — Василия и, естественно, разыскивая этого Василия в пределах конца XI — начала XII в., мы можем остановиться только на имени Владимира-Василия Мономаха, родоначальника основных ветвей русского княжеского дома XII в. Если это так, третья названная Б. А. Рыбаковым комбинация не получает подтверждения. Называясь Георгием Федоровичем, первоначальный владелец шлема должен приходиться сыном Мстиславу Владимировичу, которого действительно звали Федором. Однако у Мстислава Владимировича не было сына по имени Георгий.

Впервые излагая выводы о первоначальной принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича, мы предположили, что наиболее вероятным его владельцем мог быть младший сын Юрия Долгорукого Мстислав. Но предпочтительность такого решения обосновывалась весьма сложным и, по всей вероятности, неверным путем. Это построение исходило из некоторых сфрагистических атрибуций, которые нуждаются в пересмотре. Поэтому до привлечения к анализу других сфрагистических типов проблему конкретной принадлежности булл с изображением святых Георгия и Феодора правильнее будет оставить открытой, колеблясь в определении владельцев этих печатей (и шлема) между Ростиславом и Мстиславом Юрьевичами.

В 1964 г. Б. А. Рыбаков выступил с собственной теорией первоначальной принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича. По мнению исследователя, шлем принадлежал внуку Юрия Долгорукого Мстиславу Ростиславичу Безокому, который был побежден Всеволодом Большое Гнездо в Липицкой битве 1177 г.⁴⁷ В обоснование этой гипотезы Б. А. Рыбаков привлекает миниатюру Радзивилловской летописи с изображением битвы 1177 г., на которой в руках победителей изображен стяг монограммой, напоминающей имя Федор. Поскольку Всеволод III звали Димитрием, исследователь считает, что в миниатюре его победа над Мстиславом Ростиславичем символически изображена поднятием стяга побежденного его победителями. Однако это наблюдение не имеет никакого значения для атрибуции шлема. В самом деле, Б. А. Рыбаков,

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Русская энциклопедия X—XIV вв., стр. 45.

⁴⁶ К сожалению, Б. А. Рыбаков, по-видимому, так мало значения придает порядку расположения фигур на шлеме, что даже в разных своих работах по-разному издает схему расположения этих фигур. Ср.: Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. «История культуры древней Руси», т. 2. М.—Л., 1951, рис. 226, на стр. 449 (здесь схема правильная: по сторонам Христа расположены фигуры Феодора и Георгия) и Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. «Свод археологических источников, Е 1-44». М., 1964, табл. XXXIII, рис. 2 (здесь пластины произвольно переставлены: по сторонам Христа расположены фигуры Георгия и Василия, а фигура Феодора перемещена на затылок шлема).

⁴⁷ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 35.

опираясь на наблюдения над миниатюрой, вынужден следующим образом объяснить набор изображений на верху шипака: «Три верхних изображения на шлеме вполне объяснимы, так как это патроны семейства: Федор — патрон самого владельца, Георгий — деда (Юрия Долгорукого), Василий — прадеда, родоначальника Мономашичей — Владимира Мономаха».

Где же в таком случае помещено патрональное обозначение отчества? На этот вопрос Б. А. Рыбаков отвечает так: «Минусом этой гипотезы является то, что мы не знаем крестного имени отца Мстислава-Федора, князя Ростислава Юрьевича. Если он носил имя Михаила (как Ростислав Смоленский) или Василия, то подбор патрональных святых подтверждал бы эту гипотезу».

Если отца князя звали Ростиславом-Михилом, то приведенная выше схема патрональных святых остается в силе, а вынесение архангела Михаила, патрона отца князя, на чело объясняется тем, что Михаил — «великий архистратиг», «небесных сил воевода», т. е. прежде всего патрон всех полководцев»⁴⁸.

Все это построение представляется нам неверным. И не потому, что Б. А. Рыбаков исходит из единства композиции всех изображений шлема, хотя им самим обосновывались поздний характер и инородность пластины с изображением Михаила, а потому, что отца Мстислава Ростиславича — Ростислава Юрьевича не могли в крещении звать ни Михаилом, ни Василием. У него, как это хорошо известно, родными братьями, жившими с ним в одно время, были Василько и Михалко. Поэтому он не мог не называться иначе.

Нам по-прежнему представляется наиболее аргументированным мнение о принадлежности имени Феодор и шлема Ярослава Всеволодовича одному из двух сыновей Юрия Долгорукого — Ростиславу или Мстиславу.

Уточнить это решение не помогает пока и обращение к другим буллам с изображением св. Георгия, еще нами не рассмотренным. Понятно, что, если бы нам удалось определить принадлежность одному из названных выше Юрьевичей буллы с изображением святых Георгия и Василия (№ 230), на долю другого осталась бы именно та группа печатей, которая оказалась столь трудной для определения.

Однако георгиевская печать с изображением св. Василия не имеет отношения ни к Ростиславу Юрьевичу, ни к его младшему брату Мстиславу. Она не может принадлежать какому-либо из

этих князей, поскольку у них был брат Василько Юрьевич и, следовательно, ни одного из них не звали Василием.

Следует так же решительно отбросить предположение, что Ростиславу и Мстиславу Юрьевичам могли бы соответствовать какие-либо варианты печатей с изображением святых Георгия и Андрея и святых Георгия и Димитрия. Такие печати, как уже отмечено, представлены в разновидностях, и поэтому теоретически допустима мысль, что каждый из этих типов принадлежал не одному, а разным князьям. У Мстислава и Ростислава Юрьевичей были братья по имени Андрей (Андрей Боголюбский) и Димитрий (Всеволод Большое Гнездо). Поэтому указанные имена им принадлежать не могли.

Из всех этих рассуждений возможен только один вывод. В собранных сейчас материалах буллы одного из княживших в Новгороде братьев Юрьевичей пока не представлены.

Не предвещая вывод о конкретной атрибуции буллы, несущей изображение святых Георгия и Василия, мы должны обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Этот тип по своему художественному характеру резко отличен от обычных для XII в. печатей с их статичными композициями, неизменным изображением воинов в полный рост с копьём параллельно туловищу в правой руке и со щитом в левой руке. На булле с изображением Василия Георгий извлекает меч из ножен, его щит заброшен за спину. Эта сравнительно поздняя композиция находит себе ближайшие аналогии в тех буллах, которые мы отнесли ко времени Всеволода Юрьевича: на обоих вариантах таких печатей (№ 211, 212) св. Димитрий извлекает меч из ножен. Рассматриваемая печать обнаруживает также общую стилистическую близость к тем вариантам борисоглебских печатей, которые выше определены принадлежащими князьям Святославу и Всеволоду Мстиславичам (№ 207, 208). По-видимому, владельца этой печати следует искать в хронологических рамках первой четверти XIII в.

Н. П. Лихачев, издавший печать с изображением святых Георгия и Василия, высказал предположение об ее принадлежности Юрию Долгорукому, которого в крещении звали Георгием Васильевичем⁴⁹. Однако такое определение неприемлемо из-за только что отмеченной анахроничности ее композиции периоду деятельности Юрия Долгорукого.

В этой связи уместно коснуться здесь одного вопроса, важного как в методическом, так и в

⁴⁸ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 35.

⁴⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 79—81.

общей историческом отношении. Предложенную Н. П. Лихачевым атрибуцию печати с изображением святых Георгия и Василия мы признаем неверной, однако сама постановка вопроса о принадлежности части обнаруженных в Новгороде печатей князьям, не сидевшим на новгородском столе и, в частности, некоторым князьям суздальского дома, вполне правомерна. Сочетание изображений святых Георгия и Василия соответствует имени Юрия Долгорукого, а также его сына Василья. Сочетание изображений святых Георгия и Андрея, имеющееся на печатях разных вариантов, соответствует не только имени Юрия Андреевича, но и имени его отца Андрея Юрьевича Боголюбского, никогда не княжившего в Новгороде. Сочетание изображений святых Георгия и Дмитрия, также имеющееся на разных вариантах булл, соответствует не только Всеволоду Юрьевичу, но и его тезке Всеволоду Большое Гнездо, и Юрию Всеволодовичу, никогда не княжившим в Новгороде. Нет ли среди рассмотренных булл каких-либо разновидностей не новгородских, а суздальских? Ответ на этот вопрос станет возможным после окончательного выделения всего достоверно новгородского материала. Только тогда, имея дело с избыточными для Новгорода типами, мы сможем установить, существовал ли обычай употребления княжеской буллы с изображением двух святых в домонгольское время также и в Суздале.

Что касается печати, несущей изображение святых Софии и Георгия, то ей посвящено специальное исследование Б. А. Рыбакова, который пришел к выводу, что эта печать является памятником киевской сфрагистики и отражает возникновение временной формы двоевластия в первой половине августа 1146 г. По мнению Б. А. Рыбакова, изображение св. Георгия в данном случае является патрональным обозначением имени князя Игоря Ольговича, а изображение Софии — символом киевского веча⁶⁰. Трудно согласиться с такой трактовкой буллы. Вечевым символом по крайней мере в Новгороде действительно была София, но София — Премудрость, изображаемая в виде огнеликого ангела в короне⁶¹. Здесь же мы видим обычное изображение великомученицы Софии с ее каноническим атрибутом — мученическим крестом

у груди. Такое изображение никак не могло служить вечевым символом, оно имеет личный патрональный характер, свидетельствуя, что печать принадлежала какой-то женщине, называвшейся в крещении Софией. Возможно, что ее звали Софией Георгиевной — на это как будто указывает самый тип буллы с двумя святыми. Однако, если опереться на аналогию с буллами жены Всеволода Ярославича Марии, можно допустить и другое объяснение. София могла быть женой князя Георгия.

В 1962 г. второй экземпляр такой буллы был обнаружен в Латвии при раскопках Кокнесе (древнего Куkenойса)⁶². Если принять во внимание, что известный прежде экземпляр происходит из Новгорода, то предположенная Б. А. Рыбаковым связь этой буллы с Киевом не найдет никакой опоры в топографических данных Г. В. Штыхов обратил внимание на то, что крест Евфросинии Полоцкой кроме патронального изображения св. Евфросинии содержит также изображения святых Георгия и Софии, имеющие по месту в композиции креста также патрональный характер⁶³. Думается, что это наблюдение дает ключ к конкретной атрибуции буллы. Отцом Евфросинии Полоцкой был полоцкий князь Святослав Всеславич, младший сын Всеслава Брячиславича; житие св. Евфросинии называет Святослава Георгием⁶⁴. Таким образом изображение св. Софии на том же кресте должно выражать христианское имя матери Евфросинии, жены полоцкого князя Святослава-Георгия. Ей мы предположительно и приписываем эту печать, относя ее ко второй четверти XII в.⁶⁵ Следует оговориться, что предложенное решение не исключает возможности других атрибуций, поскольку сведения об именах русских княгинь очень скудны.

⁶⁰ Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии (Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.). КСИИМК, вып. 29, 1949, стр. 106—108.

⁶¹ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. «Известия АН СССР, Серия истории и филологии», т. V, № 1, 1948.

⁶² Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения. Рига, 1965, стр. 101, рис. 44, 8; Г. В. Штыхов. Печать XII в. из Полоцка, СА, 1965, № 3, стр. 244.

⁶³ Г. В. Штыхов. Указ. соч., стр. 244; см.: Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3, рис. 1, 4.

⁶⁴ В. Е. Данилевич. Очерк истории Полоцкой земли до конца XVI столетия. Киев, 1896, стр. 240.

⁶⁵ Святослав Всеславич был в 1129 г. сослан Мстиславом Владимировичем вместе с другими Всеславичами в Царьград и, по-видимому, вскоре там умер. Однако уже под 1133 г. один из сосланных князей (Василько Святославич или Василько Рогволодович?) упоминается в связи с полоцкими событиями, а в 1140 г. из Царьграда в Полоцк возвращаются еще какие-то князья (ПСРЛ, т. II, СПб., 1843, стр. 217, 296). Около этого времени, можно думать, вернулась в Полоцк и вдова Святослава Всеславича.

Изображение св. Пантелеймона на печатях с обозначением двойного патроната встречено в следующих сочетаниях:

	Экз.	Вариант	№
Пантелеймон — Иоани ⁷ Предгеча	16	3	149, 150, 151
Пантелеймон — Стефан	1	1	242
Пантелеймон — Феодор	3	2	214, 215

Крестильное имя Пантелеймон в письменных источниках зафиксировано в связи с князем Изяславом Мстиславичем, сыном Мстислава Владимировича Великого. Ипатьевская летопись под 1151 г., повествуя о битве на Руте, сообщает, что к Изяславу, лежавшему раненым, подошли его воины и не узнали его под шлемом. «Изяслав же рече: «князь есмь». И один из них рече: «а так ны еси и надобе», и выназ мечь свои и нача и сечи по шелому; бе же на шелом над челом написан святыи мученик Пантелемон злат, и удари и мечем, и тако вшибеся шелом до лба. Изяслав же рече: «аз Изяслав есмь князь ваш» и сня с себе шелом, и позна и»⁵⁶. То же крестильное имя Изяслава Мстиславича отмечено грамотой этого князя, данной им новгородскому Пантелеймонову монастырю⁵⁷. Князь прямо не называется в жалованной грамоте Пантелеймоном, но, ориентируясь на сообщение Ипатьевской летописи, мы хорошо понимаем побудительные причины учреждения Изяславом Мстиславичем монастыря во имя св. Пантелеймона⁵⁸.

Теоретически изображение св. Пантелеймона может быть встречено как на печатях самого Изяслава Мстиславича, где оно соответствует имени князя, так и на печатях его сыновей, где оно служило бы обозначением отчества. У Изяслава Мстиславича было три сына: Мстислав, упоминаемый с 1146 г. и умерший в 1172 г., Ярослав, упоминаемый с 1146 по 1175 г., и Ярополк, упоминаемый с 1160 г. и умерший в 1170 г.

Поскольку Изяслав Мстиславич являлся сыном Мстислава-Феодора Владимировича, его христианское имя было Пантелеймон Феодо-

рович, и, следовательно, в попытках найти его буллы следует разysкивать печати, несущие на одной стороне изображение св. Пантелеймона, а на другой — св. Феодора. Христианские имена сыновей Изяслава Мстиславича летописцу не известны. Однако, разбирая выше новгородские буллы с борисоглебским сюжетом, мы смогли установить христианское имя старшего сына Изяслава — Мстислава Изяславича. Его сыну Роману Мстиславичу принадлежат буллы, на которых отчество Романа обозначено патрональным изображением св. Феодора (№ 167). Значит, Мстислава Изяславича в крещении звали Феодором, а на его буллах, если таковые существовали, повторены те же сюжеты, какие были на печатях его отца: изображение святых Феодора и Пантелеймона.

В числе рассматриваемых здесь печатей имеются две разновидности буллы, несущей изображения святых Пантелеймона и Феодора (№ 214, 215). Мы не находим средств установить, принадлежали ли обе эти разновидности самому Изяславу Мстиславичу, или его сыну Мстиславу, или же одна из них была печать отца, а другая — печать сына. Одно для нас несомненно. Малочисленность этих печатей вполне соответствует взаимоотношениям Новгорода с князьями Изяславом Мстиславичем и его сыном Мстиславом. Ни тот, ни другой никогда не сидели на новгородском столе. Изяслав Мстиславич, начиная с 1127 г., попеременно владел Курском, Полоцком, Переяславлем, Туровом, Пинском, Владимиром-Волыньским, а с 1146 г. до смерти в 1154 г. — Киевом. Его сын Мстислав княжил в Переяславле, на Волыни и с 1169 до 1171 г. — в Кieve.

Никогда не княжил в Новгороде и третий сын Изяслава Мстиславича Ярополк, христианское имя которого не известно летописцу. Этот князь своей деятельностью прочно связан с Бужском. Зато средний сын Изяслава — Ярослав сидел на новгородском столе больше, нежели любой из тех новгородских князей, чьи печати выше уже определены.

Ярослав Изяславич пришел на княжение в Новгород осенью 1148 г. и был изгнан 26 марта 1154 г.⁵⁹ Список новгородских князей приводит несколько иные данные относительно продолжительности этого княжения: «Святополк седе на столе, и седе лето; и позва и брат Изяслав в Русь, а сына своего присла Ярослава, и ть седев лето, выгнаша и новгородци и въведоша Ростислава Мстиславича; и седев лето едино, и иде в

⁵⁶ ПСРЛ, т. II. Изд. 2, стб. 438—439.

⁵⁷ ГВНП. М. — Л., 1940, стр. 141, № 82; В. И. Корсунский. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородскому Пантелеймонову монастырю. «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204—207.

⁵⁸ Подробнее см.: В. Л. Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. «Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию деятельности Н. Н. Воронина». М., 1966, стр. 313—324.

⁵⁹ НПЛ, стр. 28—29, 214—215.

Русь, оставив Давида, сына своего, и тому показаша путь по нем»⁶⁰. Однако нет сомнения в том, что это показание ошибочно. Замена Святополка Ярославом произошла осенью 1148 г.⁶¹, а годичное княжение Ростислава и последовавшее за ним кратковременное оставление на новгородском столе Давида относятся к 1154 г.⁶² Поэтому Ярослав Изяславич княжил в Новгороде не «лето», а пять с половиной лет. Как мы уже знаем, его христианское отчество было Пантелеймонович, а христианское имя летописцу не известно.

Определяя принадлежащие ему печати, мы, следовательно, должны исходить из того, что, во-первых, на них должно быть изображение св. Пантелеймона в сочетании с изображением какого-то другого святого, но не Феодора, а, во-вторых, эти печати должны отличаться многочисленностью, которая соответствовала бы редкостью для Новгорода продолжительности княжения одного лица. Атрибуция булл Ярослава Изяславича, таким образом, предпринята самой постановкой вопроса. Из имеющихся в нашем распоряжении материалов многочисленны

только те буллы с изображением св. Пантелеймона, на которых указанное изображение сочетается с изображением Иоанна Предтечи. Таких печатей сохранилось 16, и они демонстрируют существование трех пар матриц, близких между собой стилистически. Таким образом, христианское имя Ярослава Изяславича определяется с безусловной достоверностью. Его звали Иоанном, и он был крещен во имя Иоанна Предтечи, а не какого-либо другого одноименного святого.

Б. А. Рыбаков в 1950 г. отнес буллы с изображением святых Иоанна Предтечи и Пантелеймона сыну Изяслава Мстиславича Мстиславу⁶³. Неверность этой атрибуции ясна, она вытекает из тех сопоставлений, которые были предприняты выше.

Наконец уникальная булла с изображением святых Пантелеймона и Стефана (№ 242), по всей вероятности, может быть определена принадлежащей брату Ярослава — Ярополку Изяславичу. Подчеркнув предварительность этого вывода, мы вернемся к его проверке при подведении общих итогов атрибуции новгородских княжеских печатей домонгольского времени.

⁶⁰ Там же стр. 161—162, 470.

⁶¹ Там же, стр. 28, 214.

⁶² Там же, стр. 29, 215.

⁶³ Б. О. Рыбаков. Печатки чернігівських князів. «Археологія», т. III. Київ, 1959, стр. 114—117.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. НИКОЛАЯ

Изображение св. Николая Мирликийского принадлежит к числу редчайших на буллах рассматриваемого типа. Оно встречено лишь в двух сочетаниях:

Николай — Михаил 4 экз. (3 варианта; № 140, 141, 142)

Николай — неопределенный 1 экз. (№ 241)
святитель

Имя Николай как крестильное имя новгородского князя запечатлено в Уставе Святослава Ольговича о церковной десятине 1137 г. в словах: «что я урядил князь Никола Святослав с владыкою Нифонтом»⁶⁴.

Князь Святослав Ольгович, сын черниговского князя Олега Святославича, дважды занимал новгородский стол. В первый раз он был приглашен новгородцами после восстания 1136 г. и изгнания Всеволода Мстиславича. Дата его прихода в Новгород признавалась летописцем чрезвычайно важной и описана с небывалой тщательностью: «месяца июля в 19,

преже 14 каланда августа, в неделю, на сбор святых Еуфимие, в 3 часа дне, а луно небесней в 19 день»⁶⁵. 17 апреля 1138 г. он был изгнан: «выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, из Новгорода, месяца априля 17 в неделю 3 по пасце, седевша 2 лета бес трии месяць»⁶⁶. Вторично Святослав вокняжился в Новгороде 25 декабря 1139 г. и ушел из него в феврале 1141 г. Последняя дата может быть извлечена из летописного рассказа о вокняжении преемника Святослава князя Ростислава Юрьевича 26 ноября 1141 г., которому предшествует сообщение о том, что «седеша новгородци бес князя 9 месяць»⁶⁷, а также из свидетельства списка новгородских князей, в котором сообщается, что второй раз Святослав сидел в Новгороде «год до года»: год кончался в феврале⁶⁸.

К числу свидетельств, подтверждающих принадлежность Святославу Ольговичу крестильного имени Николай, как нам кажется, отно-

⁶⁵ НПЛ, стр. 24, 209.

⁶⁶ Там же, стр. 25, 210.

⁶⁷ Там же, стр. 25—26, 211—212.

⁶⁸ Там же, стр. 470.

⁶⁴ М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 20.

сится и летописное сообщение о том, что первым новгородским действием Святослава в 1136 г. было освящение Никольского собора на Дворище⁶⁹. Что касается его христианского отчества, то оно достаточно хорошо известно. Его отца Олега Святославича в крещении звали Михаилом, о чем имеются сообщения игумена Даниила и Любецкого синодика⁷⁰.

Таким образом, на печати Святослава Ольговича должно присутствовать сочетание изображений святых Николая и Михаила. Именно этот тип отмечен в новгородских находках, где небольшому числу экземпляров соответствует наличие трех вариантов такой буллы. Сравнение их между собой не оставляет места для сомнения в том, что все три варианта принадлежат одному лицу. Их роднит наличие во всех случаях поясного изображения св. Николая Мирликийского, а также грубоватое, с бросающимися в глаза архаизирующими чертами изображение архангела. Распределение колонки с именем Николая по обеим сторонам изображения этого святого, а также своеобразное расположение имени Михаила вокруг изображения архангела прямо указывают на восхождение всех вариантов к одному образцу или друг к другу.

Теоретически правомерен вопрос, не могут ли эти печати принадлежать не Святославу, а его отцу Олегу Святославичу, которого в крещении звали Михаилом Николаевичем, т. е. сочетанием тех же имен, но в обратном порядке. На такой вопрос следует ответить отрицательно. При всей архаичности изображений они все же принадлежат к более позднему этапу, чем уже известная нам печать Олега Святославича, «архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии». Кроме того, отнеся буллы из новгородских находок Олегу, мы оставим открытым вопрос о том, какими же печатями пользовался его сын

на протяжении в общей сложности трехлетнего княжения в Новгороде.

Определение единственной печати с изображением св. Николая и неопределенного святителя (№ 241) представляется нам более трудным. Эта крохотная булла отгиснута в золоте и является единственным в русской сфрагистике X—XV вв. хрисовулом в полном смысле этого слова. Остальные печати, к которым часто в литературе применяется этот термин, в действительности серебряные и лишь позолочены. Золотая булла найдена в Новгороде при раскопках, но ее стратиграфические данные бесполезны для датировки, поскольку булла извлечена из исключительно позднего слоя конца XIII в.⁷¹ К сожалению, имя изображенного на ее обороте святителя не читается. При первых публикациях рассматриваемой буллы мы предполагали, что там изображен св. Василий Кесарийский, однако полной уверенности в этом нет.

Исключительность печати в новгородских находках (имеем в виду даже не ее материал, а само сочетание изображений), по-видимому, свидетельствует о том, что хрисовул принадлежал не новгородскому, а постороннему для Новгорода князю. В этой связи некоторую опору для самых предварительных предположений дает изображение на печати св. Николая, которое должно обязательно присутствовать на буллах всех сыновей Святослава Ольговича в качестве обозначения их христианского отчества.

Все дети Святослава были северскими князьями. Из них только Игорь известен по своему христианскому имени (Георгий). Имена Олега и Всеволода, полученные ими при крещении, летописцами не сохранены. Впрочем, самый тезис о наличии печатей у северских князей не бесспорен, и выдвинутое здесь предположение базируется на недостаточно точных аргументах.

⁶⁹ НПЛ, стр. 24, 209.

⁷⁰ См.: В. Л. Янин. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила», стр. 129.

⁷¹ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55, стр. 151, № 29; *он же*. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 9.

ПЕЧАТЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. КИРИЛЛА]

Только в одном сочетании встречено на печатях с изображением двух святых имя св. Кирилла:

Кирилл — Михаил — 2 экз (1 вариант, № 188)

Н. П. Лихачев, исследовавший эту печать, высказал предположение, что она принадлежала черниговскому князю Всеволоду Ольговичу, отца которого Олега Святославича в крещении

звали Михаилом, а его самого, как мы уже знаем, крестили с именем Кирилл⁷². Напомним, что этому князю выше мы отнесли буллы с изображением св. Кирилла и надписью: «Господи, помози рабу своему Кириллу» (№ 114, 115).

⁷² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 83—84.

Однако, несмотря на кажущуюся убедительность предложенной Н. П. Лихачевым атрибуции, мы не можем с ней согласиться. Дело в том, что Всеволод Ольгович не княжил в Новгороде. Само по себе это не может служить поводом для пересмотра существующего в литературе определения. Важно другое: в Новгороде княжил в течение целого года, с зимы 1180/81 г. до зимы 1181/82 г., сын Всеволода Ольговича Святослав⁷³.

⁷³ Новгородская первая летопись рассказывает о признании Святослава наместо его сына Владимира в конце 1180 г., о походе новгородцев под предводи-

тельством этого князя в 1181 г. на Друцк, но в рассказе конца 1181 г. утверждает: «показаша путь Володимиру Святославицю» (НПЛ, стр. 36—37, 226—227). Ср. показания списка князей: «и по Мьстиславе Володимер Святославицю; и по том отец Святослав, Олгов внук; по Святославе Ярослав Володимеричъ, свояк Всеволожь» (НПЛ, стр. 471).

На буллах этого князя, следовательно, также должно быть изображение св. Кирилла, но обозначающее уже не имя, а отчество владельца печати. Христианское имя Святослава Всеволодовича не известно, и, относя ему рассматриваемые печати, мы тем самым устанавливаем, что в крещении он назывался Михаилом.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. ДИМИТРИЯ

Репертуар печатей с изображением св. Димитрия Солунского в сочетании с изображениями других святых отличается некоторым разнообразием. Можно отметить сочетание следующих сюжетов:

	Экз.	Вариант	№
Димитрий — Василий	1	1	216
Димитрий — Гавриил	21	5	196, 197, 198, 199, 200
Димитрий — Георгий	3	2	211, 212
Димитрий — Константин	4	2	201, 202
Димитрий — Михаил	19	4	189, 190, 191, 192

Как и прежде, нас в первую очередь интересует список новгородских князей, на печатях которых безусловно должно присутствовать изображение св. Димитрия в качестве патронального обозначения имени или отчества. Таких князей нам известно трое.

1. Святослав Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, дважды был на новгородском столе. Впервые он пришел в Новгород 30 января 1200 г.⁷⁴ и оставался там князем до весны 1205 г., когда «присла великий князь Всеволод в Новгород, а рка тако: „в земли вашей рать ходить, а князь ваш, сын мой Святослав мал; и даю вам сына своего старейшаго Костянтина“»⁷⁵. Действительно, Святославу, родившемуся в 1196 г., тогда было всего лишь около девяти лет. Константин пришел в Новгород 20 марта 1205 г.; значит, перемена на столе совершилась до этой даты. Вторично Святослав был на новгородском столе с начала февраля 1208 г. (мясопустная неделя этого года) до 1210 г.⁷⁶ Его княжение продолжалось в общей

сложности семь лет. Христианское имя Святослава Гавриил⁷⁷, христианское отчество — Димитриевич⁷⁸.

2. Константин Всеволодович, сын Всеволода Большое Гнездо, брат и преемник предыдущего князя на новгородском столе в результате весенних перемен 1205 г. Придя в Новгород 20 марта 1205 г., он оставался на столе до начала 1208 г., когда снова был заменен братом Святославом. Продолжительность его княжения в Новгороде — немногим менее трех лет. Христианские имя и отчество — Константин Димитриевич.

3. Всеволод Юрьевич, сын Юрия Всеволодовича, внук Всеволода III Большое Гнездо. Занимал новгородский стол дважды. Впервые — в 1222 г. до зимы 1222/23 г., вторично — с весны 1224 г. до зимы 1224/25 г., т. е. в общей сложности около года. Христианские имя и отчество — Димитрий Георгиевич⁷⁹.

Печати этого последнего князя уже определены нами выше при разборе булл с изображением св. Георгия. Ему принадлежали два варианта печатей с изображением святых Димитрия и Георгия (№ 211, 212), художественные особенности которых, как уже отмечено, указывают на первую половину XIII в.

Н. П. Лихачев специально рассмотрел вопрос о принадлежности печатей, несущих изображения святых Гавриила и Константина в сочетании с изображением св. Димитрия. Он обратил внимание на чрезвычайную близость между собой этих булл, как бы выпедших из

⁷⁴ НПЛ, стр. 44, 238—239.

⁷⁵ Там же, стр. 49—50, 246.

⁷⁶ Там же, стр. 51, 248—249.

⁷⁷ «Родися у благовернаго и христоробиваго великаго князя Всеволода Юргевича сын и наречен бысть в святом крещении Гаврило». ПСРЛ, т. I, вып. 2. Изд. 2, стб. 412 (под 1196 г.).

⁷⁸ ПСРЛ, т. IV, стр. 8; т. VII, стр. 60.

⁷⁹ См. об этом князе прим. 41 и 42 к настоящей главе.

одной мастерской, и объяснил эту близость принадлежностью печатей двум князьям-братьям — Святославу и Константину Всеволодовичам, сменившим один другого на новгородском столе⁸⁰. Поддерживая эту атрибуцию, обратим внимание на некоторые детали, подчеркивающие исключительную хронологическую компактность рассматриваемой группы булл.

Когда имеешь дело со многими разновидностями печати одного и того же типа, неизбежно возникает вопрос, принадлежат ли все эти разновидности одному владельцу или же они отражают существование разных лиц с одинаковым набором патрональных святых. Конечно, в каждом случае проблема может быть решена внимательным сопоставлением деталей, выяснением общности или разницы в художественном стиле разновидностей и их технических особенностях. В данном случае вполне правомочен вопрос, принадлежат ли все пять разновидностей печати с изображением святых Дмитрия и Гавриила одному лицу или это буллы разных лиц. Думается, что существуют основания категорически утверждать их принадлежность одному князю.

Обращает на себя внимание, что по крайней мере на трех вариантах этой буллы повторяется одна и та же ошибка, вовсе не свойственная каким-либо другим печатям с изображением архангела Гавриила. На печатях № 196, 199, 200 Гавриил назван «архистратигом», т. е. титулом, присвоенным в первую очередь другому архангелу — Михаилу. На печати № 198 сокращение легенды слева от фигуры архангела, как нам кажется, имеет в виду все тот же архангельский титул. Однако если варианты № 196, 199 и 200 связаны между собой особенностями легенды, то варианты № 196, 197 и 198 в свою очередь оказываются тесно связанными друг с другом повторением другой ошибки: колончатые надписи по сторонам фигуры св. Дмитрия на них поменялись местами и изображены в зеркальном написании, что свидетельствует о копировании с неверного образца. Таким образом можно считать буллу № 198, на которой зеркально изображены не только надписи, но и вся фигура св. Дмитрия, держащего копье в левой (!), а щит в правой руке.

Так же близки друг другу оба варианта печатей с изображением царя Константина.

Эта близость настолько велика, что мы не исключаем здесь подправку матриц, а не новое их изготовление по существующему образцу.

Наконец, очень сходны изображения св. Дмитрия на печатях с Гавриилом и на печатях с Константином. Особенно похожи буллы № 200 и 201, на которых совпадает все — от деталей изображения фигуры до деталей колончатых надписей по ее сторонам.

Компактность изученной группы печатей прекрасно подтверждает вывод Н. П. Лихачева об их принадлежности князьям Всеволодовичам.

Таковую же компактную группу составляют буллы с изображением св. Дмитрия и архангела Михаила, представленные четырьмя вариантами (№ 189, 190, 191, 192). Сходство между ними сказывается прежде всего в одной особенности, которая резко отличает их от только что рассмотренных печатей с изображением святых Дмитрия и Гавриила: они все имеют сравнительно небольшой размер. Показательно также присущее всем им краткое обозначение архангельского имени в виде титла над крыльями архангела. В то же время один из вариантов этой буллы (№ 192) содержит некоторые очень важные хронологические признаки, которые в дальнейшем пригодятся нам для решения вопроса об атрибуции всей этой группы печатей. Св. Дмитрий изображен здесь не в статичной позе, а извлекающим меч из ножен, что, как уже отмечено, указывает на сравнительно позднюю дату в пределах домонгольского периода.

Поскольку у нас нет пока данных для установления конкретной атрибуции этих булл, мы должны обратить внимание на указанный хронологический признак, чтобы затем вернуться к нему при обзоре неприуроченных сфрагистических групп.

К изучаемой группе печатей принадлежит еще одна булла — найденный в Киевской области позолоченный аргировул с изображением на одной стороне св. Дмитрия, а на обороте — св. Василия (№ 216). Атрибуция этой буллы предприятия Н. П. Лихачевым, который, отметив ее большое сходство с печатью при экземпляре К Смоленской правды, предложил единственно возможное, на наш взгляд, решение: аргировул принадлежал смоленскому князю Владимиру Рюриковичу, который носил христианское имя Дмитрий Васильевич и княжил в Смоленске в 1214—1219 гг.⁸¹

⁸⁰ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 71—74.

⁸¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 56—58.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЛАГОВЕЩЕНИЯ

Среди домонгольских булл, происходящих из находок в Новгороде, выделяется группа печатей, одна из сторон которых содержит изображение Благовещения. Это изображение встречено в сочетании с двумя сюжетами:

Благовещение — Иоани Предтеча	13 экз.	2 варианта	№ 138, 139
Благовещение — Феодор	37 экз.	5 вариантов	№ 133, 134, 135, 136, 137

Сравнение между собой различных вариантов этих печатей убеждает в несомненной хронологической компактности всей группы. На печатях с изображением св. Феодора в четырех случаях из пяти (или по крайней мере в трех случаях — № 133, 134, 135) использована одна и та же композиция Благовещения, так называемая «с испуганной Марией». Мария на скамеечке за пряхей (на печати № 133 хорошо виден клубок ниток в ее руках) выслушивает Гавриила, отшатнувшись от него. Очень характерным кажется изображение св. Феодора, облаченного в массивный доспех. Это изображение близко совпадает с изображением св. Феодора на буллах Мстислава-Феодора Владимировича, несущих надпись: «Спаси, господи, раба своего Феодора» (№ 119, 120). Так же как и на последних буллах, очертания щита в руке святого воина намечены точечной линией.

Печати № 136 и 137 как бы развивают художественную линию только что описанных булл. На печати № 136 изображение Благовещения, на котором Мария уже не сидит, а стоит, дополнено колончатой надписью, акцентирующей внимание на фигуре архангела: между фигурами композиции написано: «Гавриил». Фигура св. Феодора здесь более пропорциональна. На печати № 137 — редкая композиция «Благовещение у кладезя», дополненная поверху надписью: «Радоуися». Фигура св. Феодора очень близка к изображенной на печати № 136.

В целом композиции печатей с изображением св. Феодора родственны тем, какие мы видим на буллах с изображением Иоанна Предтечи и Благовещения. Принадлежность обоих вариантов последних одному владельцу не может вызвать даже малейшего сомнения: сторона с изображением Благовещения на печати № 139 оттиснута той же матрицей, что и на печати № 138. Отличительной особенностью этого изображения является надпись поверху: «Бл(а)-говещьние».

Близость всех печатей этой группы друг другу настолько велика, что можно уверенно говорить

о хронологическом единстве рассматриваемых булл.

Н. П. Лихачев, впервые издавший основные типы благовещенских печатей, ограничился ссылкой на восхождение этого сюжета к византийским образцам и общим выводом о принадлежности печатей к XII в. Полагая, что изображение архангела Гавриила не может заменять изображения «Благовещения», он вовсе не высказался относительно принципиальной атрибуции этих булл. Однако, поскольку им цитированы сведения о времени основания в Новгороде Благовещенского монастыря и церкви Благовещения на Городище, можно догадываться, что он склонялся к мысли о церковной принадлежности рассматриваемых печатей⁸². В рукописном тексте «Сфрагистического альбома» эта уклончивость в определении вполне разъяснена исследователем: «В „Материалах“, II, 34—35 я разобрал тип печатей с „Благовещением“ в двух вариантах: а) с св. Феодором и б) с Иоанном Предтечей на другой стороне. Я отметил древность печатей с Иоанном, но не решился высказаться относительно связи этих памятников с Благовещенскими церквями. Печати могли быть исходящими и от княжеской власти, если предположить, что изображенные св. Иоани Предтеча или св. Феодор дают крестное имя современному князю»⁸³.

Нам представляется, что Н. П. Лихачев был неправ в одном. Вряд ли следовало так категорически отказываться от толкования благовещенского сюжета как патронального. Во-первых, как хорошо известно, иконографические типы архангелов в мелкой пластике неотличимы один от другого. Изображение архангела Михаила практически неотличимо от изображения архангела Гавриила, и, если не сохранились поясняющие надписи, которые всегда находятся на краю буллы, т. е. в наиболее уязвимом с точки зрения сохранности предмета месте, точное прочтение сюжета никогда не может быть гарантированным. Поэтому стремление отличить нужное изображение включением его в общеизвестную композицию кажется достаточно оправданным. Во-вторых, можно указать случай, когда патрональный храм, сооружение которого было связано с рождением человека по имени Гавриил, получил имя Благовещенского храма, а не церкви архангела Гавриила

⁸² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 33—36.

⁸³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Текст комм. к табл. IV. Архив. ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444.

или, скажем, Собора архангела Гавриила. Имеет в виду создание в 1103 г. церкви Благовещения на Городище князем Мстиславом Владимировичем в ознаменование рождения его сына Всеволода-Гавриила.

Подходя к изображению Благовещения на буллах как и патрональному, мы, следовательно, должны думать, что их владельца в крещении называли Феодором Гавриловичем или Гавриилом Феодоровичем. Далее, мы знаем о нем, что этот предполагаемый князь занимал новгородский стол в течение длительного времени, или же его деятельность была беспримерной по своей интенсивности, на что указывает наличие 37 булл с изображением Благовещения и св. Феодора. Наконец, бросающееся в глаза сходство изображения св. Феодора с таким же изображением на печатях Мстислава Владимировича прямо указывает на приближенный период бытования рассматриваемых булл, определяя его — берем наиболее широкие рамки — первой половиной XII в.

В пределах этого периода вполне возможно указать князя, который удовлетворяет всем условиям, выставленным нашими буллами перед исследователем, пытающимся дать им атрибуцию. Таким князем является Всеволод Мстиславич.

Всеволод Мстиславич, сын Мстислава Владимировича Великого, внук Владимира Мономаха, вокняжился в Новгороде 17 марта 1117 г., будучи оставлен там отцом, призванным Мономахом на юг. Княжение Всеволода продолжалось до 28 мая 1136 г., когда во время знаменитого восстания князь со своей семьей был взят новгородцами под стражу, а затем, 15 июля того же года, изгнан из Новгорода. Около 1125 г. в княжении Всеволода был, по-видимому, кратковременный перерыв, поскольку под указанным годом в Новгородской первой летописи имеется сообщение: «В то же лето посадиша на столе Всеволода новгородца»⁸⁴. В общей сложности Всеволод Мстиславич княжил в Новгороде больше девятнадцати лет. Летописец округляет этот срок, подсчитывая: «и седе Всеволод 20 лет»⁸⁵. Его христианские имя и отчество хорошо известны. О том, что отца Всеволода — Мстислава Владимировича в крещении звали Феодором, выше упоминалось неоднократно. Сам Всеволод был крещен с именем Гавриил — факт, который уже вскоре после смерти Всеволода сделался достоянием агиографии.

Связав печати, несущие изображение Благо-

вещения и св. Феодора с именем Всеволода-Гавриила Мстиславича-Феодоровича, мы найдем веские доказательства правильности такой атрибуции, когда попытаемся поставить эти буллы в общий сфрагистический контекст. Мы уже видели, что после Мстислава Владимировича в Новгороде присущий его сфрагистике тип с русской надписью: «Господи, помози рабу своему» — перестает быть княжеским. Он усваивается республиканской сфрагистикой. Ни одной печати с надписью: «Господи, помози рабу своему Гавриилу» — и соответствующим этой надписи изображением не известно. Значит, Всеволод Мстиславич на протяжении своего почти двадцатилетнего княжения пользовался буллой иного типа. Но какого?

Мы уже знаем, что у непосредственного преемника Всеволода на новгородском столе — Святослава Ольговича была печать рассматриваемого типа с изображением двух святых, обозначающим христианские имя и отчество владельца буллы, т. е. тип, который в дальнейшем надолго сделался характерным типом княжеской сфрагистики. По логике вещей в поисках печатей Всеволода Мстиславича нам следует искать такую буллу, на которой изображение св. Феодора сочеталось бы с изображением архангела Гавриила. Такая печать известна (№ 179). Однако она не имеет архаизирующих черт, которые уводили бы ее дату во времена Всеволода, и — главное — она известна в ничтожно малом количестве. Указанная булла представлена всего лишь одним вариантом и дошла до нас в трех экземплярах, что никак не соответствует продолжительности княжения Всеволода. Отложим пока атрибуцию этой буллы и вернемся к тезису о принадлежности князю Всеволоду Мстиславичу многочисленных печатей с изображением св. Феодора и Благовещения.

В связи с этими буллами пора вспомнить, что к их группе примыкает еще одна, также немалая по числу экземпляров группа печатей с изображением Благовещения и Иоанна Предтечи. Выше мы уже обратили внимание на близкое родство таких печатей с только что рассмотренными буллами. Если печати с изображением св. Феодора и в самом деле принадлежали Всеволоду Мстиславичу, можно догадываться, что в обстоятельствах княжения именно этого князя нужно искать объяснение и буллам с изображением Иоанна Предтечи. Поскольку на них помещено также изображение Благовещения, естественно предположить, что владельца этих булл следует искать среди сыновей Всеволода, на печатях которых обязательно должно быть или изображение Гавриила, или заменяющее его изображение Благовещения.

⁸⁴ НПЛ, стр. 21, 205.

⁸⁵ Там же, стр. 470.

Всеволод Мстиславич женился в 1123 г.⁸⁶ Вскоре у него родился первенец, поскольку уже под 1127 г. летопись сообщает о закладке Всеволодом церкви «в имя сына своего»⁸⁷. Для нас безразлично название этой церкви и, следовательно, имя маленького княжича: «Заложил церковь камени святого Иоанна Всеволод в Новгороде на Петрятине дворе, в имя сына своего». Речь здесь идет о знаменитой церкви Ивана на Опоках, и, зная полное название этой церкви, мы получаем возможность установить, во имя какого из многих одноименных святых Иоаннов был крещен сын Всеволода Мстиславича. Церковь Ивана на Опоках называется храмом во имя Рождества Иоанна Предтечи⁸⁸.

Итак, у князя Всеволода-Гавриила был сын, крещенный во имя Иоанна Предтечи. Мы видим полнейшее совпадение изображений на рассматриваемых печатях с христианскими именем и отчеством этого княжича. Однако вывод о принадлежности ему этих печатей был бы весьма поспешным потому, что уже в 1128 г., т. е. на следующий год после закладки церкви, «преставился Иоанн, сын Всеволожь, внук Мстиславль, апреля в 16»⁸⁹.

Можно догадываться, что по крайней мере до 1128 г. у Всеволода Мстиславича не было других сыновей. Летопись и в рассказе о закладке церкви Иоанна на Петратином дворе, и в рассказе о смерти Ивана Всеволодовича называет

его просто «сын», а не «сын старейший». Однако затем у новгородского князя родился еще один сын, о котором летопись говорит под 1136 г. После того как Всеволод 28 мая был взят под стражу, он «седе 2 месяца, и пустиша из города июля в 15, а Володимира, сына его прияша»⁹⁰. Если этот сын Всеволода родился уже после смерти своего брата, вполне вероятно, что он мог унаследовать христианское (а возможно, и княжое) имя последнего. Существует одно противоречивое указание летописного рассказа 1136 г. Если формально воспринимать изложенные в нем факты, нужно считать, что Владимир Всеволодович получил новгородский стол 15 июля, однако уже 19 июля, т. е. спустя четыре дня, в Новгороде утверждается новый приглашенный князь Святослав Ольгович. Очень трудно поверить, что приятие Владимира новгородцами состоялось уже тогда, когда Святослав Ольгович во исполнение вечаго решения находился на пути к Новгороду. Думается, что Владимир в действительности был провозглашен «местоблюстителем» стола сразу же после ареста Всеволода, т. е. в конце мая или начале июня 1136 г.

Если это так, то, приписывая ему печати с изображением Иоанна Предтечи и Благовещения, мы найдем объяснение и их многочисленности (13 экземпляров) вопреки столь кратковременному княжению Владимира. Ведь первые месяцы после восстания 1136 г. были временем крупнейших преобразований новгородской государственности. Именно в бурные дни июня и июля 1136 г. должно было быть выданным огромное число актов, скреплявшихся, естественно, от имени малолетнего князя.

⁸⁶ НПЛ, стр. 21, 205.

⁸⁷ Там же, стр. 21, 206.

⁸⁸ Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 1. М., 1860, стр. 287.

⁸⁹ НПЛ, стр. 22, 206.

⁹⁰ НПЛ, стр. 24, 209.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И АТРИБУЦИЯ НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ГРУПП ПЕЧАТЕЙ

Чтобы двинуться дальше в исследовании еще не рассмотренных булл, следует подвести некоторые итоги уже проделанной работы. Ниже приводятся два списка. В одном перечислены уже определенные печати с указанием числа экземпляров и продолжительности княжения их владельцев. В другом — князья, буллы которых нам еще не известны.

Мы определили принадлежность печатей следующим князьям:

Всеволод-Гавриил Мстиславич-Феодорович (1117—1136), 19 лет	37	Экз.
Владимир-Иоанн Всеволодович-Гавриилович (1136), 1 ¹ / ₂ месяца	13	

Святослав-Николай Ольгович-Михайлович (1136—1138, 1139—1141), 3 года	4
Ирослав-Иоанн Изяславич-Пангелеймонович (1148—1154), 5 ¹ / ₂ лет	16
Давид-Глеб Ростиславич-Михайлович (1154—1155), 1 месяц	1
Роман-Борис Мстиславич-Феодорович (1168—1170), 2 ¹ / ₂ года	7
Юрий-Георгий Андреевич (1172—1175), 3 года	15
Роман-Борис Ростиславич-Михайлович (1179), 1 ¹ / ₂ года	1
Святослав-Михаил Всеволодович-Кириллович (1180—1181), 1 год	2
Мстислав-Феодор Давидович-Глебович (1184—1187), 3 года	8
Святослав-Гавриил Всеволодович-Димитриевич (1200—1205, 1208—1210), 7 лет	21

Константин Всеволодович-Димитриевич (1205— 4
1208), 3 года
Святослав-Симеон Мстиславич-Борисович (1218— 1
1219), 1/2 года
Всеволод-Петр Мстиславич-Борисович (1219— 1
1221), 2 1/2 года
Всеволод-Димитрий Юрьевич-Георгиевич (1222, 3
1224), 1 год

Из приведенного перечня видно, что число экземпляров печатей каждого князя в общем соответствует продолжительности его княжения. Чем дольше князь занимает стол, тем обильнее представлены его буллы в общей массе сохранившегося до наших дней материала. Девятнадцатилетнему правлению Всеволода Мстиславича соответствует 37 булл. От княжившего пять с половиной лет Ярослава Изяславича сохранилось 16 печатей. Семилетнее правление Святослава Всеволодовича запечатлено в значительной группе булл (21 экз.). Печати недолговечных князей малочисленны. Единственное исключение составляет Владимир Всеволодович, однако обилие его печатей находит объяснение в особых обстоятельствах правления этого князя.

Уже в подмеченной особенности распределения булл заключено существенное подтверждение правильности предпринятых атрибуций. Однако само изложенное выше наблюдение способно стать методическим приемом при определении других, пока еще не рассмотренных печатей. В самом деле, мы можем теперь сравнить оставшийся еще не изученным материал со списком остальных новгородских князей и попытаться найти соответствие между наиболее значительными группами печатей и князьями, занимавшими новгородский стол на протяжении наиболее длительных периодов.

Нам пока не известны печати следующих новгородских князей:

Ростислав Юрьевич-Георгиевич (1138—1139, 1141—
1142), 1 1/2 года
Святополк Мстиславич-Феодорович (1142—1148), 6 1/2 лет
Ростислав-Михаил Мстиславич-Феодорович (1154, 1157—
1158), около 2 лет
Мстислав Юрьевич-Георгиевич (1155—1157), 2 года
Святослав Ростиславич-Михайлович (1158—1160, 1161—
1167), 8 лет
Мстислав Ростиславич (1160—1161, 1175—1176, 1178),
2 года
Рюрик-Василий Ростиславич-Михайлович (1170—1172),
1 1/2 года
Святослав Мстиславич (1175), несколько месяцев
Ярослав Мстиславич (1176—1178), 1 1/2 года
Ярополк Ростиславич (1178), около 1 года
Мстислав Ростислав-Михайлович (1179—1180), 7 1/2 меся-
цев

Владимир Святославич (1180—1181), 1/2 года
Ярослав Владимирович (1181—1184, 1187—1196, 1197—
1199), 13 лет
Ярополк Ярославич (1197), 1/2 года
Мстислав Мстиславич (1210—1215, 1216—1218), 7 1/2 лет
Ярослав-Феодор Всеволодович-Димитриевич (1215—
1216, 1223—1224, 1226—1229, 1230—1236), 11 лет
Михаил Всеволодович (1225, 1229), 1 год
Ростислав Михайлович (1229—1230), 1 год

В этом списке нам следует прежде всего обратить внимание на пятерых князей, сидевших подолгу на новгородском столе.

1. Святополк Мстиславич, сын Мстислава Владимировича Великого, внук Владимира Мономаха. Был принят на новгородский стол 19 апреля 1142 г. и выведен из Новгорода Изяславом осенью 1148 г. («той же осени») «злобы его ради»⁹¹. В списке новгородских князей, составленном в XV в., срок княжения Святополка неверно показан не шестилетним, а только годичным: «И по мале времени приде Святополк и показаша путь Ростиславу, а Святополк седе на столе, и седе лето; и позва и брат Изяслав в Русь, а сына своего присла Ярослава»⁹². В действительности ограничивающие княжение Святополка события (изгнание Ростислава Юрьевича и принятие на стол Ярослава Изяславича) отстоят одно от другого на шесть с половиной лет, т. е. как раз на летописный срок княжения Святополка Мстиславича. Христианское имя этого князя летописцу не известно, отчество — Феодорович.

2. Святослав Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича Смоленского, внук Мстислава Владимировича Великого. Был на новгородском столе дважды. В первый раз он получил Новгород весной 1158 г., оставленный Ростиславом, который ушел в Смоленск. В 1160 г. «прияша новгородци Святослава Ростиславица, и послаша его в Ладогу, и княгню впустиша в монастырь святны Варвары, а дружину его в погреб всажаша; и введоша Мстислава Ростиславица»⁹³. Это событие произошло, по-видимому, в начале лета, так как новый князь Мстислав сел на стол 21 июня. На следующий год 28 сентября Святослав снова был призван новгородцами и на этот раз княжил до 1167 г.; он был изгнан в Семенов день, т. е. 1 сентября⁹⁴. Таким образом, общая продолжительность княжения Святослава Ростиславича равна восьми годам. Его христианское имя летописцу не известно, отчество — Михайлович.

⁹¹ НПЛ, стр. 26—28, 212—214.

⁹² Там же, стр. 470.

⁹³ Там же, стр. 30—31, 217—218.

⁹⁴ Там же, стр. 31—32, 218—220.

3. Ярослав Владимирович, сын Владимира Мстиславича, внук Мстислава Владимировича Великого. На новгородском столе был трижды. Впервые он пришел в Новгород зимой 1181/82 г., но уже в 1184 г. «прислав Всеволод, выведе свояка своего из Новгорода Ярослава Володимирица: негодовахуть бо ему новгородци, зане много творяше пакости волости новгородчкои»⁹⁵. Вторично Ярослав Владимирович сел на новгородском столе 20 ноября 1187 г.⁹⁶ и на этот раз продержался на княжении до 1196 г., когда новгородцы снова выгнали его «на осенний Юрьев день», т. е. 26 ноября⁹⁷. Наконец, 30 декабря 1197 г. («за неделю до крещения») он был введен в Новгород третий раз и оставался на столе до лета 1199 г., когда был изгнан окончательно⁹⁸. В общей сложности его княжение обнимает тринадцать лет. Христианские имя и отчество Ярослава Владимировича летописцу не известны.

4. Мстислав Мстиславич Удатный, сын Мстислава Ростиславича Храброго, внук Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде дважды. Впервые с 1210 до весны 1215 г., вторично с 11 февраля 1216 г. до осени 1218 г.⁹⁹ В общей сложности Мстислав занимал новгородский стол семь с половиной лет. Его христианские имя и отчество летописцу не известны.

5. Ярослав Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, внук Юрия Владимировича Долгорукого. Княжил в Новгороде четыре раза. Впервые с весны 1215 г. до 11 февраля 1216 г., вторично с весны 1223 г. до весны 1224 г., в третий раз с весны 1226 г. до зимы 1228/29 г., в четвертый раз с 30 декабря 1230 г. до 1236 г.¹⁰⁰ Общая продолжительность занятия им новгородского стола — одиннадцать лет. Христианское имя — Феодор¹⁰¹, отчество — Дмитриевич.

До рассмотрения наиболее значительных групп новгородских княжеских печатей, остающихся пока неприуроченными, можно определенно сказать, что в группе булл с изображением двух святых совершенно отсутствуют печати Ярослава Всеволодовича, так как булл, несущих соответствующие его имени изображения святых Феодора и Дмитрия, не существует.

⁹⁵ НПЛ, стр. 37, 227—228.

⁹⁶ Там же, стр. 39, 229.

⁹⁷ Там же, стр. 43, 236.

⁹⁸ Там же, стр. 44, 238.

⁹⁹ Там же, стр. 51—58, 249—259; ср. стр. 471.

¹⁰⁰ Там же, стр. 53—54, 61, 64—67, 70—74, 252—253, 269—274, 278—285; ср. стр. 471.

¹⁰¹ «Родися у благовернаго и христолюбиваго князя Всеволода сын месяца февраля в 8 день на память пророка Захарья и нарекоша и в святем крещении Феодор». ПСРЛ, т. I. Изд. 2, стб. 408 (под 1190 г.).

Этому князю принадлежат печати иного типа — с изображением св. Феодора и Пантократора¹⁰², типа, характерного для княжеской сфрагистики XIII в. и рассматриваемого во втором томе настоящего исследования. Поэтому нам предстоит сейчас попытаться выяснить, какие именно буллы принадлежали не пяти, а только четырем обозначенным выше князьям: Святополку Мстиславичу, Святославу Ростиславичу, Ярославу Владимировичу и Мстиславу Мстиславичу.

Этим четырем наиболее долговечным князьям противостоят пять наиболее значительных групп печатей с изображением двух святых.

1. Печати с изображением святых Дмитрия и Михаила. Такие буллы известны в четырех разновидностях, представленных 19 экземплярами (№ 189, 190, 191, 192). Выше отмечена хронологическая компактность всей группы, говорящая о принадлежности этих вариантов одному князю.

2. Печати с изображением Иоанна Предтечи и архангела Михаила. Они известны в трех разновидностях, представленных 39 экземплярами. Отметим, что одна из этих разновидностей (№ 160) известна сейчас уже в количестве 32 экземпляров. Две другие разновидности (№ 161—6 экз. и № 162 — 1 экз.) обнаруживают большую с ней близость, позволяющую говорить о принадлежности всех трех вариантов одному князю.

3. Печати с изображением святых Иоанна Предтечи и Феодора. Известны в шести разновидностях, представленных 18 экземплярами. Пять разновидностей очень близки одна другой (№ 143, 144, 145, 146, 147). Несколько особняком стоит разновидность № 148 грубой работы, с небрежными надписями.

4. Печати с изображением архангела Михаила и св. Феодора. Известны в восьми разновидностях, представленных 39 экземплярами (№ 152, 153, 154, 155, 183, 184, 185, 186). Обилие разновидностей позволяет предполагать, что они подразделяются на группы, принадлежащие не одному, а разным князьям, которые обозначали свое имя и отчество одинаковым набором патрональных сюжетов. Определенную близость между собой демонстрируют варианты № 152, 153, 154 и, возможно, № 155, объединяющие в общей сложности 27 экземпляров печатей.

5. Печати с изображением двух святых Феодоров. Известны в четырех разновидностях, представленных 15 экземплярами (№ 203, 204,

¹⁰² См., например: *Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом*, табл. LIV, II; LV, 2, 4, 5, 6.

205, 206). На варианте № 203 святые обозначены точно. Конному изображению лицевой стороны соответствует надпись «Г(и)ро(н)». Воин, стоящий во весь рост, на обороте печати назван Феодором Стратилатом. Необычность сочетания сюжетов, дополненная постоянным сочетанием конного и пешего изображения одноименных воинов,— все позволяет говорить о принадлежности этих четырех разновидностей буллы одному князю.

Наиболее просто, на наш взгляд, определяются буллы Святополка Мстиславича (1142—1148 гг.). Как уже отмечено, его христианским отчеством было Феодорович, и, следовательно, на его печатах одним из патрональных изображений должна быть фигура св. Феодора. В названных выше группах печатей это изображение сочетается с тремя другими изображениями: Иоанна Предтечи, архангела Михаила и св. Феодора.

Можно с полной уверенностью утверждать, что князю Святополку Мстиславичу не принадлежали буллы с изображением архангела Михаила и св. Феодора. Михаилом в действительности звали его родного брата—Ростислава Смоленского. Значит, у Святополка было какое-то другое имя.

Столь же невероятным представляется отнесение ему печатей с изображением двух Феодоров. Феодор Тирон на этих буллах дан в конной композиции, которая вовсе не характерна для столь раннего времени, как период княжения Святополка Мстиславича. Ближайшие ему аналогии отыскиваются на буллах XIII в., где конные изображения святых воинов многочисленны в сфрагистике Александра Невского, Дмитрия и Андрея Александровичей¹⁰³. На печатях, уже рассмотренных нами, самый ранний случай конного изображения святого воина отмечен в сфрагистике Всеволода Юрьевича, т. е. в 20-х годах XIII в.

На долю Святополка Мстиславича, таким образом, остаются печати, несущие изображение святых Феодора и Иоанна Предтечи. Поскольку Святополк Мстиславич был Феодоровичем, эти буллы позволяют установить, что его христианским именем, оставшимся незапечатленным в летописях, было Иоанн и что он был крещен во имя Иоанна Предтечи.

Давая названным печатям такую атрибуцию, мы можем указать на некоторые архаические признаки в их оформлении, которые подтверждают вытекающую из определения принадлеж-

ности раннюю дату этих булл. Главным таким признаком является вполне греческое написание имени Феодора: «Феодорос», хорошо прослеживаемое на разновидностях № 144 и 145. Выше уже отмечено, что в группе печатей с изображением святых Иоанна Предтечи и Феодора несколько особняком стоит вариант № 148 грубой работы, с небрежными и не очень грамотными надписями. Этот вариант, несомненно, принадлежащий резцу иного мастера, нежели все остальные, находит очень хорошую аналогию, как нам кажется, вышедшую из рук того же не очень способного художника, а именно печать № 149 с изображением святых Иоанна Предтечи и Пантелеймона, которая, как это доказано выше, принадлежала князю Ярославу Изяславичу (1148—1154 гг.), непосредственному преемнику Святополка на новгородском столе.

Несколько более сложным оказывается определение печатей Мстислава Мстиславича. Здесь нам представляется правильным опереться прежде всего на поиски среди рассматриваемых булл таких, какие обнаруживают в своем оформлении признаки сравнительно позднего времени. Весь период княжения Мстислава Мстиславича относится к первой четверти XIII в., когда в иконографии намечаются явные поиски новых композиций вместо привычных неподвижных фигур святых, которые со своими атрибутами стоят в полный рост, лишённые даже малейшего намека на движение. Возможно указать две группы булл, в которых признаки позднего (в пределах домонгольского времени) периода очевидны. Таковы все печати с изображением двух Феодоров, на которых Феодор Тирон показан скачущим на коне, в развеваемом плаще или в развевающимся стягом в руке, и один из вариантов булл с изображением св. Димитрия и архангела Михаила (№ 192). На этом варианте св. Димитрий, хотя и изображен в статичной позе, все же извлекает меч из ножен, а не держит в руках копьё и щит, как это характерно для изображений святых воинов в XII в.

Какая же из этих двух групп печатей принадлежала Мстиславу Мстиславичу? Звали ли его в крещении Феодором Феодоровичем? Или же он находился под патронатом св. Димитрия и архангела Михаила? Проверим прежде второе предположение.

Если Мстиславу Мстиславичу принадлежали буллы с изображением св. Димитрия и архангела Михаила, то он, следовательно, должен был в крещении называться Димитрием Михайловичем или Михаилом Димитриевичем. Первый вариант сразу же отпадает. В том случае, если бы такое допущение было

¹⁰³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 53, 89—96.

справедливым, отца Мстислава Удатного — Мстислава Ростиславича Храброго нужно было бы считать Михаилом Михайловичем, а на его печатях отыскивать изображение двух архангелов. Таких печатей не существует, хотя Мстислав Храбрый был новгородским князем в 1179—1180 гг. и даже удостоился высокой почести быть погребенным в Софийском соборе. Допустив же, что Мстислава Мстиславича звали Михаилом Дмитриевичем, мы натолкнемся на другое противоречие. В случае такого решения нужно будет признать, что отца Мстислава Мстиславича звали Дмитрием Михайловичем, т. е. считать, что его буллы содержат то же сочетание сюжетов, что и предполагаемые печати его сына, — изображение св. Дмитрия и архангела Михаила. Иными словами, нам придется отнести Мстиславу Удатному вариант № 192, а его отцу Мстиславу Храброму — остальные три варианта этой буллы (№ 189, 190, 191). Как уже отмечено, эти последние настолько близки друг другу, что несомненно принадлежат одному князю. При таком распределении на долю Мстислава Храброго, княжившего в Новгороде на протяжении всего лишь нескольких месяцев, придется 10 экземпляров булл, а на долю его сына, занимавшего новгородский стол в течение восьми лет, останется лишь 9 экземпляров булл. Следовательно, рассматриваемая группа печатей настолько потеряет свою количественную исключительность, что вопрос о ее принадлежности долговечному на новгородском столе Мстиславу Мстиславичу попросту отпадет.

Напротив, отнеся Мстиславу Мстиславичу печати с изображением двух Феодоров, мы избежим подобных противоречий. Более того, предположив, что именно Мстислава Удатного звали Феодором Феодоровичем, мы обнаружим повторение отцовского имени этого князя и в наборе его языческих, княжеских имен. В случае с Мстиславом Мстиславичем мы встречаемся с редчайшим в русской княжеской ономастике исключением из общего правила не называть сына именем отца. И если уж Мстислава в светском обиходе называли отцовским именем, логично думать, что и в крещении он получил крестильное имя своего отца.

Такая атрибуция булл с изображением двух Феодоров дает нужное толкование печатям, принадлежавшим князю Святославу Ростиславичу (1158—1160, 1161—1167 гг.). Мы уже знаем, что этого неизвестного по христианскому имени князя звали по отчеству Михайловичем. Значит, на его печатях обязательно должно присутствовать изображение архангела Михаила. С другой стороны, Святослав Ростиславич был

одним из наиболее долговечных новгородских князей, он занимал в Новгороде стол на протяжении в общей сложности восьми лет. Следовательно, принадлежавшие ему печати должны быть многочисленны.

В нашем распоряжении находятся три большие группы булл, пока еще не приуроченных, на которых изображение архангела Михаила сочетается с изображениями других святых. Первую из этих групп — печати с изображением святых Михаила и Дмитрия — мы не можем связать с князем Святославом Ростиславичем, поскольку, как уже отмечено, на них очевидны признаки сравнительно позднего оформления, не вяжущиеся с характерными признаками булл середины XII в. Вторая группа печатей — буллы с изображением святых Михаила и Феодора — также не может быть отнесена этому князю. Признав его владельцем таких печатей, мы назовем его Феодором, но в действительности, как показано выше, Феодором звали с наибольшей вероятностью его брата Мстислава Ростиславича Храброго. Значит, сам Святослав носил другое имя.

Это имя называют печати третьей группы — единственной, которая может быть связана с княжением Святослава: буллы, несущие изображение архангела Михаила и Иоанна Предтечи. Как уже отмечено выше, таких печатей, принадлежащих к трем малоразличимым одна от другой разновидностям, известно уже 39, в том числе одна разновидность представлена 32 вполне идентичными экземплярами — случай, беспрецедентный в русской сфрагистике домонгольской поры.

В результате всех этих наблюдений мы решаемся отнести князю Ярославу Владимировичу, не известному по его крестильным имени и отчеству и занимавшему новгородский стол на протяжении тринадцати лет, группу булл с изображением св. Дмитрия и архангела Михаила (№ 189, 190, 191, 192). Собственно, в нашем распоряжении остаются не одна, а две неприуроченные большие группы печатей. Кроме только что названной, многочисленна также группа булл, изображающих архангела Михаила и св. Феодора. Однако мы отдаем предпочтение первой группе на том основании, что ей свойственны признаки более позднего оформления (св. Дмитрий, извлекающий из ножен меч), а княжение Ярослава Владимировича относится к самому концу XII в.

Если это наблюдение правильно, а ниже, в другой связи, мы подтвердим его, то Ярослава Владимировича в крещении называли Михаилом, а не Дмитрием. Если бы он был Дмитрием, то на долю его отца досталось бы имя

Михаил, но Михаилом звали не Владимира Мстиславича, а его родного брата Ростислава Мстиславича Смоленского.

Что касается многочисленных печатей с изображением архангела Михаила и св. Феодора, то им посвящен следующий раздел этой главы.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Печати с изображением архангела Михаила в сочетании с изображениями других святых чаще всего встречаются в новгородских находках. В настоящее время известны следующие сочетания сюжетов, включающие указанное изображение:

	Экз.	Вариант	№
Михаил — Андрей	5	1	187
Михаил — Василий	10	7	168, 169, 170, 171, 172, 173, 174,
Михаил — Дмитрий	19	4	189, 190, 191, 192
Михаил — Иоанн Предтеча	39	3	160, 161, 162
Михаил — Кирилл	2	1	188
Михаил — Николай	4	3	140, 141, 142
Михаил — Феодор	39	8	152, 153, 154, 155, 183, 184, 185, 186

Добавим к ним те печати, на которых архангельское имя не читается, но уже определено как имя Михаила в процессе атрибуции этих булл:

Михаил — Борис и Глеб	1 экз. (№ 156)
Михаил — Борис	1 экз. (№ 182),

а также еще две печати. На одной из них, найденной в Полоцке, а не в Новгороде, изображение архангела Михаила сочетается с изображением неизвестной святой (№ 222)¹⁰⁴, на другой — из новгородских находок — имя архангела, находящегося в сочетании с изображением св. Константина (№ 213), не читается. Мы только предполагаем, что на этой булле изображен Михаил, а не Гавриил.

Обилие изображений архангела Михаила на новгородских княжеских печатях XII—XIII вв. находит объяснение в большой распространенности этого имени в русской княжеской семье, в том числе и у тех князей, которые сидели на новгородском столе. Список новгородских князей Михайлов и Михайловичей включает, по крайней мере, двенадцать имен. Ниже эти князья перечислены в хронологической последовательности.

Святослав Ольгович, сын Олега Святославича Черниговского. Княжил в Новгороде дважды.

Впервые с 19 июля 1136 г. по 17 апреля 1138 г., вторично с 25 декабря 1139 г. по февраль 1141 г., в общей сложности три года. Христианское имя — Николай, отчество — Михайлович¹⁰⁵.

Ростислав Мстиславич Смоленский, сын Мстислава Владимировича Великого. Княжил в Новгороде дважды. Впервые с 17 апреля 1154 г. до конца того же года¹⁰⁶, во второй раз, — с весны 1157 г. до весны 1158 г.¹⁰⁷, т. е. в общей сложности около двух лет. Христианское имя и отчество — Михаил¹⁰⁸ Феодорович.

Давид Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде в течение месяца в декабре 1154 — январе 1155 гг. Христианские имя и отчество — Давид-Глеб Михайлович¹⁰⁹.

Святослав Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде дважды. В первый раз — с весны 1158 г. до июня 1160 г., во второй раз — с 28 сентября 1161 г. до 1 сентября 1167 г., в общей сложности восемь лет. Летописцу известно его христианское отчество — Михайлович. Выше, на основании сфрагистических данных, установлено его христианское имя: он был крещен во имя Иоанна Предтечи¹¹⁰.

Юрик Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде с 4 октября 1170 г. до зимы 1171/72 г.¹¹¹, т. е. около полутора лет. Его христианские имя и отчество — Василий Михайлович¹¹².

Роман Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде в течение полугода, с весны до осени 1179 г. Его христианские имя и отчество — Борис-Роман Михайлович¹¹³.

¹⁰⁵ См. примечания 65—70 к настоящей главе.

¹⁰⁶ НПЛ, стр. 9, 215—216.

¹⁰⁷ Там же, стр. 30, 217; ср. стр. 470.

¹⁰⁸ См. примечание 6 к настоящей главе.

¹⁰⁹ См. примечания 3—5 к настоящей главе.

¹¹⁰ См. примечания 93 и 94 к настоящей главе.

¹¹¹ НПЛ, стр. 33—34, 222.

¹¹² «Того же лета созда великий боголюбивый князь Юрик церковь святого Василия во имя свое в Киеве на Новом дворе». ПСРЛ, т. II. Изд. 2, стб. 707 (под 1197 г.); «великому князю Юрикови, по пороженню же еже от божественныя купели духом пронареченному Василью, сыну Ростиславлю». Там же, стб. 708 (под 1199 г.).

¹¹³ См. примечания 10 и 11 к настоящей главе.

¹⁰⁴ Г. В. Штилов. Печать XII в. из Полоцка. СА, 1965, № 3.

Мстислав Ростиславич Храбрый, сын Ростислава Мстиславича Смоленского. Княжил в Новгороде в течение семи с половиной месяцев, с 1 ноября 1179 г. до 14 июля 1180 г.¹¹⁴ Летописцу известно его христианское отчество — Михайлович. Христианское имя Феодор установлено выше на основании сфрагистических данных.

Владимир Святославич, сын черниговского князя Святослава Всеволодовича, внук Всеволода Ольговича. Княжил в Новгороде в течение полугода, с 17 августа 1180 г. до зимы 1180/81 г.¹¹⁵ Христианские имя и отчество этого князя летописцу не известны. Однако выше установлено на основании сфрагистических данных, что его отца в крещении звали Михаилом Кирилловичем. Следовательно, христианским отчеством Владимира Святославича было Михайлович.

Святослав Всеволодович, сын черниговского князя Всеволода Ольговича, отец предыдущего князя. Занимал новгородский стол в течение года, с зимы 1180/81 г. до зимы следующего 1181/82 г.¹¹⁶ Христианское отчество — Кириллович. Христианское имя, установленное на основании сфрагистических данных, — Михаил.

Ярослав Владимирович, сын Владимира Мстиславича, внук Мстислава Владимировича Великого. Княжил в Новгороде трижды. Впервые с зимы 1181/82 г. до 1184 г., затем с 20 ноября 1187 г. до 26 ноября 1196 г., наконец, с 30 декабря 1197 г. до лета 1199 г.¹¹⁷ В общей сложности его княжение продолжалось тринадцать лет. Христианские имя и отчество летописцу не известны, но выше они установлены на основании сфрагистических данных — Михаил Дмитриевич.

Михаил Всеволодович, сын черниговского князя Всеволода Святославича, внук Святослава Всеволодовича. Княжил в Новгороде дважды. Впервые с весны до осени 1225 г., вторично с весны до осени 1229 г.¹¹⁸ Христианское отчество летописцу не известно, христианское имя — Михаил.

Ростислав Михайлович, сын предыдущего. Княжил в Новгороде с осени 1229 г. до 8 декабря 1230 г.¹¹⁹, т. е. около года. Христианское имя летописцу не известно, христианское отчество — Михайлович.

Печати многих князей из перечисленных здесь уже определены. Поэтому итоги и задачи изучения этой группы булл удобно представить

в следующем виде:

Князь	Экз.	№
Святослав-Николай Ольгович-Михайлович (1136—1138, 1139—1141)	4	140, 141, 142
Ростислав-Михаил Мстиславич-Феодорович (1154, 1157—1158)		
Давид-Глеб Ростиславич-Михайлович (1154—1155)	1	156
Святослав-Иоанн Ростиславич-Михайлович (1158—1160, 1161—1167)	39	160, 161, 162
Рюрик-Василий Ростиславич-Михайлович (1170—1171)		
Роман-Борис Ростиславич-Михайлович (1179)	1	182
Мстислав-Феодор Ростиславич-Михайлович (1179—1180)		
Владимир Святославич-Михайлович (1180)		
Святослав-Михаил Всеволодович-Кириллович (1180—1181)	2	188
Ярослав-Михаил Владимирович-Дмитриевич (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199)	19	189, 190, 191, 192
Михаил Всеволодович (1225—1229)		
Ростислав Михайлович (1229, 1230)		

Таким образом, мы не знаем пока печатей пестерых князей: Ростислава Мстиславича, Рюрика и Мстислава Ростиславичей, Владимира Святославича, Михаила Всеволодовича и Ростислава Михайловича. С другой стороны, в нашем распоряжении находятся несколько групп еще не приуроченных булл с изображением архангела Михаила:

	Экз.	Вариант
Михаил — Андрей	5	1
Михаил — Василий	10	7
Михаил (?) — Константин	1	
Михаил — Феодор	39	8

Легче всего из числа этих печатей определяются буллы Рюрика Ростиславича, носившего христианское имя Василий Михайлович. Однако и здесь атрибуция печатей сопряжена с некоторыми трудностями. Варианты булл с изображением св. Василия и архангела Михаила изобильны, и в то же время ни один из этих вариантов не представлен сколько-нибудь значительным количеством экземпляров. Последнее обстоятельство, правда, может быть объяснено недолгим княжением Рюрика Ростиславича в Новгороде.

Думается, что обилие вариантов рассматриваемой печати может быть истолковано двояко. Во-первых, нужно думать, что не все эти печати новгородские. Рюрик княжил на многих русских столах, в том числе в Смоленске и Киеве. Мы уже знаем, что в Смоленске существовал устойчивый обычай вислой буллы, и познако-

¹¹⁴ Н.П.Т., стр. 36, 225—226; ср. стр. 471.

¹¹⁵ Там же, стр. 36, 226; ср. стр. 471.

¹¹⁶ См. выше раздел «Печать с изображением св. Кирилла».

¹¹⁷ См. примечания 95—98 к настоящей главе.

¹¹⁸ Н.П.Т., стр. 64, 68, 268—269, 274—275; ср. стр. 471.

¹¹⁹ Там же, стр. 69—70, 275—278; ср. стр. 471.

мились выше с печатями некоторых смоленских князей, никогда не княживших в Новгороде. В известной степени общий вывод о том, что группу печатей Рюрика Ростиславича составляют не только новгородские буллы, подтверждается ареалом их находок. Рядом с новгородскими экземплярами в этой группе имеются экземпляры, найденные в Киеве (№ 171, I) и в Пскове (№ 170). Во-вторых, вполне возможно, что не все буллы с изображением св. Василия и архангела Михаила принадлежали Рюрику. Обращает на себя внимание, что у Рюрика Ростиславича был, например, сын Ростислав, названный в крещении Михаилом¹²⁰, который недолго сидел даже на киевском столе. Буллы этого князя неизбежно должны повторять набор тех сюжетов, что и печати его отца. Мы только условно относим всю группу рассматриваемых булл Рюрику Ростиславичу, допуская, что будущие находки позволят предпринять необходимые уточнения¹²¹.

Такая условность, между прочим, должна быть признана и для многих других предпринятых выше атрибуций. Датируя большинство печатей временем крещения их владельцев в Новгороде, мы не должны забывать, что буллы с тем же набором сюжетов использовались теми же князьями и во время их деятельности на других столах. Особенно это касается тех случаев, когда однотипные печати существуют в заметном количестве разновидностей.

Существенные трудности вызывает атрибуция булл двум князьям — Ростиславу Мстиславичу Смоленскому и его сыну Мстиславу Ростиславичу Храброму. Эти трудности вызваны тем, что на печатях того и другого князя неизбежно повторяется одно и то же сочетание изображений. Ростислава Мстиславича в крещении звали Михаилом Феодоровичем, его сына Мстислава — Феодором Михайловичем. Обилие вариантов булл с изображением св. Феодора и архангела Михаила вполне отвечает выводу о принадлежности таких печатей не одному, а двум князьям. В попытках конкретного определения этих булл имеется только одна возможность — опереться на технические и стилистические детали разных вариантов, памятуя, что время Мстислава Храброго в Новгороде отделено от времени тамошнего княжения его отца двумя десятилетиями.

Буллы с изображением архангела Михаила и св. Феодора четко разделяются на две группы, каждая из которых отличается известным внутренним тождеством технических особенностей. Одну из них составляют варианты № 152, 153, 154, 155, объединяющие 27 экземпляров. Все эти варианты имеют сравнительно большой кружок штемпеля (диаметр точечного ободка — 21—22 мм), фигура архангела на них богато декорирована, композициям свойственна пропорциональность, надписи по сторонам фигуры святого воина отличаются полнотой и размещены так, что в одной колонке полностью изображено слово О АГЮС, а в другой также полностью имя св. Феодора.

К другой группе относятся варианты № 183, 184, 185, 186 (всего 12 экз.). Здесь во всех случаях диаметр ободка не превышает 18 мм, фигуры святых кажутся малорослыми, надпись с именем св. Феодора распределена по колонкам таким образом, что начало и конец имени оказываются в разных колонках по сторонам изображения.

В целом первая группа находит ближайšie аналоги в сфрагистике князя Святослава Ростиславича (1158—1160, 1161—1167 гг.; печати № 160, 161, 162), бывшего непосредственным преемником Ростислава Мстиславича, а вторая группа — в сфрагистике князя Ярослава Владимировича (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.), княжившего почти вслед за Мстиславом Ростиславичем Храбрым. Соответственно с этими наблюдениями мы и разделяем всю группу печатей с изображением св. Феодора и архангела Михаила между Ростиславом Мстиславичем (№ 152, 153, 154, 155) и Мстиславом Ростиславичем (№ 183, 184, 185, 186).

Некоторое недоумение может вызвать сравнительное обилие вариантов печати Мстислава Храброго, который княжил в Новгороде всего лишь около восьми месяцев. Однако к сфрагистике этого князя приложимо все то, что выше говорилось о печатях Рюрика Ростиславича. В Новгороде Мстислав Ростиславич княжил лишь в конце своей жизни, а до того был смоленским и киевским князем. Можно догадываться, что в группе его печатей наряду с новгородскими есть и такие, которыми он пользовался во время княжения на других столах.

Распределение булл между остальными князьями, сфрагистике которых было свойственно изображение архангела Михаила, может быть произведено только предположительно. Владимиру Святославичу, княжившему в Новгороде в 1180 г., мы относим печати с изображением архангела Михаила и св. Андрея (№ 187), известные в четырех экземплярах. Из остав-

¹²⁰ «...родился у него (Рюрика. — В. Я.) сын и нарекоша и в святемъ крещеньи дедне имя Михайло, а княже Ростислав дедне же имя». ПСРЛ, т. II. Изд. 2, стб. 567 (под 1173 г.).

¹²¹ Рюрику Ростиславичу относил известные ему разновидности рассматриваемой буллы и Н. П. Лихачев. См: Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 75.

шихся неприуроченными булла именно они наиболее архаичны. Напомним, что деятельность двух других князей, которые могли бы выступать как претенденты на право владения этими буллами, относится к 1220-м годам, т. е. ко времени на сорок лет более позднему. Если наше предположение о принадлежности этих печатей правильно, то Владимира Святославича в крещении звали Андреем.

Михаил Всеволодович (1225, 1229 гг.) и Ростислав Михайлович (1229—1230 гг.) княжили в близкое друг другу время. На их долю остается единственная печать, на которой изображение архангела Михаила выступает в сочетании с изображением св. Константина (№ 213). Датируя эту печать в целом, мы не имеем возмож-

ности установить, кто из двух претендующих на ее владение князей располагает наибольшими шансами.

Трудно сказать что-нибудь существенное о печати с изображением архангела Михаила и неопределенной святой (№ 222). Обращение к другим буллам с женскими изображениями позволяет утверждать, что эта булла принадлежала княгине, которая могла быть дочерью или скорее женой какого-то князя с христианским именем Михаил. Находка этой печати в Полоцке должна в дальнейшем направить поиски ее владелицы в круг представителей русской княжеской семьи, связанных с западными русскими землями. Стилистически и технически печать родственна обычным княжеским буллам XII—начала XIII в.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. ИАКОВА И ПЕЧАТЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. АГАФОНИКА

Печати с изображением св. Иакова, известные в нескольких разновидностях, составляют заметную группу в новгородских находках. Отметим, что в числе таких печатей имеются несомненные шедевры мелкой пластики XII в., на них ниже будет обращено особое внимание. Изображение св. Иакова встречается на буллах в двух сочетаниях:

	Экз.	Вариант	№
Иаков — Иоанн Богослов	6	4	163, 164, 165, 166
Иаков — Феодор Тирон	6	2	180, 181

Все печати с изображением Иакова и Иоанна Богослова принадлежат одному князю, хотя и существуют основания в одном случае усомниться в этом. Дело в том, что имя Иакова на двух вариантах (№ 165 и 166) раскрыто с большой полнотой: «Яков Брат господень». Еще на одном варианте (№ 163) оно обозначено кратко: «Яков». А на четвертом варианте (№ 164) то же имя написано как «Яков Зев», т. е. Иаков Зеведеев. Титул «Брат господень» соответствует не Иакову Зеведееву, а одноименному апостолу — Иакову Алфееву. Поэтому формально мы не можем настаивать на принадлежности печати с именем Иакова Зеведеева тому же лицу, которому принадлежали остальные буллы. Однако, как нам кажется, здесь правильное допустить ошибку составителя композиции буллы. Сочетание этого сюжета во всех случаях с изображением св. Иоанна Богослова делает почти невероятным предположение о том, что в близкое время мог существовать князь с тождественным набором имен, но крещенный во имя другого Иакова. Иное дело, если бы мы встретили

изображение Иакова Зеведеева еще и в сочетании с другим сюжетом.

Самая важная особенность группы рассматриваемых печатей заключается в том, что вариант № 166 по стороне, несущей изображение св. Иакова, оказывается тождественным варианту № 180, несущему на обороте изображение не Иоанна Богослова, а Феодора Тирона. Одна из этих печатей, следовательно, изготовлена после разрушения матриц другой. В ее наборе использована одна из матриц предшествующей ей буллы. Однако сходство печатей не сводится к тождеству только одной из сторон. Обе печати принадлежат к числу шедевров русской мелкой пластики. Их разные оборотные стороны, несомненно, выполнены одним и тем же художником, которого можно считать, вероятно, самым замечательным из торевтов, пробовавших свои силы в изготовлении сфрагистических штампов. Нам уже доводилось касаться вопроса о едином авторстве этих булл. По всей вероятности, к творчеству того же художника следует отнести изготовление еще одного шедевра пластики XII в. — створок Большого сиона Новгородской Софии¹²².

Если все это так, то владельцев печатей с изображением св. Иакова и, соответственно, святых Иоанна Богослова и Феодора Тирона следует признать родными братьями, сыновьями одного отца, которого звали Иаковом. Более того, несомненным оказывается вывод, что они княжили в ближайшее друг другу время. Одного из этих князей нужно признать непосред-

¹²² В. Д. Янин. Из истории русской полвтической и художественной жизни XII в.

редственным преемником другого. Только в этом случае возможно прямое наследование одной из матриц булл. Напомним подобный случай в сфрагистике епископа Аркадия, который использовал одну из матриц печати своего непосредственного предшественника Нифонта. Отсутствие матриц в русских находках можно объяснить только одним: их не хранили, а уничтожали сразу же после утраты юрисдикции их владельцами, в результате ли смерти или политических перемен. Использовать частично матрицу было возможно поэтому только в том случае, если одна из ее створок годилась для лица, непосредственно наследующего власть ее владельца.

Изложенное наблюдение само по себе весьма ограничивает рамки поисков, предпринимаемых для атрибуции рассматриваемых булл. Ведь нам нужно в таблице новгородских князей отыскать двух лиц, о которых мы знаем несколько важных подробностей. Однако существует обстоятельство, которое позволяет еще более целенаправленно вести эти поиски.

Среди новгородских печатей с изображением двух святых имеется булла, известная уже в четырех экземплярах, на одной стороне которой помещено изображение Иоанна Богослова, а на обороте — св. Агафоника (№ 178). Эту печать возможно с полным правом относить к продукции того же мастера, которому принадлежали два описанных выше варианта булл с изображением св. Иакова, настолько они близки между собой. Наличие на этой булле изображения Иоанна Богослова позволяет всю изучаемую здесь группу расположить в виде цепочки, в которую входят печати сыновей Иакова — Иоанна и Феодора и булла сына Иоанна — Агафоника. Поскольку печати с изображением св. Агафоника относятся к тому же узкому отрезку времени, что и печати, с изображением св. Иакова, стоящая перед нами задача предельно конкретизируется. Нам надлежит отыскать среди новгородских князей трех таких, два из которых были бы родными братьями, а третий — сыном одного из этих двух и племянником другого. Эти три князя занимают новгородский стол в близкое друг другу время.

Анализируя хронологическую и генеалогическую таблицы новгородских князей, мы, оказывается, можем указать соответствующую нашим поискам ситуацию, причем эта ситуация неповторима. Имеем в виду события второй половины 1170-х годов, связанные с именами Мстислава и Ярополка Ростиславичей, внуков Юрия Долгорукого, и сына Мстислава Ростиславича — Святослава.

В 1175 г., после того как из Новгорода

был выведен князь Юрий Андреевич, на новгородский стол Мстиславом Ростиславичем, внуком Юрия Долгорукого, был посажен «сын свои» Святослав. «Том же лете,— сообщает летописец,— въиде сам в Новгород, бивъся с стрѣм своимъ Михалкомъ, и седе Новогороде»¹²³. Это было не первое новгородское княжение Мстислава, который занимал новгородский стол в течение года с 21 июня 1160 г. до июня 1161 г.¹²⁴ В начале 1176 г. Мстислав Ростиславич еще княжит в Новгороде, он женится в это время на дочери новгородского боярина Якуна Мирославича. Однако весной этого года, позванный ростовцами на княжение после смерти Михалки Юрьевича, он с дружиной идет к Ростову и оставляет на новгородском столе снова своего сына Святослава. После поражения при Липицах от Всеволода Большое Гнездо Мстислав возвращается в Новгород, но новгородцы не принимают его, прогоняя также и его сына, и приглашают на стол Ярослава Мстиславича, внука Юрия Долгорукого¹²⁵. Зимой 1176/77 г. братья Мстислав и Ярополк Ростиславичи были разгромлены Всеволодом в битве на Колокше, а затем оба якобы ослеплены, но вскоре чудесным образом прозрели на Смядыни в церкви Бориса и Глеба. Зимой оба брата приходят в Новгород, «и посадиша новгородци Мстислава на столе, а Ярополка на Новемь тѣргу», а своего князя Ярослава в Волоколамске¹²⁶. 20 апреля 1178 г. Мстислав Ростиславич умер, а на его место был избран его брат Ярополк, которого новгородцы вскоре должны были прогнать из-за противодействия Всеволода Юрьевича. Впрочем, он зимой 1180/81 г. получил в княжение Новый Торг, где оставался на протяжении целого года¹²⁷.

Опираясь на генеалогические взаимоотношения трех названных здесь новгородских князей 1175—1178 гг., мы можем совместить с ними установленную выше цепочку сфрагистических типов. Такое совмещение возможно сделать только одним способом, признав, что Мстислава Ростиславича крестили во имя Иоанна Богослова, его брата Ярополка — во имя св. Феодора Тирона, а сына Мстислава Ростиславича Святослава — во имя св. Агафоника. Таким образом, Мстиславу Ростиславичу,

¹²³ НПЛ, стр. 34, 223.

¹²⁴ Там же, стр. 31, 218.

¹²⁵ В Синодальном списке Новгородской Первой летописи ошибочно говорится: «попаша новгородци у Всеволода сын себе Ярослав» (НПЛ, стр. 35). Ярослав Всеволодович родился только в 1190 г.

¹²⁶ НПЛ, стр. 35, 225.

¹²⁷ Там же, стр. 35—37, 223—227.

княжившему в Новгороде дважды, мы относим четыре варианта булл с изображением Иоанна Богослова и св. Иакова (№ 163, 164, 165, 166), его брату Ярополку — два варианта булл с изображением св. Феодора Тирона и Иакова (№ 180, 181), а его сыну Святославу — буллу с изображением святых Агафоники и Иоанна Богослова (№ 178). Вариант № 166 печати Мстислава Ростиславича мы, естественно, считаем самым поздним в его сфрагистике, относящимся к 1178 г., поскольку одна из матриц этого варианта была использована его непосредственным преемником Ярополком.

Мы видим, что Мстислава Ростиславича Безокого в крещении звали Иоанном. Это как будто противоречит показанию миниатюры Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ о Лицицкой битве 1177 г. и привлеченной Б. А. Рыбаковым к решению проблемы крестильного имени Мстислава Безокого¹²⁸. Напомним, что на

¹²⁸ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв., стр. 35.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. ФЕОДОРА

Подобно печатам с изображением архангела Михаила, также многочисленны в новгородских находках буллы с изображением св. Феодора. Изображение этого популярного на Руси святого война встречается на печатах в следующих сочетаниях:

	Экз.	Вариант	№
Феодор — Борис и Глеб	3	2	167, 217
Феодор — Гавриил	3	1	179
Феодор — Благовещенье	37	5	133, 134, 135, 136, 137
Феодор — Георгий	11	3	157, 158, 159
Феодор — Глеб	8	2	193, 194
Феодор — Иаков	6	2	180, 181
Феодор — Иоаким	1		234
Феодор — Иоанн Претеча	18	6	143, 144, 145, 146, 147, 148
Феодор — Михаил	39	8	152, 153, 154, 155, 183, 184, 185, 186
Феодор — Пантелеймон	3	2	214, 215
Феодор — Флор и Лавр	2	1	243
Феодор — Феодор	15	4	203, 204, 205, 206

Причины многочисленности сочетаний здесь те же, что и в случае с печатами, несущими изображение архангела Михаила: большое число среди новгородских князей таких, которые носили или христианское имя Феодор или же христианское отчество Феодорович.

этой миниатюре победители держат стяг с монограммой побежденного князя — «Феодор». Феодором, как показано выше, звали не Мстислава, а его брата Ярополка. Не была ли допущена путаница миниатюристом Радзивилловской летописи, который рассказ о Лицицкой битве мог снабдить изображением одного из эпизодов следовавшей сразу же за ней битвы при Колокше? Ведь в числе побежденных Всеволодом в этой битве князей был и Ярополк-Феодор Ростиславич.

Установление христианского отчества Мстислава и Ярополка Ростиславичей позволяет выяснить крестильное имя их отца Ростислава Юрьевича. Он носил имя Иаков и был крещен во имя Иакова Брата господня. Булл этого князя, на которых должно быть сочетание изображений святых Георгия и Иакова, пока не встретилось.

Поддаляющее большинство перечисленных печатей уже получило определение в предшествующих разделах нашего исследования. Так, в хронологическом порядке, Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Феодоровичу (1117—1136 гг.) принадлежат буллы с изображением Благовещения и св. Феодора (№ 133, 134, 135, 136, 137); Святополку-Иоанну Мстиславичу-Феодоровичу (1142—1148 гг.) — буллы с изображением святых Иоанна Предтечи и Феодора (№ 143, 144, 145, 146, 147, 148); Ростиславу-Михаилу Мстиславичу-Феодоровичу (1154, 1157—1158 гг.) — часть булл с изображением архангела Михаила и св. Феодора (№ 152, 153, 154, 155); Роману-Борису Мстиславичу-Феодоровичу (1168—1170 гг.) — одна разновидность булл с изображением святых Бориса, Глеба и Феодора (№ 167); Ярополку-Феодору Ростиславичу-Иаковлевичу (1178 г.) — буллы с изображением святых Феодора Тирона и Иакова (№ 180, 181); Мстиславу-Феодору Ростиславичу-Михайловичу (1179—1180 гг.) — другая часть булл с изображением св. Феодора и архангела Михаила (183, 184, 185, 186); Мстиславу-Феодору Давидовичу-Глебовичу (1184—1187 гг.) — буллы с изображением святых Глеба и Феодора (№ 193, 194); Мстиславу-Феодору Мстиславичу-Феодоровичу (1210—1215, 1216—1218 гг.) — буллы с изображением двух святых Феодоров (№ 203, 204, 205, 206).

Некоторые печати с изображением св. Феодора принадлежат не новгородским князьям.

Таковы буллы Изяслава-Пантелеймона Мстиславича-Феодоровича или его сына Мстислава-Феодора (№ 214, 215) с изображением святых Пантелеймона и Феодора и булла смоленского князя Мстислава-Феодора Давидовича-Глебовича (1228—1230 гг.) с изображением святых Бориса, Глеба и Феодора (№ 217).

Таким образом, перед нами стоит задача определить лишь четыре разновидности из числа перечисленных выше, а именно печати с изображением святых Феодора и Гавриила (№ 179), Феодора и Георгия (№ 157, 158, 159), Феодора и Иоакима (№ 234), Феодора, Флора и Лавра (№ 243).

Наиболее простой оказывается атрибуция булл, несущих изображение святых Феодора и Георгия. Напомним, что нам уже приходилось касаться проблемы их определения при рассмотрении булл с изображением св. Георгия. Поставив их в прямую связь с определением первоначальной принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича, мы пришли к выводу, что этот шлем был изготовлен для одного из сыновей Юрия Долгорукого; христианское имя этого сына было Феодор Георгиевич, т. е. сочетание, вполне соответствующее рассматриваемым печатям. Однако в попытках идентифицировать это имя с именем какого-либо из сыновей Юрия Долгорукого мы смогли остановиться лишь на альтернативном решении: Феодором могли называть либо старшего сына Юрия—Ростислава, либо младшего сына Юрия—Мстислава. Оба эти князя сидели на новгородском столе, первый в 1138—1139 и 1141—1142 гг., второй в 1155—1157 гг.

Однако в предыдущем разделе исследования, касаясь принадлежности группы булл с изображением св. Иакова, мы смогли установить действительное крестильное имя одного из двух претендентов на буллу, изображающую святых Феодора и Георгия. Выяснилось, что Ростислава Юрьевича в крещении звали Иаковом. Значит, рассматриваемые печати могут быть отнесены только Мстиславу Юрьевичу, новгородскому князю 1155—1157 гг., которого в крещении, таким образом, звали Феодором.

Определением этих булл решаются два важных вопроса. Во-первых, первоначальным владельцем шлема Ярослава Всеволодовича действительно был Мстислав Юрьевич, а не какой-нибудь другой князь. Во-вторых, мы убедились в том, что в наличном сфрагистическом материале среди печатей, несущих изображение двух святых, нет булл Ростислава Юрьевича. На его печатях должно бы быть изображение святых Георгия и Иакова, однако таких печатей не найдено.

Возможно высказать некоторые предположения относительно булл, несущих изображение святых Феодора, Флора и Лавра (№ 243). Основой предположительной атрибуции здесь являются художественные особенности печати и обнаружение одной из двух известных сейчас булл этой разновидности в Пскове. На рассматриваемой печати св. Феодор изображен в конной композиции, поразительно напоминающей изображение св. Феодора на буллах Мстислава Мстиславича Удатного. Между тем у Мстислава Мстиславича был брат Владимир, христианское имя которого не известно, но по отчеству, естественно, называвшийся Феодоровичем, поскольку Феодор было крестильное имя его отца — Мстислава Храброго. Владимир между 1210 и 1225 гг. неоднократно был псковским князем¹²⁹. Ему мы и относим эту буллу, оставляя ее окончательную атрибуцию на будущее, когда накопление новых материалов позволит окончательно решить вопрос о наличии или отсутствии особых печатей у князей новгородских пригородов.

В определении оставшихся неприуроченными печатей с изображением святых Феодора и Гавриила (№ 179) и Феодора и Иоакима (№ 234) нужно исходить из того, что в Новгороде княжил сын Мстислава Юрьевича — Ярослав, которого, как только что установлено, звали Феодоровичем и печати которого нам пока не известны.

Ярослав Мстиславич был приглашен на новгородский стол осенью 1176 г. и изгнан зимой 1177/78 г., когда новгородцы предоставили ему в княжение Волоколамск¹³⁰. Христианское имя его не известно, христианское отчество, на основании сфрагистических данных, — Феодорович.

Решая вопрос о том, какие из оставшихся неопределенными печати принадлежали этому князю, мы с наибольшей вероятностью должны остановиться на буллах с изображением святых Феодора и Гавриила (№ 179). В пользу их принадлежности Ярославу Мстиславичу говорит повторность их находки в Новгороде. Если булла с изображением святых Феодора и Иоакима уникальна, то названные печати известны уже в трех экземплярах, что, по видимому, прямо указывает на их новгородское происхождение.

У нас нет данных для конкретного определения буллы с изображением Феодора и Иоакима.

¹²⁹ НПЛ, стр. 52, 55, 57, 64, 249—250, 255—258, 269.
¹³⁰ Там же, стр. 35, 224—225. Ср. стр. 162, 471. Список новгородских князей (НПЛ, стр. 162, 471) называется Ярослава «Красным».

кима. Обращение к таблице новгородских князей обнаруживает, что в списке последних нет никого, кому можно было бы отнести эту печать. По всей вероятности, она принадлежала

не новгородскому князю, а человеку, занимавшему стол вне Новгорода. Это предположение подтверждается и единичностью находки рассматриваемой буллы.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АРХАНГЕЛА ГАВРИИЛА

Изображение архангела Гавриила на печатах с обозначением двойного патроната встречено в следующих сочетаниях:

	Экз.	Вариант	№
Гавриил — Василий	3	1	229
Гавриил — Дмитрий	21	5	196, 197, 198, 199, 200
Гавриил — Елисавета	2	1	226
Гавриил — Козма и Демьян	2	1	231
Гавриил — Прокопий	5	1	195
Гавриил — Феодор	3	1	179

К ним нужно добавить также буллы с изображением Благовещения, которое практически заменяет собой изображение архангела Гавриила, трудно отличимое вне композиции от изображения архангела Михаила. Напомним, что благовещенские печати специально изучены выше. Они представлены в двух сюжетных сочетаниях.

Благовещение — Иоанн Предтеча	13 экз. (2 варианта, № 138, 139)
Благовещение — Феодор	37 экз. (5 вариантов, № 133, 134, 135, 136, 137)

Большинство перечисленных здесь печатей уже получило в предшествующих разделах конкретное определение. Буллы с изображением Благовещения и св. Феодора принадлежали Всеволоду-Гавриилу Мстиславичу-Феодоровичу (1117—1136 гг.), буллы с изображением Благовещения и Иоанна Предтечи — его сыну Владимиру-Иоанну, княжившему в 1136 г. буллы с изображением архангела Гавриила и св. Феодора — князю Ярославу-Гавриилу Мстиславичу-Феодоровичу (1176—1177 гг.), буллы с изображением архангела Гавриила и св. Дмитрия — князю Святославу-Гавриилу Всеволодовичу-Димитриевичу (1200—1205, 1208—1210 гг.).

Следовательно, неприуроченными остаются только печати с изображением архангела Гавриила и св. Василия (№ 229), Гавриила и св. Елисаветы (№ 226), Гавриила и святых Козмы и Демьяна (№ 231), Гавриила и св. Прокопия (№ 195). Мы не будем здесь касаться булл с изображением св. Елисаветы. Оба экземпляра

этой печати происходят из южнорусских находок и не имеют отношения к Новгороду. В Новгороде найдены две (из трех) печати с изображением Гавриила и св. Василия, обе печати с изображением Гавриила, Козмы и Демьяна и все пять булл с изображением Гавриила и св. Прокопия; владельца этих последних приходится разыскивать в списке новгородских князей.

Между тем этот список почти полностью исчерпан. После изложенных выше сфрагматических наблюдений и сбора всех летописных сведений о христианских именах и отчествах сидевших в Новгороде князей мы знаем эти имена в подавляющем большинстве случаев. Последовательно сопоставляя с этими наблюдениями нашу печать, мы увидим, что одним князьям она не может быть отнесена потому, что они не были Гавриилами, другим — потому, что они не были Гавриловичами, третьим — потому, что они не были Прокопиями или Прокопьевичами. Лишь один князь остается нам вовсе не известным ни по христианскому имени, ни по христианскому отчеству, и, как увидим, именно этому князю принадлежит рассматриваемая здесь булла. Мы имеем в виду черниговского князя Ярополка Ярославича.

Ярополк Ярославич, сын Ярослава Всеволодовича, внук Всеволода Ольговича, был приглашен на новгородский стол в марте 1197 г., а в сентябре того же года изгнан: «Приде князь ис Чернигова Новгороду Ярополкъ Ярославичъ на вѣрбницю, настануцю лету мртвѣмь месяцьмь; и седевъшю ему от вѣрбнище до Сменова дни 6 месяць одну, и выгнаша из Новгорода, и послаша опять по Ярослава»¹³¹. Разумеется, незнание христианского имени и отчества князя не может быть аргументом в пользу принадлежности ему каких бы то ни было печатей. Однако имя Ярополка, оставшееся не известным летописцу, сохранилось тем не менее в другом источнике — в Любецком синодике: «Князя Гавриила Ярополка Ярославича и княгню его Василису»¹³².

¹³¹ НПЛ, стр. 43, 236; ср. стр. 162, 471.

¹³² Р. Вл. Зотов. Указ. соч., стр. 25, 73.

Если Ярополк Ярославич в крещении называли Гавриилом, то ему в новгородском материале соответствует лишь одна разновидность печати — с изображением святых Гавриила и Прокопия. Относя ему эту печать, мы тем самым устанавливаем и не известное другим источникам христианское имя его отца Ярослава Всеволодовича, которого в крещении звали Прокопием.

Эта атрибуция нашла неожиданное подтверждение уже после того, как рукопись настоящего исследования была впервые подготовлена. В марте 1966 г. в Отдел нумизматики Государственного Исторического музея поступила булла, замечательная прежде всего, по месту своей находки. Печать была обнаружена в апреле 1965 г. в песчаном карьере на берегу реки Тишанки, притока Медведицы, у с. Сидоры Михаловского района Волгоградской области. На одной ее стороне помещено изображение св. Иоанна Предтечи с соответствующими колончатými надписями, а на другой — изображение св. Прокопия с хорошо читаемым именем (№ 223). Эта печать позволила опознать среди нечитаемых прежде вариантов еще одну разновидность того же типа (№ 224), найденную еще в начале нынешнего столетия в Новгороде¹³³.

Имя Прокопий мы только что признали крестильным именем черниговского князя Ярослава Всеволодовича. Приписать ему самому найденную в Волгоградской области буллу невозможно. Его отец Всеволод Ольгович носил крестильное имя Кирилл, и на печати Ярослава Всеволодовича поэтому должно было

¹³³ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, табл. I, 7.

бы находиться кроме изображения св. Прокопия изображение св. Кирилла, а не Иоанна Предтечи, как на нашей печати. Если печать не принадлежала самому Ярославу, то ее владельца нужно искать среди его сыновей, на буллах которых изображение св. Прокопия служило бы обозначением их христианского отчества. У Ярослава Всеволодовича было три сына: уже известный нам Ярополк-Гавриил, сомнительный Игорь которого знает лишь В. Н. Татищев¹³⁴, и Ростислав. Последний представляет для нас особый интерес.

Ростислав Ярославич родился в 1174 г., женился в 1187 г. тринадцати лет от роду на дочери Всеволода Юрьевича Всеславе, в 1191 г. участвовал в походе на половцев, в 1202 г., будучи сновским князем, деятельно поддерживал уособицу, в 1213 г. был взят в плен Мстиславом Удатным и после этого исчез со страниц летописей. Впрочем, все это не так важно, как некоторые детали сообщения о его рождении и крещении: «В то же время родися Ярославу сын и нарекоша имя ему Ростислав, а в крещеньи Иван, бе бо родилъся в рождество Ивана Крестителя»¹³⁵.

Таким образом, источники знают о существовании двух родных братьев с христианскими именами Иоанн и Гавриил. Сфрагистические же данные еще раз объединили их, связав общим отчеством Прокопьевичи и подтвердив принадлежность имени Прокопий черниговскому князю Ярославу Всеволодовичу.

¹³⁴ В. Н. Татищев. История Российская, т. III. М.—Л., 1964, стр. 166—168, 170, 185, 190.

¹³⁵ ПСРЛ, т. II. Изд. 2, стб. 568 (год 1174 г.).

ИТОГИ АТРИБУЦИИ НОВГОРОДСКИХ КНЯЖЕСКИХ БУЛЛ

В результате последовательного рассмотрения и сопоставления найденных в Новгороде печатей с изображением двух святых нам удалось установить принадлежность подавляющего большинства таких булл. Ниже приводится таблица, из которой очевидно, что работа по определению печатей новгородских князей XII — начала XIII в. по существу завершена (см. таблицу В). В этой таблице дан хронологический список булл, получивших конкретную атрибуцию. При указании христианских имен и отчеств владельцев печатей мы во избежание возможных недоразумений курсивом показываем те из них, которые были установлены в ходе сфрагистического исследования, а не сообщены летописцем. Особого внимания заслуживает сопоставление продолжительности

княжения в каждом конкретном случае и общего числа относящихся к этому княжению булл.

В таблице обобщены сведения о 315 экземплярах булл, происходящих от 79 пар матриц. Следует вспомнить, что всего нам известно 405 булл с изображением двух святых и эти буллы оттиснуты 150 парами матриц. Таким образом, не включены в таблицу 90 печатей, оттиснутых 71 парой матриц. Эти печати в дальнейшем будут специально рассмотрены, однако уже здесь следует еще раз отметить, что подавляющее их большинство (42 экз.; 39 пар матриц) — вещи отягательной сохранности, нормальное определение которых станет возможным лишь после обнаружения новых, более удовлетворительных экземпляров.

Рассмотрим пока результаты уже предпринятой атрибуции булл, связанных с новгородскими князьями. Принципиальную правильность этого определения мы видим, прежде всего, в несомненном соответствии числа булл каждого князя общей продолжительности его правления в Новгороде. Некоторые аномалии выше уже объяснены. Так, принадлежность эфемерному новгородскому князю 1136 г. Владимиру Всеволодовичу довольно большой группы печатей (13 экз.) находит объяснение в самом характере политических событий этого княжения, когда бурные республиканские преобразования после свержения Всеволода Мстиславича естественно вели к выдаче большого числа актов, утвержденных номинально от имени малолетнего князя. Наличие большого числа булл и, главное, большого числа разновидностей матриц Ростислава Мстиславича (27 экз.; 4 пары матриц), Рюрика Ростиславича (10 экз.; 7 пар матриц) и Мстислава Ростиславича Храброго (12 экз.; 4 пары матриц), т. е. князей, сравнительно недолго занимавших новгородский стол, может быть объяснено особой активностью этих князей на других столах, в том числе на смоленском и киевском. Следует думать, что ряд матриц этих князей не имеет отношения к Новгороду. Это обстоятельство подтверждается и неоднократными находками их булл вне Новгорода.

Однако само наличие у одного князя булл, оттиснутых разными матрицами, не должно внушать сомнений или мысли, что некоторые из таких матриц следовало бы отнести как-то другим князьям с тождественным набором патрональных сюжетов, хотя в отдельных редких случаях мы в принципе и не исключаем эту возможность. В некоторых случаях необходимость в изготовлении новой пары матриц могла возникать в результате обветшания или дефектности старых матриц, как это было, например, в княжение Владимира Всеволодовича. Пара матриц № 138 должна была выйти из строя, чтобы один из ее штампов мог быть использован в новом наборе матриц № 139 этого князя. В данном случае мы имеем дело с обветшанием буллотиря в результате особой активности его применения, поскольку княжение Владимира Всеволодовича продолжалось менее двух месяцев. Наличие разных матриц у других князей, сидевших на столе подолгу (например, у Святополка Мстиславича или Ярослава Изяславича), отчасти может быть объяснено обветшанием буллотирей в результате их долговременного употребления.

Совершенно естественным оказывается наличие разных буллотирей у князей, неодно-

кратно сидевших на новгородском столе. Изгнание князя и замена его на столе новым лицом неизбежно должны были вести к уничтожению старых буллотирей во избежание возможных злоупотреблений. Вне всякого сомнения, именно эта причина обусловила полное отсутствие буллотирей в музейных коллекциях, их абсолютную ненаходимость. Поэтому возвращение на новгородский стол уже княжившего на нем лица вело к изготовлению новой пары штампов, образцом для которой обязательно служили старые, сохранившиеся при документах прежних выдач печати.

В то же время некоторые случаи вряд ли получают объяснение перечисленными выше причинами. Сфрагистика отдельных новгородских князей, сидевших на столе по одному разу и в течение непродолжительного времени, представлена несколькими парами матриц. От времени Юрия Андреевича, бывшего на новгородском столе три года, дошли буллы трех разных вариантов. Ярополк Ростиславич занимал стол в Новгороде всего лишь несколько месяцев, однако нам известны две разновидности его булл. Мстислав Юрьевич был новгородским князем два года, но его печать сохранилась в трех вариантах.

Можно высказать предположение, что потребность в одновременном существовании нескольких (может быть, двух) пар матриц одного и того же князя была заложена в структуре княжеской администрации. Возможно, рядом с личной печатью князя существовала равноправная с ней и одинаково оформленная булла, которую от имени князя прикрепляли к актам его уполномоченные, печатники, подобно тому как это было в позднейшее время. Однако не исключено и другое решение.

Летопись сохранила сведения о некоторых случаях предоставления новгородцами княжений не в Новгороде, а во второстепенных центрах Новгородской земли: в Новом Торге, Луках, Волоке Ламском. Под 1158 г. рассказывается: «Иде Ростислав Смоленску и с княгынею, а сын свои Святослав посади Новгороде на столе, а Давыда на Новемь тьргу»¹³⁶. В рассказе 1177 г. содержится сообщение: «И посадиша новгородци Мстислава на столе, а Яропѣлка на Новемь тьргу, а Ярослава на Ламьскемь волоце, и тако ся управиша по воли»¹³⁷. Под 1180 и 1181 гг. Новгородская Первая летопись рассказывает о предоставлении Нового Торга Ярополку Ростиславичу и о пленении его там Всеволодом¹³⁸. Сообщая

¹³⁶ НПЛ, стр. 30, 217.

¹³⁷ Там же, стр. 35, 225.

¹³⁸ Там же, стр. 36—37, 226—227.

ТАБЛИЦА В

Имя князи	Дата и продолжительность княжения	Христианское имя		Число		№
		князя	его отца	экз.	матриц.	
Всеволод Мстиславич	1117—1136; 20 лет	Гавриил	Феодор	37	5	133—137
Владимир Всеволодович	1136; 1,5 месяца	Иоанн	Гавриил	13	2	138—139
Святослав Ольгович	1136—1138, 1139—1141; 3 года	Николай	Михаил	4	3	140—142
Ростислав Юрьевич	1138—1139, 1141—1142; 1,5 года	Иаков	Георгий			
Святошолк Мстиславич	1142—1148; 6,5 лет	Иоанн	Феодор	18	6	143—148
Ярослав Изяславич	1148—1154; 5,5 лет	Иоанн	Пантелеймон	16	3	149—151
Ростислав Мстиславич	1154, 1157—1158; около 2 лет	Михаил	Феодор	26	4	152—155
Давид Ростиславич	1154—1155; 1 месяц	Глеб	Михаил	1	1	156
Мстислав Юрьевич	1155—1157; 2 года	Феодор	Георгий	11	3	157—159
Святослав Ростиславич	1158—1160, 1161—1167; 8 лет]	Иоанн	Михаил	39	3	160—162
Мстислав Ростиславич	1160—1161, 1175—1176, 1177—1178; 2 года	Иоанн	Иаков	6	4	163—166
Роман Мстиславич	1168—1170; 2,5 года	Борис	Феодор	7	1	167
Рюрик Ростиславич	1170—1171; 1,5 года	Василий	Михаил	9	7	168—174
Юрий Андреевич	1172—1175; 3 года	Георгий	Андрей	15	3	175—177
Святослав Мстиславич	1175; несколько месяцев	Авафоник	Иоанн	4	1	178
Ярослав Мстиславич	1176—1177; 1,5 года	Гавриил	Феодор	3	1	179
Ярополк Ростиславич	1178; несколько месяцев	Феодор	Иаков	6	2	180—181
Роман Ростиславич	1179; 0,5 года	Борис	Михаил	1	1	182
Мстислав Ростиславич	1179—1180; 7,5 месяцев	Феодор	Михаил	12	4	183—186
Владимир Святославич	1180; 0,5 года	Андрей	Михаил	5	1	187
Святослав Всеволодович	1180—1181; 1 год	Михаил	Кирилл	2	1	188
Ярослав Владимирович	1181—1184, 1187—1196, 1197—1199; 13 лет	Михаил	Димитрий	19	4	189—192
Мстислав Давидович	1184—1187; 3 года	Феодор	Глеб	8	2	193—194
Ярополк Ярославич	1197; 0,5 года	Гавриил	Проконий	5	1	195
Святослав Всеволодович	1200—1205, 1208—1210; 7 лет	Гавриил	Димитрий	21	5	196—200
Константин Всеволодович	1205—1208; 3 года	Константин	Димитрий	4	2	201—202
Мстислав Мстиславич	1210—1215, 1216—1218; 7,5 лет	Феодор	Феодор	15	4	203—206
Ярослав Всеволодович	1215—1216, 1223—1224, 1226—1228, 1230—1236; 11 лет	Феодор	Димитрий			
Святослав Мстиславич	1218—1219; 0,5 года	Симеон	Борис	1	1	207
Всеволод Мстиславич	1219—1221; 2,5 года	Петр	Борис	7	3	208—210
Всеволод Юрьевич	1222, 1224; 1 год	Димитрий	Георгий	3	2	211—212
Михаил Всеволодович	1225, 1229; 1 год	Михаил	Константин?	1	1	213
Ростислав Михайлович	1229—1230; 1 год	Константин?	Михаил	1	1	

о смерти в 1198 г. княжича Изяслава Ярославича, летописец говорит о нем: «быше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечье Новгороду, и тамо преставися»¹³⁹.

Существование таких небольших княжений в пределах Новгородской земли могло оставить след и в сфрагистике, если владевшие Новым Торгом, Волоколамском и Луками князья пользовались правом утверждения местных актов. В подавляющем большинстве перечисленных

здесь случаев речь идет о тех же самых князьях, которые в другое время занимали новгородский стол: Давиде Ростиславиче, Ярославе Мстиславиче, Ярополке Ростиславиче. Их печати нам известны, но в первых двух случаях представлены каждый раз единственной разновидностью. Печать княжившего в Луках Изяслава Ярославича, будь она определена, служила бы наиболее веским доказательством в пользу существования особых булл пригородных князей. Однако такой печати в собранных ныне материалах безусловно нет. Изяслав

¹³⁹ Там же, стр. 44, 237.

был крещен с именем Михаил¹⁴⁰, его отец, как установлено на основании сфрагистических данных, также назывался Михаилом, но булл с изображением двух Михаилов не существует. И все же при дальнейшем увеличении фонда новгородских печатей возможность связать определенные их образцы со сфрагистикой пригородных князей не следует отбрасывать.

Схема классификации княжеских печатей, Новгорода XII — начала XIII в., естественно нуждается в проверке независимыми средствами. Одним из таких средств представляется нам характеристика основных технических данных древних булл. Наиболее показательным из технических признаков является величина штемпеля буллы, определяемая диаметром обязательного точечного или линейного ободка, в котором, собственно, и заключено изображение. Для подавляющего большинства определенных выше булл нормальным оказывается кружок величиной в 18—21 мм. Именно такими размерами характеризуются кружки на всех, за единственным исключением, именных епископских буллах Новгорода — от Нифонта до Антония, т. е. существовавших синхронно изучаемым здесь княжеским печатям.

Однако имеются три исключения из общего правила. Большой, сравнительно с обычным размер имеют штампы печатей № 133, 134, 135, 136, принадлежащих Всеволоду Мстиславичу (1117—1136 гг.), хотя в сфрагистике этого князя широко представлена разновидность обычного размера (№ 137, 13 экз.). Во-вторых, такой же большой (24 мм) размер имеют кружки штампов булл № 166 и 180, соответственно принадлежавших Мстиславу Ростиславичу и его брату Ярополку. Отметив, что последняя печать в своем буллотипе использовала одну из матриц печати Мстислава, мы выше датировали оба варианта 1178 г. Наконец, большим размером отличаются кружки некоторых булл первой четверти XIII в. (№ 201, 202 — Константин Всеволодович; № 208 — Всеволод Мстиславич; № 212 — Всеволод Юрьевич).

Оказывается, что все три случая находят опору в синхронных или близких по времени аналогиях. В самом деле, большому размеру булл Всеволода-Гавриила Мстиславича соответствует такой же размер булл его отца и непосредственного предшественника Мстислава Владимировича (имеем в виду тип печатей этого князя с формулой «Господи, помози» и «Спаси, господи»). Буллы 1178 г. по размеру

матриц точно соответствуют единственному исключению в новгородской владычной сфрагистике XII в. — печати Илии-Иоанна, титулующей его архиепископом. А эта печать (№ 58) датируется 1165—1186 гг. Наконец, увеличившись в размере княжеские буллы первой четверти XIII в. непосредственно смыкаются с такими же большими печатями Ярослава Всеволодовича и Александра Невского, исследование которых остается за хронологическими рамками первого тома нашей работы.

Другим средством независимой проверки изложенной выше атрибуции булл могут служить наблюдения над эволюцией их художественного стиля. Рассмотрим несколько сюжетов. Изображение воина в древнейшем образце, представленном на печатях Всеволода-Гавриила Мстиславича, кажется величественным и репрезентативным. Св. Феодор на этих буллах как бы закован в скафандр — так тяжело лежат складки его одежды. Таким же он был и на печатях Мстислава Владимировича, непосредственно предшествовавших рассматриваемым. В дальнейшем воин, в общем сохраняя статичность, принимает более пропорциональные очертания. Художники уделяют большое внимание деталям, тщательно орнаментируют, моделируя складки одежды, свободно облекающей фигуру. На позднейших образцах, начиная с последнего десятилетия XII в., воин, которого еще часто представляют в статичной позе, начинает также изображаться в движении — извлекающим меч из ножен. Тогда же, точнее — с начала XIII в., святого воина иногда изображают конным, чего не было в предшествующий период.

Та же линия развития опутима и в изображении архангелов. Достаточно сравнить неподвижное и лишенное пропорциональности изображение Михаила на буллах Святослава Ольговича со всеми позднейшими архангельскими изображениями, не лишенными легкости и своеобразного изящества.

В отдельных случаях становится возможным установить принадлежность разных булл рецу одного и того же мастера. Отметим несколько таких случаев, когда мастер изготовлял буллы не одного и того же, а разных князей. Большое сходство в манере изображений присуще печатям № 148 и 149. Первая из них принадлежала Святополку Мстиславичу (1142—1148 гг.), а вторая — его непосредственному преемнику Ярославу Изяславичу (1148—1154 гг.). Несомненно, на наш взгляд, принадлежность одному мастеру булл № 152 и 160. Первая принадлежала Ростиславу Мстиславичу (1157—1158 гг.), вторая — его непосредственному пре-

¹⁴⁰ «Родися Новегороде у Ярослава сын Михаил, а княже имя Изяслав, а вьнукъ Володимиръ». НПЛ, стр. 39 (под 1190 г.).

емнику Святославу Ростиславичу (1158—1160 гг.) Уже отмечена родственная связь булл № 166 и 180, принадлежавших княжившим в 1178 г. братьям Мстиславу и Ярополку Ростиславичам. Исключительно велико сходство печатей № 199, 200 и 201. Первые две принадлежали Святославу Всеволодовичу, княжившему дважды в 1200—1205 и 1208—1210 гг., а последняя — его брату Константину, княжение которого соответствует интервалу между двумя занятиями стола Святославом (1205—1208 гг.). Одному и тому же мастеру мы склон-

ны отнести печати № 207 и 208, принадлежавшие братьям Светославу (1218—1219 гг.) и Всеволоду (1219—1221 гг.) Мстиславичам.

Таким образом, обращение к техническим и художественным особенностям определенных как новгородские княжеских булл дает материалы, которые в принципе подтверждают предложенное здесь построение. Поэтому мы чувствуем большую уверенность, пытаясь разобратся в немногочисленной группе булл, еще остающихся неприуроченными.

ПРОЧИЕ ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУХ СВЯТЫХ

Буллы, остающиеся вне круга принадлежащих новгородским князьям, делятся на две группы, которые следует рассматривать отдельно одна от другой. В первую входят печати, сохранившие точное обозначение сюжета обеих сторон или, по крайней мере, одной стороны, т. е. такие буллы, которые своими изображениями дают материал для посильных атрибуций. Во второй объединены печати плохой сохранности, работа с которыми должна быть отложена до обнаружения достаточно четко читаемых тождественных им экземпляров.

К первой группе относятся 48 печатей, происходящих от 32 пар матриц. С некоторыми из них мы уже познакомились в предыдущих разделах этой главы, предлагая для них определение там, где это было возможно. В предлагаемом ниже списке таких булл мы учитываем также паспортные данные, поскольку они несколько отличаются от обычных паспортных данных тех булл, которые выше были определены принадлежащими новгородским князьям.

	Экз.	№
Андрей — Иоанн Бого- слов	3	228 (Новгород)
Борис — Глеб	4	218, 219, 220 (Новгород, Тверская губ., Смоленские акты)
Борис и Глеб — Феодор	1	217 (Киев)
Василий — Гавриил	3	229 (Новгород)
Василий — Георгий	1	230 (Новгород)
Василий — Димитрий	1	216 (Киев)
Василий — Иоанн Предте- ча	2	227 (Зеленча, Крылос)
Василий — Лазарь	1	225 (Новгород)
Гавриил — Козма и Демьян	2	231 (Новгород)
Гавриил — Елисавета	2	226 (Киев, Львовская обл.)

Георгий — София	2	221 (Новгород, Кокнесе)
Давид царь — Иоанн	1	232 (Старая Ладога)
Давид царь — Мария	1	239 (Новгород)
Даниил — неопред. святой	1	233 (Новгород)
Иоаким — Феодор	1	234 (Новгород)
Иоанн Бого- слов — Павел	1	235 (Новгород)
Иоанн Предтеча — Прокопий	2	223, 224 (Волгоградская обл., Новгород)
Иоанн Предтеча — Симеон	3	237, 238 (Новгород, Старая Ладога)
Богоявление — святой воин	1	236 (Новгород)
Михаил — неопред. святая	1	222 (Полоцк)
Никита — неопред. святой	1	240 (Новгород)
Николай — неопред. святой	1	241 (Новгород)
Павел — Петр	6	209, 210 (Новгород)
Пантелеймон — Стефан	1	242 (Новгород)
Пантелеймон — Феодор	3	214, 215 (Новгород, Псков)
Феодор — Флор и Лавр	2	243 (Новгород, Псков)

Топографические данные этой группы булл достаточно красноречивы. Мы уже видели, что печати, определенные как новгородские, все, за одним-двумя исключениями на три сотни фактов, найдены в Новгороде. Многие же из рассматриваемых сейчас булл происходят из разных пунктов, к Новгороду отношения не имеющих, что нужно признать естественным в том случае, если эти буллы принадлежали не новгородским князьям. Такая неновгородская принадлежность уже установлена выше для некоторых разновидностей. Так, буллы с изображением святых Пантелеймона и Феодора принадлежали Изяславу-Пантелеймону Мстиславичу-Феодоровичу, киевскому князю 1146—1154 гг., или же его сыну Мстиславу-Феодору

Изяславичу-Пантелеймоновичу, киевскому князю 1169—1171 г.

Вероятная киевская принадлежность может быть предположена для известной в трех экземплярах буллы с изображением святых Василия и Гавриила (№ 229), хотя два сохранившихся паспорт экземпляра этой печати и происходят из Новгорода. Среди новгородских князей был только один Василий — Рюрик Ростиславич, но он был не Гавриловичем, а Михайловичем. Как возможные владельцы этой буллы отпадают и многие другие Василии: Василий Мстиславич, сын Мстислава Удатного, и Василий Ярославич, брат Александра Невского (они оба были Феодоровичами), Василий Юрьевич, сын Долгорукого (он был Георгиевичем), Василий Константинович, внук Всеволода Большое Гнездо. Не было у перечисленных князей и детей с христианским именем Гавриил. Поэтому, опираясь также на стилистическую близость этой печати другим буллам середины XII в., мы можем предположить, что она принадлежала кому-либо из неизвестных по крестильному имени детей Владимира-Василия Мономаха. Выбирать при этом приходится только между Ярополком (умер в 1139 г.) и Вячеславом (умер в 1154 гг.). Остальные дети Владимира носили другие крестильные имена или же умерли задолго до возникновения рассматриваемого нами сфрагистического типа. Впрочем, высказанное предположение не имеет достаточной опоры, и лучше оставить пока эти буллы в группе неопределенных.

Смоленским князьям, как уже выяснено выше, принадлежали, по-видимому, буллы с изображением святых Василия и Дмитрия (№ 216) и святых Бориса, Глеба и Феодора (№ 217). Первую из них, найденную в Киеве, еще Н. П. Лихачев отнес князю Владимиру-Дмитрию Рюриковичу-Васильевичу, княжившему в Смоленске в 1214—1219 гг. Вторую, также происходящую из киевских находок, мы смогли отнести Мстиславу-Феодору Давидовичу-Глебовичу, княжившему в Смоленске в 1220-х годах.

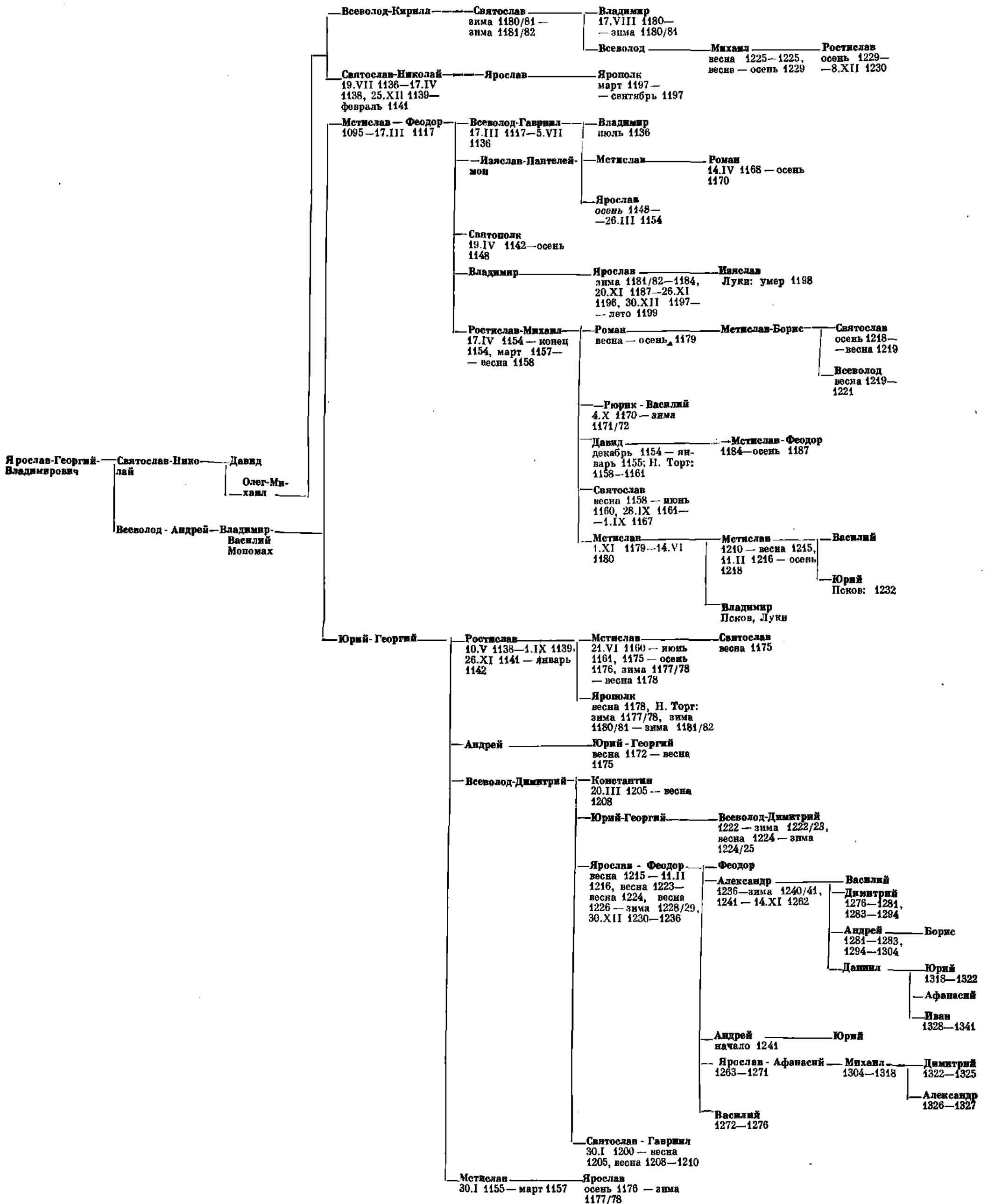
Не вызывает сомнений смоленская принадлежность печатей с изображением на одной стороне Бориса, а на другой Глеба (№ 218, 219, 220). Две такие печати сохранились при подлинных смоленских актах XIII в. Выше мы датировали их временем Ростислава Мстиславича, княжившего в Смоленске в середине XIII в.

Нам представляется вероятным, что со смоленской сфрагистикой связаны и буллы, несущие на одной стороне изображение апостола Петра, а на другой — апостола Павла (№ 209,

210). Особенностью этой сфрагистической разновидности является несомненная связь петропавловских булл с Новгородом. Если все остальные рассматриваемые здесь печати в Новгороде встречаются в единичных экземплярах и составляют случайный по отношению к месту своего обнаружения материал, то буллы с изображением апостолов Петра и Павла известны уже в шести экземплярах, представляющих две разновидности, и все обнаружены в Новгороде. Между тем, как это установлено в предыдущих разделах исследования, петропавловский сюжет в новгородской сфрагистике возникает только однажды — в период княжения в Новгороде смоленского князя Всеволода-Петра Мстиславича-Борисовича (1219—1221 гг.) При этом вопреки заметной продолжительности его княжения сфрагистика Всеволода представлена единственной буллой. Эта булла, несущая на одной стороне изображение святых Петра и Павла, а на обороте — святых Бориса и Глеба, является образцом трудной и изощренной работы хорошего мастера, перед которым стояла сложная задача разместить на каждой стороне кружка композиции из двух фигур.

Рассматриваемые здесь буллы с изображением апостолов Петра и Павла — все грубой работы и находят ближайшие аналогии в смоленских печатях Ростислава Мстиславича середины XIII в., уже изученных выше, в разделе о борисоглебских печатях. Нельзя ли предположить, что они датируются временем того же Всеволода Мстиславича Смоленского? Изготавливавший их мастер мог упростить свою задачу и обозначить на матрицах лишь имя владельца — Петр, дополнив его изображением другого святого, традиционно неотделимого в паре апостолов, — Павла. Подобное нарушение традиции кажется возможным в конце домонгольского периода, когда вообще в княжеской сфрагистике обнаруживается тенденция к тому, чтобы разнообразить тип буллы. В частности, на печатях современника Всеволода Мстиславича — Ярослава Всеволодовича впервые перестает изображаться отчество владельца буллы. Со всеми необходимыми в данном случае оговорками мы помещаем петропавловские буллы (№ 209 и 210) в число новгородских печатей Всеволода-Петра Мстиславича как материал с сомнительным определением.

С полоцкой сфрагистикой связываются уже рассмотренные выше буллы с изображением святых Георгия и Софии (№ 221), одна из которых обнаружена в Новгороде, а другая в Кокнесе. Изображения этих двух святых, объединенные на одном кружке, находят аналогии

в патрональном изображении родителей Евфросинии Полоцкой, помещенном на известном кресте Евфросинии. К Полоцку мы условно относим и найденную в этом городе при раскопках печать с изображением архангела Михаила и неопределенной святой (№ 222).

Исключительный интерес представляет найденная в Новгороде при раскопках на Неревском конце булла с изображением святых Василия Кесарийского и Лазаря (№ 225). Эта печать происходит из слоя с дендрохронологической датой 1178—1197 гг., однако должна быть датирована временем, значительно более ранним. На сравнительно раннюю дату указывают два обстоятельства. Во-первых, булла отличается некоторыми ранними техническими признаками. В частности, она имеет припухлые края и оттиснута на толстом кружке, подобно печатям второй половины XI в. С другой стороны, изображение на ней святых в полный рост, а не в поясном варианте в сочетании с уже отмеченной технической особенностью может указывать примерно на рубеж XI—XII вв. или на начало XII в. Во-вторых, печать с изображением святых Василия и Лазаря попала в землю уже после того, как она была вторично использована в качестве нательного образка. Она аккуратно пробита в верхней части кружка небольшим отверстием для подвешивания. Вторичное использование буллы находит интересное объяснение в сопутствующих ей находках.

Эта печать была обнаружена на усадьбе Б Неревского раскопа в слое 17 яруса. Между тем в предшествующем ей 18 ярусе (1161—1177 гг.) на той же усадьбе были найдены берестяные грамоты № 9, адресованная Василию, и № 86 — с надписью «Лазоря»¹⁴¹. Наличие грамот с этими именами, совпадающими с обозначенными на нашей булле, делает неслучайным и использование ее в качестве нательного образка. Можно догадываться, что владевший во второй половине XII в. усадьбой Б человек, которого звали Лазарем Васильевичем или Василием Лазаревичем, превратил буллу в образок, будучи привлечен тем, что сочетание изображений на ней точно соответствовало его собственному патронату.

В попытках определить печать с изображением святых Василия и Лазаря мы остановились на следующем объяснении. Сочетание отмеченных изображений вполне соответствует

сочетанию княжеского и епископского имен, имевшему место в истории Переяславского княжества как раз в начале XII в. Между 1150 и 1117 гг. епископскую кафедру в Переяславле занимал Лазарь¹⁴², тогда как княжеский стол там же между 1094 и 1113 гг. принадлежал Владимиру-Василию Мономаху. Предположительно относя рассматриваемую печать епископу Лазарю, мы тем самым допускаем, что в группе булл с патрональным изображением двух святых могут оказаться не только княжеские печати. Однако легко заметить, что противоречивость принципиальной атрибуции здесь кажущаяся, поскольку предложенное определение вовсе не затрагивает массы определенных выше памятников. Булла с изображением святых Василия и Лазаря датируется самым началом XII в., т. е. временем, когда тип печати с изображением двух святых еще не сделался исключительным достоянием княжеской сфрагистики. Как раз во времена епископа Лазаря княжеские буллы оформлялись иначе.

К черниговским княжеским печатям относятся буллы с изображением святых Иоанна Предтечи и Прокопия (№ 223, 224), одна из которых найдена в Новгороде, а другая в Волгоградской области. Выше мы установили, что их владельцем был сновский князь Ростислав Ярославич, внук Всеволода Ольговича.

Особую небольшую группу составляют печати, местом своей находки связанные с Галицко-Волынской землей. К ним относятся, в первую очередь, две вполне идентичные буллы с изображением святых Иоанна Предтечи и Василия, одна из которых найдена в Крылосе — древнем Галиче, а другая в Зеленче — древнем Теребовле. Пользуясь аналогией с печатью Лазаря, можно было бы высказать предположение, что эти буллы принадлежали черниговскому епископу Иоанну, упоминаемому с 1089 г. и умершему в 1111 г., который до 1094 г. был современником черниговского князя Владимира-Василия Мономаха. Однако буллы не имеют признаков столь раннего времени, а самое место их находки дает основание для другой, более убедительной атрибуции.

С 1140 г. в летописях упоминается сын теребовльского князя Василька Ростиславича князь Иван Васильевич. С момента первого упоминания до смерти в 1141 г. Иван Васильевич был галицким князем¹⁴³. Именно ему мы и относим найденные в Теребовле и Галиче печати, полагая, что для датировки их временем другого одноименного князя Владимира-

¹⁴¹ А. В. Арциховский, М. Н. Тиломиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 40—42, № 9; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958, стр. 11—12, № 86.

¹⁴² ПСРД, т. II. СПб., 1843, стр. 287, 291.

¹⁴³ Там же, стр. 16—17, 295—296.

Иоанна Васильевича, сидевшего на Волыни во второй половине XIII в., нет никаких оснований.

Наконец, происходящей из Западной Украины и Киева печати с изображением святых Гавриила и Олисы (№ 226), которая известна в двух экземплярах, мы дали толкование в специальной статье¹⁴⁴, придя к выводу, что эта булла принадлежала вдове князя Изяслава Ярославича — Олиса-Гертруде в тот период, когда она находилась на Волыни у своего сына Ярополка Изяславича. Имя Гавриил на этой печати было истолковано как православное имя Ярополка, называвшегося в католическом крещении Петром.

В составе рассмотренной выше группы печатей с достаточно внятным обозначением сюжетов остаются неприуроченными следующие буллы:

	Экз.	№
Андрей — Иоанн Богослов	3	228
Василий — Гавриил	3	229
Василий — Георгий	1	230
Гавриил — Козма и Демьян	2	231
Давид — Иоанн	1	232
Даниил — неопред. святой	1	233
Иоаким — Феодор	1	234
Иоанн Богослов — Павел	1	235
Богоявление — неопред. святой воин	1	236
Иоанн Предтеча — Симеон Столпник	3	237 238
Мария — Давид	1	239
Никита — неопред. святой	1	240
Николай — неопред. святой	1	241
Пантелеймон — Стефан	1	242
Феодор — Флор и Лавр	2	243

Всего 16 разновидностей, представленных 23 экземплярами.

Чрезвычайная редкость этих вариантов дает основание в дальнейшем искать их владельцев за пределами Новгорода, в списках князей, занимавших другие столы. Не исключена возможность, что в некоторых случаях эти неприуроченные буллы связаны с пригородными князьями Новгорода, имена которых, за редкими исключениями, остались незаписанными в летописи. Во всяком случае, обратим внимание на то, что один экземпляр буллы № 243 с изображением Феодора, Флора и Лавра обнаружен в Пскове (выше мы предположительно отнесли его псковскому князю Владимиру Мстиславичу), а печать № 232 (с изображением

Давида и Иоанна) и один из экземпляров печати № 237 (с изображением Иоанна Предтечи и Симеона Столпника) происходят из Старой Ладоги.

Вторую группу неприуроченных печатей, как уже отмечено, образуют довольно многочисленные буллы отвратительной сохранности. Эти буллы в большинстве случаев известны пока в единичных экземплярах, поэтому чтение фрагментарных надписей на них не может опереться на сравнение с аналогиями, а иконографический тип изображенных на таких буллах святых оказывается недостаточно индивидуализированным для истолкования надписей и, следовательно, сюжетов. Всего сейчас зафиксировано 39 разновидностей подобных печатей. Все они, за двумя исключениями, представлены единичными экземплярами. Лишь булла № 248 известна в трех, а булла № 276 — в двух экземплярах. Трудности истолкования сюжетов позволяют лишь начерно рассортировать печати на обобщенные группы.

На четырех разновидностях (№ 244, 245, 246, 247) изображение одной стороны не вызывает сомнений. Это св. Феодор, стоящий в своей обычной для XII в. позе с копьём и щитом. Однако имя изображенного на обороте архангела на всех экземплярах не читается совершенно. С равной степенью вероятности здесь может быть изображен и Михаил, и Гавриил. А это значит, что с равной степенью вероятности такие буллы можно отнести в списке новгородских князей и Ростиславу-Михаилу Мстиславичу-Феодоровичу (1154, 1157—1158 гг.), и Ярославу-Гавриилу Мстиславичу-Феодоровичу (1176—1177 гг.), и Мстиславу-Феодору Ростиславичу-Михайловичу (1179—1180 гг.) или же предположить, что они распределяются между этими князьями.

Еще больший простор для возможных атрибуций дает группа булл, представленных в восьми разновидностях (№ 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255) и несущих на одной стороне изображение святого воина с нечитаемым именем, а на другой — изображение архангела также с нечитаемым именем. Здесь к числу перечисленных в предыдущем абзаце возможных владельцев следует добавить еще Ярослава-Михаила Владимировича-Димитриевича (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.), Ярополка-Гавриила Ярославича-Прокопьевича (1197 г.) и Святослава-Гавриила Всеволодовича-Димитриевича (1200—1205, 1208—1210 гг.). Впрочем, относительно печатей № 252 и 253 можно почти с полной определенностью сказать, что они принадлежали Ярославу Владимировичу; так близки они уже определенным буллам и

¹⁴⁴ В. Л. Янин. Русская княгиня Олиса-Гертруда и ее сын Ярополк. «Нумизматика и эпиграфика», вып. 4. М., 1963, стр. 158—160.

по размеру, и по наличию на них изображения святого воина, извлекающего меч из ножен, — именно так изображен св. Дмитрий на буллах Ярослава Владимировича (см. печать № 192).

Не менее затруднительно определение печатей, несущих на одной стороне изображение архангела с нечитаемым именем, а на обороте — неопределенного святого. Таких разновидностей нам известно восемь (№ 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263). Поскольку на них заведомо изображен не воин и не святой князь, они могут оказаться буллами Святослава-Николая Ольговича-Михайловича (1136—1138, 1139—1141 гг.), Святослава-Иоанна Ростиславича-Михайловича (1158—1160, 1161—1167 гг.), Рюрика-Василия Ростиславича-Михайловича (1170—1171 гг.), Владимира-Андрея Святославича-Михайловича (1180 г.), Святослава-Михаила Всеволодовича-Кирилловича (1180—1181 гг.). Не говорим уже о князьях не новгородских.

Четыре печати с изображением на одной стороне св. Феодора, а на обороте — святого воина с нечитаемым именем (№ 264, 265, 266, 267) могут быть отнесены Мстиславу-Феодору Юрьевичу-Георгиевичу (1155—1157 гг.) или Ярославу-Феодору Всеволодовичу-Димитриевичу.

Говоря о печатях с изображением двух неопределенных святых воинов (№ 268, 269), мы к двум только что названным князьям, претендующим на них, должны добавить еще Всеволода-Дмитрия Юрьевича-Георгиевича (1222, 1224 гг.).

Чрезвычайно велик выбор возможных владельцев в группе неопределенных булл с изображением неопределенного святого воина и неопределенного святого (№ 270, 271, 272, 273) и в группе с изображением неопределенных святых (№ 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282). В обеих последних группах экземпляры, происходящие не из Новгорода, не составляют редкости.

Резюмируя здесь впечатления от этой сложной категории находок, еще раз выразим надежду на обнаружение новых, более четких экземпляров, оттиснутых теми же матрицами. Только такие повторные находки смогут сделать ясной проблему их атрибуции. Пока новые экземпляры этих булл не обнаружены, мы всегда будем оставаться в сфере предположений, лишаящих буллы характера исторического источника и делающих их, прямо скажем, не очень интересной сфрагистической загадкой.

ПЕЧАТИ XII — НАЧАЛА XIII В. С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛА

Княжеская тамга, или «знак Рюриковичей», в бесконечном разнообразии вариантов встречается на многочисленных пломбах так называемого «дрогичинского типа», которые в настоящем исследовании не рассматриваются. Эти пломбы, насчитывающиеся в разных собраниях в числе многих тысяч экземпляров, еще никем не собраны и не классифицированы. Как уже отмечено во введении, до сих пор остается неясным вопрос о назначении отдельных их групп, хотя в принципе в последние годы сделалось очевидным, что среди них имеются и некоторые разновидности актовых печатей, и целые категории предметов, связанных больше с нумизматикой, нежели с актовой сфрагистикой. Однако вне зависимости от степени изученности дрогичинских пломб можно, как кажется, утверждать, что их исследование не должно быть самодовлеющим; оно было бы до крайности осложнено без учета предварительных наблюдений над бесспорными материалами актовой сфрагистики.

Как правило, дрогичинские пломбы аэпиграфы. Они содержат лишь сочетание изображения княжеского знака (или креста) с изображением святого, в котором распознается лишь тип (святой, мученик, царь и т. д.), или же изображение двух княжеских знаков, или, наконец, изображения знаков, весьма отличных от обычной тамги Рюриковичей. Найденные в подавляющем большинстве случайно, вне датированного археологического комплекса, пломбы сами по себе почти не поддаются сколько-нибудь точной датировке в пределах домонгольского периода, хотя их общая принадлежность к XII—XIII вв., как будто, не вызывает сомнений.

Поэтому в первую очередь наше внимание

должны привлечь те безусловно актовые печати, которые, неся на себе изображение княжеского знака, сочетают его с хорошо читаемым изображением святого. Выделяя такие печати, мы главным их отличием признаем не наличие надписи, которая изредка встречается и на дрогичинских пломбах, а те технические особенности, которые резко отличают эти предметы от дрогичинских пломб. Последним свойствен очень малый размер (около 10—12 мм) и крайняя небрежность. Пломбы обычно имеют неровные рваные края, тогда как печати, о которых ниже пойдет речь, изготовлены тщательно и аккуратно, в технической манере, характерной, например, для булл, несущих изображение двух святых. Их размер совпадает с размером последних, т. е. колеблется вокруг 20 мм.

Несомненные актовые печати с изображением княжеского знака не составляют особой редкости среди других русских домонгольских сфрагистических разновидностей. В первой главе настоящей работы мы познакомились с тремя такими буллами, относящимися к архаическому периоду русской сфрагистики и отнесенными не позднее середины XI в. (№ 1, 2, 3). Более поздние печати такого типа известны нам сейчас в количестве 57 экземпляров и происходят от 29 разных пар матриц. Мы решительно отделяем эту группу от только что названных трех древнейших печатей с княжескими знаками, поскольку хронологический разрыв между ними очевиден. Среди 57 рассматриваемых ниже булл нет ни одной, которую возможно было бы датировать второй половиной XI в. Иными словами, ни одна печать этого разряда не обнаруживает ни технической, ни художественной близости к буллам Всеволода-Андрея Ярославича или его братьев Изяслава

и Святослава, или к печатям Феофано, Давида Игоревича и иных современных им князей.

Напротив, печатям этой группы свойственны многочисленные признаки, роднящие их с уже рассмотренными буллами XII — начала XIII в. На них решительно преобладают ростовые изображения святых, находящие ближайшие аналогии в изображениях тех же святых на княжеских печатях указанного времени. Там и здесь совпадает компоновка изображения и колочатых надписей, сходны детали одежд. О совпадении технических данных уже сказано выше.

Почти все эти буллы происходят из находок в Новгороде на Городище, что также может быть признано хорошим датирующим признаком. Мы уже видели, что городищенские материалы содержат в себе указание на достаточно определенную хронологическую локализацию. На Городище нет или почти нет печатей XI в. Эти древнейшие русские буллы, как правило, обнаружены вне Новгорода: на Киевщине, на Волыни, в Белоруссии, в Причерноморье, или же в культурном слое не Городища, а собственно Новгорода. Только начиная с рубежа XI—XII вв. городищенские печати приобретают характер массовых находок. Это обстоятельство вполне объяснимо: лишь в начале XII в. Городище становится княжеской резиденцией; в 1103 г. там возведена первая каменная княжеская постройка — церковь Благовещения; тогда же, надо думать, там возникает и архив новгородских князей, в котором, естественно, имелись и немногочисленные древние документы, но накопление основных материалов хронологически должно было совпасть с этим освоением нового княжеского административного центра. И дело здесь не в простом перемещении княжеского двора на новое место, а в причинах, вызвавших это перемещение.

Водворение князя на Городище связано с тем новым статусом княжеской администрации, который явился результатом размежевания власти между нею и вновь образовавшимся боярским органом. Князь получил новое положение в системе власти, он стал подконтролен боярству, и это требовало системы организации хранения документов отчетности. Такими документами отчетности по существу и были противни утвержденных князьями актов, хранившиеся в княжеском архиве. Поскольку возникновение нового статуса княжеской власти в Новгороде связывается с событиями конца XI в.¹, само массовое развитие института

буллы в Новгороде падает на период, который только начинается в указанный момент, и, следовательно, самый факт массовых находок отдельных категорий булл на Городище ведет к отрицанию их датировки XI в.

Прежде чем приступить к предварительной классификации печатей с изображением княжеского знака, нам следует задержаться еще на одном существенном вопросе. В изданиях, посвященных ранней княжеской геральдике, давно уже установился обычай изображать знаки Рюриковичей, имеющих чаще всего форму двузубца или трезубца, в одном положении — раструбом вверх. Эта традиция имеет основание в нумизматических материалах, которые первыми были привлечены к изучению княжеских знаков. На древнейших русских монетах знак изображен именно так. Он занимает это положение и над плечом Владимира на золотниках и сребрениках I типа Владимира Святославича, и на прочих монетах Владимира и Святополка, и на «Ярославле серебре», где его положение фиксировано компоновкой круговой надписи и соответствием оборотной стороне монеты, определяемым соотношением ее осей. Такое же положение знак занимает и на многих трапециевидных подвесках, уже давно фигурирующих в литературе. Однако еще Н. П. Лихачев и А. В. Орешников обратили внимание на то, что на других подобных подвесках знак обращен раструбом вниз, и признали его положение необязательным, непринципиальным².

Это наблюдение подкрепляется и материалами сфрагистики. Отметим, прежде всего, что сама конструкция буллотирия, в котором штампы были мертво сопряжены, исключала хаотичность соотношения сторон в древних висельных печатях. Все буллы, рассмотренные выше, имеют одно и то же соотношение осей: нижняя часть изображения лицевой стороны на них точно противостоит нижней части изображения оборотной стороны. Иными словами, правильное положение оборотной стороны получается при повороте буллы на шнуре справа налево или слева направо. Что касается печатей, несущих изображение княжеского знака, то из 29 разновидностей этих булл знак в форме двузубца или трезубца помещен на 22 вариантах. Из этого числа лишь 9 разновидностей содержат изображение знака раструбом вверх. Остальные 13 изображают знак в обратном положении:

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 171; А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия АН СССР, серия VII. Отделение гуманитарных наук», 1930, стр. 95.

¹ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 54—62.

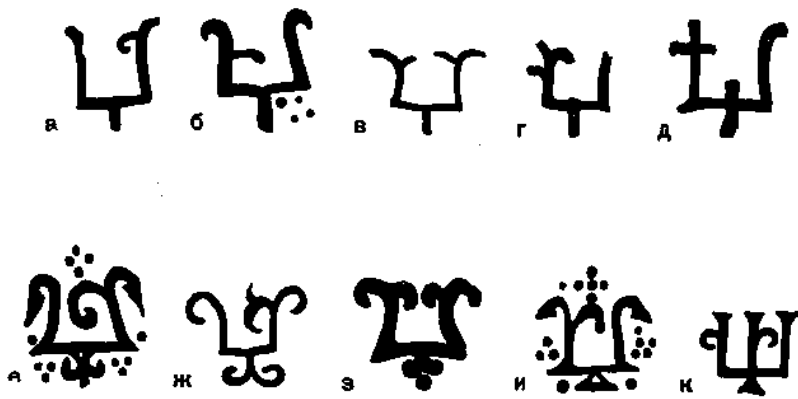

Рис. 7. Княжеские знаки прямоугольных очертаний

при повороте буллы слева направо или справа налево знак оказывается стоящим раструбом вниз, лишь поворот буллы сверху вниз или снизу вверх (подобно повороту листка отрывного календаря) придает знаку традиционное положение. Признавая положение тамги безразличным для ее атрибуции, мы на сводных рисунках знаков все знаки изображаем стоящими раструбом вверх, сохраняя их истинное положение в описаниях печатей в своде.

В простейшей классификации знаков мы исходим из главных особенностей их строения. Эти особенности позволяют разделить все известные нам тамги на актовых печатях на четыре группы: 1) знаки в форме двузубцев или трезубцев прямолинейных очертаний, т. е. такие знаки, в которых зубцы образуют угол с чертой, лежащей горизонтально в основании тамги (рис. 7); 2) знаки в форме двузубцев и трезубцев плавных криволинейных очертаний, как бы колоколовидные (рис. 8); 3) знаки в виде багра (рис. 9); 4) знаки индивидуальных форм (рис. 10).

Знаки прямолинейных очертаний. К первой группе относится 31 печать, происходящая от 14 пар матриц. Внутри нее мы выделяем три подгруппы по форме отрога, лежащего в основании фигуры: 1) отрог в виде короткой прямой вертикальной черты; 2) отрог в виде «ласточкина хвоста»; 3) отрог в виде треугольника острием вверх.

В первую подгруппу входит 7 печатей, представляющих такое же количество матриц, поскольку ни одна из печатей не встречена в повторных находках.

Знак в виде двузубца с отогнутыми наружу вершинами зубцов и снабженный отрогом внутри на правом зубце (рис. 7, а) имеется на двух печатях. Первая обнаружена в Старой Ладоге и содержит на обороте изображение

св. Георгия в полный рост, с копьем и щитом, с хорошо читаемой надписью по сторонам фигуры воина (№ 283). Вторая, происходящая из новгородских находок, имеет на оборотной стороне изображение святителя погрудно, с остроконечной бородкой и с нечитаемым именем (№ 284). Иконографический тип святого, однако, не вызывает сомнений. Это — Василий Кесарийский, хотя Н. П. Лихачев и толковал почему-то сюжет этой буллы как изображение св. Николая³. У последнего была характерная окладистая борода, непохожая на бороду св. Василия Великого.

Подобный знак, но изображенный как бы в зеркальном варианте, т. е. с отрогом внутри не на правом, а на левом зубце (рис. 7, б), известен на двух вариантах происходящей из Новгорода однотипной печати с погрудным изображением на обороте св. Георгия (№ 285, 286).

Знак в виде двузубца с отогнутыми наружу вершинами зубцов и снабженный отрогами внутри на обоих зубцах (рис. 7, в) зафиксирован на одной найденной в Киеве булле, оборотная сторона которой занята изображением святого воина в полный рост с нечитаемой надписью (№ 287). Н. П. Лихачев предполагал здесь изображение св. Феодора или св. Димитрия⁴.

Очень плохо различимый знак, который мы предположительно реконструируем в форме, близкой предыдущему, но с дополнительным

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 199. Позднее исследователь отказался от такого толкования. В тексте «Сфрагистического альбома», он писал: «[Изображение] по типу едва ли подходит к изображению св. Николая» (Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, комментарий к табл. XLIX, 7. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444).

⁴ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, комментарий к табл. XXX, 8.

отрогом наружу на левом зубце (рис. 7, з), помещен на сильно фрагментированной печати, оборот которой совершенно неразличим (№ 288)⁵.

Наконец, последний знак этой подгруппы имеет форму треугольника с очень коротким средним зубцом, отогнутым наружу правым зубцом и прямым левым, снабженным перекрестием (рис. 7, д). Обратная сторона этой печати, купленной Н. П. Лихачевым в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, занята погрудным изображением св. Кирилла с хорошо читаемой колончатой надписью (№ 289).

Для всей первой подгруппы характерны некоторые особенности, которые позволяют догадываться, что она представляет древнейший разряд среди рассматриваемых здесь булл, несущих изображение княжеского знака. Прежде всего, почти все печати этой подгруппы несут изображение знака раструбом вверх, как на древнейших печатях X — первой половины XI в. и на монетах. Единственное исключение составляет печать № 287, на которой знак помещен в обратном положении. Во-вторых, признаки относительной древности заключаются в том, что в большинстве случаев печати используют погрудный или поясной вариант изображения святого. В-третьих, печать № 283, принадлежащая к этой подгруппе, имеет припухлые края, напоминая в этом отношении многие буллы начала XII в. В-четвертых, именно в этой подгруппе имеются предметы новгородского происхождения, что также роднит ее с древнейшими русскими буллами.

Ко второй подгруппе (со знаками, имеющими в основании отрог в виде «ласточкина хвоста») относятся 24 печати, оттиснутые пятью парами матриц. Все печати этой подгруппы найдены в Новгороде.

Знак в форме двузубца с отогнутыми наружу зубцами и с отрогом внутрь на правом зубце (рис. 7, е) имеется на двух разновидностях печатей. Первая, представленная единственным экземпляром, содержит на обороте изображение святого, стоящего в полный рост, в длинных одеждах, с правой рукой у груди в благословляющем жесте; левая рука неразличима, однако у левого плеча как будто угадывается крест (№ 290). Если это так, то в изображенном, имя которого на печати не сохранилось, можно угадывать Иоанна Предтечу или Андрея Первозванного. Другая печать

с таким знаком известна уже в пяти экземплярах. На ее обороте изображен стоящий в полный рост святой воин с кошмем в правой руке и со щитом в левой; свисающий щит он держит за длинные завязки. Имени святого на булле не обозначено вовсе, в чем убеждает сравнение всех пяти ее экземпляров (№ 291). Поскольку воин изображен безбородым, это или св. Георгий, или св. Димитрий, но не св. Феодор⁶.

Очень похожий знак, но снабженный еще одним дополнительным отрогом на отроге правого зубца (рис. 7, ж), известен на печати с изображением на обороте архангела в полный рост (№ 292), зарегистрированной уже в 10 экземплярах. Надпись около архангела на всех экземплярах сильно фрагментирована, и Н. П. Лихачев считал, что на печати изображен св. Михаил⁷, однако один из экземпляров, найденный в самое последнее время, позволил прочесть последние три буквы имени: «...иил», что определяет сюжет буллы как изображение архангела Гавриила.

Знак в форме двузубца с отогнутыми наружу зубцами и с отрогами внутрь на каждом зубце (рис. 7, з), взят с двух разновидностей печати, несущей на обороте изображение св. Андрея Первозванного в полный рост, с крестом на длинном основании в руках (№ 293, 294).

Отметим большую компактность материалов этой подгруппы, в частности тесное родство между собой всех изображенных на ее печатях знаков. Заметен более поздний характер этих печатей сравнительно с буллами первой подгруппы. Здесь все изображения — ростовые, а сами буллы представлены уже многими экземплярами, тесно связываясь с собственно Новгородом.

В третьей подгруппе (со знаками, имеющими в основании отрог в виде треугольника) — 6 печатей, оттиснутых двумя парами матриц. Все печати найдены в Новгороде.

Знак в виде двузубца с отогнутыми наружу зубцами и с отрогом внутрь на левом зубце (рис. 7, и) помещен на известной уже в пяти экземплярах печати с изображением на обороте св. Анании в полный рост, с надписью по сторонам: ЕПИСКОП ОНАНИЯ (№ 295).

Последний в группе прямолинейных знак в виде треугольника с прямыми зубцами, с отрогом наружу на левом зубце и отрогом вправо на среднем зубце (рис. 7, к) находится на единственном экземпляре буллы с изображением на обороте св. Анании в полный рост, с над-

⁵ Н. П. Лихачев, издавая эту печать, полагал, что на ее обороте также изображен знак (Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 200, рис. 173).

⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 203.

⁷ Там же, стр. 201.

писью по сторонам: О АГИОС АНАНИЯ (№ 296). У нас нет абсолютной уверенности в том, что знаки с треугольным отрогом в основании действительно выделяются в особую подгруппу. Не исключено, что оба этих знака имеют в основании не треугольник, а короткий прямой вертикальный отрог, который лишь в результате стилизации превратился в треугольник. Обращает на себя внимание, что гравер (особенно печати № 296) стремится подчеркнуть утолщениями концы всех линий. Если это и в самом деле так, тогда последние две разновидности нужно включить в первую подгруппу, а знак на печати № 295 идентифицировать со знаками печатей № 285 и 286.

Знаки округлых очертаний. Ко второй группе относятся 13 печатей, происходящих от 8 пар матриц. Все печати этой группы, за единственным исключением, найдены в Новгороде.

Рассматриваемая группа также делится на три подгруппы по форме отрога, лежащего в основании фигуры: 1) отрог в виде крючка, плавно изогнутого влево; 2) такой же отрог, но изогнутый под углом; 3) отрог в виде креста.

В первую подгруппу входит 7 булл, происходящих от 3 пар матриц.

Знак в виде двузубца с левым прямым и правым изогнутым наружу зубцом и с отрогом внутри на левом зубце (рис. 8, а) имеется

Рис. 8. Княжеские знаки колоколовидной формы

на двух разновидностях печатей. Первая, представленная уже 4 экземплярами, содержит на оборотной стороне изображение св. Николая Мирликийского в полный рост (№ 297). Другая, известная в 2 экземплярах, сочетает этот знак с изображением на обороте св. Мины в полный рост (№ 298).

Знак в виде двузубца с отогнутыми наружу зубцами и с отрогом внутри на левом зубце

(рис. 8, б) встречён на единственной печати с изображением на обороте архангела (№ 299). Эта булла посредственной сохранности, с нечитаемым архангельским именем, была куплена Н. П. Лихачевым в Стамбуле.

Вторую подгруппу образуют две уникальные печати, роднящиеся между собой не только сходными очертаниями знаков, но и некоторыми техническими признаками, в частности небольшой толщиной кружков при их значительном диаметре.

Знак в виде трезубца с прямым средним зубцом и отрогом вправо на конце этого зубца (рис. 8, в), входящий в эту подгруппу, имеется на печати, оборот которой занят ростовым изображением св. Георгия (№ 300).

Другой, но гораздо более сложный знак в виде трезубца с прямым средним зубцом, с отрогами внутрь на концах боковых зубцов и с отрогом вправо в нижней части знака (рис. 8, г) помещен на булле, несущей на обороте крайне схематичное изображение святого воина, вообще не поименованного (№ 301).

В третью подгруппу колоколовидных знаков (с отрогом в основании, имеющем форму креста) входят 4 печати, отпечатанные 3 парами матриц.

Знак в форме двузубца с отогнутыми наружу зубцами и с отрогами внутрь на обоих зубцах (рис. 8, д) имеется на печати, содержащей на обороте поясное изображение св. Иоанна Богослова (№ 302).

Знак в форме двузубца с отогнутым наружу правым зубцом, с отрогом внутри на этом зубце и с горизонтальной чертой, соединяющей раструб знака наверху (рис. 8, е), зафиксирован на обломке печати утратившей левую половину; поэтому полностью форма знака пока не может быть восстановлена. Оборот этой печати занят ростовым изображением святого воина, имя которого также не сохранилось (№ 303).

Наконец, колоколовидный знак с отогнутыми наружу зубцами, с отрогом внутри на правом зубце (рис. 8, ж) сохранился на двух печатях, причем обе эти буллы дошли до нас в виде фрагментов, не дающих возможности установить сюжет оборотной стороны этой разновидности (№ 304). Н. П. Лихачев, издавая первый фрагмент, так описал это изображение: «Полуизглаженное изображение святого в длинном одеянии, в ризах мученических или преподобнических, но никак не в одежде воина. Надпись лишь просвечивает на подлиннике, но читается полностью:

ΘΕ
ΔΟ т. е. Θεодоръ
ΡΨ

Затрудняюсь сказать, какому именно из святых Феодоров можно отнести это изображение⁸. Однако при публикации второго фрагмента тот же исследователь писал: «На таблицах атласа имеется фрагмент подобной печати (см. табл. VII, 3) с изображением на другой стороне св. Феодора. На воспроизводимом экземпляре святой, несомненно, не Феодор, но имя в остатках букв не разбирается»⁹. Сличение обоих фрагментов обнаружило, что они оттиснуты одной и той же парой матриц, поэтому святой, изображенный на этой печати, не может одновременно быть и не быть Феодором. Имя изображенного не читается вовсе ни на том, ни на другом экземпляре. К типу св. Феодора это изображение не подходит совершенно.

Знаки в форме багра. Знаки в виде вертикальной линии, снабженной отрогом вправо или влево, придающим им сходство с багром, встречены на 10 печатях, оттиснутых 5 парами матриц. Все экземпляры найдены в Новгороде.

Рис. 9. Княжеские знаки в виде багра

Знак в виде вертикальной черты с отрогом вправо на ее середине (рис. 9, а) имеется на четырех печатях, оттиснутых одной парой матриц, с погрудным изображением на обороте бородастого святого с буквой «Т» у его левого плеча (№ 305). По своей фактуре эти печати занимают промежуточное положение между актовными буллами и пломбами дрогичинского типа, однако они все же изготовлены более аккуратно, нежели дрогичинские пломбы.

⁸ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, комментарий к табл. VII, 3.

⁹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 206.

Подобный знак, но с горизонтальным покрытием наверху (рис. 9, б), отмечен на двух разных печатях. Первая из них, зафиксированная в трех экземплярах, содержит на обороте изображение архангела, имя которого не читается (№ 306). Обратная сторона занята изображением св. Димитрия в полный рост с соответствующими колончатými надписями (№ 307).

Знак в виде вертикальной черты с раздвоенным отрогом влево (рис. 9, в) также отмечен на двух разных печатях. На обороте одной из них помещено погрудное изображение святого с длинной бородой и крестом у правого плеча (№ 308). Поскольку это, очевидно, не Константин и не апостол Андрей, можно с уверенностью определять в нем изображение св. Иоанна Предтечи. Н. П. Лихачев ссылается на титулы этого имени около головы святого¹⁰. На обороте другой печати с тем же знаком нет изображения, однако там имеется трехстрочная надпись: «Георгии» (№ 309).

Знаки индивидуальной формы. Четвертую группу княжеских знаков на актовных печатях составляют два знака, один из которых в форме двух обращенных друг к другу выпуклостями дуг, соединенных крестиком

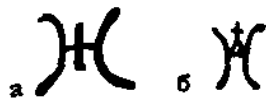

Рис. 10. Княжеские знаки индивидуальной формы

(рис. 10, а), отмечен на двух идентичных печатях с поясным изображением св. Димитрия на обороте (№ 310), а другой, подобный только что описанному, но несколько более сложной формы (рис. 10, б), — на печати, найденной в Вышгороде под Киевом; оборот этой последней содержит поясное изображение бородастого святого с нечитаемыми остатками надписи по сторонам (№ 311).

¹⁰ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, комментарий к табл. VII, 14.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СУДЬБА ПЕЧАТЕЙ С КНЯЖЕСКИМИ ЗНАКАМИ

Изучение княжеских знаков на древнерусских печатях, естественно, стало возможным только после того, как основная часть изложенного выше материала была собрана. Поэтому первые попытки разобраться в принадлежности булл с изображением знаков Рюри-

ковичей были предприняты Н. П. Лихачевым, который является первооткрывателем подавляющего большинства таких булл. Чтобы охарактеризовать состояние материала в его время, достаточно сказать, что после смерти Н. П. Лихачева было обнаружено только 17 печатей

рассматриваемого разряда, причем 14 из них принадлежали к разновидностям, хорошо известным этому исследователю.

Н. П. Лихачев так формулировал свою задачу: «Разнообразие типов знаков на печатях и пломбах затрудняет отнесение всех их многочисленным членам князей Рюрикова дома. Тем не менее мы должны экземпляры знака, напояинающие вышеприведенные нами четыре варианта (имеются в виду варианты знака на древнейших монетах. — В. Я.), по мере возможности сопоставлять, если на памятниках имеются изображения святых, с одноименными святым князьями»¹¹.

В развитие этой задачи Н. П. Лихачевым была предпринята грандиозная работа по сопоставлению русских сфрагистических тамг с тамгами на русских монетах, на монетах Золотой Орды и Джагатаидов, с польскими геральдическими памятниками. Результатом этого сопоставления был фундаментально обоснованный вывод о принадлежности многочисленных двузубцев и трезубцев на печатях и пломбах представителям княжеского дома Рюриковичей. Однако исследователь почти не коснулся проблемы конкретной атрибуции булл. Лишь в двух случаях он позволил себе высказаться с некоторой определенностью. Разбирая печать № 285 (по нашей нумерации) из собрания М. И. Полянского, Н. П. Лихачев заметил: «Как первый владелец моливдовула, так и составители объяснительных надписей во время выставки в Археологическом институте относили памятник Ярославу Мудрому (напомним, что на этой булле изображен св. Георгий. — В. Я.).

Вполне соглашаясь с древностью печати, мы не можем согласиться с таким определением, но только потому, что знак на Ярославовом «сребре» иной»¹².

В другом месте, остановившись на анализе печати № 289 (с изображением св. Кирилла), Н. П. Лихачев сопоставил это изображение с именем Всеволода-Кирилла Ольговича (Киев: 1138—1146 гг.): «Конечно, вопрос о родовых знаках остается пока в области гипотез, но как предположение мы считаем возможным отнести эту печать с изображением св. Кирилла и родовым знаком именно в кн. Всеволоду Ольговичу. Делаем это почти с уверенностью ввиду сходства знака с тем, что видим на монетах Нежинского клада»¹³.

Отсюда вытекает, что исследователь признавал два методических условия персональной атрибуции булл с изображением княжеских знаков. Во-первых, знаки, принадлежавшие разным князьям, отличаются один от другого. Во-вторых, имя святого, изображенного на оборотной стороне печати с княжеским знаком, совпадает с христианским именем владельца печати.

Этот принцип конкретного определения буллы был положен в основу исследования и А. В. Орешниковым, статья которого, основанная на материалах лихачевского собрания, вышла в свет в 1930 г.¹⁴ А. В. Орешников принял целый ряд атрибуций. Прежде всего он согласился с определением печати № 289 с изображением св. Кирилла и вслед за Н. П. Лихачевым отнес ее Всеволоду-Кириллу Ольговичу¹⁵.

Относительно печати № 293 с изображением Андрея Первозванного А. В. Орешников высказался следующим образом: «Печать по фактуре и стилю относится к XI в. и, кроме в. к. Киевского Всеволода Андрея (ум. 1093 г.), отца Владимира Мономаха, другому князю отнесена быть не может»¹⁶.

Подробному разбору в статье А. В. Орешникова была подвергнута печать № 286 с изображением св. Георгия. Находя знак на этой печати родственным знаку на печати с изображением св. Кирилла, но имеющим более простые, а следовательно, и более ранние формы, А. В. Орешников искал его владельца среди старших черниговских князей, предшественников Всеволода Ольговича, и, не находя среди них Георгиев, высказал — нужно сказать, не очень удачное — предположение, что Георгием, вопреки известным сведениям Любецкого синодика, звали основоположника черниговской линии Рюриковичей Святослава Ярославича (который, как известно, был в действительности крещен с именем Николай)¹⁷.

Относительно печати № 292 с изображением архангела, в котором А. В. Орешников вслед за Н. П. Лихачевым видел Михаила, исследователь высказался в пользу ее принадлежности Олегу-Михаилу Святославичу Тмутараканскому. Печать № 307 с изображением св. Дмитрия была А. В. Орешниковым отнесена Всеволоду-Дмитрию Большое Гнездо. Наконец, печать № 300 с изображением св. Георгия в той же

¹¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 199.

¹² Там же, стр. 203.

¹³ Там же, стр. 205.

¹⁴ А. В. Орешников. Указ. соч.

¹⁵ Там же, стр. 105.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 106—107.

статье обрела своего владельца в лице Юрия Долгорукого¹⁸.

Думается, что нет необходимости всерьез разбирать все эти атрибуции, случайность которых очевидна. Совершенно непонятно, почему печать с изображением св. Андрея «по фактуре и стилю относится к XI в.» Как раз с буллами этого столетия она не обнаруживает никакой близости. Абсолютно необъяснимым было бы обилие в Новгороде печатей Олега Тмутараканского, если отнести ему буллы с изображением архангела. Впрочем, эта атрибуция рушится и потому, что на указанных буллах изображен Гавриил, а не Михаил. Непонятно, почему изображение св. Димитрия обязательно должно соответствовать Всеволоду III, а, например, не Изяславу Ярославичу, которого также звали Димитрием, и почему изображение св. Георгия может свидетельствовать о принадлежности буллы обязательно Юрию Долгорукому, а, скажем, не его внуку Юрию Андреевичу.

Однако нам сейчас не столько важны результаты конкретной атрибуции рассматриваемых печатей, сколько самый факт использования уже обозначенного выше методического приема атрибуции, согласно которому владельца знака следует определять по имени лица, изображенного на обороте буллы.

Уже после смерти А. В. Орешникова Н. П. Лихачев в процессе последнего редактирования текста своего «Сфрагистического альбома» снабдил этот текст специальным экскурсом, посвященным изложению цитированной статьи А. В. Орешникова. По-видимому, он не принял новых персональных атрибуций этого исследования, поскольку не упомянул их вовсе, однако еще раз подтвердил правомерность того методического приема, о котором выше шла речь. «В вопросе о личных печатях,— писал Н. П. Лихачев,— я присоединяюсь к мнению покойного маститого нумизмата, но соблюдаю большую осторожность в определениях личностей, где такие определения становятся простыми предположениями». И далее: «Я не мог бы согласиться с А. В. Орешниковым в тех определениях, которые относятся к знакам иных типов сравнительно со знаком Рюриковичей. Дело в том, что все разнообразные знаки, зарисованные на его двух таблицах, указывают на членов рода Рюриковичей в той или другой его отрасли. После долговременных изысканий я пришел к другому выводу. По моему мнению, на печатях и пломбах знаки принадлежат не исключительно роду Рюрико-

вичей, а в древней Руси происходил процесс постепенного образования феодальной геральдики, подобной польской, процесс, заглохший от напряженных внешних условий»¹⁹.

В 1940 г. с большой статьей о знаках собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси выступил Б. А. Рыбаков²⁰. Ценность этой работы заключается в широком привлечении долго оставшихся вне внимания исследователей археологических материалов. В результате этого решительного расширения круга источников древнейшей геральдики вопрос о связи рассматриваемых знаков с княжеским хозяйством приобрел более прочную основу. Однако проблема конкретной атрибуции знаков и в этой статье не получила существенного развития. Б. А. Рыбаков, опираясь на определения Н. П. Лихачева и А. В. Орешникова, построил генеалогическую схему княжеских знаков, в которой отразились и материалы сфрагистики. Прежде всего вслед за А. В. Орешниковым Б. А. Рыбаков приписывает Андрею Всеволоду Ярославичу знак на печати № 293. Дополнительной аргументации этому положению исследователь не дает, утверждая только, что предпринятая А. В. Орешниковым атрибуция опиралась на авторитет Н. П. Лихачева²¹. Однако указанный исследователь нигде не касался вопроса определения даты и владельца этой буллы, а, как уже отмечено, она не находит точек соприкосновения с памятниками сфрагистики XI в. Далее Б. А. Рыбаков принимает орешниковскую атрибуцию печати № 292, относя ее Олегу-Михаилу Святославичу²². Выше мы отметили, что эта атрибуция невозможна, поскольку на булле изображен Гавриил, а не Михаил. Также вслед за А. В. Орешниковым печати № 289 и 300 признаны Б. А. Рыбаковым принадлежащими соответственно Всеволоду-Кириллу Ольговичу и Юрию Долгорукому²³, а печать № 307 — Всеволоду-Димитрию Большое Гнездо²⁴.

Большой интерес представляет привлечение Б. А. Рыбаковым к решению частной сфрагистической задачи знаков на Золотых воротах во Владимире и на кивории в Боголюбове. Однако исследователь почему-то дважды пишет, что такие же знаки на булле с изображением

¹⁸ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, дополнения.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI. М.—Л., 1940.

²¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 253.

²² Там же, стр. 233.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 232, 235—236.

¹⁸ А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 107—109.

св. Николая (печать № 297 по нашей нумерации) А. В. Орешников приписывал Святославу Ярославичу Черниговскому²⁵. Между тем А. В. Орешников относительно этих печатей придерживался совершенно противоположного мнения: «В Альбоме к «Материалам» Н. П. Лихачева издана (табл. XI, рис. 4) небольшая княжеская печать очень тонкой работы с изображением св. Николая и с родовым знаком, к сожалению, не вполне сохранившимся, колоколообразной формы, несколько сходным со знаком на фиг. 26 таблички. Было бы вполне естественно эту печать отнести к Святославу-Николаю Ярославичу, родоначальнику черниговских князей, в родовом знаке которого должен быть заметен двузубец, но колоколообразная форма знака очень удаляется от формы знака Ярослава; поэтому я не решился бы отнести печать на табл. XI Альбома, рис. 4, к Святославу Ярославичу»²⁶. Святославу Ярославичу А. В. Орешников относил печать № 286 с изображением св. Георгия, но знак на этой булле не имеет ничего общего со знаком Золотых ворот и кивория.

Орешниковская атрибуция Всеволоду III знака в форме багра на печати № 308 подкреплена Б. А. Рыбаковым привлечением известной дмитровской иконы с изображением св. Димитрия Солунского, на которой над плечом святого помещен значок, напоминающий тамгу на указанной печати. Б. А. Рыбаков сравнивает композицию этой иконы с изображением князя Владимира на златниках и сребрениках Владимира «I типа» и приходит к выводу, что композиция иконы по существу является условным портретом князя, заказчика этой иконы, Всеволода Юрьевича²⁷. Несмотря на то, что эта гипотеза получила широкое признание, нам представляется, что она основана на недоразумении. «Знак» изображен на той части иконы, которая была переписана в XVI в.²⁸, а в это время совершенно неотличимые фигуры широко используются художниками в качестве орнаментального элемента как в иконописи, так и во фресковой живописи²⁹.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 231, 248.

²⁶ А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 106.

²⁷ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 235—236.

²⁸ В. И. Антонова, Н. Е. Миева. Каталог древнерусской живописи. Опыт историко-художественной классификации, т. 1, IX — начало XVI в. М., 1963, стр. 71.

²⁹ См., например, такой мотив у Дионисия (В. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, табл. II, XII, XVII, XVIII, XXI). Подобные знаки имеются на ктиторской фреске в Спас-Нередице, переписанной, судя по форме покрытия изображенного на ней храма, в XVI в.

Вне зависимости от результатов конкретной атрибуции знаков и печатей методический принцип этой атрибуции в работе Б. А. Рыбакова остается неизменным, таким, каким он был применен впервые Н. П. Лихачевым и А. В. Орешниковым: «Одна из сторон таких печатей,— пишет Б. А. Рыбаков,— обычно занята знаком князя, другая — изображением святого (по всей вероятности, христианского патрона князя). Ввиду того, что изображение почти всегда сопровождалось надписью, мы имеем в них благодарнейший материал для раскрытия смысла родовых знаков, для распределения их по известным нам князьям. Опираясь именно на этот сфрагистический материал, А. В. Орешников смог построить свою схему»³⁰.

В 1956 г. тот же методический принцип был положен в основу нашей работы, посвященной классификации ряда княжеских знаков, связанных нами с суздальской линией Рюриковичей³¹. Поводом к появлению этой работы была известная неудовлетворенность бытующей в литературе генеалогической схемой княжеских знаков, в которой вопреки принятому всеми исследователями тезису о постепенном и закономерном видоизменении тамги при переходе от отца к сыну принцип закономерной последовательности изменений оказывается совершенно невыдержанным. Сконцентрировав внимание на двух группах знаков — колоколовидных и имеющих форму багра, мы также приняли ряд атрибуций, результатом которых оказалось кажущееся подтверждение торжества искомого принципа закономерных и последовательных видоизменений знака.

Чрезвычайно близкие тамгам на Золотых воротах и кивории знаки на печатях № 297 с изображением св. Николая и № 298 с изображением св. Мины были соответственно отнесены князьям суздальского дома Ростиславу Юрьевичу и его внуку Святославу Мстиславичу. Печать № 300 с изображением св. Георгия вслед за А. В. Орешниковым и Б. А. Рыбаковым мы приписали Юрию Долгорукому. Относительно печати № 307 с изображением св. Димитрия было высказано мнение, что она принадлежит не Всеволоду III, а его сыну Владимиру-Димитрию, так же как и пробле-

³⁰ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 236.

³¹ В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956. См. также: В. Л. Янин. К вопросу о дате Лопастецкого креста. КСИИМК, вып. 68, 1957; А. В. Куза. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо. «Культура древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина». М., 1966.

матичный знак на дмитровской иконе св. Димитрия Солунского. Печать № 306 с изображением архангела и знака в виде багра, перекрытого горизонтальной перекладиной, получила атрибуцию временем Святослава-Гавриила Всеволодовича. Наконец, печати № 308, и 309 с изображением знака в форме багра и с фигурой Иоанна Предтечи на одной и надписью «Георгий» на другой были соответственно отнесены детям Всеволода III Ивану и Георгию.

В результате наблюдений, изложенных в предыдущей главе, становится очевидной неубедительность основных атрибуций, принятых нами в цитированной статье. Относя Ростиславу Юрьевичу буллы с изображением св. Николая, мы признавали, что он в крещении назывался Николаем. Выше было установлено, что в действительности его звали не Николаем, а Иаковом. Связывая печати, несущие изображение св. Мины, с князем Святославом Мстиславичем, мы также предполагали, что его крестильным именем было Мина. В действительности, как это показано выше, он был крещен с именем Агафоник. Такой же неудач-

ной представляется нам опубликованная недавно статья А. В. Кузы о знаке Всеволода III. В этой статье автор подвергает переатрибуции лишь отдельные знаки, принимая в целом нашу неверную схему. Необходимость переатрибуции основных знаков этой схемы разрушает всю стройность опубликованных нами генеалогических таблиц княжеских знаков и делает их недействительными.

Однако критика неудач в персональной атрибуции отдельных знаков на печатях и самих печатей с княжескими знаками не может быть сведена к новым попыткам отыскать более удачные атрибуции, идя по пути использования тех методических приемов, которые вот уже на протяжении почти четырех десятилетий признаются исследователями этой проблемы непреложными. Ниже мы попытаемся показать, что сами эти методические приемы, исходящие из представления о тождестве княжескому имени изображения на таких печатях, ошибочны, а применение этой методики было результатом заблуждения, все больше и больше прогрессирующего с развитием описанной концепции.

ПРОБЛЕМА ПРИНЦИПИАЛЬНОЙ АТТРИБУЦИИ ПЕЧАТЕЙ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКОГО ЗНАКА

Внимательное ознакомление с материалами рассматриваемой группы древнерусских булл обнаруживает ряд любопытных явлений, которые оказываются в противоречии с изложенной выше методической концепцией их атрибуции. Эти противоречия заключаются в том, что в нескольких случаях буллы, несущие изображения разных святых, содержат на обороте изображения совершенно идентичных знаков.

Указанное явление обратило на себя внимание первых исследователей княжеской геральдики, хотя оно в использованных ими материалах и не было еще выражено в достаточной степени. Н. П. Лихачев, сравнив печати № 286 с изображением св. Георгия и № 297 с изображением св. Николая, писал: «Изображение двух святых (Георгия и Николая) на печатях с одинаковым знаком делает ненадежными какие-либо предположения»³². В действительности на сравниваемых им печатях помещены разные знаки: на булле с изображением св. Георгия тамга прямолинейных очертаний и с прямым коротким вертикальным отрогом в основании, на булле с изображением св. Николая

тамга колоколовидной формы с отрогом в виде изогнутого влево крючка в основании.

Два случая тождественности знаков на печатях с изображением разных святых были отмечены А. В. Орешниковым. Анализируя печать № 293 с изображением св. Андрея, А. В. Орешников заметил: «Нельзя обойти молчанием другой печати с тем же, по-видимому, родовым знаком, изданной на той же (VII) таблице Альбома, рис. 9, но лицевая сторона имеет изображение св. воина в рост; более сохранный экземпляр печати, может быть, укажет отличие от изданного родового знака, а лучшее изображение святого мученика даст его имя»³³.

Такие лучшие экземпляры нашлись и не подтвердили идентификации знаков. Речь идет о печати № 291 с изображением непоименованного святого воина, знак на обороте которой в действительности отличен от знака на булле с изображением св. Андрея. Последний имеет отроги внутрь на каждом зубце, тогда как знак на печати № 291 снабжен отрогом внутрь только на правом зубце.

Зато второе сопоставление, изложенное А. В. Орешниковым, безупречно. Описав знак

³² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 199.

³³ А. В. Орешников. Указ. соч., стр. 105—106.

в форме багра с горизонтальным покрытием наверху, исследователь указал: «Тот же знак находится на привесных печатях Альбома, табл. VII, рис. 4, 6 и 7, но с изображением на лицевой стороне архангела; это уже второй случай, когда один и тот же знак находится на печатях, принадлежащих князю с другим именем»³⁴.

С подобным случаем пришлось столкнуться и Б. А. Рыбакову, который, однако, никак не комментировал его. «Знак Святослава Ярославича нам неизвестен, — писал Б. А. Рыбаков, — как как тот знак, который А. В. Орешников приписывал ему, оказался знаком Андрея Боголюбского»³⁵. Однако, если знак Андрея Боголюбского действительно идентичен знаку на печати с изображением не св. Андрея, а другого лица, вряд ли следовало ограничиваться простой констатацией этого факта.

В действительности случаев полной идентичности знаков на печатях с изображением разных святых больше, чем описано в литературе. Совершенно тождественны знаки, имеющие вид двузубца прямоугольных очертаний с отрогом внутрь на правом зубце и с прямым коротким вертикальным отрогом в основании, на печатях № 283 и 284. Между тем первая из этих булл содержит на обороте изображение св. Георгия, а на второй изображен святитель, в котором опознается иконографический тип св. Василия Великого. Можно спорить относительно этого определения, полагая, например, вслед за Н. П. Лихачевым, что святителем может оказаться и св. Николай, но факт остается фактом — на двух печатях с одинаковым знаком изображены разные святые.

Два абсолютно идентичных знака, имеющих форму двузубца прямоугольных очертаний с отогнутыми наружу зубцами, с отрогом внутрь на правом зубце и с отрогом в форме «ласточкина хвоста» в основании, отмечены на печатях № 290 и 291. Однако на первой из этих печатей помещено изображение святого в длинных одеждах с печатаемым именем, но все же определяемого как святитель, мученик или преподобный (отнюдь не воин), а на второй — изображение непоименованного святого воина.

Не вызывает сомнений полная идентичность знаков в виде двузубца колоколовидных очертаний с отогнутым наружу правым зубцом, с отрогом внутрь на прямом левом зубце и с отрогом в виде плавно изогнутого влево крючка в основании на печатях № 297 и 298. Но на

первой из этих печатей оборотная сторона содержит изображение св. Николая, а на другой — св. Мины. Этот пример представляется нам самым важным, поскольку указанные печати настолько родственны по своей манере, что производят впечатление вышедших если не из рук одного мастера, то, во всяком случае, из одной мастерской.

Следующая пара идентичных знаков в форме вертикальной черты с отрогом вправо на ее середине и с горизонтальным покрытием наверху уже отмечена А. В. Орешниковым. Это знаки на печатях № 306 и 307. Обратная сторона первой из этих булл содержит изображение архангела, на обороте второй изображен св. Димитрий.

Наконец, еще одна пара тождественных знаков в форме вертикальной черты с раздвоенным отрогом влево имеется на печатях № 308 и 309. На обороте первой из них изображен Иоанн Предтеча, на обороте второй помещена надпись «Георгий».

Таковы факты. Располагая всего лишь 29 разновидностями печатей с изображениями княжеских знаков, мы в этой сравнительно небольшой группе насчитали пять случаев буквального повторения одного и того же знака на буллах, изображающих разных святых.

Можно было бы поставить вопрос иначе и поискать соответствия одному и тому же изображению разных княжеских знаков. Однако в этом случае сопоставления будут малоубедительными: в княжеской семье одни и те же имена повторялись многократно, и если изображение св. Георгия, например, соответствуют три разновидности знаков, то в этом нет ничего удивительного. Даже наличие двух чрезвычайно близких по стилю печатей с редким именем Анания не порождает уверенности в том, что эти буллы с разными княжескими знаками принадлежали одному лицу. Напротив, это, по видимому, исключено, так как на них изображены только одноименные, но не одинаковые святые. На печати № 295, как это явствует из надписи буллы и самого иконографического типа, изображен Анания, епископ Дамаска, один из апостолов. На печати № 296 с надписью О АГІОС АНАНІЯ святой держит в руках, мученический крест и должен быть, очевидно, отождествлен с Ананией Перским (1 декабря)³⁶.

Изложенные выше наблюдения возвращают нас к постановке главного вопроса, связанного

³⁴ А. В. Орешников. Указ. соч.

³⁵ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве, стр. 231.

³⁶ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, дополнения.

с изучением этих булл: кому же все-таки они принадлежали? Если эти печати княжеские, то почему тогда равным князьям во многих случаях принадлежат абсолютно идентичные знаки? Если же они не княжеские, почему на них помещено изображение знака Рюриковичей? Что самые знаки были княжескими там-гами, как нам представляется после работ Н. П. Лихачева, А. В. Орешникова и Б. А. Рыбакова, не подлежит сомнению.

Проверим сначала первое предположение. Допуская, что святые, изображенные на рассматриваемых печатях, являются патронами князей — владельцев печатей, мы могли бы указать только один выход из тех противоречий, которые демонстрирует применение одного и того же знака на печатях разных лиц: князья — владельцы этих булл помещали на них не свой личный знак, а знак того князя, чей суверенитет над собой они признавали. Например, княжившие в Новгороде представители суздальской линии Рюриковичей могли ставить на свои буллы знак правившего в Суздале великого князя, Ростиславичи — знак современного им смоленского князя и т. д. Это предположение, однако, не находит опоры в наличном материале печатей.

В самом деле, повторность находок в Новгороде многих булл рассматриваемого разряда прямо указывает на то, что владельцы этих булл были связаны с новгородской администрацией. Пять раз в Новгороде была найдена печать № 291 с изображением непоименованного святого воина. В десяти экземплярах исключительно из новгородских находок известна печать № 292 с изображением архангела Гавриила. Пять раз в Новгороде обнаружена печать № 295 с изображением св. епископа Анании. Четыре раза там же находили печать № 297 с изображением св. Николая. На двух экземплярах печати № 298 из находок в Новгороде изображен св. Мина. Три печати № 306 того же происхождения несут на себе изображение архангела. В четырех экземплярах новгородского происхождения известна печать № 305 с изображением непоименованного бородатого святого.

Между тем ряд имен владельцев этих печатей не находит соответствия в списках крестильных имен новгородских князей. Эти списки не знают Анании и Мины. Что касается Николая, то князь с таким именем в Новгороде был, так звали Святослава Ольговича, княжившего в 1136—1138 гг., а затем в 1139—1141 гг. Однако связывать с ним печать № 297 невозможно. Святослав Ольгович происходил из черниговской линии Рюриковичей, он был по-

томком Святослава Ярославича, а совершенно идентичная знаку на печати № 297 тамга обнаружена во Владимире, на Золотых воротах. Там же зафиксирована ближайшая ей аналогия на кивории в Боголюбове. Этот знак, следовательно, связывается с линией суздальских князей — Юрьевичей, а не с Черниговом.

Невозможно, так сказать, вывернуть это предположение наизнанку и допустить, что знаки на печатях принадлежали новгородским князьям, а изображения на их оборотных сторонах олицетворяли патронат современных великих князей. Чтобы показать абсурдность такого допущения, воспользуемся печатями № 297 и 298 с изображением Николая и Мины. Как уже отмечено, знак на этих буллах (один и тот же в обоих случаях) находит аналогии в суздальской геральдике. Следовательно, настаивая на высказанном предположении, мы должны допустить, что в Новгороде существовал какой-то князь, который был сначала современником суздальского князя с христианским именем Николай, а затем — суздальского князя с христианским именем Мина (порядок здесь не играет роли: сначала мог быть Мина, а потом Николай). Однако христианские имена всех суздальских князей XII—XIII вв. хорошо известны и среди них нет ни Николая, ни Мины. До 1157 г. в Суздальской земле княжил Юрий Долгорукий, он был Георгием. С 1157 по 1174 г. правил его преемник Андрей Боголюбский, он имел только христианское имя. Его сменил Михалко Юрьевич, умерший в 1176 г., его звали Михаилом. Следующим князем был Всеволод III Большое Гнездо, занимавший стол до 1212 г., он назывался Дмитрием. Последовавшая за его смертью борьба Всеволодовичей Константина и Юрия (Георгия) окончилась в пользу первого, скончавшегося в 1218 г.; после него до гибели в 1238 г. в Суздальской земле правит Юрий-Георгий Всеволодович.

Отвергнув таким образом традиционное предположение о принадлежности печатей с княжескими знаками князьям, мы обязаны теперь рассмотреть другое предположение: не принадлежали ли они каким-то другим определенным по своей должности сановникам государственной администрации? В первую очередь возникает мысль об их принадлежности новгородским посадникам. Если известный по позднейшим свидетельствам порядок смесного суда посадника и князя в Новгороде сложился впервые в результате государственных перемен, вызванных восстанием 1136 г., то нет ничего невероятного, что печати такого суда оформлялись по принципу совмещения на них посад-

ничего патронального изображения и княжеской геральдической эмблемы. Однако эта мысль также не подтверждается наличием материалами.

Погодный рассказ летописи и известные списки новгородских посадников называют в интересующее нас время следующих лиц, отправлявших в Новгороде должность посадника: Костянтин Микульчич (1136—1137, 1146—1147 гг.), Якун Мирославич (1137—1141, 1156—1160 гг.), Судила Иванович (1141—1144, 1147—1156 гг.), Нежата Твердячич (1144—1146, 1160—1161 гг.), Захария (1161—1167 гг.), Якун (с 1167г.), Жирослав (до 1171, 1171—1172, 1175гг.), Иванко Захарьинич (1171, 1172—1175 гг.), Завид Неревинич (1175—1176, 1177—1180, 1184—1186 гг.), Михалко Степанович (1176—1177, 1180—1184, 1186—1189, 1204—1205 гг.), Мирошка Нездвич (1189—1204гг.), Дмитр Мироскинич (1205—1207 гг.), Твердислав Михалкович (1208—1211, до 1215, 1216—1219, 1219—1220 гг.), Дмитр Якунович (с 1211 г.), Юрий Иванович (1215—1216 гг.), Семен Борисович (1219 г.), Иванко Дмитриевич (1220—1229 гг.), Внесад Водовик (1229—1230 гг.), Степан Твердиславич (1230—1243 гг.)³⁷.

Большинство перечисленных здесь посадников известно нам только по их языческим именам, и поэтому можно было бы догадываться, что именно таким посадникам принадлежали буллы с изображением святых Николая, Мины и даже двух Анапиев. Однако противоречиво здесь другое обстоятельство. Многие посадники носят христианские имена. Среди них дважды бывший на посадничестве Костянтин (Константин) Микульчич, занимавший эту должность в течение шести лет Захария, дважды посадничавший Иванко Захарьинич. А как раз эти имена вовсе не представлены изображениями печатей с княжескими знаками.

Поэтому более естественным представляется нам предположение о принадлежности таких булл лицам, имевшим самое непосредственное отношение к княжеской администрации — полномочным представителям князей, например тысяцким (имеются в виду не республиканские, а княжеские тысяцкие). О существовании таких полномочных лиц сообщает летописный рассказ 1219 г.: «Князь же Святослав присла свои тысяцкыи на вече, рече: «не могу быти с Твердиславом и отымаю от него посадыицтво»³⁸. О том, насколько авторитетной была эта должность княжеской администрации, сообщают некоторые поздние источники.

³⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники.

³⁸ НПЛ, стр. 59, 260.

Писатель второй четверти XVI в.³⁹ инок суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Григорий в житии Евфросинии Суздальской сообщает: «Во времена же та бысть Суждальское княжение держащему благоверному великому князю Мине Ивановичу, и бысть же той благоверный при всем благочестив, отгребаяся от всякого зла, той един преодолевая всех саном и гордостью величества отечества своего. Род же его влечаша от Варяг, от Шимона князя Африкановича. Африкан же бе брат Якуна слепого, иже от Златия Орды. Род же их от Клавдия Кесаря Римского, от того убо корени род Суждальских князей»⁴⁰.

Евфросиния, в миру Феодулия, дочь Михаила Всеволодовича, князя черниговского, была обручена с Миной Ивановичем, который «умоли дарами великими родителя блаженной отроковицы вдати ю жене ему»⁴¹, но, прибыв в Суздаль в 1227 г.⁴², не нашла его в живых и приняла монашество в Рязположенском монастыре. Дальнейшая ее просветительная деятельность хорошо известна.

Имя «князя» Мины сохранилось в суздальской микротоповимике. Известна пустошь «Минино селище» на окраине Суздаля, по дороге во Владимир, которая по духовному завещанию черницы Марины отказана в 1252 г. суздальскому Васильевскому монастырю на помин души князя Дмитрия Константиновича⁴³. Название пустоши в XVIII в. объяснялось следующим образом: «От Суждаля на полдень, по большой ныне Владимирской дороге, в левой пашне есть место, именуемое Минино Селище, от града три версты, на котором был двор загородный великого князя Мины Иоанновича Суздальского»⁴⁴.

Инок Григорий выводил родословную Мины от Шимона Африкановича, племянника варяжского князя Якуна. Некоторые подробности родословной потомков Африкана сообщает Киево-Печерский патерик. Шимон, изгнанный Якуном, пришел к Ярославу Владимировичу, и

³⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 283—286.

⁴⁰ «Житие пр. Евфросинии Суздальской по списку XVII века, изданное В. Георгиевским». «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. 1. Владимир, 1899, стр. 88.

⁴¹ «Житие пр. Евфросинии Суздальской», стр. 89.

⁴² К. Тихомиров. Археологические заметки о городах Суздаля и Шуе. «Записки Отделения русской и славянской археологии Российского Археологического общества», т. 1. СПб., 1851, стр. 86.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Анапий Федоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суздаля. «Временник ОИДР», т. 22. стр. 96.

тот принял его и в «чести имаше и дасть того сынови своему Всеволоду, да будет старей у него: приа велику власть от Всеволода». Сын Шимона Георгий был кормильчиком Юрия Долгорукого и занимал впоследствии должность тысяцкого в Суздальской земле.

Разумеется, потомок Шимона Африкановича не мог быть великим князем или просто князем, но его титулование позднейшим агиографом симптоматично. Потомок Шимона Мина пользовался авторитетом и влиянием и даже родился с владетельными князьями Рюриковичами.

Нам не известны имена тысяцких новгородских князей, и поэтому атрибуция им печатей с княжескими знаками — точнее, части таких печатей, встреченных в Новгороде в повторных находках, — может быть только общей, принципиальной, лишенной конкретности персональных определений. Во всяком случае, мы видим, что печати с изображением княжеских знаков не представляют «благодарнейшего материала» для распределения их по известным нам князьям, однако они содержат в себе основания для не менее важных наблюдений над структурой княжеской администрации XII — начала XIII в.

Кое-какие наблюдения, впрочем, могут быть сделаны и в области княжеской геральдики. Для этого из массы материала булл, несущих изображения княжеских знаков, мы выделяем те печати, которые в силу множественности в Новгороде их находок или же в силу бесспорного стилистического сходства с последними связываются с княжеской администрацией Новгорода. Такие печати по типу княжеского знака могут быть распределены на четыре группы.

1. Колоколовидный знак в форме двузубца с отрогом, имеющим вид плавно изогнутого влево крючка, в основании. К этой группе относятся печати № 297 с изображением св. Николая (4 экз.) и № 298 с изображением св. Мины (2 экз.). Как уже отмечено, знаки на обеих буллах идентичны.

2. Знак в форме двузубца прямоугольных очертаний с отрогом в виде «ласточкина хвоста» в основании. К этой группе принадлежат печати № 291 с изображением непоименованного святого воина (5 экз.), № 292 с изображением архангела Гавриила (10 экз.) и № 293, 294 с изображением св. Андрея. Последние две печати уникальны, однако по своей технической и художественной манере они очень близки другим буллам той же группы. Все три знака не идентичны, хотя и близки.

3. Знак в форме двузубца или треузубца прямолинейных очертаний с отрогом в виде треу-

гольника, обращенного вершиной вверх (или стилизованной вертикальной короткой чертой?). К указанной группе принадлежат печати № 295 с изображением св. епископа Анании (5 экз.) и № 296 с изображением св. мученика Анании (1 экз.). Стилистическая близость обоих вариантов уже отмечена. Знаки на них имеют разные дополнительные элементы.

4. Знак в виде багра с горизонтальным покрытием или без него. К этой группе принадлежат печати № 305 с изображением непоименованного бородатого святого (4 экз.), № 306 с изображением архангела (3 экз.) и № 307 с изображением св. Димитрия. Последняя печать также уникальна, но стилистически близка многим буллам из новгородских находок, перечисленным выше и имеющим массовый характер.

Наличие этих четырех принципиальных типов княжеского знака совпадает с тем хорошо известным обстоятельством, что в Новгороде на протяжении XII — начала XIII в. княжили представители именно четырех ветвей русского княжеского дома, а именно: черниговские князья (потомки Святослава Ярославича), затем представители старшей линии Мстиславичей (старшие сыновья Мстислава Владимировича Великого и их потомки), представители младшей линии Мстиславичей (Ростислав Мстиславич Смоленский и его потомки — Ростиславичи) и, наконец, суздальские князья Юрьевичи (потомки Юрия Долгорукого). По видимому, между этими четырьмя линиями князей и распределяются четыре отмеченные выше группы княжеских знаков.

С полной определенностью можно говорить о принадлежности Юрьевичам первой группы знаков, колоколовидной формы. Знак, абсолютно идентичный тамгам на печатях с изображением святых Николая и Мины, был обнаружен на одном из блоков Золотых ворот⁴⁵. Чрезвычайно близкий ему знак открыт Н. Н. Ворониным на камне пьедестала боголюбовского кивория⁴⁶. В литературе неоднократно утверждалось, что знаки Золотых ворот и кивория идентичны⁴⁷, однако это не так: знак киво-

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве, стр. 232 — 233; Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11. М. — Л., 1949, стр. 210, рис. 6.

⁴⁶ Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI — XIII вв. М. — Л., 1945, рис. 22; *он же*. Боголюбовский киворий. КСИМК, вып. XIII, 1946, стр. 65; *он же*. Зодчество Северо-Восточной Руси XII — XV вв., т. 1. М., 1961, стр. 258.

⁴⁷ В. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 233; Н. Н. Воронин. Памятник владимиро-суздальского зодчества XI — XIII вв., стр. 50; *он же*. Оборонительные сооружения Владимира XII в., стр. 215.

Рис. 11. Знак на камне Золотых ворот

рия имеет дополнительный отрог на вершине левого зубца (рис. 11). И Золотые ворота, и киворий построены в княжение Андрея Боголюбского, поэтому Н. Н. Воронин и Б. А. Рыбаков именно этому князю относили тамгу на его постройках. Однако очевидно, что при разнице знаков Андрею мог принадлежать только один из них. Какой же? Мы полагаем, что с этим князем возможно связать тамгу кивория, поскольку знак Золотых ворот повторен на неоднократно найденных в Новгороде печатях, а Андрей Юрьевич никогда в Новгороде не княжил.

Чрезвычайная близость этих знаков заставляет искать владельца тамги, изображенной на Золотых воротах и на печатях с фигурами святых Николая и Мины, в кругу ближайших родственников Андрея Боголюбского, его родных братьев и сыновей. В Новгороде княжил

старший брат Андрея — Ростислав Юрьевич (1138—1139, 1141—1142 гг.), но он умер в 1150 г., за восемь лет до начала постройки Золотых ворот. Новгородскими князьями были также младший брат Андрея — Мстислав Юрьевич (1155—1157 гг.) и сын Андрея — Юрий (1172—1175 гг.). Кому-то из этих двух последних лиц и принадлежали, по-видимому, знаки, известные нам по граффито Золотых ворот и печатям с изображениями святых Николая и Мины.

Думается, что знаки с основанием в виде «ласточкина хвоста» нужно относить к одной из линий Мстиславичей. Многочисленность экземпляров таких печатей (10 с изображением Гавриила, 5 с изображением святого воина, 2 разновидности печати Андрея) говорит о том, что владевшие ими сановники были представителями долговечных на новгородском столе князей, а именно среди Мстиславичей и имеются такие подолгу правившие князья: Святополк Мстиславич (1142—1148 гг.), Ярослав Изяславич (1148—1154 гг.), Святослав Ростиславич (1158—1160, 1161—1167 гг.), Ярослав Владимирович (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.). Для генеалогической локализации остальных двух групп знаков пока, по-видимому, не имеется данных.

Также трудно сказать что-нибудь определенное относительно принадлежности тех печатей, которые в Новгороде встречаются в единичных находках или вообще обнаружены вне Новгорода. Поскольку в сфрагистике XI в. отмечены случаи, когда принадлежность знака совпадала с принадлежностью буллы, вовсе не исключено, что среди этих печатей, особенно в той группе, которая демонстрирует наиболее архаические черты, имеются и княжеские печати.

Таким образом, в той части, которая касается конкретной атрибуции печатей с княжескими знаками, мы пришли к весьма расплывчатому и неопределенным выводам. Для определения персональной принадлежности этих булл собранные к настоящему времени материалы явно недостаточны.

Однако такая неопределенность представляется нам более отвечающей сегодняшнему состоянию материала, нежели кажущаяся точность атрибуций, основанная на несостоятельных методических приемах.

ГРУППЫ ПЕЧАТЕЙ СОМНИТЕЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

АНОНИМНЫЕ ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ

Предпринятые во второй главе настоящего исследования выводы относительно времени появления на русских буллах изображения Богоматери как общецерковной эмблемы позволяют поставить вопрос о принципиальной атрибуции небольшой группы печатей, несущих на одной стороне поясное изображение Богоматери, а на другой — того или иного святого. Нам сейчас известно 19 таких печатей, отиснутых 12 парами матриц. На них с богородичным изображением сочетаются изображения святых: Бориса и Глеба (№ 312), Василия Кесарийского (№ 313, 314), Дмитрия (№ 315), Петра (№ 316), Феодосия (№ 317), архангела (№ 319, 320, 321). На одной разновидности святой не определен (№ 318), на другой неразборчива композиция (№ 322). Еще на одной разновидности изображение Богоматери сочетается с изображением Христа (№ 323).

Отмеченные сочетания отличаются бросающейся в глаза противоречивостью. Изображение Богоматери в домонгольское время составляло отличительный признак владычных печатей. Поэтому, казалось бы, на оборотной стороне этих булл, если они действительно принадлежали церковным иерархам, следовало бы ожидать патрональных изображений этих иерархов. Между тем в списках русских епископов домонгольского времени нет ни одного Бориса (или Глеба), ни одного Василия, Дмитрия, Петра и Феодосия. Более того, все эти имена относятся к числу предпочтительных в княжеской, а не в монашеской среде. Чьи же это печати — княжеские или епископские?

Н. П. Лихачев, впервые поставивший перед сфрагистикой этот вопрос, располагал несколькими буллами изучаемого типа: с изображением святых Петра, Феодосия, Василия, Бо-

риса и Глеба. Оставляя за собой право колебаться в ответе, исследователь все же был более склонен признать печати княжескими. «Изображение Богоматери, — писал он, — заставляет нас прежде всего задать себе вопрос, не духовного ли лица разбираемая печать. На это мы ответим отрицательно. Византийцы — светские люди нередко употребляли на своих печатях изображения столь чтимой в Византии Богоматери, с другой стороны, духовные сановники как в Византии, так и перенесли этот обычай в Россию, и на Руси вырезывали на своих печатях свое имя и титул. С этим явлением в сфрагистике русских свинцовых печатей мы встречаемся на всем ее протяжении. Вероятнее, что эта печать княжеская, но только вероятнее»¹.

В соответствии с этим предположением Н. П. Лихачев усматривал во владельце буллы с именем Петра князя Ярополка Изяславича, сидевшего в Вышгороде в 1078 г., а затем с 1078 по 1086 г. во Владимире Волынском². В связи с буллами, несущими имя и изображение св. Феодосия, он припомнил указание Любецкого синодика о существовании великого князя Феодосия Черниговского и княгини его Евфросинии³. Вопрос о принадлежности булл с изображением св. Василия был оставлен Н. П. Лихачевым без рассмотрения⁴. Наконец, булла с изображением святых Бориса и Глеба была им предположительно отнесена рязанскому князю Гле-

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. «Труды Музея палеографии», т. 1. Л., 1928, стр. 161.

² Там же, стр. 161—162.

³ Там же, стр. 162—163.

⁴ Там же, стр. 163—164.

бу Ростиславичу (умер в 1177 г.), поскольку местом ее находки была Рязань⁶.

Думается, однако, что вопрос о принципиальной принадлежности рассматриваемых булл не следует решать столь прямолинейно. Многое зависит здесь от предваряющего принципиальную атрибуцию решения вопроса о хронологии этих печатей. Если они действительно употреблялись на протяжении того длительного времени, какое не отрицал для них Н. П. Лихачев, т. е., по крайней мере, от второй половины XI в. до конца XII в., тогда вряд ли ко всем экземплярам можно подходить с одинаковой меркой. Во второй половине XI в. типы печатей постоянно варьировали и смешивались. Но уже с начала XII в. богородичное изображение прочно утверждается на буллах духовных лиц и становится наиболее заметным их отличительным признаком. Следовательно, для рассматриваемых печатей в случае их датировки XII в. — более вероятной окажется церковная принадлежность, в случае же более ранней датировки такая предпочтительность не обязательна.

Существует вместе с тем одно обстоятельство, которое дает нам возможность настаивать на принадлежности большинства таких булл духовным лицам, несмотря на то, что они помечены несомненными княжескими именами. Чтобы познакомиться с этим обстоятельством, нам нужно обратиться к одному любопытному и уже разобранному выше памятнику другого сфрагистического типа.

В 1951 г. в Новгороде при археологических раскопках была найдена булла (№ 225), конкретная атрибуция которой не была предпринята ни при ее первом⁶, ни при повторном издании⁷. Булла размером 27—28 мм, отличающаяся архаическими признаками, которые выражены, в частности, в припухлости краев, характерной для многих печатей XI — начала XII в., имеет на одной стороне изображение св. Василия в полный рост, а на обороте — такое же ростовое изображение св. Лазаря. Относительная древность этой печати подтверждается и стратиграфическими условиями ее находки. Она обнаружена в слоях, дендрохронологически датированных 1178—1197 гг., но в землю попала спустя, по всей вероятности,

значительный срок после ее прямого использования при документе. На печати имеется небольшое отверстие в верхней части кружка — след вторичного использования буллы в качестве натального образка. Любопытно, что набор имен на печати точно соответствует именам, запечатленным на берестяных грамотах тех же слов и той же усадьбы, на которой была найдена печать. Булла происходит из 17 яруса, а в 18 ярусе (1161—1177 гг.) обнаружены грамоты № 9 («От Гостыты к Васильви») и № 86 с надписью «Лазоря». Вероятно, превращение буллы в образок имело побудительной причиной совпадение имени одного из владельцев усадьбы с именами печати.

Как бы то ни было, а согласное показание стратиграфии и технических особенностей печати заставляет искать ее владельца во времени не позднее первой половины XII в. В этом периоде существует одно сочетание имен, полностью совпадающее с обозначенными на нашей печати. Мы имеем в виду переяславского епископа Лазаря, хиротонисанного в 1105 г. и умершего в 1117 г.⁸ На протяжении всей своей святительской деятельности епископ Лазарь был современником и сподвижником князя Владимира Мономаха, называвшегося в крещении Василием, бывшего переяславским князем с 1094 по 1113 г. и киевским с 1113 по 1125 г.

Приписывая найденную в Новгороде печать с изображением святых Лазаря и Василия переяславскому епископу Лазарю, мы тем самым обнаруживаем, что организационная структура русских епархий в изучаемое время могла быть более сложной, нежели принято ее представлять себе. Епископы могли находиться не только в иерархическом подчинении митрополиту, но и обозначать на своих буллах свою зависимость и взаимосвязь с наличным князем, осуществлявшим политическую власть на той территории, в границы которой входили их епархии. Если наше определение печати с изображением святых Лазаря и Василия правильно, то эту буллу мы, по-видимому, должны воспринимать как печать епископа, который в то же время был и княжеским советником. Практически в ее оформлении проявляется тот же принцип, который присущ оформлению булл протопроедров: сочетание имен или изображений разных лиц, находившихся в политическом подчинении одно другому. Точно такой же принцип применен и в рассмотренных в предыдущей главе печатях тысяцких, на которых изображены патрональные святого вла-

⁶ Н. П. Лихачев, *Материалы для истории византийской и русской сфрагистики*, вып. 2, стр. 275—276.

⁷ В. Л. Янин, *Печати из новгородских раскопок 1951 г.*, М., 1953, стр. 379—380, № 7.

⁸ В. Л. Янин, *Визские печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.*, МИА, № 55, 1956, стр. 160—161, № 46.

⁹ ПСРЛ, т. I. Изд. 1, стр. 119, 128; т. II. СПб, 1843, стр. 8, 287, 291; т. VII, стр. 20, 24.

дельца буллы сочетается с изображением геральдического знака князя.

Но если мы правы в своем определении, у нас появляется возможность осмыслить вопрос о принципиальной принадлежности булл, несущих на одной стороне изображение Богоматери, а на другой — изображение святого с «княжим» именем. Так могли выглядеть на следующей стадии своего развития те епископские буллы, в начале развития которых стоят типы, подобные печати Лазаря. Именное патрональное изображение епископа — владельца буллы заменяется на них изображением Богоматери, т. е. общерусским церковным символом, а патрональное изображение наличного князя остается неизменным.

Иными словами, буллу с изображением Богоматери и св. Василия мы склонны относить какому-то епископу, епархия которого находилась в пределах княжества Василия, буллу с изображением св. Феодосия — какому-то епископу, епархия которого находилась в пределах княжества Феодосия и т. д.

К сожалению, проблему конкретной атрибуции при существующем состоянии материала возможно только поставить, но не решить. На протяжении XII в. (а почти все печати рассматриваемой группы находят художественные аналоги именно в этом столетии) такие имена, как Димитрий, Василий, Михаил (или Гавриил), Борис и Глеб принадлежали к числу излюбленных в княжеском кругу. Даже персональная атрибуция булл, несущих обозначение не только христианского имени, но и отчества, как мы уже убедились, необычайно трудна. При наличии же только имени эти трудности увеличиваются в несколько раз. Путь к решению проблемы лежит через накопление материала, приращение топографических свидетельств тяготения определенных разновидностей булл к определенным территориям. Только тогда появится возможность так или иначе ограничить в каждом случае круг поисков.

Сейчас как будто вполне определилось территориальное тяготение печатей с изображением Богоматери и св. Василия (№ 313, 314). Четыре экземпляра таких булл (из пяти) обнаружены на территории Западной Украины (Звенигород Галицкий и Плисеск). Эти печати могли принадлежать какому-то владимирово-волыньскому или галицкому епископу, бывшему современником соответственно владимирово-волыньского или галицкого князя Василия. Однако сведения о христианских именах этих князей XII в. крайне неполны, и решать вопрос окончательно пока невозможно. Не исклю-

чена вероятность, что указанные печати связаны с одной из южных епархий, подвластных Владимиру-Василию Мономаху. Думается, что возможность связывать их с княжением Василька Тербовльского не должна приниматься в расчет, так как во владениях Василька не было епископской кафедры.

Территория распространения булл с изображением св. Феодосия (№ 317) в отличие от печатей с изображением св. Василия широка. Одна из этих булл найдена в Галиче Южном, другая — в Суздале, паспорт третьей, к сожалению, утерян. Пытаясь определить принадлежность этих булл, приходится, вслед за Н. П. Лихачевым, ограничиться ссылкой на существование какого-то князя Феодосия на черниговском столе. Это упоминание извлечено из Любецкого синодика⁹, где ни контекст сообщения, ни другие его подробности не дают удовлетворительной возможности отождествить князя Феодосия с каким-либо из летописных черниговских князей, хотя контекст сообщения и не оставляет сомнений в том, что речь в нем идет о князе XII в.

Замечательный и по изображениям, и по месту находки сфрагистический памятник рассматриваемой группы был обнаружен в Московском кремле при раскопках в феврале 1965 г. Эта находка является первой домонгольской буллой, извлеченной из культурного слоя Москвы. На одной стороне она несет изображение Богоматери в канонической позе с богородичными титулами по сторонам, но в совершенно необычной пышной одежде, а на обороте — погрудное изображение архангела (№ 319). В пределах XII в. мы знаем несколько князей Михайлов, однако некоторые особенности изображения на московской печати позволяют остановиться на самом раннем из них. Архангел на печати изображен в поясном варианте, но так во всей русской сфрагистике домонгольской поры изображался только патрон киевского князя Святополка-Михаила Изяславича (1093—1113 гг.). Имеем в виду печать № 37 греко-русского типа, которая выше отнесена к новгородскому периоду княжения Святополка (до 1088 г.), и печати № 74, 75, 76 с надписью «Дньтслово», датируемые киевским периодом (1093—1113 гг.). Думаем, что в рамках этого определения наиболее возможной датой являются 1093—1096 гг., на которые приходится перерыв в замещении митрополичьей кафедры.

Для окончательного определения буллы необходим, на наш взгляд, специальный анализ изображения Богоматери в необычной для нее

⁹ Р. Вл. Зотов. Указ соч., стр. 25, 41—43.

пышно орнаментированной одежде византийской патрицианки¹⁰. Такая особенность не встречена в памятниках сфрагистики и не известна в иконописи, что было подтверждено консультациями В. И. Антоновой. Между тем трудно предположить, что мастер печати мог решиться на нарушение иконописного канона. Поэтому требуется внимательный пересмотр всех материалов иконографии Богоматери с целью поисков образцового изображения, дата которого безразлична для уточнения хронологии буллы.

Весьма интересную группу составляют крупные (в отличие от остальных) буллы № 315 и 316 (каждая по 2 экз.), несущие в одном случае изображение св. Димитрия, а в другом — изображение св. Петра в сочетании с изображением Богоматери. Обе разновидности этих печатей тесно связаны друг с другом, что особенно очевидно при сопоставлении деталей изображения на них Оранты, не имеющей на груди диска с младенцем. Казалось бы, это сходство может быть привлечено к подтверждению предложенной Н. П. Лихачевым атрибуции печатей Петра, отнесенных исследователем князю XI в. Ярополку Изяславичу. Ведь имя Димитрия на обнаруженной позднее булле того же типа соответствует христианскому имени отца Ярополка — Изяслава-Димитрия Ярославича. Однако принадлежность рассматриваемых булл именно Ярополку не может быть подтверждена: в его владениях (Вышгород, а затем Владимир Волынский) при его жизни епископских кафедр не было. Впрочем, не исключена возможность, что эти крупные буллы действительно датируются второй половиной XI в. и соответствуют Изяславу-Димитрию Ярославичу и его сыну Ярополку-Петру¹¹. Может

быть, это буллы, которыми названные князья пользовались в изгнании? Но тогда они только формально связаны с рассматриваемым типом сходством соединения патронального изображения с богородичным.

Особое внимание следует обратить на то, что из 19 известных сейчас печатей этого типа только 5 найдены в Новгороде. Полагая, что в подавляющем своем большинстве богородичные анонимные буллы связаны с епископской сфрагистикой, мы найдем объяснение этому обстоятельству. Ведь в Новгороде на протяжении XII и XIII вв. существовал устойчивый тип именной владычной буллы, которая обнаружена уже во многих образцах, представляющих почти всех епископов этого времени. Предложенная здесь принципиальная атрибуция анонимных богородичных печатей в известной степени разъясняет и другую сфрагистическую загадку: почему до сих пор нам были известны епископские буллы лишь Новгорода, Смоленска, Полоцка и Галича, но не Ростова, Владимира, Юрьева, Тмутаракани, Чернигова, Турова, Белгорода, Суздаля. По всей вероятности во всех этих епархиях употреблялась анонимная, а не именная булла. Выдвинутая здесь атрибуция рассмотренных булл позволяет получить решение еще одной загадки: почему, зная многие епископские имена XII в. (Николай, Ефрем — в Переяславле, Исая — в Ростове, Стефан — во Владимире Волынском, Марин — в Юрьеве, Николай — в Тмутаракани, Феоктист — в Чернигове, Лаврентий — в Турове, Лука — в Белгороде; называем лишь основателей кафедр), мы не встречаем их на печатях, хотя другие имена (Нифонта — в Новгороде, Мануила — в Смоленске, Дионисия — в Полоцке, Козмы — в Галиче) снова и снова встречаются в повторных находках. Очевидно, эти ненайденные имена и не были помещены на буллах, будучи скрыты общецерковной эмблемой, соединенной не с именем епископа, а с именем современного ему князя.

Впрочем, для решения всех этих вопросов нужен постепенный и кропотливый сбор новых материалов.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХРИСТА ИЛИ ЕГО СИМВОЛОВ

Последнюю количественно заметную группу древнерусских печатей домонгольского времени составляют буллы, несущие на одной стороне изображение Христа (в редких случаях), чаще — тождественный этому изображению крест простой или процветший, а на обороте — изо-

бражение того или иного святого. Мы относим к этой группе 27 булл, оттиснутых 24 парами матриц, но должны оговориться, что действительные пределы группы несколько неопределенны: изображение креста в сочетании с изображением святого очень часто встречается

¹⁰ Увеличенное изображение этой печати см. в статьях *Н. Шелляпина*. Археолог поправляет летописца. «Наука и жизнь», 1965, № 9, стр. 147; *М. Г. Рабинович*. О возрасте и первоначальной территории Москвы. Сб. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967, стр. 27, рис. 3, 9.

¹¹ Имя «Петр» Ярополк принял в католическом крещении, на Руси он назывался Гавриилом. См.: *В. Л. Янин*. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. «Нумизматика и эпиграфика», т. IV. М., 1963.

ся на дрогичинских пломбах, а каждый, кто имел с ними дело, знает, как трудно провести разграничительную черту между бесспорными активными буллами и пломбами дрогичинского типа, тем более, что среди последних наверняка скрываются и целые категории активных булл. Выделяя рассматриваемую группу печатей, мы руководствовались их размером, всегда превосходящим обычные размеры пломб, и аккуратностью технического исполнения печатей. В ту же группу булл мы отнесли одну печать с неповторимым в русской сфрагистике сюжетом — изображением этоймасси, престола обетования, наиболее заметным элементом которого является все тот же крест с титлами Христа по сторонам (№ 344).

Трудности принципиальной атрибуции рассматриваемой группы вызваны тем, что характерный признак входящих в нее печатей — крест или изображение Христа — в отличие от изображения Богоматери не был присущ каким-либо определенным институтам государственной власти. Можно, правда, рискуя вступить на несколько формальный путь, предположить, что символы Христа были связаны главным образом с учреждениями светской власти.

Если духовные иерархи, помещая на свои буллы богородичное изображение, в формулах благопожелания адресуются постоянно к Богоматери, то легенды княжеских печатей XI — начала XII в. всегда содержат обращение к богу. Это в равной степени характерно и для печатей с греческими легендами, и для печатей с русской благопожелательной формулой. Напомним, что и новгородские посадничьи буллы первой половины XII в. несут на себе формулу «Господи, помози». Изображение креста постоянно присутствует на дрогичинских пломбах, а последние, вне зависимости от окончательного решения вопроса об их назначении, принадлежали (во всяком случае, в своем подавляющем большинстве) князьям.

Подобные наблюдения могут быть сделаны и на сфрагистических материалах XIII в. Для новгородских княжеских печатей Ярослава Всеволодовича¹², Дмитрия Александровича¹³, Андрея Александровича¹⁴, Михаила Ярославича¹⁵ характерен один и тот же типичный признак. Помещая на лицевой стороне изобра-

жение святого патрона князя, они на обороте содержат изображение Пантократора. Такое же изображение имеется на безусловно светской печати «Всего Новгорода» 1260-х годов¹⁶.

Однако уже в конце XIII в. появляются широко распространенные в последующее время многочисленные буллы владычных наместников, т. е. лиц, связанных исключительно с организацией церковного управления¹⁷. И обязательным элементом таких булл оказывается изображение креста во все поле печати, в чем они уподобляются рассматриваемым памятникам. Нужно только добавить, что другим обязательным элементом этих печатей владычных наместников было изображение Богоматери, далеко не обязательное на наших печатях.

Полагая, что изображение Богоматери служило индикатором церковной принадлежности буллы, мы в группе рассматриваемых печатей можем указать несколько разновидностей, на которых такое изображение имеется. Это, прежде всего, печать № 331, найденная в Новгороде; на ней погрудное изображение Богоматери сочетается с изображением процветшего креста. Печать отличается бросающимися в глаза архаическими признаками. Это, во-вторых, обломок буллы с ростовым изображением Богоматери и процветшим крестом (№ 342) из Новгорода, принадлежащей к несколько более поздней эпохе, на что, между прочим, указывает и размер буллы. Если печать № 331 может быть отнесена самое позднее к началу XII в., то печать № 342 входит в круг булл развитого XII в., тяготея к его второй половине. Это, затем, включенная в предыдущий раздел исследования печать № 323 неизвестного происхождения, на которой сочетаются поясные изображения Богоматери и Христа, и, наконец, сюда же мы относим буллу из Новгорода с изображением креста и редчайшим в сфрагистике сюжетом — многофигурной композицией Успения (№ 343).

Названными разновидностями формально исчерпывается круг печатей, которые могли бы быть отнесены к сфрагистике духовных лиц. По логике вещей, владельцев всех остальных печатей нужно искать среди представителей светской государственной администрации. Однако, прежде чем согласиться с таким предположением, нам следует остановиться на вопросе хронологии рассматриваемых булл.

Мы уже видели, что среди них имеются отнюдь не древние образцы, тяготеющие к

¹² Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, № 444, табл. VI, 11, 12; IX, 1; LI, 3, 15; LIV, 11; LV, 2, 4, 5, 6.

¹³ Там же, табл. V, 17; VI, 8, 9, 10, 13, 14, 15; XL, 7, 8, 9, 10.

¹⁴ Там же, табл. VI, 7; IX, 10, 11; XL, 6.

¹⁵ Там же, табл. X, 12, 13; XXXV, 11

¹⁶ Там же, табл. XIII, 1, 2.

¹⁷ См.: П. А. Шорин. Анонимные печати новгородских архиепископов. СА, 1964, № 3.

сфрагистике XI в., и более поздние печати, принадлежащие к XII в. С точки зрения типических деталей это слишком несходные периоды, чтобы всю разбираемую группу связывать с общим, единым для всех составляющих ее булл решением.

С архаической буллой № 331 находит сходство несколько печатей этой группы; правда, добрая половина их сохранилась в образцах очень плохой сохранности (№ 327 из Новгорода, 328, 329, 330 из Киева), не позволяющих прочесть имя святого, изображенного на обороте буллы. Только три разновидности читаются прекрасно. На вариантах № 324 и 325 изображение процветшего креста сочетается с изображением св. Феодора, но не воина, как обычно, а мученика. Оба варианта происходят из новгородских находок, причем разновидность № 324 известна уже в двух экземплярах. На варианте № 326, найденном в Волковыске, изображение процветшего креста сопровождается поясным изображением св. Симеона.

По всей вероятности, последнюю буллу можно безоговорочно связывать с княжеской сфрагистикой западнорусских областей. Ее композиция многократно повторена на нескольких разновидностях дрогичинских пломб, также несущих безусловное изображение св. Симеона¹⁸. Сложнее обстоит дело с печатями, на которых помещено изображение св. Феодора.

Н. П. Лихачев, сравнив печать № 324 с уже упоминавшейся выше буллой с изображением креста и Богоматери (№ 331), писал: «Но особенное внимание обращает на себя печать, воспроизведенная на табл. XLIX, под № 3 (т. е. печать № 325 по нашей нумерации. — В. Я.). Это как бы второй экземпляр описываемой нами печати, но представляющий ей подражание. Работа грубее, процветание креста скромнее, но имя Феодора вырезано более ясно. Факт очень замечательный. Мы постоянно сталкиваемся с печатями — княжескими оригиналами и их подражанием — копией. Это то, что несомненно доказано для позднейшего времени, — печати от имени князя в руках его уполномоченных. Печать представляет памятник древнейшей эпохи. С наибольшим вероятием она относится к XI столетию»¹⁹.

Оставляя в стороне вопрос о сфрагистических типах позднейшего времени, который далеко не так очевиден, отметим, что в домон-

гольское время печати княжеских уполномоченных отличались от княжеских булл по своему типу и отмеченное Н. П. Лихачевым исключительное сходство двух вариантов печати с изображением св. Феодора свидетельствует об их принадлежности одному и тому же лицу. Кому же они принадлежали, будучи местом их повторных находок связаны с Новгородом?

Разумеется, не исключена их княжеская принадлежность. Мы до сих пор не знаем христианских имен новгородских князей XI в. Мстислава Изяславича и Глеба Святославича. Имя последнего, рожденного в середине XI в., еще языческое, и он, так же как и Мстислав Изяславич, мог в крещении называться Феодором. Однако более вероятной кажется нам атрибуция этих булл новгородскому епископу Феодору, хиротонисанному в 1069 г. и умершему в 1077 г. Если эта атрибуция правильна, то найдет объяснение и отмеченная уже близость этих булл печати № 331 с изображением Богоматери. Последняя могла принадлежать одному из несколько более поздних епископов Новгорода, например непосредственному преемнику Феодора епископу Герману (1078—1095 гг.).

В группе более поздних булл с изображением креста представлены печати с изображением святых Бориса (№ 332), Глеба (№ 333, 2 экз.), Захарии (№ 334—1 экз., № 335—2 экз.), Константина (№ 336), Прокопия (№ 337), святых с неразборчивыми именами (единичные буллы № 338, 339, 340, 341). Сюда же относится печать с изображением этой масии и архангела Гавриила (№ 344). Все перечисленные печати по стилю и техническим данным принадлежат к XII в.

Относительно этой подгруппы возникает заманчивое решение, которое, однако, не лишено некоторых противоречий. Именно среди рассматриваемых булл имеются такие, на которых присутствуют имена, тождественные некоторым посадничьим именам середины XII в. Особенно показательна в этом отношении печать с изображением св. Захарии.

Эта печать представлена двумя вариантами (№ 334, 335), которые тесно связаны между собой: они имеют общую оборотную сторону с изображением св. Захарии. Нам уже приходилось дважды отмечать в новгородской сфрагистике случаи использования в новом буллотирии одной из старых матриц. Здесь мы в третий раз встречаемся с таким же явлением. Повторность находок буллы связывает ее с администрацией Новгорода. Кроме того, мы располагаем важными материалами для датировки этой печати. Один из двух экземпляров булл-

¹⁸ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 98—99.

¹⁹ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом. Комментарии к табл. XI, I.

лы № 335 был найден в Новгороде при раскопках на Неревском конце в слое с дендрохронологической датой 1178—1197 гг. Между тем в Новгороде с 1161 г. до свержения и казни в 1167 г. посадничал боярин по имени Захария²⁰.

Атрибуция напрашивается сама собой, тем более что она подтверждается еще одной буллой.

Также при раскопках в Новгороде была найдена печать с изображением креста и св. Константина (№ 336). Это имя совпадает с именем посадника Костянтина Микульича, дважды посадничавшего: в 1136—1137 и 1146—1147 гг.²¹ Если эти сопоставления правильны, то можно было бы догадаться, что подобные печати с изображением святых Бориса, Прокопия, Гавриила принадлежали другим посадникам того же времени, но известным нам только по их языческим именам (Нежата, Судила, Якун и т. д.). Однако такое предположение несколько ослаблено тем обстоятельством, что вполне однотипная с перечисленными печать, несущая изображение св. Глеба (№ 333) и об-

наруженная уже дважды, оба раза найдена вне Новгорода — в Киеве и Гродно²².

Поэтому мы считаем более правильным не предпринимать в настоящий момент определенного решения об атрибуции рассмотренных булл с изображением Христа или его символов. По всей вероятности, принципиальная атрибуция этих печатей может быть установлена по-разному для разных областей. В одних, как Новгород, где в XII в. установились четко выраженные типы епископской, княжеской печати и печати княжеских тысяцких, разбираемый здесь тип мог быть действительно усвоен сфрагистикой посадников. В других он мог сохраниться в русле развития княжеской сфрагистики, дав затем новое оформление типу княжеской печати XIII в. Наконец, в третьих областях он был сфрагистическим представителем церковной власти, на что указывает употребление на некоторых вариантах богородичного изображения. Напомним, что в сфрагистическом отношении целые области древней Руси остаются для нас пока вовсе не открытыми.

²⁰ «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 30—31, 218.

²¹ НПЛ, стр. 24, 27, 209, 213, 214.

²² *И. П. Лихачев*. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1, стр. 97; *J. Jodkowski*. Pieczęcie ruskie z XI—XII w., znalezione w Grodnie i Drohiczyńie, *Przegląd historyczny*, t. XXXVII, Warszawa, 1948, str. 163.

ПЕЧАТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТИПОВ И СОМНИТЕЛЬНЫЕ

Завершая обзор памятников русской сфрагистики домонгольского времени, мы должны назвать еще три группы булл, настолько еще малочисленные, что любые выводы по ним были бы пока совершенно преждевременными.

К первой такой группе относятся четыре печати необычных типов. На булле № 348, найденной в 1958 г. в Новгороде, изображение архангела с хорошо читаемой надписью «Гавриил» сопровождается на обороте трехстрочной надписью «Якава п(е)ч(а)ть». Наличие взаимоключающих христианских имен на булле не позволяет предполагать, что оба этих имени принадлежат одному лицу. С другой стороны, трудно допустить, что так странно были изображены имя и отчество владельца буллы. Скорее всего, это печать какого-то Якова, бывшего уполномоченным князя Гавриила. Стилистически булла принадлежит XII в.

Иной характер имеет внешне похожая на нее печать № 349, также найденная в Новгороде. На ней изображение св. Дмитрия на одной стороне сопровождается трехстрочной надписью «(С)вя(то)сла(в)а». Здесь мы наблюдаем

нормальное сочетание языческого и христианского имени и, не имея достаточных материалов для атрибуции буллы, сошлемся только на наличие в Любецком синодике среди князей рубежа XII—XIII в. Святослава-Дмитрия, которого Р. В. Зотов отождествляет со Святославом Владимировичем, внуком Святослава Всеволодовича, правнуком Всеволода Ольговича²³.

Печати № 350 и 351, соответственно из Смоленска и Новгорода, не сохранили имен. На лицевой стороне первой из них изображен бородатый святой, а на обороте надпись в несколько строк, в которой, как кажется, имеется слово «князь». На второй изображен святой воина дополнено на обороте надписью, включающей слово «печать».

Ко второй группе относятся несколько булл, в отношении которых мы затрудняемся присоединить их к какой-либо из разобранных в предыдущих главах исследования сфрагисти-

²³ *Р. Вл. Зотов*. Указ. соч., стр. 26, 40, 86, 87, 241, 248, 278.

ческих групп. Печать № 352, подлинник которой нам не удалось обнаружить, издава только по одной стороне с изображением архангела. Обрат этой буллы содержал какую-то надпись, при публикации не описанную²⁴. Буллы № 353 и 357, изображающие на одной стороне святых, содержат на обороте неразборчивое изображение, которое может оказаться и Пантократором, и святым. Печати № 354 и 355 вообще не сохранили оборотных сторон, не отпечатавшихся или стертых. Наконец, оборотные стороны печатей № 356 и 358 неразборчивы. Нет сомнения, что находки новых экземпляров этих булл позволят в дальнейшем правильно их классифицировать.

К последней, третьей группе мы отнесли девять печатей (№ 359, 360, 361, 362, 363, 364,

365, 366, 367), русская принадлежность которых не вполне определена. Эти печати принадлежат к тому типу, который условно назван «греко-русским», но может оказаться и чисто греческим. В пользу их русской принадлежности как будто говорят два обстоятельства. Во-первых, они найдены на русских городищах. Во-вторых, на них более или менее заметны черты подражательности. Важнее, разумеется, первое обстоятельство, и будь эти печати найдены в Стамбуле, вопроса об их принадлежности к русской сфрагистике не возникло бы. К той же группе мы отнесли и две буллы с изображением двух святых (№ 364, 365). Первая из них имеет совершенно византийский облик, но обнаружена в Киеве. Вторая, существенно напоминающая русские печати, напротив, найдена среди стамбульских печатей. В отношении этой группы также последнее слово в атрибуции составляющих ее печатей остается за новыми находками.

²⁴ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 6. Киев, 1907, стр. 41 и табл. XXXVII, № 564.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги изложенным выше наблюдениям над русскими вислыми печатями домонгольского времени, мы меньше всего намереваемся повторять те многочисленные частные выводы, которые были получены в процессе определения и комментирования булл. Нас интересует сейчас общая картина развития обычной вислой печати в древней Руси X — начала XIII в., какой она представляется в результате принципиальной атрибуции больших групп рассмотренных в нашем исследовании сфрагистических памятников. Для таких общих наблюдений материалы, собранные к сегодняшнему дню, достаточны. Их число определяется внушительной цифрой — 722 домонгольские печати, зарегистрированные в разных собраниях. Эти буллы оттиснуты 367 парами матриц.

Рассмотренные печати следующим образом распределяются по рубрикам той классификационной схемы, которой мы придерживались в ходе их изучения:

	Вариант	Экз.
1. Княжеские печати архангелской графидии	13	16
2. Княжеские печати с греческими строчными надписями	27	37
3. Буллы киевских митрополитов	13	18
4. Именные печати епископов	13	20
5. Печати Ратибора	5	7
6. Печати протопродря Евстафия	2	14
7. Княжеские и посадничьи печати с формулой «Господя, помози»	36	47
8. Печати с формулой «Дьявслово»	23	35
9. Печати с изображением двух святых	150	405
10. Печати с изображением княжеского знака	29	57

11. Анонимные буллы с изображением Богоматери	12	19
12. Буллы с изображением Христа или его символов	24	27
13. Прочие печати (индивидуальных типов, неопределенных типов и сомнительные)	20	20

Перечисленные здесь группы в целом не синхронны. Многие из них оказываются хронологически взаимоисключающими, находящимися по разные стороны неоднократно прослеженного выше важного в истории русских печатей рубежа, падающего на начало XII в. Этим рубежом разграничены два этапа русской домонгольской сфрагистики.

Хронологический момент, с которым можно было бы связать начало первого этапа, в настоящее время не определяется с точностью, поскольку древнейшие русские печати пока единичны. Во всяком случае, можно с полной уверенностью говорить об очень древних корнях обычая вислой печати на Руси. Этот обычай зарождается еще в языческое время, когда формируются и первоначальные традиции оформления сфрагистического типа. Лишенный характерных для более позднего времени христианских эмблем первоначальный русский сфрагистический тип строит свои композиции на основе сочетания княжеского знака и условного портрета князя владельца печати. Традиции архангелской буллы в большой степени сохраняются и в первые десятилетия после принятия христианства. Они становятся основой оформления монетного типа времени Владимира Святославича и Святополка, а в сфрагистике переживают еще в третьей четверти XI в., во времена Изяслава и Святослава Ярославичей.

С принятием христианства и организационным оформлением киевской церковной иерархии наряду с княжеской буллой употребляется печать главы русской церкви — киевского митрополита. Митрополичьи печати поначалу, нужно думать, изготовлялись в Византии. Их тип сформирован на основе чисто византийской традиции и характеризуется сочетанием патрональных изображений (сначала патриарха, а затем и самого митрополита) с греческой строчной надписью, содержащей имя и титул владельца буллы.

Уже к середине XI в. этот сфрагистический тип оказал воздействие и на княжескую печать. В княжеской сфрагистике второй половины XI в. утверждается сходный с ним тип буллы, несущей патрональное изображение владельца печати и греческую многострочную надпись сначала самоуничижительного характера, а затем с включением княжеского титула.

До конца XI в. княжеская и митрополичья буллы, принадлежащие практически к единому сфрагистическому типу, остаются единственными разрядами древнерусской буллы. Лишь в последние два десятилетия XI в. состав памятников сфрагистики несколько разнообразится появлением двух небольших групп, имеющих переходный характер. В Новгороде в результате успехов боярства в борьбе с князем появляется булла протопроедра Евстафия, которого мы отождествили с первым республиканским посадником Завидом. Эта печать фактически повторяет внешний тип княжеской или митрополичьей буллы, будучи снабжена многострочной греческой надписью и изображением святого. На юге появляется печать Ратибора, крупного сановника не княжеского происхождения, оформленная своеобразно. На ней впервые употребляется для надписей русский язык.

По всей вероятности, тогда же кое-где возникает стремление к созданию новых сфрагистических типов, не получивших на первых порах заметного распространения. Так, на Волыни отмечена булла Олисавы-Гертруды с изображением двух святых. В Новгороде, по-видимому, появляется печать епископа Феодора с изображением Богоматери и собственным патрональным изображением.

В 90-х годах XI в. в Киеве и административно с ним связанных центрах была предпринята реформа по унификации типа буллы. В княжение Святополка Изяславича для скрепления актов введена печать с надписью «Дньѣслово» и патрональным изображением владельца буллы или же с изображением символа принадлежности к церковному управлению.

Этот тип использован в княжеской сфрагистике Киева и непосредственно подчиненных ему Новгород и Волыни, а также в сфрагистике митрополитов и епископов.

Что касается последних печатей, то на последние годы XI в. приходится важнейшее новшество. На церковных печатях вместо патронального изображения владельцев появляется общецерковная эмблема — изображение Богоматери, которое в дальнейшем становится неизменным атрибутом церковных печатей.

Киевская инициатива по унификации печати не была принята и поддержана князьями, находившимися в фактической независимости от Святополка. Владимир Мономах уже в конце XI в. пользуется иным типом буллы — печатью с русской благожелательной надписью. Этот тип широко распространяется с приходом на киевский стол Мономаха. Тогда же перестает употребляться и предшествующий тип «Дньѣслово». Собственно, 1113 г. (год вокняжения в Киеве Владимира Мономаха) и представляется нам конечной датой первого этапа истории русских вислых печатей.

До этой даты наиболее характерной особенностью было смешение и чересполосица типов. С одной стороны, не существовало единого типа княжеской буллы. Княжеские печати архаической традиции сосуществовали с княжескими буллами, несущими греческие строчные надписи; княжеские печати с формулой «Дньѣслово» сосуществовали с буллами, несущими русские благожелательные надписи, а на других территориях в это время князьями же употреблялся «греко-русский» тип. С другой стороны, сфрагистические типы церковной и светской буллы не включали в свое оформление каких-либо явных, бросающихся в глаза признаков, которые позволили бы элементарно распознать их. На первых порах и в той, и в другой сфере одинаково употреблялся «греко-русский» тип, затем также безразлично и там, и здесь употреблялся тип «Дньѣслово».

Такое смешение характерно и для редких печатей впервые зарождающихся типов. Булла с изображением двух святых принадлежит волынской княгине Олисаве-Гертруде и того же типа булла оказывается принадлежащей перемышльскому епископу Лазарю.

После 1113 г. такого смешения типов нет. С этого момента сами типические особенности печати превращаются в руководящий признак определения принадлежности буллы к определенному политическому институту.

Такой типической особенностью церковных булл становится изображение Богоматери. Оно употребляется и на печатях с греческой и рус-

ской многострочной надписью, и на буллах с патрональными изображениями князей, занимавших столы в центрах епархий, но оно всегда присутствует на печатях митрополитов и епископов.

Княжеская печать первоначально сохраняет возникший в сфрагистике Владимира Мономаха тип с патрональным изображением князя и русской благопожелательной надписью. Затем, когда в Новгороде этот тип был узурпирован посадниками, резко изменился и тип княжеской буллы. Характерным в сфрагистике князей становится тип печати, несущей изображения двух святых и обозначающей таким образом христианские имя и отчество владельца.

Одновременно возникает и получает заметное распространение булла княжеских уполномоченных — тысяцких, несущая патрональное изображение владельца и изображение княжеского знака.

Лишь тип печати с изображением креста в разных центрах, по-видимому, имеет разный характер, будучи в одних областях атрибутом княжеской, а в других — атрибутом посадничьей сфрагистики.

Вторым важным вопросом, который может быть решен на основании научных выше материалов, является проблема функционального назначения вислой печати. При какого рода документах эта печать употреблялась? Служила ли она целям оформления актов? Или ею снабжались письма?

Для нас является несомненным отрицательный ответ на последнее предположение. Если бы печати в основном служили целям переписки, мы наблюдали бы тогда постоянное противопоставление топографии их находок топографии употребления. Иными словами, новгородские печати, как правило, обнаруживались бы, например, в Киеве, Смоленске или Чернигове. Киевские буллы нужно было бы искать в Новгороде или на Волыни и т. д. В действительности этого нет. Напротив, место находки печати в подавляющем большинстве случаев совпадает с местом ее применения при документе. Печати новгородских князей и посадников происходят в 99 случаях из 100 из находок на Городище в Новгороде или из культурного слоя самого Новгорода. Смоленские печати отысканы в самом Смоленске. Галицкие и волынские городища содержат сфрагистические материалы местного происхождения и т. д. Не исключая возможности эпизодического употребления буллы князя или епископа при письме, мы приходим к выводу, что основным назначением вислых печатей было их употребление при официальных документах, скрепление актов.

Какие же акты скреплялись этими печатями? Если бы мы располагали только материалами новгородского Городища и случайными сфрагистическими находками с других древнерусских городищ, на такой вопрос было бы ответить весьма нелегко. На Городище под Новгородом в древности находился княжеский архив, и допустимо было бы догадываться, что этот архив составляли важнейшие государственные документы междукняжеских и международных отношений. В таком случае найденные там печати можно было бы воспринять как остатки безвозвратно погибших докончаний, договоров, уставных грамот и прочих документов, связанных с политической жизнью древней Руси.

Однако свинцовые печати были многократно найдены при раскопках домонгольских слоев обычного городского квартала Новгорода. Это их обилие говорит, что документ, снабженный вислой печатью, не был диковиной в жилище новгородского дворовладельца. И уж не государственные документы, нужно думать, хранились за иконой или в ларце такого горожанина. Не только эти наблюдения, но и самое обилие булл XI и особенно XII вв. свидетельствует о том, что в большинстве своем дошедшие до нас вислые печати являются остатками многочисленных частных актов (купчих, раздельных, жалованных грамот, духовных и т. д.), утвержденных теми государственными институтами, которым принадлежало право скрепления таких грамот.

Вопрос о времени возникновения частного акта в древней Руси был предметом дискуссии между С. Н. Валком и М. Н. Тихомировым¹. Первый из названных здесь исследователей настаивал на том, что частный акт возник не ранее середины XIV в. Его оппонент отстаивал глубокую древность этой формы документа на Руси. Сфрагистические материалы наглядно демонстрируют правоту М. Н. Тихомирова в этом важном вопросе.

Существенное значение имеет еще одна сфрагистическая проблема. Мы видели, что подавляющее большинство домонгольских печатей связано не только местом своей находки, но и местом употребления при документах с Новгородом. В какой мере этот тезис является абсолютным? И не вызвано ли преобладание новгородских материалов самим наличием мощно-

¹ С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. «Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей». М.—Л., 1937, стр. 285—318; М. Н. Тихомиров. О частных актах в древней Руси. «Исторические записки», № 17, 1945, стр. 225—224.

го сфрагистического комплекса, собранного на новгородском Городище? В цифрах преобладание новгородских материалов выражается следующим образом: из 367 разновидностей русских домонгольских булл 141 разновидность, т. е. больше трети, связана с администрацией Новгорода. Еще нагляднее сравнение числа экземпляров: из 722 зарегистрированных сейчас русских булл домонгольского периода 424, т. е. почти две трети, имеют отношение к новгородской практике оформления актов.

Разумеется, наличие столь обширного сфрагистического комплекса в Новгороде в какой-то степени смещает правильные акценты, лишая статистику должной объективности. Будь подобный комплекс обнаружен также где-нибудь еще, например в Киеве, наши представления оказались бы наверняка более точными. Однако нельзя не обратить внимания на один важный факт, позволяющий воспользоваться для определенных общих выводов и ныне существующим состоянием накопленного материала. Находки вислых печатей достаточно многочисленны и вне Новгорода, особенно на Киевщине. Между тем подавляющее большинство таких находок тяготеет к раннему времени, датируясь XI или началом XII в. Более поздние южные печати исключительны. Это обстоятельство настолько характерно, что, даже имея дело не с самой печатью, а только с известием об ее обнаружении, можно быть почти уверенным в том, что речь идет о булле XI или начала XII в. С другой стороны, отмеченное выше преобладание новгородских материалов образуется исключительно за счет разряда печатей с изображением двух святых, в чем можно убедиться из сравнения цифр по всем разрядам.

	В том числе новгородские			
	Матрицы	Экз.	Матрицы	Экз.
1. Княжеские печати архаической традиции	13	16	1	1
2. Княжеские печати с греческими строчными надписями	27	37	2	3
3. Буллы киевских митрополитов	13	18	—	—
4. Именные печати епископов	13	20	9	13
5. Печати Ратнбора	5	7	—	—
6. Печати протопроедра Евстафия	2	14	2	14
7. Княжеские и посадничьи печати с формулой «Господи, помози»	36	47	15	20
8. Печати с изображением двух святых	150	405	82	322

9. Печати с формулой «Дыиѣслово»	23	35	4	7
10. Печати с изображением княжеского знака	29	57	11	37
11. Анонимные буллы с изображением Богоматери	12	19	—	—
12. Буллы с изображением Христа или его символов	24	27	14	17
13. Прочие	20	20	—	—

Было бы по меньшей мере странным, если бы допущенное выше смещение акцентов коснулось только княжеских булл с изображением двух святых и практически не затронуло других сфрагистических разрядов. Общий вывод, который может быть сделан из этого сопоставления, сводится к тому, что в Новгороде на протяжении XII — начала XIII в. существовала тенденция к поддержанию вислой княжеской буллы, тогда как на юге Руси действовала, по всей вероятности, противоположная тенденция, ведшая к угасанию обычая княжеской вислой буллы. Можно догадываться, что в сфрагистике южной Руси в этот период возникает рядом с вислой печатью прикладная печать, на что как будто указывают распространявшиеся в XII в. печатные перстни².

Однако обнаружение этих двух противоположных тенденций приводит нас к открытию видимого парадокса. В южной Руси, где княжеская власть в XII—XIII вв. сохраняла первоначальные общественные позиции, где государство имело ярко выраженные монархические черты, княжая булла клонится к упадку. В Новгороде же, где княжеская администрация в ходе борьбы с местным боярством утратила былую самостоятельность, печать князя, напротив, переживает свой расцвет. Это наблюдение ведет к новой постановке старого вопроса о сущности республиканских преобразований в Новгороде XII в.

В литературе по истории древнего Новгорода широко бытует концепция, согласно которой республиканские преобразования новгородской государственности связаны главным образом с результатами антикняжеского восстания 1136 г. Наиболее четко эта концепция сформулирована Б. Д. Грековым: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930, стр. 209—213; А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия АН СССР, серия VII, Отделение гуманитарных наук», 1930; Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940.

настоящую революцию, в результате которой явились новые формы политического строя (республика), уцеленные, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении»³. Нам уже приходилось критиковать эту концепцию, доказывая, что возникновение новых форм новгородской государственности было следствием длительного процесса общественного развития Новгорода. Первые результаты этого процесса явственно прослеживаются еще в конце XI в., тогда как окончательное формирование боярских органов власти принадлежит будущему, достаточно далеко отстоящему от 1136 г., который, однако, и в самом деле сыграл громадную роль в этом процессе⁴. Имея сейчас дело со сфрагистическими материалами, мы вновь приходим к подтверждению правильности этой мысли.

С точки зрения изложенной выше и ныне критикуемой концепции новгородский князь после восстания 1136 г. был превращен в почти фиктивную фигуру, во второстепенное или даже третьестепенное лицо государственной администрации, назначением которого было то ли руководить войском, то ли олицетворять политический и военный союз с наиболее могущественными русскими княжествами. Между тем материалы сфрагистики дают основу для несколько иного вывода.

Прежде всего они подтверждают правомерность тезиса о раннем начале формирования боярских республиканских органов в княжеском Новгороде. Первым этапом республиканских преобразований, зафиксированным буллами, является вокняжение в Новгороде в 1088 г. Мстислава Владимировича, когда в малолетство этого князя возникает известная во многих экземплярах булла протопроедра Евстафия, отождествляемого с первым посадником Завидом. Первый посадник титулуется себя советником князя и действует также его именем. Затем власть князя вновь окрепла и, хотя самый институт посадничества остается, право скрепления актов полностью возвращается к князю.

С уходом Мстислава из Новгорода и принятием на стол его сына Всеволода в 1117 г. проис-

ходит новый подъем боярского органа государственности — посадничества. На протяжении всего княжения Всеволода Мстиславича рядом с княжеской буллой существует печать новгородских посадников, наложением которой иногда даже переутверждаются, как мы видели, княжеские акты. В другой своей работе мы охарактеризовали время княжения Всеволода как период определенного двоевластия, равновесия политических институтов княжеской и боярской власти.

Казалось бы, успешное восстание 1136 г., приведшее к торжеству антикняжеской коалиции, должно было отменить княжескую печать и привести к максимальному развитию буллы республиканской власти. Но в действительности наблюдается как раз противоположное явление. Посадничья булла после 1136 г. полностью исчезает или же, по крайней мере, становится почти неупотребимой, если признать посадничьи редкие печати XII в. с изображением креста. Напротив, княжеская булла получает широчайшее развитие, отесняя на задний план другие категории печатей. Более того, одна из этих менее значительных категорий — печати с княжескими знаками также входит в круг булл княжеской администрации. В период с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. в Новгороде 359 печатям княжеского круга противостоят 13 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей.

Изложенное сопоставление различных сфрагистических разрядов Новгорода позволяет формулировать только один вывод. В результате восстания 1136 г. было достигнуто определенное размежевание государственных функций между республиканскими и княжескими органами власти. Однако князь отнюдь не превратился во второстепенную фигуру. В его руках была сосредоточена та часть государственной деятельности, которую мы сейчас назвали бы исполнительной властью.

Князь руководил судом и, следовательно, законодательным оформлением всех официальных документов, фиксирующих движение в Новгороде частной собственности. Однако сам расцвет буллы, равно как и организация на Городище архива, в котором сохранялись противни актов, говорит о том, что деятельность князя была подконтрольной, что она регламентировалась и контролировалась вечевыми органами. И печать в Новгороде, бывшая прежде одной из регалий высшей власти, превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самовластья республиканскими органами.

³ Б. Д. Греков. Революция в Новгороде Великом в XII в. «Ученые записки Института истории РАН ИОН», т. IV. М., 1929, стр. 21.

⁴ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962; см. также: В. Л. Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. «История культуры древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина». М., 1966.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Авдусин* — Д. А. *Авдусин*. Археология СССР. М., 1967;
- АИЗ — «Археологические известия и заметки»;
- АК — Археологическая комиссия;
- Алексеев* — Л. В. *Алексеев*. Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв.). М., 1966;
- Альбом достопримечательностей — Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 4—5. Киев, 1915;
- АЛЮР — «Археологическая летопись Южной России», отпечаток из журнала «Киевская старина»;
- АН СССР — Академия наук СССР;
- АОГИМ — Археологический отдел Государственного Исторического музея (Москва);
- Артамонов* — М. И. *Артамонов*. История хазар. Л., 1962;
- Арциховский*. Введение в археологию — А. В. *Арциховский*. Введение в археологию. М., 1940; Изд. 3. — А. А. *Арциховский*. Введение в археологию. М., 1947;
- Арциховский*. О новгородской хронологии — А. В. *Арциховский*. О новгородской хронологии. СА, 1959, № 4;
- Багалей* — Д. И. *Багалей*. Русская История, т. I. М., 1914;
- БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград);
- Беляшевский*. Два предмета — Н. Ф. *Беляшевский*. Два замечательные предмета Киевского церковно-археологического музея. «Киевская старина», т. XXII, июль 1888 г.;
- Беляшевский*. Раскопки на Княжьей горе — Н. Ф. *Беляшевский*. Раскопки на Княжьей горе в 1892 году. «Киевская старина», т. XXXIII, апрель 1893 г.;
- Блифельд* — Д. I. *Блифельд*. Висла печатка в Білгородки. «Археологія», т. III. Київ, 1950;
- Болсуновский*. Дрогичинские пломбы — К. В. *Болсуновский*. Дрогичинские пломбы, ч. I. Киев, 1894;
- Болсуновский*. Каталог предметов, выставленных в Университете св. Владимира. Киев, 1899;
- Вагнер* — Г. К. *Вагнер*. Аркагурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.). СА, 1961, № 3;
- Воин* — В. И. *Довженко*, В. К. *Гончаров*, Р. О. *Юра*. Древнеоруське місто Воиць. Київ, 1966;
- Воронин*. Гродно — Н. Н. *Воронин*. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.). МИА, № 41. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. III. М., 1954;
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
- ГВНИИ — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949;
- Гвоздик — собрание антиквара Гвоздика в Киеве;
- Геизе — собрание В. Е. Геизе в Киеве;
- Герасимов* — Т. *Герасимов*. Два славянских моливдовула XI и XIII вв. «Byzantinoslavica», XIII, 1, 1952;
- ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва);
- Голубева* — Л. А. *Голубева*. Новый образец свинцовой печати из Суздаля. КСИМК, вып. XXIX, 1949;
- Гончаров* — В. К. *Гончаров*. Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. «Археологія», т. X. Київ, 1957;
- Грачев* — В. И. *Грачев*. Краткий каталог предметов древностей Смоленского городского историко-археологического музея. Смоленск, 1908;
- Гребеняк* — В. *Гребеняк*. Нові археологічні знахідки на території Східної Галичини. «Записки НТШ» т. СХХІІ, 1915;
- ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград);
- Грушевский*. Звенигород — М. *Грушевский*. Звенигород Галицкий — исторично-археологічна розвідка. «Записки НТШ», т. XXXI—XXXII, 1889;
- Грушевский*. История Украины — М. С. *Грушевский*. Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913;
- Грушевский*. Печатки в околищ Галича — М. С. *Грушевский*. Печатки в околищ Галича. «Записки НТШ», т. XXVIII, 1900;
- Грушевский*. Печатка в Ступиці — М. С. *Грушевский*. Печатка в Ступиці під Самбором. «Записки НТШ», т. XXXVII, 1899;
- Грушевский*. Розвідки — М. С. *Грушевский*. Розвідки и материалы до истории Украины — Русл, IV. Львов, 1902;
- Гудков-Беляков — собрание Н. В. Гудкова-Белякова в Москве;
- ГЭ — Государственный Эрмитаж;
- Д. — диаметр печати;
- Зазариевский* — Альбом монетных снимков Н. Г. Захариевского. Киев, 1896; рукопись в Библиотеке Киевского университета, начата в 1896 г.

- Зимин* — А. А. *Зимин*. Рец. на кн.: В. Д. Янин. Новгородские посадники. СА, 1963, № 3;
- ЗНОРАО** — «Защитки Нумизматического отделения Русского археологического общества»;
- ИА АН УССР** — Институт археологии Академии наук Украинской ССР;
- ИАК** — «Известия Археологической комиссии»;
- Изд.* — издание буллы, включающее ее воспроизведение;
- ИИМК** — Институт истории материальной культуры АН СССР;
- ИИДР**, т. 2 — Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: «История культуры древней Руси, т. 2. Домонгольский период, 2. Общественный строй и духовная культура». М.—Л., 1951;
- Истрик* — В. А. *Истрик*. Развитие письма. М., 1961;
- Каждан* — А. П. *Каждан*. Византийский податной сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова». М., 1963;
- Килиевич* — С. Р. *Килиевич*. Висла печатка з Києва. «Праці Київського Державного Історичного музею», вып. 1. Київ, 1958;
- Ковалева* — собрание В. М. Ковалевой в Новгороде;
- Колчин* — Б. А. *Колчин*. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1. М., 1956;
- Колчин*. Хронология новгородских древностей — Б. А. *Колчин*. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2;
- КСИИМК** — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР»;
- Куза* — А. В. *Куза*. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо. «Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина». М., 1966;
- Кулаковский* — Ю. А. *Кулаковский*. К истории Боспора (Керчи) в XI—XII вв. «Труды IX Археологического съезда в Киеве», т. 2. М., 1902, протокол;
- Кундревич* — собрание Ф. Ф. Кундревича в Киеве;
- ЛБ** — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва);
- Леопардов, Чернев* — Н. *Леопардов*, Н. *Чернев*. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках, вып. 3—4. Киев, 1891;
- Лих.* — собрание Н. П. Лихачева в Ленинграде;
- Лихачев*. Значение иконописи — Н. П. *Лихачев*. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911;
- Лихачев*. Материалы, 1 — Н. П. *Лихачев*. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. «Труды Музея палеографии», т. 1. Л., 1928;
- Лихачев*. Материалы, 2 — Н. П. *Лихачев*. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. «Труды Музея палеографии», т. 2. Л., 1930;
- Лихачев*. Печати патриархов — Н. П. *Лихачев*. Печати патриархов Константинопольских. «Труды Московского нумизматического общества», т. II. М., 1899;
- ЛОИА** — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР;
- ЛОИИ** — Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР;
- Лопарев* — Х. *Лопарев*. Византийская печать с именем русской княгини. «Византийский временник», т. 1. СПб., 1894;
- Л. с.* — лицевая сторона;
- ЛСА** — Н. П. *Лихачев*. Сфрагистический альбом. Комплект фототипических таблиц и машинописный текст. Архив ЛОИА, ф. 35, оп. 2, д. 444;
- МГУ** — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;
- Мец* — Н. Д. *Мец*. Новые поступления Нумизматического отдела Музея. «Ежегодник ГИМ, 1960 год». М., 1962;
- МИА** — «Материалы и исследования по археологии СССР»;
- Микулич* — собрание А. П. Микулича в Новгороде;
- М. н.* — место и время находки буллы;
- Монгайт* — А. Л. *Монгайт*. О границах Тмутараканского княжества в XI в. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова». М., 1963;
- Музуревич* — Э. С. *Музуревич*. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига, 1965;
- Найберский* — Русско-ливонские акты, собраны К. Э. Найберским. СПб., 1868;
- Няк.** — собрание академика Н. К. Никольского в Ленинграде;
- НМ** — Новгородский историко-художественный музей-заповедник;
- НПД** — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под редакцией и с примечаниями А. Н. Насонова. М.—Л., 1950
- Нумизматический сборник, т. 2 — Н. П. *Лихачев*. О трех редких моливдовулах моего собрания. Изложение доклада. «Нумизматический сборник», т. 2. М., 1913;
- НТШ** — Научное товарищество им. Т. Г. Шевченка (Львов);
- НЭ** — Новгородская археологическая экспедиция МГУ и АН СССР;
- ОВГЭ** — Отдел истории зарубежного Востока Государственного Эрмитажа;
- ОИДР** — Общество истории и древностей Российских при Московском университете;
- ОИПК ГЭ** — Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа;
- ОНГИМ** — Отдел нумизматики Государственного Исторического музея (Москва);
- ОНГЭ** — Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа;
- Орешников*. Денежные знаки — А. В. *Орешников*. Денежные знаки домонгольской Руси. «Труды ГИМ», вып. 5. М., 1936;
- Орешников*. Классификация — А. В. *Орешников*. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. «Известия АН СССР, серия VII, Отделение гуманитарных наук», 1930;
- Орешников*. Материалы — А. В. *Орешников*. Материалы к русской сфрагистике. «Труды Московского нумизматического общества», т. III, вып. 1. М., 1903;
- ОРИМ** за 1906 г. — Отчет императорского Российского исторического музея им. Александра III за 1906 год. М., 1907;
- ОРИМ** за XXV лет — Отчет императорского Россий-

- ского исторического музея им. Александра III за XXV лет (1883—1908). М., 1916;
- Орлов** — А. С. Орлов. Материалы для библиографии русских печатей (XI—XV вв., до 1425 г.). «Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник статей». М.—Л., 1937; Изд. 2. В кн.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1952;
- О. с.** — оборотная сторона;
- Остроухов** — собрание И. С. Остроухова в Москве;
- Пастернак** — Я. Пастернак. Старый Галич. Краков — Львов, 1944;
- Пастернак**. Коротка археологія — Я. Пастернак. Коротка археологія західно-українських земель. «Богословіє», т. X, кн. 3. Львов, 1932;
- ПВЛ** — «Повесть временных лет», ч. 1. Текст и перевод; ч. 2. Приложения. М.—Л., 1950;
- Петров** — Н. Петров. Южно-русские металлические вислые печати дотатарского периода. «Труды Киевской духовной академии», 1913, № 5;
- Петров**. Указатель — Н. И. Петров. Указатель Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Изд. 2, исправленное и дополненное. Киев, 1897;
- Писарев** — С. П. Писарев. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894;
- Полянский**. Памятка — М. Полянский. Новгородская памятка для туристов. Изд. 2. Новгород, 1908;
- Полянский**. Таблица — М. Полянский. Новгородские вислые печати княжеские, владьчьи, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких. Отдельный оттиск из газеты «Волховский листок», № 93 и 94, 1903 г., с приложением двух литографированных листов иллюстраций;
- Порфиридов**. Именные владьчьи печати — Н. Г. Порфиридов. Именные владьчьи печати Новгорода. СА, 1958, № 3;
- Порфиридов**. Печати владык — Н. Г. Порфиридов. Очерки памятников новгородской сфрагистики. Печати владык Великого Новгорода. «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959;
- Пр.** — происхождение буллы в составе существующего собрания;
- ПСРЛ** — Полное собрание русских летописей;
- Рабинович** — М. Г. Рабинович. О возрасте и первоначальной территории Москвы. «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». М., 1967;
- Ратич** — О. Ратич. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Киев, 1957;
- Репников** — Н. И. Репников. О древностях Тмутаракани. «Институт археологии и искусствознания. Труды Секции археологии, т. IV». М., 1928;
- Рыбаков** — Б. А. Рыбаков. Печати чернігівських князів. «Археологія», т. III. Київ, 1950;
- РОГЭ** — Русский отдел Государственного Эрмитажа;
- Рыбаков**. Знаки собственности — Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, VI, 1940;
- Рыбаков**. К вопросу о методике — Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4;
- Рыбаков**. Печать Георгия и Софии — Б. А. Рыбаков. Печать Георгия и Софии (Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.). КСИИМК, вып. XXIХ, 1949;
- Рыбаков**. Русская эпиграфика — Б. А. Рыбаков. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи). «История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М., 1963;
- СА** — «Советская археология»;
- Самоквасов**. Основания классификации — Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей профессора Д. Я. Самоквасова. Варшава, 1892;
- Седова** — М. В. Седова. Раскопки Ярополча Залесского (1961). КСИИМК, вып. 96, 1963;
- СИЭ** — Советская историческая энциклопедия;
- Скржинская** — Е. Ч. Скржинская. Греческая надпись из Тмутаракани. «Византийский временник», т. XVIII, 1961;
- Смоленские грамоты** — Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. М., 1963;
- СОМ** — Смоленский областной краеведческий музей;
- Список оттискам** — Список оттискам древнейших русских печатей Рижского городского архива. Без м. и г. издания;
- Срезневский** — И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1863; 2-е изд. СПб., 1875.
- Стэфан** — Г. Стефан. Археологические открытия на территории Румынской Народной Республики. СА, XXIX—XXX, 1959;
- Стубас** — А. Стубас. Археологические раскопки в Кокнесе в 1962 г. «Тезисы докладов на научной отчетной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических экспедиций 1962 г.» Рига, 1963;
- СФА** — Советская филателистическая ассоциация;
- Толстой** — собрание И. И. Толстого в Петербурге;
- Толстой**. Древнейшие монеты — И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882;
- Толстой**. О печатях Херсонской фемы — И. И. Толстой. О византийских печатях Херсонской фемы. «Записки Русского археологического общества», т. II, новая серия. СПб., 1887;
- Толстой, Кондаков**, вып. 4 — Русские древности в памятниках искусства, издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым, вып. 4. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891;
- Тр. III АС** — «Труды III Археологического съезда в Киеве», т. 2. Приложения. Киев, 1878;
- Уп.** — издание буллы без воспроизведения или ее упоминание;
- Ханенко** — собрание Б. И. и В. Н. Ханенко в Киеве;
- Ханенко**, вып. 6 — Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. 6. Киев, 1907;
- Хр.** — место современного хранения буллы;
- Шеломенцев-Герский** — В. С. Шеломенцев-Герский. Новые находки печатей из летописного Звенигорода под Львовом. «АН СССР, Институт археологии, пленум Института археологии. Секция нумизматики (тезисы докладов)». М., 1966;
- Шеломенцев-Герский**. Новые находки — В. С. Шеломенцев-Герский. Новые находки печатей из летописного Звенигорода. «Нумизматика и сфрагистика», т. 3. Киев, 1968.
- Шеляпина** — Н. Шеляпина. Археолог поправляет летописца. «Наука и жизнь», 1965, № 9;
- Шорин** — П. А. Шорин. Древнейшие печати новгородских владык. «АН СССР, Институт археологии, пленум Института археологии. Секция нумизматики (тезисы докладов)». М., 1966;
- Штендер** — передана Г. М. Штендером (Новгород);

- Штызов.* Печать из Полоцка — *Г. В. Штызов.* Печать XII в. из Полоцка. СА, 1965, № 3;
- Штызов.* О торговых связях — *Г. Штызов.* О торговых и культурных связях древнего Полоцка с Прибалтикой. «Тезисы докладов на научной сессии, посвященной итогам экспедиций археологов, этнографов и фольклористов в 1964 году. Пленарное заседание». Рига., 1965;
- Юкин* — собрание П. И. Юкина в Москве;
- Юра* — *Р. О. Юра.* Висла печатка з Воїнського городища. «Історичі джерела та їх використання», вып. 1. Киев, 1964;
- Янин.* Денежно-весовые системы — *В. Л. Янин.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956;
- Янин.* Древнейшая печать — *В. Л. Янин.* Древнейшая русская печать X века. КСИИМК, вып. 57, 1955;
- Янин.* Из истории землевладения — *В. Л. Янин.* Из истории землевладения в Новгороде XII в. «Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина». М., 1966;
- Янин.* Из истории художественной и политической жизни — *В. Л. Янин.* Из истории русской художественной и политической жизни XII в. СА, 1957, № 1.
- Янин.* Именные буллы — *В. Л. Янин.* Именные буллы русских епископов XII — начала XIII вв. СА, 1966, № 3;
- Янин.* Княжеские знаки — *В. Л. Янин.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956;
- Янин.* Междукняжеские отношения — *В. Л. Янин.* Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила». «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР», т. XVI, 1960;
- Янин.* Новгородские посадники — *В. Л. Янин.* Новгородские посадники. М., 1962;
- Янин.* О дате Лопастницкого креста — *В. Л. Янин.* К вопросу о дате Лопастницкого креста. КСИИМК, вып. 68, 1957;
- Янин.* О датировке Суздальских врат — *В. Л. Янин.* О датировке врат Суздальского собора. СА, 1959, № 3;
- Янин.* О печатях Ратибора — *В. Л. Янин.* О печатях Ратибора. СА, 1960, № 2;
- Янин.* О принадлежности шлема — *В. Л. Янин.* О первоначальной принадлежности так называемого шлема Ярослава Всеволодовича. СА, 1958, № 3;
- Янин.* О чем рассказывают печати — *В. Л. Янин.* О чем рассказывают печати несохранившихся документов. Детская энциклопедия для среднего и старшего возрастов, т. 8. 2-е изд. М., 1967;
- Янин.* Печати «Дьнеслово» — *В. Л. Янин.* Печати с надписью «Дьибслово». СА, 1962, № 2;
- Янин.* Печати из раскопок 1951 г. — *В. Л. Янин.* Печати из новгородских раскопок 1951 г. СА, XVIII, 1953;
- Янин.* Печати из раскопок 1951—1954 гг. — *В. Л. Янин.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. МИА, № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1. М., 1956;
- Янин.* Печати из раскопок 1955 г. — *В. Л. Янин.* Печати из новгородских раскопок 1955 г. МИА, № 65. Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 2. М., 1959;
- Янин.* Печати Пскова — *В. Л. Янин.* Вислые печати Пскова. СА, 1960, № 3;
- Янин.* Печати Феофано — *В. Л. Янин.* Печати Феофано Музалон. «Нумизматика и сфрагистика», вып. 2. Киев, 1965;
- Янин.* Печать Вячеслава Ярославича — *В. Л. Янин.* Печать смоленского князя Вячеслава Ярославича (1054 — 1057). КСИИМК, вып. 55, 1954;
- Янин.* Редчайший памятник — *В. Л. Янин.* Редчайший памятник московской сфрагистики XIV века. КСИИМК, вып. 53, 1954;
- Янин.* Рец. на книгу Корзухиной — *В. Л. Янин.* Рец. на кн.: *Г. Ф. Корзухина.* Русские клады IX—XIII вв. СА, XXV, 1956;
- Янин.* Русская княгиня — *В. Л. Янин.* Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк. «Нумизматика и эпиграфика», т. IV. М., 1963;
- Янин, Литаверин* — *В. Л. Янин, Г. Г. Литаверин.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. «Историко-археологический сборник. А. В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности». М., 1962;
- Bănescu.* La dominaton byzantine — *N. Bănescu.* La domination byzantine à Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» à l'époque des Comnènes. «Académie Roumaine. Bulletin de la Section Historique», t. XXII, fasc. 2. Bucarest, 1941;
- Bănescu.* Stăpânirea byzantină în Matracha (Tmutorokan), Chazaria, Zichia și Rusia, în timpul Comnenilor. «Analele Academiei Romane. Memoriile Secțiunii Istorice», seria III, t. XXIII. București, 1941;
- Barnea.* A propos de la découverte — *J. Barnea.* A propos de la découverte de deux sceaux byzantins de Dinogetia. «Dacia», nouvelle serie, II, 1958;
- Barnea.* Sigiliul unui ierarh — *J. Barnea.* Sigiliul unui ierarh al Rosiei în așezarea de la Garvăn (regiunea Galati). «Studii și cercetări de istorie veche», t. VII, № 1—2, 1956;
- Dölger* — *F. Dölger.* Рецензия на статью *N. Bănescu.* «Byzantinische Zeitschrift», 1941, № 41;
- Grégoire* — *H. Grégoire.* Рецензия на статью *N. Bănescu.* «Académie Royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres», 5-e série, t. XXXII. Bruxelles, 1946;
- Jodkowski* — *J. Jodkowski.* Pieczęcie ruskie z XI—XII w., znalezione w Grodnie i Drohiczyńie. «Przegląd historyczny», t. XXVII. Warszawa, 1948;
- Katalog des Ausstellung — Katalog des Ausstellung zum X. Archeologischen Kongress in Riga. Riga, 1896;
- Konstantinopoulos* — *K. M. Κωνσταντινούπολος.* Βυζαντινά μολυβδόβουλλα του ἐν Ἀθῆναις Ἐθνικοῦ νμισματικοῦ Μουσείου. Ἀθῆναι 1917;
- Laurent*, BZ, 50 — *V. Laurent.* Рецензия на статью *J. Barnea.* Sigiliul unui ierarh... «Byzantinische Zeitschrift», 1957, № 50;
- Laurent*, BZ, 53 — *V. Laurent.* Рецензия на статью *J. Barnea.* A propos de la découverte... «Byzantinische Zeitschrift», 1960, № 53;
- Laurent.* Corpus — *V. Laurent.* Le corpus des sceaux de l'Empire Byzantin, t. V: L'Eglise. Première partie. 1. L'Eglise de Constantinople. A. La Hierarchie. Paris, 1963; Planches. Paris, 1965;
- Leib* — *B. Leib.* Rome, Kiev et Byzance à la fin du XI-e siècle. Paris, 1924;

- Makarenko* — *N. Makarenko*. Sceaux de plomb de la period grand-ducale de l'Ukraine. «*Arethuse*», 1927, № 17;
- Natz* — *K. Natz*. Dzwynograd. «*Tydzien*», 1906, № 1—10
- Orechnikov* — *A. Orechnikov*. Sceau de plomb du XIII-e siecle au nom du metropolitain Cyrille. «*Annuaire de la Societe française de numismatique et d'archeologie*», t. 17. Paris, 1893;
- Poppe* — *A. Poppe*. Uwagi o najstarszych dziejach koscioła na Rusi, cz. 1. «*Przegląd historyczny*», t. LV, cz. 3, 1964;
- Schlumberger*. Cinq sceaux — *G. Schlumberger*. Description de cinq sceaux de l'époque byzantine. «*Revue numismatique*», 3-e série, t. 1. Paris, 1883;
- Schlumberger*. Sigillographie — *G. Schlumberger*. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884;
- Soloviev*. Domination byzantine ou russe — *A. V. Soloviev*. Domination byzantine ou russe au nord de la Mer Noir à l'époque des Comnènes? «*Akten des XI. Internationalen Byzantinisten Kongresses 1958*». München, 1960;
- Soloviev*. "Αρχων Ρωσίας — *A. V. Soloviev*. "Αρχων Ρωσίας. «*Byzantion*», т. XXXI. Hommage a G. Ostrogorski. Bruxelles, 1961;
- Soloviev*. Marie — *A. V. Soloviev*. Marie fille de Constantin IX Monomaque. «*Byzantion*», т. XXXIII. Hommage a Bruno Lavagnini. Bruxelles, 1963;
- Soloviev*. Metropolitensiegel — *A. V. Soloviev*. Metropolitensiegel des Kiewer Russland. «*Byzantinische Zeitschrift*», № 55, 1962;
- Soloviev*. Zu den Metropolitensiegeln — *A. V. Soloviev*. Metropolitensiegeln des Kiewer Russlands. «*Byzantinische Zeitschrift*», № 56, 1963;
- Swiencicki* — *I. Swiencicki*. Byzantinische Bleisiegel in den Sammlungen von Lwow. Сборник в память на проф. Петър Ников. «*Изв. на Българското историческо д-во*», XVI—XVII. София, 1940;
- Tobien* — *Tobien*. Die ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1845;
- Wartalska* — *Z. Wartalska*. Gród czerwieński Sutiejsk na pograniczu polsko-ruskim. Warszawa, 1958;
- WNA — *Wiadomosci numismatyczno-archeologiczne*, t. XX, 1939.

Часть 2

Свод

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ X — НАЧАЛА XII В.

ПЕЧАТИ АРХАИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Святослав Игоревич (ум. 972 г.)

1. Л. с. Княжеский знак

Вокруг:

О. с. Княжеский знак:

Вокруг:

Д.— 25—26 мм. М. н.— Киев, раскопки Д. В. Милеева на территории Десятинной церкви, 1912 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 210, л. 66). Хр.— не размыкана. Пр.— АК. Изд.— ЛСА, LIII, 14; «Огонек», 1960, № 19, стр. 26; Артамонов, стр. 430 (с ошибочным указанием: «медные печати»). Уп.— Орешников. Классификация, стр. 93—95; Орешников. Денежные знаки, стр. 35, 93, табл. I, 1; Истрин, стр. 296.

Изяслав Владимирович (ум. 1001 г.)

2. Л. с. Княжеский знак:

Вокруг:

По краю точечный ободок.

О. с. Круговая надпись:

По краю точечный ободок

Д.— 24—28 мм. М. н.— Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце в слое 19-го яруса (выброс); дендрохронологическая дата яруса 1134—1161 гг. Хр.— ОНГИМ, № 1. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Древнейшая печать, стр. 39—46, рис. 11; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 157—158, № 42, табл. V; Алексеев, стр. 229—230, 233, рис. 64, 1. Уп.— Янин. Денежно-весовые системы, стр. 166; Колчин, стр. 128—129; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123.

Изяслав Ярославич (Новгород: 1052—1054 гг.)

3. Л. С. Княжеский знак:

Вокруг:

По краю линейный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг линейный ободок.

Д.— 28 мм. М. н.— Новгород, 1962 г., раскопки на Неревском конце в слое 22-го яруса (пл. 28, кв. 2184); дендрохронологическая дата яруса

Изяслав Ярославич (Киев: 1054—1078 гг.)

4. Л. с. Четырехлепестковая розетка. Вокруг тройной ободок — ряд крупных точек между двумя рядами мелких.

О. с. Изображение человеческой фигуры в полный рост, в короне, с царскими регалиями в руках. Вокруг остатки надписи:

По краю ободок
2 экземпляра.

1. Д.— 32—35 мм. М. н.— Новгород, до 1930 г. Хр.— ОНГЭ, № 1. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 43, рис. 46, Ул.— Юра, стр. 286; Воин, стр. 96.
2. Д.— 32—36 мм. М. н.— с. Воицкая Гребля Градижского р-на Полтавской обл., 1959 г., раскопки на дегинце Воицкого городища (уч. 3, кв. 2Г, пл. 0,4 м, инв. № 12). Хр.— ИА АН УССР. Изд.— Юра, стр. 284—286, рис. 1; Воин, стр. 96, табл. XXVII, 1.

5. Л. с. Четырехлепестковая розетка. Вокруг тройной ободок — ряд крупных точек между двумя рядами мелких.

О. с. Изображение человеческой фигуры в полный рост, в короне, с копьём и щитом. Вокруг:

По краю ободок
2 экземпляра.

1. Д.— 23—24 мм. М. н.— не известно (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 43, доп. опис., табл. 17, № 5). Хр.— ОНГЭ, № 2. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана. Ул.— Воин, стр. 96.
2. Д.— 25 мм. М. н.— Волковыск Гродненской обл. Хр.— Волковыский музей. Не издана. Ул.— Воин, стр. 96.

6. Л. с. Розетка. Вокруг широкий ободок сложной формы.

О. с. Поясное изображение св. Дмитрия Солунского с копьём в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 32—35 мм. М. н.— Княжая Гора около Турова Полесской обл., до 1908 г.¹ Хр.— ОНГЭ, № 3. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, ХХХ, 2, Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 166—168; 2, стр. 43; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 188—189; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 165; Юра, стр. 286.

7. Л. с. Розетка. Вокруг ободок сложной формы.

О. с. Поясное изображение св. Дмитрия Солунского с копьём в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 30—32 мм. М. н.— Киевская обл., урочище Белый Спас близ Межигорья, до 1906 г.² Хр.— ОНГЭ, № 4. Пр.— Куздеревич, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXVI, 8; Лихачев. Материалы, 1, стр. 166—168, рис. 79; ИКДР, рис. 223а, 2. Ул.— Петров, стр. 64, № 3; Лихачев. Материалы, 2, стр. 43; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 188—189; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 165; Юра, стр. 286.

8. Л. с. Розетка. Вокруг тройной ободок — точечный между двумя линейными.

О. с. Поясное изображение св. Дмитрия Солунского, с копьём в правой руке и со щитом в левой. Слева:

Вокруг ободок.

Д.— 30—34 мм. М. н.— Вышгород под Киевом 1935 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 53). Хр.— ОНГИМ, № 3. Пр.— Гезе, Гудков-Беляков, ЛБ. Изд.— Мец, стр. 58—59, рис. 1а. Ул.— Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 165; Юра, стр. 286.

9. Л. с. Розетка. Вокруг ободок сложной формы.

О. с. Поясное изображение св. Дмитрия Солунского с мечом в правой руке и со щитом в левой. Справа:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 29—30 мм. М. н.— Вышгород под Киевом, 1933 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 44). Хр.— ОНГИМ, № 4. Пр.— Гезе, Гудков-Беляков, ЛБ. Не издана. Ул.— Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 165.

Святослав Ярославич
(Чернигов: 1054—1073 гг.; Киев: 1073—1076 гг.)

10. Л. с. Изображение человеческой фигуры в полный рост с крестом в левой руке; правая рука в благословляющем жесте. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Николая Мирликийского; правая рука в благословляющем жесте, в левой — кодекс; ризы святительские. По сторонам:

Вокруг ободок.

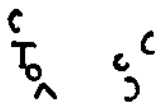
Д.— 35—39 мм. М. н.— Киевская обл., до 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 5. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, ХХХ, 3; Лихачев. Материалы, 1, стр. 118—122, рис. 63; ИКДР, т. 2, рис. 223а.

¹ На написанных Н. П. Лихачевым этикетках все данные о месте находки печати № 6 отнесены к печати № 7 и обратно. Принятые здесь данные основываются на приведенных в публикациях Н. П. Лихачева.

² См. выше прим. 1.

6. Уп.— Орлов, стр. 251; 2-е изд., стр. 190; Блаифельд, стр. 105; Янин. Древнейшая печать стр. 45; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг. стр. 159; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165

11. Л. с. Изображение человеческой фигуры в полный рост с крестом в правой руке; левая рука в благословляющем жесте. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Николая Мирликийского; правая рука в благословляющем жесте, в левой — кодекс; ризы святительские. Справа:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 34—35 мм. М. н.— Киев, Печерская лавра, 1963 г. Хр.— В. Д. Дяденко (Киев). Не издана.

12. Л. с. Изображение человеческой фигуры в полный рост в княжеской шапке. Правая рука поднята, в левой — крест, опирающийся на подножие. Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Николая Мирликийского в святительских ризах. Правая рука в благословляющем жесте, в левой — кодекс. Слева:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 31—33 мм. М. н.— Киевская обл., до 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 1). Хр.— ОНГИМ, № 5. Пр.— Геае, Гудков-Беляков, ЛБ. Изд.— Меч, стр. 58—59, рис. 16. Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165.

13. Л. с. Изображение человеческой фигуры в полный рост, в княжеской шапке. Левая рука поднята, в правой крест, опирающийся на подножие. Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Николая Мирликийского в святительских ризах. Правая рука в благословляющем жесте, в левой кодекс. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 29—31 мм. М. н.— около Киева, до 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 6. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 122, рис. 64. Уп.— Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 193; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165.
2. Д.— 30 мм. М. н.— Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце в слое 23—24-го яруса (пл. 25, кв. 422); дендрохронологическая дата яруса 1025—1076 гг. Хр.— ОНГИМ, № 6. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Древнейшая печать, стр. 45, рис. 14; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 158—159, № 43, табл. V. Уп.— Колчин, стр. 129. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 123; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165.

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ С ГРЕЧЕСКИМИ СТРОЧНЫМИ НАДПИСЯМИ

Буллы с развернутой легендой

Вячеслав Ярославич (Смоленск: 1054—1057 гг.)

14. Л. с. Надпись в шесть строк; Вокруг ободок.

О. с. Поясное изображение св. Меркурия Кесарийского с кошем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.— 32—33 мм. М. н.— Смоленск, 1953 г., найдена в развалинах ц. Бориса и Глеба на Смядьни Г. Герасимовым и А. Крупкиным. Хр.— СОМ, № 11677. Изд.— Янин. Печать Вячеслава Ярославича, стр. 150—152, рис. 60, 1; Авдусин, стр. 264, рис. 108, 2. Уп.— Янин. Древнейшая печать, стр. 42—43; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 153, 160; Янин. Междукняжеские отношения, стр. 129; Soloviev. Domination byzantine ou russe, p. 579; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Soloviev. Metropolitansiegel, S. 292.

Всеволод Ярославич (Переяславль: 1054—1076 гг.; Чернигов: 1076—1078 гг.; Киев: 1078—1093 гг.)

15. Л. с. Надпись в пять строк; Вокруг ободок

О. с. Поясное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.— 32—33 мм. М. н.— не известно, не позднее 1858 г. Хр.— ОНГЭ, № 7. Пр.— Сабатье, Строганов. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 150—

³ В 1815 г. В. Г. Анастасевич подарил Публичной библиотеке в Петербурге печать с легендой: «ΚΕ ΒΟΙΘΗΤΟ СУΔΟΥΛΟ ΑΝΔΡΕΑΤΟΣ ΒΛΑΔΟ» (В. А. Известно о золотой гравье, найденной близ Чернигова в 1821 г. Статья, напечатанная в «Отечественных за-

151, рис. 74; Янин. Печать Вячеслава Ярославича, стр. 151—152, рис. 60, 2. Уп.— Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212.

16. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.

ⲕⲉⲁⲟ
ⲛⲉⲓⲧⲩⲥⲩ
ⲁⲟⲩⲱⲗⲁ
ⲛⲁⲣⲉⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲗⲁⲁⲟ

О. с. Погрудное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. Слева:

ⲟ
ⲁ
ⲗ
ⲟ

2 экземпляра.

1. Д.— 30—32 мм. М. н.— Киевская обл., до 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 8. Пр.— Гвоздик, Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXXI, 14. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 146—147; Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212.
2. Д.— 28 мм. М. н.— Киев, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 9. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLV, 3. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 146—147; Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212.

17. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ⲕⲉⲁⲟ
ⲛⲉⲓⲧⲩⲥⲩ
ⲁⲟⲩⲱⲗⲁ
ⲛⲁⲣⲉⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲗⲁⲁⲟ

О. с. Поясное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

ⲁ
ⲗ
ⲟ
ⲁ
ⲗ
ⲟ

Вокруг точечный ободок.

Д.— 28—29 мм. М. н.— с. Вигуровщина Броварского р-на Киевской обл., 1956 г. Хр.— Киевский музей. Не издана. Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 212

18. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ⲕⲉⲁⲟ
ⲛⲉⲓⲧⲩⲥⲩ
ⲁⲟⲩⲱⲗⲁ
ⲛⲁⲣⲉⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲗⲁⲁⲟ

писках», ч. 8, кн. 20, исправленная и умноженная. СПб., 1821, стр. 9—10). Допустимо предполагать, что именно этот экземпляр оказался затем в руках Сабатье, поскольку никаких следов его пребывания в фондах Публичной библиотеки не имеется.

О. с. Погрудное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

ⲟ
ⲁ
ⲗ
ⲟ

Вокруг точечный ободок.

Д.— 30—31 мм. М. н.— Киев, до 1891 г. Хр.— ОНГЭ, № 10. Пр.— Волошинский (?), Леопардов, Лих. (с 1927 г.), Ник., БАН. Изд.— Леопардов, Чернее, вып. 3—4, табл. IX, № 27; Лизачев. Материалы, 1, стр. 148—150, рис. 696. Уп.— Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212.

19. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ⲕⲉⲁⲟ
ⲛⲉⲓⲧⲩⲥⲩ
ⲁⲟⲩⲱⲗⲁ
ⲛⲁⲣⲉⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲗⲁⲁⲟ

О. с. Поясное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

ⲟ
ⲁ
ⲗ
ⲟ

Вокруг точечный ободок.

Д.— 27—30 мм. М. н.— Киев, 1918 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51). Хр.— ОНГЭ, № 11. Пр.— Копылов, Лих., Ник., БАН. Изд.— Лизачев. Материалы 1, стр. 149—150, рис. 69а. Уп.— Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212.

20. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ⲕⲉⲁⲟ
ⲛⲉⲓⲧⲩⲥⲩ
ⲁⲟⲩⲱⲗⲁ
ⲛⲁⲣⲉⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲗⲁⲁⲟ

О. с. Поясное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

ⲁ
ⲗ
ⲟ
ⲁ
ⲗ
ⲟ

Вокруг точечный ободок.

Д.— 30 мм. М. н.— с. Халенье б. Киевского уезда, 1926 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Киевский музей. Изд.— Макаренко, р. 173—181; Лизачев. Материалы, 1, стр. 180, рис. 70, стр. 172—173; рис. 80. Уп.— Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212.

21. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ⲕⲉⲁⲟ
ⲛⲉⲓⲧⲩⲥⲩ
ⲁⲟⲩⲱⲗⲁ
ⲛⲁⲣⲉⲁⲧⲟⲥ
ⲡⲗⲁⲁⲟ

О. с. Поясное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д. — 29 мм. М. н. — Киев, до 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 12. Пр.— Кундаревич, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXX, 5. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 146; Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Soloviev. Domination byzantine ou russe, p. 579; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211.

22. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у левого плеча. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д. — 32 мм. М. н. — Киев, 1900 г. Хр.— РОГЭ, № II—1060 (с 1955 г.). Пр.— Матченко, Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии, утрачена. Изд.— Альбом достопримечательностей, табл. X, № 10—11, стр. 19; Лизачев. Материалы, 1, стр. 147—148, рис. 68. Уп.— Петров, стр. 65, № 5; Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; Блифельд, стр. 105; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаврин, стр. 211—212⁴.

Мария, жена князя Всеволода Ярославича (около 1054—1057 гг.)

23. Л. с. Надпись в шесть строк:

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Андрея Первозванного с крестом у правого плеча. По сторонам:

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д. — 23—27 мм. М. н. — около б. пня Трахтомирова, у пристани Ходорово близ Переяславля на Днепре, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 13. Пр.— Лыщинский, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА,

LVII, 5; Янин, Литаврин, стр. 204, 212 и сл., рис. 1, 2 и 2, 1. Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 168; Soloviev. Marie, p. 243—248; Янин. Печати Феофано, стр. 82.

2. Д. — 21—23 мм. М. н. — Киев или Киевская обл., до 1932 г. (архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 7). Хр.— ОНГИМ, № 7. Пр.— Гудков-Беляков, ЛБ. Изд.— Янин, Литаврин, стр. 204, 212 и сл., рис. 1, 3 и 2, 2. Уп.— Мещ, стр. 59; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 168; Soloviev. Marie, p. 243—248; Янин. Печати Феофано, стр. 82.

Ростислав Владимирович (ум. 1066 г.) или Мстислав Изяславич (ум. 1069 г.)

24. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Георгия с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д. — 29—30 мм. М. н. — с. Левашковка б. Городнянского уезда Черниговской губ., в саду священника И. Ремболовича, около 1896 г. Хр.— ОНГЭ, № 14. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXVI, 7; Лизачев. Материалы, 1, стр. 154—156; рис. 72; ИКДР, рис. 223а, 1. Уп.— Петров, стр. 65; Блифельд, стр. 105; Янин. Древнейшая печать, стр. 43; Soloviev. Domination byzantine ou russe, p. 579.

Владимир Всеволодович Мономах

(Переяславль: 1073—1076 гг.; Чернигов: 1076—1077 гг.; Смоленск: 1077—1078 гг.; Чернигов: 1078—1094 гг.)

25. Л. с. Надпись в восемь строк

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах; правая рука — у груди в благословляющем жесте, в левой — кодекс. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д. — 26—28 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1960 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 13082. Изд.— Янин, Литаврин, стр. 204—212, рис. 1, 1. Уп.— Soloviev. Marie, p. 241—242, Янин. Печати Феофано, стр. 82.

⁴ Указание, что печать того же типа поступила в ОНГИМ в составе собрания Н. В. Гудкова-Белякова (Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165), ошибочно. В составе этого собрания имеется близкая по оформлению булла, описанная ниже под № 23, 2.

Давид Игоревич (Волынь: 1085—1112 гг.)

26. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

† К С Р О
Т У С Ч А О
Л У Ч А Д А Р
Х О Н Т И У
С И А С

О. с. Изображение св. Давида в полный рост со свитком в левой руке. Справа:

Д

Вокруг ободок.

Д.— 24 мм. М. н.— с. Сонсядка, повет Замощь к югу от Люблина (Польша), раскопки 1946—1956 гг. *Изд.— Wartalowska*, s. 29—31, гус. 14, 5; *Soloviev*. "Архон" Рωσςις, p. 240—244, f. 1, 5. Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаурин, стр. 209; Каждан, стр. 94; Янин. Печати Феофано, стр. 82.

27. Д. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

† К С Р О
Т У С Ч А О
Л У Ч А Д А Р
Х О Н Т И У
С И А С

О. с. Изображение св. Давида в полный рост со свитком в левой руке; правая рука в благословляющем жесте. По сторонам:

А А
А В Н

Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—25 мм. М. н.— с. Сонсядка, повет Замощь к югу от Люблина (Польша), раскопки 1946—1956 гг. *Изд.— Wartalowska*, s. 29—31, гус. 14, 3; *Soloviev*. "Архон" Рωσςις, p. 240—244, f. 1, 5; Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаурин, стр. 209; Каждан, стр. 94; Янин. Печати Феофано, стр. 82.

28. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

† К С Р О
Т У С Ч А О
Л У Ч А Д А Р
Х О Н Т И У
С И А С

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати № 27.

3 экземпляра.

1. Д.— 23—27 мм. М. н.— с. Сонсядка, повет Замощь к югу от Люблина (Польша), раскопки 1946—1956 гг. *Изд.— Wartalowska*, s. 29—31, гус. 14, 1; *Soloviev*. "Архон" Рωσςις, p. 240—244, f. 1, 1. Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаурин, стр. 209; Каждан, стр. 94; Янин. Печати Феофано, стр. 82.
2. Д.— 23—24 мм. М. н.— с. Сонсядка, повет Замощь к югу от Люблина (Польша), раскопки 1946—1956 гг. *Изд.— Wartalowska*, s. 29—31, гус. 14, 2; *Soloviev*. "Архон" Рωσςις, p. 240—244, f. 1, 2; Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаурин, стр. 209; Каждан, стр. 94; Янин. Печати Феофано, стр. 82.
3. Д.— 23 мм. М. н.— с. Сонсядка, повет Замощь к югу от Люблина (Польша), раскопки 1946—

1956 гг. *Изд.— Wartalowska*, s. 29—31, гус. 14, 4; *Soloviev*. "Архон" Рωσςις, p. 240—244, f. 1, 4. Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74; Янин, Литаурин, стр. 209; Каждан, стр. 94; Янин. Печати Феофано, стр. 82.

Олег Святославич (Тмутаракань: до 1094 г.)

29. Л. с. Надпись в шесть строк:

Вокруг ободок.

† К С Р О
М И Х А Н Д
А Р Х О Н Т И А
Т Р А Х В И К И
А С Т Р А И К И
А З А Р И

О. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой.

Д.— 23—25 мм. М. н.— не известно. Хр.— Берлинский музей. *Изд.— Bănescu*. Stăpaniirea, p. 113—132; *Bănescu*. La domination byzantine, p. 57—77; Янин. Печати Феофано, стр. 83, 90, рис. 2. Уп.— Dolger, S. 252, Grégoire, p. 249—254; Янин, Литаурин, стр. 208; *Soloviev*. Domination byzantine ou russe, p. 569—580; *Скряжинская*, стр. 79; *Soloviev*. "Архон" Рωσςις, p. 273; *Монгайт*, стр. 54—61; Каждан, стр. 93—95.

Феофано Музалон, жена Олега Святославича (конец XI — начало XII в.)

30. Л. с. Надпись в семь строк:

Вокруг ободок.

† К С Р О
Т И С И А В И Н
Ф Е О Ф А Н О В
А Р Х О Н Т И С И
Р У С И Я С Т И
М У З А Л О Н
И Н С И

О. с. Изображение двух женских фигур в нимбах в полный рост, молитвенно обращенных к находящемуся между ними наверху диску с изображением Христа. Надписи по сторонам фигур не сохранились, но в левой — по короне — опознается св. Феофано, а в правой — по месту композиции — Богоматерь. 2 экземпляра.

1. Д.— 29—30 мм. М. н.— не известно, до 1883 г. Хр.— ОНГЭ, № 15. Пр.— Шлюмберже, Лих. (не позднее 1911 г.), Ник. БАН. *Изд.— Schlumberger*. Cinq sceaux, p. 447—458, pl. X, 3; *Schlumberger*. Sigillographie, p. 432—433; *Голстой*. О печатях Херсонесской фемы, стр. 42, рис. 17; *Голстой*, *Кондаков*, вып. 4, стр. 8, рис. 7; Багалея, рис. 124; ЛСА, LI, 2; *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 136—140, рис. 66; Янин. Печати Феофано, рис. 1 (верхний); *Авдусин*, стр. 264, рис. 108, 3. Уп.— *Допарев*, стр. 159—166; *Кулаковский*, стр. 133; *Петров*, стр. 65—66; № 6; *Нумизматический сборник*, т. 2. М., 1913, стр. 333; *Leib*, p. 170; *Репников*, стр. 438, 441; *Орешников*. Денежные знаки, стр. 80—82; *Орлов*, стр. 247; 2-е изд., стр. 187; *Арцизовский*. Введение в археологию, стр. 139; 3-е изд., стр. 188; *Bănescu*. Stăpaniirea, p. 113—132; *Bănescu*. La domination byzantine, p. 57—77; *Dolger*, S. 252; *Grégoire*, p. 249—254; *Jodkowski*, s. 159; *Barnea*. Sigiliul unu ierarh, p. 194; *Laurent*, BZ, 50, S. 297—298; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 153; *Barnea*. A propos de la découverte, p. 147; *Soloviev*. Domination byzantine ou russe, p. 570; *Wartalowska*

с. 29; Янин. *Междуньяжеские отношения*, стр. 130; *Скряжинская*, стр. 83—84; *Soloviev. "Архив Ровітс"*, р. 238; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 168; Янин, *Литавин*, стр. 207—209, 212—214; *Монгайт*, стр. 60; *Каждан*, стр. 94.

2. Д.—30—31 мм. М. н.—не известно. Хр.—Берлинский музей. *Изд.—Янин. Печати Феофано*, рис. 1 (нижний).

Мстислав Всеволодович
(Смоленск: около 1103—1113 гг.)

31. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

Буллы с краткой легендой

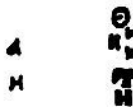
Игорь Ярославич?
(Волянь: 1054—1057 гг.; Смоленск: 1057—1060 гг.)

32. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Константина в короне, в царских одеждах, с крестом у правого плеча. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—30—31 мм. М. н.—Ступница близ Самбора, 1895 г. Хр.—не разыскана. *Пр.—Львовский ставропигийский музей. Изд.—Грушевский. Печатка в Ступиці*, стр. 1—4; *Грушевский. Розвідки*, стр. 1—4; *Лихачев. Материалы*, 1, стр. 156—158; рис. 73; *Swiencicki*, s. 439, гус. 8; *Блифельд*, стр. 109—110, рис. 2. *Уп.—Орлов*, стр. 248; 2-е изд., стр. 186; *Лихачев. Материалы*, 1, стр. 174; 2, стр. 277; *Рыбаков*, стр. 111.
2. Д.—31 мм. М. н.—Киев, 1836 г. Хр.—не разыскана. *Пр.—принадлежала А. С. Анненкову. Изд.—Макагелко*, виньетка перед статьей; *Лихачев. Материалы*, 1, стр. 174, рис. 81; *Блифельд*, стр. 109, рис. 3. *Уп.—Лихачев. Материалы*, 2, стр. 277; *Орлов*, стр. 248; 2-е изд., стр. 186; *Рыбаков*, стр. 111.

33. Л. с. Надпись в четыре строки:

О. с. Оплечное изображение св. Константина в короне.
3 экземпляра.

О. с. Погрудное изображение св. Андрея Первозванного в святительских ризах, с крестом у правого плеча.

По сторонам:

- Д.—23—25 мм. М. н.—Белгородка в 30 км от Киева, раскопки 1947 г. Хр.—ИА АН УССР. *Изд.—Блифельд*, стр. 102—110, рис. 1; *Рыбаков*, стр. 112, рис. 1. *Уп.—Янин. Печать Вячеслава Ярославича*, стр. 152; Янин. Древнейшая печать, стр. 42—43; Янин. *Междуньяжеские отношения*, стр. 129; *Soloviev. Domination Byzantine ou russe*, р. 579; *Soloviev. "Архив Ровітс"*, р. 238; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 165; Янин, *Литавин*, стр. 209; *Soloviev. Metropolitensiegel*, S. 292; *Каждан*, стр. 94; Янин. Печати Феофано, стр. 82.

1. Д.—19—20 мм. М. н.—Смоленск, конец 1920-х годов, найдена на правом берегу Днепра при строительстве нового моста на глубине 9 м. Хр.—ОНГЭ, № 16. *Пр.—от И. М. Хозерова. Изд.—Лихачев. Материалы*, 2, стр. 277, рис. 228.
2. Д.—20—21 мм. М. н.—Киев, до 1908 г. Хр.—ОНГЭ, № 17. *Пр.—Лих.*, ЛОИИ. *Изд.—ЛСА*, XXX, 18.
3. Д.—25 мм. М. н.—в районе Рязани, до 1930 г. Хр.—не разыскана. *Пр.—рисунок сообщен в письме А. Ф. Федорова А. А. Быкову. Не издана. Уп.—Лихачев. Материалы*, 2, стр. 276; *Рыбаков*, стр. 111.

Всеволод Ярославич
(Переяславль: 1054—1076 гг.; Чернигов: 1076—1078 гг.; Киев: 1078—1093 гг.)

34. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение святого. По сторонам остатки колончатых надписей. Вокруг точечный ободок.
Д.—27—29 мм. М. н.—не известно. Хр.—Ф. А. Клименко (г. Козелец Черниговской обл.), около 1953 г. Не издана

Ростислав Владимирович (ум. 1066 г.)
или Мстислав Изяславич (ум. 1069 г.)

35. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Георгия с копьем у правого плеча и со щитом в левой руке. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 27—28 мм. М. н.— Киев, 1955 г., раскопки на территории б. Федоровского монастыря. Хр.— Киевский музей. Не издана. Ул.— Гончаров, стр. 128; Кулиевич, стр. 226.

Роман Святославич (ум. 1079 г.)

36. Л. с. Надпись в три строки:

Вокругободок.

О. с. Погрудное изображение святого. Вокруг ободок.

Д.— 26—27 мм. М. н.— с. Старые Беарадичи в 37 км от Киева на р. Стугме, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 18. Пр.— Геазе, Лих., ЛОИИ. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 269—270, рис. 226.

Святополк Изяславич (Новгород: 1078—1088 гг.)

37. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение архангела с жезлом у правого плеча. Вокруг точечный ободок.

Д.— 26—28 мм. М. н.— Старая Ладога, раскопки 1950 г. Хр.— ОИПК ГЭ, № ЛС 2408. Не издана. Ул.— Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74.

Владимир Всеволодович Мономах
(Переяславль: 1073—1076 гг.;

Чернигов: 1076—1077 гг.; Смоленск 1077—1078 гг.;

Чернигов: 1078—1094 гг.)

38. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах; правая рука в благословляющем жесте. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.— 30 мм. М. н.— Старая Ладога, раскопки 1957 г. Хр.— ОИПК ГЭ, № ЛГ 342. Не издана. Ул.— Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 165; Янин. Новгородские посадники, стр. 74.

Христина, жена Мстислава Владимировича
(рубеж XI—XII в.)

39. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение святой в короне. Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 25 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 19. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, V, 18. Ул.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 164—166; 2, стр. 40; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 169.

2. Д.— 24 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 20. Пр.— Лих., Ник., ВАН. Изд.— ЛСА, XL, 13. Ул.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 164—166; 2, стр. 40; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 169.

Неопределенные

40. Л. с. Надпись в четыре (?) строки:

О. с. Поясное изображение святого с длинной бородой.

Справа:

2 экземпляра.

1. Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1928 г. Хр.— НМ, № 4099. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 278, рис. 229.

2. Д.— 17—18 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГИМ, № 8. Пр.— поступила в 1959 г. от Ембулова. Не издана.

ИМЕННЫЕ ПЕЧАТИ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ

БУЛЛЫ КИЕВСКИХ МИТРОПОЛИТОВ

Феофемпт (1037 — около 1043 г.)

41. Л. с. Надпись в пять строк:

✠ КЕРО
ФЕОФЕМ
ПОМОРО
ПАЛОС
А

О. с. Погрудное изображение Иоанна Предтечи, Д. — 25 мм. М. н. — не известно. Хр. — Думбартов-Окс, № 58 106 150. Изд. — Laurent. Corpus, p. 601, № 782. Уп. — Laurent. BZ, 53, S. 401; Soloviev. Metropolitensiegel, S. 293.

Ефрем (около 1054—1068 гг.)

42. Л. с. Надпись в семь строк:

Вокруг ободок.

✠ КС
СТАИ
ПРШТ
РОСАДШ
ИМТРО
САТН
ШСАС

О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Д. — 25—26 мм. М. н. — не известно. Хр. — не разыскана. Пр. — Черниговский музей. Изд. — Лихачев. Материалы, 2, стр. 11—12, рис. 8 (Н. П. Лихачев отмечает, что «фотография когда-то сообщена из Киева», но это ошибка, так как на фото № 1-8542 в фотоархиве ЛОИА эта булла снята на том же фоне, что и обломок печати митрополита Кирилла, хранившийся в Черниговском музее); Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125—126, рис. 9; Soloviev. Metropolitensiegel, S. 294—295, Taf. IV, № 4; Laurent. Corpus, p. 602, № 783. Уп. — Varnea. A propos de la découverte, p. 476; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 166; Янин. Новгородские посадники, стр. 60; Янин, Литаурин, стр. 207; Porre, s. 386.

Георгий (около 1068—1073 гг.)

43. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

✠ КЕРО
ГЕУРГАГО
ПРШШСАС
ГЕУРКЕА
•АШ•

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

ГО
Р
С
С

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра¹.

- Д. — 23 мм. М. н. — Киев (?), до 1912 г. Хр. — ОНГЭ, № 21. Пр. — Лих., Ник., БАН. Изд. — ЛСА, XLV, 5. Уп. — Лихачев. Материалы, 2, стр. 1—2; Varnea. A propos de la découverte, p. 475; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 166; Янин, Литаурин, стр. 207; Soloviev. Metropolitensiegel, S. 294; Laurent. Corpus, p. 603—604, № 785.
- Д. — 19—20 мм. М. н. — Киев, 1909 г., раскопки Д. В. Милеева на усадьбе Софийского собора. Хр. — не разыскана. Пр. — АК. Изд. — ЛСА, XLV, 6. Уп. — ИАК, прибавл. к вып. 34, 1910, стр. 171; Петров, стр. 66, № 7; Лихачев. Материалы, 2, стр. 1—2; Орлов, стр. 246; 2-е изд., стр. 186; Varnea. A propos de la découverte, p. 475; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 166; Янин, Литаурин, стр. 207; Soloviev. Metropolitensiegel, S. 294; Laurent. Corpus, p. 603—604, № 785.
- Д. — 21 мм. М. н. — не известно. Хр. — Думбартов-Окс, коллекция Шоу, № 1149. Не издана. Уп. — Laurent. Corpus, p. 603, № 784.

Иоанн III (около 1090—1091 гг.)

44. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

✠ С К Е П .
Т У С Ч А К
А П О М Т Р О
П О Л И Т Н
Р У С С И А Г

О. с. Погрудное изображение св. Иоанна в святительских ризах. Слева:

Ю

Вокруг точечный ободок.

Д. — 26—28 мм. М. н. — Киев, 1956 г., около участка Десятинной церкви. Хр. — Киевский музей. Изд. — Soloviev. Zu den Metropolitensiegeln,

¹ Встречающееся иногда указание на большее число экземпляров этой печати, по-видимому, основано на недоразумении. См. Лихачев. Материалы, 2, стр. 1; Laurent. Corpus, p. 603, № 785.

S. 319, Taf. VII, № 2. Уп.— *Перфиридов*. Печати владык, стр. 91; *Янин*. Печати «Дьнеслово», стр. 166; *Янин*, *Литаурин*, стр. 207.

Михаил (1131—1147 гг.)

Николай (около 1093—1104 гг.)

45. Л. с. Надпись в четыре строки:

ΣΦΡ
ΠΡΟΕΔΡ
ΡΩΣΙΑΣΝ
ΚΟΛΑΟΥ

О. с. Поясное изображение Богоматери с младенцем на левой руке. По сторонам: ΜΡ — ΘΥ.
Д.— 20 мм. М. н.— Стамбул, до 1884 г. Хр.— Парижский кабинет медалей, коллекция Сорлея-Дорньея, № 5. Не издана. Уп.— *Schlumberger*. *Sigillographie*, p. 740; *Лизачев*. Материалы, 1, стр. 160; *Орлов*, стр. 248; 2-е изд., стр. 188; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120; *Soloviev*. *Metropolitensiegel*, S. 295; *Laurent*. *Corpus*, p. 604, N 786.

Никифор I (1104—1121 гг.)

46. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

ΑΓΝ
ΣΜΕΛΟ
ΜΕΡΟΣΑ
ΝΤΙΝ

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменне».

Справа:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 19—22 мм. М. н.— не известно; приобретена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 22. Пр.— Лих., ОБГЭ. Изд.— ЛСА, LIII, 3; *Лизачев*. Материалы, 2, стр. 4, рис. 2; *Soloviev*. *Metropolitensiegel*, S. 296, Taf. IV, № 6. Уп.— Нумизматический сборник, т. 2. М., 1913, стр. 334; *Лизачев*. Материалы, 1, стр. 151; 2, стр. 32; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 116; *Varnea*. *A propos de la découverte*, p. 476; *Янин*. Печати «Дьнеслово», стр. 166; *Янин*, *Литаурин*, стр. 207; *Laurent*. *Corpus*, p. 604—605, № 787.

47. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

ΑΓΝ
ΣΜΕΛΟ
ΜΕΡΟΣΑ
ΝΤΙΝ

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменне», Вокруг точечный ободок.

Д.— 19 мм. М. н.— не известно; приобретена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 23. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, LIII, 4; *Лизачев*. Материалы, 2, стр. 4, рис. 3; *Soloviev*. *Metropolitensiegel*, S. 296 Taf. IV, 6, Уп.— *Лизачев*. Материалы, 1 стр. 151; 2, стр. 32; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 116; *Varnea*. *A propos de la découverte*, p. 476; *Янин*. Печати «Дьнеслово», стр. 166; *Янин*, *Литаурин*, стр. 207; *Laurent*. *Corpus*, p. 604—605, № 787.

48. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг ободок.

ΣΦΡ
ΠΡΟΕΔΡ
ΡΩΣΙΑΣΝ
ΚΟΛΑΟΥ

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменне». По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.— 18—20 мм. М. н.— Гарван, обл. Галати (Румыния), раскопки древней Диногетии, 1954 г. Хр.— Бухарест, Музей древностей, IFEB, № 600. Изд.— *Varnea*. *Sigiliul unui ierarh*, p. 189—197; *Varnea*. *A propos de la découverte*, p. 475—478; f. 2; *Laurent*. *Corpus*, p. 605, № 788. Уп.— *Laurent*. BZ, 50, S. 297—298; *Soloviev*. *Archiv* Ρωσικ p. 239; *Янин*. Печати «Дьнеслово», стр. 166; *Янин*, *Литаурин*, стр. 207; *Soloviev*. *Metropolitensiegel*, S. 293; *Каждан*, стр. 94.

Константин I (1156—1159 гг.)

49. Л. с. Надпись в четыре строки:

ΑΓΝ
ΣΜΕΛΟ
ΜΕΡΟΣΑ
ΝΤΙΝ

О. с. Изображение Богоматери; слева:

ΘΥ

Д.— 26 мм. М. н.— не известно. Хр.— Афины, Бенаки. Изд.— *Laurent*. *Corpus*, p. 606, № 789.

Иоанн IV? (1164—1166 гг.)

50. Л. с. Надпись в четыре строки:

ΑΓΝ
ΣΜΕΛΟ
ΜΕΡΟΣΑ
ΝΤΙΝ

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Знаменне».

Д.— 15 мм. М. н.— не известно. Хр.— Думбартон-Окс, коллекция Шоу, № 1150. Изд.— *Laurent*. *Corpus*, p. 600, № 781.

Константин II (1167 — не ранее 1174 г.)

51. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

ΑΓΝ
ΣΜΕΛΟ
ΜΕΡΟΣΑ
ΝΤΙΝ

О. с. Изображение Богоматери «Знаменне» в полный рост. По сторонам:

ΘΥ

Вокруг ободок.
3 экземпляра.

1. Д.— 22 мм. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., до 1941 г. Хр.— не разыскана. *Изд.— Пастернак*, рис. 83, 2; *Ратич*, стр. 55, рис. 9, 5.
2. Позолоченный аргирвул. Д.— 26—27 мм. М. н.— Киев, 1906 г., близ Михайловского монастыря. Хр.— не разыскана. *Пр.— Гезе*, ГЭ. *Изд.— ЛСА*, XXVI, 11; *Лизачев*. Материалы, 2, стр. 8—10, рис. 7; *Soloviev*. Metropolitensiegel, S. 296—297, Taf. V, № 9; *Laurent*. Corpus, p. 606—607, № 790. Уп.— *Петров*, стр. 151—152, № 8; *Лизачев*. Материалы, 1, стр. 56; *Орлов*, стр. 261; 2-е изд., стр. 197; *Янин*. Печать Мстиславовой грамоты, стр. 45; *Varnea*. A propos de la découverte, p. 476; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.
3. Д.— 29 мм. М. н.— принадлежала церкви в Звенигороде Галицком еще в 1888 г. Хр.— не разыскана. *Пр.— Львовский музей* (с 1908 г.). *Изд.— Грушевский*. Звенигород, стр. 20; *Лизачев*. Материалы, 2, стр. 5, рис. 4; *Swiencicki*, s. 434, 436, № 2; *Soloviev*. Metropolitensiegel, S. 296, т. IV, № 8. Уп.— *Varnea*. A propos de la découverte, p. 476; *Laurent*. Corpus, p. 606—607, № 790; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

Никифор II (1182 — около 1198 г.)

52. Л. с. Надпись в четыре строки:
Вокруг ободок

НИК О
РОНСКЕ ЖС
МЕТО СУ
ПРОИВ

- О. с. Надпись в четыре строки:
Вокруг ободок.

ПОИМЪ НАР
КА ИРВСИ
А ПАСНС
ЛОЕ

Д.— 33—36 мм. М. н.— не известно; приобретена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 24. *Пр.— Лих.*, Ник., БАН. *Изд.— ЛСА*, LIII, 5; *Лизачев*. Материалы,

2, стр. 3, рис. 1; *Soloviev*. Metropolitensiegel, S. 297, Taf. V, № 10; *Laurent*. Corpus, p. 607, № 791. Уп.— *Varnea*. A propos de la découverte, p. 176; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

Кирилл I (1225—1233 гг.)

53. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ΚΥΡΙΜΟΣ
ΜΟΝΑΧΟΕΔΩ
ΒΥΡΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ
ΤΗΣ ΜΕΤΡΟΠΟΛΕΩ
ΒΕΡΕΓΙΑΣ

- О. с. Изображение Богоматери «Знаменнице» в полный рост. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.

И
С
РА

2 экземпляра.

1. Д.— 40 мм. (обл.). М. н.— Княжая Гора б. Черкасского уезда Киевской губ., 1892 г. Хр.— не разыскана. *Пр.— Черниговский музей*. *Изд.— Лизачев*. Материалы, 2, стр. 7—8, рис. 6. Уп.— *Беляшевский*. Раскопки на Княжей Горе, стр. 141—142; *Varnea*. A propos de la découverte, p. 176; *Янин*, *Литавин*, стр. 207; *Soloviev*. Metropolitensiegel, S. 298; *Laurent*. Corpus, p. 608, № 792.
2. Д.— 37 мм. М. н.— Княжая Гора б. Черкасского уезда Киевской губ., 1877 г. Хр.— ОНГИМ, № 9. *Пр.— АОГИМ*. *Изд.— Orschnikov*, p. 446—456; АИЗ, 1893, № 5, стр. 167—168; *Лизачев*. Печати патриархов, рис. 21; *Лизачев*. Материалы, 2, стр. 6—8, рис. 5; *Laurent*. Corpus, p. 608, № 792. Уп.— «Газета Гауца», 1881, № 45, стр. 756; *Самковасов*. Основания классификации, стр. ХХХIV, № 5401; *Орлов*, стр. 258; 2-е изд., стр. 195; *Varnea*. A propos de la découverte, p. 176; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

БУЛЛЫ ЕПИСКОПОВ

Новгород

Нифонт (1131—1153 гг.)

54. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

✠ А Г Н Н ✠
С К Е П И С М Е
Н И Ф О Н Т А
Н И Ф О Н Т А
✠ ✠

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменнице». По сторонам:

✠ ✠

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 22 мм. М. н.— не известно. Хр.— Афинский музей, № 177. *Изд.— Konstantinopoulos*, № 177;

ЛСА, XXVIII, 10; ИКДР, т. 2, рис. 2236, 10; *Laurent*. Corpus, p. 611, № 794; *Янин*. Именные буллы, № 1—1, табл. 1. Уп.— *Лизачев*. Материалы, 1, стр. 151; 2, стр. 32; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; *Порфиридов*. Именные владычные печати, стр. 222; *Порфиридов*. Печати владык, стр. 83—85; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

2. Д.— 20 мм. М. н.— не известно; куплена в Стамбуле до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 25. *Пр.— Лих.*, Ник., БАН. *Изд.— ЛСА*, XLIII, 8; *Янин*. Именные буллы, № 1—2, табл. 1. Уп.— *Лизачев*. Материалы, 1, стр. 151; 2, стр. 32; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; *Порфиридов*. Именные владычные печат-

ти, стр. 222; *Порфиридов*. Печати владык, стр. 83—85; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

3. Д.—19 мм. М. н.—Новгород, до 1917 г. Хр.—ГТГ, № 12529. Пр.—Остроухов. Изд.—ЛСА, LIII, 2; *Янин*. Именные буллы, № 1—3, табл. 1. Уп.—*Лизачев*. Материалы, 1, стр. 141; 2, стр. 32; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 177; *Порфиридов*. Именные владычные печати, стр. 222; *Порфиридов*. Печати владык, стр. 83—85; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

55. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменье». По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—21 мм. М. н.—Новгород, 1919 г., Яковлевская ул. (Софийская сторона), найдена Н. Е. Рожковым (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 126, л. 5). Хр.—не разская. Пр.—ИМ. Изд.—*Порфиридов*. Именные владычные печати, стр. 222, рис. 1, 1; *Янин*. Именные буллы, № 2, табл. 1; 1. Уп.—*Порфиридов*. Печати владык, стр. 83—84; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164; *Янин*, *Литавин*, стр. 207.

Аркадий (до хиротомисания, 1156—1158 гг.)

56. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати № 55.
Д.—21—22 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 26. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XXIV, 1; *Янин*. Из истории художественной и политической жизни, стр. 113—123, рис. 1; *Янин*. Именные буллы, № 3, табл. 1. Уп.—*Порфиридов*. Печати владык, стр. 88—89.

Илия (епископ: 1165 г.)

57. Л. с. Остатки надписи из пяти (?) строк:
Вокруг ободок.

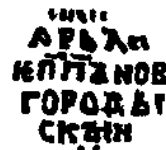
О. с. Изображение Богоматери «Знаменье» в полный рост. По сторонам:

Д.—21—25 мм. М. н.—не известно, не ранее 1935 г. Хр.—ОНГИМ, № 10. Пр.—Гудков-Беляков, ЛБ. Изд.—*Янин*. Именные буллы, № 4, табл. 1. Уп.—*Мец*, стр. 59; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164.

Илия (архиепископ: 1165—1186 гг.)

58. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменье». По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—26 мм. М. н.—Старая Ладога, 1910 г., на огороде у дома Макаровой. Хр.—ОНГЭ, № 27. Пр.—Реняков, Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XX XVII, 13; *Янин*. Именные буллы, № 5, табл. 1. Уп.—*Лизачев*. Материалы, 2, стр. 32; *Порфиридов*. Именные владычные печати, стр. 224; *Порфиридов*. Печати владык, стр. 84; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164; *Шорин*, стр. 31.

Григорий (1181—1193 гг.)

59. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение святого с кодексом в левой руке. Д.—20—23 мм. М. н.—не известно. Хр.—не известно. Изд.—*Laurent*. Corpus, Planches, № 794, верхний рис. на табл. 108.

Мартырий (1193—1199 гг.)

60. Л. с. Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение Богоматери «Знаменье» в полный рост. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.—20 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 28. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XI, 1; *Янин*. Именные буллы, № 6—1, табл. 1. Уп.—*Лизачев*. Материалы, 2, стр. 32; *Порфиридов*. Именные владычные печати, стр. 223; *Порфиридов*. Печати владык, стр. 83—85; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164.
2. Д.—23 мм. М. н.—Новгород, до 1917 г. Хр.—ОНГЭ, № 29. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, L, 5; *Янин*. Именные буллы, № 6—2, табл. 1. Уп.—*Лизачев*. Материалы, 2, стр. 32; *Порфиридов*. Именные владычные печати, стр. 223; *Порфиридов*. Печати владык, стр. 83—85; *Янин*. Новгородские посадники, стр. 164.

3. Д.— 23—24 мм. М. н.— Новгород, 1962 г., найдена на берегу Мячина в Воскресенской слободке Н. Воронихин. Хр.— НМ, № 14586. Изд.— Янин. Именные буллы, № 6—3, табл. 1.

Митрофан (1201—1212, 1220—1223 гг.)

61. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

МТРО
ФАНЪ
ПЪЯТО
ВЪ ОБО
ДОКЪ

О. с. Изображение Богоматери «Знамение» в полный рост. По сторонам:

ВЪ ГМР

Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—24 мм. М. н.— Новгород, 1917 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 126, л. 15). Хр.— ОИПК ГЭ, № 1957/6. Пр.— Музей Шталлица (куплена у В. А. Квашонкина в 1918 г.). Изд.— Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 223, рис. 1, 2; Порфиридов. Печати владык,

стр. 83, 85—86; Янин. Именные буллы, № 7, табл. 1. Ул.— Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

Антоний (1212—1220, 1225—1228 гг.)

62. Л. с. Надпись в пять строк:

АНТОН
ИЯРИИ
СВЯТЫ
МЪ ГО
ДЪ СЪ

О. с. Изображение Богоматери «Знамение» в полный рост. По сторонам:

ВЪ ГМР

Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, берег Волхова под старым мостом на Софийской стороне, до 1941 г. Хр.— Отдел древнерусского искусства ГРМ, № 3618. Изд.— Порфиридов. Именные владычные печати, стр. 223—224, рис. 1, 3; Порфиридов. Печати владык, стр. 83, 86; Янин. Именные буллы, № 8, табл. 1. Ул.— Янин. Новгородские посадники, стр. 164.

Смоленск

Мануил (1137 — не ранее 1167 г.)

63. Л. с. Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок

АНОУ
МАНУИ
ИЛИИ
СЪ

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Знамение». Слева:

ВЪ

Вокруг точечный ободок
2 экземпляра

1. Д.— 20 мм. М. н.— не известно, до 1911 г. Хр.— ОНГЭ, № 30. Пр.— Лих., ОВГЭ. Изд.— Лихачев.

Значение итадо-греческой иконописи, стр. 92, рис. 198; Laurent. Coqrus, p. 612, № 795; Янин. Именные буллы, № 9—1, табл. 2. Ул.— Нумизматический сборник, т. 2. М., 1913, стр. 334; Лихачев. Материалы, 2, стр. 16; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 116—117; Янин, Литаврин, стр. 207.

2. Д.— 17—19 мм. М. н.— не известно; куплена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 31. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, LIV, 1; Лихачев. Материалы, 2, стр. 16, рис. 11; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 115—117, рис. 3; Янин. Именные буллы, № 9—2, табл. 2. Ул.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 32; Янин, Литаврин, стр. 207.

Полоцк

Дионисий (ум. 1183 г.)

64. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.

СОБРАТИ
ДВОИЦИ
СВИСКОУ
ВЛАСТЕН
СКОУ

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение». По сторонам:

ВЪ ГМР

Вокруг ободок:

2 экземпляра.

1. Д.— 27—28 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1954 г.; найдена Болдышевым. Хр.— НМ, № 9728. Изд.— Янин. Именные буллы, № 10—1, табл. 2. Ул.— Янин, Литаврин, стр. 207.

2. Д.— 27—28 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГИМ, № 11. Пр.— поступила в 1959 г. от Ембулова. Изд.— Янин. Именные буллы, № 10—2, табл. 2; Алексеев, стр. 230, 235, рис. 64, 2. Ул.— Янин, Литаврин, стр. 207.

Г а л и ч

Коама (1157 — не ранее 1165 г.)

65. Л. с. Надпись в пять строк:

МРѢУ
 СКЕПНС
 МКОСМА
 САЛНТТ
 НС

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменне». По сторонам:

МР
ѢУ

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 24—25 мм. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., около ц. Спаса за Луквою, до 1888 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Львовский ставропигийский музей. Изд.— Грушевский. Печатки з околиць Галича, № 1; Грушевский. История Украины, стр. 105; Лизачев. Материалы, 2, стр. 14—15, рис. 9; Пастернак, рис. 83, 6; Ратич, стр. 55, рис. 9, 2; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117, рис. 5; Laurent. Congrès, p. 613, № 796; Янин. Именные буллы, № 11—1, табл. 2. Уп.— Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 192; Янин, Литаврин, стр. 207.
2. Д.— 20 мм. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., до 1941 г. Хр.— не известно.

Изд.— Пастернак, рис. 83, 1; Ратич, стр. 55 рис. 9, 3. Уп.— Янин. Именные буллы, № 11—2

66. Л. с. Надпись в пять строк:

МРѢУ
 СКЕПНС
 НЕКОСМАН
 ГАЛІТЄ
 НС

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знаменне». По сторонам:

МР
ѢУ

Вокруг точечный ободок.

Д.— 24—25 мм. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., 1897 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Львовский национальный музей, № 31273 (куплена в 1939 г. у священника Петрушевича). Изд.— Грушевский. История Украины, стр. 105; Лизачев. Материалы, 2, стр. 14—15, рис. 10; Swlencickiy, S. 438; № 6; Пастернак, рис. 83; 4; Ратич, стр. 55, рис. 9, 4; Laurent. Congrès, p. 613, № 796; Янин. Именные буллы, № 12, табл. 2. Уп.— Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 192; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 117; Янин, Литаврин, стр. 207.

ПЕЧАТИ РАТИБОРА

Ратибор (уп. около 1078—1113 г.)

67. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента папы римского в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра¹.

- Д. — 23—25 мм. М. н. — Агианос близ Еникале, 1872 г. Хр. — ОНГИМ, № 12. Пр. — Е. Е. Люценко. Изд. — Орешников. Материалы, № 18, табл. 2, 15; Лихачев. Материалы, 2, стр. 20, рис. 17; Янин. О печатях Ратибора, стр. 270, рис. 1, 1, Уп. — Тр. III АС, стр. 165; Петров, стр. 67—68; № 9; ОРИМ за XXV лет, стр. 144; Репников, стр. 437, 439; Орлов, стр. 247—248; 2-е изд., стр. 187; ПВЛ, 2, стр. 413; Герасимов, стр. 93—95; Скржинская, стр. 82.
- Д. — 23 мм. М. н. — не известно. Хр. — ОНГЭ, № 32. Пр. — Е. Е. Люценко, Толстой. Изд. —

Толстой. Древнейшие монеты, стр. 222—226, табл. XIV, 7; Толстой, Кондаков, вып. 4, стр. 172, рис. 164. Уп. — Орешников. Материалы, стр. 137—141; Лихачев. Материалы, 2, стр. 20; Репников, стр. 437, 439; Орлов, стр. 248; 2-е изд., стр. 188; ПВЛ, 2, стр. 413; Герасимов, стр. 93—95; Янин. О печатях Ратибора, стр. 271; Скржинская, стр. 82.

68. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента папы римского в святительских ризах. Д. — 22—24 мм. М. н. — Киев, 1910 г., раскопки Д. В. Милеева на усадьбе Софийского собора. — Хр. — не разыскана. Пр. — АК. Изд. — ЛСА, XLVIII, 8; Янин. О печатях Ратибора, стр. 271; рис. 1, 2. Уп. — ИАК, прибавл. к вып. 39, 1911, стр. 171; Репников, стр. 437, 439; Лихачев. Материалы, 2, стр. 21; ПВЛ, 2, стр. 413; Герасимов, стр. 93—95; Скржинская, стр. 82.

69. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг двойной точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента папы римского в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

- Д. — 27—28 мм. М. н. — не известно; приобретена в Севастополе, до 1903 г. Хр. — ОНГЭ, № 33. Пр. — Толстой. Изд. — Орешников. Материалы, табл. 2, 16; Лихачев. Материалы, 2, стр. 20, рис. 18; Янин. О печатях Ратибора, стр. 271, рис. 1, 3. Уп. — Репников, стр. 437, 439; Орлов, стр. 248; 2-е изд., стр. 188 (ошибочно отождествлена с экземпляром Е. Е. Люценко); ПВЛ, 2, стр. 413; Герасимов, стр. 93—95; Скржинская, стр. 82.
- Д. — 26 мм. М. н. — с. Клепачи б. Лубенского уезда Полтавской губ., найдена А. Лавренко

¹ В литературе имеется упоминание о том, что якобы существует третий экземпляр этой печати, найденный близ Керчи в конце XIX в. и находившийся в Музее Киевского университета, куда он поступил от доктора Терлецкого (Уп. — Болсуновский. Каталог предметов, стр. 4, № 7; Орешников. Материалы, стр. 137—141; Лихачев. Материалы, 2, стр. 20; Репников, стр. 437, 439; Орлов, стр. 248; 2-е изд., стр. 188; Герасимов, стр. 93—95; Янин. О печатях Ратибора, стр. 271; Скржинская, стр. 82). Печать была выставлена в Киеве в 1899 г. и описана К. В. Болсуновским. В этой связи обращают на себя внимание обстоятельства приобретения в ГИМ печати № 67, 1. В письме от 1 декабря 1902 г. А. В. Орешников пишет Н. П. Лихачеву о присылке ему К. В. Болсуновским печати Ратибора и шести-семи византийских; последние были отосланы Н. П. Лихачеву (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 210, лл. 11—12). Поскольку других экземпляров буллы Ратибора в ГИМ нет, очевидно, что у К. В. Болсуновского, а до него у Терлецкого находился экземпляр № 67, 1, в самом деле найденный близ Керчи (у Еникале).

(Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 122, лл. 23—24). Хр.—ОНГЭ, № 34. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XLV, 1; ИКДР, т. 2, рис. 223а, 4; Янин. О печатях Ратибора, стр. 271, рис. 1, 4. Ул.—Лихачев. Материалы, 2, стр. 21.

70. Л. с. Оттиснута той же матрицей, что и Л. с. печати № 69.

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати № 69, но с подправленной надписью:

Д.—24—25 мм. М. н.—Киев, около 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 35. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, LIII, 11; Янин. О печатях Ратибора, стр. 271, рис. 1, 5; Авдусин, стр. 264, рис. 108, 1. Ул.—Петров, стр. 68, № 10; Лихачев.

Материалы, 2, стр. 21—22; Орлов, стр. 248; 2-е изд., стр. 188.

71. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Климента папы римского в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.—25—27 мм. М. н.—не известно; куплена в Стамбуле, до 1952 г. Хр.—София (Болгария), Национальный музей. Изд.—Герасимов, стр. 93—95, рис. 1. Ул.—Скрябинская, стр. 82.

ПЕЧАТИ ПРОТОПРОЕДРА ЕВСТАФИЯ

Посадник Завид (Новгород: около 1088—1094 гг.)

72. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг линейный ободок.

ПРОТО
ПРОЕДРА
ЕВСТАФИ
ОМЪСКО
— ПЕ —

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
Вокруг линейный ободок.

13 экземпляров.

1. Д.— 20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г., Хр.— ОНГЭ, № 36. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXIV, 3; Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 1. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 159; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 124.
  2. Д.— 20—23 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 37. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, LII, 15; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 124—125, рис. 8; Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 2. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 159; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189.
  3. Д.— 21 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 38. Пр.— Лих. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 3.
  4. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, 1929 г. Хр.— не разыскана. Пр.— НМ, старый инв. № 1197. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 278, рис. 230; Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 4. Уп.— Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125.
  5. Д.— 20—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1924 г. Хр.— НМ, № 4096. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 159, рис. 74; Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 5. Уп.— Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125.
  6. Д.— 20—23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4098. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 6. Уп.— Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125.
  7. Д.— 19—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1928 г. Хр.— НМ, № 4097. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 7. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 175; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125.
  8. Д.— 19—22 мм. М. н.— Новгород, 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 2). Хр.— ОНГИМ, № 13. Пр.— Гудков-Беляков, ЛБ. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 8. Уп.— в тексте ЛСА, XXIV, 3; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125.
  9. Д.— 21—22 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Ковалева. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62, рис. 1, 9.
  10. Д.— 20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1908 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Полянский. Изд.— Полянский. Таблица, № 7. Уп.— Полянский. Памятка, стр. 256—257, № 41 (в описании Полянского: «Бислая свищовая печать от протопопской грамоты XVII—XVIII вв. На лицевой стороне изображена неизвестная фигура с посохом, а на оборотной надпись: протоиерея Дмитр. Старорусского»); Лихачев. Материалы 1, стр. 159; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 125; Янин. Новгородские посадники, стр. 60—62.
  11. Д.— 21—22 мм. М. н.— Белгородка в 30 км. от Киева, 1958 или 1959 г. Хр.— ИА АН УССР. Пр.— передана В. Д. Дяденко. Не издана.
  12. Д.— 21—22 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 39. Пр.— Лих., ОБГЭ. Изд.— ЛСА, XXIV, 11.
  13. Д.— 19—21 мм. М. н.— Старая Ладога, 1939 г. Хр.— ОИПК ГЭ, № 16/5648. Не издана.
73. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.
- ПРОТО
ПРОЕДРА
ЕВСТАФИ
ОМЪСКО
— ПЕ —
- О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
Вокруг ободок.
- Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, до 1939 г. Хр.— ОНГЭ, № 40. Пр.— Решняков, Институт книги, документа и письма, ОБГЭ. Не издана.

ПЕЧАТИ С НАДПИСЬЮ «ДЪНЪСЛОВО»

Святополк Изяславич (Киев: 1093—1113 гг.)

74. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг тройной (точечный между двумя линейными) ободок.

ДЪН
ЪСЛО
ВО

О. с. Поясное изображение архангела Михаила с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

М
А

Вокруг двойной ободок из мелких точек.

3 экземпляра.

1. Д.— 21—23 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 41. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLV, 8; *Килиевич*, стр. 230, табл. 1, 2; *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 172, № 7—1, рис. 1. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 25.
2. Д.— 24—25 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 42. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIX, 11; *Килиевич*, стр. 230, табл. 1, 3; *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 172, № 7—2, рис. 1. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 25.
3. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ГТГ, № 12543. Пр.— Остроухов. Изд.— ЛСА, LIII, 7; ИКДР, т. 2, рис. 223а, 5; *Килиевич*, стр. 230, табл. 1, 4; *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 172, № 7—3, рис. 2. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 25.

75. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

ДЪ
НЪСЛО
ВО

О. с. Погрудное изображение архангела. Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 29 мм. М. н.— Киев, 1955 г., территория б. Федоровского монастыря. Хр.— Киевский музей. Изд.— *Килиевич*, стр. 227, рис. 1; *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 173, № 9—2, рис. 2.
2. Д.— 27 мм. М. н.— Киев, до 1907 г. Хр.— не разыскана. Пр.— *Ханенко*, Киевский городской музей. Изд.— *Ханенко*, вып. 6, стр. 41 и табл. XXXVII, № 561 (фото только О. с.); *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 25, рис. 24; *Килиевич*, стр. 230,

табл. 1, 1 (фото только О. с.); *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 172—173, № 9—1, рис. 2. Уп.— *Орлов*, стр. 261; 2-е изд., стр. 197.

76. Л. с. Надпись в три строки:

ДЪН
ЪСЛО
ВО

О. с. Поясное изображение архангела Михаила в бронях с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

М
А

Д.— 18—21 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1961 г.; найдена А. Ивановым. Хр.— НМ, № 14117. Изд.— *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 172, № 8, рис. 2.

77. Л. с. Надпись в три строки:

ДЪ
НЪСЛО
ВО

О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам следы надписей.

Д.— 22—24 мм. М. н.— близ Киева, 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 43. Пр.— *Кудрявцев*, *Лих.*, *Ник.*, БАН. Изд.— ЛСА, XLV, 10; *Килиевич*, стр. 231, рис. 5; *Янин*. Печати «Дънеслово», стр. 166, 173, № 10, рис. 2. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 25.

Ирина, жена Святополка Изяславича
(около 1093—1113 гг.)

78. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

ДЪ
НЪСЛО
ВО

О. с. Поясное изображение св. Ирины в царском венце, с мученическим крестом у груди. По сторонам:

О
А

Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—25 мм. М. н.— с. Пирого Городище Вязниковского р-на Владимирской обл., 1961 г., раскопки В. В. Седова в слое второй половины XII в. Хр.— Владимирский музей. Изд.— Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 168—169, 172, № 5, рис. 1; Седова, стр. 48, рис. 12, 1—2.

Давид Святославич (Новгород: 1094—1096 гг.)

79. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

Д
Н
В
С
К
О
В
О

О. с. Погрудное изображение св. Давида в короне. Слева:
Вокруг точечный ободок.

Д
А
В
И
Д

Д.— 28—30 мм. М. н.— г. Переяслав-Хмельницкий, 1888 г.; найдена на Базарной площади Ш. А. Найдисом. Хр.— РОГЭ, № II—1059. Пр.— Церковно-археологический музей Киевской духовной академии, утрачена, куплена Эрмитажем в 1955 г. Изд.— *Беляшевский*. Два предмета, стр. 135; Альбом достопримечательностей, стр. 19 и табл. X, № 12—13; *Jodkowski*, S. 162; *Килиевич*, стр. 228, рис. 2; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 170—171, № 2, рис. 1. Уп.— *Болсуновский*. Дрогичинские пломбы, стр. 1; *Петров*. Указатель, стр. 196, № 910—915; АЛЮР, октябрь 1899 г., стр. 147; *Петров*, стр. 70—71, № 18; *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 28—29; *Орлов*, стр. 260; 2-е изд., стр. 196; *Пастернак*, стр. 200.

Мстислав Владимирович (Новгород: 1096—1113 гг.)

80. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

Д
В
Н
В
С
К
О
В
О

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.

Ф
А
Р
Д
А
В
И
Д

Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 44. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLV, 7; *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 24, рис. 21; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 174, № 12, рис. 2.

81. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

Д
В
Н
В
С
К
О
В
О

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.

Ф
А
Р
Д
А
В
И
Д

Д.— 25 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4089. Изд.— *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 174, № 13, рис. 2.

82. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

Д
В
Н
В
С
К
О
В
О

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.

Ф
А
Р
Д
А
В
И
Д

Д.— 23—24 мм. М. н.— Бела Львовской обл., раскопки 1935 г. Хр.— не размыскана (фото М. К. Каргера). Пр.— Музей НТШ во Львове, № 26946. Изд.— *Ратич*, стр. 19, 55, рис. 9, 8; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 174, № 14, рис. 2. Уп.— *Пастернак*, стр. 200.

83. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг точечный ободок.

Д
В
Н
В
С
К
О
В
О

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:
Вокруг точечный ободок.

Д
А
В
И
Д

4 экземпляра.

- Д.— 23 мм. М. н.— Стеблев б. Каневского уезда Киевской губ., до 1906 г. Хр.— ОНГИМ, № 14. Изд.— ЛСА, V, 6; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 174, № 15—1, рис. 2. Уп.— ОРМ за 1906 г., стр. 27; ОРМ за XXV лет, стр. 144; *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 24.
- Д.— 22 мм. М. н.— Киев, 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 45. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIII, 9; *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 24, рис. 20; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 174, № 15—2, рис. 3.
- Д.— 21 мм. М. н.— с. Кожоча б. Черкасского уезда Киевской губ., 1899 г. Хр.— не размыскана. Пр.— Ханенко, Киевский городской музей. Изд.— *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 24, рис. 22; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 175, № 15—3, рис. 3. Уп.— АЛЮР, октябрь 1899 г., стр. 146—147; *Пастернак*, стр. 200.
- Д.— 13 мм. М. н.— Киев (?). Хр.— не размыскана. Пр.— Ханенко, Киевский городской музей. Изд.— *Лихачев*. Материалы, 2, стр. 24, рис. 23; *Янин*. Печати «Дьянеслово», стр. 166, 175, № 15—4, рис. 3.

Ярослав Изяславич (Волынь: 1100—1118 гг.)

84. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг ободок.

Д
В
Н
В
С
К
О
В
О

О. с. Изображение Иоанна Предтечи в полный рост с крестом и свитком в левой руке. По сторонам:

Д
М

Вокруг точечный ободок.

Д.— 20—21 мм. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл., 1940 г. Хр.— не известно (фото М. К. Каргера). Изд.— Пастернак, стр. 200, рис. 83, 5; Ратич, стр. 55, рис. 9, 7; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 171—172, № 4, рис. 1.

85. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

Д
М
С
О
В

О. с. Поясное изображение Иоанна Предтечи. По сторонам:

Д
А

5 экземпляров.

- Д.— 26 мм. М. н.— Дрогичин, до 1906 г. Хр.— не разыскана. Пр.— коллекция Авенариуса. Изд.— ЛСА, V, 7; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 171, № 3—1, рис. 1. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 23—24.
- Д.— 25 мм. М. н.— Стеблев б. Каневского уезда Киевской губ., до 1906 г. Хр.— ОНГИМ, № 15. Изд.— ЛСА, V, 8; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 171, № 3—2, рис. 1. Уп.— ОРМ за 1906 г., стр. 27; Лихачев. Материалы, 2, стр. 23—24.
- Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, V, 9; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 171, № 3—3, рис. 1. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 23—24.
- Д.— 21—24 мм. М. н.— Гродно, 1938 г., Замковая гора. Хр.— не разыскана. Пр.— Гродненский музей. Изд.— WNA, XX, 1939; Jodkowski, стр. 158—163, рис. на стр. 159. Уп.— Воронин. Гродно, стр. 198.
- Д.— 24 мм. М. н.— Дрогичин, 1907 г. Хр.— не известно. Изд.— Jodkowski, s. 158—163.

Печати неопределенных владельцев

86. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

Д
М
С
О
В

О. с. Погрудное изображение св. Георгия с копьём у правого плеча и со щитом в левой руке. Справа:

Д

Вокруг точечный ободок.

Д.— 18 мм. М. н.— Дрогичин, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 30). Хр.— ОНГЭ, № 46. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 26, рис. 27; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 168, 170, № 1, рис. 1.

87. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

Д
М
С
О
В

О. с. Изображение святого поколенно или в полный рост в святительских ризах. Справа колончатая надпись:

Вокруг точечный ободок. Смещенная влево фигура святого позволяет утверждать, что на несохранившейся части буллы было изображение еще одного святого (Петр и Павел?).

Д.— 17 мм (обл.). М. н.— Новгород, 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 47. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIX, 10; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 168, 173, № 11, рис. 2. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 27.

Киевская митрополия (1090-е годы)

88. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

Д
М
С
О
В

О. с. Изображение шестикрылого ангела. 2 экземпляра.

- Д.— 22—24 мм. М. н.— Стеблев б. Каневского уезда Киевской губ., 1909 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 362); найдена Святенкой. Хр.— ОНГЭ, № 48. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLV, 9; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 175, № 16—1, рис. 3. Уп.— Петров, стр. 71—72, № 20; Лихачев. Материалы, 2, стр. 25 (здесь ошибочно говорится о киевском происхождении буллы); Орлов, стр. 260; 2-е изд., стр. 196; Пастернак, стр. 200.
- Д.— не известен. М. н.— с. Безрадиич б. Киевского уезда, 1925 г. Хр.— не разыскана. Пр.— В. Е. Коаловская, Киевский музей (известна по описанию в рукописном «Каталоге Археологического отдела Киевского музея древностей и искусства», инв. № 32872). Уп.— Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 175, № 16—2.

89. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

Д
М
С
О
В

О. с. Изображение шестикрылого ангела. Вокруг точечный ободок.

Д.— 22—26 мм. М. н.— Киев, около 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 49. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, LIII, 8; Лихачев. Материалы, 2, стр. 25, рис. 25; Янин. Печати «Дьнеслово», стр. 167, 175, № 17, рис. 3.

90. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

Д
М
С
О
В

О. с. Изображение шестикрылого ангела. Вокруг точечный ободок.

Д.—21—23 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГИМ, № 16 (с 1929 г.). Пр.—СФА. Изд.—Лизачев. Материалы, 2, стр. 279, рис. 231; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 167, 175, № 18, рис. 3.

91. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

А Ь
Н Ъ С Л О
В О

О. с. Изображение шестикрылого ангела. Вокруг точечный ободок.

Д.—24—25 мм. М. н.—Киевская обл., до 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 1). Хр.—ОНГИМ, № 17. Пр.—Геаз, Гудков-Беляков, ЛБ. Изд.—Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 167, 175, № 19, рис. 3. Уп.—Петров, стр. 73?; Орлов, стр. 260?; 2-е изд., стр. 197?

92. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

А Ь
Н Ъ С Л О
В О

О. с. Поясное изображение Богоматери «Нерушимая стена». По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—29 мм. М. н.—Старая Ладога, 1947 г. Хр.—ОИПК ГЭ, № Л1860. Изд.—Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 167, 176, № 20, рис. 3. Уп.—Шорин, стр. 31.

Епископ Мина (Полоцк: 1105—1116 гг.)

93. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

А Ь
Н Ъ С Л О
В О

О. с. Погрудное изображение св. Мины. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—27—29 мм. М. н.—с. Янчин (ныне Ивановка) Перемышлянского р-на Львовской обл., 1909 г. Хр.—не разыскана. Пр.—Львовский национальный музей. Изд.—Гребеняк, стр. 27—28, табл. IV, 7; Swienicki, стр. 435, 437, № 4 (здесь местом находки неверно показан Звенигород); Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 167, 172, № 5, рис. 1. Уп.—Лизачев. Материалы, 2, стр. 28; Пастернак. Коротка археологія, стр. 68; Пастернак, стр. 200; Янин. Княжеские знаки, стр. 14.

Н Н
Н А

С изображением неопределенных святых

94. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

А Ь
Н Ъ С Л О
В О

О. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—18—20 мм. М. н.—Дрогичин, до 1894 г. Хр.—не разыскана. Пр.—Киевский городской музей. Изд.—Болсуновский. Дрогичинские пломбы, стр. 1 и табл. 1, С. Лизачев. Материалы, 2, стр. 25, рис. 26; Jodkowski, S. 161; Янин, Печати «Дьянеслово», стр. 176, № 21—1, рис. 3. Уп.—Петров, стр. 71, № 19; Орлов, стр. 260; 2-е изд., стр. 197.

2. Д.—23—25 мм. М. н.—с. Крылос Галицкого р-на Станиславской обл., 1940 г. Хр.—не разыскана (фото М. К. Каргера). Изд.—Пастернак, стр. 200, рис. 83; 3; Ратич, стр. 55, рис. 9, 6; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 176, № 21—2, рис. 3.

95. Л. с. Надпись в две строки:

Вокруг точечный ободок.

А Ь
Н Ъ С Л О
В О

О. с. Изображение святого мученика в полный рост. Вокруг точечный ободок.

Д.—24—26 мм. М. н.—не известно; куплена в Севастополе, до 1917 г. (через антикварную фирму Эльтермана). Хр.—ОНГЭ, № 50. Пр.—Лих., ЛЮИИ. Изд.—ЛСА, XLIX, 9; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 176, № 22, рис. 3. Уп.—Лизачев. Материалы, 2, стр. 26—27.

96. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

А Ь
Н Ъ С Л О
В О

О. с. Поясное изображение святого в святительских ризах. По сторонам остатки колончатых надписей. Вокруг точечный ободок.

Д.—26 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1967 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НМ, № 18085. Не издана¹.

¹ В библиографическом обзоре А. С. Орлова упоминаются еще две печати с надписью «Дьянеслово» и «именами Симеона и Андрея» (Орлов, стр. 260—261; 2-е изд., стр. 197), якобы описанные Болсуновским. Это сообщение основано на недоразумении, так как печати с именами Андрея и Симеона, действительно описанные и изображенные в книге К. В. Болсуновского «Дрогичинские пломбы», ч. 1, принадлежат к иным типам. По-видимому, А. С. Орлов был введен в заблуждение невнятной ссылкой Н. И. Петрова: «Здесь же помещены снимки с двух печатей, из коих одна с именем Андрея, а другая с именем Симеона» — при описании печати № 18, в самом деле принадлежащей к типу «Дьянеслово» (печать № 79 в настоящем своде).

ПЕЧАТИ С РУССКОЙ БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ

Владимир Всеволодович Мономах
(род. 1053 г. — ум. 1125 г.)

97. Л. с. Надпись в шесть строк:

ГНПОМ
ЗНРАБВ
ВОК ТОВА
СТАВ КНА
ГОВРЬСЬ
КОГО

О. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского с кодексом в левой руке. Справа:

А
С
А

Вокруг ободок.

Д. — 22—23 мм. М. н. — Киев, 1909 г., усадьба Куренного на Зверинце. Хр. — ОНГЭ, № 51. Пр. — Ф. А. Колодей, Лих., Ник., БАН. Изд. — ЛСА, ЛП, 7; Лихачев. Материалы, 1, стр. 108—109, рис. 56. Уп. — Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 189; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 378—379; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 153; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

98. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

ГНПОМ
ОГНРАБ
ОУСВОЕ
НЕВАИ
КВИ

О. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского с кодексом в левой руке, в святительских ризах. По сторонам:

О
ВА
С

А
О

Вокруг ободок.

Д. — 22 мм. М. н. — не известно. Хр. — не разыскана (фото М. К. Каргера). Пр. — Львовский музей. Не издана. Уп. — Янин, Литаврин, стр. 211.

99. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг точечный ободок:

ГНПОМ
ОГНРАБ
СВОЕМОУ
АГНАНО

О. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О
С
А

А
С

Д. — 21 мм. М. н. — Киев, до 1908 г. Хр. — ОНГЭ, № 52. Пр. — Кундеревич, Лих., Ник., БАН. Изд. — ЛСА, ХХХ, 4. Уп. — Лихачев. Материалы, 1, стр. 107; Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

100. Л. с. Надпись в четыре строки:

Вокруг точечный ободок.

ГНПОМ
ОГНРАБ
СВОЕМОУ
АГНАНО

О. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах, с кодексом в левой руке. По сторонам:

А
С
А

О

Вокруг точечный ободок.

Д. — 23—25 мм. М. н. — Белгородка под Киевом, раскопки В. В. Хвойки на усадьбе Бернацкого. Хр. — ОНГИМ, № 18. Пр. — Гезе, Гудков-Беляков, ЛБ (приобретена Гудковым-Беляковым в 1933 г.; Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 24). Изд. — Меч, стр. 58, рис. 1в. Уп. — Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

101. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

ГНПОМ
МОГНР
АБУСВО
СМУВА
НАВН

О. с. Погорудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. По сторонам:

В
А
С

Н
Н

Вокруг ободок.

4 экземпляра.

1. Д. — 27—29 мм. М. н. — не известно; по предположению Н. П. Лихачева, Киевская обл., 1918 г. Хр. — ОНГЭ, № 53. Пр. — Решников, Лих., Ник., БАН. Изд. — Лихачев. Материалы, 1, стр. 108, рис. 55. Уп. — Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

2. Д. — 25—26 мм. М. н. — г. Ростов-Ярославский, 1958 г.; найдена при рытье траншей возле юго-западной башни Кремля. Хр. — Музей в Ростове-

- Ярославском. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211.
3. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, 1926 г. «Веселая горка» в конце Дмитриевской ул. (Софийская сторона), на огороде Шентякова. Хр.— не разыскана. Пр.— НМ. Изд.— *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 112—113, рис. 58; Янин. Новгородские посадники, стр. 81—82, рис. 2, № 6—2. Уп.— Янин, *Литаврин*, стр. 211. На этом экземпляре поверх данного штампа отгиснута другая булла (см. № 124—2)
4. Д.— 21—24 мм. М. н.— Новгород, 1967 г.; найдена в устье Тарасовца П. А. Никитным. Хр.— ОНГИМ, № 19. Пр.— НЭ. Не издана.

102. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.

ГНПО
МОТНО
АВУКО
МУР
НО

О. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. По сторонам:

ВА
НА

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 24—27 мм. М. н.— Киев, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 54. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXVI, 5. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 107; *Орлов*, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211.
2. Д.— 24—27 мм. М. н.— Смоленск, 1954 г., раскопки Д. А. Авдусина. Хр.— Музей при кафедре археологии Исторического ф-та МГУ. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211; *Авдусин*, стр. 263.

103. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.

ГМО
АВУКО
МУР
НО

О. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского. По сторонам:

ВА
НА

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 24 мм (обл.). М. н.— Новгород, 1907 г. Хр.— ОНГЭ, № 55. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXIX, 4. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 106; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211.
2. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 56. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, V, 5. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 106; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211.

104. Л. с. Надпись в четыре строки:
Вокруг точечный ободок.

ГНПО
МОТНО
АВУКО
МУР
НО

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах с кодексом в левой руке.

ВА
НА

По сторонам:

Д.— 24—25 мм. М. н.— Звенигород Галицкий, до 1896 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Львовский ставропольский музей. Изд.— *Грушевский*. Звенигород, стр. 21—22; *Грушевский*. История Украины, стр. 97; *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 107, рис. 54; *Swiencicki*, стр. 435, 437, № 3. Уп.— *Орлов*, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 76; Янин, *Литаврин*, стр. 211.

105. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ГНПО
МОТНО
АВУКО
МУР
НО

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. Справа:

ВА
НА

Вокруг точечный ободок.

Д.— 22 мм. М. н.— Вышгород, до 1906 г. Хр.— ОНГИМ, № 20. Изд.— ЛСА, V, 2; ИКДР, т. 2, рис. 223а, 3. Уп.— ОРМ за XXV лет, стр. 144; *Лихачев*, Материалы 1, стр. 106; *Орлов*, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211.

106. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ГНПО
МОТНО
АВУКО
МУР
НО

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. Справа:

ВА
НА

Вокруг точечный ободок.

Д.— 23—24 мм. М. н.— Киев, до 1908 г., Хр.— ОНГЭ, № 57. Пр.— Гвоздик, Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXXI, 13. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 107; *Орлов*, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, *Литаврин*, стр. 211.

107. Л. с. Надпись в четыре или пять строк:

ГНПО
МОТНО
АВУКО
МУР
НО

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского. Слева:

ВА
НА

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 13—16 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 58. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIX, 8. Уп.— *Лихачев*. Материалы, 1, стр. 106; *Орлов*, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин.

Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

2. Д.— 14 мм. М. н.— Киевская обл. Хр.— не размыскана. Пр.— Ханенко. Изд.— Дилачев. Материалы, 1, стр. 107, рис. 53. Уп.— Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

108. Л. с. Надпись в пять (?) строк:

ГНП
МОС
РАБ
М

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского. Справа:

Д.— 20 мм (обл.). М. н.— Киев, до 1906 г. Хр.— ОНГИМ, № 21. Изд.— ЛСА, V, 3. Уп.— Дилачев. Материалы, 1, стр. 106; Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

109. Л. с. Надпись в пять (?) строк:

Вокруг точечный ободок.

ГНП
МОС
РАБ

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. По сторонам:

Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 59. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, V, 4. Уп.— Дилачев. Материалы, 1, стр. 206; Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 190; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

110. Л. с. Надпись в пять (?) строк:

ПО
МОС
РАБ
М

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского.

Д.— 18—20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1928 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 122, л. 22). Хр.— НМ, № 4085. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

111. Л. с. Надпись в пять (?) строк:

ГНП
МОС
РАБ
М

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского.

Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1929 г., раскопки А. В. Арциховского. Хр.— НМ, № 4134. Не издана. Уп.— Арциховский. Раскопки 1929 г., стр. 29 (с неверным прочтением имени: Андрей); Янин. Новгородские посадники, стр. 75; Янин, Литаврин, стр. 211.

112. Л. с. Надпись в пять (?) строк

ГНП
МОС
РАБ

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского.

Д.— 18—21 мм. М. н.— не известно. Хр.— не размыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXIV, 4.

Давид Святославич (уп. с 1004 г., ум. 1123 г.)

113. Л. с. Следы благопожелательной надписи в несколько строк. Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение св. Давида в короне. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.— 20—22 мм. М. н.— Новгород, Городище. 1965 г.; найдена А. Шаровым. Хр.— ОНГИМ, № 22. Пр.— НЭ. Не издана.

Всеволод Ольгович (уп. с 1111 г., ум. 1143 г.)

114. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг ободок.

ГНП
МОС
РАБ
М

О. с. Поясное изображение св. Кирилла. Справа:

Д.— 21—22 мм. М. н.— не известно. Хр.— Киевский музей. Не издана.

115. Л. с. Надпись в четыре (?) строк:

ГНП
МОС
РАБ
М

О. с. Поясное изображение св. Кирилла в святительских ризах.

По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1967 г., найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 18086. Не издана.

Мария, жена князя Всеволода Ольговича (?)

116. Л. с. Надпись в четыре строк:

Вокруг точечный ободок.

ГНП
МОС
РАБ
М

С неразборчивым именем

122. Л. с. Надпись в пять (?) строк:

О
СВО

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ 1117—1136 гг.

Добрыня? (ум. 1117 г.)

123. Л. с. Надпись в пять строк:

Г
СВО
МН
АМН

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост. Справа:

Д.— 25 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 63. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXIII, 2; Янин. Новгородские посадники, стр. 78, 80, № 7, рис. 2. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 116—117; Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 153. На О. с. экземпляра просвечивает оттиск Л. с.

Дмитр Завидич (1117—1118 гг.)

124. Л. с. Надпись (зеркальная) в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

ОЛНГ
АУНГОМ
СМЗЕДУЗ
ТММН
ОИН

О. с. Поясное изображение св. Дмитрия. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

Н А
Н

2 экземпляра.

- Д.— 22 мм. М. н.— Смоленск, до 1894 г., западная часть города, развалины церкви Козмы и Демьяна. Хр.— СОМ, № 895. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 78—80, № 6—1, рис. 2. Уп.— Писарев, стр. 16; Грачев, стр. 92; Лихачев. Материалы, 1, стр. 8, 112; Орлов, стр. 251; 2-е изд., стр. 191; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379.
- Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, 1926, г., «Веселая горка» в конце Дмитриевской ул. (Софийская сторона), на огороде Шентякова. Хр.— не разыскана. Пр.— НМ. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 112—113, рис. 58; Янин. Новгородские посадники, стр. 81—82, № 6—2, рис. 2; Янин. О чем рассказывают печати, стр. 599, рис. 1, 5 (фото Л. с.), 1, 6 (фото О. с.). Уп.— Орлов, стр. 251; 2-е изд., стр. 191; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин, Литаврин, стр. 211. Печать отгиснута на уже использованном кружке (см. № 101,3).

Костянтин Мосеевич (1118—1119 гг.)

125. Л. с. Надпись в четыре или пять строк:

Вокруг точечный ободок.

ГНПОМ
ЭНОАБХ
ОСМО

О. с. Неразборчивое изображение. Справа:

Д
О

Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ № 62. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXIII, 3. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 116.

О. с. Погрудное изображение св. Константина в короне, без нимба. Вокруг ободок. 2 экземпляра.

- Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1950 г.; найдена И. А. Пановым. Хр.— НМ, № 4087; Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 77, 79—80, № 2, рис. 2; Янин. О чем рассказывают печати, стр. 559, рис. 1, 2 (фото О. с.). Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379 (под старым № 11882); Янин. Редчайший памятник, стр. 150 (под старым № 11882); Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154 (под старым № 11882).
- Д.— 18 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—24. Пр.— НЭ. Не издава.

Борис (1120—1125 гг.)

126. Л. с. Надпись в пять строк:

Вокруг точечный ободок.

ГНПО
МОЗН
Б ОУСВО

О. с. Погрудное изображение св. Бориса в княжеской шапке. Вокруг точечный ободок. Д.— 16—18 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Никитиным. Хр.— НМ, № 12411. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 78—79, № 8, рис. 2.

Завид Дмитрович? (1128 г.)

127. Л. с. Надпись в пять строк:

ГНПО
МОЗН
Б ВОС
ЧУОСА

О. с. Изображение двух святых воинов в полный рост. По сторонам следы колончатых надписей. Д.— 19—25 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 64. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LV, 1; Янин. Новгородские посадники, стр. 79—80, № 9, рис. 2. Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154 (с неверным прочтением).

Данила (1129 г.)

128. Л. с. Надпись в пять строк:

ГНПО
МОЗН
ОУСВО
УАДМНА
НАМН

О. с. Изображение св. Данила во рву львином; пророк во весь рост, львы по сторонам его.

Д.— 17—20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 65. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 77, 79, № 3, рис. 2.

Петрила Микучич (1131—1134 г.)

129. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг ободок.

ГНПН
МОЗНР
БУСКВ
КМУНЕ
ВАНУ

О. с. Изображение апостола Петра в полный рост; правая рука в благословляющем жесте, в левой ключи. По сторонам:

П
Т

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

- Д.— 18—20 мм. М. н.— Старая Ладога, 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 66. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLVIII, 3; Янин. Новгородские посадники, стр. 77, 79, № 4, рис. 2; Янин. О чем рассказывают печати, стр. 599, рис. 1, 3 (фото О. с.). Уп.— ЗНОРАО, т. 2, вып. 3—4. СПб., 1913, стр. 121; ИАК, прибавл. к вып. 48, 1913, стр. 9; Лихачев. Материалы, 1, стр. 110; Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
- Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1964 г. Хр.— Микучич. Не издана.

Иванко Павлович (1134—1135 г.)

130. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ГНПН
МОЗНР
БУСКВ
КМУНЕ
ВАНУ

О. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благословляющем жесте, в левой свиток и крест. По сторонам:

П
Т

Д.— 20—25 мм. М. н.— Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце в слое 17-го яруса (пл. 22, кв. 12); дендрохронологическая дата яруса: 1178—1197 гг. Хр.— ОНГИМ, № 24. Пр.— НЭ, АОГИМ. Изд.— Янин. Печати из раскопок

1951 г., стр. 376—377, рис. 6; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 153—154, № 32, табл. IV; Янин. Новгородские посадники, стр. 77—79, № 5, рис. 2; Янин. О чем рассказывают печати, стр. 599, рис. 1, 4 (фото О. с.). Уп.— Колчин, стр. 128; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123.

Мирослав Гюрятнич (1126—1128, 1135—1136 г.)

131. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ГНПН
МОЗНР
БУСКВ
КМУНЕ
ВАНУ

О. с. Изображение св. Иакова в полный рост в святительских ризах. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.

П
Т

2 экземпляра.

- Д.— 17—18 мм. М. н.— Новгород, 1915 г. Хр.— ОНГЭ, № 67. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 13; Янин. Новгородские посадники, стр. 76, 79—80, № 1—4, рис. 2. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 110—111; Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 189; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
- Д.— 19—21 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1922 г.; найдена М. Е. Калининым. Хр.— НМ, № 4086. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 111, рис. 57; Янин. Новгородские посадники, стр. 76, 79—80, № 1—2, рис. 2; Янин. О чем рассказывают печати, стр. 599, рис. 1, 1 (фото О. с.). Уп.— Орлов, стр. 250; 2-е изд., стр. 189. Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.

132. Л. с. Надпись в пять строк:

ГНПН
МОЗНР
БУСКВ
КМУНЕ
ВАНУ

О. с. Изображение св. Иакова в полный рост. Слева:
Вокруг точечный ободок.

П
Т

Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—23. Пр.— НЭ. Не издана.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ НА ОБЕИХ СТОРОНАХ

ПЕЧАТИ КНЯЗЕЙ, КНЯЖИВШИХ В НОВГОРОДЕ

Всеволод Мстиславич (1117—1136 гг.)

133. Л. с. Изображение Благовещения «с испуганной Марией»; архангел с железом в руках; Мария, сидящая на скамье, держит пряжу. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

Ф
Е
О
Д
О
А

6 экземпляров.

1. Д.— 23—26 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 68. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, IV, 7. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
2. Д.— 25 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 69. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, IV, 9. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
3. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 70. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLI, 10; ИКДР, рис. 2236, 17. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
4. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1954 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 9696. Не издана.
5. Обломок. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 71. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана.
6. Д.— 20—22 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 72. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана.

134. Л. с. Изображение Благовещения «с испуганной Марией»; архангел с железом. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам. Вокруг точечный ободок.

Ф
Е
О
Д
О
А

12 экземпляров.

1. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 73. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, IV, 6. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
2. Д.— 25 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 74. Пр.— Лих., Изд.— ЛСА, IV, 8. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
3. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 75. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, IV, 11. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
4. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 76. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 9; Лихачев. Материалы, 2, стр. 34—35, рис. 30.

5. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, 1918 г. Хр.— ОНГЭ, № 77. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 34, рис. 31.

6. Д.— 24—25 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 78. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

7. Д.— 25 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4094. Не издана.

8. Д.— 22—24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 12791. Не издана.

9. Д.— 21—23 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 12766. Не издана.

10. Д.— 25—27 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1964 г.; найдена Е. Антоновой и И. Сташкевич. Хр.— ОНГИМ, № 25. Пр.— НЭ. Не издана.

11. Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена А. Я. Пескиным. Хр.— ОНГИМ, № 26. Пр.— НЭ. Не издана.

12. Д.— 21 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1967 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 18812. Не издана.

135. Л. с. Изображение Благовещения «с испуганной Марией» архангел с железом.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке.

Д.— 25 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г., Хр.— ОНГЭ, № 79. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVI, 7. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.

136. Л. с. Изображение Благовещения; архангел держит жезл вертикально. Между фигурами колончатая надпись: Вокруг точечный ободок.

Г
А
В
Р
И

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

Ф
Е
О
Д
О
А

5 экземпляров.

1. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 80. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, IV, 2. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
2. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 81. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, L, 2. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
3. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4093. Не издана.

4. Д.— 25 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 82.— Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, IV, 10. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
5. Д.— 22—24 мм. М. н.— не известно, до 1906 г. Хр.— не размысана; фото в Архиве АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 24. Пр.— Лих. Не издана.

137. Л. с. Изображение Благовещения «у кладези». Обе фигуры в полный рост; позади них, в нижней части поля,— колодец. Наверху:

Росица

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Восход

Звезда

Вокруг точечный ободок.

13 экземпляров.

1. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 83. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, IV, 3. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
2. Д.— 18—21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 84. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, IV, 4. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
3. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 85. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, IV, 5. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
4. Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 86. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLII, 9. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
5. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 87. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVI, 9. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
6. Д.— 23—24 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 88. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 8. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
7. Д.— 23 мм. М. н.— Старая Ладога, 1911 г., на огороде у Никольского монастыря. Хр.— ОНГЭ, № 89. Пр.— Репников, Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 10. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
8. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, до 1929 г. Хр.— не размысана. Пр.— Юкин. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35, рис. 32.
9. Д.— 22 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 90. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
10. Д.— 25 мм. М. н.— не известно, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 25). Хр.— ОНГЭ, № 91. Пр.— Лих. Не издана.
11. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4095. Не издана.
12. Д.— 22—23 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена Д. А. Давиловым. Хр.— НМ, № 12767. Не издана.
13. Д.— 20—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1962 г.; найдена А. Ивановым. Хр.— НМ, № 14591. Не издана.

Владимир Всеволодович (1136 г.)

138. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука с несоразмерно большими пальцами в двухперстном благословляющем жесте, у левого плеча большой крест. По сторонам:

15

8

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение Благовещения. Обе фигуры в полный рост. Позади Марии скамья. Наверху и справа:

Восход

4
Δ
NM
4

Вокруг точечный ободок.

12 экземпляров.

1. Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 92. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, IV, 1. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
2. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 93. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, L, 1. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
3. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 94. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, L, 3. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
4. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 95. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLI, 11. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
5. Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, 1927 г. Хр.— ОНГЭ, № 96. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35, рис. 33 (верхний).
6. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, 1918 г. Хр.— ОНГЭ, № 97. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35, рис. 33 (нижний).
7. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1922 г.; найдена М. Горской. Хр.— НМ, № 4090. Не издана. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 35.
8. Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4091. Не издана.
9. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1964 г. Хр.— Микуляч. Не издана.
10. Д.— 17—19 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 27. Пр.— НЭ. Не издана.
11. Д.— 23—24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 28. Пр.— НЭ. Не издана.
12. Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1967 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 29. Пр.— НЭ. Не издана.

139. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост с крестом у левого плеча. По сторонам:

4
Δ
NM
4

Вокруг точечный ободок.

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати № 138.

Д.— 18—22 мм. М. н.— не известно, до 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 1). Хр.— ОНГИМ, № 30. Пр.— Гудков-Беляков, ЛБ. Не издана.

Святослав Ольгович (1136—1138, 1139—1141 гг.)

140. Л. с. Поясное изображение св. Николая в святительских ризах. По сторонам:

1

16
20
20

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост. По сторонам:

16

16

Вокруг точечный ободок.

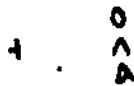
2 экземпляра.

1. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 98. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.—

ЛСА, XLIX, 14. Ул.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 39.

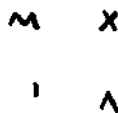
2. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, 1963 г. Хр.— ОНГИМ, № 31, Пр.— Штендер, НЭ. Не издана.

141. Л. с. Поясное изображение св. Николая в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1957 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 11128. Не издана.

142. Л. с. Погрудное изображение святого в святительских ризах.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 22—24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Никитиным. Хр.— НМ, № 12410. Не издана.

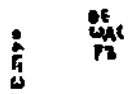
Святополк Мстиславич (1142—1148 гг.)

143. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благославляющем жесте, в левой свиток и крест. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

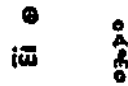
О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Никитиным. Хр.— НМ, № 12409. Не издана.

144. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благославляющем жесте, в левой свиток и крест. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

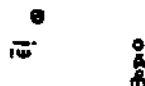
Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 22 мм. М. н. не известно, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 26).— Хр.— ОНГЭ, № 99. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
2. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 3128. Не издана.

3. Д.— 20—21 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 12769. Не издана.

145. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благославляющем жесте, в левой свиток, у левого плеча крест. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

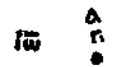

Вокруг точечный ободок.

8 экземпляров.

1. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 100. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, I, 6. Ул.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
2. Д.— 20—23 мм. М. н. не известно. Хр.— ОНГЭ, № 101. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
3. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4058. Не издана.
4. Д.— 22—23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4059. Не издана.
5. Д.— 16—19 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 102. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXIV, 6.
6. Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, 1963 г. Хр.— ОНГИМ, № 32. Пр.— Штендер, НЭ. Не издана.
7. Д.— 17 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1964 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 33. Пр.— НЭ. Не издана.
8. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—22. Хр.— НЭ. Не издана.

146. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благославляющем жесте, в левой свиток и крест. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 20—23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 103. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 21.
2. Д.— 21 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 104. Пр.— Лих. Не издана.
3. Обломок. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4060. Не издана.

147. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благославляющем жесте, в левой свиток и крест.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой.

Д.— 21 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 105. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

152. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

МН
КР
МА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

15 экземпляров.

1. Д. — 22 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 116. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, II, 19.
2. Д. — 21 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 117. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, III, 1.
3. Д. — 20 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 118. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 15.
4. Д. — 23 мм. М. н. — Новгород, до 1912 г. Хр.—ОНГЭ, № 119. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XLVI, 5.
5. Д. — 24 мм. М. н. — не известно. Хр.—ОНГЭ, № 120. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
6. Д. — 22 мм. М. н. — не известно. Хр.—ОНГЭ, № 121. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
7. Д. — 23 мм (обл.). М. н. — не известно. Хр.—ОНГЭ, № 122. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
8. Д. — 20—21 мм. М. н. — Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4045. Не издана.
9. Д. — 25 мм. М. н. — Новгород, 1950 г.; найдена на ул. Декабристов (Софийская сторона) Ковдрагальевым. Хр.—НМ, № 4046. Не издана.
10. Д. — 19—21 мм. М. н. — Новгород. Хр.—Ковалева. Не издана.
11. Д. — 23—25 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1962 г.; найдена А. Ивановым. Хр.—НМ, № 14593. Не издана.
12. Д. — 21—24 мм. М. н. — не известно, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 62, л. 222). Хр.—ОНГЭ, № 123. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
13. Д. — 20—21 мм. М. н. — не известно. Хр.—ОНГЭ, № 124. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
14. Д. — 21 мм (обл.). М. н. — не известно. Хр.—ОНГЭ, № 125. Пр.—Лих., ОВГЭ. Не издана.
15. Д. — 22—24 мм. М. н. — Новгород, Городище, 1964 г. Хр.—Микулич. Не издана.

153. Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Внизу по сторонам:

М
НМ

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

МН
КР
МА

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д. — 24 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 126. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, III, 4.
2. Д. — 25 мм. М. н. — Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4054. Не издана.

3. Д. — 21 мм. М. н. — Новгород, 1927 г. Хр.—ОНГЭ, № 127. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.

154. Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

МН
КР
МА

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора Тирона в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

МН
КР
МА

Вокруг точечный ободок.

8 экземпляров.

1. Д. — 24 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 128. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, III, 2.
2. Д. — 23 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 129. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 9.
3. Д. — 20 мм. М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 130. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 11.
4. Д. — 22—24 мм. М. н. — Новгород, 1927 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 341). Хр.—ОНГЭ, № 131. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—Лихачев. Материалы, 2, стр. 41, рис. 40.
5. Д. — 19—23 мм. М. н. — не известно. Хр.—ОНГЭ, № 132. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
6. Д. — 22 мм. М. н. — Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4044. Не издана.
7. Д. — 19 мм (обл.). М. н. — Новгород, Городище, 1963 г.; найдена А. Шаровым. Хр.—ОНГИМ, № 34. Пр.—Штендер, НЭ. Не издана.
8. Обломок. М. н. — Новгород, Городище, 1967 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НМ, № 18813. Пр.—НЭ. Не издана.

155. Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с копьем в правой руке. Справа:

М
Н
А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке. Слева:

М
Н
А

Вокруг точечный ободок.

Д. 23 мм (обл.). М. н. — Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 133. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 8.

Давид Ростиславич (1154—1155 гг.)

156. Л. с. Изображение святых Бориса и Глеба в полный рост в княжеских шапках с мечами у колен. Справа:

М
Н
А

О. с. Изображение архангела в полный рост, привлекающего меч из ножен.

Д. — 14—16 мм. М. н. — Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце в слое 16—17-го ярусов (выброс из кв. 1—80, пл. 22—23); дендрохронологическая дата яруса: 1178—1224 гг. Хр.—ОНГИМ, № 35. Пр.—НЭ, АОГИМ. Изд.—Яним. Печати на раскопок 1951 г., стр. 330—381, рис. 9; Яним.—Печати на раскопок 1951—1954 гг., стр. 152—

153, № 31, табл. IV. Ул.—Коллин, стр. 128; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.

Мстислав Юрьевич (1155—1157 гг.)

157. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Ф
О
Д
А

О
Р
Д
А

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Г
О
Р

Г
Н
Т

Вокруг ободок.

4 экземпляра.

1. Д.—29 мм (обл.). М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 134. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 18.
2. Д.—23—25 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—ОНГИМ, № 36. Пр.—НЭ. Не найдена.
3. Д.—21—27 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 135. Пр.—Лих., ОБГЭ. Не найдена.
4. Д.—23 мм (обл.). М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 136. Пр.—Лих., ОБГЭ. Не найдена.

158. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

О
Ф
Е
О

О
Р
Д
А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

О
Г

О
Р
Д
А

Вокруг точечный ободок.

6 экземпляров.

1. Д.—20 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 137. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, I, 24. Ул.—Янин. О принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича, стр. 58.
2. Д.—21 мм. М. н.—Новгород, до 1908 г. Хр.—не разыскана. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, XXIX, 8; Янин. О принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича, стр. 58, рис. 26.
3. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4104. Не найдена. Ул.—Янин. О принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича, стр. 58.
4. Д.—21 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4129. Не найдена. Ул.—Янин. О принадлежности шлема Ярослава Всеволодовича, стр. 58.
5. Д.—19—22 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—Ковалева. Не найдена.
6. Д.—22 мм (обл.). М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 138. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не найдена.

159. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Слева:

О
Ф
Е
О

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

О
Г

О
Р
Д
А

Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4062. Не найдена.

Святослав Ростиславич (1158—1160, 1161—1167 гг.)

160. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в двухперстном благословляющем жесте, в левой свиток, у левого плеча крест. По сторонам:

О
А
П
О

И
З
Я

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

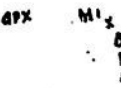

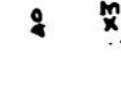
О
А
Р

М
И
Х
А

Вокруг точечный ободок.

32 экземпляра.

1. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 139. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, II, 1. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
2. Д.—26 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 140. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, II, 2. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 247; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
3. Д.—19—21 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 141. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, II, 3. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
4. Д.—24 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 142. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, II, 4. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
5. Д.—20 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 143. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, II, 5. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
6. Д.—21 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 144. Пр.—Лих., ОБГЭ. Изд.—ЛСА, II, 6. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
7. Д.—20 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 145. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, II, 7. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
8. Д.—20—22 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 146. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, II, 8. Ул.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
9. Д.—20—21 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г.

- Хр.—ОНГЭ, № 147. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, II, 9 (здесь вместо О. с. ошибочно повторена О. с. печати № 160, 3). Уп.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
10. Д.—23 мм. М. н.—Новгород, до 1912 г. Хр.—ОНГЭ, № 148. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XLI, 5. Уп.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.
11. Д.—22 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 149. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
12. Д.—20—21 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 150. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
13. Д.—20—21 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 151. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
14. Д.—20—26 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 152. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
15. Д.—20—21 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1927 г.; найдена М. Горской. Хр.—НМ, № 4056. Изд.—Лихачев. Материалы, 2, стр. 38, рис. 35. Уп.—Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок. 1951—1954 гг., стр. 154.
16. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, 1918 г. Хр.—ОИПК ГЭ, № 1957/7. Пр.—Музей Штиглица (от В. А. Квашонкина). Не издана.
17. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4055. Не издана.
18. Д.—23—25 мм. М. н.—Новгород, до 1908 г. Хр.—НМ, № 4057. Изд.—Полянский. Таблица, № 4. Уп.—Полянский. Памятка, стр. 261, № 55 (описана как печать «спосадника Офанаса Феодоровича»).
19. Д.—23—25 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1953 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.—НМ, № 8412. Не издана.
20. Д.—23—25 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1957 г.; найдена Никитиным. Хр.—НМ, № 11132. Не издана.
21. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце в слое 17-го яруса (пл. 22, кв. 30); дендрохронологическая дата яруса: 1178—1197 гг. Хр.—ОНГИМ, № 37. Пр.—НЭ, АОГИМ. Изд.—Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377, рис. 7; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154, № 33, табл. IV. Уп.—Колчин, стр. 128; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123.
22. Д.—20—22 мм. М. н.—Новгород, 1960 г., раскопки на Неревском конце в слое 13—14-го ярусов (пл. 16, кв. 1989); дендрохронологическая дата яруса: 1238—1281 гг. Хр.—ОНГИМ, № 38. Пр.—НЭ. Не издана.
23. Д.—20 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1961 г.; найдена А. Шаровым. Хр.—НМ, № 14161. Не издана.
24. Д.—23 мм. М. н.—Новгород, около 1908—1911 гг. Хр.—не разрыта; фото в Архиве АН СССР (ф. 246, оп. 1, № 51, л. 578). Пр.—Лих. Не издана.
25. Д.—18—19 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 153. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
26. Д.—19—20 мм. М. н.—Новгород, 1963 г. Хр.—ОНГИМ, № 39. Пр.—Штендер, НЭ. Не издана.
27. Д.—22—23 мм. М. н.—Новгород, 1963 г. Хр.—ОНГИМ, № 40. Пр.—Штендер, НЭ. Не издана.
28. Д.—17 мм (обл.). М. н.—Новгород, до 1929 г. Хр.—не разрыта. Пр.—Юкин. Не издана.
29. Д.—20—21 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—ОНГИМ, № 41. Ар.—НЭ. Не издана.
30. Д.—22 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 154. Пр.—Лих., ОБГЭ. Не издана.
31. Д.—18—19 мм. М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 155. Пр.—Лих., ОБГЭ. Не издана.
32. Д.—24 мм (обл.). М. н.—Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НМ, № 17732—20. Пр.—НЭ. Не издана.
161. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост со свитком и крестом в левой руке. По сторонам:

 Вокруг точечный ободок.
 О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

 Вокруг точечный ободок.
 6 экземпляров.
1. Д.—21—24 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 156. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, II, 14. Уп.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
2. Д.—18—19 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 157. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 12. Уп.—Лихачев. Материалы, 2, стр. 36 (с неверным прочтением надписи Л. с.: Андрей).
3. Д.—21—23 мм. М. н.—Новгород, 1907 г. Хр.—ОНГЭ, № 158. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XXIX, 7. Уп.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
4. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1917 г. Хр.—ОНГЭ, № 159. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, L, 4. Уп.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
5. Д.—21 мм (обл.). М. н.—не известно. Хр.—ОНГЭ, № 160. Пр.—Лих., ЛОИИ. Не издана.
6. Д.—18—21 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 161. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, III, 22. Уп.—Янин. Печати Пскова, стр. 239 (с неверным прочтением надписи Л. с.: Василий).
162. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благославляющей перстосложении, в левой свиток и крест. По сторонам:

 Вокруг точечный ободок.
 О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

 Вокруг точечный ободок.
 Д. 24 мм. М. н.—Новгород, до 1912 г. Хр.—ОНГЭ, № 162. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XLI, 6. Уп.—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 38; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 377; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 154.

Мстислав Ростиславич (1160—1161, 1175—1176, 1177—1178 гг.)

Изд.— Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120, рис. 6, 3.

Роман Мстиславич (1168—1170 гг.)

163. Л. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. ①
О. с. Изображение св. Иакова в полный рост. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. ②
Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1954 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 8426. Не издана.

164. Л. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. Справа:
Вокруг ободок. Б
Г
А
В
О. с. Изображение св. Иакова в полный рост. Справа:
Вокруг точечный ободок. Д
К
В
З
Е
В
Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 163. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 12. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 38 (с неверным прочтением надписи Л. с.: Вячеслав).

165. Л. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. Справа:
Вокруг ободок. Г
А
В
О. с. Изображение св. Иакова в полный рост. По сторонам:
Вокруг ободок. Б
Г
А
В
З
Е
В
3 экземпляра.
1. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 164. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLIX, 15. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82, 84; Орлов, стр. 256; 2-е изд., стр. 194; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120.
2. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1961 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— Н М, № 14047. Не издана.
3. Д.— 19 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 165. Пр.— Лих. Не издана.

166. Л. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост в святительских ризах. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
О. с. Изображение св. Иакова в полный рост в святительских ризах; правая рука в благославляющем жесте, сложенная, в левой кодекс. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
З
Е
В
Д.— 25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1952 г.; найдена И. А. Павовым. Хр.— НМ, № 5830.

167. Л. с. Изображение святых Бориса и Глеба в полный рост в княжеских шапках и с мученическими крестами у груди. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с коньем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
7 экземпляров.
1. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 166. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 23. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 100; Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
2. Д.— 22 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 167. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LV, 3. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 100; Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
3. Д.— 23—26 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 168. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
4. Обломок. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 169. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
5. Д.— 21—23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4076. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
6. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1950 г.; найдена Петровой. Хр.— НМ, № 4077. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
7. Д.— 25—26 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 170. Пр.— Музейный фонд (КП 583, № 284). Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.

Рюрик Ростиславич (1170—1171 гг.)

168. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам следы колончатых надписей, видна правая:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
О. с. Изображение архангела в полный рост, с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Слева:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 171. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
169. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:
Вокруг точечный ободок. Б
Г
А
В
О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой.

Д.— 20 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 172. Пр.—Лих., ОБГЭ, Изд.—ЛСА, II, 17. Уп.—Лизачев, Материалы, 2, стр. 39 (сюжет Л. с. истолкован как изображение св. Иоанна Богослова).

170. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:
- О
А
Г
С
- В
А
С
Н
- О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг ободок.
3 экземпляра.
- Д.— 19 мм. М. н.— Псков, конец XIX в. Хр.— не разыскана. Пр.— собрание Александра в Пскове. Изд.— ЛСА, XLII, 20; Янин. Печати Пскова, стр. 239, № 1, рис. 1.
  - Д.— 22 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 173. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
  - Д.— 17 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 174. Пр.— Лих., ОБГЭ. Не издана.

171. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:
- О
А
- В
А
С
- Вокруг точечный ободок.
- О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.
2 экземпляра.
- Д.— 19 мм. М. н.— Киев, до 1908 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXX, 10. Уп.— Янин. Печати Пскова, стр. 239.
  - Д.— 12—16 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 175. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 17.

172. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:
- О
А
Г
- В
А
С
Н
- Вокруг точечный ободок.
- О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке. Вокруг точечный ободок.
Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 176. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLII, 19. Уп.— Янин. Печати Пскова, стр. 239.

173. Л. с. Изображение святителя в полный рост. Вокруг ободок.
- О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в левой руке (!). Вокруг ободок.
Д.— 17—20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 177. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 75.

174. Л. с. Погрудное изображение святителя.
- О. с. Изображение архангела в полный рост.
Д.— 16—20 мм. М. н.— Новгород, 1927 г. Хр.— ОНГЭ, № 178. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

Юрий Андреевич (1172—1175 г.)

175. Л. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьём в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
- О
А
Г
- Г
Е
О
Р
- Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Андрея в полный рост с крестом у груди. По сторонам:

О
А
Г
С

В
А
С
Н

Вокруг точечный ободок.
7 экземпляров.

- Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 179. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 16. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 37 (Л. с. ошибочно истолкована как изображение св. Феодора).
- Д.— 20—23 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 180. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVIII, 4; ИКДР, рис. 2236, 15 (фото О. с.). Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 72; 2, стр. 36; Орлов, стр. 253; 2-е изд., стр. 192; Вагнер, стр. 87.
- Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 181. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 16. Уп.— Лизачев, Материалы, 1, стр. 72, 74; 2, стр. 36; Орлов, стр. 253; 2-е изд., стр. 192; Вагнер, стр. 87.
- Д.— 20—25 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 182. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
- Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1920 г.; найдена В. Е. Емельяновым (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 235, л. 8). Хр.— НМ, № 4049. Не издана.
- Д.— 20—24 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Ковалева. Не издана.
- Д.— 18—20 мм. М. н.— Новгород, 1962 г. Хр.— ОНГИМ, № 42. Пр.— Шендер, НЭ. Не издана.

176. Л. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьём в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
- О
А
Г
С
- В
А
С
Н
- Вокруг точечный ободок.
- О. с. Изображение св. Андрея в полный рост с крестом у левого плеча. По сторонам:
- О
А
Г
С
- В
А
С
Н
- Вокруг точечный ободок.

- 4 экземпляра.
- Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 183. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 19. Уп.— Вагнер, стр. 87.
  - Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 184. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, I, 22. Уп.— Вагнер, стр. 87.
  - Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 185. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
  - Д.— 23 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 186. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

177. Л. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьём в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:
- О
А
Г
С
- В
А
С
Н
- Вокруг точечный ободок.
- О. с. Изображение св. Андрея в полный рост. По сторонам:
- О
А
Г
С
- В
А
С
Н
- Вокруг точечный ободок.
4 экземпляра.

- Д.— 21—24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 187. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА.

1. 15. Ул.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 37 (с неверным прочтением надписи Л. с.: Феодор).
2. Д.— 22—23 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 188. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVI, 4. Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; 2, стр. 37 (с неверным прочтением надписи Л. с.: Феодор); Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
3. Д.— 20 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 189. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
4. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Ковалева. Не издана.

Святослав Мстиславич (1175 гг.)

178. Л. с. Изображение св. Агафоника в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

У
Л
А
Р
О
С
—
Л
И
Х
А
Ч
Е
В

О. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. По сторонам:

И
О
А
Н
Н
О
В
О
С
Л
О
В
С

Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра.

1. Д.— 20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 190. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 21, Ул.— Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120.
2. Д.— 21 мм. М. н.— Старая Ладога, 1910 г., у дачи Макаровой. Хр.— ОНГЭ, № 191. Пр.— Репников, Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLI, 3.
3. Д.— 22—23 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 192. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLII, 17; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120, рис. 6, 4. Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; Орлов, стр. 256; 2-е изд., стр. 194.
4. Д.— 17—20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1963 г.; найдена А. Шаровым. Хр.— ОНГИМ, № 43. Пр.— НЭ. Не издана.

Ярослав Мстиславич (1170—1177 гг.)

179. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом с правой руке и со сферой в левой. Справа: Вокруг точечный ободок.

Г
А
В
Р
И
И
Л

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Ф
Е
О
Д
О
Р

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 22—24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 193. Пр.— Лих., ЛОИИ, Изд.— ЛСА, III, 7.
2. Д.— 20—22 мм. М. н.— не известно. Хр.— не размыскана; фото в Фотоархиве ЛОИА АН СССР (№ I 8545—8546). Не издана.
3. Д.— 22—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1962 г.; найдена Петровой. Хр.— ОНГИМ, № 44. Пр.— НЭ. Не издана.

Ярополк Ростиславич (1178 г.)

180. Л. с. Изображение св. Феодора Тирона в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Ф
Е
О
Д
О
Р
Т
И
Р
О
Н

Вокруг точечный ободок.

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати № 166 (с изображением св. Иакова). 4 экземпляра.

1. Д.— 19—20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 194. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, I, 10. Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82, 85; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120.
2. Д.— 17—20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 195. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 11, Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82, 85; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120.
3. Д.— 19—21 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 196. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLII, 8; ИКДР, рис. 2236, 11. Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82, 85; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120.
4. Д.— 27 мм. М. н.— Новгород, 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 197. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 12; Лихачев. Материалы, 1, стр. 85, рис. 40; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120, рис. 6, 1.— Ул.— Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.

181. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Ф
Е
О
Д
О
Р

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Иакова в полный рост в святительских ризах с кодексом в левой руке; правая рука в благословляющем жесте. По сторонам:

И
А
К
О
В

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 198. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLVIII, 5; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120, рис. 6, 2. Ул.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 82, 85; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
2. Д.— 21—23 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 12770. Не издана.

Роман Ростиславич (1179 г.)

182. Л. с. Изображение св. Бориса в полный рост с мечом у колен. Справа:

Б
О
Р
И
С

О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке. Слева:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 25 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 199. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 16. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 101; Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.

Мстислав Ростиславич (1179—1180 гг.)

183. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

По краю — остатки круговой надписи. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 21—25 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 200. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 11.
2. Д.— 24 мм. М. н.— Киевская обл., до 1930 г. Хр.— ОНГЭ, № 201. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 41—42, рис. 42.
3. Д.— 22—22 мм. М. н.— Новгород, до 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 1). Хр.— ОНГИМ, № 45. Пр.— Гудков-Беляков, ЛБ. Не издана.

184. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке. Вокруг точечный ободок.

1. Д.— 18—22 мм. М. н.— Новгород. Хр.— ОНГЭ, № 202. Пр.— Лих. Не издана.
2. Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, до 1908 г. Хр.— НМ, № 4047. Не издана. Уп.— Полянский. Памятка, стр. 258, № 47.
3. Д.— 16—18 мм. М. н.— Новгород, до 1907 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Полянский (фото в Архиве АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 573). Не издана. Уп.— Полянский. Памятка, стр. 252, № 28.
4. Д.— 18 мм (обл.). М. н.— Новгород, 1963 г. Хр.— ОНГИМ, № 46. Пр.— Штендер, НЭ. Не издана.

185. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в левой (!) руке и со щитом в правой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост, зеркальное.

Справа:

Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра.

1. Д.— 21—22 мм. М. н.— Новгород, 1927 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 341). Хр.— ОНГЭ, № 203. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 41, рис. 41.
2. Д.— 21 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 204. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана.
3. Д.— 24 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 205. Пр.— Лих. Не издана.
4. Д.— 20 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1967 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 47. Пр.— НЭ. Не издана.

186. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

Вокруг точечный ободок.

Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 206. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 17.

Владимир Святославич (1180 г.)

187. Л. с. Изображение св. Андрея в полный рост. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

Вокруг ободок.

5 экземпляров.

1. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 207. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 18. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 36.
2. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1927 г.; найдена М. Е. Калининным. Хр.— НМ, № 4048. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 36—37, рис. 34.
3. Д.— 23 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 208. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
4. Д.— 21 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1964 г.; найдена А. С. Хорошевым. Хр.— ОНГИМ, № 48. Пр.— НЭ. Не издана.
5. Д.— 22 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 209. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана.

Святослав Всеволодович (1180—1181 гг.)

188. Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Кирилла в полный рост с кодексом в левой руке. По сторонам:

К
Г
Н
А
Н
Л
Т

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 21—23 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 210. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLVI, 3; ИКДР, рис. 223а, 8. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 82—84; 2, стр. 204; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
2. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1962 г.; найдена Д. А. Давиловым. Хр.— НМ, № 14604. Не издана.

Ярослав Владимирович
(1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.)

189. Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

М

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

А
Н
М

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 17 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 211. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 13.
2. Д.— 16—20 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 212. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLII, 12.
3. Д.— 15—18 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 213. Пр.— Лих. Не издана.

190. Л. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

М

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

А
Н
Т

Вокруг точечный ободок.

5 экземпляров.

1. Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 214. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 20.
2. Д.— 17—18 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 215. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
3. Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1951 г.; найдена Никитиным. Хр.— НМ, № 4053. Не издана.
4. Д.— 17—19 мм. М. н.— Новгород. Хр.— Ковалева. Не издана.
5. Д.— 24 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1967 г.; найдена В. Н. Сузоваровым. Хр.— ОНГИМ, № 49. Пр.— НЭ. Не издана.

191. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

А
Н
Т
Н

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 18—20 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 216. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLI, 1.
2. Д.— 16—18 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 217. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLII, 15.

192. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Х
О

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского, сидящего на троне, извлекающего правой рукой меч, а левой придерживающего ножны. По сторонам:

А
М
Т
Н

Вокруг точечный ободок.

9 экземпляров.

1. Д.— 19—21 мм. М. н.— Киев, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 218. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXVI, 2; Янин. Княжеские знаки, стр. 11—12, рис. 5, 2; Куза, стр. 97—110, рис. 1, 3. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 77, 93.
2. Обломок. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 219. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
3. Д.— 20—21 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 220. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
4. Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4052. Не издана.
5. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1953 г.; найдена И. А. Пановым. Хр.— НМ, № 8422. Не издана. Уп.— Янин. Княжеские знаки, стр. 11; Куза, стр. 97—100.
6. Д.— 17 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1957 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 11690. Не издана.
7. Д.— 18 мм. М. н.— Новгород, 1918 г. Хр.— ОНГЭ, № 221. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
8. Д.— 19—20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1964 г. Хр.— Микучич. Не издана.
9. Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, 1966 г.; раскопки на ул. 1 Мая в слое рубежа XII—XIII вв. (пл. 22, кв. 301). Хр.— ОНГИМ, № 50. Пр.— НЭ. Не издана.

Мстислав Давидович (1184—1187 гг.)

193. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

А
Н
Т
Н

О. с. Изображение св. Глеба в полный рост в княжеской шапке с мученическим крестом у груди. По сторонам:

А
Н
Т
Н

Вокруг точечный ободок.

7 экземпляров.

1. Д.— 21 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 222. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 13. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 92.
2. Д.— 18 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 223. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 27. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
3. Д.— 17 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 16.— Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
4. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, до 1914 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 129). Хр.— ОНГЭ, № 224. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 12; Лихачев. Материалы, 1, стр. 75, рис. 33. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 100; Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 192—193; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
5. Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4046. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
6. Д.— 19 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4078. Не издана. Уп.— Янин. Новгородские посадники, стр. 93.
7. Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, до 1903 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Полянский. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 75, рис. 32. Уп.— Полянский. Памятка, стр. 254, № 34; Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 192—193; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.

194. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

Ф
Е
Д
О
Д

О. с. Изображение св. Глеба в полный рост в княжеской шапке; правая рука в благословляющем жесте, в левой свиток. По сторонам:

Д
П

Д
А
В
Д

Д.— 19—20 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 225. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 18. Уп.— Лихачев, Материалы, 1, стр. 72; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.

Ярополк Ярославич (1197 гг.)

195. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

А
В
В

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Проккопия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

П
Р
О
К
П

Вокруг точечный ободок.

5 экземпляров.

1. Д.— 22 мм (обл.). М. н.— не известно, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 162). Хр.— ОНГЭ, № 226. Пр.— Лих. Не издана.
2. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 12765. Не издана.
3. Д.— 19—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 12511. Не издана.

4. Д.— 15—18 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 227. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 21.
5. Д.— 19—20 мм. М. н.— Новгород. Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—21. Пр.— НЭ. Не издана.

Святослав Всеволодович (1200—1205, 1208—1210 гг.)

196. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Г
В
Р
И
И
Л

Г
А
В
Р

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Д
М
И
Т
Р

Д
М
И
Т
Р

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 19—22 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 228. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, II, 13. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 71—73; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195.
2. Д.— 22 мм. (обл.). М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4051. Не издана.
3. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1959 г.; найдена В. Пановым. Хр.— НМ, № 12779. Не издана.

197. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Г
В
Р

Г

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Г

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 23—25 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 229. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLI, 9.
2. Д.— 21—24 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 230. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 3. Уп.— Лихачев, Материалы, 1, стр. 71—73; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195.

198. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в левой руке и со сферой в правой (зеркальное). Слева:

Г
В
Р

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в левой руке и со щитом в правой (зеркальное). По сторонам:

Д
М

Д
М

Вокруг ободок.

7 экземпляров.

1. Д.— 22—24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 231. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 6.
2. Д.— 24 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 232. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 5.
3. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4127. Не издана.
4. Д.— 22—24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1961 г. Хр.— Археологический музей при Новгородском пединституте. Не издана.
5. Д.— 24 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 233. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
6. Д.— 18—21 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 234. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана.
7. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1963 г. Хр.— НМ, № 15284. Не издана.

199. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Г
А
В
Р
И
И
Л
А
М
И
Х
А
Й
Л
О
С
Т
А
С
Т
И
Н
А
И
З
А
В
С
Т
А
В
Л
Е
Н
И
Е

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Д
М
И
Т
Р
И
Й
С
О
Л
У
Н
С
К
И
Й

Вокруг точечный ободок.

7 экземпляров.

1. Обломок. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 235. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 19.
2. Д.— 27 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 236. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, II, 10. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 71—73, 151; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195.
3. Д.— 24—26 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 237. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLII, 8. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 71—73, 151; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195.
4. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 238. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVI, 6. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 71—73; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195.
5. Обломок. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 239. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
6. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1927 г. Хр.— НМ, № 4042. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 72, рис. 29 (верхний). Уп.— Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195; Куза, стр. 99—100.
7. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4043. Не издана.

200. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Г
А
В
Р
И
И
Л
А
М
И
Х
А
Й
Л
О
С
Т
А
С
Т
И
Н
А
И
З
А
В
С
Т
А
В
Л
Е
Н
И
Е

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Д
М
И
Т
Р
И
Й
С
О
Л
У
Н
С
К
И
Й

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.—

ОНГЭ, № 240. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLII, 10. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 71—73, 151; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195; Куза, стр. 99—100.

2. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, 1926 г.; найдена А. Давыдовым в ограде Ильинской церкви на Торговой стороне. Хр.— НМ, № 4050. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 72, рис. 29 (нижний). Уп.— Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195; Куза, стр. 99—100.

Константин Всеволодович (1205—1208 гг.)

201. Л. с. Изображение св. Константина в короне в полный рост. По сторонам:

К
О
С
Т
А
Н
Т
И
Н
И
З
А
В
С
Т
А
В
Л
Е
Н
И
Е

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 25 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ГТТ, № 12537. Пр.— Остроухов. Изд.— ЛСА, LIII, 6. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 72—74; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
2. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, 1918 г. Хр.— ОИПК ГЭ, № 1957/10. Пр.— Музей Штиглица (куплена у В. А. Квашонкина). Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 74, рис. 31. Уп.— Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.
3. Д.— 30 мм. М. н.— Новгород, до 1928 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Юкин. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 73—74, рис. 30. Уп.— Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 194.

202. Л. с. Изображение св. царя Константина в полный рост. Слева:

К
О
С
Т
А
Н
Т
И
Н

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Слева:

Д.— 27—29 мм. М. н.— не известно. Хр.— не разыскана (фото в Фотоархиве ЛОИА, № 1 8623—8624). Не издана.

Метислав Метиславич (1210—1215, 1216—1218 гг.)

203. Л. с. Изображение св. Феодора Тирона на коне, вправо, с флажком на копье и крестом над плечом. Слева:

Ф
Е
О
Д
О
Р
Т
И
Р
О
Н

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора Стратилата в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

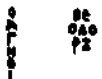
Д.— 21—22 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОН-ГИМ № 51. Пр.— поступила в 1959 г. от Ембулова. Не издана.

204. Л. с. Изображение св. Феодора на коне, вправо, со стягом на длинном древке. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

10 экземпляров.

1. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 241. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 22. Уп.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40.
2. Д.— 20—23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 242. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, V, 23. Уп.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40.
3. Д.— 15 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, V, 24. Уп.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40.
4. Д.— 17—18 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 243. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLVI, 1. Уп.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40.
4. Д.— 22 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 244. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVIII, 10. Уп.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40.
6. Д.— 20—21 мм. М. н.— Новгород, 1927 г. Хр.— ОНГЭ, № 245. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40—41, рис. 39.
7. Д.— 26 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4069. Не издана.
8. Д.— 22 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 246. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
9. Обломок. М. н.— Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 52. Пр.— НЭ. Не издана.
10. Д.— 21 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—19. Пр.— НЭ. Не издана.

205. Л. с. Изображение св. Феодора на коне, вправо. Слева:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 22 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, V, 22. Уп.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40.
2. Д.— 22 мм. М. н.— Новгород, около 1926 г. Хр.— ОНГЭ, № 247. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лихачев, Материалы, 2, стр. 40—41, рис. 38.
3. Д.— 21 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4073. Не издана.

206. Л. с. Изображение св. Феодора на коне, вправо. Справа:

Вокруг точечный ободок.

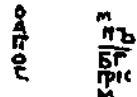
О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Д.— 21 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 248. Пр.— Лих., ОВГЭ. Не издана.

Святослав Мстиславич (1218—1219 гг.)

207. Л. с. Изображение св. Симеона Богоприимца в полный рост с младенцем на руках. По сторонам:

О. с. Изображение святых Бориса и Глеба в полный рост в княжеских шапках с мечами у пояса. Слева:

Д.— 21—22 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 249. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLVI, 2; Лихачев, Материалы, 1, стр. 100—101, рис. 52; Янин, Новгородские посадники, стр. 93, рис. 4а. Уп.— Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193—194.

Всеволод Мстиславич (1219—1221 гг.)

208. Л. с. Изображение святых Петра и Павла в полный рост. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Изображение святых Бориса и Глеба в полный рост с копьями в правых руках; в левой у Бориса меч, у Глеба — щит. По сторонам и между фигурами — остатки колончатых надписей. Вокруг ободок.

Д.— 25—27 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1951 г.; найдена Д. А. Давыловым. Хр.— НМ, № 4079. Изд.— Янин, Новгородские посадники, стр. 93, рис. 46. Уп.— Янин, Печати из раскопок 1951 г., стр. 383.

209. Л. с. Изображение св. Петра в полный рост. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Павла в полный рост. По сторонам:

Вокруг ободок.

5 экземпляров.

1. Д.— 25 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 250. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.
2. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4063. Не издана. Уп.— Янин, Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 155 (под старым № 3532).
3. Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4114. Не издана.

4. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1953 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 8416. Не издана. Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 155 (под старым № 12316).
5. Д.— 24—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1957 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 10963. Не издана.

210. Л. с. Изображение св. Петра в полный рост. По сторонам: Вокруг ободок.

А
Г
С
Л
С
Г
С
Л
С
Л
С

О. с. Изображение св. Павла в полный рост. По сторонам: Вокруг ободок.

Д.— 24—25 мм. М. н.— Новгород, 1954 г., раскопки на Неревском конце в слое 14-го яруса (пл. 21, кв. 759), дендрохронологическая дата яруса: 1238—1268 гг. Хр.— ОНГИМ, № 53. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 155, № 34, табл. IV. Уп.— Колчин. стр. 128; Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 123.

Всеволод Юрьевич (1222, 1224 гг.)

211. Л. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост, правой рукой извлекающего меч из ножен. Справа:

Д
М
И
Т
Р

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

Г
Е
О
Р
Г

Вокруг ободок.

ПЕЧАТИ ЛИЦ, НЕ КНЯЖИВШИХ В НОВГОРОДЕ

Киев

Изяслав Мстиславич (1143—1154 гг.) или Мстислав Изяславич (1169—1171 гг.)

214. Л. с. Изображение св. Пантелеймона в полный рост. по сторонам:

А
П
О
С
Т
А
С
Т
А
С

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам: Вокруг ободок.

Ф
Е
О
Д
О
Р

2 экземпляра

1. Д.— 17—18 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 255. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 19. Уп.— Лихачев. Материа-

2 экземпляра.

1. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 251. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, I, 25.— Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 72, 74; 2, стр. 37; Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 193; Янин. Княжеские знаки, стр. 15.
2. Д.— 24 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 252. Пр.— Лих. ЛОИИ. Не издана.

212. Л. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост, извлекающего меч из ножен. По сторонам:

Д
М
И
Т
Р

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Георгия на коне, вправо. Вокруг ободок.

Д.— 27—28 мм. М. н.— Новгород, до 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 253. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XXVI, 9; ИКДР, т. 2, рис. 2236, 16 (фото О. с.). Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 75—79, 93; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 195; Янин. Княжеские знаки, стр. 15.

Михаил Всеволодович (1225, 1229 гг.) или Ростислав Михайлович (1229—1230 гг.)

213. Л. с. Изображение св. цари Константина в полный рост. По сторонам — колончатые надписи, из которых видна правая:

К
О
С
Т
А
С

Вокруг ободок.

О. с.: Изображение архангела в полный рост. Вокруг точечный ободок.

Д.— 21 мм. (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 254. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, II, 12, Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 39.

лы, 1, стр. 82; Орлов, стр. 256; 2-е изд., стр. 194; Янин. Из истории землевладения, стр. 316, 323.

2. Д.— 18—19 мм. М. н.— Псков, Довмонтов город, 1963 г. Хр.— ОИПК ГЭ. Не издана. Уп.— Янин. Из истории землевладения, стр. 316, 323.

215. Л. с. Изображение св. Пантелеймона в полный рост. По сторонам:

А
П
О
С
Т
А
С
Т
А
С

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост, с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Ф
Е
О
Д
О
Р

Д.— 15—16 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 256. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 20. Уп.— Янин. Из истории землевладения, стр. 316, 323.

Смоленск

Владимир Рюрикович (1214—1219 гг.)

216. Л. с. Изображение св. Дмитрия Солунского в полный рост с копьем в правой руке. По сторонам:

А
В

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:

В
С
Л

Вокруг ободок.

Аргировул. Д.— 22—26 мм. М. н.— Княжая Гора б. Каневского уезда Киевской губ., около 1901 г. Хр.— Киевский музей. Пр.— Кундеревич. Изд.— ЛСА, LIV, 2, Лихачев, Материалы, 1, стр. 56—58, рис. 21. Уп.— газета «Юг», 1901 г., № 961; ИАК, прибавл. к вып. 2, 1902, стр. 29; Петров, стр. 68, № 12; Орлов, стр. 257; 2-е изд., стр. 195.

Мстислав Давидович (1228—1230 гг.)

217. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

Ф
Е

О. с. Изображение святых Бориса и Глеба в полный рост с мученическими крестами у груди. По сторонам и между фигурами:

Б
О
Р
И
С
Г
Л
Е
Б

Вокруг точечной ободок.

Д.— 17—20 мм. М. н.— Киев, 1915 г. Хр.— ОНГЭ, № 257. Пр.— Гезе, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 1; Лихачев. Материалы, 1, стр. 99—100, рис. 51. Уп.— Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193; Янин. Новгородские посадники, стр. 93.

Ростислав Мстиславич (середина XIII в.)

218. Л. с. Изображение св. Бориса в полный рост, в княжеской шапке с мученическим крестом у груди. По сторонам:

Б
О
Р
И
С

Вокруг ободок.

Княгиня София (XII в.)

221. Л. с. Изображение св. Софии в полный рост с мученическим крестом у груди. По сторонам:

С
О
Ф
И
Я

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Г
Е
О
Р
Г
И
Й

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Глеба в полный рост в княжеской шапке с мученическим крестом у груди. По сторонам:

Г
Л
Е
Б

Вокруг ободок.

Д.— 18—22 мм. М. н.— Новгород, до 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 258. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXIX, 1. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 100.

219. Л. с. Оттиснута той же матрицей, что и Л. с. печати № 218, но с подправленной надписью:

С
В
О

О. с. Оттиснута той же матрицей, что и О. с. печати № 218, но с подправленной надписью:

О
Д
Р
О

2 экземпляра.

1. Аргировул. Д.— 26 мм. Сохранилась при экземпляре К Смоленской Правды. Хр.— Рижский архив. Изд.— ЛСА, IX, 6; Лихачев. Материалы, 1, стр. 27, рис. 10; Смоленские грамоты, стр. 16. Уп.— Нальерский, стр. 448, 451; Срезневский. Древние памятники, стр. 52; 2-е изд., стр. 104; Голубовский, стр. 128—132; Katalog der Ausstellung, S. 177, № 926; Список оттискам, № 4; Орлов, стр. 258; 2-е изд., стр. 195.
2. Д.— 18—20 мм. М. н.— б. Тверская губ., до 1903 г. Хр.— ОНГИМ, № 54. Изд.— Орешников. Материалы, стр. 148—149, № 30, табл. 2, 22; Лихачев. Материалы, 1, стр. 28, рис. 11. Уп.— Орлов, стр. 258—259; 2-е изд., стр. 195.

220. Л. с. Изображение св. Бориса в полный рост. По сторонам:

Б
О
Р
И
С

О. с. Изображение св. Глеба в полный рост. По сторонам:

Г
Л
Е
Б

Аргировул. Д.— 34—35 мм. Сохранилась при экземпляре Д Смоленской Правды. Хр.— Рижский архив. Изд.— Гобиев, таблица перед титульным листом; ЛСА, IX, 5; Смоленские грамоты, стр. 59. Уп.— Нальерский, стр. 414—416; Голубовский, стр. 128—132; Katalog der Ausstellung, S. 177, № 925, Список оттискам, № 3; Лихачев. Материалы, 1, стр. 25—26, 55; Орлов, стр. 263; 2-е изд., стр. 199.

Полоцк

2 экземпляра

1. Д.— 17 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 259. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, I, 17; Рыбаков. Печать Георгия и Софии, стр. 106—108, рис. 27; ИКДР, рис. 2236, 9. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 40; Янин. Печать «Дьяволово», стр. 169; Штыгов. О торговых связях, стр. 30; Штыгов. Печать из Полоцка, стр. 244—245; Алексеев, стр. 233—235 (с ошибочным указанием М. н.— Полоцк).
2. Д.— 22—23 мм. М. н.— Кокнесе, раскопки 1962 г. Хр.— Институт истории Лат. ССР. Изд.— Мугу

регич, стр. 101, рис. 44, 8. Ул.— Стубас, стр. 37;
Штыхов. Печать из Полоцка, стр. 244—245;
Алексеев, стр. 235.

Неизвестная княгиня (XII в.)

222. Л. с. Изображение святой в полный рост. Справа:
Вокруг точечный ободок.

Ч
П
А

О. с. Изображение архангела Михаила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Слева, между жезлом и фигурой архангела:

П
А
И

Вокруг точечный ободок.

Д.— 25—28 мм. М. н.— Полоцк, раскопки 1962 г. Хр.— Полоцкая экспедиция АН БССР. Изд.— Штыхов. Печать из Полоцка, стр. 242—244. Ул.— Алексеев, стр. 233.

Чернигов

Ростислав Ярославич (род. 1174 г. ум. до 1213 г.)

223. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост. По сторонам:

П
А

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Прокония в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

П
А

Вокруг ободок.

Д.— 17—18 мм. М. н.— с. Сядоры Михайловского р-на Волгоградской обл., песчаный карьер на берегу р. Ташапка (колхоз «Красный партизан»),

1965 г.; найдена И. В. Кладиевым. Хр.— ОНГИМ, № 55. Не издана.

224. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в благословляющем жесте. По сторонам:

С
П
И

О. с. Изображение св. Прокония в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

П
КО

Вокруг точечный ободок.

Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 260. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, I, 7.

Переяславь

Епископ Лазарь (1105—1113 гг.)

225. Л. с. Изображение св. Лазаря в полный рост с кодексом и свитком в левой руке. По сторонам:

О
КО
С
Л
А
З
О
Р
Б

О. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост с кодексом и свитком в левой руке. По сторонам:

О
КО
С
В
А
С
И
Л
И

Вокруг точечный ободок.

Д.— 27—28 мм. М. н.— Новгород, 1951 г., раскопки на Неревском конце в слое 17-го яруса (пл. 22, кв. 15); дендрохронологическая дата яруса: 1178—1197 гг. Хр.— ОНГИМ, № 58. Пр.— НЭ, АОГИМ. Изд.— Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 379—380, рис. 8; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 160—161, № 46, табл. V. Ул.— Колич, стр. 128; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123; Янин. Княгиня Олисава, стр. 159.

Галицко-Волынская земля

Княгиня Олисава, вдова Ияслава Ярославича (1078—1086 гг.)

226. Л. с. Погрудное изображение св. Елисаветы с мученическим крестом у груди. По сторонам:

С
В
Е
Т
А
В
Р
И
С
А

Вокруг ободок.

О. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Справа:

П
Р
И
С
А

Вокруг ободок.

- 2 экземпляра.
1. Д.— 24 мм. М. н.— Киев, 1909 г. Хр.— ОНГЭ, № 261. Пр.— Кундеревич, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLV, 2; Янин. Княгиня Олисава, стр. 158—160, рис. 4, 1. Ул.— Дихачев. Материалы, 2, стр. 37; Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 168—169.
2. Д.— 22 мм. М. н.— не известно. Хр.— Ин-т общественных наук АН УССР во Львове. Изд.— Янин. Княгиня Олисава, стр. 159—160, рис. 4, 2. Ул.— Янин. Печати «Дьянеслово», стр. 168—169.

Иван Васильевич (около 1140—1141 г.)

227. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост с крестом в левой руке. По сторонам:

Ш
о
П
М

Вокруг ободок.

- О. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:

о
Л
С
Л
Н
О

Вокруг ободок.

ПЕЧАТИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ КНЯЗЕЙ

С изображением святых
Андрея и Иоанна Богослова

228. Л. с. Изображение св. Андрея в полный рост; правая рука в благословляющем жесте. По сторонам:

А
Н
Д
Р
Е
Й

Вокруг ободок.

- О. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. По сторонам:

И
О
А
Н
Б
О
Г
О
С
Л
О
В

Вокруг ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 20 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 262. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, ХЛII, 6. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 36—39; Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 383.
2. Д.— 20 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— не разыскана; фото в Фотоархиве ЛОИА (№ 18545—8546). Не издана.
3. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 263. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

С изображением святых
Василия и Гавриила

229. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост. По сторонам:

В
А
С
И
Л
И
Й

Вокруг точечный ободок.

- О. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Г
А
В
Р
И
И
Л

Вокруг точечный ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 264. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, ХLI, 7; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120, рис. 6, 5. Уп.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 75; 2, стр. 37; Орлов, стр. 253; 2-е изд., стр. 192.
2. Д.— 24 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 265.— Пр.— Лих., ОБГЭ. Не издана.

2 экземпляра.

1. Д.— 17—19 мм. М. н.— с. Зеленче Тернопольского р-на Тернопольской обл. Хр.— Львовский музей, Зеленче-II, № 2973. Не издана.
2. Д.— 22—23 мм. М. н.— с. Крылос Галичского р-на Станиславской обл. Хр.— Львовский музей, Крылос-III, № 559. Не издана.

3. Д.— 19—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г. Хр.— НМ, № 18814. Не издана.

С изображением святых Василия
и Георгия

230. Л. с. Изображение св. Василия Кесарийского в полный рост с кодексом в левой руке. По сторонам:

В
А
С
И
Л
И
Й

Вокруг ободок.

- О. с. Изображение св. Георгия в полный рост, являющего меч из ножен; за спиной подвешен щит. По сторонам:

Г
Е
О
Р
Г
И
Й

Вокруг ободок.

- Д.— 26—28 мм. М. н.— Новгород, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 266. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 79, рис. 37; ИКДР, рис. 2236, 14 (фото О. с.). Уп.— Орлов, стр. 253; 2-е изд., стр. 192.

С изображением святых
Гавриила, Козмы и Демьяна

231. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой. Слева, между туловищем и крылом архангела:

Г
А
В
Р
И
И
Л

Вокруг точечный ободок.

- О. с. Изображение святых Козмы и Демьяна в полный рост. По сторонам:

К
О
З
М
Ы
И
Д
Е
М
Ь
Я
Н

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.— 24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1957 г.; найдена Е. И. Никитиным. Хр.— НМ, № 11207. Не издана.
2. Д.— 24 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—18. Пр.— НЭ. Не издана.

С изображением святых Давида и Иоанна

232. Л. с. Изображение святого всадника, вправо. Слева:
Вокруг точечный ободок.

А
4
3
4
Р
В

О. с. Изображение св. Иоанна в полный рост. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

И
Ш
А
М
А
Р
Т
А
Г
Г
И
И

Д.—25—27 мм. М. н.— Старая Ладога, до 1917 г. Хр.— ОИПК ГЭ, № 1005/А. Пр.— Романченко. Изд.— ЛСА, LII, 6; Лизачев. Материалы, 1, стр. 82, рис. 39. Уп.— Орлов, стр. 256; 2-е изд., стр. 194.

С изображением св. Даниила в неопределенного святого

233. Л. с. Изображение пророка Даниила «во рву львином»; у ног святого львы. Слева:

А

О. с. Изображение святого в полный рост. Справа:

Вокруг точечный ободок.

Г
В

Д.—24 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1957 г.; найдена Никитиным. Хр.— НМ, № 11135. Не издава.

С изображением святых Иоанна и Феодора

234. Л. с. Изображение св. Иоанна в полный рост. По сторонам:

А

Вокруг точечный ободок.

К
1
М
В

О. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Ф
Ф
А
Р
С

Д.—21—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1962 г. Хр.— ОНГИМ, № 57. Пр.— Штендер, НЭ. Не издава.

С изображением святых Иоанна Богослова и Павла

235. Л. с. Изображение св. Иоанна Богослова в полный рост. По сторонам:

С
В

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Павла в святительских ризах, на престоле. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

С
В
С
В

Д.—21—24 мм. М. н.— Новгород, Перьянь, раскопки 1951 г. Хр.— ОНГИМ, № 58. Пр.— НЭ,

АОГИМ. Изд.— Яним. Печати на раскопках 1951 г., стр. 383, рис. 12.

С изображением Богоявления и святого воина

236. Л. с. Изображение Богоявления. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Слева:

Д.—23—24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 267. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, IV, 14. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 33.

С
В

С изображением святых Иоанна Предтечи и Симеона

237. Л. с. Изображение св. Иоанна Предтечи в полный рост; правая рука в дуперстном благословляющем жесте, в левой свиток и крест; на свитке буквы. По сторонам:

С
В

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Симеона на столпе в виде низкой чаши. По сторонам:

С
В

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

- Д.—20—23 мм. М. н.— Старая Ладога, 1910 г., на огороде у дома Макаровой. Хр.— ОНГЭ, № 268. Пр.— Решников, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLII, 16. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 82; Орлов, стр. 256; 2-е изд., стр. 194.
- Д.—19—23 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена З. П. Пановой. Хр.— НМ, № 12419. Не издава.

238. Л. с. Поясное изображение св. Иоанна Предтечи. По сторонам:

С
В

Вокруг ободок.

О. с. Изображение св. Симеона на столпе в виде низкой трибуны. По сторонам:

С
В

Вокруг точечный ободок.

Д.—27—28 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1967 г.; найдена В. Н. Суховаровым. Хр.— ОНГИМ, № 59. Пр.— НЭ. Не издава.

С изображением святых Марии и Давида

239. Л. с. Поясное изображение святой. Справа:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Давида в короне. Слева:

Вокруг точечный ободок.

С
В

С
В

Д.—20 мм (обл.). *М. н.*—Новгород, Городище, 1967 г.; найдена В. Н. Суховаровым. *Хр.*—ОНГИМ, № 60. *Пр.*—НЭ. Не задана.

С изображением св. Никиты и неопределенного святого

240. *Л. с.* Изображение св. Никиты в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

NI
KH
+

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого в полный рост в княжеской шапке (?). По сторонам:

с
А
Г
Л

Вокруг точечный ободок.

Д.—18 мм. *М. н.*—Новгород, до 1906 г. *Хр.*—ОНГЭ, № 269. *Пр.*—Лих., ЛОИИ. *Изд.*—ЛСА, I, 14. *Уп.*—Лихачев. Материалы, 2, стр. 40.

С изображением св. Николая и неопределенного святителя

241. *Л. с.* Изображение св. Николая Мирликийского в святительских ризах. Справа:

ка
ла
ф.

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого в святительских ризах. По сторонам остатки колончатых надписей. Золото. *Д.*—12 мм. *М. н.*—Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце в слое 12—13-го ярусов (пл. 19, кв. 124); дендрохронологическая дата яруса: 1268—1299 гг. *Хр.*—ОНГИМ, № 61. *Пр.*—НЭ. *Изд.*—Янин. Княжеские азнаки, стр. 9, рис. 2; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 151—152, № 29, рис. 1 и табл. IV. *Уп.*—Янин. Печать Мстиславовой грамоты, стр. 45—46; Колчин, стр. 128; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123.

С изображением святых Пантелеймона и Стефана

242. *Л. с.* Поясное изображение св. Пантелеймона. По сторонам:

о
с
т
е
п
а
н
е
й
м
о
н
а

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение св. Стефана в полный рост. По сторонам:

с
т
е
ф
а
н
а

Вокруг точечный ободок.

Д.—24—25 мм. *М. н.*—Новгород, до 1912 г. *Хр.*—ОНГЭ, № 270. *Пр.*—Лих., Ник, БАН. *Изд.*—ЛСА, XLII, 13; Янин. Из истории художественной и политической жизни, стр. 120, рис. 6, 8. *Уп.*—Лихачев. Материалы, 1, стр. 82; Орлов, стр. 256; 2-е изд., стр. 194.

С изображением святых Феодора. Флора и Лавра

243. *Л. с.* Изображение св. Феодора на коне, вправо, с копьем. Слева, за спиной всадника:

с
т
е
ф

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святых Флора и Лавра в полный рост с мученическими крестами у груди. По сторонам:

ф
л
о
р
а
л
а
в
р
а

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. *Д.*—22 мм. *М. н.*—Новгород, до 1906 г. *Хр.*—ОНГЭ, № 271. *Пр.*—Лих., Ник., БАН. *Изд.*—ЛСА, IV, 13; Лихачев. Материалы, 1, стр. 78—79, рис. 36. *Уп.*—Лихачев. Материалы, 2, стр. 40; Орлов, стр. 259; 2-е изд., стр. 196; Янин. Печати Пскова, стр. 240.

2. *Д.*—23 мм. *М. н.*—Псков, 1956 г., раскопки у Покровской башни. *Хр.*—ОНГЭ, № 272. *Пр.*—Л. А. Творогов. *Изд.*—Янин. Печати Пскова, стр. 240, № 3, рис. 1.

С изображением св. Феодора и архангела

244. *Л. с.* Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

с
т

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой.

Д.—16 мм. *М. н.*—не известно. *Хр.*—Киевский музей. Не задана.

245. *Л. с.* Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

с
т

О. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой.

Д.—16—18 мм. *М. н.*—Новгород, Городище, 1962 г.; найдена А. Ивановым. *Хр.*—Н. М., № 14590. Не задана.

246. *Л. с.* Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

с
т
е
ф

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.

Д.—21—22 мм. *М. н.*—г. Плес Костромской обл., до 1860 г. *Хр.*—не разыскана. *Пр.* Музей Археологического об-ва, № 419. *Изд.*—Лихачев. Материалы, 2, стр. 43, рис. 45.

247. *Л. с.* Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Слева:

с
т
е
ф

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.

Д.— 21—22 мм. М. н.— не известно, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 273 (половина буллы, другая половина не разыскана). Пр.— Лих. Не издана.

С изображением архангела и воина

248. Л. с. Изображение архангела со сферой в правой (I) руке. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в левой (I) руке и со щитом в правой. Слева:

А
Р
О

Вокруг ободок.

3 экземпляра.

1. Д.— 20—22 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 274. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVI, 8.

2. Д.— 20—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.— НМ, № 12534. Не издана.

3. Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1964 г. Хр.— ОНГИМ, № 62. Пр.— Штөндер, НЭ. Не издана.

249. Л. с. Изображение архангела (?) в полный рост.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам — остатки колончатых надписей.

Д.— 26—27 мм. М. н.— Старая Ладога, 1911 г., на огороде у Никольского монастыря. Хр.— ОНГЭ, № 275. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXI, 4.

250. Л. с. Изображение архангела в полный рост. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

А
Р
О

Вокруг ободок.

Д.— 19 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 276. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, III, 3.

251. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке. По сторонам:

А
Р
О

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Вокруг ободок.

Д.— 20—23 мм. М. н.— не известно. Хр.— не разыскана. Пр.— Собрание Киевского университета. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 42, рис. 43.

252. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой.

О. с. Изображение святого воина в полный рост. Вокруг точечный ободок.

Д.— 19—20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1962 г.; найдена А. Ивановым. Хр.— НМ, № 14594. Не издана.

253. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост, извлекающего меч из ножен.

Д.— 21 мм. М. н.— Новгород, до 1928 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Юкин. Изд.— Лихачев. Материалы, 1, стр. 77—78, рис. 35. Уп.— Орлов, стр. 253; 2-е изд., стр. 192.

254. Л. с. Изображение архангела.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Вокруг точечный ободок.

Д.— 19—20 мм. М. н.— не известно. Хр.— не разыскана. Пр.— Ханенко. Изд.— Ханенко, вып. VI, табл. XXXVII, № 560 (фото О. с.).

255. Л. с. Изображение архангела в полный рост.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой.

Д.— 20 мм. М. н.— Киев, до 1908 г. Хр.— ОНГЭ, № 277. Пр.— Гвоздик, Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XXXI, 17.

С изображением архангела и неопределенного святого

256. Л. с. Изображение архангела в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост в святительских ризах с кодексом в левой руке.

Д.— 19 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 278. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

257. Л. с. Изображение архангела в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост.

Д.— 23 мм. М. н.— Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое 13-го яруса (пл. 16, кв. 1042); дендрохронологическая дата яруса: 1268—1281 гг. Хр.— ОНГИМ, № 63. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Печати из раскопок 1955 г., стр. 304, № 54, рис. 1, 8.

258. Л. с. Изображение архангела в полный рост. Справа:

А
Р
О

О. с. Изображение святого в полный рост. Слева:

А
Р
О

Вокруг точечный ободок.

Д.— 22 мм. (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 279. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

259. Л. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого в полный рост. По сторонам — остатки колончатых надписей. Вокруг точечный ободок.

Д.— 25—27 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1953 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 8427. Не издана.

260. Л. с. Изображение архангела в полный рост. Справа:

А
Р
О

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого в полный рост. Слева:

А
Р
О

Вокруг точечный ободок.

Д.—21—22 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 12444. Не издавна.

261. Л. с. Изображение архангела в полный рост. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого в полный рост. Вокруг точечный ободок.

Д.—22 мм (обл.). М. н.— с. Зеленче Тербовльского р-на Тернопольской обл., 1963 г., шурфовка П. А. Рапопорта. Хр.— ЛОИА. Не издавна.

262. Л. с. Изображение архангела в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост; правая рука в благословляющем жесте, в левой кодекс. Д.—15 мм. М. н.— Витебск, до 1963 г., берег Двины. Хр.— И. Д. Галькевич (Витебск). Не издавна.

263. Л. с. Изображение архангела в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост с большим восьмиконечным крестом в правой руке. Д.—23 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 280. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 14.

С изображением св. Феодора
и неопределенного святого воина

264. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост. Справа:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке. Слева:

Вокруг точечный ободок.

Д.—23 мм. (обл.). М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 281. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издавна.

265. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина.

Д.—16—20 мм. М. н.— не известно. Хр.— не размещена. Пр.— Ханенко. Изд.— Ханенко, вып. VI, табл. XXXVII, № 563 (фото Л. с.).

266. Л. с. Изображение св. Феодора в полный рост со щитом в левой руке. Справа:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке. Слева:

Вокруг точечный ободок.

Обломок. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—17. Пр.— НЭ. Не издавна.

267. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Изображение святого воина в полный рост. Д.—22—24 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 282. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, III, 10.

С изображением двух неопределенных воинов

268. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке.

О. с. Изображение святого воина в полный рост со щитом в левой руке.

Д.—24 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— не размещена. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXIV, 17.

269. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке.

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке.

Д.—23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4126. Не издавна.

С изображением святого воина
и неопределенного святого

270. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

О. с. Изображение святого в полный рост. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—21—22 мм. М. н.— близ Херсона. Хр.— не размещена. Пр.— Херсонский музей. Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 42, рис. 44.

271. Л. с. Погорудное изображение святого воина с копьем в правой руке и со щитом в левой.

О. с. Погорудное изображение святого. Вокруг точечный ободок.

Д.—20—21 мм. М. н.— не известно. Хр.— Львовский музей. Не издавна.

272. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке. Слева:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение святого в полный рост. Вокруг точечный ободок.

Д.—19 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4061. Не издавна.

273. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с мечом в правой руке. По сторонам:

О. с. Изображение святого в полный рост.

Д.—20 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 64. Пр.— НЭ. Не издана.

2. Обломок. М. н.— Новгород, Городище, 1963 г. Хр.— ОНГИМ, № 65. Пр.— Штендер, НЭ. Не издана.

С изображением неопределенных святых

274. Л. с. Изображение святого всадника, вправо. По сторонам:

Л
Р
Д
Л

О. с. Изображение святого в полный рост. Справа:

Д
Л
Л

Д.—26 мм. М. н.— не известно, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 161). Хр.— ОНГЭ, № 283. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

275. Л. с. Погрудное изображение святого. По сторонам: Вокруг ободок.

А
И

О. с. Погрудное изображение святого. По сторонам: Вокруг ободок.

А
Л

Д.—19—21 мм. М. н.— не известно. Хр.— Львовский музей. Не издана.

276. Л. с. Поколенное изображение святого. Слева: Вокруг ободок.

Л

О. с. Поколенное изображение святого. По сторонам: Вокруг точечный ободок.

Л
О
Л

2 экземпляра.

1. Д.—20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4067. Не издана.

277. Л. с. Изображение святого в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост. Д.— 20—22 мм. М. н.— не известно. Хр.— Киевский музей. Не издана.

278. Л. с. Изображение святого в полный рост. Слева:

Л

О. с. Изображение святого в полный рост. Д.—19 мм (обл.). М. н.— Киев, до 1908 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXX, 9.

279. Л. с. Изображение святого в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост. Д.—19 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 284. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, ХLI, -2.

280. Л. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок. Д.—22—23 мм. М. н.— Смоленск, до 1908 г. Хр.— СОМ, № 894. Не издана. Уп.— Грачев, стр. 92; Дилчев. Материалы, 1, стр. 8.

281. Л. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок.

О. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок. Д.—23 мм (обл.). М. н.— не известно. Хр.— не разыскана; фото в Фотоархиве ЛОИА (№ 1 8623—8624). Не издана.

282. Л. с. Изображение святого в полный рост.

О. с. Изображение святого в полный рост. Обломок. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17732—25. Пр.— НЭ. Не издана.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКОЙ ТАМГИ

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУЗУБЦА ИЛИ ТРЕЗУБЦА ПРЯМОУГОЛЬНЫХ ОЧЕРТАНИИ

С отрогом в виде короткой вертикальной черты

283. Л. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—24—26 мм. М. н.— Старая Ладога, 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 285. Пр.— Решников, Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLV, 4; Лихачев. Материалы, 2, стр. 199—200, рис. 172. Уп.— Куза, стр. 99—100.

284. Л. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского. По сторонам — остатки колончатых надписей, видна левая:

О. с. Знак:

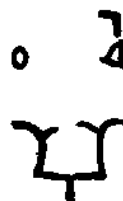

287. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг ободок.

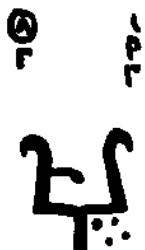
Д.—24—24 мм. М. н.— Киев, до 1908 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXX, 8. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 200.

Д.—20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 286. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 7. Уп.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 199; Куза, стр. 99—100.

285. Л. с. Погрудное изображение св. Георгия с мученическим крестом у груди. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Знак:

288. Л. с. Изображение неразборчиво.

О. с. Знак:

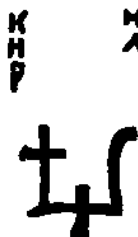
Д.—22 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 288. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XL, 5; Лихачев. Материалы, 2, стр. 200, рис. 173.

289. Л. с. Поясное изображение св. Кирилла. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—19—22 мм. М. н.— Новгород, до 1915 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Полянский (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 131). Изд.— Лихачев. Материалы, 2, стр. 203, рис. 179.

286. Л. с. Погрудное изображение св. Георгия. По сторонам:

Д.—22—24 мм. М. н.— не известно; куплена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 289. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, LIII, 13; Лихачев. Материалы, 2, стр. 204, рис. 181, 182. Уп.— Решников. Классификация, стр. 101, 105.

С отрогом в виде «ласточкина хвоста»

290. Л. с. Изображение святого в полный рост. Слева:

О
Б
О
Д
О
К

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—21—23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 1, № 51, л. 153). Хр.— ОНГЭ, № 290. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 5. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201; Орешников. Классификация, стр. 101, 107; Куза, стр. 99—100.

291. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

5 экземпляров.

1. Д.—23 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 291. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VII, 9. Уп.— Куза, стр. 99—100.
2. Д.—23—25 мм. М. н.— Новгород, 1918 г. Хр.— ОИПК ГЭ, № 1957/8. Пр.— Музей Штиглица (приобретена у В. А. Квашонкина). Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 202—203, рис. 178. Уп.— Куза, стр. 99—100.
3. Д.—24—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1951 г.; найдена Пановым. Хр.— НМ, № 4080. Не издана.
4. Д.—22—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Пановым. Хр.— НМ, № 12413. Не издана.
5. Д.—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 66. Пр.— НЭ. Не издана.

292. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с железом в левой руке и со сферой в правой. По сторонам:

О
Б
О
Д
О
К

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

10 экземпляров.

1. Д.—20 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 292. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VII, 10. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201; Орешников. Классификация, стр. 101, 107; Рыбаков. Знаки собственности, стр. 232;

Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152; Куза, стр. 99—100.

2. Д.—20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 293. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VII, 11. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201; Орешников. Классификация, стр. 101, 107; Рыбаков. Знаки собственности, стр. 232; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152; Куза, стр. 99—100.
3. Д.—24—27 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 294. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XL, 3. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201; Орешников. Классификация, стр. 101, 107; Рыбаков. Знаки собственности, стр. 232; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152; Куза, стр. 99—100.
4. Д.—20—23 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 295. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 5. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201; Орешников. Классификация, стр. 101, 107; Рыбаков. Знаки собственности, стр. 232; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152; Куза, стр. 99—100.
5. Д.—22 мм. М. н.— Новгород, до 1929 г. Хр.— не разскана. Пр.— Юкин. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201, рис. 175а. Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152; Куза, стр. 99—100.
6. Д.—23 мм. М. н.— Новгород, 1929 г. Хр.— ОНГЭ, № 296. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201, рис. 175б. Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152; Куза, стр. 99—100.
7. Д.—23—24 мм. М. н.— Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце в слое 14—15-го ярусов (пл. 16, кв. 463); дендрохронологическая дата яруса: 1224—1268 гг. Хр.— ОНГИМ, № 67. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152, № 30, табл. IV. Уп.— Голчин, стр. 128; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 123.
8. Д.—22 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4081. Не издана. Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152.
9. Д.—20 мм. М. н.— Новгород, до 1903 г. Хр.— НМ, № 4083. Изд.— Полянский. Таблица, № 5. Уп.— Полянский. Памятка, стр. 240, 260, № 51; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 152.
10. Д.—23—24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1965 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 68. Пр.— НЭ. Не издана.

293. Л. с. Изображение св. Андрея Первозванного в полный рост с крестом в правой руке. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—22—25 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 297. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, VII, 8; Лизачев. Материалы, 2,

стр. 200, рис. 174; Рыбаков. Знаки собственности, стр. 253—254, рис. 84. Уп.— Орешников. Классификация, стр. 101, 105—106; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 383.

294. Л. с. Изображение св. Андрея Первозванного в полный рост с крестом на длинном древке в правой руке. По сторонам:

А
М
В
Д
Р
Н

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—23—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1967 г.; приобретена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 69. Пр.— НЭ. Не издана.

С отрогом в виде треугольника острием вверх

295. Л. с. Изображение св. Анапнии в полный рост в святительских ризах. По сторонам:

Е
М
С
К
О
О
М
А
М
И
Н
А

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

музей при Новгородском пед. институте. Не издана.

4. Д.—23 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НМ, № 17321. Не издана.
5. Д.—23 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1966 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— ОНГИМ, № 70. Пр.— НЭ. Не издана.

296. Л. с. Изображение св. Анапнии в полный рост. По сторонам:

О
А
Т
Р
А
Н
А
М
А

Вокруг точечный ободок

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

5 экземпляров.

1. Д.—24 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 298. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLIX, 4. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 202.
2. Д.—22 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4084. Не издана.
3. Д.—22 мм. М. н.— с. Холмья Новгородского р-на на р. Мста, 1964 г. Хр.— Археологический

Д.—20—22 мм. М. н.— Новгород, 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 2). Хр.— ОНГИМ, № 71. Пр.— Гудков-Беляков, ЛВ. Изд.— Мец, стр. 58, рис. 1д.

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУЗУБЦА ИЛИ ТРЕЗУБЦА КОЛОКОЛОВИДНЫХ ОЧЕРТАНИЙ

С отрогом в виде плавно изогнутого крючка

297. Л. с. Изображение св. Николая Мирликийского в полный рост с кодексом в левой руке. По сторонам:

И
М
С
И
Н
С
К
И
Д

Вокруг линейный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг линейный ободок.

3. Д.—24 мм. М. н.— Новгород, 1928 или 1929 г. Хр.— ОНГЭ, № 300. Пр.— Лих., ЛОНИ. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 202, рис. 177b; Янин. Книжеские знаки, стр. 4—5, рис. 1, 2.
4. Д.—20 мм. М. н.— Новгород, 1932 г. (Архив АН СССР, ф. 246, оп. 3, № 85, л. 2). Хр.— ОНГИМ, № 73. Пр.— Гудков-Беляков, ЛВ. Не издана.

298. Л. с. Изображение св. Мины в полный рост с мученическим крестом у груди. По сторонам:

О
С
Е
Н
У
О

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

4 экземпляра.

1. Д.—21 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 299. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XL, 4. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 202; Орешников. Классификация, стр. 106; Янин. Книжеские знаки, стр. 4—5.
2. Д.—22 мм. М. н.— Новгород, до 1926 г. Хр.— ОНГИМ, № 72; приобретена в 1926 г. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 202, рис. 177a. Уп.— Янин. Книжеские знаки, стр. 4.

2 экземпляра.

1. Д.—22 мм (обл.) М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 301. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VII, 13. Уп.— Янин. Княжеские знаки, стр. 5.
2. Д.—23 мм. М. н.— Новгород, до 1941 г. Хр.— НМ, № 4082. Изд.— Янин. Княжеские знаки, стр. 5, рис. 1, 3.

299. Л. с. Изображение архангела в полный рост.

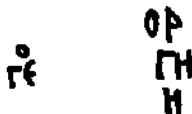
О. с. Знак:

Д.—17—19 мм. М. н.— не известно; куплена в Стамбуле, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 302. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VII, 12. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 201; Орешников. Классификация, стр. 108.

С отрогом в виде крючка, изогнутого под углом

300. Л. с. Изображение св. Георгия в полный рост с мечом в правой руке и с ножнами у левого бедра. По сторонам:

стр. 5, рис. 1, 5. Уп.— Орешников. Классификация, стр. 101, 103—109; Рыбаков. Знаки собственности, стр. 232.

301. Л. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке.

О. с. Знак:

О. с. Знак:

Д.—26—29 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 303. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, VII, 2; Лизачев. Материалы, 2, стр. 205—206, рис. 183; Янин. Княжеские знаки,

Д.—26—28 мм. М. н.— Новгород, 1962 г., границей у вала близ Федорова ручья на Торговой стороне. Хр.— ОНГИМ, № 74. Пр.— Штендер, НЭ. Не найдена.

С отрогом в виде креста

302. Л. с. Поясное изображение св. Иоанна Богослова. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Знак:

Вокруг ободок.

Д.—20 мм (обл.) М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 305. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VIII, 10; Лизачев. Материалы, 2, стр. 207—208, рис. 188.

304. Л. с. Изображение святого в полный рост. По сторонам— следы колончатых надписей. Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 304. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, VIII, 6; Лизачев. Материалы, 2, стр. 207—208, рис. 187 (верхний). Уп.— Янин. Печати из раскопок 1951 г., стр. 383.

303. Л. с. Изображение святого воина в полный рост со щитом в левой руке. Вокруг ободок.

О. с. Знак:

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—25 мм (обл.) М. н.— Новгород, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 306.— Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 206, рис. 184.

2. Д.—28 мм (обл.) М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 307. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, VII, 3. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 206.

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗНАКА В ВИДЕ БАГРА

305. Л. с. Погрудное изображение бородатого святого. Справа: Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

4 экземпляра.

1. Д.—15—19 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 308. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVII, 2. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 207; Орешников. Классификация, стр. 108; Янин. Княжеские знаки, стр. 9; Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 151.

2. Д.—19 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 309. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, VIII, 21. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 207; Янин.

Княжеские знаки, стр. 9; *Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг.*, стр. 151.

3. Д.—16—18 мм. М. н.— Новгород, 1952 г., раскопки на Неревском конце в слое 16-го яруса (пл. 21, кв. 336); дендрохронологическая дата яруса: 1197—1224 гг. Хр.— ОНГИМ, № 75. Пр.— НЭ, *Изд.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг.*, стр. 150—151, № 28, табл. IV; *Янин. Княжеские знаки*, стр. 5, рис. 1, 4. Уп.— *Колчин*, стр. 128; *Арциловский. О новгородской хронологии*, стр. 123.
4. Д.—16 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 310. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, XLVII, 17. Уп.— Лизачев. Материалы*, 2, стр. 207; *Орешников. Классификация*, стр. 108; *Янин. Княжеские знаки*, стр. 9; *Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг.*, стр. 151.

306. Л. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой.

О. с. Знак:

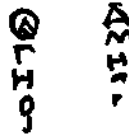

3 экземпляра.

1. Д.—17—19 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 311. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, VII, 4. Уп.— Орешников. Классификация*, стр. 101, 108; *Янин. Княжеские знаки*, стр. 11; *Куза*, стр. 97—100.
2. Д.—14—20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 312. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, VII, 6. Уп.— Орешников. Классификация*, стр. 101, 108; *Янин. Княжеские знаки*, стр. 11; *Куза*, стр. 97—100.
3. Д.—18—21 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 313. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, VII, 7; Янин. Княжеские знаки*, стр. 11—12, рис. 5, 1; *Куза*, стр. 97—100, рис. 1, 2. Уп.— *Орешников. Классификация*, стр. 108.

307. Л. с. Изображение св. Димитрия в полный рост с мученическим крестом у груди. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗНАКОВ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ФОРМ

310. Л. с. Поясное изображение св. Димитрия с мечом у правого плеча. По сторонам

Вокруг ободок.

О. с. Знак:

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—20 мм. М. н.— не известно, не ранее 1935 г. Хр.— ОНГИМ, № 76. Пр.— Гудков-Беляков, ЛБ. *Изд.— Мец*, стр. 58, рис. 1е.
2. Д.—18—22 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок,

Д.—25 мм (обл.). М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 314. Пр.— Лих., Ник., БАН. *Изд.— ЛСА, VII, 5; Лизачев. Материалы*, 2, стр. 208, рис. 189; *Янин. Княжеские знаки*, стр. 5, рис. 1, 7; *Куза*, стр. 97—100, рис. 1, 1. Уп.— *Орешников. Классификация*, стр. 107—108.

308. Л. с. Погрудное изображение св. Иоанна Предтечи с крестом у правого плеча. По сторонам — остатки колончатых надписей.

О. с. Знак:

Д.—13 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 315. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, VII, 14; Янин. Княжеские знаки*, стр. 11—12, рис. 5, 5. Уп.— *Лизачев. Материалы*, 2, стр. 206.

309. Л. с. Надпись в три строки:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Знак:

Вокруг точечный ободок.

Д.—17—20 мм. М. н.— Новгород, 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 316. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, V, 12; Лизачев. Материалы* 2, стр. 206—207, рис. 185; *Янин. Княжеские знаки*, стр. 11—12, рис. 5, 4.

Хр.— ОНГЭ, № 317. Пр.— Лих., ЛОИИ. *Изд.— ЛСА, XLVIII, 1; Янин. Новгородские посадники*, стр. 122, рис. 4, 4 (здесь тип печати неверно трактован как несущий изображение креста).

311. Л. с. Погрудное изображение святого в святительских ризах с бородой. По сторонам:

О. с. Знак:

Д.—18—20 мм. М. н.— Вышгород под Киевом, раскопки 1935 г. Хр.— не разыскана. *Изд.— Рыбаков. Знаки собственности*, стр. 244, рис. 46—47.

АНОНИМНЫЕ ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БОГОМАТЕРИ

- 312.** Л. с. Изображение святых Бориса и Глеба в полный рост в княжеских шапках с мученическими крестами у груди. По сторонам — остатки колончатых надписей.

О. с. Изображение Богоматери «Нерушимая стена» в полный рост. По сторонам — следы богородичных титулов.

Д.—18 мм. М. н.— на берегу Оки между селами Старая Рязань и Шатрище, 1920-е годы. Хр.— не известно. Изд.— *Дизачев*. Материалы, 2, стр. 275—276, рис. 227.

- 313.** Л. с. Поясное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Знаменше». По сторонам:

Вокруг ободок.

3 экземпляра.

1. Д.—21—23 мм. М. н.—Звенигород Галицкий, до 1899 г. Хр.—не размыскана. Изд.— *Грушевский*. Звенигород, стр. 24; *Дизачев*. Материалы, 1, стр. 163—164, рис. 78. Уп.— *Natz*, s. 84; *Swiencickiy*, s. 434—436; *Орлов*, стр. 248; 2-е изд., стр. 188.
2. Д.—22—25 мм. М. н.—Звенигород Галицкий, до 1936 г. Хр.—не размыскана. Пр.— Львовский национальный музей, инв. № 30616. Изд.— *Swiencickiy*, s. 434—436, № 1.
3. Д.—23—25 мм. М. н.—Звенигород Галицкий, 1963 г., раскопки в западной части детинца XI—XII вв. (Р-1, кв. 16 л, гл. 45 см.). Хр.— Львовский музей. Изд.— *Шеломенцев-Герский*. Новые находки, стр. 164, рис. 1. Уп.— *Шеломенцев-Герский*, стр. 29.

- 314.** Л. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского в святительских ризах. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Нерушимая стена». Справа:

Вокруг ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—17—23. М. н.—Плиснеск Олеского р-на Львовской обл. Хр.— Львовский музей. Изд.— *Ратич*, стр. 55, рис. 9, 10.
2. Д.—21—23 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1967 г.; найдена В. Н. Суховазовым. Хр.— ОН ГИМ, № 77. Пр.— НЭ. Не издана.

- 315.** Л. с. Поясное изображение св. Дмитрия с копьем у правого плеча и со щитом в левой руке. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с.: Поясное изображение Богоматери «Нерушимая стена». По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—27—30 мм. М. н.—Новгород, до 1929 г. Хр.—не размыскана. Пр.— Львовский национальный музей, инв. № 26728; куплена в 1929 г. Изд.— *Swiencickiy*, s. 436, № 9.
2. Д.—33—34 мм. М. н.—Новгород, приобретена в 1967 г. Хр.— НМ, № 18732. Не издана.

- 316.** Л. с. Поясное изображение св. Петра. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Нерушимая стена». По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

1. Д.—27—30 мм. М. н.—Киев или Киевская обл. Хр.—не размыскана. Пр.—Ханенко, Киевский городской музей. Изд.— *Дизачев*. Материалы, 1, стр. 160—161, рис. 75. Уп.— *Орлов*, стр. 249; 2-е изд., стр. 189; *Голубева*, стр. 110.
2. Д.—32—33 мм. М. н.—Киев, 1927 г. Хр.— ОНГЭ, № 318. Пр. Лжх., ЛОИИ. Изд.— *Дизачев*. Материалы, 1, стр. 162, рис. 76. Уп.— *Орлов*, стр. 249; 2-е изд., стр. 189.

- 317.** Л. с. Погрудное изображение св. Феодосия. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Знамение». По сторонам:

MP IV

Вокруг ободок.

3 экземпляра.

1. Д.—22—24 мм. М. н.— с. Крылос Галицкого р-на Станиславской обл., до 1888 г. Хр.— Львовский музей. Изд.— Грушевский. Печатки в окрестности Галича, стр. 3—4, № 3; Лизачев. Материалы, 1, стр. 162, рис. 77. *Swiencicki*, s. 436—437, № 5. Уп.— Орлов, стр. 249; 2-е изд., стр. 188; *Голубева*, стр. 109—110.
2. Д.—24 мм. М. н.— Суадаль, 1939 г., раскопки в детинце. Хр.— ОНГИМ, № 78. Пр.— АОГИМ. Изд.— *Голубева*, стр. 109—111, рис. 28. Уп.— Яким. Княжеские знамя, стр. 3.
3. Д.—23—24 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОН-ГИМ, № 79. Пр.— получена от Ембулова в 1959 г. Не издана.

318. Л. с. Погрудное изображение святого в святительских ризах.

По сторонам:

ADP O

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение». Д.—24 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1951 г.; найдена И. А. Пановым. Хр.— НМ, № 4068. Не издана.

319. Л. с. Поясное изображение архангела с железом в правой руке и со сферой в левой.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Нерушимая стена» в одежде, орнаментированной трилистниками. По сторонам:

MP IV

Д.—20 мм. М. н.— Москва, 1965 г., раскопки в Кремле к северу от Боровицкой башни. Хр.— Оружейная палата. Изд.— *Шеляпина*, стр. 147; «Московская правда», 19 ноября 1965 г.; *Рабинвич*, стр. 27—28, рис. 3, 9.

320. Л. с. Изображение архангела в полный рост. По сторонам — остатки колончатых надписей. Вокруг ободок.

О. с. Изображение Богоматери «Знамение» в полный рост. Слева:

MP

Д.—18—21 мм. М. н.— Киев, до 1908 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XXX, 7.

321. Л. с. Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение Богоматери, сидящей на престоле. По сторонам:

MP IV

Вокруг точечный ободок.

Д.—16—17 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Д. А. Даниловым. Хр.— НМ, № 12510. Не издана.

322. Л. с. Композиция неразборчива.

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение». По сторонам:

MP IV

Д.—20—21 мм. М. н.— Смоленск, до 1908 г. Хр.— СОМ, № 893. Не издана. Уп.— *Грачев*, стр. 92; *Лизачев*. Материалы, 1, стр. 8.

323. Л. с. Погрудное изображение Христа. Слева:

MP

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение Богоматери «Нерушимая стена». Справа:

MP

Вокруг ободок.

Д.—24 мм. М. н.— не известно. Хр.— ОНГЭ, № 319. Пр.— Лих., ЛОИИ. Не издана.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХРИСТА ИЛИ ЕГО СИМВОЛОВ

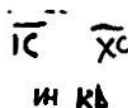
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КРЕСТА

324. Л. с. Поясное изображение св. Феодора с мученическим крестом у груди. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

2 экземпляра.

- Д.—26—27 мм. М. н.—Новгород, до 1912 г. Хр.—ОНГЭ, № 320. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XL, 1. Уп.—Лизачев. Материалы, 1, стр. 98; Янин. Новгородские посадники, стр. 122.
- Д.—25—26 мм. М. н.—Новгород, 1964 г., у Кириллова монастыря. Хр.—ОНГИМ, № 80. Пр.—Штендер, НЭ. Не издана.

325. Л. с. Погрудное изображение св. Феодора с мученическим крестом у груди. По сторонам:

О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам:

Д.—21—23 мм. М. н.—Новгород, до 1917 г. Хр.—ОНГЭ, № 321. Пр.—Лих., Ник., БАН. Изд.—ЛСА, XLIX, 3. VII.—Лизачев. Материалы, 1, стр. 98; Янин. Новгородские посадники, стр. 122.

326. Л. с. Погрудное изображение св. Симеона. По сторонам надписи. Вокруг ободок.

О. с. Процветший шестиконечный крест. По сторонам надписи. Вокруг ободок.
Д.—не известен. М. н.—Волковыск Гродненской обл. Хр. Волковысский музей. Не издана.

327. Л. с. Погрудное изображение святого.

О. с. Изображение процветшего четырехконечного креста.
Д.—23—25 мм. М. н.—Новгород, до 1912 г. Хр.—ОНГЭ, № 322. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XLVI, 10. Уп.—Янин. Новгородские посадники, стр. 122.

328. Л. с. Погрудное изображение святого.

О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста.

Д.—19—21 мм. М. н.—не известно. Хр.—не разыскана. Пр.—Киевский музей. Изд.—ЛСА, XXVI, 4. Уп.—Янин. Новгородские посадники, стр. 122.

329. Л. с. Погрудное изображение святого.

О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста.

Д.—22—25 мм. М. н.—Киев, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 323. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XXVI, 3. Уп.—Янин. Новгородские посадники, стр. 122.

330. Л. с. Погрудное изображение святого.

О. с. Изображение шестиконечного креста.

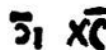
Д.—21—22 мм. М. н.—Киев, до 1908 г. Хр.—не разыскана. Пр.—Лих. Изд.—ЛСА, XXX, 6. Уп.—Янин. Новгородские посадники, стр. 122.

331. Л. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение». По сторонам

Вокруг точечный ободок.

О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.—23—24 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 324. Пр.—Лих., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, V, 1.

332. Л. с. Поясное изображение св. Бориса в княжеской шапке с мученическим крестом у груди. По сторонам:

Вокруг ободок.

О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.—20 мм. М. н.—Новгород, 1962 г., раскопки на ул. 1 Мая (выброс из верхнего слоя). Хр.—ОНГИМ, № 81. Пр.—НЭ. Не издана.

333. Л. с. Поясное изображение св. Глеба в княжеской шапке с мученическим крестом у груди. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам:
Вокруг ободок.
2 экземпляра.
1. Д.—22 мм. М. н.— Киев, до 1899 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Собрание Киевского университета. Изд.— Лизачев. Материалы 1, стр. 97, рис. 49. Уп.— Волгуновский. Каталог предметов, стр. 97, № 297; Орлов, стр. 254; 2-е изд., стр. 193.
2. Д.—20 мм. М. н.— Гродно, Замковая гора, 1938 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Гродненский музей. Изд.— Jodkowski, стр. 163.
334. Л. с. Изображение св. Захарии в полный рост. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение шестиконечного креста. Д.—20—22 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 325. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, 1, 8; Янин. Новгородские посадники, стр. 121, № 2—1, рис. 4. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 37—38; Янин. Печати из раскопок 1955 г., стр. 303.
335. Л. с. Оттиснута той же матрицей, что и Л. с. печати № 334.
О. с. Изображение шестиконечного креста. Вокруг точечный ободок.
2 экземпляра.
1. Д.—20 мм. М. н.— Новгород, до 1906 г. Хр.— ОНГЭ, № 326. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, 1, 9; Янин. Новгородские посадники, стр. 121, № 2—2, рис. 4. Уп.— Лизачев. Материалы, 2, стр. 37—38; Янин. Печати из раскопок 1955 г., стр. 303.
2. Д.—18 мм. М. н.— Новгород, 1956 г., раскопки на Неревском конце в слое 17-го яруса (пл. 22, кв. 1200); дендрохронологическая дата яруса: 1178—1197 гг. Хр.— ОНГИМ, № 82. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 121, № 2—3, рис. 4. Уп.— Колчин. Хронология новгородских древностей, стр. 92; Рыбаков. К вопросу о методике, стр. 91; Арцизовский. О новгородской хронологии, стр. 122.
336. Л. с. Изображение св. Кокставтина в царской короне; в правой руке копьё. По сторонам:
О. с. Изображение шестиконечного креста на подложки; концы креста украшены точками. Д.—24 мм. М. н.— Новгород, 1955 г., раскопки на Неревском конце в слое 12—13-го ярусов (пл. 13, кв. 961); дендрохронологическая дата яруса: 1268—1299 гг. Хр.— ОНГИМ, № 83. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Печати из раскопок 1955 г., стр. 303, № 52, рис. 1, 6; Янин. Новгородские посадники, стр. 121, № 1, рис. 4.
337. Л. с. Изображение св. Прокония в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:
Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение процветшего восьмиконечного креста. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.
Д.—20—22 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 327. Пр.— Лих., Ник., БАН. Изд.— ЛСА, XLII, 7; ИКДР, рис. 2236, 12; Янин. Новгородские посадники, стр. 122, № 3, рис. 4. Уп.— Лизачев. Материалы, 1, стр. 98, 2, стр. 40.
338. Л. с. Погрудное изображение святого. Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. По сторонам:
Вокруг точечный ободок.
Д.—21—27 мм. М. н.— Новгород, 1957 г.; найдена Е. И. Никитиным. Хр.— НМ, № 11209. Изд.— Янин. Новгородские посадники, стр. 122, № 5—1, рис. 4.
339. Л. с. Поясное изображение святого. Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. Вокруг точечный ободок.
Д.—24—25 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 328. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLVIII, 2; Янин. Новгородские посадники, стр. 122, № 5—2, рис. 4.
340. Л. с. Поясное изображение святителя. Справа:
О. с. Изображение процветшего креста. Вокруг ободок.
Д.—23 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище. 1958 г. Хр.— НМ, № 12445. Не издана.
341. Л. с. Погрудное изображение бородатого святого. Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение шестиконечного креста. Вокруг точечный ободок.
Д.—18—21 мм. М. н.— Новгород, до 1917 г. Хр.— ОНГЭ, № 329. Пр.— Лих., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, LIV, 15; Янин. Новгородские посадники, стр. 122, № 6—4, рис. 4.
342. Л. с. Изображение Богоматери «Знаменце» в полный рост. По сторонам — остатки титлов, видно правое:
Вокруг точечный ободок.
О. с. Изображение процветшего шестиконечного креста. Слева:
Вокруг точечный ободок.

Д.—23 мм (обл.). М. н.—Новгород, до 1941 г.
Хр.—НМ, № 3999. Не падала.

343. Л. с. Изображение Успения. Вокруг ободок.

О. с. Изображение шестиконечного креста на подножии. По сторонам:

IC XC
NI KA

Вокруг ободок.

Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4092. Не падала.

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЭТОЙМАСИИ

344. Л. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

Г
В
Р
Н
А

Вокруг ободок.

О. с. Изображение этоймассии (престола обетования); по сторонам креста:

IC XC

Д.—23 мм. М. н.—Новгород, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 330. Пр.—Лпх., Нпк., БАН. Изд.—ЛСА, IV, 15; Лихачев. Материалы, 2, стр. 32—33, рис. 28.

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ХРИСТА

345. Л. с. Изображение двух святых воинов в полный рост, каждый с копьем в правой руке и со щитом в левой. Справа:

И
И

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение Пантократора. По сторонам:

IC XC

Д.—16—18 мм. М. н.—Киев, до 1906 г. Хр.—ОНГЭ, № 331. Пр.—Лпх., ЛОИИ. Изд.—ЛСА, XXVI, I. Ул.—Лихачев, Материалы, 2, стр. 31.

О. с. Поясное изображение Пантократора. По сторонам:

IC XC

Д.—22 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—НМ, № 4075. Не падала.

347. Л. с. Поколенное изображение святого.

О. с. Погрудное изображение Христа. По сторонам:

IC XC

Д.—17—19 мм. М. н.—Новгород, Городище. 1958 г.; найдена О. Тарасовым. Хр.—НМ, № 12507. Не падала.

346. Л. с. Изображение св. Георгия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. По сторонам:

Г
Н

Вокруг точечный ободок.

ПЕЧАТИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТИПОВ С РУССКОЙ СТРОЧНОЙ НАДПИСЬЮ

348. Л. с. Надпись в три строки:
Вокруг двойной лплейный ободок.

А Т А
Г А В
А Г Ч

О. с. Изображение архангела Гавриила в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. По сторонам:

В   А
Г   А
И   А

Д.— 22—25 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1958 г.; найдена Д. А. Давиловым. Хр.— НМ, № 12531. Не издава.

349. Л. с. Надпись в три строки:

В А
С Л А
Ж

О. с. Изображение св. Дмитрия в полный рост с копьем в правой руке и со щитом в левой. Слева:

А
И
И

Д.— 23 мм (обл.). М. н.— Новгород, 1928 г. Хр.— ОНГЭ, № 332, Пр.— Лпх., ЛОИИ. Не издава.

350. Л. с. Надпись в три(?) строки:

И П
А З А
Г А В

О. с. Погрудное изображение бородастого святого. Д.— 17—19 мм. М. н.— Смоленск. Хр.— не известно. Не издава.

351. Л. с. Неразборчивое изображение. Справа:

П
Г А

О. с. Изображение святого воина. Д.— 20—21 мм. М. н.— Новгород, до 1912 г. Хр.— ОНГЭ, № 333. Пр.— Лпх., ЛОИИ. Изд.— ЛСА, XLI, 13.

352. Л. с. Надпись.

О. с. Изображение архангела в полный рост с жезлом в правой руке и со сферой в левой. Вокруг ободок.

Д.— 20—22 мм. М. н.— Киевская обл., до 1907 г. Хр.— не разыскана. Пр.— Ханенко. Изд.— Ханенко, вып. VI, стр. 41 и табл. XXXVII, № 564 (фото О. с.).

ПЕЧАТИ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО ТИПА

333. *Л. с.* Изображение святого в полный рост.
О. с. Поясное изображение святого (или Христа?).
Д.—23—25 мм. *М. н.*— не известно. *Хр.*— ОНГЭ.
№ 334. *Пр.*— Лих., ЛОИИ. Не издана.
334. *Л. с.* Поясное изображение святых Бориса и Глеба в княжеских шапках с мученическими крестами у груди. Вокруг ободок.
О. с. не отгиснулась или сглажена.
Д.—29—31 мм. *М. н.*— Вышгород под Киевом, 1916 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 335. *Пр.*— Гезе, Лих., Ник., БАН. *Изд.*— ЛСА, XLIX, 2. *Уп.*— Лизачев. Материалы, 1, стр. 99; Орлов, стр. 255; 2-е изд., стр. 193.
355. *Л. с.* Изображение святого воина в полный рост с копьём в правой руке и со щитом в левой. Вокруг линейный ободок.
О. с. не отгиснулась или сглажена.
Д.—18—19 мм. *М. н.*— Киев, до 1908 г. *Хр.*— ОНГЭ, № 336. *Пр.*— Собрание Р. В. Лещинского (Киев), Лих., ЛОИИ. *Изд.*— ЛСА, XXX, 1.
356. *Л. с.* Изображение святого в полный рост; судя по расположению, была еще одна фигура.
О. с. стерта.
Д.—20 мм (обл.). *М. н.*— Новгород, до 1906 г. *Хр.*— не разыскана. *Пр.*— Лих. *Изд.*— ЛСА, XXIV, 9.
357. *Л. с.* Изображение святого (или Христа?) в полный рост.
О. с. Изображение святого в полный рост.
Д.—22 мм (обл.). *М. н.*— не известно. *Хр.*— ОНГЭ, № 337. *Пр.*— Лих. Не издана.
358. *Л. с.* Изображение архангела в полный рост с железом в правой руке. Вокруг ободок.
О. с. Изображение неразборчиво.
Д.—25 мм (обл.). *М. н.*— Новгород, до 1908 г. *Хр.*— не разыскана. *Пр.*— ГИМ. *Изд.*— ЛСА, XXVII, 11.

ПЕЧАТИ, РУССКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОТОРЫХ ГИПОТЕТИЧНА

359. Л. с. Надпись в четыре строки:

С
С
С
С

О. с. Поясное изображение безбородого кудрявого святого. Вокруг ободок.

Д.—22—25 мм. М. н.— Новгород, 1953 г., раскопки на Неревском конце в слое 23—24-го яруса (пл. 25, кв. 433); дендрохронологическая дата яруса: 1025—1076 гг. Хр.— ОНГИМ, № 84. Пр.— НЭ. Изд.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 159, № 44, табл. V. Уп.— Коляин, стр. 129; Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 123.

360. Л. с. Надпись в четыре строки.

О. с. Погрудное изображение святого. Д.—25 мм. М. н.— Новгород, 1954 г., раскопки на Неревском конце в слое 20-го яруса (пл. 27, кв. 821); дендрохронологическая дата яруса: 1116—1134 гг. Хр.— ОНГИМ, № 85. Пр.— НЭ, Изд.— Янин. Печати из раскопок 1951—1954 гг., стр. 160, № 45, табл. V. Уп.— Коляин, стр. 129; Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 123.

361. Л. с. Надпись в четыре строки:

К
О
Д
Д

О. с. Поясное изображение святого с копьем у правого плеча.

Д.—22—23 мм. М. н.— Киев или Киевская обл. Хр.— ОНГИМ, № 86. Пр.— Гезе, Гудков-Беляков, ЛБ. Не издана.

362. Л. с. Неразборчивая надпись в пять строк.

О. с. Погрудное изображение святого. Д.—21 мм. М. н.— не известно. Хр.— Львовский музей. Не издана.

363. Л. с. Надпись в три строки:

К
К
О

О. с. Поясное изображение Богоматери «Знамение». Д.—18 мм. М. н.— Новгород, 1920 г. (Архив АН

СССР, ф. 246, оп. 3, № 126, л. 7). Хр.— НМ, № 4100. Не издана.

364. Л. с. Поясное изображение св. Николая Мирликийского в святительских ризах; правая рука в благословляющем жесте, в левой кодекс. Справа:

Г
Г
Г

О. с. Поясное изображение святытеля. Слева:

Г
Г
Г

Д.—24 мм. М. н.— Киев, до 1912 г. Хр.— не известно. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, XLVIII, 9.

365. Л. с. Поясное изображение св. Георгия с копьем у правого плеча и со щитом в левой руке. По сторонам:

Г
Г
Г

Г
Г
Г

Вокруг точечный ободок.

О. с. Поясное изображение св. Феодора с копьем у правого плеча и со щитом в левой руке. По сторонам:

Г
Г
Г

Г
Г
Г

Вокруг точечный ободок.

Д.—29 мм. М. н.— не известно; куплена в Париже из собрания, составленного в Стамбуле, до 1917 г. Хр.— ОБГЭ, № 8839. Пр.— Лих. Изд.— ЛСА, LIII, 15.

366. Л. с. Надпись в несколько строк:

Г
Г
Г

Вокруг ободок.

О. с. Погрудное изображение святого. Д.—25 мм (обл.). М. н.— Новгород. Хр.— ОНГЭ, № 338. Пр.— Лих., ОБГЭ. Не издана.

367. Л. с. Надпись в несколько строк:

Г
Г
Г

О. с. Изображение святого воина в полный рост с копьем в правой руке. Слева — остатки колончатой надписи.

Д.—22 мм (обл.). М. н.— Новгород. Хр.— ОНГЭ, № 339. Пр.— Лих., ОБГЭ. Не издана.

ПЕЧАТИ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ В 1968—1969 ГГ.

На протяжении 1968—1969 гг. собирание вислых печатей продолжалось так же активно, как и в предыдущие годы. К домонгольскому периоду из числа вновь найденных принадлежат 24 печати, в том числе 4 неизвестных прежде варианта. Предлагая общий обзор этих находок, обнаруженных уже тогда, когда книга находилась в производстве, мы, естественно,

уделяем главное внимание ранее не известным разновидностям и тем экземплярам, которые своей лучшей сохранностью позволяют уточнить прежде сделанные наблюдения.

В приложении использована уже опубликованная нумерация. Новые разновидности снабжены литерными номерами, определяющими их место в общем сфрагистическом своде.

ИМЕННЫЕ БУЛЛЫ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕРАРХОВ

Небольшой раздел владимичных печатей Новгорода XII—XIII вв. пополнился буллой, несущей на одной стороне изображение Богоматери «Знамение», а на обороте — пятистрочную надпись «Арькад(ин еписк(опъ) Нов(город)сь(кии)» (№ 56а).

Несмотря на заметную поврежденность легенды, она легко восстанавливается во всех деталях, из которых наиболее важной оказывается титулование *Аркадия епископом (а не архиепископом)*.

Аркадий в 1156 г. был избран епископом из игуменов основанного им в 1153 г. Успенского монастыря. В 1158 г. он был хиротонисан, а

в 1163 г. умер¹. Это был первый в Новгороде епископ, избранный самими новгородцами, а не назначенный митрополитом.

Нам уже известен образец печати этого епископа (№ 56), датированный начальным этапом его пребывания на кафедре. Упоминаемая здесь печать была анонимной, что позволило высказать предположение о принадлежности ее к 1156—1158 гг., т. е. ко времени между *избраиением Аркадия на кафедру и его официальным поставлением*. Новая печать должна быть отнесена к 1158—1163 гг.

¹ НПЛ, стр. 29—31, 215—218.

ПЕЧАТИ С РУССКОЙ БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ

В состав значительной группы булл с надписью «Господи, помози рабу своему...» входят княжеские печати конца XI — первой трети XII в. и новгородские посадничьи печати 1117—1136 гг. Среди новых находок имеются три печати этой группы, две из которых принадлежат к кругу княжеской сфрагистики, а одна — посадничья.

Печать № 103а несет на себе имя Василия и изображение св. Василия Кесарийского. Хотя эта разновидность найдена впервые, она мало что прибавляет к уже изданным материалам. Буллы такого типа принадлежат Владимиру Мономаху, родившемуся в 1053 г. и умершему в 1125 г. Мало различаясь в деталях, они уже известны в количестве 22, поражая

обилием вариантов (16 разновидностей). Новая находка увеличивает общее число подобных печатей до 23 и число вариантов до 17.

В третий раз найдена в Новгороде печать посадника Петрилы Микутьича (№ 129, 3), занимавшего степень в 1131—1134 гг. В связи с ней отметим только, что подтверждением правильности ее атрибуции служит отсутствие находок булл такого же типа, но с не встреченными ранее именами. В настоящее время известны печати уже всех новгородских посадников 1117—1136 гг., и новые находки только увеличивают число экземпляров, не нарушая предложенной схемы их определения и датировки.

Наиболее значительной находкой в рассматриваемой сейчас группе оказывается прекрасная по художественной работе и сохранности печать № 121а, несущая на одной стороне изображение св. Евфросинии с обозначением ее имени в колончатых надписях по сторонам и в круговой легенде «Господи, помози рабе своей Евфросинии нарицаемой», а на другой — изображение многофигурной композиции Преображения с остатками греческой надписи МЕТА(ΜΟΡ)Φ(Ο)С(Ι)С.

Нет смысла искать сфрагистические аналогии этому предмету, настолько он исключителен. В композициях русских печатей мы не найдем Преображения. Беспрецедентно последнее слово в круговой легенде. Сама круговая легенда принадлежит к числу редчайших явлений на буллах домонгольской поры. И все же чисто сфрагистические наблюдения небезполезны.

Размер печати (20 мм) включает ее в круг памятников XII в. Наличие благожелательной надписи смыкает ее с буллами первой трети XII в. Однако композиционное отличие от них (расположение основной легенды в форме круговой надписи) вызывает в памяти печать № 183, на которой различимы остатки круговой благожелательной надписи. Эту печать мы отнесли ко времени новгородского князя Мстислава Ростиславича Храброго (1179—1180 гг.), опираясь на сочетание на ней изображений святых Михаила и Феодора. Однако не исключено, что она принадлежала не ему, а его отцу Ростиславу Мстиславичу (в Новгороде в 1154 и 1157—1158 гг.), в имени и отчестве которого сочетались те же патрональные имена.

Формальные признаки печати указывают, таким образом, на вторую четверть — середину XII в. В этих хронологических рамках (а впрочем, и в пределах всего XII в.) известна только одна Евфросиния — знаменитая Евфроси-

ния Полоцкая. Попытаемся выяснить, не могла ли принадлежать именно ей найденная теперь печать.

Существуют по крайней мере два обстоятельства, которые заставляют ответить на этот вопрос положительно. Евфросиния Полоцкая оставила наиболее прочный след в основании в Полоцке монастыря. Вкладом в этот монастырь был известный крест Евфросинии — один из самых любопытных памятников русского прикладного искусства XII в.²

Основанный Евфросинией монастырь носит название Спасского. Иными словами, один из сюжетов нашей печати детальнейшим образом совпадает с достоверной деталью биографии полоцкой княгини³.

Другой такой достоверной деталью является пострижение Евфросинии. Ее знаменитый вклад был совершен уже тогда, когда заказчица креста стала монахиней. Однако в надписи на кресте она названа Евфросинией. Следовательно, это имя было дано ей только при пострижении, а не при крещении. В миру ее звали как-то иначе.

Между тем публикуемая печать Евфросинии содержит, на наш взгляд, некоторые признаки ее принадлежности монахине. На них указывает уже отмеченная выше необычная формула благопожелания. Помощь господня призывается не просто на «рабу Божию» Евфросинию, а на «рабу Божию Евфросинию нарицаемую». Отметим, что просмотр сведений XII—XV вв. обнаруживает, что само имя Евфросиния принадлежит к кругу излюбленных монашеских.

Такая атрибуция буллы вызывает к жизни еще одну проблему. Печать № 121а принадлежала монахине. Но это единственный случай в русской сфрагистике, вовсе не знавшей монастырских и монашеских булл на протяжении XI—XIV вв. Не следует ли из этого предположение, что Евфросиния и по принятии схимы какое-то время сохраняла полноту светской власти?

² Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. СА, 1957, № 3.

³ В позднейшее время Полоцкий Евфросинин монастырь назывался не Преображенским, а монастырем Святого Образа (см. А. М. Сементовский. Белорусские древности, вып. 1. СПб., 1890, стр. 103). Однако праздник Спаса на Руси был введен лишь в 1164 г. (Н. Н. Воронин. О некоторых рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. СА, 1962, № 1, стр. 141—142), тогда как, судя по упомянутому кресту, Евфросинин монастырь существовал уже в 1161 г. Первоначальное наименование этого монастыря вызывает жгитие Евфросинии, говоря о первоначальной Преображенской церкви в нем (А. М. Сементовский. Указ. соч., стр. 104).

Вне зависимости от этой конкретной проблемы следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, ставшее очевидным после находки печати № 121а. К настоящему времени княжеская сфрагистика Полоцка XII в. представлена уже целой серией из четырех булл. К ней относятся две печати с изображением святых Софии и Георгия (№ 221), принадлежавшие матери Евфросинии, и булла с изображением архангела Михаила и неизвестной святой (№ 222).

Все княжеские печати Полоцка XII в. принадлежали женщинам. Этот поразительный факт может быть, на наш взгляд, истолкован только одним способом. После памятного разгро-

ма Полоцка князем Мстиславом Владимировичем в 1129 г. в Византию были сосланы все мужские представители полоцкого княжеского дома. И хотя уже в 1133 г. оттуда вернулся князь Василько, а в 1140 г. еще какие-то княжичи⁴, перемены 1129 г., по-видимому, на заметный срок установили какой-то новый статус княжеской власти в Полоцке или по крайней мере новый статус замещения в нем княжеского стола. Впрочем, количество наличного материала может пока только способствовать постановке проблем, решение которых зависит целиком от накопления новых фактов.

⁴ ПСРЛ | т. 2. СПб., 1843, стр. 217, 296.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ НА ОБЕИХ СТОРОНАХ

Княжеские буллы с изображением двух святых составляют наиболее значительную в количественном отношении группу среди новых находок. Она насчитывает 18 экземпляров. Однако 17 из них оттиснуты уже известными матрицами. Они, за редкими исключениями, не содержат материалов, уточняющих детали тех штампов, которые сохранились не во всех подробностях. Все же в целом эта группа важна тем, что свойственные ей закономерности вполне тождественны закономерностям, выявленным в ходе хронологической классификации всей обширной группы печатей с изображением двух святых. Главная из этих закономерностей — подавляющее преобладание в городищенских находках (а все 18 новых булл происходят с Городища) печатей новгородских князей. Таких достоверно определяемых булл в новых материалах 15.

Обнаружены: 38-й экземпляр печати Всеволода Мстиславича (1117—1136 гг.), 5-й экземпляр печати Святослава Ольговича (1136—1138, 1139—1141 гг.), 19-й экземпляр печати Святополка Мстиславича (1142—1148 гг.), 17-й экземпляр печати Ярослава Изяславича (1148—1154 гг.), 40, 41 и 42 экземпляры печати Святослава Ростиславича (1158—1160, 1161—1167 гг.), 16-й экземпляр печати Юрия Андреевича (1172—1175 гг.), 4-й экземпляр печати Ярослава Мстиславича (1176—1177 гг.), 20-й экземпляр печати Ярослава Владимировича (1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.), 9-й экземпляр печати Мстислава Давидовича (1184—1187 гг.), 22, 23 и 24-й экземпляры печати Святослава Всеволодовича (1200—1205, 1208—1210 гг.), 16-й экземпляр печати Мстислава Мстиславича (1210—1215, 1216—1218 гг.).

В числе этих находок наиболее значительна печать № 197,3, принадлежащая князю Святославу Всеволодовичу. Ранее были уже известны два экземпляра, оттиснутые теми же матрицами. Однако из-за плохой сохранности они не производили впечатления; сколько-нибудь интересного в художественном отношении предмета. Вновь найденный экземпляр настолько безупречен, что кажется только что вышедшим из-под штемпеля. При великолепной сохранности всех деталей он поразителен по изощренности резца. Тщательно выполненные фигуры Гавриила и Димитрия покрыты тончайшим ковром орнамента, заполняющим на лицевой стороне и поле печати. Отметим только, что рука мастера, создавшего этот шедевр, была менее тверда в написании букв: надписи печати могут служить образцом безграмотности.

Среди неопределенных печатей этой группы обратим внимание на буллу № 237,3 с изображением святых Иоанна Предтечи и Симеона. Присжде уже были известны две печати, оттиснутые теми же матрицами, а также печать, представляющая лишь разновидность вновь найденной. Таким образом, это уже 5-й экземпляр буллы человека, в имени которого сочетались Симеон и Иоанн. Поскольку четыре печати из этого числа найдены в Новгороде, а одна в Старой Ладобе, не предвешая вопроса о конкретной их атрибуции, мы должны констатировать почти несомненную принадлежность этого человека к системе новгородских князей (основного или пригородных).

Печать № 243а обнаружена впервые. На ней сочетаются изображения святых Георгия и Феодора. Так как эти изображения выполнены в

пояском варианте, предпочтительной датой может быть названа первая половина XII в. Однако в Новгороде того времени нет ни одного князя, которому соответствовали бы изображения святых Георгия и Феодора. Феодором Георгиевичем, правда, звали новгородского князя Мстислава Юрьевича (1155—1157 гг.). Но несколько разновидностей его печати (№ 157, 158, 159) нам уже известны. Они не содержат никаких архаизирующих признаков и принад-

лежат к совершенно иному миру, нежели булла № 243а.

Мстиславу Юрьевичу, возможно, принадлежала печать № 264,2, на которой изображение св. Феодора сочетается с изображением другого святого воина (возможно, Георгия). Эта печать выполнена в обычной манере середины — второй половины XII в. Однако до находки лучших экземпляров этой разновидности правильнее будет оставить ее в числе неопределенных.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКОЙ ТАМГИ

Из двух вновь найденных печатей этой группы булла № 304,3, сохранившаяся в виде половинного фрагмента, снова возвращает нас к спору об ее сюжете. До сих пор было известно два обломка таких же печатей. Комментируя первый обломок, Н. П. Лихачев отметил, что на нем изображен святой в длинных одеждах преподобного или мученика; «надпись лишь просвечивает на подлиннике, но читается полностью $\Theta E / - / \text{ДО} / P \text{Ъ}$ »⁵. Относительно второго обломка тот же исследователь писал: «На воспроизводимом экземпляре святой, несомненно, не Феодор, но имя в остатках букв не разбирается»⁶. На новом фрагменте фигура святого совершенно не сохранилась, но имя святого основательно «просвечивает». Оно как

будто может быть прочитано как «Феодоръ», но настоящей уверенности в этом, к сожалению, нет.

Новые важные сведения дает печать № 305,5. Эта небольшая булла, по грубости исполнения напоминающая пломбы «дрогичинского типа», содержит на одной стороне знак в форме багра, а на обороте — погрудное изображение бородатого святого. На известных ранее четырех экземплярах, также происходящих из Новгорода, над левым плечом святого ясно читалась одиноко стоящая буква Т, способная только породить загадки. На новом экземпляре хорошо видно, что эта странная буква порождена трансформацией первоначального Ъ, который является окончанием хорошо читаемой здесь надписи $E B / A / - H \text{Ъ}$. Новый экземпляр, таким образом, является одним из самых ранних среди тождественных печатей. На других надписях изуродована. Она стерлась на матрице, где остался лишь конечный знак, безграмотно исправленный.

⁵ Н. П. Лихачев. Сфрагистический альбом, комментарий к табл. VII, 3.

⁶ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2, стр. 206.

СВОД ПЕЧАТЕЙ, ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ В 1968—1969 ГГ.

ИМЕННЫЕ БУЛЛЫ ЦЕРКОВНЫХ ИЕРАРХОВ

БУЛЛЫ ЕПИСКОПОВ

Новгород

Аркадий (1158—1163 гг.)

- 56а. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ЛРЬКА
Д К ЮБ
К ЮБ
С Б

О. с. Изображение Богоматери «Знамение» в полный рост. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—25 мм. М. н.—Новгород, 1968 г.; найдена на берегу Волхова у пристани на Софийской стороне Г. Семеновым. Хр.—НМ., № 18643. Не издана.

ПЕЧАТИ С РУССКОЙ БЛАГОПОЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НАДПИСЬЮ

КНЯЖЕСКИЕ ПЕЧАТИ

Владимир Всеволодович Мономах
(род. 1053, ум. 1125 гг.)

- 103а. Л. с. Надпись в пять строк:
Вокруг точечный ободок.

ДЗЧ
РА ОЕМУВ
РСНА

О. с. Погрудное изображение св. Василия Кесарийского с кодексом в левой руке. По сторонам:

Вокруг точечный ободок.

Д.—25 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена Н. П. Нахомуем. Хр.—НЭ. Не издана.

Евфросиния Полоцкая (2-я четверть XII в.)

- 121а. Л. с. Погрудное изображение св. Евфросинии. По сторонам:

Вокруг:
По краю ободок.

О. с. Изображение Преображения. По сторонам:

Вокруг ободок.

Д.—20 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена Ю. Шершневым. Хр.—НМ., № 18692. Не издана.

ПЕЧАТИ НОВГОРОДСКИХ ПОСАДНИКОВ 1117—1136 гг.

Петрила Микутьич (1131—1134 гг.)

- 129, 3. Обломок. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.;

найдена Н. П. Нахомуем. Хр.—НЭ. Не издана.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВЯТЫХ НА ОБЕИХ СТОРОНА

ПЕЧАТИ КНЯЗЕЙ, КНЯЖИВШИХ В НОВГОРОДЕ

Всеволод Мстиславич (1117—1133 гг.)

136, 6. Д.—22—23 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена А. Шаровым. Хр.—НЭ. Не издана.

Святослав Ольгович (1136—1138, 1139—1141 гг.)

140, 3. Д.—22 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

Святополк Мстиславич (1142—1148 гг.)

148, 3. Д.—20—23 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена А. Шаровым. Хр.—НЭ. Не издана.

Ярослав Изяславич (1148—1154 гг.)

151, 4. Д.—19—21 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

**Святослав Ростиславич
(1158—1160, 1161—1167 гг.)**

160, 33. Д.—18 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена В. Н. Суховаровым. Хр.—НЭ. Не издана.

160, 34. Д.—18 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена В. Н. Суховаровым. Хр.—НЭ. Не издана.

160, 35. Д.—20—21 мм. М. н.—Новгород, до 1941 г. Хр.—не разыскана. Пр.—НМ (фото М. К. Каргера). Не издана.

Юрий Андреевич (1172—1175 гг.)

176, 5. Д.—20—23 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена В. Н. Суховаровым. Хр.—НЭ. Не издана.

Ярослав Мстиславич (1176—1177 гг.)

179, 4. Д.—16—17 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

**Ярослав Владимирович
(1181—1184, 1187—1196, 1197—1199 гг.)**

189, 4. Д.—15 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

Мстислав Давидович (1184—1187 гг.)

193, 8. Д.—17 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

**Святослав Всеволодович
(1200—1205, 1208—1210 гг.)**

197, 3. Д.—21—23 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1969 г.; найдена В. Н. Суховаровым. Хр.—НЭ. Не издана.
Экземпляр уточняет начертания надписи:

Л. с.

Н
В
С

О. с.

В
С
М
Т
О

198, 8. Обломок. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

199, 8. Д.—23—24 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

**Мстислав Мстиславич
(1210—1215, 1216—1218 гг.)**

204, 11. Д.—20—22 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена В. Павловым. Хр.—НМ, № 18693. Не издана.

ПЕЧАТИ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ КНЯЗЕЙ

С изображением св. Иоанна Предтечи и св. Симеона

237, 3. Д.—18—20 мм. М. н.—Новгород, Городище, 1968 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.—НЭ. Не издана.

С изображением св. Феодора и св. Георгия

243а. Л. с. Поясное изображение св. Феодора с мечом и щитом. По сторонам:

С
О

О. с. Поясное изображение
св. Георгия с мечом и щитом.
По сторонам:

о
Г

ш
Г
о

С изображением св. Феодора
в неопределенного св. война

Д.—18 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1969 г.;
найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НЭ. Не издана.

264,2. Обломок. М. н.— Новгород, Городище, 1969 г.;
найдена А. Шаровым. Хр.— НЭ. Не издана.

ПЕЧАТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КНЯЖЕСКОЙ ТАМГИ

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДВУЗУБЦА ИЛИ ТРЕЗУБЦА КОЛОКОЛОВИДНЫХ ОЧЕРТАНИЙ

С отрогом в виде креста

304,3. Д.—25 мм (обл.). М. н.— Новгород, Городище, 1969 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НЭ. Не издана.

С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЗНАКА В ВИДЕ БАГРА

305,5. Д.—13—16 мм. М. н.— Новгород, Городище, 1969 г.; найдена Н. П. Пахомовым. Хр.— НЭ.
Не издана.

Указатели

Иллюстрации

УКАЗАТЕЛЬ ТОПОГРАФИИ ХРАНЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СОБРАНИЯ

Государственный Эрмитаж (352 экз.)

А. Отдел нумизматики (339 экз.): 4, 1; 5, 1; 6; 7; 10; 13, 1; 15; 16, 1, 2; 18; 19; 21; 23, 1; 24; 30, 1; 33, 1, 2; 36; 39, 1, 2; 43, 1; 46; 47; 52; 54, 2; 56; 58; 60, 1, 2; 63, 1, 2; 67, 2; 69, 1, 2; 70; 72, 1, 2, 3, 12; 73; 74, 1, 2; 77; 80; 83, 2; 86; 87; 88, 1; 89; 95; 97; 99; 101, 1; 102, 1; 103, 1, 2; 106; 107, 1; 109; 117; 118; 122; 123; 127; 128; 129, 1; 131, 1; 133, 1, 2, 3, 5, 6; 134, 1, 2, 3, 4, 5, 6; 135; 136, 1, 2, 4; 137, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10; 138, 1, 2, 3, 4, 5, 6; 140, 1; 144, 1; 145, 1, 2, 5; 146, 1, 2; 147; 149, 1, 2; 150, 1, 2, 3, 4, 5; 151, 1, 2, 3; 152, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 12, 13, 14; 153, 1, 3; 154, 1, 2, 3, 4, 5; 155; 157, 1, 3, 4; 158, 1, 6; 160, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 25, 30, 31; 161, 1, 2, 3, 4, 5, 6; 162; 164; 165, 1, 3; 167, 1, 2, 3, 4, 7; 168; 169; 170, 2, 3; 171, 2; 172; 173; 174; 175, 1, 2, 3, 4; 176, 1, 2, 3, 4; 177, 1, 2, 3; 178, 1, 2, 3; 179, 1; 180, 1, 2, 3, 4; 181, 1; 182; 183, 1, 2; 184, 1; 185, 1, 2, 3; 186; 187, 1, 3, 5; 188, 1; 189, 1, 2, 3; 190, 1, 2; 191, 1, 2; 192, 1, 2, 3, 7; 193, 1, 2, 4; 194; 195, 1, 4; 196, 1; 197, 1, 2; 198, 1, 2, 5, 6; 199, 1, 2, 3, 4, 5; 200, 1; 204, 1, 2, 4, 5, 6, 8; 205, 2; 206; 207; 209, 1; 211, 1, 2; 212; 213; 214, 1; 215; 217; 218; 221, 1; 224; 226, 1; 228, 1, 3; 229, 1, 2; 230; 236; 237, 1; 240; 242; 243, 1, 2; 247; 248, 1; 249; 250; 255; 256; 258; 263; 264; 267; 274; 279; 283; 284; 286; 288; 289; 290; 291, 1; 292, 1, 2, 3, 4, 6; 293; 295, 1; 297, 1, 3; 298, 1; 299; 300; 302; 303; 304, 1, 2; 305, 1, 2, 4; 306, 1, 2, 3; 307; 308; 309; 310, 2; 316, 2; 323; 324, 1; 325; 327; 329; 331; 334; 335; 1; 337; 339; 341; 344; 345; 349; 351; 353; 354; 355; 357; 366; 367.

В том числе:

1. Из собрания Н. П. Лихачева — 332 экз. Из них:

а. Поступили в 1939 г. из Архива ЛОИИ в ОВГЭ, а затем в 1954 г. переданы в ОНГЭ (70 экз.): 47; 72, 3; 109; 133, 2; 134, 1, 2, 3; 136, 4; 137, 1, 2, 10; 145, 5; 146, 1, 2; 150, 2, 3, 4, 5; 151, 1; 152, 1, 3; 154, 2, 3; 155; 157, 1; 158, 1; 160, 2, 3, 4, 5, 7; 161, 2, 6; 164; 165, 3; 167, 1; 171, 2; 173; 175, 1; 176, 1; 177, 1; 178, 1; 180, 2; 182; 183, 1; 184, 1; 185, 3; 187, 1; 189, 1, 3; 190, 1; 193, 1, 2; 195, 1, 4; 198, 1, 2; 199, 1; 204, 1; 211, 1; 213; 215; 247 (половина буллы, другая половина не рамыскана); 263; 267; 304, 2; 305, 2; 334; 335, 1; 357.

б. Поступили в 1959 г. из Библиотеки АН СССР, где хранились в фонде академика Н. К. Никольского (84 экз.): 6; 7; 10; 13, 1; 16, 2; 18; 19; 21; 23, 1; 24; 30, 1; 39, 2; 43, 1; 52; 54, 2; 56; 58; 60, 1, 2; 63, 2; 69, 2; 70; 72, 1, 2; 77; 80; 88, 1; 89; 97; 99; 101, 1; 102, 1; 103, 1, 2; 117, 118; 129, 1; 131, 1; 133, 3; 138, 4; 140, 1; 153, 1; 154, 1; 160, 10; 175, 3; 178, 3; 180, 1, 4; 181, 1; 186; 188, 1; 192, 1; 194; 199, 3; 200, 1; 204, 4; 207; 212; 214, 1; 217; 226, 1; 228, 1; 229, 1; 230; 236; 237, 1; 242; 243, 1; 283; 284; 286;

289; 292, 3, 4; 293; 295, 1; 297, 1; 300; 307; 324, 1; 325; 337; 344; 354.

в. Поступили в 1939 г. из Архива ЛОИИ в ОВГЭ, а затем переданы в ОНГЭ в 1963 и 1964 гг. (21 экз.): 5, 1; 46; 63, 1; 72, 12; 133, 5, 6; 152, 14; 157, 2, 3; 160, 6, 30, 31; 169; 170, 3; 185, 2; 187, 5; 198, 6; 206; 229, 2; 366; 367.

г. Поступили в 1967 г. из Архива ЛОИИ (157 экз.): 4, 1; 16, 1; 33, 2; 36; 39, 1; 74, 1, 2; 83, 2; 86; 87; 95; 106; 107, 1; 122; 123, 127; 128; 133, 1; 134, 4, 5, 6; 135; 136, 1, 2; 137, 3, 4, 5, 6, 7, 9; 138, 1, 2, 3, 5, 6; 144, 1; 145, 1, 2; 147; 149, 1, 2; 150, 1; 151, 2, 3; 152, 2, 4, 5, 6, 7, 12, 13; 153, 3; 154, 4, 5; 158, 6; 160, 1, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 25; 161, 1, 3, 4, 5; 162; 165, 1; 167, 2, 3, 4; 168; 170, 2; 172; 174; 175, 2, 4; 176, 2, 3, 4; 177, 2, 3; 178, 2; 179, 1; 180, 3; 183, 2; 185, 1; 187, 3; 189, 2; 190, 2; 191, 1, 2; 192, 2, 3, 7; 193, 4; 196, 1; 197, 1, 2; 198, 5; 199, 2, 4, 5; 204, 2, 5, 6, 8; 205, 2; 209, 1; 211, 2; 218; 221, 1; 224, 228, 3; 240; 248, 1; 249; 250; 255, 256; 258; 264; 274; 279; 288; 290; 291, 1; 292, 1, 2, 6; 297, 3; 288, 1; 299; 302; 303; 304, 1; 305, 1, 4; 306, 1, 2, 3; 308; 309; 310, 2; 316, 2; 323; 327; 329; 331; 339, 341; 345; 349; 351; 353; 355.

2. Из собрания И. И. Толстого, поступившего в 1917 г. (2 экз.): 67, 2; 69, 1.

3. Из собрания С. Г. Строганова, переданного Эрмитажу в 1925 г. (1 экз.): 15.

4. Поступившая на определение из Смоленского музея (от И. М. Хоzerова) и оставшаяся в Эрмитаже (1 экз.): 33, 1.

5. Из Музейного фонда (1 экз.): 167, 7.

6. Присланная Л. А. Твороговым из Пскова в 1957 г. (1 экз.): 243, 2.

7. Поступившая в 1939 г. в ОВГЭ из ЛОИИ вместе с собранием Н. П. Лихачева и переданная ОНГЭ в 1967 г. (1 экз.): 73.

Б. Отдел истории первобытной культуры (10 экз.): 37; 38; 61; 72, 13; 92; 160, 16; 201, 2; 214, 2; 232; 291, 2.

В том числе:

1. Из Музея Штиглица (приобретена у В. А. Квашонкина в 1918 г.) (4 экз.): 61; 160, 16; 201, 2; 291, 2.

2. Из раскопок в Старой Лядоге (4 экз.): 37; 38; 72, 13; 92.

3. Из собрания Н. Ф. Романченко (1 экз.): 232.

4. Из раскопок и сборов В. Д. Белецкого в Пскове (1 экз.): 214, 2.

В. Отдел истории русской культуры (2 экз.; куплены в 1954 или 1955 г., ранее принадлежали Киевской духовной академии): 22; 79.

Г. Отдел Востока (1 экз.; из собрания Н. П. Лихачева): 365. Государственный Русский музей, Отдел древнерусского искусства (1 экз.): 62.

ЛЮ Института археологии АН СССР (1 экз.): 261.

МОСКОВСКИЕ СОБРАНИЯ

Государственный Исторический музей, Отдел нумизматики (86 экз.): 2; 3; 8; 9; 12; 13, 2; 23, 2; 40, 2; 53, 2; 57; 64, 2; 67, 1; 72, 8; 83, 1; 85, 2; 90; 91; 100; 101, 4; 105; 108; 113; 121; 130; 134, 10, 11; 138, 10, 11, 12; 139; 140, 2; 145, 6, 7; 154, 7; 156; 157, 2; 160, 21, 22, 26, 27, 29; 175, 7; 178, 4; 179, 3; 183, 3; 184, 4; 185, 4; 187, 4; 190, 5; 192, 9; 203; 204, 9; 210; 219, 2; 223; 225, 234; 235; 238; 239; 241; 248, 3; 257; 273; 276, 2; 291, 5; 292, 7, 10; 294; 295, 5; 296; 297, 2, 4; 301; 305, 3; 310, 1; 314, 2; 317, 2, 3; 324, 2; 332; 335, 2; 336; 359; 360; 361.

В том числе:

1. Из раскопок Д. И. Самоковасова в 1877 г. (1 экз.): 53, 2, 1.
2. Присланная К. В. Болсуновским в 1902 г. (1 экз.): 67, 1.
3. Поступившие до 1906 г. (5 экз.): 83, 1; 85, 2; 105; 108; 219, 2.
4. Купленная в 1926 г. (1 экз.): 297, 2.
5. Поступившая из СФА в 1929 г. (1 экз.): 90.
6. Из раскопок Л. А. Годубевой в Суздале в 1939 г. (1 экз.): 317, 2.
7. Поступившие от Ембулова в 1959 г. (4 экз.): 40, 2; 64, 2; 203; 317, 3.
8. Поступившие из Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в составе коллекции Н. В. Гудкова-Белякова в 1960 г. (14 экз.): 8; 9; 12; 23, 2; 57; 72, 8; 91; 100; 139; 183, 3; 296; 297, 4; 310, 1; 361.
9. Из раскопок и сборов Новгородской археологической

экспедиции МГУ и АН СССР в 1951—1967 гг., переданы в 1952, 1966 и 1967 гг. (57 экз.):

- а. Из раскопок 1951 г. (5 экз.): 130; 156; 160, 21; 225; 235; 1952 г. (1 экз.): 305, 3; 1953 г. (5 экз.): 2; 13, 2; 241; 292, 7; 359; 1954 г. (2 экз.): 210; 360; 1955 г. (2 экз.): 257; 336; 1956 г. (1 экз.): 335, 2; 1958 г. (1 экз.): 121; 1960 г. (1 экз.): 160, 22; 1962 г. (2 экз.): 3; 332; 1966 г. (1 экз.): 192, 9.
- б. Из сборов 1962 г. (4 экз.): 175, 7; 179, 3; 234; 301, 1963 г. (8 экз.): 140, 2; 145, 6; 154, 7; 160, 26, 27; 178, 4; 184, 4; 276, 2; 1964 г. (5 экз.): 134, 10; 145, 7; 187, 4; 248, 3, 324, 2; 1965 г. (9 экз.): 113; 138, 10, 11; 157, 2; 160, 29; 204, 9; 273; 291, 5; 292, 10; 1966 г. (2 экз.): 134, 11; 295, 5; 1967 г. (8 экз.): 101, 4; 138, 12; 185, 4; 190, 5; 238; 239; 294; 314, 2.
10. Поступившая на Волгоградской обл. в 1966 г. (1 экз.): 223.

Государственная Третьяковская галерея (3 экз.: на собрания И. С. Остроухова): 54, 3, 74, 3; 201, 1.

Оружейная палата (1 экз. на раскопок в Кремле в 1965 г.): 319

Московский государственный университет, Кафедра археологии (1 экз.: на раскопок Д. А. Авдусина в Смоленске в 1954 г.): 102, 2.

Новгородская археологическая экспедиция МГУ и АН СССР (20 экз.: на сборов в Новгороде в 1968—1969 гг., см. приложение): 103а; 129, 3; 136, 6; 140, 3; 148, 3; 151, 4; 160, 33, 34; 176, 5; 179, 4; 189, 4; 193, 8; 197, 3; 198, 8; 199, 8; 237, 7; 243а; 264, 2; 304, 3; 305, 5.

НОВГОРОДСКИЕ СОБРАНИЯ

Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник (133 экз.): 25; 40, 1; 56 а (см. приложение); 60, 3; 64, 1; 72, 5, 6, 7; 76; 81; 96; 110; 111; 115; 119, 1; 120; 121а (см. приложение); 125, 1, 2; 126; 131, 2; 132; 133, 4, 7, 8, 9, 12; 136, 3; 137, 11, 12, 13; 138, 7, 8; 141; 142; 143; 144, 2, 3; 145, 3, 4, 8; 146, 3; 148, 1, 2; 149, 3, 4, 5; 150, 7, 8; 152, 8, 9, 11; 153, 2; 154, 6, 8; 158, 3, 4; 159; 160, 15, 17, 18, 19, 20, 23, 32; 163; 165, 2; 166; 167, 5, 6; 175, 5; 181, 2; 184, 2; 187, 2; 188, 2; 190, 3; 192, 4, 5, 6; 193, 5, 6; 195, 2, 3, 5; 196, 2, 3; 198, 3, 7; 199, 6, 7; 200, 2; 204, 7, 10, 11 (см. приложение); 205, 3; 208; 209, 2, 3, 4, 5; 229, 3; 231, 1, 2; 233; 237, 2; 245; 248, 2; 252; 259; 260; 266; 269; 272; 276, 1; 282; 291, 3, 4; 292, 8, 9; 295, 2, 4; 298, 2; 315, 2; 318; 321; 338; 340; 342; 343; 346; 347; 348; 363.

В том числе поступившие:

- до 1903 г. (1 экз.): 292, 9;
 до 1908 г. (2 экз.): 160, 18; 184, 2;
 в 1920 г. (3 экз.): 119, 1; 175, 5; 363;
 в 1922 г. (2 экз.): 131, 2; 138, 7;
 в 1924 г. (1 экз.): 72, 5;
 в 1926 г. (1 экз.): 200, 2;
 в 1927 г. (3 экз.): 160, 15; 187, 2; 199, 6;
 в 1928 г. (3 экз.): 40, 1; 72, 7; 110;
 в 1929 г. (1 экз.): 111;
 в 1929—1941 гг. (42 экз.): 72, 6; 81; 134, 7; 136, 3; 137, 11; 138, 8; 144, 2; 145, 3, 4; 146, 3; 148, 1, 2; 149, 3, 4; 150, 7; 152, 8; 153, 2; 154, 6; 158, 3, 4; 159; 160, 17; 167, 5; 192, 4; 193, 5, 6; 196, 2; 198, 3; 199, 7; 204, 7; 205, 3; 209, 2, 3; 269; 272; 276, 1; 292, 8; 295, 2; 298, 2; 342; 343; 346;
 в 1950 г. (3 экз.): 125, 1; 152, 9; 167, 6;
 в 1951 г. (4 экз.): 190, 3; 208; 291, 3; 318;

- в 1952 г. (1 экз.): 166;
 в 1953 г. (6 экз.): 120; 150, 8; 160, 19; 192, 5; 209, 4; 259;
 в 1954 г. (3 экз.): 64, 1; 133, 4; 163;
 в 1957 г. (7 экз.): 141; 160, 20; 192, 6; 209, 5; 231, 1; 233; 338;
 в 1958 г. (13 экз.): 126; 142; 113; 149, 5; 195, 3; 237, 2; 248, 2; 260; 291, 4; 321; 340; 347; 348;
 в 1959 г. (7 экз.): 134, 8, 9; 137, 12; 144, 3; 181, 2; 195, 2; 196, 3;
 в 1960 г. (1 экз.): 25;
 в 1961 г. (3 экз.): 76; 160, 23; 165, 2;
 в 1962 г. (6 экз.): 60, 3; 137, 13; 152, 11; 188, 2; 245; 252;
 в 1963 г. (1 экз.): 198, 7;
 в 1966 г. (2 экз.): 229, 3; 295, 4;
 в 1967 г. (3 экз.): 96; 115; 315, 2;
 в 1968 г. (3 экз.: см. приложение): 56а; 121а; 204, 11; из сборов Новгородской археологической экспедиции МГУ и АН СССР в 1966 г. (9 экз.): 125, 2; 132; 145, 8; 160, 32; 195, 5; 204, 10; 231, 2; 266; 282; в 1967 г. (2 экз.): 134, 12; 154, 8.

Археологический музей при Новгородском пединституте (2 экз.): 198, 4; 295, 3.

Собрание В. М. Ковалевой (6 экз.): 72, 9; 152, 10; 158, 5; 175, 6; 177, 4; 190, 4.

Собрание А. П. Миклулича (4 экз.): 129, 2; 138, 9; 152, 15; 192, 11.

¹ Передано в 1969 г. Новгородской археологической экспедиции.

СОБРАНИЯ В ДРУГИХ ГОРОДАХ РСФСР

Смоленский музей (4 экз.): 14; 124, 1; 280; 322.
Владимирский музей (1 экз.): 78.

Музей в г. Ростове-Ярославском (1 экз.): 101, 2.

СОБРАНИЯ В ЛАТВИИ И БЕЛОРУССИИ

Рижский городской архив (2 экз.): 219, 1; 220, 1.
Институт истории АН Лат. ССР (1 экз.): 221, 2.
Институт истории БССР (1 экз.): 222.

Волковысский музей (2 экз.): 5, 2; 326.
Собрание И. Д. Галькевича (г. Витебск) (1 экз.): 262.

УКРАИНСКИЕ СОБРАНИЯ

Киевский государственный [исторический] музей (8 экз.): 17; 35; 44; 75; 1; 114; 216; 241; 277.
Институт археологии АН УССР (3 экз.): 4, 2; 31; 72, 11.

Львовский музей (3 экз.): 227, 1, 2; 271; 275; 313, 3; 314; 317, 1; 362.
Институт общественных наук АН УССР во Львове (1 экз.): 226, 2.
Собрание В. Д. Дяденко (Киев) (1 экз.): 11.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СОБРАНИЯ

Польша (5 экз.): 26; 27; 28, 1, 2, 3.
ГДР, Берлинский музей (2 экз.): 29; 30, 2.
США, Думбартон-Окс (3 экз.): 41; 43, 3; 50.
Франция, Кабинет медалей в Париже (1 экз.): 45.

Румыния, Музей древностей в Бухаресте (1 экз.): 48
Греция (2 экз.): 49; 54, 1.
Болгария, Национальный музей в Софии (1 экз.): 71.
? (1 экз.): 59.

НЕРАЗЫСКАННЫЕ ПЕЧАТИ (86 экз.)

1. 20; 32, 1, 2; 33, 3; 34; 42; 43, 2; 51, 1, 2, 3; 53, 1; 55; 65, 1, 2; 66; 68; 72, 4, 10; 75, 2; 82; 83, 3, 4; 84; 85, 1, 3, 4, 5; 88, 2; 93; 94, 1, 2; 98; 101, 3; 104; 107, 2; 112; 116; 119, 2; 124, 2; 136, 5; 137, 8; 150, 6; 158, 2; 160, 24, 28, 35 (см. приложение); 170, 1; 171, 1; 179, 2; 184, 3; 193, 3, 7; 201, 3; 202; 204, 3; 205, 1; 228, 2; 246; 251; 253; 254; 265; 268; 270; 278; 281; 285; 287; 292, 5; 311; 312; 313, 1, 2; 315; 316, 1; 320; 328; 330; 333, 1, 2; 350; 352; 356; 358; 364.

В том числе:

1. Из собрания Н. П. Лихачева (17 экз.): 85, 3; 112; 136, 5; 150, 6; 158, 2; 160, 24; 171, 1; 193, 3; 204, 3; 205, 1; 268; 278, 287; 320; 330; 356; 364.
2. Из собрания Археологической комиссии (4 экз.): 1; 43, 2; 68; 116.
3. Из собрания Эрмитажа (1 экз.): 51, 2.
4. Из собрания Черниговского музея (2 экз.): 42; 53, 1.
5. Из разных львовских собраний (15 экз.): 32, 1; 51, 1, 3; 65, 1, 2; 66; 82; 84; 93; 94, 2; 98; 104; 313, 1, 2; 315.
6. Из собрания Новгородского музея (5 экз.): 55; 72, 4; 101, 3; 124, 2; 160, 35 (см. приложение).
7. Из собрания П. И. Юкина (5 экз.): 137, 8; 160, 28; 201, 3; 253; 292, 5.
8. Из собрания М. И. Полянского (4 экз.): 72, 10; 184, 3; 193, 7; 285.

9. Из собрания Киевского музея (4 экз.): 20; 82, 2; 94, 1; 328.
10. Из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко (затем в Киевском музее? 9 экз.): 75, 2; 83, 3, 4; 107, 2; 119, 2; 254; 265; 316, 1; 352.
11. Из собрания Киевского университета (2 экз.): 251; 333, 1.
12. Из собрания Херсонского музея (1 экз.): 270.
13. Из музея Археологического общества (1 экз.): 246.
14. Из собрания Гродненского музея (2 экз.): 85, 4; 333, 2.
15. Из собрания ГИМ (1 экз.): 358.
16. Принадлежавшая А. С. Анненкову (1 экз.): 32, 2.
17. Принадлежавшая Ф. А. Клименко в г. Козельце (1 экз.): 34.
18. Принадлежавшая А. Ф. Федорову (г. Спасск) (1 экз.): 33, 3.
19. Принадлежавшая Н. П. Авенариусу (1 экз.): 85, 1.
20. Принадлежавшая Александрову в Пскове (1 экз.): 170, 1.
21. Известные только по фото в Фотоархиве ЛОИА АН СССР (4 экз.): 179, 2; 202; 228, 2; 281.
22. Из неустановленных собраний (4 экз.): 85, 5; 311; 312; 350.

УКАЗАТЕЛЬ АТРИБУЦИИ ПЕЧАТЕЙ

№	Грп.	№	Грп.	№	Грп.	№	Грп.
1	38-41	79	82	189-192	106, 107, 112, 115, 116	243	120, 121, 127
2	41	80-83	80-82				130
3-9	35, 36	84-87	82, 83	193-194	92-94, 120	243a	232, 233
10-13	34, 35	88-93	82		195 122, 123	244-247	130
14	16	94-96	83	196-198	106, 107, 122, 232	248-263	130, 131
15-22	15, 16	97-112	70			264-282	131, 233
23	17-19	103a	230	199-200	106, 107, 122, 127	283-284	134, 142
24	23, 24	113-116	71			285	134, 138
25	16, 17	117-122	70, 71	201-202	106, 107, 126	286	134, 138, 140, 141
26-28	20	121a	231, 232	203-206	112-114, 120		141
29	26-29	123-132	71-75, 231		207 92-94, 127	287	134, 135
30	24-29	133-137	108-110, 120, 122, 126		208 92-94, 126, 127	288	135
31	20-23	138-139	108-110, 122	209-210	127, 128	289	135, 138, 139
32-33	32, 33	140-142	104, 105, 115, 116		211 98, 99, 106	290	135, 142
34	30	143-147	112, 113, 120		212 98, 99, 106, 126	291	135, 141-143, 145
35	30, 31		148 112, 113, 120, 126	214-215	103, 120, 121, 127	292	135, 138, 139, 143, 145
36	31, 32	150-151	103, 104		216 106, 107, 127, 128	293	135, 139, 141, 145
37-38	30	152	112, 115-117, 120, 126, 127		217 92, 94-98, 120, 121, 127, 128	294	135, 145
39-40	33	153-155	112, 115-117, 120	218-220	92, 95-98, 127, 128	295	135, 142, 143, 145
41-42	44-47		156 92, 93, 115, 116		221 98, 102, 127-129	296	136, 142, 145
43	47, 48	157-159	98-101, 120, 121		222 115, 118, 127, 129	297	136, 140-143, 145
44	50, 51		160 112-116, 126, 127	223-224	123, 127, 129	298	136, 140, 142, 143, 145
45	48	161-162	112-116		225 127, 129	299	136
46-47	48, 49	163-165	118-120		226 122, 127, 130, 148	300	136, 138-140
48	48	166	118-120, 126, 127		227 127, 129	301-303	136
		167	92-94, 120		228 127, 130	304	136, 137, 233
49	49	168-174	115-117		229 122, 127, 128, 130	305	137, 143, 145, 233
50	51	175-177	98-99		230 98, 101, 102, 127, 130	306	137, 141-143, 145
51	49		178 119, 120		231 122, 127, 130	307	137-140, 142, 145
52	48, 49	181	118-120		232-233 127, 130	308	137, 140-142
53	49, 50	182	92, 93, 115, 116		234 120, 121, 127, 130	309	137, 141, 142
54-55	53, 54	183-186	112, 115-117, 120	235-240	127, 130, 232	310-311	137
56	54, 55		187 115-118		241 104, 105, 127, 130	312-323	147-150
56a	230		188 105, 106, 115, 116		242 130, 104, 127, 130	324-347	150-153
57-58	55					348-351	153
59	55, 56					352-367	154
60	56						
61-82	56, 57						
63	57						
64	57, 58						
65-66	58						
67-71	60-64						
72-73	64-67						
74-76	81, 82						
77	82						
78	84						
78	82						

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Дмитрий Иванович, историк 46
 Абу Хамид ал-Гарнати, арабский путешественник 11
 Авдусин Даниил Антонович, историк 10, 160, 168, 171, 184, 188, 239
 Авенариус Н. П., историк 240
 Агафоник-Святослав, см. Святослав-Агафоник
 Александр-Глеб, см. Глеб-Александр
 Александр Васильевич, кн., с. Василия Иоанновича 97
 Александр Глебович, кн. с. Глеба Ростиславича 96, 97
 Александр Михайлович, кн., с. Михаила Иоанновича 97
 Александр Михайлович, кн., с. Михаила Ярославича 97
 Александр Ярославич-Федорович Невский, кн., с. Ярослава Всеволодовича 88, 113, 126, 128, вкл.
 Александров, коллекционер 240
 Алексеев Леонид Васильевич, историк 102, 160, 166, 178, 210, 231
 Алексей Комнин, визант. имп. 29, 43, 47, 53, 84
 Алексей Студит, вселенский патриарх 44, 47
 Амфилохий, владимиро-волинский еп. 83
 Анастасевич В. Г., историк 168
 Анастасия, княгиня, жена Всеволода Святославича 20
 Анастасия, княгиня, жена Всеволода Ярополковича 20
 Анастасия, дочь Константина IX Мономаха (ошибочно) 19
 Андрей-Владимир, см. Владимир-Андрей
 Андрей-Всеволод, см. Всеволод-Андрей
 Андрей-Мстислав, см. Мстислав-Андрей
 Андрей Александрович, кн. с. Александра Ярославича 113, 151, вкл.
 Андрей Михайлович, кн., с. Михаила Ростиславича 97
 Андрей Феодорович, кн., с. Феодора Константиновича 97
 Андрей Юрьевич-Георгиевич Боголюбский, кн., с. Юрия Владимировича 53, 59, 99, 101, 102, 142, 143, 146, вкл.
 Андрей Ярославич-Федорович, кн., с. Ярослава Всеволодовича вкл.
 Анна, княгиня, жена Всеволода Ярославича 18
 Анна Комнена, визант. писат. 28
 Анненков А. С. 240
 Анохин Владимир Афанасьевич, историк 11
 Антоний (Добрыня Ядрейкович), новгородский архиеп. 57, 126
 Антонова Валентина Ивановна, историк 140, 150
 Антонова Елена Вадимовна, находчица 193
 Аркадий, новгородский еп. 54—56, 65, 177, 230, 234
 Арсений, новгородский владыка 57
 Артамонов Михаил Илларионович, историк 41, 160, 166
 Арцаховский Артемий Владимирович, историк 10, 102, 129, 160, 163, 166, 189, 192, 199, 208, 210, 213, 218, 221, 225, 229
 Афанасий-Ярослав, см. Ярослав-Афанасий
- Афанасий Данилович, кн., с. Даниила Александровича вкл.
 Африкан, варяжский кн. 144
- Багалай Дмитрий Иванович, историк 160, 171
 Банк Адыса Владимировна, историк 10
 Бауер Николай Павлович, историк 24
 Белецкий Василий Дмитриевич, историк 10, 176, 184, 238
 Беляшевский Николай Федотович, историк 76, 79, 160
 Берлинский Максим Федорович, историк 84
 Блilfeльд Давид Исаакович, историк 11, 20, 21, 160, 168—170, 172
 Богусевич Владимир Андреевич, историк 11
 Болдышев, находчик 178
 Болсуновский Карл Васильевич, историк 160, 180, 184, 188, 225, 239
 Борис, новгородский посадник 72, 74
 Борис-Мстислав, см. Мстислав-Борис
 Борис-Рогволд, см. Рогволд-Борис
 Борис-Ростислав, см. Ростислав-Борис
 Борис Андреевич, кн., с. Андрея Александровича вкл.
 Борис-Роман Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира Святославича 31, 32, 92
 Борковский Виктор Иванович, языковед 129
 Брюсова Вера Григорьевна, историк 19
- Вагнер Георгий Карлович, историк 160, 201
 Вальк Сигизмунд Натанович, историк 10, 157, 160
 Варвара, княгиня, жена Святополка Изяславича (ошибочно) 84
 Василий II, визант. имп. 43
 Василий-Владимир, см. Владимир-Василий
 Василий-Гюрник, см. Гюрник-Василий
 Василий Александрович, кн., с. Александра Глебовича 97
 Василий Александрович, кн., с. Александра Ярославича вкл.
 Василий Иоаннович, кн., с. Иоанна Александровича 97
 Василий Иоаннович, кн., с. Иоанна Васильевича 97
 Василий Константинович, кн., с. Константина Всеволодовича 128
 Василий Мстиславич-Федорович, кн., с. Мстислава Мстиславича 97, 128, вкл.
 Василий (Василько) Ростиславич, кн., с. Ростислава Владимировича 20, 68, 129, 149
 Василий (Василько) Святославич (Рогволдович?), кн., с. Святослава (Рогволда?) Всеславича 102, 232
 Василий (Василько) Юрьевич-Георгиевич, кн., с. Юрия Владимировича 101, 102, 128
 Василий Ярославич-Федорович, кн., с. Ярослава Всеволодовича 128, вкл.

- Василий Монах, визант. администратор 18, 19
Василиса, княгиня, жена Ярополка Ярославича 123
Васильевский Василий Григорьевич, историк 51
Владимир-Иоани Васильевич, кн., с. Василия Романовича 129, 130
Владимир-Иоани Всеволодович-Гаврилович, кн., с. Всеволода Мстиславича 91, 110, 111, 122, 124, 125, вкл., 194
Владимир-Дмитрий Всеволодович-Дмитриевич, кн., с. Всеволода Юрьевича 141
Владимир-Василий Всеволодович-Андреевич Мономах, кн., с. Всеволода Ярославича 16—20, 22, 24, 25, 28, 30—33, 38, 63, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 75, 80, 81, 83, 86, 88, 99—101, 109, 111, 128, 129, 138, 148, 149, 156, 157, 170, 173, 187, 230, 234
Владимир Давидович, кн., с. Давида Святославича 21
Владимир-Петр Игоревич-Георгиевич, кн., с. Игоря Святославича 68
Владимир-Дмитрий Константинович, кн., с. Константина Всеволодовича 144
Владимир-Дмитрий Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Владимировича 112, 115, 116, вкл.
Владимир-Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Ростиславича 97, 121, 130, вкл.
Владимир-Дмитрий Рюрикович-Васильевич, кн., с. Рюрика Ростиславича 97, 107, 128, 209
Владимир-Андрей Святославич-Михайлович, кн., с. Святослава Всеволодовича 91, 106, 111, 116—118, 131, вкл., 203
Владимир-Василий Святославич, кн., с. Святослава Игоревича 17, 30, 31, 36—42, 133, 140, 155
Владимир Святославич, кн., с. Святослава Иоанновича 97
Владимир Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 36, 64, 65
Внезд Водовик, новгородский посадник 144
Володарь Ростиславич, кн., с. Ростислава Владимировича 63
Воронин Николай Николаевич, историк 53, 59, 83, 145, 146, 160, 161, 163, 231
Воронин Н., находчик 178
Востоков Александр Христофорович, историк 19, 84
Всеволод-Гавриил Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Владимировича 33, 66, 69, 71—74, 82, 88, 91, 94, 104, 109—111, 120, 122, 124—126, 159, вкл., 193, 232, 235
Всеволод-Петр Мстиславич-Борисович, кн., с. Мстислава Романовича 91, 93—98, 101, 110, 125—128, вкл., 207
Всеволод-Кирилл Ольгович-Михайлович, кн., с. Олега Святославича 71, 80, 81, 84, 105, 106, 116, 122, 123, 129, 138, 139, 153, вкл., 189
Всеволод Святославич-Михайлович, кн., с. Святослава Всеволодовича 116, вкл.
Всеволод Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ольговича 20, 105
Всеволод-Дмитрий Юрьевич-Георгиевич Большое Гнездо, кн., с. Юрия Владимировича 69, 99—102, 106, 112, 119, 120, 123, 124, 128, 138—141, 143, вкл., 161
Всеволод-Дмитрий Юрьевич-Георгиевич, кн., с. Юрия Всеволодовича 91, 99, 101, 102, 106, 111, 113, 125, 126, 131, вкл.
Всеволод-Андрей Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 15—25, 28—30, 33, 34, 36, 50, 63, 81, 83, 84, 102, 132, 138, 139, 145, вкл., 168, 172.
Всеслав Брючиславич, кн., с. Брючислава Изяславича 30, 32, 102
Всеслава, княгиня, жена Ростислава Ярославича 123
Высоцкий Сергей Александрович, историк 16, 22
Вышата, боярин 19
Вышеслав Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира Святославича 65
Вячеслав Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира Всеволодовича 128
Вячеслав-Меркурий Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 16, 22, 24, 29, 33, 34, 88, 163, 168, 172]
- Гавриил, киевский митр. 48
Гавриил-Григорий, см. Григорий-Гавриил
Гавриил-Всеволод, см. Всеволод-Гавриил
Гавриил-Святослав, см. Святослав-Гавриил
Гавриил-Ярополк, см. Ярополк-Гавриил
Гавриил-Ярослав, см. Ярослав-Гавриил
Галькевич И. Д., коллекционер 240
Гвоздик, коллекционер 160
Гезе В. Е., коллекционер 160
Георгиевский Василий Тимофеевич, историк 140, 144
Георгий, киевский митр. 46—48, 50, 53, 58, 59, 174
Георгий-Игорь, см. Игорь-Георгий
Георгий-Святослав, см. Святослав-Георгий
Георгий-Юрий, см. Юрий-Георгий
Георгий-Ярослав, см. Ярослав-Георгий
Георгий Спанопулос, византиец 52
Георгий Шимонович, суздальский тысяцкий 145
Герасимов Г., находчик 168
Герасимов Тодор, историк 61, 160, 180, 181
Герман, новгородский еп. 66, 152
Гертруда-Олисава, см. Олисава-Гертруда
Глеб-Давид Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира-Святославича 31, 32, 92
Глеб Всеславич, кн., с. Всеслава Брючиславича 32
Глеб Ростиславич, кн., с. Ростислава Мстиславича 96—98
Глеб Ростиславич, кн., с. Ростислава Ярославича 147, 148
Глеб Святославич, кн., с. Святослава Глебовича 97
Глеб-Александр Святославич, кн., с. Святослава Иоанновича 97
Глеб Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ярославича 32, 66, 152
Голубева Лина Аватольевна, историк 160, 223, 239
Голубинский Евгений Евстигнеевич, историк 45, 51
Голубовский Петр Васильевич, историк 92, 93, 95, 96, 98, 209
Голунова Инга Константиновна, историк 11
Говчаров Владимир Кириллович, историк 36, 160, 173
Горина Наталия Павловна, музейный работник 11
Городцов Василий Алексеевич, историк 162
Горская М., находчица 194, 199
Грачев В. И., историк 160, 191, 216
Гребеняк В., историк 160, 186
Греков Борис Дмитриевич, историк 158, 159
Григорий VII Гильдебрандт, папа римский 35
Григорий-Гавриил, новгородский архиеп. 55, 56, 58, 59, 177
Григорий инок, агрограф 144
Григорий Таронит, визант. полководец 29
Григорьев Дмитрий Александрович, историк 31
Грушевский Михаил Сергеевич, историк 68, 160, 172, 176, 179, 188, 222, 223
Гудайн Николай Калашикович, историк 16
Гудков-Беляков Николай Васильевич, коллекционер 8, 160, 170, 239
Гюрята, новгородский посадник 66, 74
- Давид-Глеб, см. Глеб-Давид
Давид Всеславич, кн., с. Всеслава Брючиславича 32
Давид Игоревич, кн., с. Игоря Ярославича 20, 22, 24, 27, 63, 83, 88, 133, 188
Давид-Глеб Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Ростиславича 97

Давид-Глеб Ростиславич-Михайлович, кн., с. Ростислава Мстиславича 91—94, 97, 98, 104, 110, 115, 116, 125, вкл., 197

Давид Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ярославича 20, 25, 32, 67, 71, 79—82, 84, 85, вкл., 184, 189

Давыдов А., находчик 206

Даль Владимир Иванович, языковед 77

Данила игумен, русский писатель 18, 23, 25, 65, 82, 105, 163

Данила Александрович, кн., с. Александра Ярославича вкл.

Данила, новгородский посадник 72, 191

Данилевич Василий Ефимович, историк 102

Данилевко Валентин Николаевич, историк 11, 65

Данилов Д. А., находчик 193, 194, 196, 199, 200, 204, 205, 207, 208, 214, 215, 223, 227

Димитрий-Владимир, см. Владимир-Димитрий

Димитрий-Всеволод, см. Всеволод-Димитрий

Димитрий-Изяслав, см. Изяслав-Димитрий

Димитрий Александрович, кн., с. Александра Ярославича 113, 151, вкл.

Димитрий Михайлович, кн., с. Михаила Ярославича. вкл.

Димитрий Романович, кн., с. Романа Глебовича 97

Димитрий Спаноулос, византиец 53

Дионисий, киевский митр. 48

Дионисий, полоцкий еп. 150, 178

Дионисий, новгородский игумен 55

Дионисий, русский художник 140

Дмитр Завидич, новгородский посадник 72, 74, 75, 191

Дмитр Мпронкинич, новгородский посадник 144

Дмитр Якунович, новгородский посадник 144

Добрыня, новгородский посадник 72, 74, 191

Довжевок Василий Иосифович, историк 11, 36, 160

Дяденко В. Д., коллекционер 240

Евстафий-Завид, см. Завид-Евстафий

Евстафий Мстиславич-Константинович, кн., с. Мстислава Владимировича 64

Евфимий II, вселенский патриарх 47

Евфросиния, княгиня, жена Феодосия 147

Евфросиния Полоцкая, княгиня, дочь Святослава Брючиславича 102, 129, 231, 232, 234

Евфросиния (Феоулия) Суздальская, дочь кн. Михаила Всеволодовича 144

Емельянов В. И., находчик 190, 201

Ефрем, киевский митр. 44—48, 59, 65, 174

Ефрем, переяславский еп. 45, 46, 150

Жирослав, новгородский посадник 144

Завид-Евстафий, новгородский посадник 64—67, 70, 73, 74, 88, 155, 156, 158, 159, 182

Завид Дмитрович, новгородский посадник 72, 191

Завид Неревич, новгородский посадник 144

Закревский Николай Васильевич, историк 84

Захарьевский Н. Г., коллекционер 160

Захария, новгородский посадник 144, 153

Зимин Александр Александрович, историк 57, 73, 74, 161

Зотов Рафаил Владимирович, историк 20, 25, 32, 34, 84, 122, 149, 153

Иаков-Ростислав, см. Ростислав-Иаков

Иванко Дмитриевич, новгородский посадник 144

Иванко Захарьич, новгородский посадник 144

Иванко Павлович, новгородский посадник 72, 192

Иванов Анатолий, находчик 11, 183, 194, 197, 213, 214

Игорь, кн. 14

Игорь Ольгович-Михайлович, кн., с. Олега Святославича 102

Игорь-Георгий Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ольговича 98, 105

Игорь-(Константин?) Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 18, 22, 23, 33, 172

Игорь Ярославич-Прокопьевич, кн., с. Ярослава Всеволодовича 123

Идриси, арабский географ 25, 27, 29

Изяслав Владимирович, кн., с. Владимира Святославича 41, 166

Изяслав Давидович-Глебович, кн., с. Давида Ростиславича 97

Изяслав-Пантелеймон Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Владимировича 71, 80, 103, 104, 111, 121, 127, вкл., 208

Изяслав-Дмитрий Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 16, 22, 30, 34—36, 38, 41, 45, 46, 63, 77, 81, 130, 132, 139, 150, 155, 166, 167

Изяслав-Михаил Ярославич-Михайлович, кн., с. Ярослава Владимировича 125, 126, вкл.

Илья-Иоани, новгородский еп., затем архиеп. 55—58, 126, 177

Илья Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 36, 64, 65

Илларион, киевский митр. 46

Ильин Алексей Алексеевич, историк 24, 37

Инге Стенкильсон, шведский король 33

Иоани Кефиллин, вселенский патриарх 47

Иоани, болгарский патриарх 50, 51

Иоани I, киевский митр. 50, 51, 58

Иоани II Добрый, киевский митр. 47, 48, 50—52

Иоани III Скопец, киевский митр. 45, 48, 50, 51, 53, 59, 82, 174

Иоани IV, киевский митр. 50—52, 55, 175

Иоани V, киевский митр. 50

Иоани Поциан, новгородский еп. 54, 66, 82, 83

Иоани, черниговский еп. 82, 129

Иоани-Владимир, см. Владимир-Иоани

Иоани-Мстислав, см. Мстислав-Иоани

Иоани-Ростислав, см. Ростислав-Иоани

Иоани-Святополк, см. Святополк-Иоани

Иоани-Святослав, см. Святослав-Иоани

Иоани-Ярослав, см. Ярослав-Иоани

Иоани Александрович, кн., с. Александра Глебовича 96, 97

Иоани Васильевич, кн., с. Василия Иоанновича 97

Иоани Васильевич, кн., с. Василька Ростиславича 129, 211

Иоани Всеволодович-Гаврилович, кн., с. Всеволода Мстиславича 110

Иоани Всеволодович-Димитриевич, кн., с. Всеволода Юрьевича 141

Иоани Данилович Калита, кн., с. Даниила Александровича вкл.

Иоани Михайлович, кн., с. Михаила Иоанновича 97

Иоани Святославич, кн., с. Святослава Иоанновича 97

Иоани Спаноулос, визант. проедр. 52

Ирина, княгиня, жена Святополка Изяславича 84, 183

Ирина, княгиня, жена Ярополка Изяславича 84

Ирина, княгиня, жена Ярослава Всеволодовича 84

Ирина, монаш. имя Екатерины, дочери кн. Всеволода Ярославича 84

Ирина Хумно Палеолог, визант. аристократка 28

Исайя, ростовский еп. 47, 50, 150

Истрия Виктор Александрович, историк 161

Итгарь, половецкий хан 63

Каждан Александр Петрович, историк 19, 27—29, 161, 171, 172, 175

Казимир I Мних, польский король 17, 18

Казимир II Справедливый, польский король 18

Калинин М. Е., коллекционер 8, 192, 203

- Налоноанн, визант. имп. 51
 Карамзин Николай Михайлович, историк 19, 25
 Каргер Михаил Константинович, историк 10, 184, 185, 187, 235
 Квацовкин В. А., антиквар 238
 Кидпевич Стефания Романовна, историк 76, 78—80, 161, 173, 183, 184
 Кирилл I, киевский митр. 49, 50, 176
 Кирилл II, киевский митр. 49
 Кирилл-Всеволод, см. Всеволод-Кирилл
 Кипан, половецкий хан 63
 Клавдий, римский имп. 144
 Кладнев И. В., находчик 210
 Клименко Ф. А., коллекционер 30, 240
 Климент III, антипапа 51
 Климент Смоленский, киевский митр. 56, 57
 Климент-Ратибор, см. Ратибор-Климент
 Ключевский Василий Осипович, историк 144
 Ковалевы Валентина Михайловна и Михаил Александрович, коллекционеры 8, 11, 161, 239
 Козма, галицкий еп. 58, 88, 150, 179
 Козма, полоцкий еп. 58
 Колодей Федор Александрович, историк 42
 Колчин Борис Александрович, историк 161, 166, 168, 198, 199, 208, 210, 213, 218, 221, 225, 229
 Ковдаков Никодим Павлович, историк 32, 33, 162, 171, 180, 192
 Кондратьев, находчик 197
 Константин IX Мономах, визант. имп. 19, 47
 Константин I, киевский митр. 49, 55, 58, 175
 Константин II, киевский митр. 49, 50, 53, 79, 175
 Константин, смоленский еп. 57
 (Константин?)-Игорь, см. Игорь-(Константин?)
 Константин-Мстислав, см. Мстислав-Константин
 Константин-Всеволодович-Дмитриевич, кн., с. Всеволода Юрьевича 69, 91, 106, 107, 111, 125—127, 143, вкл., 206
 Константин Давидович-Глебович, кн., с. Давида Ростиславича 97
 Константин Ростиславич-Борисович, кн., с. Ростислава Мстиславича 97, 98
 Константин Юрьевич-Георгиевич, кн., с. Юрия Константиновича 97
 Корецкий Вадим Иванович, историк 103
 Кораухина Гали Федоровна, историк 11, 163
 Косытин Добрынич, новгородский посадник 65
 Косытин, новгородский посадник 66, 67, 74
 Косытин Микульнич, новгородский посадник 72, 73, 144, 153
 Косытин Мосеевич, новгородский посадник 72—74, 191
 Крупкин А., находчик 168
 Куза Андрей Васильевич, историк 140, 141, 161, 204, 206, 217, 218, 221
 Кузнецов Петр Савич, языковед 77
 Кулаковский Юлиан Андреевич, историк 25, 26, 28, 161, 171
 Кудеревич Ф. Ф., коллекционер 161
 Кушак Ариет Аристович, историк 96

 Лавренко А., находчик 180
 Лаврентий, туровский еп. 150
 Лазарев Виктор Никитич, историк 62, 84
 Лазарь, перемыславский еп. 129, 148, 156, 210
 Леопардов Николай Александрович, историк 161, 169
 Литаврин Геннадий Григорьевич, историк 17, 29, 53, 163, 169—172, 174—179, 187—191
 Лихачев Дмитрий Сергеевич, историк 19, 46
 Лихачев Николай Петрович, историк 5, 7—10, 14—16, 23, 24, 26, 27, 31—35, 40—44, 49, 51, 52, 54, 61, 63—65, 68, 69, 72, 74—81, 85, 87, 88, 95, 96, 98, 101, 102, 105—108, 112, 113, 117, 123, 128, 133—143, 147—153, 158, 161, 166—229, 238, 240, 233
 Лопарев Хрисанф Мефодиевич, историк 25, 27, 28, 161, 171
 Лопатин В. В., языковед 95, 162
 Лука, белгородский еп. 150
 Люценок Ефим Ефимович, историк 63

 Макаренко Николай Емельянович, историк 164, 169, 172
 Макарий митр. (Булгаков Михаил Петрович), историк 45
 Макарий архим. (Миролюбов Николай Кириллович), историк 110
 Манул, визант. имп. 25, 27
 Манул, смоленский еп. 57, 58, 93, 150, 178
 Манул Статороман, визант. писатель 29
 Марин, юрьевский еп. 150
 Марина, черница 144
 Марья, дочь кн. Владимира Святославича, жена Казимира I Мниха 18
 Марья, княгиня, жена Всеволода Ольговича 71, 84, 189
 Марья, дочь Казимира II Справедливого 18
 Марья, княгиня, жена Святослава Ольговича 69
 Марья Мономах, княгиня, жена Всеволода Ярославича 17—19, 21—23, 28, 84, 102
 Мартирий, повгородский еп. 56, 57, 177
 Матфей, киевский митр. 48
 Мединцева Альбина Александровна, историк 38
 Меркурий-Вячеслав, см. Вячеслав-Меркурий
 Мец Нонна Дмитриевна, историк 38, 39, 161, 167, 168, 170, 177, 187, 219
 Микула, новгородский посадник 66, 74
 Микулич Аркадий Петрович, коллекционер 11, 161, 239
 Милеев Дмитрий Васильевич, историк 166, 174, 180, 190
 Миллер Герард Фридрих, историк 19
 Мина, полоцкий еп. 82, 85, 186
 Мина Иванович, княжеский тысяцкий 144, 145
 Миронег, новгородский посадник 66, 74
 Мирослав Гюргитнич, новгородский посадник 72, 73, 192
 Миропка Нездинич, новгородский посадник 144
 Митрофан, новгородский архиеп. 56, 57, 178
 Михаил, студийский чернец 46
 Михаил IV, визант. имп. 47
 Михаил V, визант. имп. 47
 Михаил VI Стратотик, визант. имп. 46
 Михаил Дука, визант. администратор 43
 Михаил Кируларий, вселенский патриарх 46, 47, 65
 Михаил, киевский митр. 48, 49, 58, 175
 Михаил-Изяслав, см. Изяслав-Михаил
 Михаил-Олег, см. Олег-Михаил
 Михаил-Ростислав, см. Ростислав-Михаил
 Михаил-Святополк, см. Святополк-Михаил
 Михаил-Святослав, см. Святослав-Михаил
 Михаил-Ярослав, см. Ярослав-Михаил
 Михаил-Всеволодович, кн., с. Всеволода Святославича 91, 111, 116, 118, 125, 144, вкл., 208
 Михаил Иоаннович, кн., с. Иоанна Александровича 97
 Михаил Ростиславич, кн., с. Ростислава Мстиславича 97
 Михаил (Михалко) Юрьевич-Георгиевич, кн., с. Юрия Владимировича 101, 119, 143
 Михаил Ярославич-Афанасьевич, кн., с. Ярослава Ярославича 88, 151, вкл.
 Михаил Спаноулос, византиец 53
 Михалко Степанович, новгородский посадник 144
 Миева Надежда Евгеньевна, историк 140
 Моисей, митр. 59

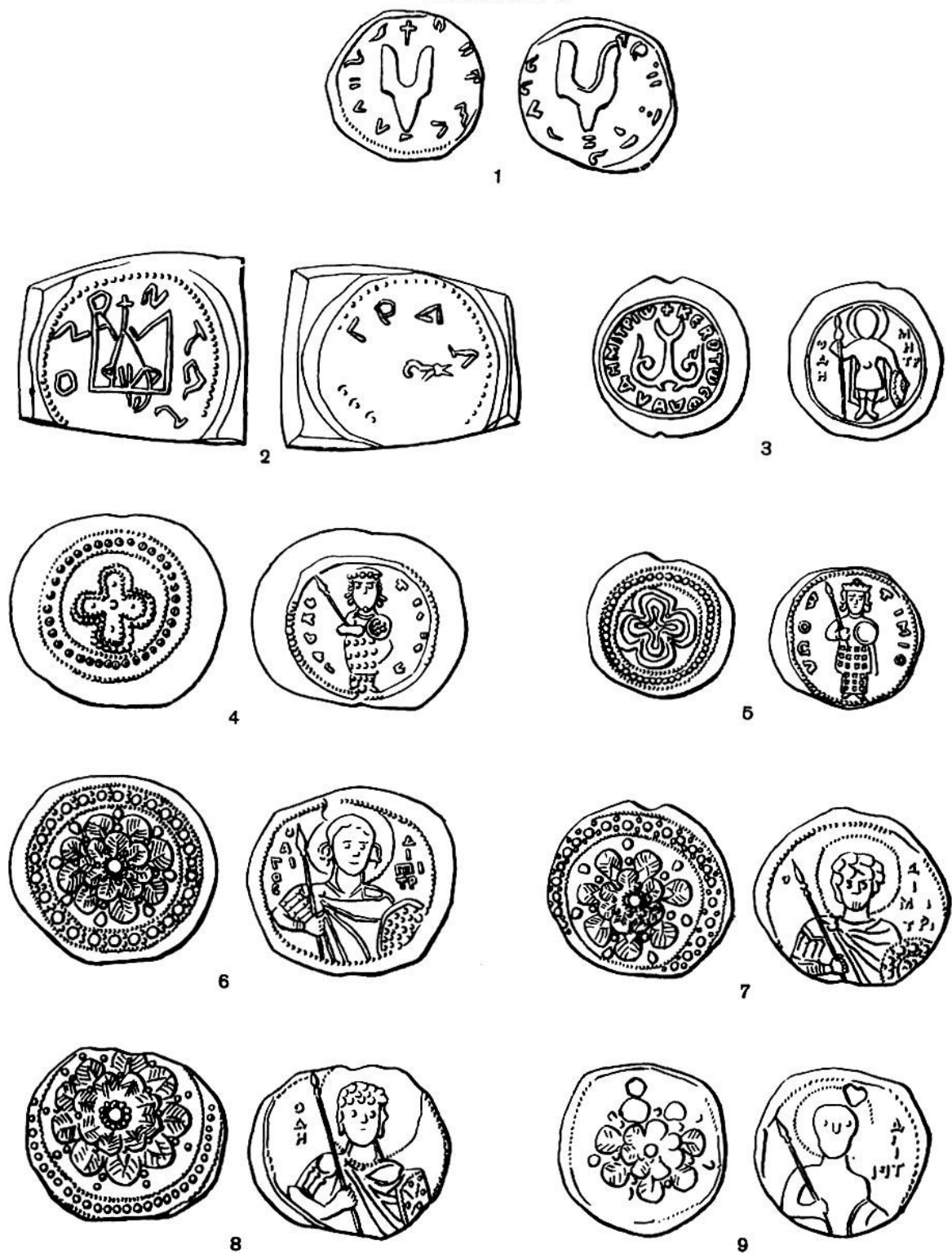
- Монгайт Александр Львович, историк 12, 26—28, 161, 171, 172
- Морозов Федор Михайлович, историк 56
- Мстислав-Феодор Владимирович-Васильевич Великий, кн., с. Владимира Всеволодовича 21—23, 53,, 65—67, 69, 71—73, 82—86, 93, 115, 116, 123, 145, 159, вкл. 173, 184, 190, 232
- Мстислав-Константин Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира Святославича 21, 22, 25, 32, 64
- Мстислав-Андрей Всеволодович, кн., с. Всеволода Игоревича 18, 20, 23, 24, 27, 172
- Мстислав-Феодор Давидович-Глебович, кн., с. Давида. Ростиславича 91, 93—95, 97, 98, 110, 120, 125, вкл., 204, 232, 235
- Мстислав-Феодор Давидович-Глебович (младший), кн., с. Давида Ростиславича 93, 95—98, 121, 123, 209
- Мстислав-Феодорович Изяславич-Пантелеймонович, кн., с. Изяслава Мстиславича 21, 93, 94, 103, 104, 121, 127, 128, вкл., 208.
- Мстислав Изяславич-Димитриевич, кн., с. Изяслава Ярославича 22—24, 30, 152, 173
- Мстислав-Феодор Мстиславич-Феодорович Удатный, кн., с. Мстислава Ростиславича 91, 97, 111—114, 120, 121, 123, 125, 128, вкл., 207, 232, 235
- Мстислав-Борис Романович-Борисович, кн., с. Романа Ростиславича 21, 92—97, вкл.
- Мстислав-Феодор Ростиславич-Михайлович Храбрый, кн., с. Ростислава Мстиславича 91, 97, 106, 111, 112, 114, 116, 117, 120, 121, 124, 125, 130, вкл., 203, 231
- Мстислав-Иоанн Ростиславич-Иаковлевич Безокий, кн., с. Ростислава Юрьевича 91, 100, 101, 111, 119, 120, 124—127, вкл., 200
- Мстислав Святополкович-Михайлович, кн., с. Святополка Изяславича 21, 23, 84
- Мстислав-Феодор Юрьевич-Георгиевич, кн., с. Юрия Владимировича 55, 91, 99—101, 111, 121, 124, 125, 131, 146, вкл., 198, 233
- Мугуревич Эвальд Станиславович, историк 102, 161, 210
- Найдис Ш. А., находчик 184
- Напьерский Карл Эдуард Яковлевич, историк 161, 209
- Насоков Арсений Николаевич, историк 161
- Недков, Б., историк 29
- Нежата Твердятич, новгородский посадник 144, 153
- Никита, новгородский еп. 48, 66
- Никитин П. А., находчик 188, 191, 195, 199, 204, 211, 212, 225
- Никифор I, киевский митр. 48, 49, 57, 58, 175
- Никифор II, киевский митр. 48—50, 53, 58, 59, 176
- Николай, вселенский патриарх 45, 47
- Николай, киевский митр. 18, 48, 49, 53, 58, 81, 82, 175
- Николай, переяславский еп. 150
- Николай, тмутараканский еп. 150
- Николай-Святослав, см. Святослав-Николай
- Никольский Николай Константинович, историк 7, 161, 238
- Никон, печерский игумен 45
- Нифонт, новгородский еп. 53—59, 104, 119, 126, 150, 176
- Норов Авраам Сергеевич, историк 25
- Олег, кн. 22
- Олег Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ольговича 105
- Олег-Михаил Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ярославича 25—30, 37, 45, 84, 104—106, 115, 138, 139, вкл., 171
- Олисава-Гертруда, княгиня, жена Изяслава Ярославича 130, 156, 163, 210, 211
- Ольбег Ратиборович, боярин 63
- Орешников Алексей Васильевич, историк 9, 24, 38, 39, 41, 61, 95, 133, 138—143, 158, 161, 163, 166, 171, 176, 180, 209, 217—221
- Орлов Александр Сергеевич, историк 10, 42, 161, 162, 167—173, 175, 176, 179, 180, 182—192, 198—209, 211—214, 222, 223, 225, 228
- Остромир, новгородский посадник 36, 77
- Остроухов Илья Семенович, художник, коллекционер 7, 162, 239
- Павлов Алексей Степанович, историк 51
- Панкратий-Ярослав, см. Ярослав-Панкратий
- Пановы Н. А. и З. П., находчики 190, 191, 196, 200, 204, 205, 212, 218, 223
- Пантелеймон-Изяслав, см. Изяслав-Пантелеймон
- Пастернак Ярослав, историк 76, 79, 83, 162, 176, 179, 184—186
- Пахомов Николай Петрович, находчик 186, 189, 191—195, 198, 199, 203, 205, 207, 212, 215, 216, 218, 219, 234—236
- Передольский Василий Степанович, историк 7
- Пескин Александр Яковлевич, находчик 193
- Петр-Владимир, см. Владимир-Петр
- Петр-Всеволод, см. Всеволод-Петр
- Петр-Святополк, см. Святополк-Петр
- Петр-Ярополк, см. Ярополк-Петр-Гавриил
- Петрица Миккульчич, новгородский посадник 72, 192, 231, 234
- Петров Николай Иванович, историк 9, 23, 41—43, 76, 162, 167, 170, 171, 174, 176, 180, 184—186, 190, 209
- Петрова Людмила Ивановна, музейный работник 11
- Петрова, находчица 200
- Петрята, новгородский посадник 66, 67, 74
- Писарев Семен Петрович, историк 162, 191
- Плюшкин Федор Михайлович, коллекционер 7
- Подонская Наталия Дмитриевна, историк 42
- Полянский Марк Иванович, историк 7, 9, 138, 162, 182, 199, 203, 205, 218, 240
- Порфиридов Николай Григорьевич, историк 8, 11, 54, 162, 175—178
- Предслава, дочь кн. Святополка Изяславича 84
- Приселков Михаил Дмитриевич, историк 21, 44, 45, 47, 48, 50, 52, 56
- Прокопий-Ярослав, см. Ярослав-Прокопий
- Рабинович Михаил Григорьевич, историк 150, 162, 223
- Рапопорт Павел Александрович, историк 11, 215
- Ратибор-Климент, боярин 60—64, 67, 79—81, 88, 155, 156, 158, 163, 180, 181
- Ратич Алексей Анисимович, историк 11, 162, 176, 179, 184—186, 222
- Репников Николай Иванович, историк 43, 162, 171, 180, 181
- Рогволд-Борис Всеславич, кн., с. Всеслава Брячиславича 32
- Рожков Н. Е., находчик 177
- Розанов Сергей Павлович, историк 19
- Роман-Борис, см. Борис-Роман
- Роман Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира Всеволодовича 32
- Роман Всеславич, кн., с. Всеслава Брячиславича 32
- Роман Глебович, кн., с. Глеба Ростиславича 97
- Роман-Борис Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Изяславича 91, 93—95, 98, 103, 110, 120, 125, вкл., 200
- Роман-Борис Ростиславич-Михайлович, кн., с. Ростислава Мстиславича 91—93, 96, 98, 110, 115, 116, 125, вкл., 202
- Роман Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ярославича 32, 173
- Романов Борис Александрович, историк 38
- Романченко Н. Ф., коллекционер 238

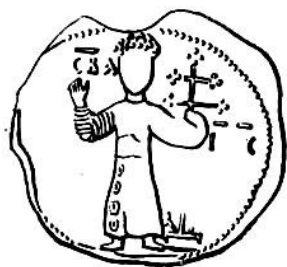
- Ростислав Владимирович-Димитриевич, кн., с. Владимира Рюриковича 97
- Ростислав Владимирович, кн., с. Владимира Ярославича 24, 30, 172
- Ростислав Всеволодович-Андреевич, кн., с. Всеволода Ярославича 19
- Ростислав Михайлович, кн., с. Михаила Всеволодовича 91, 111, 116, 118, 125, вкл., 208
- Ростислав-Михаил Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Владимировича 57, 69, 79, 91—93, 97, 101, 103, 104, 111—113, 115—117, 120, 124—126, 130, 145, вкл., 197, 231
- Ростислав Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Давидовича 96—98
- Ростислав-Борис Мстиславич-Борисович, кн., с. Мстислава Романовича 96—98, 128, 209
- Ростислав-Михаил Рюрикович-Васильевич, кн., с. Рюрика Ростиславича 97, 117
- Ростислав-Иаков Юрьевич-Георгиевич, кн. с. Юрия Владимировича 91, 99—101, 104, 110, 111, 120, 121, 125, 140, 141, 146, вкл.
- Ростислав-Иоани Ярославич-Прокопиевич, кн., с. Ярослава Всеволодовича 123, 129, 210
- Рыбаков Борис Александрович, историк 10, 20, 21, 29, 38, 39, 76—79, 85, 86, 99—102, 104, 120, 139, 140, 142, 143, 145, 146, 158, 161, 162, 172, 196, 210, 218, 220, 221, 225
- Рюрик-Василий Ростиславич-Михайлович, кн., с. Ростислава Мстиславича 91, 97, 111, 115—117, 124, 125, 128, 130, вкл., 200
- Сабатье П., историк 168, 169
- Савва, новгородский посадник 66, 74
- Самоквасов Дмитрий Яковлевич, историк 162, 176, 239
- Сафанович Феодосий, агиограф 84
- Сбыслава, дочь кн. Святополка Изяславича 84
- Святенко, находчик 185
- Святополк-Михаил Изяславич-Димитриевич, кн., с. Изяслава Ярославича 18, 22, 30, 38, 46, 67, 81—86, 149, 156, 173, 183
- Святополк-Иоани Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Владимировича 91, 103, 104, 111—113, 120, 124—126, 146, вкл., 195, 232, 235
- Святополк-Петр Ярополкович Окаянный, кн., с. Ярополка Святославича 36, 38—40, 144, 155
- Святослав Владимирович, кн., с. Владимира Святославича 153
- Святослав-Михаил Всеволодович-Кириллович, кн., с. Всеволода Ольговича 71, 91, 106, 110, 116, 125, 131, 153, вкл., 203
- Святослав-Гавриил Всеволодович-Димитриевич, кн., с. Всеволода Юрьевича 91, 106, 107, 110, 111, 122, 125, 127, 130, 141, вкл., 205, 232, 235
- Святослав-Георгий Всеславич, кн., с. Всеслава Брючславича 102
- Святослав Глебович, кн., с. Глеба Ростиславича 97
- Святослав Игоревич, кн. 15, 40, 41, 166
- Святослав Иоаннович, кн., с. Иоанна Александровича 97
- Святослав-Симеон Мстиславич-Борисович, кн., с. Мстислава Романовича 91, 93, 94, 96—98, 101, 111, 125, 127, 144, вкл., 207
- Святослав-Агафоник Мстиславич-Иоаннович, кн., с. Мстислава Ростиславича 91, 111, 119, 120, 125, 140, 141, вкл., 202
- Святослав-Николай Ольгович-Михайлович, кн., с. Олега Святославича 34, 69, 71, 91, 98, 104, 105, 109, 110, 115, 116, 125, 126, 131, 143, вкл., 205, 232, 235
- Святослав-Иоани Ростиславич-Михайлович, кн., с. Ростислава Мстиславича 91, 97, 111, 112, 114—117, 124, 125, 146, вкл., 198, 232, 235
- Святослав-Николай Ярославич-Георгиевич, кн., с. Ярослава Владимировича 16, 25, 26, 32, 34—36, 69, 81, 133, 138, 140, 143, 145, 155, 167
- Седов Валентин Васильевич, историк 184
- Седова Мария Владимировна, историк 162, 184
- Семен Борисович, новгородский посадник 144
- Семенов Г., находчик 234
- Сементовский А. М., историк 231
- Сементовский Н., историк 84
- Симеон-Святослав, см. Святослав-Симеон
- Скилица, визант. писат. 19
- Скряжнская Елена Чеславовна, историк 162, 171, 172, 180, 181
- Соколов П., историк 45
- Соловьев Александр Васильевич, историк 11, 19, 20, 26—29, 42, 44, 52, 83, 164, 168, 170—172, 174—176
- Сотникова Марина Петровна, историк 11
- София, княгиня, жена Святослава Всеславича 102, 209, 232
- Спаский Иван Георгиевич, историк 11, 24, 38
- Срезневский Измаил Иванович, историк 56, 76, 77, 162, 209
- Станкевич Ирина Леонидовна, находчица 193
- Степан Твердиславич, новгородский посадник 144
- Стефан, владимиро-волинский еп. 83, 150
- Стефан Г., историк 162
- Стефани Лудольф Эдуардович, историк 35
- Строганов Сергей Григорьевич, коллекционер 7, 238
- Судила Иванкович, новгородский посадник 144, 153
- Сумникова Т. А., языковед 95, 162
- Суховаров Владимир Николаевич, находчик 197, 204, 212, 213, 222, 235
- Стубавс А., историк 162
- Тарасов Олег, находчик 170, 195, 202, 204, 208, 214, 226
- Татищев Василий Никитич, историк 18, 19, 123
- Твердислав Михалкович, новгородский посадник 144
- Творогов Леонид Алексеевич, историк 238
- Тихомиров Михаил Николаевич, историк 63, 104, 129, 157, 161, 162
- Тихомиров Константин Никитич, историк 144
- Толстой Иван Иванович, историк 7, 33, 35, 36, 39, 63, 162, 171, 180, 238
- Туторкан, половецкий хан 84
- Улеб, новгородский посадник 66, 74
- Федоров Анания, историк 144
- Федоров А. Ф., краевед 240
- Федоров К. В., коллекционер 8
- Феодор, киевск. митр. 65
- Феодор, новгородский еп. 66, 152, 156
- Феодор Белый Клобучок, ростовский еп. 59
- Феодор-Мстислав, см. Мстислав-Феодор
- Феодор-Ярополк, см. Ярополк-Феодор
- Феодор-Ярослав, см. Ярослав-Феодор
- Феодор Константинович, кн., с. Константина Юрьевича 97
- Феодор Ростиславич, кн., с. Ростислава Мстиславича 96, 97
- Феодор Святославич, кн., с. Святослава Глебовича 97
- Феодор Юрьевич, кн., с. Юрия Святославича 97
- Феодор Ярославич-Феодорович, кн., с. Ярослава Всеволодовича вкл.
- Феодор Птохо-Продром, визант. писат. 48, 51
- Феодосий, печерский игумен 45, 46, 63
- Феодосий, черниговский кн. 147, 149
- Феодосия, княгиня, жена Давида Святославича 84
- Феоктист, черниговский еп. 150
- Феопемпт, киевский митр. 44, 47, 51, 58, 174
- Феофано, дукисса Опсиня 27

- Феофан Музалон, княгиня, жена Олега Святославича 24—28, 30, 84, 133, 163, 171, 172
 Феофилакт, болгарский архиеп. 29
 Филин Федот Петрович, языковед 85
 Фома Ратборич, боярин 63
 Фотий, вселенский патриарх 47
- Ханенко Богдан Иванович и Варвара Николаевна, коллекционеры 154, 162, 183, 184, 190, 214, 215, 222, 227, 240
 Хвойка Викентий Вячеславович, историк 41, 42, 187
 Хоэров И. М., историк 238
 Хорошев Александр Степанович, находчик 203
 Христина, княгиня, жена Мстислава Владимировича 33, 84, 173
- Чернев Николай Павлович, историк 161, 169
- Шандровская Валентина Самойловна, историк 11
 Шаров Александр Алексеевич, находчик 189, 197, 199, 202, 235, 236
 Шеломенцев-Терский В. С., историк 162, 222
 Шеляпина Нонна Сергеевна, историк 150, 162, 223
 Шершев Ю., находчик 234
 Симон Африканович, княжеский тысяцкий 144, 145
 Шляпкин Илья Александрович, историк 33
 Шорин Павел Александрович, историк 151, 162, 177
 Штедер Григорий Михайлович, историк 8, 11, 162
 Штыхов Георгий Васильевич, историк 11, 102, 115, 162, 210
- Щепкин Вячеслав Николаевич, историк 61
 Щепкина Марфа Вячеславовна, историк 104
- Эльтерман Аарон Флорович, антиквар 63
- Юкин Павел Иванович, коллекционер 8, 163, 240
 Юра Роман Александрович, историк 36, 160, 163, 167
 Юрий-Георгий Андреевич, кн., с. Андрея Юрьевича 69, 91, 99, 102, 110, 119, 124, 125, 139, 146, вкл., 201, 232, 235
 Юрий-Георгий Андреевич, кн., с. Андрея Ярославича вкл.
 Юрий-Георгий Владимирович-Васильевич Долгорукий, кн., с. Владимира Всеволодовича 23, 24, 30, 98—102, 112, 119, 121, 128, 139, 140, 143, 145, вкл.
 Юрий-Георгий Всеволодович-Димитриевич, кн., с. Всеволода Юрьевича 102, 106, 141, 143, вкл.
 Юрий-Георгий Данилович, кн., с. Даниила Александровича вкл.
 Юрий Константинович, кн., с. Константина Давидовича 97
 Юрий-Георгий Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Мстиславича вкл.
 Юрий Святославич, кн., с. Святослава Иоанновича 97
 Юрий Иванович, новгородский посадник 144
- Якун, варяжский кн. 144
 Якун, новгородский посадник 144, 153
 Якун Мирославич, новгородский посадник 119, 144
 Янька, дочь кн. Всеволода Ярославича 15, 17, 50
 Ярополк Владимирович-Васильевич, кн., с. Владимира Всеволодовича 128
 Ярополк Изяславич-Пантелеймонович, кн., с. Изяслава Мстиславича 103, 104
 Ярополк-Петр-Гавриил Изяславич-Димитриевич, кн., с. Изяслава Ярославича 38, 68, 84, 130, 147, 150, 163
 Ярополк Романович-Борисович, кн., с. Романа Ростиславича 97
 Ярополк-Феодор Ростиславич-Иаковлевич, кн., с. Ростислава Юрьевича 91, 111, 119, 120, 124—127, вкл., 202
 Ярополк Святославич, кн., с. Святослава Игоревича 36, 40
 Ярополк-Гавриил Ярославич-Прокопьевич, кн., с. Ярослава Всеволодовича 91, 111, 122, 123, 125, 130, вкл., 205
 Ярослав-Михаил Владимирович-Димитриевич, кн., с. Владимира Мстиславича 91, 106, 111, 112, 114, 116, 117, 122, 125, вкл., 204, 232, 235
 Ярослав Владимирович, кн., с. Владимира Мстиславича 97
 Ярослав-Георгий Владимирович-Васильевич Мудрый, кн., с. Владимира Святославича 16, 18—24, 30, 32, 34—41, 44, 64, 65, 77, 98, 133, 138, 144, вкл.
 Ярослав-Прокопий Всеволодович-Кириллович, кн., с. Всеволода Ольговича 84, 122, 123
 Ярослав-Феодор Всеволодович-Димитриевич, кн., с. Всеволода Юрьевича 69, 91, 97, 99—101, 111, 112, 121, 125, 126, 128, 131, 151, вкл., 163
 Ярослав-Иоани Изяславич-Пантелеймонович, кн., с. Изяслава Мстиславича 91, 103, 104, 110, 111, 113, 124—126, 146, вкл., 184, 196, 232, 235
 Ярослав-Гавриил Мстиславич-Феодорович, кн., с. Мстислава Юрьевича 91, 111, 119, 121, 122, 125, 130, вкл., 202, 232, 235
 Ярослав-Иоани Святополкович-Михайлович, кн., с. Святополка Изяславича 83, 84
 Ярослав-Панкратий Святославич-Николаевич, кн., с. Святослава Ярославича 25
 Ярослав-Афанасий Ярославич-Феодорович, кн., с. Ярослава Всеволодовича 88, вкл.
- Bănescu Nikolae, историк 26—28, 163, 171
 Barnea Ion, историк 11, 48, 163, 172, 174—176
 Dölger Franz историк 26, 27, 163 т, 171, 172
 Ficker G., историк 44
 Gregoire Henri, историк 27, 163, 171, 172
 Jodkowski Josef, историк 76, 79, 83, 163, 172, 184—186, 225
 Konstantinopoulos K. M., историк 163, 176
 Laurent Vitalien, историк 11, 26, 27, 43—49, 51, 55, 59, 163, 172, 174—179
 Leib B., историк 163, 171
 Migne, историк 48
 Natz K., историк 164, 222
 Poppe Andrzej, историк 46, 47, 164, 174
 Schlumberger Gustav, историк 25, 43, 45, 52, 76, 163, 164, 171, 175
 Soloviev A. V. см. Соловьев Александр Васильевич
 Swiencickiy Illarion, историк 76, 79, 164, 172, 176, 179, 186, 188, 222, 223
 Tobien, историк 164, 209
 Wartałowska Zofia, историк 11, 20, 164, 171

ТАБЛИЦА 1

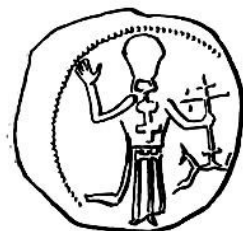

10

11

12

13

14

15

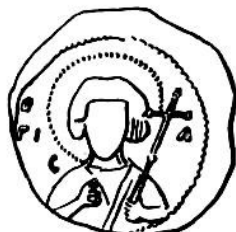
16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

37

38

39

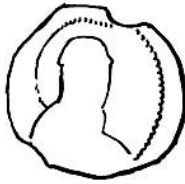

40

41

42

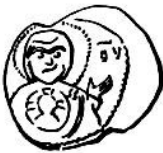
43

44

46

47

48

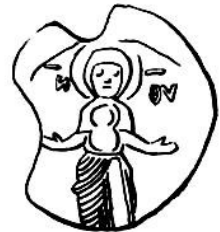
49

50

51

52

53

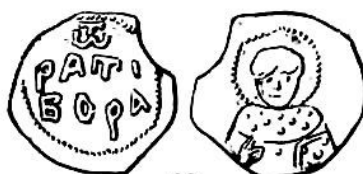

ТАБЛИЦА 7

67

68

69

70

71

72

73

74

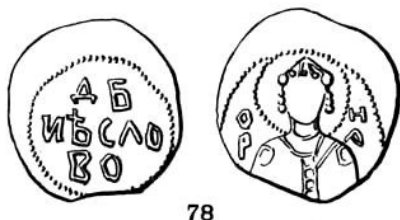
75

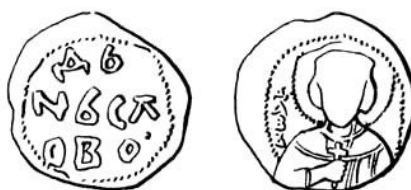
76

77

78

79

80

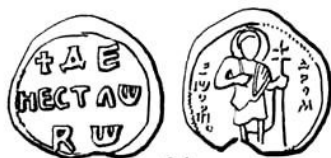
81

82

83

84

85

86

87

ТАБЛИЦА 9

88

89

90

91

92

93

94

95

96

97

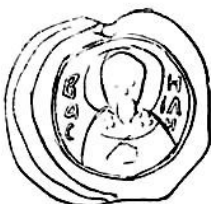
98

99

100

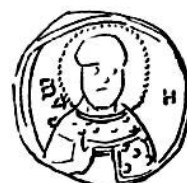
101

102

103

104

105

106

107

108

109

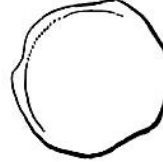
110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

ТАБЛИЦА 12

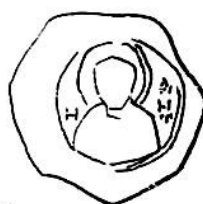
122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

145

146

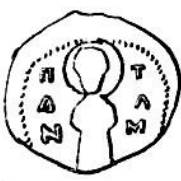
147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

168

159

160

161

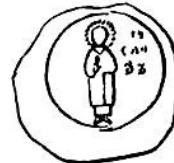
162

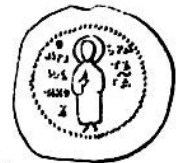
163

164

165

166

167

168

169

170

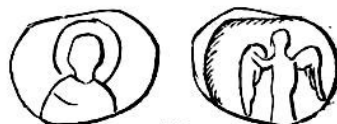
171

172

173

174

175

176

177

178

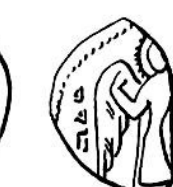
179

180

181

182

183

184

185

186

187

188

189

190

191

192

193

194

195

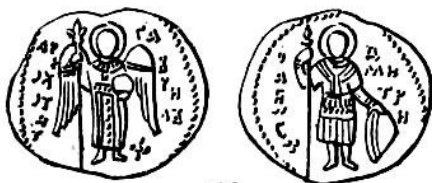
196

197

198

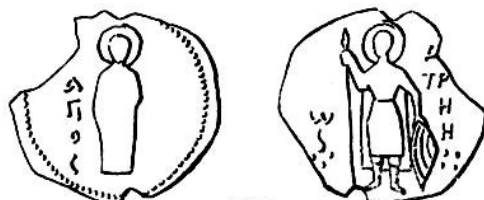
199

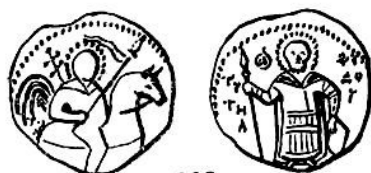
200

201

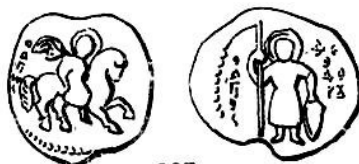
202

203

204

205

206

207

208

209

210

211

212

213

214

215

216

217

218

219

220

221

222

223

224

226

226

227

228

229

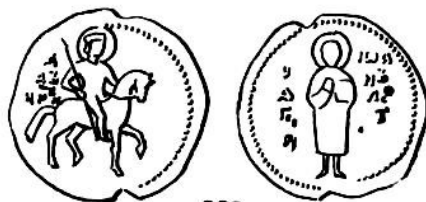

230

231

232

233

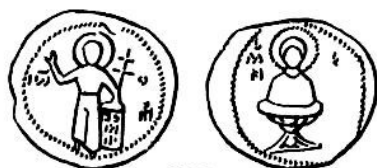
234

235

236

237

238

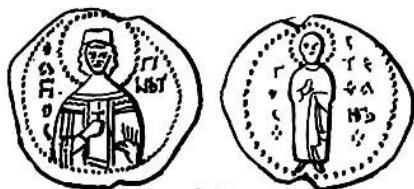
239

240

241

242

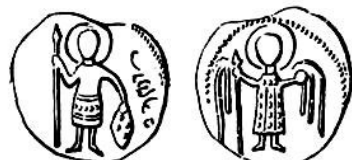
243

244

245

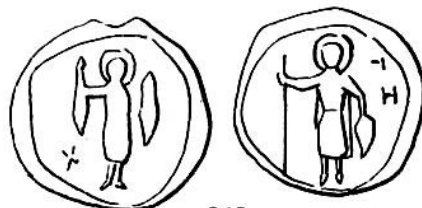
246

247

248

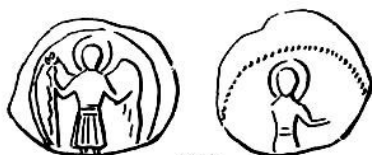
249

250

251

252

253

254

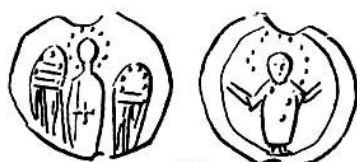

255

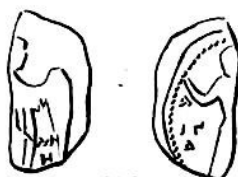

256

257

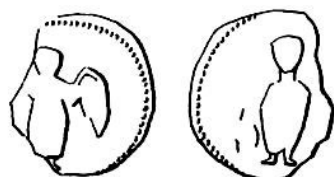
258

259

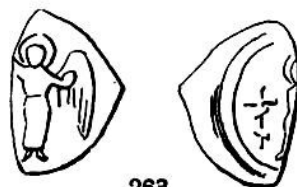
260

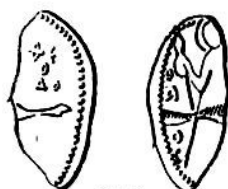
261

262

263

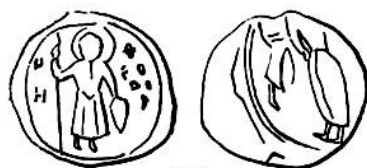
264

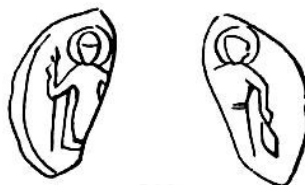
265

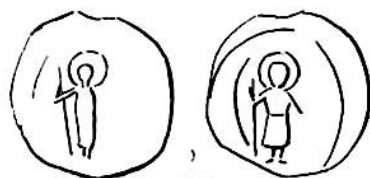
266

267

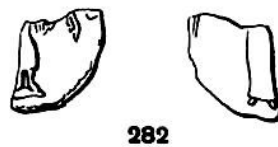
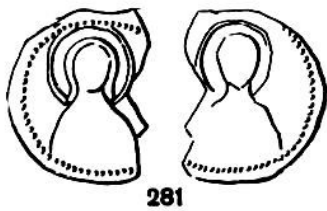
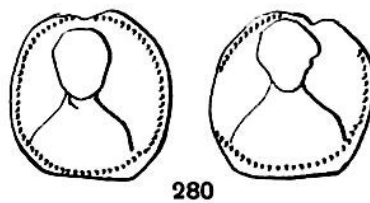
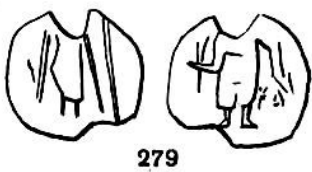
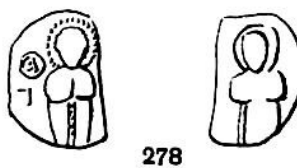
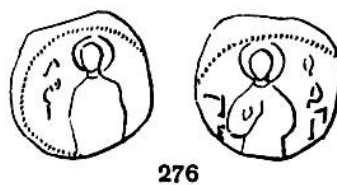
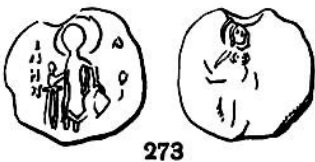
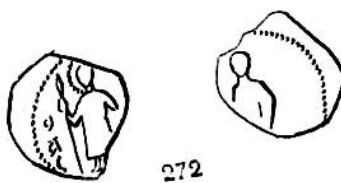
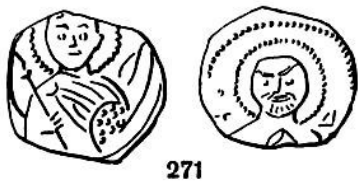
268

269

270

283

284

285

286

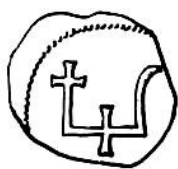
287

288

289

290

291

292

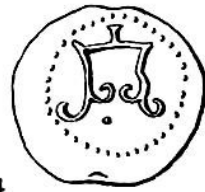

293

294

295

296

297

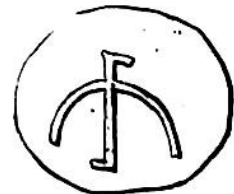
298

299

300

301

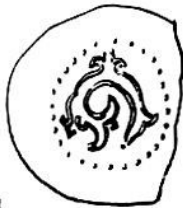
302

303

304

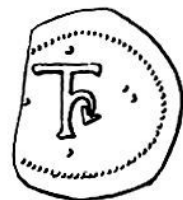
305

306

307

308

309

310

311

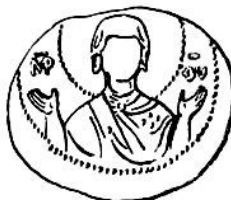
312

313

314

315

316

317

318

319

320

321

322

323

324

325

327

328

329

330

331

332

333

334

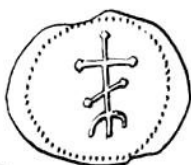

335

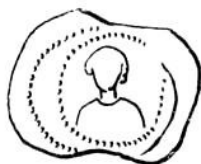

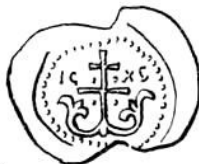
336

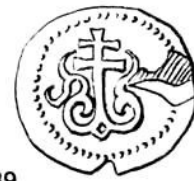
337

338

339

340

341

342

343

344

345

346

347

348

349

350

351

352

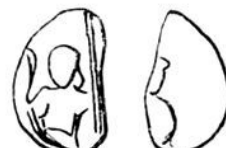
353

354

355

356

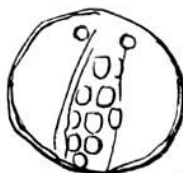
357

358

359

360

361

362

363

364

365

366

367

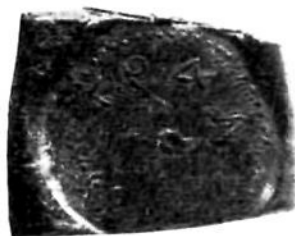
ТАБЛИЦА 33

1

2

3

4, 1

4, 2

5, 1

5, 2

6

7

8

9

10

11

12

13, 1

13, 2

14

15

16, 1

16, 2

17

18

19

20

21

22

23, 1

23, 2

24

25

26

27

28, 1

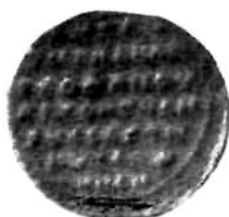
28, 2

28, 3

29

30, 1

30, 2

31

32, 1

32, 2

33, 1

33, 2

35

36

37

38

39, 1

39, 2

40, 1

40, 2

ТАБЛИЦА 39

54, 1

54, 2

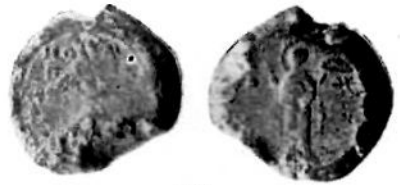
54, 3

55

56

57

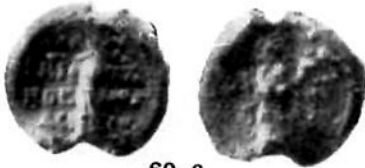
58

59

60, 1

60, 2

60, 3

61

62

63, 1

63, 2

64, 1

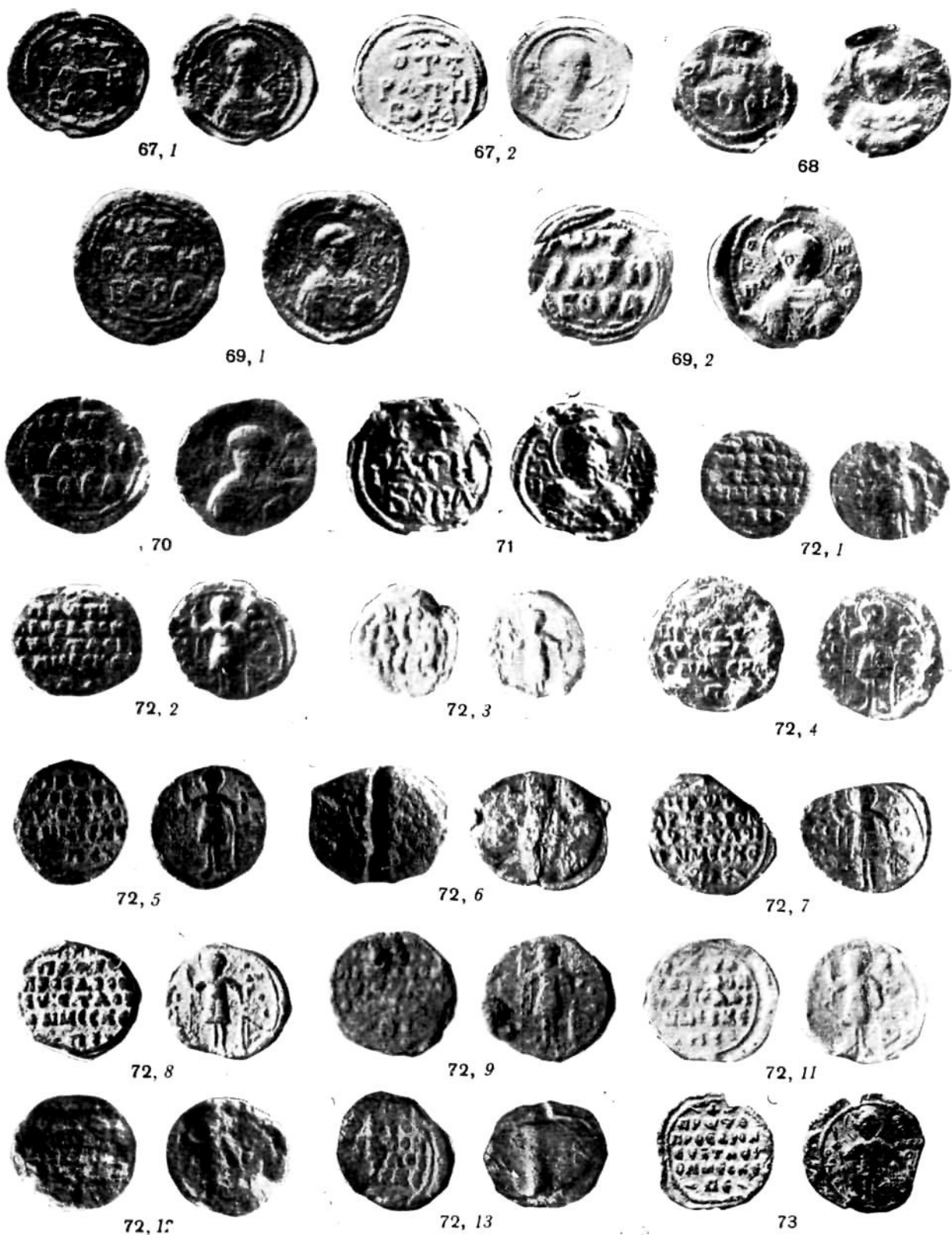
64, 2

65, 1

66

74, 1

74, 2

74, 3

75, 1

75, 2

76

77

78

79

80

81

82

83, 1

83, 2

83, 3

83, 4

84

85, 1

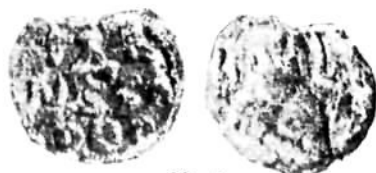
85, 2

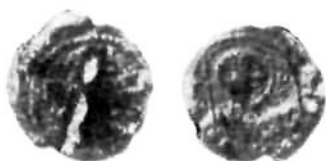
85, 3

85, 4

85, 5

86

87

88, 1

89

90

91

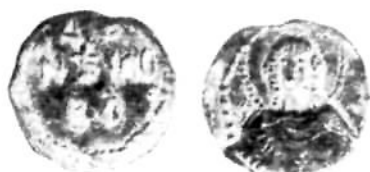
92

93

94, 1

94, 2

95

96

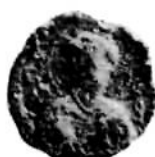
97

98

99

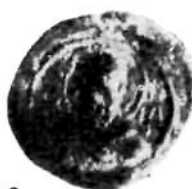
100

101, 1

101, 2

101, 3

101, 4

102, 1

102, 2

103, 1

103, 2

104

105

106

ТАБЛИЦА 44

107, 1

107, 2

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119, 1

119, 2

120

121

122

123

124, 1

124, 2

125, 1

125, 2

126

127

128

129, 1

129, 2

130

131, 1

131, 2

132

ТАБЛИЦА 46

133, 1

133, 2

133, 3

133, 4

133, 5

133, 6

134, 1

134, 2

134, 3

134, 4

134, 5

134, 6

134, 7

134, 8

134, 9

134, 10

134, 11

134, 12

ТАБЛИЦА 47

135

136, 1

136, 2

136, 3

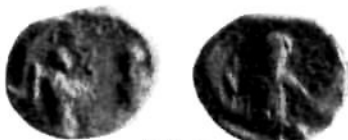
136, 4

136, 5

137, 1

137, 2

137, 3

137, 4

137, 5

137, 6

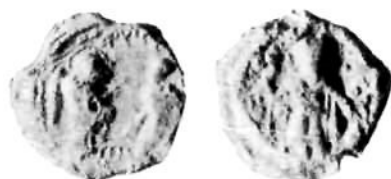
137, 7

137, 8

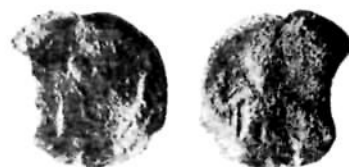
137, 9

137, 10

137, 11

137, 12

ТАБЛИЦА 48

137, 13

138, 1

138, 2

138, 3

138, 4

138, 5

138, 6

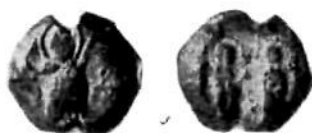
138, 7

138, 8

138, 9

138, 10

138, 11

138, 12

139

140, 1

140, 2

141

142

143

144, 1

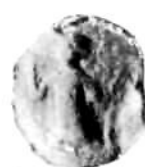
144, 2

144, 3

145, 1

145, 2

145, 3

145, 4

145, 5

145, 6

145, 7

145, 8

146, 1

146, 2

146, 3

147

148, 1

148, 2

ТАБЛИЦА 50

149, 1

149, 2

149, 3

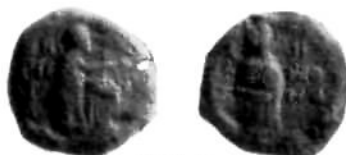
149, 4

149, 5

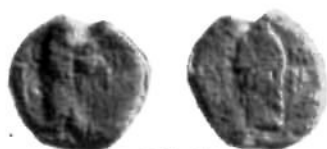
150, 1

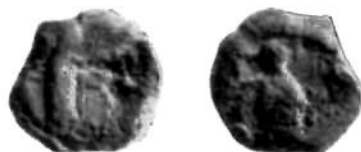
150, 2

150, 3

150, 4

150, 5

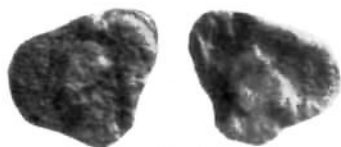
150, 6

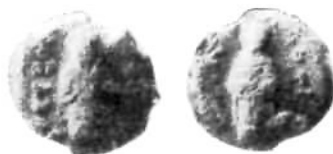
150, 7

150, 8

151, 1

151, 2

151, 3

152, 1

152, 2

152, 3

152, 4

152, 5

152, 6

152, 7

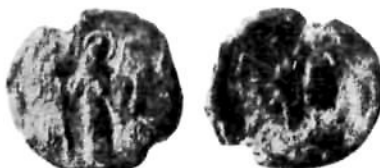
152, 8

152, 9

152, 10

152, 11

152, 12

152, 13

152, 14

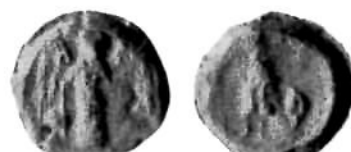
152, 15

153, 1

153, 2

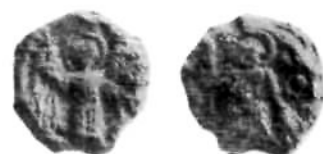
153, 3

154, 1

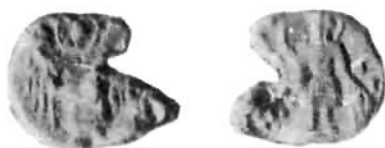
154, 2

154, 3

154, 4

154, 5

154, 6

154, 7

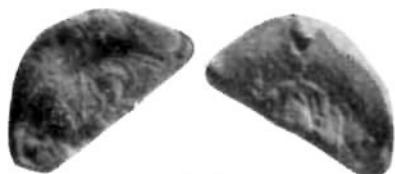
154, 8

155

156

157, 1

157, 2

157, 3

157, 4

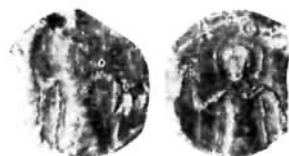
158, 1

158, 2

158, 3

158, 4

158, 5

158, 6

159

ТАБЛИЦА 53

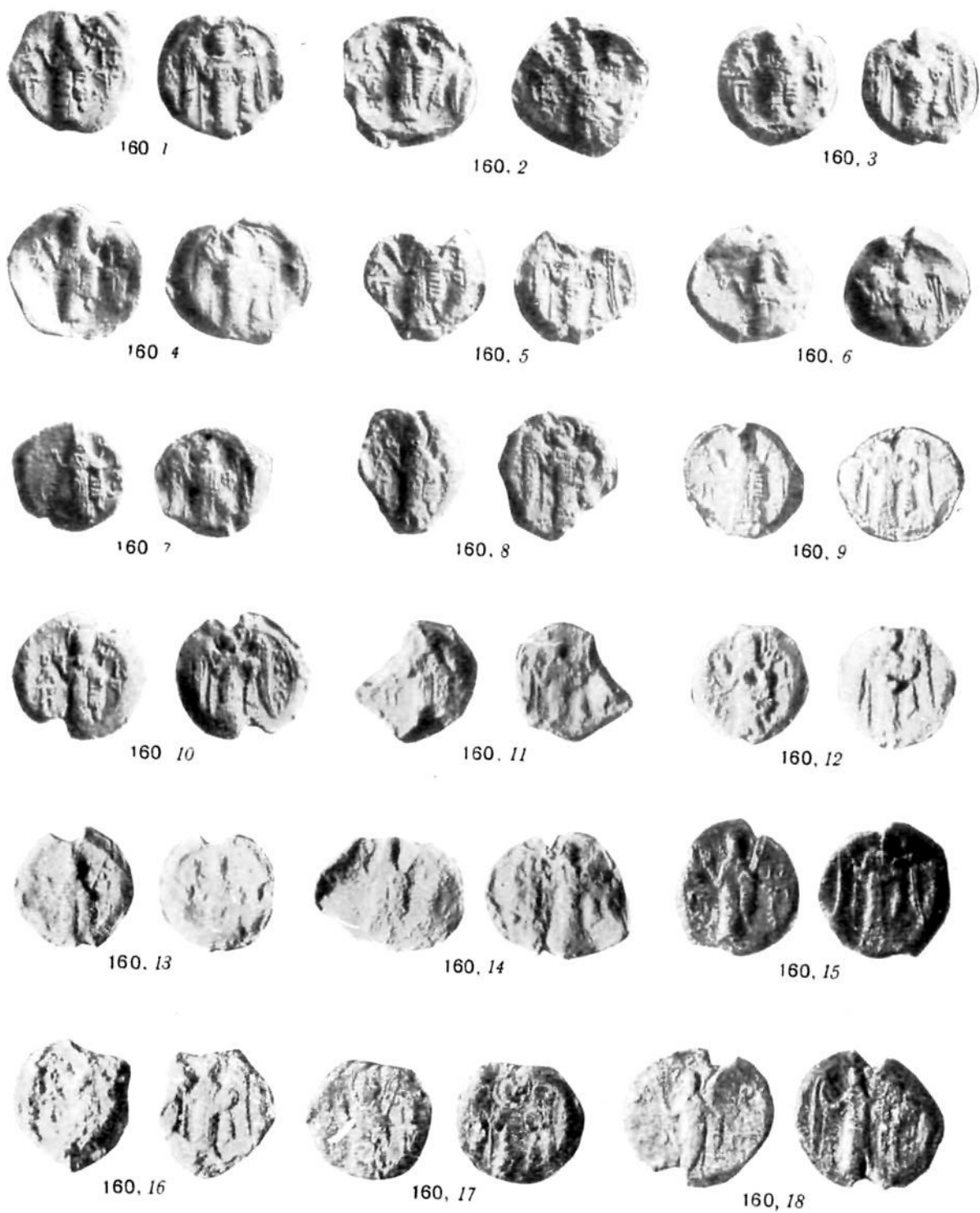

ТАБЛИЦА 54

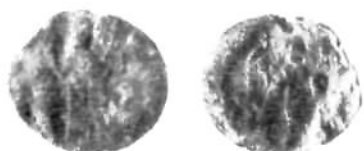
160, 19

160, 20

160, 21

160, 22

160, 23

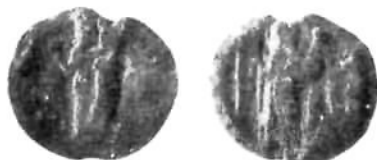
160, 24

160, 25

160, 26

160, 27

160, 29

160, 30

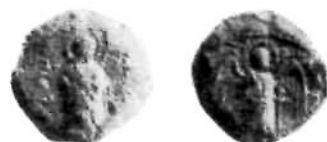
160, 31

160, 32

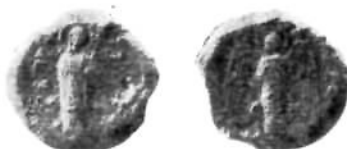
161, 1

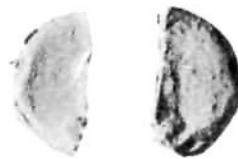
161, 2

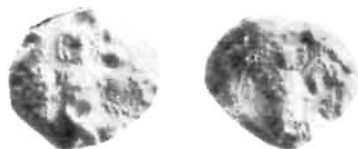
161, 3

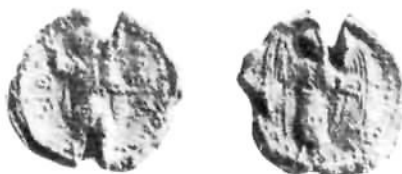
161, 4

161, 5

161, 6

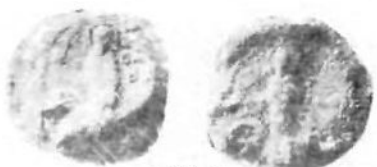
162

163

164

165, 1

165, 2

165, 3

166

167, 1

167, 2

167, 3

167, 4

167, 5

167, 6

167, 7

168

169

170, 1

170, 2

170, 3

171, 1

171, 2

172

173

174

175, 1

175, 2

175, 3

175, 4

175, 5

175, 6

175, 7

176, 1

176, 2

176, 3

176, 4

177, 1

177, 2

177, 3

177, 4

178, 1

178, 2

178, 3

178, 4

179, 1

179, 2

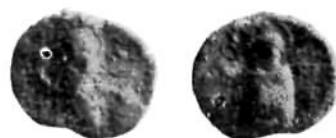

179, 3

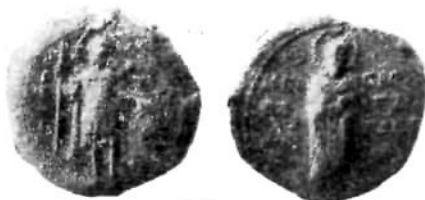
180, 1

180, 2

180, 3

180, 4

181, 1

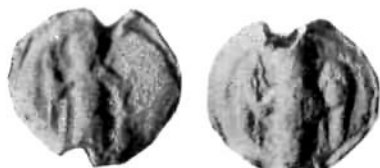
181, 2

182

183, 1

183, 2

183, 3

184, 1

184, 2

184, 3

184, 4

185, 1

185, 2

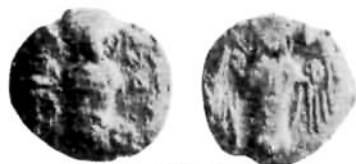
185, 3

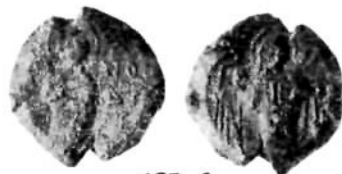
185, 4

186

187, 1

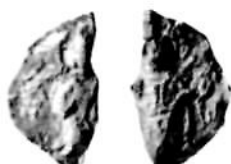
187, 2

187, 3

187, 4

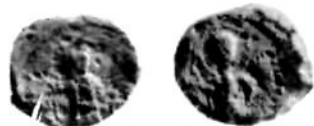
187, 5

188, 1

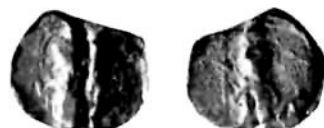
188, 2

189, 1

189, 2

189, 3

190, 1

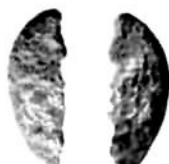
190, 2

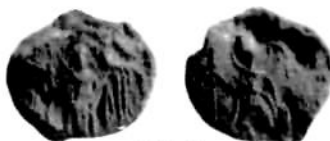
190, 3

190, 4

190, 5

191, 1

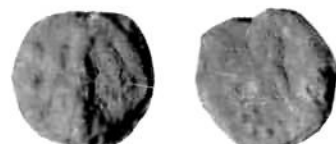
191, 2

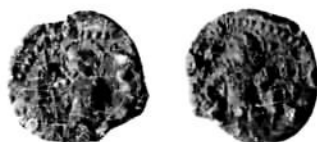
192, 1

192, 2

192, 3

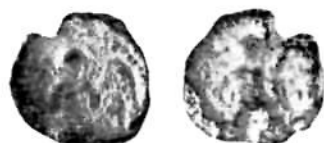
192, 4

192, 5

192, 6

192, 7

192, 8

192, 9

193, 1

193, 2

193, 3

193, 4

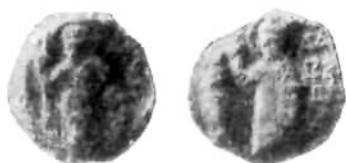
193, 5

193, 6

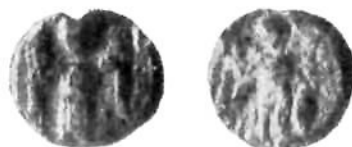
193, 7

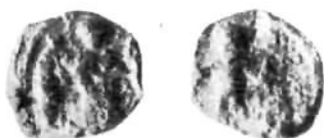
194

195, 1

195, 2

195, 3

195, 4

195, 5

196, 1

196, 2

196, 3

197, 1

197, 2

198, 1

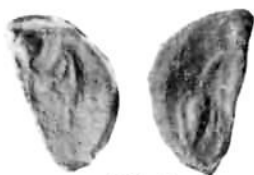
198, 2

198, 3

198, 4

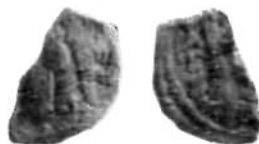
198, 5

198, 6

198, 7

199, 1

199, 2

199, 3

199, 4

199, 5

199, 6

199, 7

200, 1

200, 2

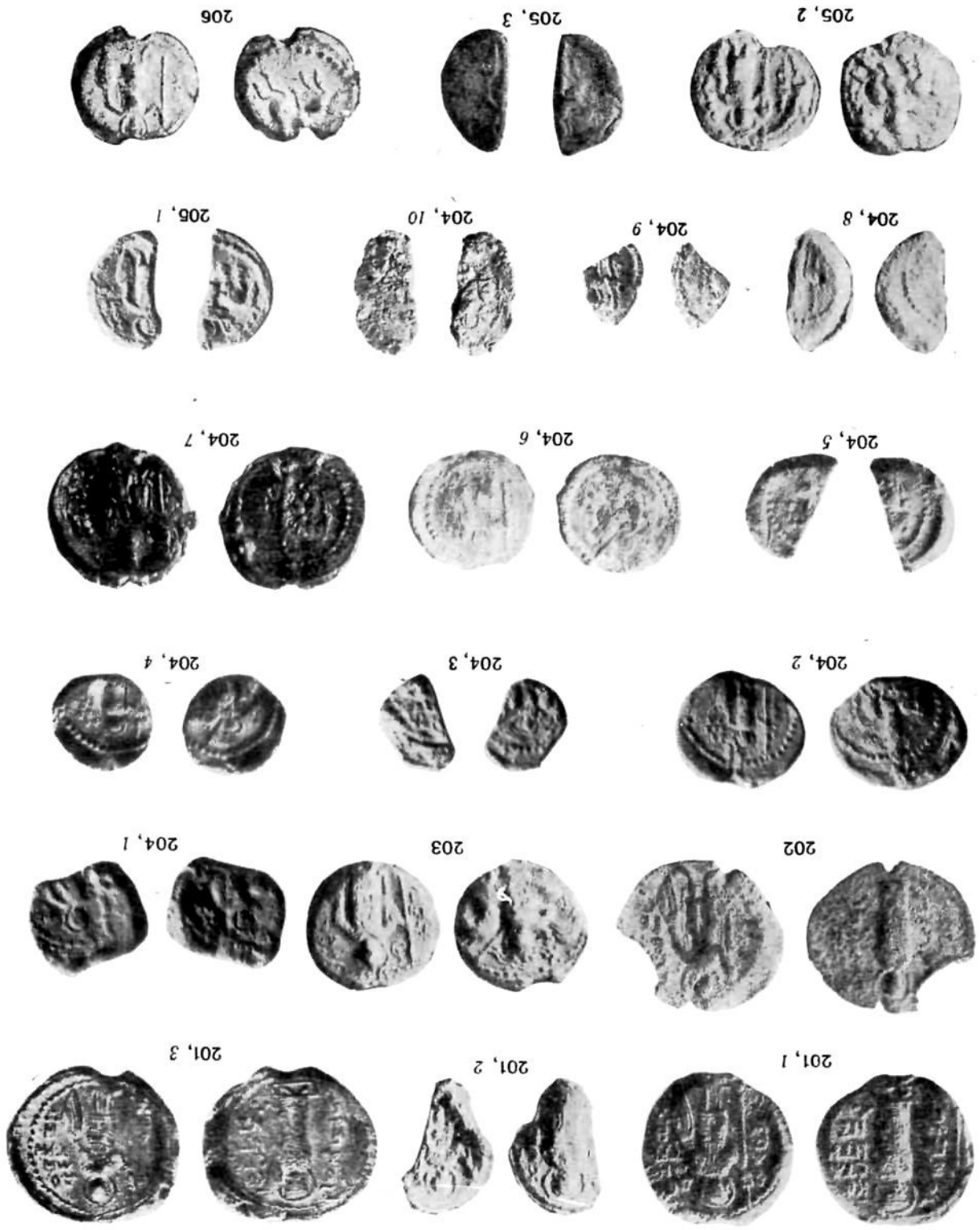

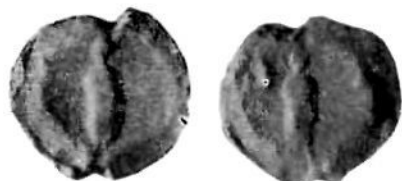
ТАБЛИЦА 61

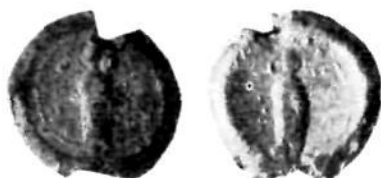
207

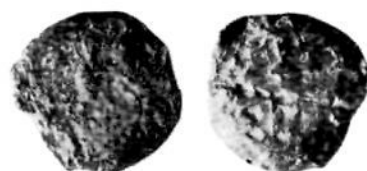
208

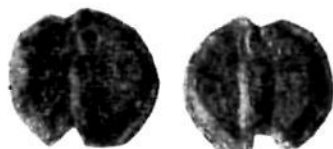
209, 1

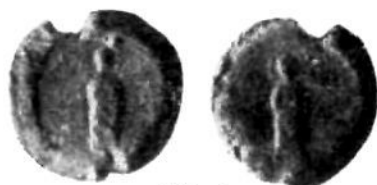
209, 2

209, 3

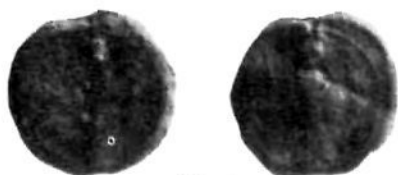
209, 4

209, 5

210

211, 1

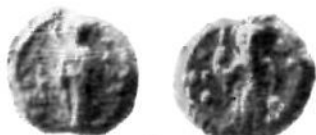
211, 2

212

213

214, 1

214, 2

215

216

217

218

219, 1

219, 2

220

221, 1

221, 2

222

223

224

225

226, 1

226, 2

227, 1

227, 2

228, 1

228, 2

228, 3

229, 1

229, 2

229, 3

230

231, 1

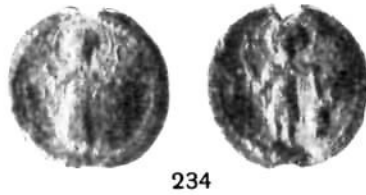
231, 2

232

233

234

235

236

237, 1

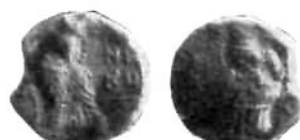
237, 2

238

239

240

241

242

243, 1

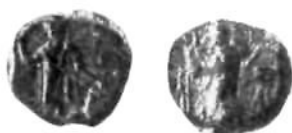

243, 2

244

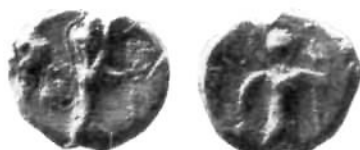
245

246

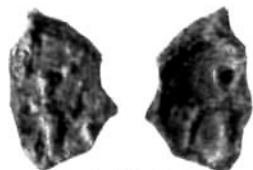
247

248, 1

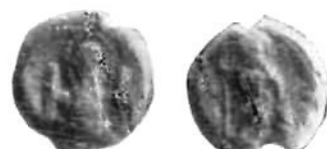
248, 2

248, 3

249

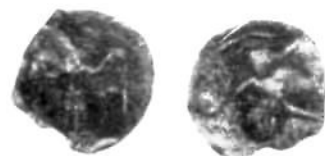
250

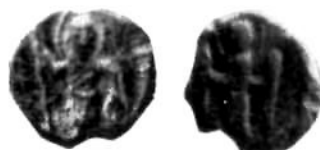
251

252

253

254

255

256

257

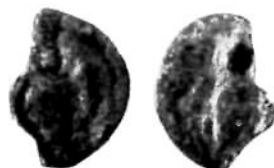
258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

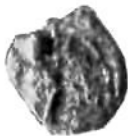
270

271

272

273

274

275

276, 1

276, 2

277

278

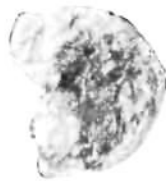
279

280

281

282

283

284

285

286

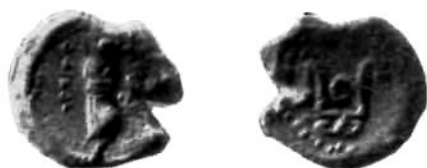
287

288

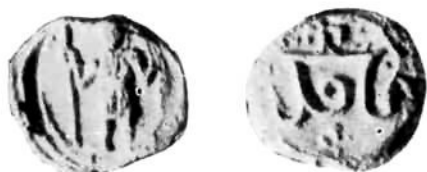
289

290

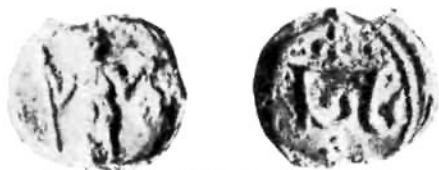
291, 1

291, 2

291, 3

291, 4

291, 5

292, 1

292, 2

292, 3

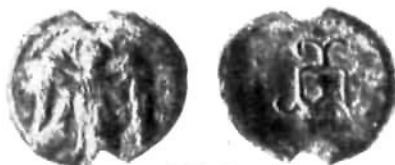
292, 4

292, 5

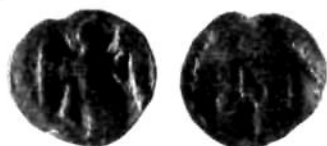
292, 6

292, 7

292, 8

292, 9

292, 10

293

294

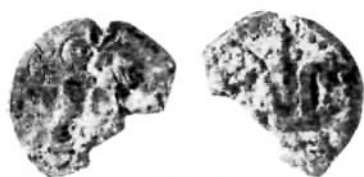
295, 1

295, 2

295, 3

295, 4

295, 5

296

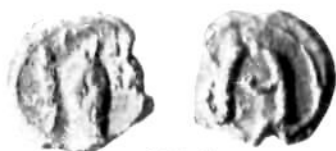
297, 1

297, 2

297, 3

297, 4

298, 1

298, 2

299

300

301

302

303

304, 1

304, 2

305, 1

305, 2

305, 3

305, 4

306, 1

306, 2

306, 3

307

308

309

310, 1

310, 2

311

312

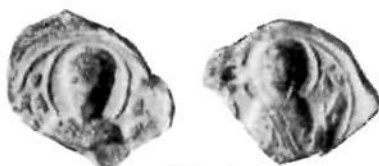
313, 1

313, 2

313, 3

314, 1

314, 2

315, 1

315, 2

316, 1

316, 2

317, 1

317, 2

317, 3

318

319

320

321

322

323

324, 1

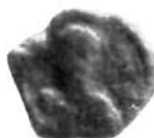
324, 2

325

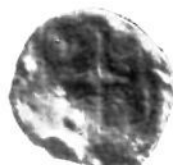
327

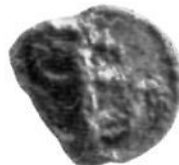
328

329

330

331

332

333, 1

333, 2

ТАБЛИЦА 73

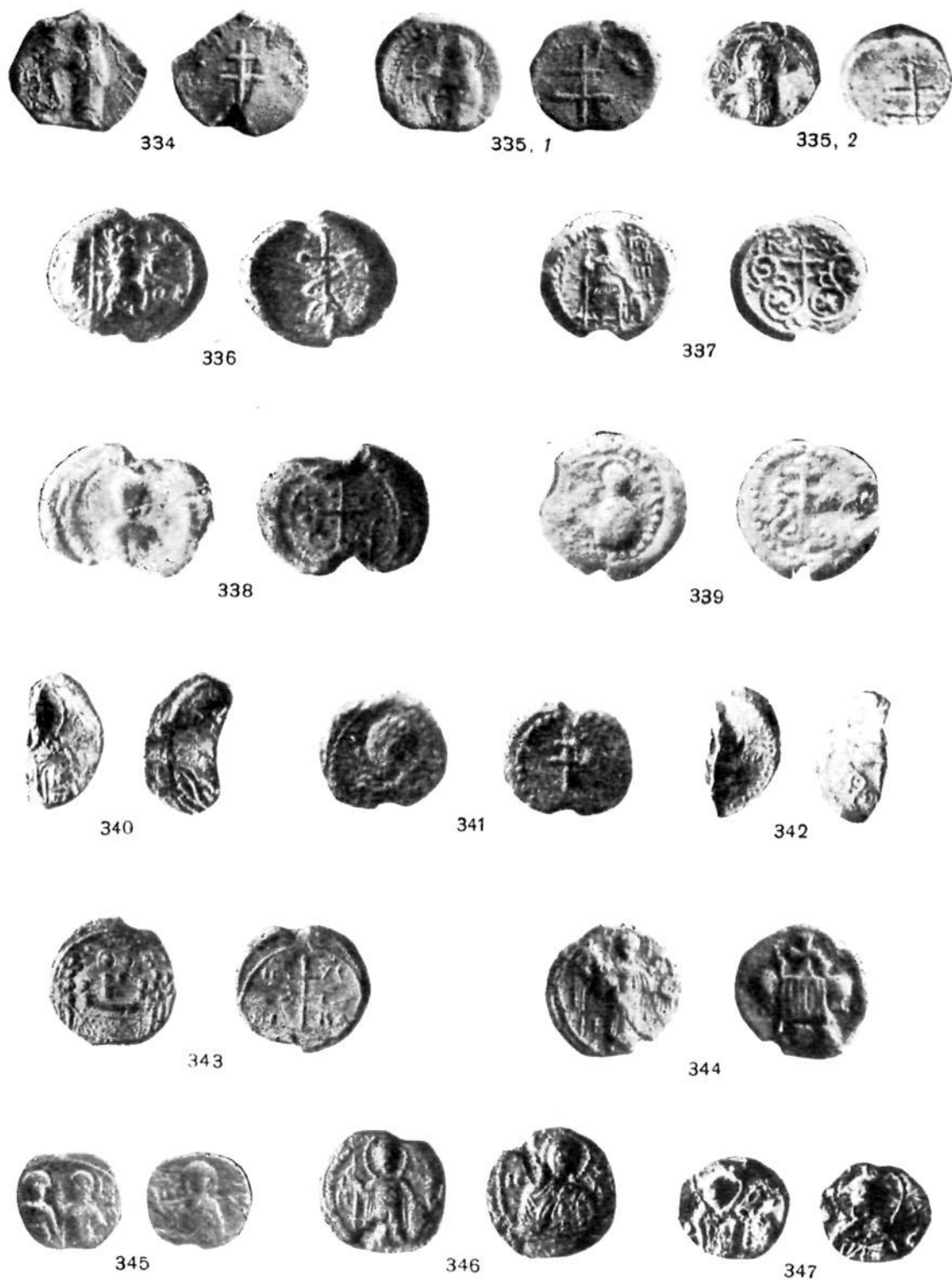

ТАБЛИЦА 74

348

349

350

351

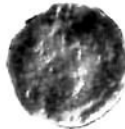
352

353

354

355

356

357

358

359

360

361

362

363

364

365

366

367

ТАБЛИЦА 75

56a

103a

121a

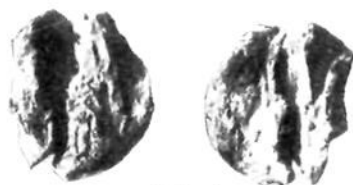
129, 3

136, 6

140, 3

148, 3

151, 4

160, 33

160, 34

160, 35

ТАБЛИЦА 76

176, 5

179, 4

189, 4

193, 8

197, 3

198, 8

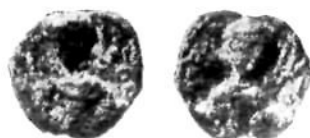
199, 8

204, 11

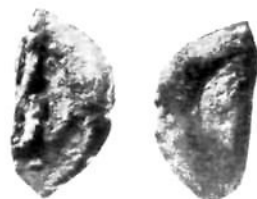
237, 3

243a

264, 2

304, 3

305, 5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение		5
Часть I. ИССЛЕДОВАНИЕ		
<i>Глава 1</i>		
Княжеские печати X — начала XII в.	Хронология бытования русских княжеских печатей с греческими строчными надписями	14
	Княжеские печати архаической традиции	34
	О двух печатях, неправильно отнесенных к княжеской сфрагистике	42
<i>Глава 2</i>		
Именные печати церковных иерархов	Буллы киевских митрополитов	44
	Буллы епископов	53
<i>Глава 3</i>		
Возникновение новых сфрагистических типов на рубеже XI и XII вв.	Печати Ратибора	60
	Печати протопроедра Евстафия	64
	Печати с русской благопожелательной формулой	67
	Печати с надписью «Дьяво слово»	75
<i>Глава 4</i>		
Печати с патрональным изображением двух святых	Общие замечания	87
	Печати с изображением святых Бориса и Глеба	92
	Печати с изображением св. Георгия	98
	Печати с изображением см. Пантелеймона	103
	Печати с изображением св. Николая	104
	Печати с изображением св. Кирилла	105
	Печати с изображением см. Дмитрия	106
	Печати с изображением Благовещения	108
	Некоторые итоги и атрибуция наиболее значительных групп печатей	110
	Печати с изображением архангела Михаила	115
	Печати с изображением св. Иакова и печать с изображением св. Агафоника	118
	Печати с изображением св. Феодора	120
	Печати с изображением архангела Гавриила	122
	Итоги атрибуции новгородских княжеских булл	123
	Прочие печати с изображением двух святых	127
<i>Глава 5</i>		
Печати XII — начала XIII в. с [изображением княжеских знаков	Общая характеристика материала	132
	Историографическая судьба печатей с княжескими знаками	137
	Проблема принципиальной атрибуции печатей с изображением княжеского знака	141
<i>Глава 6</i>		
Группы печатей сомнительной принадлежности	Анонимные печати с изображением Богоматери	147
	Печати с изображением Христа или его символов	150
	Печати индивидуальных типов и сомнительные	153
Заключение		155
Список сокращений		160

Часть 2. СВОД

Княжеские печати X — начала XII в.	Печати архаической традиции	166
	Княжеские печати с греческими строчными надписями	168
Именные печати церковных иерархов	Буллы киевских митрополитов	174
	Буллы епископов	176
Печати Ратибора		180
Печати протопроедра Евстафия		182
Печати с надписью «Дѣньслово»		183
Печати с русской благопожелательной надписью	Княжеские печати	187
	Печати новгородских посадников 1117—1136 гг.	191
Печати с изображением святых на обеих сторонах	Печати князей, княживших в Новгороде	193
	Печати лиц, не княживших в Новгороде	208
	Печати не определенных князей	211
Печати с изображением княжеской тамги	С изображением двузубца или трезубца прямоугольных очертаний	217
	С изображением двузубца или трезубца колоколовидных очертаний	219
	С изображением знака в виде багра	220
	С изображением знаков индивидуальных форм	221
Анонимные печати с изображением Богоматери		222
Печати с изображением Христа или его символов		224
Печати индивидуальных типов с русской строчной надписью		227
Печати неопределенного типа		228
Печати, русская принадлежность которых гипотетична		229
Печати, зарегистрированные в 1938—1969 гг.		230
Свод печатей, зарегистрированных в 1968—1969 гг.		234

УКАЗАТЕЛИ. ИЛЛЮСТРАЦИИ

Указатель топографии хранения печатей	238
Указатель атрибуций печатей	241
Указатель имен	242
Иллюстрации (таблицы 1—76)	249

Валентин Лаврентьевич

Янин

АКТОВЫЕ ПЕЧАТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ X—XV вв.

Том I

Печати X — начала XIII в.

*Утверждено к печати
Отделением истории
Академии наук СССР*

Редактор

Т. Г. Иванова

Художник

Т. Л. Сенокосова

Технический редактор

В. В. Тарасова

Сдано в набор 18/III 1970 г. Подписано к печати 28/VI 1970 г.
Формат 84x108^{1/16}. Уд. печ. л. 34,44. Уч.-изд. л. 33,5.
Тираж 2000 экз. Т-11208. Бумага № 1. Тип. зак. 525
Цена 2 р. 29 к.

Издательство «Наука»

Москва, Н-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Щубинский пер., 10